

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

65

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2018 Issue 65

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2018 Выпуск 65

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 65

М.: ИВИ, 2018. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 65

Moscow: IWN, 2018. — 432 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2018
- © Институт всеобщей истории, 2018
- © Журнал «Диалог со временем», 2018

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА*

Актуализация идеи историчности в интеллектуальной культуре второй половины XX века стала одним из проявлений *исторического поворота* в научном познании. Опираясь на работы философов, антропологов, историков, филологов, автор стремится понять, в чем заключается содержание такого поворота и как воспринимается историчность на пороге третьего тысячелетия. Проблематика историчности обсуждается в русле антитеологической мысли, которая постепенно реабилитировала разрывы в истории, виртуальность прошлого, фундаментальность реляционного взаимодействия прошлого и настоящего. Выявляются различия между историчностью в классическом познании и в интеллектуальной культуре рубежа XX–XXI вв.; обсуждаются особенности концептуализации историчности на пересечении филологической и исторической перспектив; показано трансдисциплинарное происхождение синтагмы *режим историчности*, ее связь с темпоральным поворотом в познании и когнитивными процессами в научной деятельности.

Ключевые слова: *историчность, темпоральность, история, исторический поворот в познании, режим историчности, трансдисциплинарность*

Историчность нередко понимается как синоним *исторического*. Более того, с историчностью связывают «невидимый порядок и силу» истории (Ж. Рансьер). Однако концепт *историчность* остается во многом не проясненным. Несмотря на обилие специальной литературы «понятие историчности, отчасти ставшее общим знаменателем разнородных по происхождению и даже взаимоисключающих философских тенденций, взятое само по себе демонстрирует очевидную бедность своего содержания, его размытость и неопределенность в той мере, в какой оно всего лишь фиксирует всеобщность становления применительно ко всему существующему»¹. Но в научном познании историчность принадлежит к области очевидного и наряду с историзмом/историцизмом остается одним из методологических принципов. Ритуальные ссылки на эти окостеневшие познавательные принципы способствуют консервации накопившихся в научных традициях стереотипов и упрощений. Ситуацию осложняет инерционность исторического познания: базовые установки профессиональных историков меняются медленно. По словам

*Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ Перов 2000. С.43.

французского медиевиста П. Бушерона, «историки мечтают вместе с Ж. Мишле, но работают как Ш. Сеньобос»².

В последние десятилетия в философии и социально-гуманитарных науках предпринимаются попытки прояснить содержание этих принципов и наметить пути их историзации. Проблематика историчности, историзации, контекстуализации стала активно обсуждаться в русле формирующейся в интеллектуальной культуре антитеологической традиции, которая постепенно реабилитировала разрывы в истории, виртуальность прошлого, неизбежность реляционного взаимодействия прошлого и настоящего. В трансдисциплинарном режиме переосмысливается природа исторической динамики и когнитивный статус прошлого. Точками отчета выступают разные аспекты реальности так или иначе связанные с историей: время, событие, истина, память, судьба, причина и следствие, анахронизм, справедливость, контингентность и пр. Разумеется, в рамках небольшой статьи нет возможности писать об этом подробно. Цель данного текста – показать важность исследования проблематики историчности не только для историков, но и для науки в целом.

Присутствие исторического измерения не только в философии, но и во всех науках, по-видимому, связано именно с явлением историчности. История, полагает Ж. Рансьер, «это не просто дисциплина, это фигура мысли, которая в определенный момент устанавливает смысл историчности, доминирующий в качестве общей основы для схватывания объектов. Доминирование истории – это устойчивое преобладание определенного чувства истории»³. Получается, что историчность можно рассматривать как символ научного дискурса, индекс истины и легитимности научной деятельности. «История, становящаяся историей лишь в ходе и по мере ее познания, разумеется, сильнее зависит от человека, чем история, которая, совершаясь, достигает человека как уготованная ему судьба. И лишь новое теоретическое понятие открывает перед человеком поле деятельности, где он встает перед необходимостью предвидеть историю, планировать ее, «производить» (*hervorbringen*, по Шеллингу) и, наконец, «делать» (*machen*)», – писал Р. Козеллек⁴.

Историческое как интегральная часть мышления было изобретено сравнительно недавно, в эпоху Ренессанса. Это изобретение стало результатом длительного интеллектуального развития. Но принято считать, что только после интенсивных перемен рубежа XVIII–XIX вв. *историческое* стало восприниматься как неотъемлемая составляющая всякой мысли. Козеллек, вводя в науку макроаналитические категории

² Boucheron et Casanova 2013. Впрочем, это наблюдение исключает из рассмотрения риторику и поэтику познания, без которых современное понимание историчности в трансдисциплинарном режиме вряд ли возможно.

³ Rancière 1995, p. 52.

⁴ Козеллек 2004 N5.

«пространство опыта» и «горизонт ожидания», стремился показать условия возможности *исторического* как явления. Его идеи способствовали антропологизации истории, поскольку «нет такой истории, которая бы не конституировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей»⁵. Важным вкладом в понимание исторического стала синтагма *режим историчности*⁶, а также реабилитация табуированного в историописании анахронизма⁷. В начале XXI века историография, опираясь на исследовательский опыт антропологически ориентированной истории и когнитивные повороты рубежа веков, возвращается к этим категориям для историзации концепта время.

Философы убедительно показали, что темпоральное измерение настолько укоренено в сознании, что общая тональность жизненных процессов полностью зависит от темпорального опыта⁸. Однако вопрос об историческом времени и его содержании приобрел новое дыхание лишь в конце 1980-х гг., когда гуманитарии практически одновременно с физиками «переоткрыли» время. Историки и этнологи довольно долго интересовались вопросом о времени в терминах представления или репрезентации. И лишь в последние десятилетия время стало восприниматься и интерпретироваться как эффект практик, порожденный конкретной ситуацией: городская жизнь, тюрьма, университет, написание исторического текста или осмысление памяти и забвения. Стало ясно, что темпоральный эффект не может существовать вне практик, он в них формируется. Его качественные особенности представляют собой способы «проживания времени», соответствующие разнообразным контекстам⁹.

В современных дискуссиях о характере и формах исторической динамики время предстает не как нейтральный медиум в работе историка с исторической информацией, но как деятельный актер, связанный с этикой и политикой. Высказываются суждения о том, что мы находимся в преддверии «принципиально нового понимания связей исторического и политического»¹⁰. Исследуя взаимоотношения истории и памяти, роль разных форм коллективной памяти, историки проявляют озабоченность по поводу современного статуса прошлого и отношений между прошлым и будущим. «Как стирается граница между реальным миром и искусством в современном художественном творчестве, так же стирается граница между прошлым и настоящим благодаря последним революциям, произошедшим в историописании. В отличие от недавнего време-

⁵ Козеллек 2016. № 2. С.149-173.

⁶ Hartog 2003; Fritzsche 2004.

⁷ Rancière 1996, p.53-68; Loraux 1993, p.23-39; Олейников 2014.

⁸ См., напр.: Philosophie et spiritualité. 2002. Serge Carfantan

⁹ Bensa 1997.

¹⁰ Osborn 1995; О политической нагруженности демаркационной линии между настоящим и прошлым см., напр.: Олейников 2014. № 126.

ни, сегодняшний исторический объект характеризуется неуловимостью и прозрачностью, делающими проблематичным разграничение прошлого и настоящего»¹¹. Осмысление проблематики исторического времени сегодня представляется как поиск необходимого для историографической практики третьего пути между объективизмом и релятивизмом. К. Лоренц называет это «внутренним реализмом». Не удивительно, что выявление содержания и особенностей исторического времени оказалось сопряженным с переопределением явления историчности¹².

Первоначальное понимание историчности, исходя из временности, содержится в трудах философов. Самые известные среди них: В. Дильтей, показавший, что человеческая жизнь является воплощением универсальной историчности, Э. Гуссерль, обосновавший историчность времени-сознания, и М. Хайдеггер, представивший историчность как «временящую временность *Dasein*». Много об историчности размышлял П. Рикер: в его интерпретации сама способность помнить предстает как историчность. Следует назвать также Ж. Деррида и Ж. Делеза, разработавших проблематику поиска смыслов как в текстах, так и в истории. Однако, несмотря на обилие работ, посвящённых анализу феноменологической трактовки времени, фундаментальная для постметафизической философии проблема соотношения времени и истории, временности и историчности остается слабо изученной. Тем не менее, уже в философской мысли историчность связывается не только с темой времени.

Например, В. Шлыков, изучая историчность на пересечении *традиции, судьбы, события и памяти*, выходит на проблему связи историчности, истории, сознания и памяти. Пытаясь понять «каким образом в недрах сознания рождается историческое измерение; каков генезис мифологического сознания, ещё не распавшегося на общефилософские оппозиции "природа/история", "я/другой", "бытие/становление"; насколько оправдано притязание историчности на роль основы в самопонимании "негавтологического сознания"; как память прошлого в качестве памяти прошлых других постоянно поддерживает и реактуализирует изначальную историчность, требующую не статической логики сущностей, но динамической логики событий»¹³, Вслед за Гуссерлем, Шлыков приходит к выводу: историчность – даже не концепт, это идея, представляющая собой воплощение смысла и априорности, идея как «горизонт любого созерцания», «невидимая среда видения», «полюс чистой интенции, очищенной от всякого определённого объекта», как «отношение к объекту». Историчность связана с историей, но историей, несводимой к прошлому. Философ убежден, что «познание прошлого вне-

¹¹ Анкерсмит 2008. Р. 149–167.

¹² Bevernage, Lorenz. 2013. N 1 (63). Р. 31-50.

¹³ Шлыков 2005. С. 16.

исторично: оно отрицает историю, отрицая её неизвестное будущее. Историчной вещь делает не установленное прошлое, а возможное будущее, причём только память способна быть полностью открытой грядущему, не нуждаясь в нём и не проектируя на него свою сегодняшнюю уверенность в прошлом»¹⁴. Преодолевая «бедность» традиционно понимаемой историчности, автор обращается к концептам *памяти* и *другого*, исследует мифологическое сознание как «тотально историческое».

Подобные наблюдения встречаются и в работах историков. Так, известные польские исследователи, осмысливая природу исторического времени приходят к заключению о том, что «исток исторического времени и исторического мышления, является магическое мышление. Из происходящих в нем изменений берутся известные нам примеры исторических форм мышления и речи, в том числе в форме историографических шедевров, являющихся одновременно и шедеврами культуры. Они содержат в себе явные и скрытые следы своего происхождения»¹⁵. Более того, сама «идея генезиса имеет магическое происхождение. Ее прародителем является отношение частичной и неполной идентичности, основанной на метаморфозе. Из хаоса изменений, вызываемых метаморфозой, выделяются те, которые характеризуют активную, более раннюю сторону и пассивную, более позднюю. Генетическая связь наследует эти характеристики и становится ресурсом стабильных и относительно стабильных отношений магического мира, а затем постмагической связью между состояниями вещей, в том числе исторических. Вместе с тем, мы замечаем в рамках *la mentalité primitive* кооперацию и корреляцию между идеей временной последовательности, идеей частичной метаморфозы и рождающейся идеей генезиса. Она же, вместе с идеей временной последовательности, находится и в основании исторического дискурса»¹⁶.

Для историка историчность – это принцип, позволяющий реализовать профессиональные амбиции по приручению прошедшего. Однако принцип этот изменчив и во многом зависит от характера исторического познания, в русле которого историк работает. В классическом познании историчность понималась в детерминистском ключе: обнаружить и продемонстрировать историчность изучаемого фрагмента исторической реальности означало вписать его в исторический контекст эпохи. В таком случае историчность предстает как поток сменяющих друг друга событий и процессов. При этом преемственность и линейная последовательность абсолютизируются, а разрывы нивелируются. Одновременно в порядке времени очень важна темпоральная дистанция между прошлым и настоящим, являющаяся важнейшим условием объективности

¹⁴ Там же.

¹⁵ Поласик-Вжосек, Вжосек 2017. С. 23.

¹⁶ Там же. С. 17.

полученных результатов. Наличие такой установки предопределило понимание предмета исторической науки как прошлого и породило недооценку истории современности. Прошлое не просто предшествует настоящему, но является его условием¹⁷. При этом предполагается, что историк работает по «следам», изучая материальные свидетельства того, что было (текстов, изображений, памятников и пр.). Эти свидетельства довольно долго воспринимались как зеркало исторической реальности, реконструкция которой и составляет основную задачу историка. Однако во второй половине XX века «зеркало разбилось», а единая История постепенно уступила место множеству историй, отличающихся небывалым содержательным разнообразием. Большая история, по выражению Ф. Досса, «превратилась в осколки», раскрошилась, радикально изменив пейзаж научного познания, что сделало актуальной мысль о «конце истории»¹⁸. Хотя вскоре выяснилось, что речь идет не о конце истории, но о кризисе определенной концепции истории.

Помимо философии и истории в прошлом веке немало сделали для переосмысления историчности как «особого кадра схватывания объектов» (Ж. Рансьер) другие научные дисциплины, в т.ч. социальные и гуманитарные. Например, двадцать лет назад филолог Н. Полтавцева в коротком, но содержательном тексте показала, что История с большой буквы как «удобный резервуар, сосуд, склад, сундук, где как залежалое и траченное молью, хранилось время с бирочкой “прошлое”», не исторична¹⁹. При этом она ссылается на авторитетные имена весьма пронизательных аналитиков социокультурных трансформаций: А. Бергсон, Г. Гуссерль, М. Пруст, А. Белый, В. Беньямин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Пригожин, Ю. Лотман, структуралисты и постмодернисты.

Благодаря лингвистическому повороту стало ясно, что литература не должна отделяться от других форм дискурса. Уже потому, что все исследователи используют язык в процессе репрезентации полученных результатов. Работы по поэтике исторического познания показали, что вымышленный рассказ переплетается с историческим повествованием в поисках «истины», которая сохраняет в себе мифические элементы.

В историографии позитивистского типа, историчность означала прежде всего вписывание в историю ценностей. Как полагает А. Мешонник, историки-позитивисты, по сути, сводили историю к иллюзии, что знание смысла, означает прежде всего знание условий его производства. Он объясняет это тем, что сциентистские установки сделали таких историков глухими к теории языка. Между тем, еще Деррида, размыш-

¹⁷ Бевернаж 17.08.2012.

¹⁸ Идея конца истории, как утверждает Деррида, висела в воздухе уже в 1950-е гг., задолго до Ф. Фукуямы. Именно она во многом определяла интеллектуальный климат, в котором оформлялась идея деконструкции. – Деррида. 2006

¹⁹ Полтавцева 1997. С. 22.

ляя об основах грамматиологии как «науки о письме», заметил, что именно письмо «открывает нам саму область истории как исторического становления», подчеркивая, что «сама историчность связана с возможностью письма»²⁰. Более того, историчность соединяет в одном времени условия и способность людей трансформировать их, т.е. в историчности соединяется умение видеть, чувствовать, понимать, читать, писать, бесконечно общаться с другими. Это значит, что современное понимание проблематики хронотопа требует более вдумчивого и аргументированного сопряжения антропологических и темпоральных / пространственных явлений в истории. Не случайно самое продуктивное на сегодня использование понятия режимов историчности в эпистемологическом ключе продемонстрировано в контексте перекрестной истории²¹.

Герменевтическое схватывание историчности текста сопряжено с рядом эпистемологических трудностей. Помимо содержательного вопроса «О чем данный текст?», который всегда интересует ученых в связи с историчностью, очень важно понять, почему данный текст сохраняет свое значение в современности, что позволило его субъектности превратиться в интерсубъективность, какова роль ритма в этой трансформации. Эти вопросы сопрягаются с историчностью, введенной в науку лингвистами и филологами. Прежде всего назовем Э. Бенвениста, который не только обогатил гуманитарную мысль своими пронциательными наблюдениями за временем текста, но и актуализировал доплатоновское понимание ритма²². Его тексты стали важной составляющей современного ритманализа не только в искусстве и поэзии, но и в науке²³.

В отечественной филологической науке проблему историчности поставил А.В. Михайлов, филолог-германист, культуролог и литературовед. В его трудах была разработана многоаспектная концепция исторической поэтики, основанная на принципе историчности, понимаемой как «внутренняя мера науки». Автор стремился показать, что так понимаемая историчность может стать теоретической основой научного исследования, предполагающей соотнесение современной научной мысли с «внутренней», «смыслопорождающей» логикой литературной и культурной истории²⁴. Идеи Михайлова пресекаются с оригинальной программой поэтики познания, разработанной в начале 1990-х Рансьером²⁵. В этой программе под поэтикой познания понимается некая «деконструктивистская практика», направленная на то, чтобы соединить полученное дисциплинарное знание (история, политология, социология и пр.)

²⁰ Деррида 2000.

²¹ Werner, Zimmermann 2003/1, p. 7-36.

²² Benveniste 1966; Michon 2009, p. 241-255.

²³ Michon P. 2005; Michon Rhuthmos, 6 décembre 2011.

²⁴ См. Данилина 2008.

²⁵ Rancière 1993.

с поэтическими операциями (описание, наррация, метафоризация, символизация и т.п.). Это позволяет лучше прояснить объекты такого познания и придает смысл и убедительность полученным результатам.

Важнейший вклад в копилку идей о содержании историчности внес выдающийся французский мыслитель, поэт и переводчик Анри Мешонник. С. Мартен полагает, что именно Мешонник, обосновав концепт радикальной историчности дискурса, предложил всем дисциплинам переосмыслить понятие историчности. В частности, ученый считал, что в истории «историчность – это не историцизм, который либо забывает наблюдателя (историка), либо все отдает ему, это скорее время отношения между субъектом истории и субъектом историописания»²⁶. Он убежден, что «историчность – это не история. Это трансформация. Мерило неизвестного, которое остается неизвестным». По Мешоннику, отношения между языковой деятельностью и жизнью достигают максимума не в истории, а в поэзии. При этом ритм оказывается центральным элементом в проявлении субъективности и историчности. Именно ритм, понимаемый как манера течения, приходит на смену знаку и становится центральным элементом в динамике жизни²⁷.

Размышление о настоящем как ключевой категории темпорального опыта стало центральным при разработке понятия *режим историчности*. В нашей традиции эту синтагму связывают с именем Ф. Артога, который действительно много сделал для обновления наших представлений о мире прошлого и настоящего²⁸. Артог подчеркивает, что понятие *режима историчности* не имеет ничего общего с историцизмом, ибо классический историцизм телеологичен, вписывается в линейную динамику, предполагает выделение периодов и является эпистемологической доктриной, связанной с философией истории эпохи модерна²⁹.

П. Гарсия, проанализировав труды французских историков первой половины XIX в., показал, что историки не просто фиксируют новый режим историчности, но сами активно участвуют в формировании нового понимания соотношения времен³⁰. Вместе с тем во Франции убедительно обоснована трансдисциплинарная природа этой синтагмы, которая оформлялась несколько десятилетий как в истории, так и в антропологии, политологии, социологии, философии³¹. В конце 1980-х гг. *исто-*

²⁶ Martin / <http://www.fabula.org/cr/278.php>

²⁷ Мешонник 2014; Meschonnic 1982.

²⁸ См., напр.: Hartog 2003. См. также реферат В. Мильчиной 2004.

²⁹ Hartog 2010. P. 766. Историцизм XIX века и его модификации в первой половине XX в. – это разные эпистемологические доктрины. Современные философы утверждают, что есть основания говорить, по крайней мере, о шести разновидностях историцизма. Ссылки на некий «универсальный» историцизм несостоятельны.

³⁰ Garcia 2002.

³¹ Delacroix, Dosse et Garcia (dir.) 2009.

ричность стала для «Анналов» теоретическим ресурсом, способным переопределить идентичность историка. В редакционной статье, предлагавшей обновленную программу журнала в первом номере 1994 года (с заголовком «История, социальные науки»), одной из «амбиций» истории стало «понимание режимов историчности в их многообразии». «Анналь» в то время были озабочены не только защитой идентичности истории, но и обновлением познавательного статуса историописания в русле нового союза с другими дисциплинами и философией³².

Современная история/историография обращается к прошлому не в поисках тождественности, первоначальности и непрерывности, но, напротив, – инаковости, различий, множественности. Когда историки изучают современность (прошлого или настоящего) они стремятся выявить не только последовательности, но разрывы и непрерывности, проходящие через мир сегодняшний. В таком поиске историчность, понимаемая как трансформация, становится центральным понятием. Постепенно простая фиксация фактов всеобщей изменчивости во времени уступила место пониманию необратимости исторического процесса, уникальности и неповторимости каждого его состояния, укорененности этих состояний в содержательном историческом времени, понимание которого качественно отлично от прежней пространственной трактовки времени как пустой длительности, равно открытой прошлому и будущему. Историчность предстала как различие (Ж. Деррида). При этом речь идет не о тех различиях, которые фиксируются нашим сравнивающим мышлением, а «о саморазличающихся формах реальности, проявляющихся в динамике и процессуальной связи между ними»³³.

Таким образом исторический поворот в познании заключается не только в том, что все дисциплины более активно стали всматриваться в мультитемпоральное содержание исследуемых явлений – они обратили самое пристальное внимание на их историческое измерение, по сути переопределив явление историчности³⁴.

В XXI в. в условиях нового режима историчности и трансдисциплинарности все более необходимым становится переосмысление предметности истории, поскольку термин «прошлое» оказался важнее истории и вытесняет ее в качестве сложного знания из сознания людей. «Повсюду только прошлое, – пишет П. Нора, – истории больше нет нигде. История, т.е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спор-

³²Delacroix 2009; Bantigny 2013/1 (N° 117), p. 13-25.

³³ Деррида 2006.

³⁴ В.А. Лекторский полагает, что уже с 1960-х гг. в философии науки делается «упор на историческом подходе к анализу научного знания». – Лекторский 1973. С. 112. В.А. Михайлов также констатировал усиление внимания к проблемам историчности в отечественной науке примерно в то же время.

ного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании»³⁵. Впрочем, еще Марк Блок, считая историю не только наукой о людях о времени, но и наукой об изменениях, писал: «Прошлое это данность, которую никто уже не изменит. Зато познание истории – процесс, который без конца изменяется и совершенствуется»³⁶.

При этом аргументы историков против понимания исторической предметности как «прошлого» являются общим местом в интеллектуальной культуре последнего столетия. Один из самых распространенных аргументов заключается в том, что историческое знание рождается на стыке времен, как минимум – это прошлое и настоящее. Но не менее существенна для становления и понимания *исторического* связь прошлого и будущего. Причем это важно не только для эпохи модерности, но и для современного режима историчности. Образно и точно характеризует новую ситуацию Ф. Артог: современная история/историография стремительно меняется в сопровождении «квартета в составе памяти, коммеморации, наследия и идентичности, а также тех, кто им аккомпанирует. В роли руководителя оркестра выступает наше настоящее»³⁷.

Для понимания истории как науки основополагающей является мысль о ее документальной основе. Сегодня, укоренное в исследовательской и образовательной практике убеждение в том, что история пишется по следам, проблематизируется. Приведу только один пример. Французский медиевист Ж. Морсель на основе большого лексического и историографического материала показал, что метафора следа является отнюдь не истиной, но соглашением, основанным на общей вере³⁸. Основательно изучив, как понятие следа было внедрено в язык историка, Морсель обнаруживает весьма активное использование синтагмы «исторический след» или «след прошлого» еще до Французской революции и анализирует эпистемологические последствия ее широкого распространения. Одним из таких последствий является восприятие истории как науки о прошлом. Морсель полагает, что «прошлое» как объект историка, ценное само по себе или как способ понимания современности, представляется весьма проблематичным. В таком качестве этот объект блокирует трансформации, скрывает конструктивистский характер исторического дискурса, составляет основу телеологического подхода³⁹,

³⁵ Nora 2013/5. № 177. P.3.

³⁶ Блок. 1973.

³⁷ Hartog 2010/1 (n° 158). P. 18-31.

³⁸ Morsel 2016/4 (n° 680), p. 813-868.

³⁹ Выдающийся французский историк А. Корбен недавно убедительно показал на конкретных исторических примерах, насколько телеологическое прочтение истории связано с риском неосознанного искажения прошедшего знанием того, что случилось после. Corbin 2015/2 (N° 40), p. 337-342.

порождает музеефикацию и архивацию исторических данных, а также нередко используется для легитимации настоящего. В последнем случае распространенное выражение «политическое использование прошлого» предстает как прописная истина, трюизм.

Понятие следа соотносится с идеей уликовой парадигмы, которая, по мнению К. Гинзбурга, является основной для историка. Чтобы уйти от дихотомии присутствующего (настоящее) и отсутствующего (прошлое), которая предполагает упрощенное понимание анахронизма, и переопределить, наконец, предметность исторической науки, автор предлагает, используя наблюдения известного французского искусствоведа Ж. Диди-Юбермана, отказаться от устойчивого понимания документа как следа того, чего уже нет, и анализировать симптомы, которые вполне убедительно можно выявить в источниках, не прибегая к умолчаниям и метафорическим допущениям, которые сейчас являются нормой в историописании. Понятие симптома лишено у Диди-Юбермана каких-либо медицинских коннотаций. Это не признак существующей вещи, но скорее пробел смысла в неуловимой или искаженной истине. Иными словами, симптом означает невидимую, но существенную часть видимой вещи; при этом важно не столько то, что он сообщает, но прежде всего указание на то, чего мы не знаем. Поэтому симптом можно рассматривать как «инструмент эвристической гигиены». Заимствуя понятие симптома у Диди-Юбермана, Морсель пишет о возможности своего рода *исторической симптомалогии*, точнее *симптоматической истории*, в которой симптом сменяет след. Речь идет не о навязывании истории семиотической типологии, но о более активном использовании герменевтического потенциала для учета темпоральных различий. Иными словами, метафора симптома рассматривается как альтернатива отпечатка (*l'empreinte*). Эта идея выливается в вопрос: Как будет выглядеть история, если исходить не из того, что документ отсылает к чему-то отсутствующему, но скорее к присутствующему, но невидимому? След работает как присутствующий в настоящем знак того, что отсутствует и как способ преобразования прошлого в настоящем. Ученый полагает, что метафорическая натурализация потока времени и упрощенность процесса изменения, обеспечивается широким использованием термина «источники». Это привело к утверждению мысли о том, что историк работает с обществами, которых больше нет. Но на самом деле историк изучает общества, которые *трансформировались*. В таком случае «прошлое» можно интерпретировать как «совокупность проблематичных трансформаций» (*l'ensemble des transformations en question*), хотя его как правило представляют, как «некое прошлое состояние» (*état passé*), статичное и завершённое⁴⁰.

⁴⁰ Morsel 2016. P. 847-848.

Восприятие документа-следа как отпечатка неотделимо от отчаянных надежд возродить прошлое, и именно эта связь между историей и прошлым объясняет дискуссии об отношениях между историей и памятью, осложняемые еще больше, когда речь идет об индивидуальном воспоминании и документальном высказывании как свидетельстве. Но если вдуматься, то у документа-следа нет возможности воскрешать вещи, которые некогда были конкретными, видимыми и включенными в событийную жизнь, но сегодня об их существовании говорят лишь воспоминания в виде слов и изображений. Материальность документа сама по себе позволяет прояснить то, что хотел сказать автор, только магическим или символическим образом. Документ-след, его форма и содержание возвращает не к автору, а лишь в породившую этот документ социальную систему, которая сегодня превратилась в камень. Историчность (а не «знание по следам») поддерживает историю в ее отношении к прошлому, которое само по себе ничего не дает для объяснения социального изменения и даже мешает или по крайней мере делает очень сложным его включение в социальные науки⁴¹.

Схожие идеи высказываются и на другом эпохальном полюсе исторического познания. В частности, историки *настоящего времени*, размышляя о современном статусе этой дисциплины, существующей во Франции с конца 1970-х, обосновывают мысль, что она больше не нуждается в особом положении, поскольку в течение полувека утвердилась как полноценная составляющая исторической науки⁴². Аргументируя возможность отказаться от выделения такой специальной области исторического знания, они одновременно призывают обеспечить формирование *«истории как социальной науки настоящего»*. Соприсутствие множества темпоральностей делает современность в разных ее проявлениях предельно гетерогенной, что очень затрудняет возможность ее адекватного постижения значительной частью живущих в этой современности людей. Ее переосмысление в трансдисциплинарном режиме ведет не только к новому пониманию общественной значимости истории, но и способствует пересмотру устоявшегося разделения наук на естественные и социальные/гуманитарные. Такая наука способна родиться в результате переосмысления предметности исторического познания, выбора иных научно-исследовательских объектов и включения настоящего времени в изучение множества темпоральностей. С укоренением так понимаемой *социальной истории настоящего времени* в пейзаже социальных наук современность станет исследовательским полем с очень высокой конкуренцией, поскольку с ней будут работать историки, этнологи, социологи, экономисты, политологи, географы,

⁴¹ Morsel p. 862-864.

⁴² Droit , Reichherzer. 2013/2 (N° 118), p. 121-145.

философы, лингвисты, специалисты по литературе и т.д. Отличие от привычного подхода будет заключаться во взгляде на настоящее, способах его изучения, схватывания и объяснения. Такая история, по мнению авторов, способна вернуть в социальное познание интерес к объяснению, который во многом был утрачен в последние десятилетия. Для историков это может послужить основанием для выявления историчности практик, институтов, групп акторов и пр. При этом главная забота авторов заключается в том, чтобы включить более естественно и активно историописание в социальные науки (антропология, социология, политология, лингвистика, право).

Очевидно, что и в первом, и во втором случае, речь идет об учете в исследовательской практике историков историчности, понимаемой как метаморфоза/трансформация, в которой исследователь может уловить форму явления или вещи, некогда существовавшего в прошлом, но изменившегося в современности. То, что изучаемое явление вызывает интерес и сегодня – главное свидетельство его историчности.

На мой взгляд эти аргументы представляют значительный интерес для переопределения не только научного статуса истории, но и роли науки и трансдисциплинарного научного познания в целом. Хотя их осмысление определенно потребует времени.

Понятие историчности ввел в исследовательское мышление Дильтей, который увидел в нем решающий критерий для «эпистемологического расширения прав и возможностей» наук о духе и не только обосновал специфику гуманитарных наук, но и показал огромное значение всех наук в изучении человеческой жизни. Экзистенциальные и эпистемологические вызовы третьего тысячелетия требуют радикального переосмысления трансдисциплинарности в свете новой рациональности, формирующейся вокруг идеи сложности и связности всех явлений⁴³.

В XXI в. на смену детерминистскому историзму, стержнем которого остается при всех нюансах самоценность прошлого, приходит мультитемпоральный подход, основанный на идее подвижности границ между основными модусами времени и их постоянном взаимодействии. Включенность прошлого в настоящее в разных формах меняет представление о предмете исторической науки, о соотношении истории и памяти, о материальных и аффективных формах этого взаимодействия. Новое ощущение времени проявляется не только в исследовательской практике историков, антропологов, социологов, лингвистов, философов и искусствоведов, но и в реальной жизни: в коммеморативных практиках, в музейных экспозициях и выставках, в политических движениях и

⁴³ Morin, Le Moigne. 2013; Ouvrir les sciences sociales. 1996.

властных проявлениях реальной политики. Все это изучается в трансдисциплинарном режиме, где ключевым является понятие историческо-го опыта, а также концепт *историчность*.

Историческое исследование – это в идеале опыт размышления над историчностью других. Это описание истории как уникальной трансформации, стержнем которой является «изобретение собственной историчности» (А. Мешонник). Речь может идти как об отдельном человеке, так и о коллективном субъекте, событии и текстах. Возможно, так понимаемая историчность сближает историю с искусством.

Исторический характер явления предполагает возможность его трансформации, выводящей на проблемы исторической динамики. Именно это самое интересное в истории, которая не сводится к условному прошлому, к тому, что было. Постигание историчности – антидот против расслабляющего восприятия реальности как надежной и устойчивой. Такой подход к истории позволяет придать подвижность настоящему, открывая в нем, как писал П. Рикер, «неисполненные возможности прошлого». Переосмысление природы исторической динамики стало своеобразным рычагом, позволившим нащупать путь к переоценке статуса исторического познания в подвижном мультимедийном универсуме. При этом не только философы, но и ученые все увереннее размышляют о необходимости пересмотреть существующее более столетия разделение наук на естественные и социальные/гуманитарные, поскольку современный анализ научных исследовательских практик подводит к выводу, что социальные науки, в т.ч. история, ничем не уступают по своей фундаментальности наукам естественным.

Один из авторитетных политических мыслителей прошлого века Клод Лефорж, писал в конце 1980-х о том, что подлинная трансформация (символическая или политическая) предполагает «появление новой идеи времени, нового разделения прошлого и будущего, истины и лжи, видимого и невидимого, реального и воображаемого»⁴⁴. Не пришло ли время именно для такой трансформации истории как науки?

В конце XVIII столетия воплощением небывалой метаморфозы стал опыт Французской революции. Способны ли социальные и гуманитарные науки XXI века своими трансдисциплинарными практиками обновить нашу историчность?

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. 264 с. [Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. M.: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya». 2009. 264 s.]
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности / Пер. с франц. // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 19-38. [Artog F. Poryadok vremeni. rezhimy istorichnosti / Per. s frants. // Neprikosnovenny zapas. 2008. № 3 (59). S. 19-38]

⁴⁴ Lefort 1988. P. 93.

- Бевернаж Б. Время, присутствие и историческая несправедливость // Гефтер. 17.08.2012 <http://gefter.ru/archive/5835> [Bevernazh B. Vremya, prisutstviye i istoricheskaya nespravedlivost // Gefter. 17.08.2012 <http://gefter.ru/archive/5835>]
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. Наука, 1973. 236 с. [Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. M. Nauka, 1973. 236 s.]
- Данилина Г. И. Принцип историчности: концепция исторической поэтики А.В. Михайлова. М., 2008. 48 с. [Danilina G. I. Printsip istorichnosti: kontseptsiya istoricheskoy poetiki A.V. Mikhaylova. M., 2008. 48 s.]
- Деррида, Ж. Призраки Маркса. М.: Logos-altera, 2006. 256 с. [Derrida. Zh. Prizraki Marksa. M.: Logos-altera. 2006. 256 s.]
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149-173 [Kozellek R. «Prostranstvo opyta» i «gorizont ozhidaniy» – dve istoricheskiye kategorii // Sotsiologiya vlasti. 2016. 28/2. S. 149-173]
- Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени» // Отечественные записки. 2004. № 5 [Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhatsya istoriyey? Iz knigi «Proshedsheye budushcheye. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni» // Otechestvennyye zapiski 2004. N 5]
- Мешонник А. Рифма и жизнь. М.: ОГИ, 2014. 400 с. [Meshonnik A. Rifma i zhizn. 2014. 400 s.]
- Митчелл Т. Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. 98. С 123-139 [Mitchell T. Stsena «sovremennosti» // Neprikosovennnyy zapas. 2014. 98. S 123-139]
- Олейников А. Откуда берётся прошлое? Апология анахронизма // Новое литературное обозрение. 2014, 2 (126) [Oleynikov A. Otkuda beretsya proshloye? Apologiya anakhronizma // Novoye literaturnoye obzoreniye. 2014. 2 (126)]
- Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб., 2000. 144 с. [Perov Yu.V. Istorichnost i istoricheskaya realnost. SPb., 2000, 144 s.]
- Перцева А.А. Историзм и субъективация. От Фуко к Рансьеру и обратно // История филологии 2017. Т. 22. № 1. С. 92–105 [Pertseva A.A. Istorizm i subyektivatsiya. Ot Fuko k Ransyeru i obratno // Istoriya filologii 2017. T. 22. № 1. S. 92–105]
- Поласик-Вжосек К., Вжосек В. От магической метаморфозы до метаморфозы генезиса. К проблеме понимания исторического времени // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 5-24 [Polasik-Vzhosek K., Vzhosek V. Ot magicheskoy metamorfozy do metamorfozy genезisa. K probleme ponimaniya istoricheskogo vremeni // Dialog so vremenem. 2017/60. S. 5-24]
- Шлыков В. Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания. Севастополь: СевНТУ, 2005. 256 с. [Shlykov V. Pamyat proshlykh drugikh kak transsendentalnaya eksplikatsiya istorichnosti: k ontologii istoricheskogo soznaniya. Sevastopol: SevNTU. 2005. 256 s.]
- Bantigny L. Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/1 (N° 117), p. 13-25. DOI 10.3917/vin.117.0013
- Bensa A. Images et usages du temps // Terrain [En ligne], 29 | septembre 1997, mis en ligne le 21 mai 2007, consulté le 19 novembre 2017. URL: <http://terrain.revues.org/3190>
- Bevernage B. Time, presence, and historical injustice // History and Theory 47. 2008.2. P. 149–167.
- Bevernage B., Lorenz Ch., Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future // History of Historiography. International Review. 2013. N 1 (63). P. 31-50.
- Boucheron P. et Casanova V. L'histoire pour espacer le temps. Entr. avec Patrick Boucheron // Écrire l'histoire [En ligne], 11 | 2013. URL: <http://elh.revues.org/300>
- Corbin A. Le risque pour l'historien désireux de comprendre le passé, de savoir ce qui est advenu après la période qu'il étudie // Sociétés & Représentations 2015/2. 40, p. 337-342.
- Delacroix Ch. Généalogie d'une notion // Delacroix Ch., Dosse F., et Garcia P. (dir.) Historicités. Paris: Découverte, 2009. P. 29-45.
- Dosse F. Les regimes d'historicité comme traces experientielles // <https://www.oslo2000.uio.no/program/papers/m2a/m2a-dosse.pdf>
- Droit E., Reichherzer F. La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/2 (N° 118), p. 121-145. DOI 10.3917/ving.118.0121
- Fritzsche P. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 288 p.

- Garcia P. Les régimes d'historicité : un outil pour les historiens ? Une étude de cas: la «guerre des races // Revue d'histoire du XIXe siècle, 25 | 2002. URL: <http://rh19.revues.org/index418.html>
- Hartog F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu Alexandre et Dodille Norbert dir., Paris, L'Etat des lieux en sciences sociales, L'Harmattan, 1993, p. 18-38.
- Hartog F. Évidence de l'histoire. Ce que voient les historiens, Paris, EHESS. 2005. 285 p.
- Hartog F. Le présent de l'historien // Le Débat, n° 158, janvier-février 2010, pp. 18-31.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Lefort C. Democracy and political theory, Cambridge: Polity Press. 1988. 295 p.
- Loraux N. Éloge de l'anachronisme en histoire // Le genre humain, n°27, Seuil, 1993, p. 23-39.
- Martin S. L'historicité radicale du langage // <http://www.fabula.org/cr/278.php>
- Meschonnic H. Critique du rythme, Anthropologie historique du langage, Verdier 1982. 730 p.
- Michon P. L'historicité au prisme de la théorie du langage de Benveniste // Christian Delacroix et al., Historicités, La Découverte « Recherches », 2009, p. 241-255.
- Morin E., Le Moigne J.-L. (dir). Intelligence de la complexité. Épistémologie et pragmatique. Paris, 2013. 457 p.
- Morsel J. Traces? Quelles traces? Réflexions pour une histoire non passiste // Revue historique 2016/4 (n° 680), p. 813-868. DOI 10.3917/rhis.164.0813
- Osborn P. The Politics of time: Modernity and Avant-Garde. London: Verso. 1995. 272 p.
- Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par Immanuel Wallerstein. 1996. URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/>
- Philosophie et spiritualité. Les dimensions temporelles. 2002. Serge Carfantan // <http://www.philosophie-spiritualite.com/cours/temps1.htm>
- Rancière J. Le concept d'anachronisme et la vérité de l'historien // L'Inactuel, n°6, 1996, p.53-68.
- Rancière J. Les mots de l'histoire du cinéma // Les Cahiers du Cinéma n°496, 1995. 192 p.
- Rancière J. Les Noms de l'histoire – essai de poétique du savoir. Paris: Le Seuil, coll. «La librairie du XXI siècle », 1993. 224 p.
- Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée : entre empirie et réflexivité // Annales. Histoire, Sciences Sociales 2003/1 (58e année), p. 7-36.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Historicity and history in the intellectual culture of the 21st century

Actualization of historicity in the intellectual culture of the second half of the 20th c. became one of the manifestations of the "historical turn" in scientific knowledge. The author looks at the works by philosophers, anthropologists, historians, philologists to understand what the content of this turn is and how historicity is perceived at the beginning of the third Millennium. It is shown that the problem of historicity has been discussed for several decades in line with anti-theological thought, which gradually rehabilitated the gaps in history, the virtuality of the past, the fundamental nature of the relational interaction between the past and the present. Differences between historicity in classical cognition and in the intellectual culture of late 20th – early 21st cc. are revealed; peculiarities of the conceptualization of historicity at the intersection of philological and historical perspectives are discussed, as well as transdisciplinary origin of the syntagma regime of historicity, its relationship with the temporal turn in cognition and cognitive processes in research activities.

Keywords: historicity, temporality, history, historical change in the knowledge, the mode of historicity, transdisciplinarity

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; achekantzev@mail.ru; zinaidachekantseva@gmail.com

ИСТОРИЧНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ*

В статье рассматривается проблема соотношения историчности и концепции универсального (глобального) эволюционизма, претендующей на парадигмальный, трансдисциплинарный и постнеклассический статус и доминирующей в некоторых областях отечественной макроистории. Анализируются варианты представлений о естественнонаучной темпоральности и гуманитарной историчности, их диалогический потенциал. Хотя универсальный эволюционизм признает в теории достижения неклассической науки и исторического знания, но в приложении к исторической проблематике (теория цивилизаций, универсальная история) он игнорирует проблематику историчности, оставаясь во многом физикалистским.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, историческая глобалистика, синергетика, постнеклассическое знание, релятивизм, синтетическая теория эволюции, постпостмодернизм, глобальная история

В конце XX – начале XXI в. часть историков связывала большие надежды с переходом от классической к постнеклассической картине мира, с диалогом естественнонаучного и гуманитарного знания¹. В последние годы развитие ряда господствующих направлений отечественной макроистории (клиодинамика, универсальная история – *big history*, глобальная история², историческая глобалистика) опирается на претендующие на парадигмальность концепции, созданные на основе естественнонаучных представлений о времени и развитии – универсальный или глобальный эволюционизм. В его основе – идеи системности, синергетики, коэволюции, самоорганизации, выдвинутые математиками, физиками и химиками³. Так, научная школа А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина видит в глобальном эволюционизме «господствующую основу научной картины мира», а свое призвание – в превращении глобальной истории в «идеографическую <так в тексте. – И.И.> основу глобального эволюционизма»⁴. Авторы утверждают, что их подход «обновляет и дополняет всеобщую историю, зачастую европоцентрическую, линейную, детерминистскую по своему происхождению, предлагает многослойную, многоуровневую или многоаспектную модель исторического про-

* Автор выражает глубокую благодарность за консультации зав. Лабораторией анализа генома Отдела геномики и генетики человека ИОГен РАН им. Н.И. Вавилова, доктору биологических наук РАН Светлане Александровне Боринской.

¹ Ионов 1997. С. 118-135.

² См.: Универсальная... 2012.

³ Родство этих направлений признают обе стороны. См.: Князева, Алюшин 2016; Зинькина, Ильин, Андреев, Алешковский, Коротаев 2016. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 72-73.

цесса, учитывающую разнообразие материально-энергетических, культурных, символических и иных акторов и агентов исторических изменений и, главное, взаимность любых воздействий и представление о целостности мира как о поле действия исторических сил. И силы эти должны, по возможности, иметь измерение и численное выражение, а процессы – быть смоделированы»⁵.

Но большинство практикующих историков о «глобальном эволюционизме» и его методологическом доминировании совершенно не осведомлены. Причина этого – принадлежность к разным направлениям исторической антропологии, связанным с традицией Ф. Броделя или с ее преодолением, с антропологией эволюциониста Р. Карнейро или К. Гирца, критиковавшего стратегию «составления однородных паттернов из абстрактных фигур», порождающую «статистические призраки»⁶. Сказывается и неосведомленность об истоках того и другого направления. Исторические глобалисты считают, что «синергетика "пришла" в чисто гуманитарную до этого историю»⁷, игнорируя традицию междисциплинарного синтеза школы «Анналов», работы Ф. Симиана, Ж. Дюби, П. Шоню и др.) Гуманитарные представления о времени – теории историчности – выглядят на фоне вездесущих математических моделей глобалистов и их эволюционных представлений о времени не как равный субъект диалога, а скорее как бедный родственник. Это крайне странно, так как предтеча этого направления В.И. Вернадский считал активной составляющей мирового развития научную мысль, а значит (в современной трактовке науковедения) и область ценностей, установок, ментальностей, коммуникаций, ее создавших⁸.

Поэтому, прежде чем начинать диалог историков и сторонников исторической глобалистики, надо обратить внимание на методологические основы этого последнего направления, и прежде всего на ключевую для исторического знания проблему соотношения естественнонаучных («объективных») моделей темпоральности и гуманитарных представлений об историчности⁹. Это покажет, насколько в универсальном эволюционизме учтено влияние культурно-символических факторов и насколько он открыт для диалога с историками. Прежде всего речь пойдет о тех авторах, которые создали это направление (Н.Н. Моисеев, С.П. Курдюмов) и развивают его, сближаясь с проблематикой глобальной истории (Е.Н. Князева, А.Л. Алюшин, И.В. Ильин, А.Д. Урсул). Но

⁵ Они заявляют, что движутся в том же направлении, что и авторы выпускаемой Институтом всеобщей истории РАН «Всемирной истории» в 6-ти тт. – Там же. С. 10. См. также: *Всемирная...* 2011-2018.

⁶ *Реконструкции...* 2017. С. 164-165; Ср.: *Антология...* 2006. С. 135, 186-187, 425-427.

⁷ Зинькина, Ильин, Андреев, Алешковский, Кортаев 2016. С. 9.

⁸ Там же. С. 8; Вернадский 1977.

⁹ Бергер, Лукман 1995. С. 51.

сначала надо выяснить, каков диалогический потенциал самих естественнонаучных и гуманитарных представлений о времени.

У истоков проблемы: модели развития и времени

В XX в. стало распадаться сложившееся в рамках позитивизма общенаучное представление о линейности исторического времени и универсальности идеи прогресса, воплощенное в триумфалистской концепции истории, разделившее человеческие общества по вертикали на «современные» и «отсталые». Модель времени усложнилась уже в неклассической физике: теория относительности А. Эйнштейна создала образ мультитемпоральности проживаемого времени у разных наблюдателей. Неравновесная термодинамика (синергетика) И. Пригожина ввела в физику представления о необратимости времени, нелинейности и множественности времен, «разветвляющихся одни над другими», о равновесности как эволюционном тупике, а также о неопределенности и непредсказуемости будущего, случайно возникающего в точке бифуркации¹⁰. Она же спровоцировала начало диалога представлений о темпоральности и историчности. Ю.М. Лотман отводил историчности ключевую роль при анализе ретроспективного описания процесса случайного выбора будущего. Он предвидел опасности, создаваемые историчностью позиции наблюдателя синергетического процесса, перемещающейся между моментами до выбора и после него. В этих условиях возникает соблазн «ретроспективной трансформации» – стремление игнорировать случайность выбора путем «произвольных предположений и квазиубедительных причинно-следственных связей... Хаотическая для простого наблюдателя картина событий выходит из рук историка вторично организованной... Случайному приписывается вес закономерного и неизбежного»¹¹. Правда, заметного развития это направление не получило.

Иные версии представлений о развитии и времени задавала биология. В теории векторов эволюции А.Н. Северцова (1925) появилось представление о том, что способами достижения биологического прогресса, поступательными эволюционными стратегиями являются не только совершенствование (ароморфоз), но и консервативное приспособление к внешней среде (идиоадаптация, алломорфоз), приспособление к условиям индивидуального развития (ценогенез) и даже упрощение во имя выживания (общая дегенерация) с переходом от активного образа жизни к более пассивному¹². В этих условиях противопоставлять время индивидуального развития и время эволюции, как это делал еще В.И. Вернадский¹³, было уже невозможно. При участии внука био-

¹⁰ Вишняков 2013. С. 111; Казютинский 2007. С. 13, 29.

¹¹ Лотман 2000. С. 25.

¹² Северцов 1967.

¹³ Вернадский 1988. С. 231.

лога А.С. Северцова эти подходы дополнила и развила междисциплинарная эволюционная экология, изучающая коадаптацию биоценозов, экосистем, ландшафтов. Примечательно, что в его книге о направленности эволюции тема ароморфоза занимает последнее место¹⁴.

На новом этапе развития синтетической теории эволюции (третий синтез) прогрессистская модель эволюции как вертикально растущего «дерева» сменилась у Е.В. Кунина (2011) образом эволюции как целого «леса деревьев», мультимодельностью, отображающей детерминированный хаос. Имеются разные мнения о мере сближения картины эволюции Кунина с постмодернистской, но характерно, что в процессе конкретных исследований у него возникли метафоры, которые связаны как с «горизонтальной», так и с вертикальной моделью времени. Он пишет о сетевом характере эволюции, об эволюции как паутине или даже о ризоме жизни (возможно, понимая под ризомой, как биолог, прежде всего образ корневища)¹⁵. Тем самым, биологическая эволюция приобретает мультитемпоральность. Это открывает дорогу к диалогу концепций эволюции в биологии и истории. А у социологов и историков интерес к проблемам «объективной» периодизации перерос в интерес к субъективным проблемам историчности у П. Сорокина, который прослеживал смену моделей этернализма и темпорализма, первотворческого, бесцельно-осциллирующего, линейного и циклического восприятия времени, детерминизма и причинности¹⁶. Но наибольшую роль сыграли историки, более тонко классифицировавшие и подробно описавшие стратегии концептуализации времени в разные эпохи, смену режимов историчности (пассеизма, презентизма и футуризма)¹⁷.

С конца 1970-х ведется критика позитивистских и физикалистских моделей времени. Ж. Делез и Ф. Гваттари выдвинули идею ризомы, альтернативную абстрактно-рациональному, вертикальному, основанному на дуальных оппозициях восприятию времени в классической теории эволюции – как горизонтальной модели времени, не имеющей централизованного строения, гетерогенной, сетевой, лишенной границ и деления на микро- и макро-историю (хотя и способной взаимодействовать с древовидной и линейной моделями)¹⁸. П. Рикер и Э.В. Саид развернули деконструкцию спекулятивных хронософий, классических (физикалистских, цивилизационных, формационных), идеологически нагруженных моделей времени (европоцентризм, ориентализм), которые дискредитировали западные модели интерпретации времени¹⁹. В глобальной ис-

¹⁴ Северцов 1990.

¹⁵ Кунин 2014; Боринская 2014; Ризома.

¹⁶ Сорокин 2000. С. 346-370, 425-462, 731-781.

¹⁷ Koselleck 2004; Ле Гофф 1992 С. 120-183; Артог 2008; Савельева, Полетаев 1997.

¹⁸ Делез, Гваттари 2010.

¹⁹ Саид 2006; Рикер 2004.

тории возникли попытки создать модели времени, преодолевающие западные «гордыню первооткрывателя» и «тиранию времени». В них взаимодействуют западные и незападные подходы (связанные или не связанные с представлениями о преодолении хаоса, идеалами порядка, целостности и прогресса)²⁰.

Ф. Анкерсмит (1994) характеризовал вертикальные модели времени (историзм) как способ манипуляции прошлым, при котором сам исследователь избегает историзации и редуцирован до «просто трансцендентального, трансисторического субъекта без эмпирической (темпоральной или исторической) индивидуальности»²¹. Соответственно, он критиковал и идею универсальной истории, в которой логическое доминирует над историческим за счет выделения логически прозрачного в «фигуру» и отбрасывания логически непрозрачного в «фон»²². Современное историописание, по его словам, «неприветливо к ясным и полным силы паттернам исторической эволюции»²³. Равным образом П. Рикер призывал теорию истории противостоять «стремлению растворить историю в некой логической или алгебраической комбинации во имя корреляции между процессом и системой»²⁴.

Наиболее последовательно стратегию мультиперспективистской историзации проводит перекрестная история Вернера-Циммерманн, которая принципиально не приемлет монизм и холизм, оперирует разными моделями времен, изучает взаимодействие исторических и исследовательских моделей темпоральности, например, в истории культурных трансферов и сравнительных исследований. Во имя преодоления метафизических оснований предпосылочного знания, в т.ч. хронософий, она «поднимает вопрос о собственной историчности посредством историзации объекта, категорий анализа и отношений между исследователем и объектом»²⁵. Плюральность темпоральностей здесь – важнейший инструмент самоидентификации историка и конструирования объектов исторического исследования, способ борьбы против «объективизации посредством фактов», рассматриваемых как непосредственно доступные наблюдателю, реификации имплицитных и редукционистских моделей. Вернер и Циммерманн не принадлежат к постмодернистам. Скорее их можно причислить к движению «после постмодернизма», выдвигающего идею «здорового» релятивизма, сочетающего классические идеалы научной истины и познаваемости реальности прошлого с признанием плюрализма подходов историков, их взаимодополнительности, взаим-

²⁰ Ионов 2015. С. 412-413.

²¹ Анкерсмит 2009. С. 339, 365.

²² Там же. С. 339, 347.

²³ Там же. С. 375, 340.

²⁴ Рикер П. 2004. С. 222.

²⁵ Вернер, Циммерманн 2007. С. 62-63.

ной критики и взаимного признания как условий их реализации²⁶. Историк и когнитолог М. Шермер в борьбе против «слепых пятен» предвзятости ученого, стремления подтверждать то, во что уже верится, также считает перекрестное исследование с разных познавательных перспектив одной из важных стратегий верификации²⁷.

Универсальный эволюционизм и проблема времени

Итак, диалогический потенциал взаимодействия образов времени накоплен как в естественнонаучном, так и в гуманитарном знании. Но что делает с ним универсальный эволюционизм? Его создатель математик Н.Н. Моисеев более четверти века назад прямо называя эту концепцию «физикалистской», четко рефлексировал ее дистанцированность от чувственного, «алогичного», подсознательного восприятия, с которым имеет дело гуманитаристика²⁸. Он признавал закономерность разных интерпретаций людьми одних и тех же эмпирических данных, но видел в этом следствие не силы, а слабости человеческого сознания, которое порождает «принципиальное несоответствие наших возможностей... сложности мира, в котором мы живем»²⁹. Моисеев считал, что универсальный эволюционизм преодолевает представление о случайности (как свойстве микромира) и возвращается к идее детерминизма (как свойства макромира), выдвигая постулаты о «стреле времени», «направленности» эволюции, влиянии прошлого на настоящее и будущее, преодолении неопределенности на основе расширения знаний о прошлом и «законах сборки» (возникновения систем – организмов или обществ), которые он считал столь же фундаментальными, как и законы физики. Новое в этих взглядах – противопоставление скорости эволюции и стабильности системы. Человек в этом контексте – продукт роста неравновесности и «некорректности задач», которые приходится решать природе. Разъясняя свое отношение к антропному принципу, позволяющему рассуждать о целесообразности, детерминированности и векторе эволюции, фрустрированный кризисом марксизма оптимист Моисеев заявлял, что «человек появился во Вселенной потому потому, что она такая, какая есть». Но будущее человека, по его мнению, неопределенно. Неравновесность порождает глобальные проблемы, угрозу нового средневековья³⁰.

Подход к антропному принципу может быть гораздо более скептическим. Такую позицию среди сторонников универсального эволюционизма в 1990-е представлял В.В. Казюгинский, считавший, что «великое молчание Вселенной» можно интерпретировать как фундаментальное знание, которое девальвирует образ человека как «неотъемлемой части

²⁶ Там же. С. 81-82, 87-88; Репина 2011. С. 119-162.

²⁷ Шермер 2017. С. 411, 413, 489.

²⁸ Моисеев 1991. С. 5.

²⁹ Там же. С. 3-4.

³⁰ Там же. С. 7-11

Вселенной», пока не найден альтернативный (неземной) наблюдатель. Возникновение человека как единственного наблюдателя можно интерпретировать как «дело случая». Это заставляло его обращать внимание на границы применимости синергетики как парадигмы, на эпистемологические противоречия универсального эволюционизма, на проблему метаязыка, на роль изучения духовной сферы человека, соотношения объективных и субъективных факторов, уделять внимание «боковым ветвям» эволюционного процесса, участвовать в дискуссиях о продуктивности организации человечества по типу социальных насекомых³¹. Созвучно этим идеям и презентистское стремление «создать глобальную систему, работающую в режиме отрицательной обратной связи»³².

Футуристский подход представлял основатель синергетического движения в России С.П. Курдюмов. Он признавал нарастающую неравновесность и уменьшающуюся вероятность эволюционирующих систем, но полагал, что «синергетика позволяет снять... страх перед сложными системами», так как «нелинейная ситуация... как-то разрешается»³³. Синергетику он считал способом преодоления минорной по духу классической термодинамики, предполагающей деградацию и тепловую смерть Вселенной, и утверждения мажорной неравновесной термодинамики, оптимистически рассматривающей «динамическую устойчивость» режимов с обострением, нелинейное нарастание сложности в результате гиперболического роста, которая делает возможным конструирование желаемого будущего, несмотря на «периодическое выпадение в хаос»³⁴. Эта триумфалистская и прогрессистская, стадийная модель времени стала основанием для универсального эволюционизма, ориентированного скорее на нужды футурологии, чем истории, и воспроизводящего в новых условиях идеалы монизма, холизма, законсообразности, детерминизма. Курдюмов считал неправомерным «чрезмерно усложнять модели, вводить большое число параметров эволюции». В центре его внимания не точки бифуркации, а аттракторы, цели последующего движения: «Сверхсложная, бесконечномерная, хаотизированная на уровне элементов среда (система) может описываться, как и всякая открытая нелинейная среда (система) небольшим количеством фундаментальных идей и образов... Структуры-аттракторы эволюции, ее направленности и цели относительно просты... Асимптотика колоссально упрощается», что дает возможность «определить... параметры порядка мирового развития». Последнее сводится к квазилинейной модели переплетения эволюции и инволюции, обострения и затухания, роста и падения сложности. Возникает возможность прогнозирования, исходя

³¹ Казютинский 1999. С. 40-41; 2007. С. 4-15.

³² Турчин 2010. С. 161-162.

³³ Князева, Курдюмов 1997. С. 71.

³⁴ Там же. С. 62-63, 71, 75; Князева 2007. С. 52.

из целей-аттракторов процессов, «от целого» и «из идеала», согласования желаний человека и тенденций среды. Именно на основе этих идей, напоминающих о предупреждениях Лотмана, Курдюмов собирался создавать «гуманитарную синергетику», изучать человека и историю, темпы, в которых должны быть согласованы темпы разных уровней эволюции. Образцами были модели ритмов истории Н.Д. Кондратьева, А.Д. Тойнби, Л.Н. Гумилева, И.М. Дьяконова и С.П. Капицы³⁵.

Данная концепция стала методологическим основанием для исторической глобалистики. А.В. Коротаев признает, что цель познания законов истории на уровне простых социальных систем недостижима. Он фиксирует наличие «микроуровневого хаоса», отвергая его как предмет исследований и отстаивая существование «высокодетерминированной макроуровневой динамики». В результате оказывается, что законы социальной эволюции лучше всего обнаруживаются на уровне Мир-Системы (зоны ойкумены, которую можно рассматривать «как единое развивающееся целое», связанное информационными сетями, предполагающими диффузию технологических нововведений за «промежутки времени, заметно меньше тысячелетия»). Причем эта модель рассматривается не как таковая, в контексте историчности историков, ее создавших и использующих, не в ряду других моделей, как у Вернера и Циммерманн, а реифицируется исследователями как «ни в коей степени не случайная... совершенно реальная... единое развивающееся целое»³⁶.

Дальнейшее развитие исторической глобалистики и универсального эволюционизма в России демонстрирует противоречивые тенденции: распространение влияния этой теории и бурное развитие исторического моделирования, ставшего авторитетным источником интерпретаций для историков и экономистов, но не для демографов или культурологов (хотя демографический материал часто подвергается анализу), и странную расплывчатость их эволюционистских оснований, реификацию моделей и верность старым хронософиям. Философы – сторонники универсального эволюционизма остаются в рамках современных гуманитарных стандартов, резко отвергают физикалистский и вообще редукционистский характер своих конструкций, поддерживают конструктивизм, кибернетическую идею циклической причинности П. Вацлавика, предполагающую взаимодействие положительной и отрицательной обратной связи, и даже (если речь идет о психологии), совсем в духе К. Гирца – анализ перекрестного диалога³⁷. Однако все странным образом меняется, если дело заходит об истории. Выстраивается картина, в которой не учтены современные подходы историков и гуманитариев.

³⁵ Князева, Курдюмов 1997 С. 65-66, 74; 69-72, 75.

³⁶ Коротаев, Малков, Халтурина 2007. С. 118-121, 136.

³⁷ Князева 2006. С. 133-152.

В теории темпомиров и многоуровневом темпоральном подходе А.Л. Алюшина и Е.Н. Князева внимание авторов сосредоточено на множественности временных шкал (политических, экономических, культурных), которые П. Рикер соотносил с вариациями календарного времени, но не на их взаимодействии в диалоге³⁸. Точка зрения авторов подана как объективное отражение реальности, без анализа ее собственной историчности, без размышлений о том, как сочетаются время и рассказ о нем, хотя апории опыта исторического времени – это именно их тема, как и тема П. Рикера, Ф. Артога и Ю.М. Лотмана (рассуждения которого о развитии культуры изложены без ссылки на автора, а мысли по поводу историчности и «ретроспективной трансформации» образа становления нового просто игнорируются)³⁹.

В описании истории цивилизаций циклическая и многолинейная модели сосуществуют с признанием физической одновременности современных цивилизаций в календарном времени, где благодаря Интернету «все части взаимодействуют синхронно» (без учета локальных календарей и хронософий Израиля, Китая, Индии, арабского мира). Культура интересует авторов лишь с точки зрения динамики ее развития, «временная архитектура... цивилизации»⁴⁰ остается вне поля их внимания. Идентичность воспринимается вне времени, как целое, не имеющее структуры и переходящее от поколения к поколению вместе «землей предков». В противоречии с идеей многолинейности эволюции сохраняются европоцентристские образы «единой колеи истории», прогресса форм восприятия времени в первобытных, традиционных и современных обществах и унифицирующая шкала «фаз развития» (против нее возражал еще К. Леви-Строс, считавший исторический прогресс случайным и разнонаправленным⁴¹). Согласно этой шкале, выделяются отсталые и передовые цивилизации. В целом авторы остаются на уровне 1950–1970-х, акцентируя броделевские проблемы перехода от событийной истории к сериальной и синтеза трех уровней исторического времени, которые П. Рикер соотносил со спекулятивной хронософией. Социальный субъект оказывается у них не самостоятельным актором, а объектом взаимодействия разнонаправленных сил, как в позитивистской социальной физике⁴². Это близко позиции сторонников клиодинамики, участвующих в конференциях по «социофизике».

То, что понимание теории цивилизаций в России 2008 г. было во многом неадекватным, я знаю на собственном опыте⁴³. Но ошибки надо

³⁸ Алюшин, Князева 2008. С. 163–165. Рикер 2004. С. 216.

³⁹ Там же. С. 163–170, 180; Артог 2008. С. 19–20; Лотман 2000. С. 17–30.

⁴⁰ Рикер 2004. С. 218.

⁴¹ Там же. С. 221.

⁴² Алюшин, Князева 2008. С. 170–178, 181–182; см.: Рикер 2004. С. 220.

⁴³ Ионов 2007.

не повторять, а исправлять. Между тем отход от гуманитарных подходов особенно заметен в статье Е.Н. Князевой и А.Л. Алюшина 2016 г., касающейся универсальной истории. Правильно определив вначале пафос исследований Ф. Спира и А.П. Назаретяна как изучение путей коэволюции как коадаптации и обозначение «золотой середины» (в мощности энергетических потоков или техно-гуманитарном балансе), т.е. процессов с отрицательной обратной связью, авторы впоследствии переключаются на описание коэволюции как взрывных процессов с обострением (положительной обратной связи). Образ коадаптации оттесняется на задний план: «Режимы с обострением могут описываться как основной тренд развития системы, так и отдельные этапы эволюции <...> можно установить общие законы эволюции нелинейного мира через призму развития в режиме с обострением»⁴⁴. Эволюционный процесс мыслится ими как ароморфоз или дегенерация (осмысливаемая негативно, а не как особая ветвь эволюции, например «развитие недоразвитости»), т.е. вертикально, что странно даже для современных биологов. Отсюда позитивное отношение авторов к идее и даже идеалу «социального ароморфоза» у сторонников клиодинамики. В связи с этим вновь возникает европоцентристская модель цивилизационного сознания, при которой «для глобальной системы человечества прошлое олицетворяют народы, живущие на периферии цивилизации» (что не совсем стыкуется даже с подходами сторонников клиодинамики)⁴⁵. Намеки на гуманитарность сменяются безоговорочным провозглашением «философского натурализма» основанием глобалистики и универсальной истории (*big history*). Парадоксальным образом базой постнеклассического трансдисциплинарного знания провозглашаются, как и у Моисеева, созданные в рамках классической науки работы А. Смита, Ч. Дарвина, К. Маркса⁴⁶. И, соответственно, ни уроки «третьего синтеза» в биологии, ни тем более представления об историчности в работе не учтены.

Это не случайно. Классические холистские и материалистические представления о классификации и взаимодействии наук, неотрефлексированные физикалистские представления о времени мы встречаем у основателя постнеклассического подхода В.С. Степина (в т.ч. чисто марксистское понятие «социальной материи») ⁴⁷. На том же уровне идет обсуждение проблем глобалистики у отечественных политологов и философов, придерживающихся универсального эволюционизма⁴⁸. Надо отметить, что такая ситуация не представляется обязательной для сторонников постнеклассического подхода. В частности, Л.А. Микешина, при-

⁴⁴ Князева, Алюшин 2016 С. 19, 21, 23.

⁴⁵ Там же. С. 21, 24. Ср.: Зинькина, Ильин, Андреев, Алешковский, Коротаев 2016. С. 10.

⁴⁶ Князева, Алюшин 2016. С. 20-21.

⁴⁷ Степин 2006. С. 343.

⁴⁸ Ильин, Урсул 2009.

нимавшая активное участие в формировании образа постнеклассического знания, не преуменьшая значимости синергетической парадигмы, совершенно иначе подходит к идеям междисциплинарности и диалога разных направлений знания, различает влияние общенаучных парадигм на когнитивные основания социального и гуманитарного знания, оперирует разными версиями идеи историчности⁴⁹. Однако такая позиция – скорее исключение, если речь не идет об историках науки.

Разные версии синергетики и глобального эволюционизма строятся на базе различных настроений исследователей и нерелексированных режимов историчности. Представления о времени, которые используют их сторонники, имеют в основном физикалистский характер, слабо учитывают современный опыт биологии, не говоря об исторической науке. Попытки вторжения универсального эволюционизма в сферу исторического знания недостаточно обоснованы, а его парадигмальный, трансдисциплинарный и постнеклассический статус сомнительны. Скорее это неоклассическое направление, возникшее в связи с кризисом классической модели знания, но не усвоившее всех достижений его неклассической модели. Но диалог естественников и историков возможен. Большую роль в нем способны сыграть глобальная и перекрестная история, предполагающие в рамках постпостмодернизма сетевое взаимодействие между естественнонаучными и гуманитарными подходами ко времени, между исторической глобалистикой и исторической наукой⁵⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
- Анализ публикационной активности. Гринин Леонид Ефимович // Научная электронная библиотека (URL: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=250272).
- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, РОИИ Реабилитация, 2009. 400 с.
- Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / Гл. ред. С.Я. Левит. М.-СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 720 с.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 19-38.
- Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Боринская С.А. Эволюция сквозь призму геномики // Природа. 2014. № 10. С. 80-89.
- Вернадский В.И. Размышления натуралиста. В 2 кн. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. 192 с.
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
- Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59-90.
- Вишняков Д.В. Эволюция концепций времени // Наука и школа. 2013. № 1. С. 109-112.
- Всемирная история. В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011-2018.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. М.: У-фактория, Астрель, 2010. 895 с.

⁴⁹ Микешина 2009. С. 491-518; 2010. С. 17, 42, 72, 76, 101, 171-176, 475, 479, 491-492 и др.

⁵⁰ Ионов 2015. С. 148-149.

- Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Введение // Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Историческая глобалистика. Т. 1. М.: Московск. редакция изд-ва «Учитель», 2016. С. 8-12.
- Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: Изд-во МГУ, 2009. 232 с.
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. 464 с.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118-135.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Под ред. В.В. Казютинского и Е.А. Мамчура. М.: ИФ РАН, 2007. С. 4-32.
- Казютинский В.В. Человек в процессах глобального эволюционизма // SETI: прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. Тезисы и программа научно-методической конференции. М.: Типография «Человек К^с», 1999. С. 40-41.
- Князева Е.Н. Овладение временем и управление коэволюционной сложностью // Синергетика времени. Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.И. Аршинов. М.: Репроникс, 2007. С. 52-68.
- Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12. Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 133-152.
- Князева Е.Н., Алюшин А.Л. Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16-31.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 62-79.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование. Демография, экономика, культура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, 2007. 224 с.
- Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции / Автор. пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2014. 527 с.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 12-149.
- Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
- Микешина Л.А. Тенденции развития эпистемологии социального и гуманитарного знания // Постнеклассика. Философия. Наука. Культура / Под ред Л.П. Киященко, В.С. Степина. СПб.: Мир, 2009. С. 491-518.
- Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3-28.
- Реконструкции мировой и региональной истории. От универсализма к моделям межкультурного диалога / Под ред Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Ризома // Википедия (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ризома>).
- Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.
- Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1967. 204 с.
- Северцов А.С. Направленность эволюции. М.: Изд-во МГУ, 1990. 272 с.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
- Социофизика и социоинженерия // URL: <http://www.soc-phys.org/jm/>; <http://soc-phys.ipu.ru/>

- Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества. Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. 688 с.
- Турчин А.В. Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 156-163.
- Шермер М. Тайны мозга. Почему мы во все верим. М.: Эксмо, 2017. 560 с.
- Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia U.P., 2004. 317 p.

REFERENCES

- Alyushin A.L., Knyazeva E.N. Tempomiry: Skorost vospriyatiya i shkaly vremeni. M.: Moskva: LKI, 2008. 240 s.
- Analysis of publication activity. Grinin Leonid Yefimovich // The Scientific e-library (URL: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=250272)
- Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory. M.: Kanon+, ROII Reabilitaciya, 2009. 400 s.
- Antologiya issledovaniy kultury. Interpretacii kultury / Gl. red. S.Ya. Levit. M.-SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 720 s.
- Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti // Neprikosnovennyj zapas. 2008. № 3 (59). S. 19-38.
- Berger P. Lukman T. Socialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
- Borinskaya S.A. Evolyuciya skvoz prizmu genomiki // Priroda. 2014. № 10. S. 80-89.
- Deleuze J., Guattari F. Kapitalizm i shizofreniya: Tsyacha plato. M.: U-faktoriya, Astrel, 2010. 895 s.
- Ilyin I.V., Ursul A.D. Evolyucionnaya globalistika (konceptiya evolyucii globalnyx processov). M.: Izd-vo MGU, 2009. 232 s.
- Ionov I.N. Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeystviya. M.: Nauka, 2007. 499 s.
- Ionov I.N. Mirovaya istoriya v globalnyj vek: Novoe istoricheskoe soznanie. M.: Akvilon, 2015. 464 s.
- Ionov I.N. Teoriya civilizacij i evolyuciya nauchnogo znaniya // Obshchestvennyye nauki i sovremennost. 1997. № 6. S. 118-135.
- Kazyutinskij V.V. Chelovek v processax globalnogo evolyucionizma // SETI: proshloe, nastoyashhee i budushhee civilizacij. Tezisy i programma nauchno-metodicheskoy konferencii. M.: Tipografiya «Chelovek K^o», 1999. S. 40-41.
- Kazyutinskij V.V. Epistemologicheskie problemy universalnogo evolyucionizma // Universalnyj evolyucionizm i globalnyye problemy / Pod. red. V.V. Kazyutinskogo i E.A. Mamchura. M.: IF RAN, 2007. S. 4-32.
- Knyazeva E.N. Epistemologicheskij konstruktivizm // Filosofiya nauki. Vyp. 12. Fenomen soznaniya. M.: IF RAN, 2006. S. 133-152.
- Knyazeva E.N. Ovladenie vremenem i upravlenie koevolyucionnoj slozhnostyu // Sinergetika vremeni. Mezhdisciplinarnyj podhod / Otv. red. V.I. Arshinov. M.: Reproniks, 2007. S. 52-68.
- Knyazeva E.N., Alyushin A.L. Big History: evolyucionnoe myshlenie v globalnoj perspektive // Vek globalizacii. 2016. № 3. S. 16-31.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Antropnyj princip v sinergetike // Voprosy filosofii. 1997. № 3. S. 62-79.
- Korotaev A.V., Malkov A.S., Khalturina D.A. Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovaniye. Demografiya, ekonomika, kultura. Izd. 2, ispr. i dop. M.: URSS, 2007. 224 s.
- Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia U.P., 2004. 317 p.
- Kunin E.V. Logika sluchaya. O prirode i proisxozhdenii biologicheskoy evolyucii / M.: Centropoligraf, 2014. 527 s.
- Le Goff J. Civilizaciya srednevekovogo Zapada. M.: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 376 s.
- Lotman Yu.M. Kultura i vzryv // Lotman Yu.M. Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashhix mirov. Stati. Issledovaniya. Zametki. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. S. 12-149.

- Mikeshina L.A. Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii epistemologii i filosofii nauki. M.: ROSSPEN, 2010. 575 s.
- Mikeshina L.A. Tendencii razvitiya epistemologii socialnogo i gumanitarnogo znaniya // Post-neklassika. Filosofiya. Nauka. Kultura / Pod red L.P. Kiyashenko, V.S. Stepina. SPb.: Mir, 2009. S. 491-518.
- Moiseev N.N. Universalnyj evolyucionizm (Poziciya i sledstviya) // Voprosy filosofii. 1991. № 3. S. 3-28.
- Rekonstrukcii mirovoj i regionalnoj istorii. Ot universalizma k modelyam mezhkulturnogo dialoga / Pod red L.P. Repinoy. M.: Akvilon, 2017. 560 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Socialnye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.
- Ricoeur P. Pamyat, istoriya, zabvenie. M.: Izd-vo gumanitarnoj literatury, 2004. 728 s.
- Rizoma // Wikipedia (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Rizoma>).
- Savelieva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremena: v poiskah utrachenogo. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 p.
- Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. SPb.: Russkij mir, 2006. 638 s.
- Severcov A.N. Glavnye napravleniya evolyucionnogo processa. M.: Izd-vo MGU, 1967. 204 s.
- Severcov A.S. Napravlennost evolyucii. M.: Izd-vo MGU, 1990. 272 s.
- Shermer M. Tajny mozga. Pochemu my vo vse verim. M.: Eksmo, 2017. 560 s.
- Sociofizika i socioinzheneriya (URL: <http://www.soc-phys.org/jm/>; <http://soc-phys.ipu.ru/>).
- Sorokin P. Socialnaya i kulturnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bolshix sistemax iskusstva, istiny, etiki, prava, i obshhestvennykh otnoshenij. SPb.: RXGI, 2000. 1056 s.
- Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obshhie problemy. M.: Gardariki, 2006. 384 s.
- Turchin A.V. Problema stabil'nogo razvitiya i perspektivy global'nykh katastrof // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 1. S. 156-163.
- Universalnaya i globalnaya istoriya. Evolyuciya Vselennoj, Zemli, zhizni i obshhestva. Xrestomatiya / Pod red. L.E. Grinina, I.V. Ilina, A.V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel, 2012. 688 s.
- Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista. M.: Nauka, 1988. 522 s.
- Vernadskij V.I. Razmyshleniya naturalista. V 2 kn. Kn. 2. Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie. M.: Nauka, 1977. 192 s.
- Vishnyakov D.V. Evolyuciya koncepcij vremeni // Nauka i shkola. 2013. № 1. S. 109-112.
- Vsemirnaya istoriya. V 6 t. / Gl. red. A.O. Chubaryan. M.: Nauka, 2011–2018.
- Werner M., Zimmermann B. Posle komparativa: histoire croisée i vyzov reflektivnosti // Ab Imperio. 2007. № 2. S. 59–90.
- Zinkina Yu.V., Ilin I.V., Andreev A.I., Aleshkovskij I.A., Korotaev A.V. Vvedenie // Zinkina Yu.V., Ilin I.V., Andreev A.I., Aleshkovskij I.A., Korotaev A.V. Istoricheskaya globalistika. T. 1. M.: Moskovskaya redakciya izdatelstva «Uchitel», 2016. S. 8-12.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр интеллектуальной истории, Институт всеобщей истории РАН; cih@igh.ras.ru

Historicity and universal evolutionism

The article deals with the problem of correlation between historicity and the concept of universal (or global) evolutionism, which claims a paradigmatic, transdisciplinary and post-nonclassical status and dominating in some areas of domestic macrohistory. We consider variants of ideas about natural-science temporality and humanitarian historicity, and their dialogical potential. It is indicated that although universal evolutionism acknowledges in the theory the achievements of nonclassical science and historical knowledge, but in the application to historical problems (the theory of civilizations, big history) it ignores the problem of historicity, remaining largely physicalist.

Keywords: universal evolutionism, historical globalistics, synergetics, post-nonclassical knowledge, relativism, synthetic theory of evolution, post-postmodernism, global history

Igor Ionov, Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; cih@igh.ras.ru

Л. А. МИКЕШИНА

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

С целью изучения и развития эпистемологии социально-гуманитарного знания рассматривается частная, но принципиально значимая эпистемологическая проблема – возможность мысленного эксперимента (МЭ) в науке истории. Показаны методология и значение МЭ в естествознании, в частности, в истории физической науки, а также в эпистемологии гуманитарного знания на примере трудов В.Ф. Одоевского. Особое внимание уделено классическим формам МЭ в современной исторической науке, на примере «Метаистории» Х. Уайта и исследований средневековых феноменов «безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич) и возникновения представлений о чистилище (Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич).

Ключевые слова: *эпистемология, мысленный эксперимент, физическая наука, историческая наука, ценностные ориентации, Средневековье*

В современной интеллектуальной истории особое значение придается созданию новых методов и переосмыслению исторически сложившихся приемов и принципов эпистемологии истории как науки. Одно из перспективных направлений – переосмысление форм и видов такого метода, как эксперимент, – базового для множества существующих наук. Очевидно, что в прямом смысле эмпирический эксперимент, по видимому, неприемлем в исторической науке, но возникает проблема – возможен ли *мысленный эксперимент* в историческом познании, если он успешно применяется в естественных и в социально-гуманитарных науках. В его возможности убеждают положительные примеры такого подхода и его обоснования. Обобщая опыт интеллектуальной истории, З.А. Чеканцева делает эпистемологически важные выводы: текст – это не статичная структура, а «пульсирующее пространство постоянно возникающей интерпретации, которая актуальна только в момент чтения. <...> Свидетельство приобретает смысл и значение только в столкновении с ментальностью более позднего времени, в котором живет и работает историк... Историк не может элиминировать свою субъективность, и только он способен через свой личный опыт обеспечить связь-диалог культур ушедшего прошлого и настоящего в воображаемом мире исторического времени-пространства». И далее: «не так давно мысль о том, что эксперимент в истории невозможен считалась тривиальной. Сегодня экспериментальная история – важное направление современной французской историографии. Американские историки вслед за романистами

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания».

активно экспериментируют с формами репрезентации материала. (Речь идет, разумеется, об интеллектуальном эксперименте)»¹. Именно это уточнение важно для эпистемологии истории – интеллектуальный, или мысленный эксперимент, возможен и необходим в исторической науке.

Исследование этой проблемы тесно связано с особенностями субъекта познания в истории в отличие от других гуманитарных и социальных наук. Следует, в частности, учесть глубокое размышление-исследование А.М. Руткевича о природе исторического знания и об особенностях самого историка-исследователя. Трактую эксперимент в истории подобно этому методу в естествознании, автор, по сути, закрывает возможность исследования этой проблемы². Но прежде чем ответить на вопрос – возможен ли *мысленный эксперимент* в изучении истории прошлого и каковы условия его применения, необходимо отметить особенности давно применяемых экспериментов такого рода в естественных и гуманитарных областях научного познания.

Общие проблемы метода МЭ в естественных науках

Понятие мысленного эксперимента как теоретического метода давно использовалось в истории и философии науки. Так, известны размышления шотландского философа и ученого Т. Рида (1710–1796) о придуманных им людях, воспринимавших мир в рамках не эвклидовой, но сферической геометрии. В этом случае МЭ понимался как воображаемый метод, действующий по принципу «что если бы это было возможно?»³. Ученые стали осознать, что теоретическое знание не всегда можно получить только из прямого чувственного контакта с объектом, т.е. логически *вывести* из опыта, причем, как правило, с помощью индуктивно-дедуктивного обобщения. Уже в XVII в. Галилей использовал МЭ, рассматривая, например, движение предмета по наклонной плоскости «без трения», при исследовании рычага и наклонной плоскости, а также допускал возможность размышлять в контексте «воображаемой реальности». В целом он применял МЭ для конструирования предмета теоретического исследования – мысленного движения, инерциального движения, опираясь также на опыт «коперниканского мышления» о небесной механике, во многом содержащего элементы МЭ⁴.

Сегодня, особенно после настойчивого утверждения Эйнштейна, что нет прямой логической связи между теорией и реальным объектом, стали осознать – *теория строится не по отношению к эмпирическому объекту, но по отношению к его модели*. Соответственно, МЭ применяется, как особый способ рассуждения, специфический *теоретический*

¹ Чеканцева 2004. С. 360-371.

² Руткевич 2006. С. 28, прим. 4.

³ Хьюэлл 2015. Т. 15, 3. С. 238, прим. 1.

⁴ Ахутин 2012. С. 328-329.

метод, исследующий процессы в «чистом виде», конструирующий идеализированные или даже неосуществимые в реальности ситуации и состояния. Этот метод, не будучи «материальной», но только *мысленной операцией с представляемыми объектами*, позволяет идеализированный объект и процесс сделать образно-наглядными, а понятия теории как бы наполнить чувственным содержанием.

Австрийский физик и философ Э. Мах, авторитет которого был высок даже для Эйнштейна, доказал, что кроме материального физического эксперимента, который может предварительно продумываться-проигрываться в воображении, «существует еще другой, получающий широкое применение на более высокой ступени умственного развития – мысленный эксперимент или эксперимент в уме», когда можно «изменять в мыслях обстоятельства, от которых зависит исход того или другого опыта», а «умственные эксперименты этого рода приводили к величайшим переворотам в нашем мышлении и открыли самые важные пути исследования»⁵. Мах не только раскрыл содержание МЭ в физике и его роль в умственной деятельности исследователя, но и показал на многочисленных примерах неотъемлемое присутствие МЭ во всех видах и способах исследовательской деятельности в естественных науках.

Известно, что мысленные эксперименты с опорой на математику применялись, особенно на первом этапе, многими учеными, создававшими физику микромира. Выяснилось, что процессы, происходящие в микромире, относятся к явлениям, почти полностью лежащим за пределами чувственных восприятий, а поведение атомных объектов невозможно отграничить от их взаимодействия с приборами. Однако и при переходе к реальному эксперименту мысленный эксперимент продолжал применяться, о чем говорит, например, известный случай: при β -распаде «нарушался?!» закон сохранения энергии. Выход был найден физиком В. Паули, который, опираясь на математические расчеты, предположил в МЭ, что вместе с электроном возникает ещё одна незаряженная частица – «маленький нейтрон», или нейтрино, которое оставалось, как называли физики, «бумажной частицей». Как я понимаю, это был результат, полученный в мысленном эксперименте, изложенный «на бумаге». Подтверждение значимости МЭ находим и у Эйнштейна, который считал, что «дозволительно оперировать в мысли с вещами, *невозможными практически*, т.е. такими, которые противоречат нашему повседневному опыту, но не с полнейшей бессмыслицей»⁶. Известен его «классический» МЭ «вне и внутри лифта», который также показал «важность идеализированного эксперимента, созданного мышлением»⁷.

⁵ Мах 2003. С. 196.

⁶ Мошковский 1922. С. 108.

⁷ Эйнштейн 1965. С. 299–303.

Итак, история становления и развития физики элементарных частиц, квантовой механики содержит много примеров применения МЭ как значимой для науки *теоретической операции*, в пределах которой возможны даже противоречия известным законам природы.

В отечественной теории познания и методологии науки исследование МЭ осуществил в 1960-х гг. философ европейского уровня профессор Ленинградского университета В.А. Штофф. Он отличал МЭ от операции теоретически обоснованного, поэтапного продумывания реального эксперимента: МЭ – особая теоретическая операция, воображаемое, мысленное воспроизведение проблемы, в основе ее лежит идеальная модель объекта в специфической функции. Он полагал, что, МЭ, являясь формой абстрактного мышления ученого, тем не менее имеет и объективное содержание, поскольку опирается на научно обоснованное знание (факты, принципы и свойства заново открытого реального объекта) и на признанную научную теорию, требующую дальнейшего развития⁸. Штофф также показал, что МЭ, являясь необходимой теоретической формой научного мышления и способствуя разработке теории, в то же время не может рассматриваться как эмпирическая проверка и метод подтверждения/опровержения знания, у него другая – теоретическая – функция в построении и обосновании теории. Вместе с тем МЭ еще недостаточно изучен⁹, тем более в социально-гуманитарном знании, где он только начинает привлекать внимание методологов и исследователей.

Мысленный эксперимент в гуманитарном и социальном познании

В гуманитарном исследовании МЭ должен иметь не меньшее значение и частое применение в силу особенностей искусственно создаваемых в воображении или существовавших в прошлом объектов и специфической методологии этих форм научного знания. В европейской эпистемологии мысленному эксперименту в гуманитарном знании уделяют все больше внимания. Р. Николози в своем исследовании «Мысленные эксперименты в литературе. Контрафактическая аргументация в «Русских ночах» В. Одоевского»¹⁰ настаивает на значимости МЭ и обращается к художественным текстам В.Ф. Одоевского, русского писателя и деятеля культуры (эпохи и окружения А.С. Пушкина), в творчестве которого особенно ярко выражено слияние литературы и философии. (Видимо, поэтому статья в немецком сборнике написана автором на языке источника – русском). Для двух рассказов из «Русских ночей» – «Последнее самоубийство» и «Город без имени», – Николози предложил интерпретацию, основанную на их атрибуции как «контрафактических мысленных экспериментов, опровергающих теоретические

⁸ Штофф 1966. С. 208–226.

⁹ Филатов 2010; 2016.

¹⁰ Николози 2015. С. 55-66; Одоевский 1981. Т. I.

аксиомы». Он напоминает, что уже ранее русский исследователь П. Сакулин (1913) исходил из того, что оба рассказа написаны «по экспериментальному методу»: «Последнее самоубийство» представляет доведение до абсурда экономических идей Т. Мальтуса; «Город без имени» показывает, какая участь ожидает последовательных «бентамитов», т.е. приверженцев философии и этики утилитаризма И. Бентама.

Какие эпистемологические предпосылки позволяют утверждать, что речь здесь идет именно о мысленных *экспериментах*? В каких отношениях друг к другу стоят философская и литературная аргументация? Какую роль играют при этом контрафактическая структура текстов и их фикциональный характер?¹¹ Ответы на эти вопросы ищут сегодня, изучая природу МЭ в широком контексте темы «эксперимент и литература», причем эксперимент рассматривается не только как инструмент проверки теории и гипотез, но и как творческая практика, в известной степени существующая независимо от теории. В этом контексте МЭ попадает в поле зрения как теории науки, так и теории литературы. Пока теоретики науки оживленно спорят о функции и эпистемологической валентности МЭ, литературоведы уже используют мысленный эксперимент как «побуждающий литературу и науку к слиянию», соединяющий в себе эмпирику и воображение. Но «трансформационные механизмы» до сих пор не исследованы в полной мере, как и вопрос, при каких структурных и эпистемологических предпосылках возможен разговор о МЭ как художественно-исследовательском методе.

На примере текстов Одоевского Николози указывает лишь на то, что эти МЭ позволяют показать «разочарование в вере в абсолютную теорию», «катастрофические последствия рационалистического упрямства», «прогрессирующий процесс... разочарования в экономической теории» Мальтуса. В «Городе без имени» представлено возвышение и падение *воображаемого государства*, основанного на принципах утилитаристской этики Бентама. Оба рассказа, написанные Одоевским, – это мысленные эксперименты, представленные как рассуждения о центральных экономических теориях XIX в. Автор «Русских ночей» Одоевский, как и исследователь Николози, объединяют эти тексты не столько общим научно-теоретическим фоном (политическая экономия), сколько типом повествования, выходящего за рамки утопического, фантастического и являющегося, прежде всего, мысленным экспериментом.

Мысленный эксперимент в исторической науке

Главной проблемой в данной статье для меня как эпистемолога является *место и роль мысленного эксперимента в исторической науке*. Эта проблема в последние полвека активно разрабатывается историками. В исторической науке, получающей информацию только от

¹¹ Николози 2015. С. 65.

различного рода свидетельств и документов, т.е. имеющей дело с *предполагаемой реальностью*, МЭ как исследовательский прием необходим. МЭ присутствовал уже в классическом труде Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), например, при объяснении истории Гомером или почему нация была названа *франками*¹² и др. По-видимому метод МЭ для историков становился неосознанной нормой, если они не могли непосредственно обратиться к документам. Еще Р. Дж. Коллингвуд, размышляя об истории как воспроизведении прошлого опыта, писал, что «историк должен воспроизводить прошлое в собственном сознании... и только в той мере, в какой ему это удастся, он получит историческое, а не просто филологическое знание»¹³. Именно такое понимание дает нам право говорить о применении МЭ в историческом знании, особенно, если речь идет о периодах, не имеющих документальных свидетельств.

Появились и труды, принципиально написанные на основе мысленного эксперимента, как, например, работа Х. Уайта «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века» (1978). Как известно, он исходит из того, что «описание истории остается риторическим и литературным», используя письмо как средство для изложения и обсуждения результатов исследования прошлого. Опираясь на «тропологическую теорию дискурса» от Вико, Р. Барта, М. Фуко, А.Ж. Греймаса и др., он понимает историю как «теоретическое объяснение вымышленного дискурса... типы образов и связи между ними, способные служить знаками реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно»¹⁴ и подчеркивает, что дискурсивные связи «не являются логическими связями или дедуктивными соединениями одного с другим», они основаны на «поэтических техниках». Само объяснение в историческом знании состоит из «комбинации логико-дедуктивных и тропологически-фигуративных компонентов» (метафоры, метонимии, синекдохи и иронии). Историк, по Уайту, по существу, префигурирует, т.е. *«предварительно, заранее мысленно рисует, представляет в своем воображении»* (курсив мой – Л.М.) события истории. Итак, мы имеем случай, когда автор, опираясь на МЭ при построении метаистории, само построение исторического знания также трактует как мысленный эксперимент особого историко-литературного воображения.

Ф. Анкерсмит, автор специального исследования концепции Уайта «История и тропология: взлет и падение метафоры» (1994), признает, что тропологическая «идея абсолютно верна и плодотворна», это новая парадигма в исторической теории, когда имеют дело с историческим

¹² Вико 1994. С. 255, 287, 343, 422.

¹³ Коллингвуд 1980. С. 269.

¹⁴ Уайт 2002. С. 8.

текстом в целом, однако «нельзя ждать от теории истории Уайта решения эпистемологического вопроса о том, почему один текст может лучше репрезентировать прошлое, чем другой»¹⁵. В мою задачу не входило обсуждение дискуссии о правомерности и значимости концепции Уайта, как одной из крупнейших находок в метаистории. Цель другая – показать важнейшую роль МЭ, который в историческом познании имеет свою оригинальную природу и самостоятельное значение.

Одной из актуальных проблем для историков стало сегодня новое понимание эпохи Средневековья. Именно здесь МЭ в полной мере показывает свои возможности, поскольку Средневековье, особенно раннее, часто не предоставляет прямых свидетельств и документов или, например, основных понятий и категорий языка «безмолвствующего большинства». Обогастилась методология исследования, а главное – изменилось отношение к Средневековью. Возросший интерес к Средневековью проявился, в частности, в стремлении заменить МЭ реальными, материальными историческими экспериментами – осуществить современное строительство профессиональными архитекторами средневекового замка XIII в. (Франция), рыцарского бурга (Австрия) и раннесредневекового монастыря по сант-галленскому плану IX века (Германия).¹⁶ Такие эксперименты бесценны во всех смыслах, однако, воспроизводя огромный объем знаний о Средневековье, они не только предельно дороги, но и не дадут полной картины знаний и представлений о менталитете «безмолвствующего большинства». Необходимость МЭ, как и изучения его эпистемологических возможностей в исторической науке, сохраняется.

Метод МЭ сыграл значительную роль в исследованиях Жака Ле Гоффа. Принципиальный подход французского историка – найти способы изучения не «бесплотной истории идей», а «духовной жизни на уровне масс» и изучения их ментальности как нового измерения истории «в недрах исторических систем»¹⁷. Не используя понятия МЭ, он принял и по-своему реализовал идущую от М. Блока и Л. Февра идею творческой активности исследователя: если свидетельства сами по себе немые, необходимо их включение в сферу анализа, осуществляемого историком. Очевидно, что в этом случае МЭ становится одним из ведущих методов исследования коллективных представлений и образа мира, например, неграмотного большинства средневекового общества. Так, при исследовании формирования идей о *чистилище* – этого *нематериального объекта исследования* – историк выдвигает и обосновывает предположение о том, что в данном случае «ментальность, эмоции, поведение формировались в первую очередь в связи с потребностью само-

¹⁵ Анкерсмит 2009. С. 10, 11.

¹⁶ Арнаутова 2016. С. 26-37.

¹⁷ Ле Гофф 1992. С. 6.

успокоения» перед «творимыми дьяволом опасностями», неуверенностью в будущем и возможностью блаженства в загробной жизни. В этом случае историку приходится опираться не на свидетельства, а на т.н. *глоссы* – обязательные толкования, как аргументы авторитетов и традиции, которые позже проникли и в учебники университетов, но в свою очередь были результатом мысленных предположений и воображения¹⁸.

Работа Ле Гоффа «С небес на землю» – блестящая догадка, обобщение, во многом опирающееся на МЭ как выдвижение идеи возможных ценностных ориентаций и ее обоснование не только документами, но и во многом гипотезами, предположениями, догадками в условиях отсутствия реальных свидетельств. Главная его идея – это «период осознания великого подъема (приходящегося на эпоху высокого средневековья) и одновременной перестройки ценностных ориентаций как время низведения высших небесных ценностей на бrenную землю. Идея состоит в том, что... центральным оказалось именно обращение к земному миру и его ценностям». Для автора «история, о которой идет здесь речь, – история ментальная. Она оперирует понятиями идеологии и мира воображения... Эта история не всегда получает эксплицитное выражение. Она требует специального анализа источников, ибо это – *история неявного, имплицитного*»¹⁹. Это убедительный и предельно доказательный МЭ в исследованиях по истории Средневековья, который опирается не только на значительный исторический материал, но и на обоснованные предположения и вероятностные научные выводы автора, а также соответствует принципам современной эпистемологии и теории ценностей. Как мне представляется, Ле Гофф существенно продвинул понимание и успешное применение мысленного эксперимента в исторической науке.

Ценные результаты при осуществлении мысленных экспериментов получены А.Я. Гуревичем, он также размышлял о применении и обосновании используемых им методов, в т.ч. и МЭ, и неоднократно использовал это понятие, в частности, в статьях в «Одиссее», где обсуждались проблемы «ремесла историка на исходе XX века», т.е. эпистемологии исторического исследования. Так, рассуждая об «альтернативности исторического развития» и отрицая идею «всеобщего детерминизма», он поставил проблему «*интеллектуального эксперимента в истории* (курсив мой – Л.А.)»²⁰. Он продолжая обсуждать проблему в статье «Терри-

¹⁸ Там же. С. 303. Возникшие представления о чистилище и его роли в социальных отношениях средневековой Европы – пример особого мысленного эксперимента, начало ему вслед за Ле Гоффом положил и А.Я. Гуревич (Гуревич 1984. С. 328–334).

¹⁹ Ле Гофф 1991. С. 29–30.

²⁰ Гуревич. 1996. С. 10. Обращение к трудам известного историка в данной статье объясняется тем, что в его работах и до сих пор наиболее ярко представлены МЭ, а также тем, что новые поколения историков и философов-эпистемологов недостаточно знакомы с его работами.

тория историка» и отвечая на вопрос Л.М. Баткина, откуда взялся тот набор элементов или категорий, из которых историк выстроил модель далекой средневековой культуры. На протяжении ряда лет в многочисленных публикациях он отвечал на этот принципиальный вопрос, излагая, по сути, принципы МЭ в истории. Критически относясь к приемам постмодернистов, Гуревич вместе с тем видел в них новое подтверждение «необходимости повышения саморефлексии историка». Важнейший этап МЭ – выбор и осмысление источника, а «исторический источник – создание человека». А.Я. Гуревич считал необходимым подвергнуть источники, по его собственному выражению, «мысленному эксперименту», чтобы обнаружить, например, типологическое сходство франкского общества VI–VII вв. со скандинавским обществом, как оно рисуется в сагах. Кроме того, в текстах может присутствовать косвенная, не прямая информация. Опыт этого историка остается пока самым убедительным, поэтому обращаюсь к двум его примерам, или *case studies*.

Case study 1. Категории ранней средневековой культуры – язык и понятия «безмолвствующего большинства». Автор так определяет свою задачу: «внимание направлено на изучение не сформулированных явно, не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания, «психического инструментария», «духовной оснастки» людей средних веков – того уровня интеллектуальной жизни общества, ...установление способов мировосприятия, присущих самым различным членам общества»²¹. При этом обязательно учитывать «культурный контекст», и вместо неопределенности ментальности вообще Гуревич предложил определенный набор категорий – время, пространство, право, труд, богатство и собственность, который дополнил позже понятиями смерть и потусторонний мир. Однако историк подчеркивает известную мысль Ле Гоффа: «феодализм – это мир жестов, а не записанного слова» и справедливо добавляет, что письменность не передает полностью основного массива человеческих представлений Средневековья. Вот в этом случае и возникает необходимость особого, преимущественно *мысленного* эксперимента, найденные Гуревичем форма, конкретные факты и события которого позволяют выйти на «культуру безмолвствующего большинства».

Каким образом можно изучать менталитет и словарно-понятийный «запас» не писавшего и не читавшего большинства? Очевидно, что по косвенным свидетельствам, восполняя и трактуя их на основании существующих непрямых текстов. Историк, как известно, изучил существующие не на традиционной латыни для священников и ученых мужей, но на родном для рядовых слушателей немецком языке тексты нескольких десятков проповедей одного из самых известных проповедников этого

²¹ Гуревич 1984. С. 9-10.

времени Бертольда Регенсбургского (ок. 1210–1272 гг.). Их прочтение, авторский комментарий позволяют осуществить научно обоснованное мысленное, вероятностное воссоздание словарно-понятийного запаса слушателей проповедей в церквях и на площадях (не оставивших письменных свидетельств). Выбор проповеди как «жанра» непосредственно общения с «безмолвствующим большинством», Гуревич обосновал не только при анализе пасторской деятельности Бертольда Регенсбургского, но и в специальном изучении этой проблемы²². Именно это явилось научным основанием мысленного эксперимента историка. Для него «проповедь – в высшей степени важный источник для изучения народной ментальности в Средние века», так как проповедник обращается прежде всего к рядовым прихожанам и «действует в гуще народа», близко знает его жизнь, знает его представителей. Разумеется, Гуревич осознает, что этот «социальный анализ» представляет только один из возможных «срезов» религиозных и морально-общественных представлений, погруженный с помощью МЭ в реалии раннего средневековья.

Эти же тексты Бертольда, где «личность... занимает подобающее ей место главы всего смыслового ряда», историк использует как основания МЭ для признания того, существовало ли само понятие *личности* и как оно трактовалось в раннем средневековье рядовыми прихожанами. Тем самым Гуревич убедительно обосновывает свою позицию в дискуссии в отечественной культурно-исторической эпистемологии и гуманитарной науке, в частности, с Л.М. Баткиным о категории личности и правомерности ее применения для раннего Средневековья²³.

Case study 2. Другой вид МЭ был осуществлен Гуревичем, когда он разрабатывал и применял его при исследовании проблемы «индивид, личность и общество», опираясь на скандинавские тексты раннего Средневековья. Он полагал, что эти исторические источники могут выглядеть «иначе, будучи подвергнуты следующему *мысленному эксперименту* (курсив мой – Л.М.). Существует известное основание для того, чтобы сопоставить франкское общество VI–VII вв. со скандинавским обществом, как оно рисуется в сагах и записях древнего права, ибо при различии во времени их фиксации налицо, несомненно, типологическое сходство. <...> Если подобное сопоставление допустимо, то оно дало бы возможность историку несколько глубже понять, какого типа индивиды... были представлены в существующих законах»²⁴.

Один из важных моментов этого МЭ состоит в том, что, прослеживая историю конкретных эддических песен и смены типов эпико-мифо-

²² Гуревич 1989. Гл. 8.

²³ См. также: дискуссию «Индивидуальность и личность в истории» // Одиссей. Человек в истории. 1990.

²⁴ Гуревич 1996. С. 95.

логической поэзии, (*это факты-тексты в руках у исследователя*), историк не теряет из виду самого человека, высказывая предположение, что «в поздних эддических песнях этот неперсонализированный мир уже распадается на субъекты и объекты», появляется рациональность нового типа, «суть дела... не в смене жанров, но в смене *типов сознания*»²⁵. Опираясь на результаты изучения косвенных документов Раннего Средневековья, в частности, разных саг и песен «Эдды», обращаясь к их героям, используя различные формы и приемы мысленного эксперимента, Гуревич пишет не просто об индивидах, он доказывает: «перед нами личность, и в сагах к ней проявляется живой и неизменный интерес. Но личность эта исторически конкретна и весьма непохожа на новоевропейскую личность, которую мы вольно или невольно принимаем за эталон. Скандинав не оторван от своего органического коллектива и может быть понят только в качестве члена этого коллектива. Сознание его не индивидуалистично, он мыслит категориями целого – своей группы, он смотрит на себя самого как бы извне, глазами общества»²⁶. Трактовка личности и индивидуальности в средневековой Европе затрудняла понимание ее особенностей потому, что «уникальность личности, ее несходство с другими воспринимались как нечто греховное и ненормальное... И в результате его подлинное Я ускользает от нашего взора»²⁷.

Обращение к истории Скандинавии и использование, помимо прочего, метода МЭ позволяют А.Я. Гуревичу обосновать еще одно утверждение. Известно, что Я. Бурхардт, К. Лампрехт и другие историки, полагали, что человеческая индивидуальность впервые возникает в эпоху Ренессанса. Но эти известные ученые были ограничены латинскими источниками, не имели в своем распоряжении исторических документов о раннем Средневековье североевропейской культуры, ее песнях, сагах и других свидетельствах. Обращение к новому региону, богатому средневековыми источниками, позволило получить, в т.ч. и путем обоснованного МЭ, новые результаты.

Таким образом, современная эпистемология в понимании сложного и неоднозначно оцениваемого метода *мысленного эксперимента* в научных исследованиях представителей гуманитарных наук, в истории, в частности, получает подтверждение его правомерности, необходимости и плодотворности не только в естественных науках, но и в социально-гуманитарном знании, в особенности в историческом, где он необходим в еще большей мере в силу специфики – исчезновения в пространстве и во времени источников и свидетельств, а также в связи с особенностями эпистемологии этого типа знания.

²⁵ Гуревич 2005. С. 76.

²⁶ Там же. С. 101.

²⁷ Там же. С. 195.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Арнаутова Ю.Е. О формировании нового «образа Средневековья // Новое прошлое / The New Past. № 1. 2016. С. 26-37.
- Ахутин А.В. Эксперимент и природа. СПб, Наука, 2012. 660 с.
- Вико Дж. Основания новой науки: об общей природе наций. М.- Киев. «REFL – book», «ИСА», 1994. 656 с.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., Искусство, 1984. 351 с.
- Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. 367 с.
- Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. М., «Наука», 1990.
- Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в Истории. М., «Coda», 1996.
- Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. М., «Coda», 1996.
- Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом западе. М., РОССПЭН. 2005. 422 с.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея Истории. Автобиография. М., Наука, 1980. 486 с.
- Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., «Наука», 1991.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., Прогресс-Академия, 1992. 176 с.
- Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., БИНОМ. Лаборатория знаний. 2003. 456 с.
- Мошковский А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М., «Работник просвещения», 1922. 210 с.
- Николози Р. Мысленные эксперименты в литературе. Контрафактуальная аргументация в Русских ночах В. Одоевского / Wiener Slawistischer Almanach , Biblion Media GmbH. Leipzig. 76 (2015). 225 p.
- Одоевский В.Ф. Соч. в двух томах. Т.1. М.: Худож. лит., 1981. 355 с.
- Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP 6/ 2006/03. М. ГУ ВШЭ, 2006. 56 с.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Филатов В.П. Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 5–15.
- Филатов В.П. Мысленные эксперименты и априорное познание // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 17–27.
- Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Кн. 2 // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLV. № 3. С. 238–245.
- Чеканцева З.А. Современное историописание как компонент гуманитарного дискурса // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 360-371.
- Штофф В.А. Моделирование и философия. М.: Наука. 1966. 302 с.
- Эйнштейн А. Физика и реальность. Сб. ст. М.: Наука. 1965. 360 с.

REFERENCES

- Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metaforyi. M., «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 400 s.
- Arnautova Yu.E. O formirovaniy novogo «obraza Srednevekovyia // Novoe proshloe / The New Past. 2016. N 1. S. 26-37.
- Ahutin A.V. Eksperiment i priroda. SPb, Nauka, 2012. 660 s.
- Viko Dzh. Osnovaniya novoy nauki: ob obschey prirode natsiy. M.- Kiev. «REFL – book», «ISA», 1994. 656 s.
- Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kulturyi. M., Iskustvo, 1984. 351 s.
- Gurevich A.Ya. Kultura i obschestvo srednevekovoy Evropyi glazami sovremennikov. M., 1989. 367 s.

- Gurevich A.Ya. Esche neskolko zamechaniy k diskussii o lichnosti i individualnosti v istorii kul'tury // Odissey. Chelovek v istorii. M., «Nauka», 1990.
- Gurevich A.Ya. Istorik kontsa XX veka v poiskah metoda // Odissey. Chelovek v Istorii. M., «Coda», 1996.
- Gurevich A.Ya. «Territoriya istorika» // Odissey. Chelovek v istorii. M., «Coda», 1996. 368 s.
- Gurevich A.Ya. Individ i sotsium na srednevekovom zapade. M., ROSSPEN. 2005. 422 s.
- Kollingvud R. Dzh. Ideya Istorii. Avtobiografiya. M., Nauka, 1980. 486 s.
- Le Goff Zh. S nebes na zemlyu (Peremeny v sisteme tsennostnykh orientatsiy na hristianskom Zapade (XII–XIII vv.) // Odissey. Chelovek v istorii. M., «Nauka», 1991.
- Le Goff Zh. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. M., Progress-Akademiya, 1992. 176 s.
- Mah E. Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya. M., BINOM. Laboratoriya znaniy. 2003. 456 s.
- Moshkovskiy A. Albert Eynshteyn. Besedy s Eynshteynom o teorii otositelnosti i obschey sisteme mira. M., «Rabotnik prosvescheniya», 1922. 210 s.
- Nikolozh R. Myislennyye eksperimenty v literature. Kontrafaktualnaya argumentatsiya v Russkikh nochah V. Odoevskogo / Wiener Slawistischer Almanach, Biblion Media GmbH. Leipzig 76 (2015). 225 p.
- Odoevskiy V.F. Soch. v dvuh tomah. T.I. M., Hudozh. lit., 1981. 355 s.
- Rutkevich A.M. Proshloe istorika. Preprint WP 6/ 2006/03. M. GU VShE, 2006. 56 s.
- Uayt H. Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg. Izd. Ural. un-ta. 2002. 528 s.
- Filatov V.P. Myislennyye eksperimenty v nauke i filosofii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2010, T. 25. N 3. S. 5–15.
- Filatov V.P. Myislennyye eksperimenty i apriornoe poznanie // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T. 49. N 3. S. 17–27.
- Hyuell U. Filosofiya induktivnykh nauk, opirayuschayasya na ih istoriyu. Kn. 2 // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2015. T. XLV. N 3. S. 238–245.
- Chekantseva Z.A. Sovremennoe istoriopisanie kak komponent gumanitarnogo diskursa // Dialog so vremenem. 2004. Vyp. 11. S. 360–371.
- Shtoff V.A. Modelirovanie i filosofiya. M., Nauka. 1966. 302 s.
- Eynshteyn A. Fizika i realnost. Sb. st. M., Nauka. 1965. 360 s.

Микешина Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор, Институт социально-гуманитарного образования Московского государственного педагогического университета; mickeshina.lyudmila@yandex.ru

The Thought Experiment, Its Role in Historical Studies

To investigate and develop the epistemology of social studies and the humanities, this paper examines some special features of historical studies methodologies, and, in particular, how thought experiments are possible in historical studies. To begin with, the methodology and significance of thought experiments are shown in connection to the history of physics and the humanities. The main attention is paid to thought experiments and their classical forms in historical studies: H. White's "Metahistory", J. Le Goff's thought experiment as an idea of value orientations generation and its justification, studies of "silent majority" and the conception of purgatory (J. Le Goff, A. Gurevich).

Keywords: epistemology, thought experiment, physics, epistemology of the humanities, historical studies, metahistory

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Pedagogical State University; mickeshina.lyudmila@yandex.ru

Л. П. РЕПИНА

ЭФФЕКТЫ «НЕПОСТИЖИМОГО УСКОРЕНИЯ», ИЛИ ФЕНОМЕН ПРЕЗЕНТИЗМА В ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В центре внимания автора статьи находится проблема презентизма в историческом сознании переломных эпох. Подход автора к анализу этого феномена опирается на идею историчности самого исторического сознания и принцип его социальной контекстуализации. Роль настоящего в истолковании прошлого рассматривается как свидетельство неискоренимой референциальности исторического сознания, а актуализация идеи историчности как общая проблема социогуманитарного знания в условиях кризиса классической темпоральности и поисков «новой эпистемологии».

Ключевые слова: историчность, историческое сознание, историческая культура, режимы темпоральности, переломные эпохи, презентизм

В середине XX века Люсьен Февр четко артикулировал ощущение конца исторической эпохи, говоря о том, что со вчерашним миром, лежащим в руинах, покончено раз и навсегда, и указывая как на «чудовищный рост скоростей (в другом переводе – «непостижимое ускорение»), который, сталкивая континенты, упраздняя океаны, сбрасывая со счета пустыни, приводит к неожиданным контактам человеческих групп, заряженных противоположным электричеством. <...> Уже теперь ясно одно: и нам, и нашим детям нужно приспособливаться – не сегодня, так завтра – к жизни в непрестанно меняющемся, зыбком мире»¹. Впрочем, такое восприятие слома эпох имеет и гораздо более отдаленные прецеденты. Например, достаточно вспомнить, как выразил свое восприятие времени и особое настроение на пороге XVII столетия гениальный поэт и драматург, творивший в эпоху становления новой духовной культуры:

*Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя...
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...²*

Цитируя этот сонет в своей книге «Шекспир и история» М.А. Барг даже вывел определенную закономерность: «чем больше мы отдаляемся от современного состояния исторической науки к ее истокам, тем в большей степени историческое видение ограничено “настоящим”», что

¹ Февр 1990. С. 39–47.

² Шекспир, Сонет 64 (пер. С.Я. Маршака).

особенно характерно для исторического мышления XVI века³. Впрочем, роль настоящего в истолковании прошлого – неизменное свидетельство референциальности исторического сознания (о чем еще будет сказано ниже). В данном случае обращает на себя особое внимание другое – ярко проявленное ощущение историчности самой современности и ускорения (как и неотвратимой разрушительной силы) времени.

Наш современник, известный российский специалист по исторической психологии и психологической культурологии В.А. Шкуратов на заре XXI в. констатировал феномен «сверхбыстрого времени», которое «сводит темпоральности, казавшиеся несовместимыми, в общий класс и позволяет переформулировать вопрос об отношении индивидуальной и исторической длительностей». Согласно Шкуратову, сверхбыстрое время, время гиперсобытийной истории, «качественно отличается от быстрой длительности, отождествляемой с индивидуально-психологической протяжённостью события». «Если раньше история была для современников слишком широка, медленна и необозрима, то сейчас человек слишком медленен для её темпов». «События проносятся так быстро, что наблюдатель истории может фиксировать как бы отдельные детали и следы произошедшего, но целое остаётся за пределами его восприятий». Речь идёт о затруднениях в соединении темпоральных модальностей прошлого и будущего с настоящим при *ускорении* подачи информации. Фрагменты последовательности «прошлое-настоящее-будущее», которая для классической истории является синонимом объективного необратимого времени, перекомпоновываются в циклы обратимого времени, хорошо известного мифу, искусству, литературе, обыденному сознанию, востребуя, таким образом, направления, которые приближают большое время истории ко времени индивидуального человека.

В целом, в своих рассуждениях В.А. Шкуратов исходит из того, что психологическим ядром проблемы времени является «осознание человеком своей изменчивости» и соотнесение его индивидуального «преходящего жизненного срока» с Временем истории. Иными словами, речь идет об актуализации проблемы историчности.

Говоря о понятии «историчность» нужно отметить его разновременное появление и отличающиеся значения в разных языках и культурах. Начиная с XIX в. оно употребляется в научной литературе в двух значениях. Во-первых, в философском – причем специалисты по истории философии, как и по философии истории, фиксируют двойственность значения этого термина в философских словарях: «узкое», или т.н. историко-техническое, синонимичное понятию «фактичности», удостоверенности исторического факта документальным свидетельством, под-

³ Барг 1979.

твержденности данными конкретного исторического исследования⁴, и второе – связанное с существованием в определенном времени и пространстве⁵. Разумеется, чрезвычайно трудно дать обобщающее определение “историчности” как термина современного социально-гуманитарного знания, так как, по сути, мы имеем дело с разными терминами, «вводимыми путем определений в различных философских системах и различных социальных и гуманитарных науках»⁶. Эта общая проблема научного знания особенно актуализируется в перспективе «новой исторической эпистемологии». Однако и в собственно исторической науке мы сталкиваемся с теми же различающимися значениями; среди них наиболее распространенным остается понимание историчности как характеристики историзма в качестве особой формы осмысления истории, обозначаемой как «осознание историчности всего, что существует»⁷. Так, например, Х. Риттер в своем словаре исторических понятий, вышедшем в свет в 1986 г., уже после работ Р. Козеллека об опыте темпорализации истории и даже издания их английского перевода⁸, все еще помещает термин “историчность” в рубрику «Историзм, историзм»⁹.

Между тем, в русле, казалось бы, той же традиции М.А. Барг в статье «Историческое сознание как проблема историографии», впервые опубликованной в журнале «Вопросы истории» в 1982 г.¹⁰, предпочитая говорить не об историчности, а о наполнении общественного сознания, начиная с эпохи Возрождения, элементами историзма, подчеркивал: «Итак, общественное сознание является историческим не в силу того, что его ответы на “вечные вопросы” общественного бытия с течением времени меняются, и не потому, что определенной своей стороной оно обращено в прошлое. Историческое сознание в собственном смысле слова – это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее. Только их сопряжение (что возможно лишь на почве настоящего) в состоянии перевести статику воспоминания и созерцания в динамическую форму предвидения и целеполагания»¹¹, а историки «специфическими для них средствами не только воссоздают прошлое, но, того не сознавая, запечатлевают и себя и свое время – горизонты его видения,

⁴ Bayer 1965. S. 289.

⁵ Ritter 1986. P. 184-185.

⁶ Сундуков 2000.

⁷ См. об этом: Эксле 2004; Oexle 2000.

⁸ Koselleck 1985.

⁹ Ritter 1986. P. 184-185.

¹⁰ Барг 1982. В 1987 г. ее текст был положен автором в основу теоретико-методологического введения «Историческое сознание и история» к его книге «Эпохи и идеи: становление историзма».

¹¹ Цепь времен... С. 13.

способы выражать увиденное»¹². Речь таким образом идет «об историзме самого исторического сознания», определяющего «пространственно-временную ориентацию общества»¹³. И это понимание историзма существенно отличается от классического историзма XIX века. Подчеркиваются две фундаментальные черты историзма нового времени: мысль об исторической эпохе как интегрированном целом, т.е. о взаимосвязанности и взаимообусловленности всех ее граней, всех форм и проявлений человеческого бытия в рамках каждой данной эпохи...»¹⁴, а также исторический релятивизм¹⁵. Само рождение историзма нового времени в эпоху Ренессанса связывается с открытием исторического времени, исторической ретроспективы и исторической дистанции – «глубины исторического времени», обнаруженной в результате осознания содержательного различия между отдельными его отрезками, способности «одной исторической эпохи сравнить себя с предшествующими, чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними»¹⁶.

Проблеме исторической дистанции специально посвящена монография известного канадского историка, специалиста по истории исторической мысли Марка Филлипса¹⁷. В фокусе книги – временная дистанция как историографический феномен, прочно укорененное представление о том, что более ясный и взвешенный взгляд на прошлое можно обрести только с удаленной позиции современности. Однако, принимая наличие временной дистанции как само собой разумеющееся, как необходимое условие изучения прошлого, обычно не учитывают ее специфические формы, которые Филлипс, напротив, подвергает пристальному анализу на материале западноевропейской историографии XVI–XIX вв. Понимая дистанцию как некую форму опосредования, он обращает внимание на разнообразие стратегий, с помощью которых историки позиционируют себя по отношению к прошлому, которое они изучают. Эти стратегии группируются в четыре выделенных, но частично перекрывающих друг друга, категории по принципу целеполагания: 1) стратегии, используемые для написания истории и связанные с историческими формами, жанрами и конвенциями; 2) чтобы испытать чувство истории – аффективную, сентиментальную связь с прошлым; 3) чтобы «делать историю» – эти стратегии соотносятся с ее идеологическими функциями; 4) чтобы понять историю – с функциями объяснения и понимания. Более широкий взгляд на историческую дистанцию с учетом различия возможных перспектив подрывает пред-

¹² Там же. С. 21.

¹³ Там же. С. 13-14.

¹⁴ Барг 1987. С. 262.

¹⁵ Там же. С. 285.

¹⁶ Барг 1984. С. 83.

¹⁷ Phillips 2013.

ставление о развитии историографии как о линейном процессе, неизбежно ведущем к «правильному историческому сознанию». Историография (с выдающимися каноническими фигурами ее классиков) рассматривается всего лишь как одна из целого семейства анализируемых в книге форм исторической репрезентации, включая историческую живопись, историческую беллетристику, музейные экспозиции и др.

Культурно-антропологический подход выводит нас за рамки привычных представлений об историчности, как об отношении к прошлому, формируемому лишь профессиональными историками: историчность понимается как антропологическая универсалия, регулирующая ментальные операции, связанные с ориентацией исторических субъектов разного уровня (индивидов, социальных групп, общества) и опирающаяся на историческую память. Ключевую роль в системе наших представлений об историческом времени играют *образы прошлого, настоящего и будущего*, вокруг которых формируется локализованная во времени и пространстве коллективная память сообщества, обосновывающая его уникальную идентичность в настоящем¹⁸. Продолжающийся бум мемориальных исследований конца XX – начала XXI в. имеет сильные методологические, историографические и этические предпосылки и стимулы. Нео-феноменологическое направление современной историографии создало теоретическую основу для интеграции памяти и воспоминаний в поле исторической науки. Центральную роль в этом сыграли новые концепции исторической темпоральности, преодолевшие модернистское представление о «смерти прошлого» как базовом условии исторического понимания¹⁹. В наиболее известной из них форма «согласования прошлого, будущего и настоящего» описывается понятием «режима историчности».

Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), форм восприятия времени и отношения к нему, понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и культурах, а также на разных социальных уровнях²⁰. Наиболее эффективно это понятие может применяться как раз при изучении периодов кризисов, так как именно в «смутные времена» общественных трансформаций происходят существенные изменения в привычном темпоральном порядке. При этом, говоря о своем понимании режимов историчности как различных способов артикуляции категорий прошлого, настоя-

¹⁸ Misztal 2003.

¹⁹ Spiegel 2014.

²⁰ Hartog 2003; Artoг 2002.

щего и будущего, Артог не устает подчеркивать, что режим историчности – не реальность, а «эвристический инструмент, близкий к веберовскому идеальному типу»²¹. Этот инструмент анализа помогает ответить на вопросы: «имеем ли мы дело с забытым прошлым или с прошлым, слишком часто актуализируемым; с будущим, которое почти исчезло с горизонта, или с будущим, скорее угрожающим нам своим неизбежным приближением; с настоящим, беспрестанно топящим в секундинности или почти статичным и бесконечным, если не вечным?»²².

Векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем)²³. Идея истории, охватывающей все три модуса времени, стала достоянием европейской исторической мысли XVI столетия, но лишь к эпохе Просвещения обрела однозначно линейную перспективу. С конца XVIII столетия время воспринимается через идеи прогресса, история – как процесс осознания себя во времени, когда само время, по сути, «превращается в действующее лицо истории»²⁴. Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, позволяла принимать в настоящем активное участие в создании будущего, а в России она получила отчетливо-утопическую («футуристическую») окраску с исторической ретроспективой, в которой прошлое и настоящее выступали лишь как приготовление к «славному будущему»²⁵. Устойчивость такого утопического типа исторического сознания неоспорима. Однако соотношение времен оказывается исторически специфичным и культурно обусловленным. Как было отмечено Ю.М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»²⁶.

Специалисты по истории разных цивилизаций редко сопоставляют результаты своих исследований, а если это случается, то процедура, как правило, сводится к противопоставлению. В таком сравнении доминирует неизбежная предзаданность культурного контекста, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имею-

²¹ Артог 2007.

²² Артог 2008.

²³ Так, например, по словам П. Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего». См.: Хаттон 2003. С. 24.

²⁴ Артог 2007.

²⁵ Артемьева 2005. С. 6.

²⁶ Лотман 1996. С. 344–345.

щееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение иных вариантов исторического мышления (т.н. «культурный империализм»). В случае неотрефлексированности этой ситуации, сравнение превращается в простое измерение дистанции от некритически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности»), «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и исторического описания.

«Историческое сознание» в строгом (нововременном) смысле разрушилось в период постмодерна. Формируется новый тип исторической культуры: восприятие прошлого задается настоящим, темпоральной стратегией режима историчности становится презентизм. Кризис линейной темпоральности – это фактически кризис социальной памяти исторического типа. Новейшая эра в истории человечества многократно превзошла все предшествующие, как внутренним динамизмом, так и стремительным нарастанием национальных и глобальных проблем экзистенциального характера²⁷. Острое ощущение смены ритма исторического времени и даже «разрыва временного континуума» на переломе эпох включило, начиная с последней четверти XX века, *презентистский режим историчности*²⁸, который, став одной из доминант профессионального сознания современных историков, окрашивает в особые тона как никогда многочисленные и напряженные дискуссии по ключевым проблемам исторического познания, включая все аспекты «присутствия прошлого в настоящем». В этой связи стоит на мой взгляд, учитывать, по меньшей мере, два обстоятельства, связанных уже не столько с проблемой времени, сколько с характеристикой социального пространства: 1) В общих условиях кризиса исторического сознания и смены режима историчности презентистское настоящее переживается очень по-разному в зависимости от места, занимаемого историком и самим обществом в историческом пространстве; 2) Стоит помнить о том, что организация, упорядочение прошлого в зависимости от ситуации и вызовов настоящего – это базовая социальная функция истории, постоянный атрибут исторического сознания как составляющей сознания общественного. В сущности, всякая история является презентистской.

Не случайно эта линия четко прослеживается в продолжающихся дискуссиях вокруг проблем исторической эпистемологии в профессио-

²⁷ Наблюдая за современными процессами глобализации, Артог поставил вопрос, как установить связь между прошлым, настоящим и будущим в условиях «быстрого возвышения категории настоящего»? – Hartog 1995. P.1223-1227.

²⁸ Он символически датирует поворот от модернистского режима к презентистскому 1989-м годом. – Hartog 2003. См. также: Мильчина 2004.

нальном сообществе. Так, в 2017 г. журнал “Past & Present”, желая стимулировать дискуссию о состоянии дисциплины и о практике истории как внутри, так и вне академии, провел на своих страницах научный форум «Прошлое и... презентизм», пригласив семерых специалистов в разных областях исторического знания высказаться по проблеме презентизма с отсылкой к предмету исследования каждого из них²⁹. Были поставлены следующие вопросы:

1. Какое место занимает презентизм в современной историографии?
2. Могут ли историки избежать видения прошлого сквозь призму настоящего?
3. Следует ли предпринимать наши исследования с учетом их текущей актуальности и с целью преобразования будущего?

Высказанные точки зрения можно представить следующим образом:

Несколько участников обратили внимание на традиционно негативные коннотации термина «презентизм», обычно используемого для описания пристрастной историографии, окрашенной сиюминутными интересами, заботами и ценностями. Они отражают обеспокоенность относительно искажающих эффектов и опасностей отношения к прошлому с позиции настоящего, считая анахронизм самым ужасным грехом историка. Инстинктивная подозрительность к презентизму, преобладающая среди многих историков является наследием позитивистского идеала объективности, установленного в период профессионализации исторической дисциплины в XIX в., исходя из убеждения в том, что прошлое следует изучать ради него самого, а не для решения текущих проблем, что усиливалось расцветом триумфалистских, телеологических моделей исторического анализа в конце XIX – первой половине XX в. Презентизм в этом своем значении остается одним из негативных критериев, относительно которых определяется профессионализм работы историков. Частота употребления этого термина в последние десятилетия связывается с теми переменами, которые делают насущной задачей защиту общественной полезности истории как науки, исходя из того, что доказательство актуальности исторических исследований является одним из способов преодоления кризиса гуманитарного знания.

Как выразилась Александра Уолшем (Alexandra Walsham, Un-ty of Cambridge) «амбивалентное отношение к презентизму у нас... сохраняется, несмотря на скептицизм относительно возможности избавиться от предубежденностей нашей культурной обусловленности... Сегодня общепризнано, что некоторая степень презентизма является неизбежной проблемой исторического метода. Но есть также укрепившееся осознание того, что те трудные вопросы, которые мы предъявляем чу-

²⁹ Viewpoints: Presentism. Introduction...

жой стране прошлого одновременно приносят нам самые ценные про-никновения в ее характер». Динамичный и креативный диалог с прошлым с позиции настоящего «зависит от признания инаковости прошлого и подхода к нему с инструментами, которые позволяют нам читать то, что скрыто под поверхностью». Мири Рубин называет этот подход «контролируемым анахронизмом». Питер Косс пишет об «уникальной смеси перспективизма и ученой беспристрастности» историка. Кэтрин Холл, призывая к усиленной саморефлексии, подчеркивает, что побочный эффект импортирования проблем настоящего в сферу научных штудий часто оказывается полезным, так как они под особым углом высвечивают предмет исследования, открывая его новые аспекты.

Какова же роль историка во все более презентистском мире? Отвечая на этот вопрос в перспективе более широкого взгляда на историю исторического знания, согласимся с тем, что использование своей позиции в настоящем для реализации роли историка как посредника между поколениями может быть воспринята как приемлемая форма презентизма. Темпоральные характеристики исторического сознания имеют еще один важный аспект, который связан со статусом истории как особой *критической* (корректирующей) формы памяти о прошлом. Большинство представлений о прошлом в памяти социума, как и индивидуальные воспоминания, не отличаются хронологической определенностью и даже не связаны с последовательностью событий. Именно историк организует и преобразует разрозненные факты прошлого в связное повествование. Итак, будучи включен в пространство социальной памяти, историк одновременно призван ее «поправлять», руководствуясь профессиональными стандартами и нормами³⁰. Как говорил Фернан Бродель, «историк должен быть наделен критическим взглядом, позволяющим ему отвлечься от текущих обстоятельств»³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артемуева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
- Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 22-35. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ar3.html>
- Артог Ф. Время и история // *Анналы* на рубеже веков: антология. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 147–168.
- Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? // Дебаты. 15.03.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/8000>
- Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2007. С. 13–23.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // *Неприкосновенный запас* 2008. № 59 (3). URL: <http://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/>

³⁰ Как удачно выразился Ангуан Про, память «...черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств». Про 2000. С. 319.

³¹ Артог 2013.

- Барг М. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49-66.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.
- Барг М.А. Шекспир и история. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. 216 с. (Серия «Из истории мировой культуры»). (1-е изд. – 1976).
- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: «Мысль», 1987. 354 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Мильчина В. (реферат). Ф. Артог Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5 (19). С. 214-225.
- Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Сундуков Р. Значение термина “историчность” в немецкой философии XIX в. // Логос. 2000. № 5/6. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5_6_09.htm
- Февр Л. Лицом к ветру. Манифест новых “Анналов” // Бои за историю. М.: Наука, 1990. С. 39-47.
- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
- Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84-110.
- Bayer E. *Geschichtlichkeit* // Wörterbuch zur Geschichte. Stuttgart: A. Kröners, 1965. 545 S.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Presentisme et Experiences du temps. Paris: Seuil, 2003. 257 p.
- Hartog F. Temps et histoire. Comment écrire l'histoire de France? // Annales. 1995. A. 50. № 6. P. 1219-1236.
- Koselleck R. *Futures Past*. Cambridge, Mass.: Columbia University Press, 2004. 318 p.
- Misztal B. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead: Open University Press, 2003. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640#sthash.p5zf3FHP.dpuf>
- Oexle O.G. *Kulturelles Gedächtnis im Zeichen des Historismus* / H.-R. Meier, M. Wohlleben (Hg.). Bauten und Orte als Träger von Erinnerung. Die Erinnerungsdebatte in der Denkmalpflege. Zürich, 2000. S. 59-75.
- Phillips Mark S. *On Historical Distance*. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. 312 p.
- Ritter H. *Dictionary of Concepts in History*. N.Y. etc., 1986. 514 p.
- Spiegel Gabrielle M. *The Future of the Past: History, Memory and the Ethical Imperatives of Writing History* // *Journal of the Philosophy of History*. 2014. Vol. 8. P. 149–179.
- Viewpoints: Presentism. Introduction // *Past & Present*. 2017. No. 234. P. 213-217.

REFERENCES

- Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu: Filosofiya istorii i utopiya v Rossii ehpori Prosveshcheniya. SPb.: Aletejya, 2005. 496 s.
- Artog F. Vremya i istoriya // *Annaly na rubezhe vekov: antologiya*. M.: IVI RAN, 2002. S. 147–168.
- Artog F. Kakova rol' istorika vo vse bolee «prezentistskom» mire? // *Debaty*. 15.03.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/8000>
- Artog F. *Mirovoe vremya, istoriya i napisanie istorii* // *Krynicaznaŭstva i spe-cyjal'nyya gista-rychnyya dyscypliny: navuk. zb. Vyp. 3*. Minsk : BDU, 2007. S. 13–23.
- Artog F. *Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti* // *Neprikosnovennyj zapas* 2008. № 59 (3). URL: <http://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/>
- Barg M. *Istoricheskoe soznanie kak problema istoriografii* // *Voprosy istorii*. 1982. № 12. С. 49-66.
- Barg M.A. *Kategorii i metody istoricheskoy nauki*. M.: Nauka, 1984. 315 с.
- Barg M.A. *SHekspir i istoriya*. 2-е изд., испр. i dop. M.: Nauka, 1979. 216 s. (Seriya «Iz istorii mirovoj kul'tury»). (1-е изд. – 1976).
- Barg M.A. *EHpori i idei. Stanovlenie istorizma*. M.: «Mysl'», 1987. 354 s.
- Bayer E. *Geschichtlichkeit* // Wörterbuch zur Geschichte. Stuttgart: A. Kröners, 1965. 545 S.
- Cep' vremeni: problemy istoricheskogo soznaniya / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2005. 256 с.
- EHksle O.G. *Istoricheskaya nauka v postoyanno menyayushchemsya mire* // *Dialog so vrememem*. 2004. Vyp. 11. S. 84-110.

- Fevr L. Licom k vetru. Manifest novyh "Annalov" // Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1990. S. 39-47.
- Hartog F. Régimes d'historicite. Presentisme et Experiences du temps. Paris: Seuil, 2003. 257 p.
- Hartog F. Temps et histoire. Comment écrire l'histoire de France? // Annales. 1995. A. 50. № 6. P. 1219-1236.
- Hatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Vladimir Dal', 2003. 424 s.
- Koselleck R. Futures Past. Cambridge, Mass.: Columbia University Press, 2004. 318 p.
- Lotman YU.M. Vnutri myslyashchih mirov: CHelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
- Mil'china V. (referat). F. Artog Tipy istoricheskogo myshleniya: prezentizm i for-my vospriyatiya vremeni // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 (19). S. 214-225.
- Misztal B. Theories of Social Remembering. Maidenhead: Open University Press, 2003. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640#sthash.p5zf3FHP.dpuf>
- Oexle O.G. Kulturelles Gedächtnis im Zeichen des Historismus / H.-R. Meier, M. Wohlleben (Hg.). Bauten und Orte als Träger von Erinnerung. Die Erinnerungsdebatte in der Denkmalpflege. Zürich, 2000. S. 59-75.
- Phillips Mark S. On Historical Distance. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. 312 p.
- Pro A. Dvenadcat' urokov po istorii. M.: RGGU, 2000. 336 s.
- Ritter H. Dictionary of Concepts in History. N.Y. etc., 1986. 514 p.
- Spiegel Gabrielle M. The Future of the Past: History, Memory and the Ethical Imperatives of Writing History // Journal of the Philosophy of History. 2014. Vol. 8. P. 149-179.
- Viewpoints: Presentism. Introduction // Past & Present. 2017. No. 234. P. 213-217.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Effects of “incomprehensible acceleration”, or Phenomenon of presentism in the history of historical consciousness

The focus of the article is on the problem of presentism in the historical consciousness of turning epochs. The author's approach to the analysis of this phenomenon is based on the idea of historicity of the historical consciousness itself and the principle of its social contextualisation. The role of the present in interpreting the past is seen as evidence of the ineradicable referential nature of historical consciousness, and the actuality of the idea of historicity as a common problem of socio-humanitarian knowledge in the context of the crisis of classical temporality and the search for "new epistemology".

Keywords: historicity, historical consciousness, historical culture, regimes of temporality, turning epochs, presentism

Lorina Repina, Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of World History (RAS), Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru

С. К. ЦАТУРОВА

О ПОЛЬЗЕ ПРЕЗЕНТИЗМА, ИЛИ КАК ИЗУЧАТЬ ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОЖИДАНИИ ЕГО ОТМИРАНИЯ

Статья посвящена анализу обновления политической истории в медиевистике, под воздействием эпистемологического кризиса рубежа XX–XXI вв. Назревшая необходимость системного и междисциплинарного подхода наиболее эффективно реализуется в сфере изучения истории форм власти и построения государства. Одним из перспективных способов по-новому изучать истоки формирования в Средние века государства современного типа является презентизм. Он оправдан феноменом государства как явления «большой длительности», а также природой политической истории как опоры гражданского общества и национальной исторической памяти. Особое внимание в статье обращено на сложную взаимосвязь власти и общества в качестве нового подхода к изучению исторических форм властвования.

Ключевые слова: *презентизм, национальное государство, новая политическая история, власть и общество*

Историческая наука прошла за последние сто лет через ряд кардинальных преобразований¹. Кризис в «позитивистском» восприятии общественных структур и «генерализирующей истории» позволил внести коррективы в понимание взаимодействия разных сторон функционирования общества. Решающий вклад школы «Анналов» в новое сопряжение духовного мира человека и социальных структур («духовное в материальном, материальное в духовном») обозначил уход от бинарной оппозиции материи и духа и их иерархии. Отказ от «большого нарратива» привлёк внимание к значению отдельных казусов, к микроистории социальных групп, корпораций, индивидов. Наконец, «лингвистический поворот» заставил учёных задуматься над используемой ими терминологией и включил исследователя, его мыслительный инструментарий, в ткань исторического исследования. Сам труд историка, а не его научные результаты, стал объектом изучения. В исторических текстах видится не столько отражаемая ими реальность прошлого, сколько интерпретация, способ мышления и высказывания. В результате историк воспринимается как «интерпретатор интерпретаторов», который постоянно переписывает историю и генерирует новый дискурс о прошлом².

Историкам рекомендуется избегать использования терминологии, чуждой изучаемой эпохе. В этой сфере кризис интерпретаций породил споры о смысловом наполнении используемых терминов в духе немец-

¹ Из новейших работ на эту тему см.: Ассман 2017.

² См. об этом: Копосов 2001.

кой школы «истории понятий» (Begriffsgeschichte)³. Негативным следствием этого плодотворного направления в исторической науке стало модное отрицание традиционных для инструментария историка терминов, как не адекватных конкретным данным исторических источников. При этом нередко отсутствие слова выдаётся за отсутствие самого явления. В результате, в отечественной медиевистике отрицанию подвергаются такие базовые понятия, как «феодализм», «государство», «сословия», «сословно-представительные органы», «чиновники» и т.д.⁴ Эти крайние позиции показывают игнорирование фундаментального принципа мышления – расхождение по времени между самим явлением и его осмыслением и, как следствие, вербализацией⁵.

Крайности такого подхода, отрицая возможность описать научным языком историческую реальность, заводят труд историка в тупик. Термины как «суммарные эмпирические понятия», согласно И. Канту, никак не могут быть с точностью определены, но только лишь объяснены. По самой своей природе исторические термины «ложны» и расплывчаты, поскольку сам их предмет подвижен. Как справедливо отметил Поль Вен, книгу по истории «нужно рассматривать как поле битвы между постоянно меняющейся истиной и постоянно анахронистичными понятиями»⁶. В этом плане, анахронизмы в исторических исследованиях были всегда, и они неизбежны, а используемые историком термины, скорее, раскрывают избранный автором подход в анализе прошлого.

Темпоральность Нового времени начиная с XVII в. была устремлена в будущее и основывалась на эволюционной модели познания, что послужило источником научного оптимизма историков, которые искали в прошлом истоки настоящего, сознательно уходя от «праздного любопытства» антиквариев⁷. Кризис «темпорального режима Модерна», выразившийся в противопоставлении «пространства опыта» и «горизонта ожидания», привёл к кардинальному разрыву между прошлым и будущим. Крах теории модернизации вызвал острый пессимизм историков,

³ Знаковым событием в этом контексте стал выход в России фундаментального труда: *Словарь основных исторических понятий*. . . 2014.

⁴ Споры о термине «феодализм» см.: *Феодализм*. . . 2008; сомнения в существовании государства ранее XVIII в.: *Каменский* 2013. С. 104-132; отрицание термина «чиновники» применительно к государственным служащим французской монархии, ставшим в раннее Новое время владельцами должностей: *Малов* 2009. С. 42-43. О спорности термина «сословно-представительные учреждения»: *Бойцов* 2014.

⁵ Об этой позиции и ошибочности «войны с терминами» см.: *Хачатурян* 2007.

⁶ *Вен* 2003. С. 160-171.

⁷ Так, например, Г. Дюкудрей, автор ставшего классическим труда по истории Парижского парламента, в предисловии признавался, что постоянно задавал себе вопрос, не двигает ли им «эрудитское любопытство», и успокаивался, лишь убеждаясь, что этот институт французской монархии пережил её и сохранил своё значение в настоящем, став основой нынешних органов власти (*Ducoudray* 1902. P. VII).

неуверенность в будущем и отход от поисков его истоков в прошлом⁸. Как следствие, историки стараются всячески избегать любого намёка на идею прогресса и «телеологию», подчёркивая относительность, историчность всего и вся – от институтов до ценностей, что проявляется и в новом отношении к Средневековью как абсолютно чужому, другому миру, который необходимо реконструировать с помощью проникновения в ментальные структуры данного социума и в духовный мир конкретного человека⁹. Как образно выразился Ж. Ле Гофф, «общества прошлого нужно ловить их собственными сетями»¹⁰.

Осознание релятивизма ценностей и включение исследователя с его взглядами и структурой сознания в ткань научной работы привело к усилению «великой драмы историка» (Л. Февр) – признанию относительности добытой им исторической истины. Это, с одной стороны, породило некоторый эскапизм историков, культ обособленной учёной касты, живущей в отрыве от преходящих запросов дня и изучающей историю ради самой истории. Но такой подход вне актуальных запросов общества грозит историкам маргинализацией, не говоря уже об угрозе остаться без «заказчика», финансирующего их труд¹¹. С другой стороны, культ разрыва между прошлым и будущим поставил историка перед выбором между двумя диаметрально противоположными способами интерпретации источников: смотреть либо «изнутри» данного исторического общества, либо извне, из сегодняшнего дня. Этот выбор трактуется как столкновение между «понимать или объяснять», «вчитывать или вычитывать», – «и вместе им не сойтись». «Я» историка и «другой» источника предстают как столкновение двух несовместимых дискурсов.

Но так ли это? Может ли историк, даже обладающий основательными знаниями и воображением, погрузиться целиком в мир далёкого прошлого, забыть знание о последующих событиях и явлениях, освободиться от себя нынешнего? Такая объективность возможна только в тех науках, где исследователь не вовлечён в исследование как личность. Кроме того, природа человека, способы его мышления и реакций обладают определёнными свойствами, не зависящими от конкретных исторических обстоятельств. Именно это даёт историку саму возможность анализировать прошлое. Поэтому выбор ракурса исследования между «изнутри или извне» кажется мне ложным.

Одним из наиболее адекватных выходов из современного кризиса в исторической науке мне видится направление, несколько иронично именуемое «презентизмом». Презентизм как новый режим исторично-

⁸ О нынешнем «кризисе оптимизма» см.: Копосов 2005; Chartier 1998; Guerreau 2001.

⁹ Об этом повороте в историографии см.: Бессмертный 2003.

¹⁰ Ле Гофф 2000. С. 34.

¹¹ На эту тенденцию в сообществе историков, замыкающихся в «академическом гетто», и её негативные последствия справедливо указал А. Про (Про 2000. С. 300-318).

сти и методология не стесняется провозглашать, что интерес историков к прошлому диктуется запросами нынешнего общества. Это направление на новом витке и с обновлённым багажом возвращает нас к традициям поиска истоков современности в истории, хотя излишне педалирует приоритет исторической памяти как ориентира в прошлом. Ряд историков принципиально возражает против императива «мест памяти» при выборе объектов исторических исследований и настаивает на сущностном противостоянии истории и памяти. Но здесь присутствует и вполне рациональное понимание того, что человек немислим без памяти, а она нуждается в опорах в виде документов, исторических книг и памятников. При этом нельзя помнить всё, а значит отбор того, что заслуживает памяти, неизбежен. Следовательно, история как научное знание априори предполагает отбор того, что в данный момент необходимо узнать, понять и запомнить. В результате, невольно реабилитируется «телеология» как неустранимый элемент исторического анализа, сочетающийся с альтернативной историей и «сослагательным наклоном». Историческое исследование ушло от описания прошлого, став изучением проблем, а выбор этих проблем тесно увязан с современными запросами.

Презентизм возвращает нас к оптимизму рубежа XIX–XX вв. в духе лозунга Б. Кроче «Всякая история должна быть современной»¹², и открыто признаёт относительность добытых историографией истин, считая это не грехом, а напротив – важной частью исторического знания. Отношение к политической заданности исторических трудов, определяемой позицией их авторов, сегодня отмечено более тонким подходом и вниманием к нюансам. Тем более что ангажированность политической повесткой дня характерна для всех периодов историописания, начиная с Античности. Включение самого исследователя в ткань его работы в ещё большей степени реабилитирует научную значимость подобной заданности интерпретационных моделей¹³. «Непредсказуемое прошлое» предстаёт имманентным свойством исторического знания.

Презентизм особенно плодотворен в области политической истории. Собственно, история как рефлексия о прошлом возникает, а затем как научное знание складывается вокруг политической составляющей в историческом развитии. Сначала это были деяния правителей, войны и гражданские потрясения, позднее – институты и структуры, наконец, социальные группы, люди и их сознание, но всегда именно политическая история задавала проблематику анализа прошлого и рамки исторической памяти. Эта область истории интересует всех и всегда, поскольку

¹² О преимуществах презентизма в области политической истории см.: Dufour 1994.

¹³ В анализе развития социальной истории во французской историографии второй половины XX в. П.Ю. Уваров справедливо обратил внимание на подспудные, нередко политически мотивированные интенции историков, определившие их подходы к истории Средневековья. См.: Уваров 2004. С. 23–70.

обращена к совести человека и формирует его гражданскую позицию¹⁴. Неслучайно поэтому именно политическая история, прежде всего, переписывается каждым новым поколением историков, и это правильно, поскольку моральные ценности и приоритеты общества меняются, и необходимо постоянно искать их опоры в прошлом. Усиление в наши дни политического фактора в жизни общества придаёт области политической истории особенную значимость. Наконец, политическая история по своей природе справедливо претендует на жанр «Большой Истории», где сходятся так или иначе все структуры исторического общества.

Устоявшееся мнение о намеренном отказе ведущей в историографии XX в. школы «Анналов» от политической истории не совсем точно. Разумеется, и ее отцы-основатели, и второе поколение при Ф. Броделе, и даже третье поколение Ж. Ле Гоффа и Ж. Дюби осуждали выхолощенную политическую историю как описательную, событийную, нетребовательную. Но именно они способствовали подлинному обновлению политической истории за счёт соединения её с экономическим и социальным компонентом, с областью сознания и ментальностей, с мифами, ритуалами и символикой. Показательно, что никто иной, как М. Блок написал книгу «Короли-чудотворцы», по достоинству оцененную во Франции только спустя десятилетия, а Ж. Ле Гофф признавал политическую историю «становым хребтом» исторического анализа¹⁵.

«Возвращение» политической истории в центр внимания медиевистов в конце XX – начале XXI в. ознаменовано усвоением достижений предшествующей историографии и характеризуется рядом существенных новаций. Прежде всего, вместо истории государства и его институтов историки обратились к власти в самом широком смысле – от методов властвования до центров принятия решений, от политических ритуалов и символики до высоких идей и массовых представлений. Национальное централизованное государство современного типа трактуется как форма организации власти, возникшая на Западе в позднее Средневековье в конкретных социально-исторических условиях и определяемая ими. А в силу структурообразующей роли политического фактора в функционировании средневекового общества проблематика истории власти и государственных институтов приобрела особенное значение¹⁶. Как следствие, сам процесс «государственного строительства» предста-

¹⁴ А. Дюфур определяет ее как «этико-политическую историю» (Dufour 1994. P. 318).

¹⁵ См.: Genet 1990. P. 7-9; Ле Гофф 2001.

¹⁶ Как отметила Н.А. Хачатурян, «политический фактор выступает в системе феодальных отношений в качестве неременного условия реализации феодальной собственности, составляющей основу феодализма, определяя, таким образом, специфику взаимодействия экономического фактора и общественно-политического развития» (Хачатурян 1989. С. 3). О трансформации природы монархической власти, от патриархальной к публично-правовой см.: Хачатурян. 2008.

ёт мощным фактором развития всех сторон жизни общества, «мотором» кардинальной трансформации средневекового социума в социальной, идейно-политической и культурной сферах.

При таком подходе становится ясно, что политическая история по своей природе является междисциплинарной областью исторического знания и предполагает сопряжение в едином пространстве исследования разных аспектов жизни общества – права и структур, идей и верований, корпораций и людей, событий и их альтернатив. Она настоятельно возвращает нас к системному анализу и к «Большой Истории». О глубокой неавтономности современной политической истории убедительнее всего свидетельствует тот факт, что импульсы к её обновлению поначалу исходили от представителей других гуманитарных дисциплин – антропологов, социологов, правоведов, лингвистов. В результате весь гуманитарный учёный мир способствовал созданию обширного поля междисциплинарных исследований, направленных на изучение феномена власти и рождения национального государства.

Центральной задачей такого рода исследования становится формирование нового отношения к объекту анализа. Эта задача была в центре размышлений выдающегося французского социолога П. Бурдьё, который обращал внимание на необходимость для исследователя складывания государства «освободиться от его магии», довлеющей над мышлением современного человека, живущего в национальном государстве и сформированного им до такой степени, что он даже не подозревает, насколько его интерпретационные модели заданы этим обстоятельством. Как отмечал Бурдьё, прежде всего необходимо освободиться от исторически обусловленного, но позиционируемого как нечто универсальное, восприятия государства и его институтов. Таков, на взгляд Бурдьё, путь выхода из двойного кризиса в историографии конца XX в.: отказ от «ретроспективной иллюзии фатальной предопределённости (по выражению Р. Арона), выступающей как действие надличностных сил». С другой стороны, это возможность сопряжения людских намерений, интенций и идей с функционированием и развитием институтов власти.

В центре такого подхода лежит «отход от телеологического воззрения, основанного на ретроспективной иллюзии, представляющей становление французской монархии как «проект», последовательно реализованный королями». Бурдьё настаивал на главенствующей роли юристов и чиновников, «создающих государство, которое создаёт их». Они навязывают обществу свои интересы, выдавая их за нечто универсальное и за «общий интерес». Но действия этих юристов и чиновников не произвольны, они определяются спецификой самого бюрократического поля и конкретными историческими обстоятельствами. Таким образом, в обществе существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять их действия и формирующие

их представления. Таков путь преодоления одновременно объективистского и субъективистского подходов, через диалектическое соединение «структур и представлений» в концепции «пространства как поля сил, как совокупности объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимым к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным «взаимодействиям»¹⁷.

Применение этого подхода помогло мне решить главную методологическую проблему при изучении истории складывания во Франции позднего Средневековья органов государственной власти: как соединить институты и людей, как выйти из заколдованного круга – «чиновник формирует институт», «сам чиновник формирует институт». Соединение институциональной истории с историей социальной и культурно-ментальной (по Веберу и Бурдьё) позволило выйти из «порочного круга» объяснения специфики института через сам же институт. Изучение властных элит как корпораций, бюрократического поля вместо Аппарата, различных по своей природе «капиталов» (политического, символического и др.), специфики габитуса чиновников – позволило в новом ракурсе увидеть становление монархической власти во Франции. С другой стороны, на процесс влияли неустранимость личного характера монархического правления, оформление публично-правовых основ власти, ставших рычагом для перетягивания на персону короля властных полномочий, центральное место права и судебной компоненты в королевских прерогативах на первом этапе, и как следствие, ведущая роль юристов и их интересов в процессе построения государства. Наконец, необходимо было включать в ткань исследования и события – эти «демоны прошлого» политической истории (по выражению Ле Гоффа), без которых не будет понятен исторический процесс. Ведь он был нелинейным, и постоянно появлялись альтернативы («точки бифуркации», по Илье Пригожину, в «неравновесных ситуациях»), «система» делала выбор, и надо было понять какой и почему¹⁸.

В современной французской историографии этот подход завоевал себе место не без проблем. Здесь связь труда историка с общественными настроениями выглядит особенно наглядной. История французского государства веками находилась в фокусе внимания идеологов и апологетов монархии, затем антиквариев XVII в. и, наконец, историков XIX в., создавших национальный миф о зарождении в Средние века институтов современного государства. В итоге французская монархия стала эталонным формированием сильного централизованного государства в Западной Европе. Даже терминология политической истории и построения западноевропейского государства на проверку оказывается формализованным

¹⁷ См. подробнее: Бурдьё 2016; 2007.

¹⁸ Цатурова 2012.

описанием именно французского варианта развития. Однако порождение многовековой и целенаправленной воли французов – государство воспринимается ныне как «безжизненное чудовище», источник бед общества, и у историков ищут ответ об истоках его становления¹⁹. С одной стороны, изучение средневековых истоков современного государства оправдывается самим фактом существования повсюду в Европе национальных государственных образований, и при всей самостоятельной ценности каждого этапа в его становлении эта перспектива «большой длительности» присутствует в подходах историков. Однако подспудно, к 1990-м гг. в этих подходах проступило ожидание грядущего отмирания национально-государственных образований («государств-наций») и усиления Европейского Союза как нового типа государства.

Об этой перспективе недвусмысленно заявлял один из руководителей грандиозного научно-исследовательского проекта, «Происхождение современного государства» (*Genèse de l'État moderne*) Ж.-Ф. Жене²⁰. Проект стартовал в 1984 г. под эгидой Национального центра научных исследований Франции (CNRS) и при финансовой поддержке Европейского научного фонда. Он длился несколько лет и объединил усилия учёных многих стран; были проведены десятки конференций и круглых столов, изданы их доклады и семитомная монография. Однако, в целом, приходится признать, что цели проекта не были достигнуты, и он закончился неудачей, как не сбываются надежды на усиление Европейского Союза в противовес национальным государствам²¹.

Сложность точного перевода на русский язык названия проекта (происхождение «современного государства» / «государства Нового времени» / «модерного государства» и т.п.), на мой взгляд, не случайна. Участники проекта хотели соединить Новое время с предшествующим периодом, протянуть нити к средневековому этапу в становлении национального государства, о чём свидетельствует избранный ими временной отрезок – XIII–XVII вв. И, хотя историки прослеживали средневековые истоки государства Нового времени, в конечном счете они ориентировались на модель нынешнего государства с его институтами, правом, прерогативами и сферой компетенции как на матрицу государства современного типа²². Здесь и была, на мой взгляд, заложена «мина» под

¹⁹ О французском государстве – одновременно «этalone и пугале» см.: Autrand, Barthélemy, Contamine 1991. P. 101-118.

²⁰ Genet 1990. P. 10.

²¹ Об этом см.: Кром 2016.

²² Авторы обзора французской историографии «новой политической истории Средневековья» справедливо акцентировали внимание на двусмысленности в названии проекта: идёт ли речь о государстве Нового времени или же о современном государстве, в котором мы сейчас живём, и, в итоге, пришли к тому, что следует исходить из параметров l'État actuel (Autrand, Barthélemy, Contamine 1991. P. 112).

сам научный проект: разрыв между Средневековьем и Новым временем, тем более – современностью, остаётся у большинства историков на Западе непреодолимым. Он опирается на глубокую идеологическую приверженность цезуре, ознаменованной Революцией 1789 г.: современное или гражданское общество мыслится как «общество без короля и без Бога». Слово «современное» здесь синонимично слову «светское» и оно отторгает средневековый этап, с его сакральной концепцией власти, в пользу принципов рационализма, профессионализма и государственного интереса, якобы чуждых монархиям даже позднего Средневековья. Эту тенденцию подверг резкой критике историк права Г. Дж. Берман: по его мнению, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. все идеологии «вступили в заговор» с целью отрицать или игнорировать средневековые корни современных западных институтов, навязав тем самым фальшивую периодизацию истории Запада, скрывающую осевую переворот, связанный с «папской революцией» XI–XII вв. и центральной ролью церкви в становлении современного западного государства²³. По признанию французских историков, они уже с трудом преодолевают бесплодную дилемму «государство или церковь» и вынуждены констатировать сохранение религиозных по происхождению институтов, правовых норм, идеологием и церемоний вплоть до конца Старого порядка²⁴. Традиционная (начиная с XIX в.) концепция становления монархического государства через «победу над феодализмом и церковью» своими корнями уходит в период Возрождения с его пафосом обновления и, через полемику времен Религиозных войн и Реформации, в эпоху Просвещения и предреволюционной пропаганды во Франции с уничтожением Средневековья и отождествлением абсолютной власти монарха с деспотизмом²⁵.

Сохраняющийся глубокий идейный либерализм французских историков, приверженность «демократическим идеям» и настороженность в отношении государства сказываются на их восприятии новых подходов к изучению политической истории. В частности, с некоторым опозданием они обратились к изучению таких тем, как роль корпораций и корпоративных форм социальной жизни, политических церемоний и ритуалов, символических стратегий в методах властвования²⁶.

Отечественная историография, пройдя свой сложный путь к обновлению политической истории, оказалась более восприимчива к новым подходам²⁷. Созданная в 1992 г. в России исследовательская группа «Власть и общество» под руководством Н.А. Хачатурян способствовала институциональному оформлению направления политической истории

²³ Берман 1994. С. 56, 263-265.

²⁴ Gauvard, Boureau, Jacob, Miramon 2002. P. 462; Guéry 1996.

²⁵ Richet 1991. P. 403-410; Guenée 1964. P. 332; Ле Гофф 2001 С. 31-37; 410-413.

²⁶ Об идейных истоках этой тенденции и путях её преодоления см.: Цатурова 2016.

²⁷ См. подробнее: Хачатурян 2001.

в российской медиевистике. Синтезировав наработки западных коллег и опираясь на багаж отечественных историков, участники научной группы успешно реализовали системный подход к политической сфере: история власти и методов властвования, большая длительность построения государства, идеи-ритуалы-символизм, право и социальное измерение. Благодаря их усилиям реабилитированы были прежде подвергавшиеся остракизму темы: роль сеньориального и монаршего двора, значение харизмы правителя и сакральной природы власти, социальная функция придворных церемоний и политических ритуалов, связь массовых политических представлений с мифологией власти²⁸.

Заявленная в названии научной группы проблема представляется краеугольной для обновления сферы исследований политической истории. В этой связи хотелось бы обратить внимание на один из ее аспектов. Власть и общество – насколько они связаны друг с другом, как взаимодействуют, и кто из них, в конечном счёте, играет первую скрипку? Здесь стоит обратить внимание на двоякий смысл слова «государство». Оно подразумевает два разных явления: государство как страну с границами, народом и институтами, и государство как аппарат управления, противостоящий «управляемым», т.е. обществу. В последнем случае государство, как определённым образом организованная власть, находится в оппозиции к обществу. Но так ли они противостоят друг другу на самом деле? И не пришло ли время оба смысла – гражданское общество и аппарат управления – теснее увязать друг с другом?

Государство – одно из самых абстрактных понятий, не имеющих общепринятых определений. Трансформации форм государственной власти в современном обществе усилили релятивизм в её оценках. Из-за своей «нематериальной сущности» государство даже выдаётся за «воображаемое сообщество» или за «хорошо обоснованную иллюзию»²⁹. В известном смысле, это верно. В своей новаторской книге «Средневековые истоки современного государства» (1970) Дж. Стрейер писал об абстракции феномена государства без его поддержки и признания народом. «Государство существует только в сердцах и в умах граждан; и если они не верят в его существование, то никакая логика не вдохнёт в него жизнь»³⁰. Здесь ярко обозначены два важнейших фактора стабильности государства: опора власти на аффективные связи (любовь, доверие, сострадание и т.д.) и поддержка обществом власти как главная гарантия её легитимности. И пока власть отвечает чаяниям общества, которое готово ей подчиняться, государство будет существовать.

²⁸ Об этом направлении и его достижениях см. подробнее: Двор монарха в средневековой Европе 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы 2004; Священное тело короля 2006.

²⁹ Андерсон 2016.

³⁰ Strayer 1979. P. 15-16.

Знаменательно, что Бурдьё посвятил целую лекцию двум смыслам слова «государство» и настаивал на тупиковости господствующего во Франции противопоставления власти и общества. Он считал ошибочным «демократическое» представление о первенстве нации в создании государственного аппарата власти на основе делегирования полномочий, поскольку государство в лице заинтересованных агентов (прежде всего, юристов) в равной мере создаёт гражданское общество и нацию. «Это простое противопоставление государства и гражданского общества я бы хотел заменить, – говорил он, – представлением о некоем континууме, являющемся непрерывным распределением доступа к коллективным, публичным, материальным и символическим ресурсам, с которыми мы связываем само это слово – “государство”»³¹. В таком подходе конкретное государство предстаёт как творение воли и чаяний всех живущих в нём людей – как «управляющих», так и «управляемых». Все они действуют внутри конкретных исторических и культурно-ментальных параметров, определяющих их поступки и цели. Французский политолог Б. Бади так выразил идею тесной взаимосвязи власти и общества: французское средневековое государство было не столько воплощением рационализма, сколько рациональным ответом на сложное общество, где царили индивидуализм и феодальное сопротивление³².

Подход к проблеме взаимосвязи власти и общества, использованный мной в изучении складывания института государственной службы во Франции в XIII–XV вв., позволил сделать ряд важных наблюдений. Власть – это прежде всего люди, отправляющие конкретные управленческие функции. Монарх и его окружение, а тем более юристы и чиновники приходят во власть с определёнными ценностными установками и идейными ориентирами. Источником же их является конкретное историческое общество. В этом ракурсе очевиден приоритет политического общества в облике и политике власти. Формирующийся «язык власти» оказывается тесно связан с общим культурным фоном; идеологемы служителей короны и людей вне власти обнаруживают определённое единство. Между идеологами монархии и независимыми интеллектуалами, авторами трактатов и «зерцал государей», вёл прямой диалог, и цель у них была одна – усовершенствование властных институтов. Королевское законодательство, поставленное в контекст политической мысли и запросов общества, отразило воздействие общественного мнения на власть. Политические церемонии и символика также определялись культурным контекстом, объединявшим монарха и подданных. Таким образом, власть оказывается своеобразным зеркалом общества, его политической зрелости, идейных установок и системы ценностей.

³¹ См. подробнее: Бурдьё 2016. С. 99–110.

³² Badie 1990.

Новый режим историчности, органичной частью которого является презентизм, позволяет, в духе призыва М. Блока, не только понять настоящее с помощью прошлого, но и понять прошлое с помощью настоящего. Как пример, современные государственные символы, ритуалы и идеологемы имеют глубокие исторические корни и должны рассматриваться в масштабе долгого времени. Растущая роль гражданского общества в современном мире побуждает изучать формы и стратегии взаимосвязи власти и общества прошлых эпох, что позволяет глубже понять и разумнее решать проблемы сегодняшнего дня в сфере функционирования государства. И в этом смысле презентизм оказывается не только путеводной нитью в лабиринтах истории, но и эффективным методом поиска в прошлом ответов на актуальные запросы современности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с. [Anderson B. Vooobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalisma. M.: Kuchkovo pole, 2016].
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2017. 272 с. [Assman A. Raspalas' svyaz vremen? Vzlet i padeniye temporalnogo rezhima Moderna. M.: Novoje literaturnoje obozrenije, 2017. 272 s.]
- Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 622 с. [Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 1994. 622 s.]
- Бессмертный Ю.Л. Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства (материалы к лекции) // Homo Historicus: К 80-летию со дня рожд. Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. М.: Наука, 2003. С. 72-99. [Bessmertnyy Yu.L. Drugoye Srednevekovje, drugaya istoriya srednevekovogo rytsarstva (materialy k lektсии) // Homo Historicus: K 80-letiyu so dnya rozhd. Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn. M.: Nauka. 2003. S. 72-99].
- Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. Вып. 75 (3-4). М.: Наука, 2014. С. 66-78. [Boytsov M.A. Soslovno-predstavitel'naya monarkhiya: oshibka v perevode? // Srednie veka. Vyp. 75 (3-4). M.: Nauka. 2014. S. 66-78].
- Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Изд. дом «Дело», 2016. 720 с. [Burd'e P. O gosudarstve: kurs lektсий v Kollezh de Frans (1989-1992). M.: Izdatelskiy dom «Delo». 2016. 720 s.]
- Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. [Burd'e P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva. M.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Spb.: Aleteya. 2007. 288 s.]
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 391 с. [Ven P. Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii. M.: Nauchnyy mir. 2003. 391 s.]
- Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 352 с. [Dvor monarkha v srednevekovoy Evrope: yavleniye, model, sreda / Pod red. N.A. Khachaturyan. Vyp. 1. M.; Spb.: Aleteya. 2001. 352 s.]
- Каменский А.Б. Просвещение и власть // Всемирная история: в 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 104-132. [Kamenskiy A.B. Prosveshcheniye i vlast' // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 4: Mir v XVIII veke. M.: Nauka. 2013. S. 104-132].
- Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: НЛЮ, 2001. 326 с. [Koposov N.E. Kak dumajut istoriki. M.: Novoje literaturnoje obozrenije, 2001. 326 s.]
- Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛЮ, 2005. 248 с. [Koposov N.E. Chvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial' nich nauk. M.: NLO, 2005. 248 s.]
- Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. 540 с. [Korolevskij dvor v politicheskoy kulture srednevekovoj Evropy. M.: Nauka, 2004. 540 s.]

- Кром М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и Новейшая история. 2016. № 4. С. 3-15. [Krom M.M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheevropejskaja model' i regional'nye razlichija // Novaja I Novejšhaja istorija. 2016. No 4. S. 3-15].
- Малов В.Н. Парламентская Фрonda: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009. 497 с. [Malov V.N. Parlamentskaja Fronda: Frantsija, 1643-1653. M.: Nauka, 2009. 497 s.]
- Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 328 с. [Le Goff Zh. Drugoje Srednevekovije: Vremya, trud i kultura Zapada. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. 328 s.]
- Ле Гофф Ж. Является ли политическая история по-прежнему становым хребтом истории? // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С. 403-424. [Le Goff Zh. Iavliaetsia li politicheskaja istorija po-prezhnemu stanovym chrebtom istorii? // Le Goff Zh. Srednevekovyi mir voobrazhajemogo. M.: Izdatel'skaia gruppa "Progress", 2001. S. 403-424].
- Про А. Двенадцать уроков по истории. СПб., 2000. 333 с. [Pro A. Dvenadtsat' urokov po istorii. SPb., 2000. 333 s.]
- Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. 484 с. [Sviashchennoje telo korol'ja: Ritualy i mifologija vlasti / Otв. red. N.A. Khachaturyan. M.: Nauka, 2006. 484 s.]
- Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. В 2 т. М.: НЛО, 2014. [Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatij: izbrannye stat'i. V 2-ch tomach. M.: NLO, 2014].
- Уваров П.Ю. Франция XVI в.: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. 511 с. [Uvarov P.Iu. Frantsija XVI v.: Opyt rekonstruktsii po notarial'nym aktam. M.: Nauka, 2004. 511 s.]
- Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола, Москва, 25 апреля 2005 г. М.: ИВИ РАН, 2008. 278 с. [Feodalizm: poniatija i realii. Materialy kruglogo stola, Moskva, 25 aprelia 2005 g. M.: IVI RAN, 2008. 278 s.]
- Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с. [Khachaturyan N.A. Vlast' i obshchestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M.: Nauka, 2008. 313 s.]
- Хачатурян Н.А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. Вып. 68 (1). М., 2007. С. 6-35. [Khachaturyan N.A. Obshchestvennaja sistema i printsip otносител'nosti. K voprosu o sodержanii kontsept-iavlenija "feodalizm" // Srednie veka. Vyp. 68 (1). M., 2007. S. 6-35].
- Хачатурян Н.А. Современная медиэвистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 195-212. [Khachaturyan N.A. Sovremennaja medievistika Rossii v kontekste mirovoj istoricheskoi nauki // Srednie veka. Vyp. 62. M., 2001. S. 195-212].
- Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989. 272 с. [Khachaturyan N.A. Soslovnaja monarchija vo Frantsii XIII-XV vv. M.: Vyshaja shkola, 1989. 272 s.]
- Цатурова С.К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) // Новая и Новейшая история. 2016. № 6. С. 3-16. [Tsaturova S.K. Voznikovenije sovremennogo evropejskogo gosudarstva: srednevekovye istoki (opyt frantsuskoj monarchii) // Novaja I Novejšhaja istorija. 2016. No 6. S. 3-16].
- Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М. Наука, 2012. 622 с. [Tsaturova S.K. Formirovanije instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Frantsii XIII-XV vekov. M.: Nauka, 2012. 622 s.]
- Autrand F., Barthélemy D., Contamine P. L'espace français. Histoire politique du début du Xle à la fin du XVe siècle // L'Histoire médiévale en France. Bilan et perspectives / Éd. par M. Balard. Paris: Seuil, 1991. P. 101-125.
- Badie B. L'État moderne: le point de vue du politologue // L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État. Paris: CHRS, 1990. P. 11-18.
- Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitude et inquiétude. P.: A. Michel, 1998. 292 p.
- Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P.: Hachette, 1902. 1058 p.

- Dufour A. Le retour de l'histoire politique // Histoires de France, historiens de la France: Actes du colloque international, Reims, 14 et 15 mai 1993 / Publ. par Y-M. Bercé et Ph. Contamine. P.: Hachette, 1994. P. 315-324.
- Gauvard C., Boureau A., Jacob R., Miramon C. Normes, droits, rituels et pouvoir // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998) organisé par le CNRS et le Max-Planck-Institut für Geschichte / Dir. J.-C. Shmitt, O.G. Oexle. P.: Publ. de la Sorbonne, 2002. P. 461-482.
- Genet J.-Ph. La typologie de l'État moderne, le droit, l'espace // L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État. P.: CNRS, 1990. P. 7-14.
- Guenée B. L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen Âge vue par les historiens français depuis cent ans // Revue historique. 1964. т. 232. N 10-12. P. 331-360.
- Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain: Quelle histoire du Moyen âge au XXIe siècle. P.: Seuil, 2001. 342 p.
- Guéry A. Le roi est Dieu. Le roi et Dieu // L'État ou le Roi: les fondations de la modernité monarchique en France, XIVe-XVIIe siècle. Table ronde org. par N. Bulst et R. Descimon à ENS. P.: Édition de la Maison des sciences de l'Homme, 1996, p. 27-47.
- Richet D. De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne. P.: Aubier, 1991. 584 p.
- Strayer J. Les origines médiévales de l'État moderne. P.: Payot, 1979. 156 p.

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; tsatourova@mail.ru

On the benefits of presentism or How to study the origins of Modern national State in expectation of his disappearance

The paper discusses the regeneration of the political history in medieval studies, under the influence of anepistemological crisis at the turn of the 20th -21st cc. The urgent need for systemic and interdisciplinary approaches is effectively implemented in the study of the history of forms of power and statecraft. One of the most promising ways to study the origins of the formation the Modern national State in the Middle Ages is presentism. It is justified by the comprehension of the State as a phenomenon of "long duration", and by the interpretation of political history as the basis of civil society and national historical memory. Special attention is drawn to the complex relationship of power and society as a new approach to the study of historical forms of ruling.

Keywords: presentism, nation State, new political history, power and society

Susanna Tsatourova, Dr. Sc. (History), leading research fellow, Institute of World history, Russian Academy of Sciences; tsatourova@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

Н. Ю. БИКЕЕВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ИСТОРИОГРАФИЕЙ

В статье рассматриваются особенности средневековой агиографии как жанра. Автор приходит к выводу, что средневековые жития, несмотря на наличие общих мест и сходных риторических приемов, близки средневековой историографии. В них можно найти данные не только о религиозных практиках, убеждениях и ценностях, но также о событиях повседневной жизни, общественных институтах и людях. Тематическая и риторическая нормативность не исключает идеологической гибкости и подвижности агиографических текстов. В статье выявляются причины возрастания интереса современных исследователей к агиографии.

Ключевые слова: *агиография, историография, жития святых, святость, раннее средневековье, поздняя античность*

Изучение агиографии имеет длительную¹ и противоречивую историю, в которой были и периоды пренебрежения ею интеллектуалами эпохи Просвещения, и позитивистская критика, и подходы, рассматривающие агиографию как важный элемент социальной жизни Средневековья. Сегодня историки не оспаривают значимость агиографических текстов для изучения позднеантичной и средневековой истории.

Агиография была одним из ведущих жанров средневековой литературы. Жития святых предназначались для широкой аудитории, включая необразованных людей, не владеющих латынью. Житийные сборники нередко сочетали в себе назидательный элемент с увлекательным стилем изложения. В многочисленных агиографических текстах, созданных в период от поздней античности до конца средних веков имеется ценная информация не только о религиозных практиках, убеждениях и ценностях, но также о событиях повседневной жизни, общественных институтах и людях, о чем многие другие документы той эпохи умалчивают. Не случайно изучение агиографии привлекает многих исследователей. Однако ответ на вопрос о том, где проходит водораздел между средневековой историографией и агиографией, пока не найден.

Современные ученые обозначают термином «агиография» как различного рода сочинения о святых, так и изучение этих источников. В последнем случае некоторые исследователи предпочитают говорить об «агиологии», чтобы избежать путаницы в использовании термина².

¹ Парамонова 2003а. С. 45.

² Henriet 2003. P. 75; Philippart 1994. P. 14.

Критическая агиография родилась в XVII в. В 1607 г. иезуит Хериберт фон Росвейд (*Heribert Rosweyde*, 1559–1629) из Утрехта представил программу издания агиографических источников (житий святых, страстей мучеников и т.п.), которое, как он полагал, будет содержать 18 томов. Деятельность Росвейда лежала в русле одной из ведущих тенденций XVII в. – развития архивных изысканий и особых методов источниковедческого анализа. В этот период началась регулярная обработка, а затем и публикация обширных серий средневековых документов, что сделало их доступными для изучения. Результатом этого стала практика цитирования подлинных документов в трудах ученых–эрудитов. Особую роль в публикациях документов сыграло общество иезуитов. Их деятельность объективно имела научное значение, так как при этом формировались методы установления подлинности документов, прежде чем они публиковались. Религиозные эрудиты издавали также руководства по датировке и установлению достоверности рукописей. В частности, Росвейд в своей программе определил четыре основных задачи:

1) восстанавливать подлинный текст настоящих агиографических документов, которые были искажены более поздними авторами, желающими улучшить их стилистику;

2) искать и публиковать ранее неизвестные и неотредактированные жития святых;

3) восстанавливать полные тексты документов, части которых были утеряны (например, прологи, описания чудес и т.д.);

4) добавлять комментарии для разъяснения трудностей в текстах и устранения несоответствий и противоречий³.

Росвейд работал с доступными ему житиями отцов-пустынников. Но он умер в 1629 г., не сумев завершить хотя бы один из запланированных томов⁴. Первые два тома агиографических текстов были опубликованы в 1643 г., учёным-иезуитом Иоганном Болландом (1596–1665)⁵. Это стало началом издания большой серии житий святых (*Acta sanctorum*), которое продолжается до настоящего времени⁶. По имени Болланда издатели этой серии называются болландистами. В основу издания *Acta sanctorum* был положен историко-критический метод; тексты публиковались по всем доступным рукописям, снабжались основательными введениями и комментариями. В целом болландисты оценивали жанр агиографии достаточно скептически с точки зрения его историчности. Интересно, что отношение к болландистам со стороны

³ Barnes 2010. P. 285-286.

⁴ Delahaye 1922. P. 8-21.

⁵ См. сайт общества болландистов: <http://www.bollandistes.org/index.php>. Также об этом: Heffernan, 1995, 217.

⁶ Афиногенов 2000. С. 420.

деятелей церкви с самого начала не было бесконфликтным. В 1695 г. испанская инквизиция прокляла как еретиков авторов первых 14-ти томов «Acta sanctorum», и этот приговор не отменялся в течение 20 лет⁷.

Во второй половине XIX в. господствовал позитивизм. Для историков-позитивистов было характерно пристальное внимание к вопросам природы исторического источника, классификации источников, способов их исследования. Позитивизм также стимулировал поиск новых источников, их публикацию, разработку методики анализа, способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин⁸. В конце XIX – первой четверти XX в., историки под влиянием позитивизма критически подходили к житийному жанру, стремились разделить «факт» и «вымысел» в агиографических сочинениях. Такой подход применял в своих исследованиях выдающийся болландист Ипполит Делеэ (*Hippolyte Delehaye*, 1859–1941). Он происходил из католической буржуазной семьи, для которой научные занятия и теология были традиционны. 23 сентября 1876 г. принял монашество в ордене иезуитов; После 1876 г. начал обучение естественным наукам в коллегии Сент-Барб в Генте, но затем обратился к истории и агиографии. Интересно, что его первой работой стала небольшая статья о растениях в Библии. С 1886 г. он сотрудничал с издательством «Analecta Bollandiana». В 1891 г. стал членом общества болландистов в Брюсселе. С 1912 г. до смерти Ипполит Делеэ – глава общества болландистов⁹.

В своей работе «Легенды святых»¹⁰ Делеэ предложил разделять жития святых на «эпические» и «исторические», тем самым противопоставив «агиографию» и «историографию». «Эпическое» житие (агиография) не стремится изложить историю так, как это сделал бы хронист, поэтому и подход к такому источнику должен отличаться от подхода к анналам и хроникам (т.е. к историографии)¹¹. Хотя сам Делеэ не рассматривал «эпические» жизнеописания как надежный источник, его исследования оказали сильное воздействие на дальнейшее изучение агиографии как жанра и возрастание к ней интереса историков. Метод Делеэ был основан на применении археологической и документальной критики текстов, используемой в библеистике¹² XIX в. В работах Делеэ отразились установки модернистского течения в Римско-католической церкви¹³, из-за чего его труды подвергались критике со стороны Ватикана.

⁷ Barnes 2010. P. 290.

⁸ См.: Репина 2004. С. 185.

⁹ Heffernan 1995. P. 217-218.

¹⁰ Delehaye 1905.

¹¹ Лурье 2009. С. 23-30.

¹² Польсков 2002. С. 25-58.

¹³ Модернизм в католицизме начался с библейских исследований, применения исторического метода и отказа от богословия св. Фомы как не соответствующего

Именно Делез принадлежит одно из наиболее распространенных сегодня определений термина «агиография». По его мнению, агиографический текст должен «быть религиозным по сути и быть предназначен для назидания. Этот термин должен вследствие этого быть использован для любой письменной работы вдохновленной и имеющей целью содействовать почитанию святых»¹⁴. Текст рассматривается им как агиографический не вследствие своей формы и функции, но исходя из его содержания. Однако определение агиографии, предложенное Делез, не позволяет ясно различить агиографию и историографию как определенные жанры. Так, например, средневековые авторы нередко используют в своих сочинениях фрагменты агиографических текстов. Например, Беда Достопочтенный включил в свою «Церковную историю народа англов» (*“Historia ecclesiastica gentis Anglorum”*)¹⁵ большие куски из жития св. Германа¹⁶. Авторы средневековых агиографических текстов в большинстве случаев так же используют термины *vita*, *gesta* и *historia*, как и в текстах, которые теперь считаются в большей степени историографическими (историческими).

На основании этого, некоторые современные исследователи полагают, что термин «агиография» – не средневековый по происхождению и, вследствие этого, подходят к решению проблемы различения «агиографического» и «историографического» жанров весьма радикально. Например, американский историк Ф. Лифшиц считает, что различия между агиографией и историографией как жанрами берут начало только в XII в., а своего пика достигают лишь в XIX в.¹⁷ В статье «За пределами позитивизма и жанра: “агиографические” тексты как исторический нарратив» он утверждает, что попытки выявить критерии, позволяющие отличить жанр «агиографии» от «историографии», обязательно потерпят неудачу, потому что не может быть единого универсального определения как агиографии, так и историографии. Рассматривая агиографию как особый жанр, Лифшиц обращает внимание на изменения политических структур и принципов историописания, которые произошли сначала в XII в., а затем в XIX в.: «С XII в. ...была создана новая парадигма, в рамках которой “историография” стала типом повествования, якобы связанным исключительно с областью разумной реальности, отделенной от

современному принципу веры. Представителей этого направления стремились изъять священную историю и Писание из области теологии, показать ее принадлежность человеческой истории, опираясь на естественнонаучные доказательства. Церковная традиция подлежала пересмотру в свете исторической достоверности. В этом движении активно участвовали церковные иерархи. См.: Воронцова 2017. С. 315-331.

¹⁴ Delehayе 1905. P. 2.

¹⁵ Беда Достопочтенный 2001. Книга I, XVII-XXI. С. 22-27.

¹⁶ Vita Germani episcopi 1920. 225–283.

¹⁷ Lifshitz 1994. Pp. 95-113.

царства священного, царства “святых”. Однако только в XIX в. была изобретена особая категория (или жанр) – “агиография”. С тех пор историография была готова очиститься от тех, кто осмелился писать о святых или чудесах в истории вообще, относя агиографические сочинения к области “суеверий”, “фольклора” или “народных верований”¹⁸. Автор пришел к выводу, что концепт «агиография» – идеологический инструмент, созданный в XIX в. для решения задач своего времени. Понятия «агиография» – это современная конструкция, которая ошибочно рассматривается как средневековая реальность, и его не следует использовать применительно к произведениям, написанным ранее XII в.

Следует отметить, что Лифшиц рассматривает только такие агиографические источники, как жития, в то время как определение, данное Делеэ, охватывает и другие типы агиографических текстов: мартирологи, страсти мучеников (*passio*), истории о чудесах святых – т.е. все тексты, касающиеся святых. Текст рассматривается как агиографический не вследствие своей формы и функции, но исходя из его содержания¹⁹. Отказаться от термина «агиография», как предлагает Лифшиц, не представляется возможным. Предпочтительнее использовать определение, данное Делеэ и основанное на содержании текстов.

Подобный подход можно увидеть у современных специалистов по данной проблематике, например, в «Словаре средневековой культуры»: «К агиографии могут быть отнесены тексты, существенно различающиеся по своим жанровым и функциональным параметрам: как предназначенные для литургических целей – мартирологи, особые службы и т.п., так и повествовательные тексты – страсти мучеников, жития святых, сказания об обретении и переносе (*translatio*) реликвий, истории о чудесах святых. В единую классификацию они объединены в силу того, что их содержание сфокусировано на образе святого и интерпретации феномена святости»²⁰. Некоторые исследователи подчеркивают, что термин «агиография» можно встретить в текстах, относящихся к периодам до XII в., правда, исключительно в отношении Священного Писания²¹. Позже сфера употребления данного термина расширяется, но непосредственно в текстах о святых он практически не употребляется²². Хотя термин «агиография» не использовался в средние века в том смысле, как сегодня, все же это не делает его бесполезным, поскольку многие современные исследования часто основаны на понятиях и идеях, которые не были известны и распространены в предшествующие эпохи.

¹⁸ Ibid. P. 108.

¹⁹ Интересную дискуссию по проблеме т.н. агиологии – научном исследовании агиографии – можно найти в кн.: Helvetius, 2000, Pp. 141-155.

²⁰ Парамонова 2003b. С. 22.

²¹ См.: Heinzelmann 2010, Philippart 1994. P. 3-5.

²² Philippart 1994. P. 8-11.

На VII Международном конгрессе медиевистов²³, состоявшемся в 2000 г. в Лидсе (Великобритания), была организована специальная секция № 1311 «Нет больше агиографии?». По заявлению участников обсуждения данной темы, причиной организации подобной секции стала указанная статья Ф. Лифшиц, которая лично принимала участие в этой дискуссии²⁴. В целом, участники дискуссии признали, что проблема агиографии как жанра осталась не решенной.

Пытаясь избежать использования термина «агиография», американский историк Томас Хеффернан назвал свою книгу «Священная биография» («Sacred biography»). Автор считает данное название более подходящим, так как термин «агиография» «под видом описания конкретной реальности может способствовать неправильному пониманию этих текстов и скрывать их оригинальность»²⁵. Хотя применение Хеффернаном словосочетания «священная биография» предлагает своеобразное решение проблемы восприятия агиографии со времен позитивистов как фальсификации (в противовес истории как «истины»), но одновременно это скрывает сложную историю термина «агиография», а вместе с ней и возможность исторического понимания данного вопроса. При этом выражение «сакральная биография» также не лишено предвзятости. Позитивистские критики религиозных текстов определяли «биографию» как истинную, объективную и непредвзятую, как форму научной истории. Попытка заменить «агиографию» «священной биографией» приводит к отбрасыванию всех смысловых коннотаций, связанных с оригинальной категорией, которая исторически сложилась в науке и культуре.

На протяжении XX в. отношение к агиографии как к источнику для изучения средневековых религиозных и социокультурных реалий постепенно менялось. Во многом интерес историков к агиографии был вызван желанием обнаружить новый смысл в текстах религиозного характера, которые прежде использовались только историками религии. Как отмечал позднее Хеффернан, агиографические тексты незаслуженно игнорировались вследствие чрезмерного стремления исследователей социальной и политической жизни средневековья к документальному подтверждению фактов²⁶. С середины 1960-х гг. многие исследователи политической и социальной истории средних веков обратились к поиску новых источников, которые могли бы представить дополнительную информацию к той, что уже была в научном обиходе. В это время была издана монография чешского историка Франтишека Грауса «Народ, Правитель и Святой в королевстве Меровингов», без ссылок на которую

²³ См.: http://www.leeds.ac.uk/arts/info/125137/international_medieval_congress

²⁴ <http://www.leeds.ac.uk/ims/imc/imc2000.html>

²⁵ Heffernan 1988. P. 16.

²⁶ Heffernan 1988. Pp.38-39.

сегодня не обходится ни одна работа о западной агиографии меровингской эпохи. Автор утверждал, что агиографические тексты отражают культурно-исторические ценности изучаемого периода²⁷.

Если теология и взгляды деятелей церкви изучались и ранее, то во второй половине XX в. ученых стала интересовать наряду с этим народная религиозность и персонажи, ранее считавшиеся маргинальными – паломники, визионеры, еретики. Святые, чьи культы являются не переменным атрибутом народной религиозности, не могли в этом контексте не привлечь к себе внимания. Историки стали уделять все больше внимания социальной функции культов святых и агиографии²⁸.

В последнее время агиография изучается и как инструмент политических процессов²⁹, что можно рассматривать в русле возврата интереса к событийной истории. Но в новейших исследованиях есть одно существенное отличие: если ранее нарративные источники использовались в качестве доказательств и свидетельств того, что произошло в то время, которое описывается в тексте, то сегодня больше внимания уделяется вопросам происхождения и функциям самих текстов в политических процессах того времени, когда они были созданы. Вследствие этого, агиографические тексты используются все более и более как источник по изучению времени и среды автора, а не главного героя³⁰.

Британский медиевист Пол Фуракр, отмечает: чтобы понять историчность и социальный контекст агиографии, нужно понимать отношения «между обычным и нетрадиционным в жанре»³¹. Агиография охватывает множество текстов, возможно, большую часть раннесредневековой литературы³². Она включает в себя различные типы повествования, такие как жития святых, страсти мучеников, рассказы о чудесах, видениях, повествования об обретении и переносе реликвий³³. Некоторые исследователи также включают менее изученные литургические произведения, такие как мартирологи, литании и календари. Хотя агиографические сочинения иногда высмеиваются по их формульному характеру³⁴, они в то же время могут демонстрировать большое разнообразие.

²⁷ Graus 1965. P. 63.

²⁸ См., напр.: Le Goff, 1977 (рус. пер.: Ле Гофф 2000. С. 135-141), Schmitt 2001; Шмитт 1996; Гуревич 1981.

²⁹ Fouracre 1990. P. 3-38; 1999. P. 143-165; Парамонова 2003а.

³⁰ Странники этого подхода «рассматривают действия исторических акторов в их специфических локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их». См.: Репина 2008. С. 6.

³¹ Fouracre 1990. P. 8.

³² Ibid. P. 3.

³³ Geary 1996. Pp.3, 8. Philippart 1994. P. 2.

³⁴ Делез называл житие «взятым напрокат платьем». Цит. по: Арнаутова 2010.

Значительному росту интереса к агиографическим исследованиям способствовали труды американского специалиста по Поздней Античности Питера Брауна, который показал, что святые и их культы были неотъемлемой частью повседневной жизни общества этого периода³⁵. Столь же влиятельным был труд французского медиевиста Андре Воше о процессе канонизации святых в Позднее Средневековье³⁶. На материале нескольких сотен канонизационных процессов Воше выявил «критерии святости» в средневековом религиозном сознании и непрерывность традиции представлений о святости, которая, развиваясь, рождала новые смыслы и сочетания известных понятий. С 1994 г. началась реализация международного проекта по истории западноевропейской агиографии под руководством бельгийского историка Г. Филиппара³⁷, под его редакцией в серии “Corpus Christianorum” издательства Brepols с 1994 по 2010 г. вышло в свет пять томов. К настоящему времени вышли также шесть (2014) и семь (2018) томов под редакцией М. Гулля (*M. Gouillet*)³⁸.

Американский историк Джейми Крейнер считает, что агиографические тексты следует рассматривать в свете решения не только религиозных, но и социально-политических задач. По её мнению, авторы житий, способствуя продвижению культов святых, стремились также оказать влияние на мораль, культуру и политику во франкских королевствах³⁹. В этих процессах участвовала вся элита меровингской эпохи – короли, епископы, представители знати. Жития святых, устанавливая новые стандарты социального порядка и справедливости, способствовали становлению христианского общества.

Подводя итог, следует отметить, что агиографические исследования стали сегодня одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований. И, несмотря на существующие споры и разногласия исследователей по поводу жанровых особенностей агиографических источников, их природы и сложности соотношения исторического текста и эпохи, его породившей, изучение позднеантичной и средневековой агиографии весьма плодотворно для понимания социально-культурных и политических реалий обществ прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // История через личность: историческая биография сегодня. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 112-138. [Arnautova Yu.E. Zhitije kak duhovnaja biographija: k voprosu o “tipicheskom” i “individual’nom” v latinskoy agiographii // Istorija cherez lichnost’ / Pod red. L.P. Repinoy M.: Kvadriga, 2010. S. 112-138]

³⁵ Brown 1981. (рус. пер.: Браун 2004).

³⁶ Vauchez 1981.

³⁷ Hagiographies, 1994-present

³⁸ <http://www.brepols.net/Pages/BrowseBySeries.aspx?TreeSeries=CCHAG>

³⁹ Kreiner 2014. P. 175.

- Афиногенов Д.Е. Acta Sanctorum // Православная энциклопедия. М.: «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С. 420. [Afinogenov D.E. Acta Sanctorum // Pravoslavnaia enciklopedija. M.: "Pravoslavnaia enciklopedija", 2000. T. I. S. 420]
- Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. статья, комм. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетеия, 2001. 363 с. [Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaia istorija naroda anglov / Per. s lat., vstup. stat'ja, comm. V.V. Erlihmana. SPb.: Aleteja, 2001]
- Браун П. Культ святых, его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с. [Kul't svjatyh, ego stanovlenije i rol' v latinskom christianstve / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2004]
- Воронцова И.В. Модернизм (1890–1914) в Римско-Католической Церкви и путь в нем Альфреда Луази // Исторические Исследования. № 8. М.: МГУ, 2017. С. 315–331. [Vorontsova I.V. modernism (1890-1914) v Rimsko-Katolicheckoj Cerkvi I put' v nem Al'freda Luasi // Istoricheskiye Issledovanija. № 8. M.: MGU, 2017. S. 315-331]
- Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: «Искусство», 1981. 338 с. [Gurevich A.Ja. Problemy srednevekovoj narodnoj kultury. M.: "Iskusstvo", 1981]
- Ле Гофф Ж. Клерикальная культура и фольклорные традиции в меровингской цивилизации // Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 135–141. [Le Goff Zh. Klerikal'naja kultura i fol'klornyje tradicii v merovingskoj civilizacii // Drugoje Srednevekov'e: Vremja, trud i kultura Zapada. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. S. 135-141]
- Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009. 238 с. [Lurje V.M. Vvedenije v kriticheskuju agiografiju. SPb.: Axioma, 2009]
- Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003(а). 405 с. [Paramonova M.Yu. Svjatyje praviteli Latinskoj Evropy i Drevnej Rusi: sravnitel'no-istoricheskij analiz vaclavskogo i borisoglebskogo kul'tov. M.: IVIRAN, 2003]
- Парамонова М.Ю. Агиография // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003(б). С. 22–29. [Paramonova M.Yu. Agiographija // Slovar' srednevekovoj kul'tury / Pod red. A.Ja. Gurevicha. M.: ROSSPEN, 2003. S. 22-29.]
- Польсков К. Библистика // Православная энциклопедия. М. 2002. Т. V. С. 25–58. [Pol'skov K. Bibleistika // Pravoslavnaia enciklopedija. M. 2002. T. V. S. 25-58]
- Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. 288 с. [Repina L.P. Istoriija istoricheskogo znanija / L.P. Repina, V.V. Zvereva, M.Yu. Paramonova. M.: Drofa, 2004]
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 5–11. [Repina L.P. Konteksty intellektual'noy istorii // Dialog so vremenem. 2008. V. 25/1. S. 5-11]
- Шмитт Ж.-К. Понятие сакрального и его применение в истории средневекового христианства // Мировое дерево (Arbor mundi). Вып. 4. М., 1996. С. 75–83. [Shmitt Zh.-K. Ponjatije sakral'nogo i ego primenenije v istorii srednevekovogo hristianstva // Mirovoje derevo (Arbor mundi). V. 4. M., 1996. S. 75-83]
- Barnes T.D. Early Christian Hagiography and Roman History. Mohr Siebeck, 2010.
- Brown P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. London, 1981.
- Delehaye H. Les legends hagiographiques. Brussels, 1905.
- Fouracre P. Merovingian history and Merovingian hagiography // Past and Present. No. 127. 1990. Pp. 3-38.
- Fouracre P. The origins of the Carolingian attempt to regulate the cult of saints // The cult of saints in the Late antiquity and the middle Ages. Essays on the Contribution of Peter Brown / Ed. James Howard-Johnston and Paul Anthony Hayward. Oxford, 1999. Pp. 143-165.
- Geary P. Living with the Dead in the Middle Ages. Ithaca NY: Cornell University Press, 1996.
- Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Prague: Nakladatelství Československé Akademie, 1965.
- Hagiographies: Histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire en Occident des origines 1550 / Eds. Philippart G., Goulet M. 7 vols. Corpus Christianorum. Turnhout, 1994-present.

- Heffernan Th.J. Hippolyte Delehaye (1859-1941) // *Medieval Scholarship: Literature and philology* / Ed. Helen Damico et al., Joseph B. Zavadil, Donald Fennema. Taylor & Francis, 1995. Pp. 215-226.
- Heffernan Th.J. *Sacred Biography: Saints and Their Biographies in the Middle Ages*. Oxford University Press, 1988.
- Heinzelmann M. *L'hagiographie du haut Moyen Âge en Gaule du Nord. Manuscrits, textes et centres de production*. Stuttgart, 2001.
- Helvetius An.-M. Les saints et l'histoire. L'apport de l'hagiologie a la medievistique d'aujourd'hui // *Die Aktualitat des Mittelalters* / Ed. Hans-Werner Goetz. Bochum, 2000. Pp. 135-163.
- Henriet, P. Texte et contexte. Tendances re'centes de la recherche en hagiologie // *Religion et mentalite's au Moyen Age: Me'langes en l'honneur d'Herve' Martin* / S. Cassagnes-Brouquet, A. Chauou, D. Pichot and L. Rousselot (eds.) Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003. Pp. 75-86.
- Kreiner J. *The Social Life of Hagiography in the Merovingian Kingdom*. Cambridge: U.P., 2014.
- Le Goff J. *Pour un autre Moyen Âge: temps, travail et culture en Occident*. P.: Gallimard, 1977.
- Lifshitz F. Beyond Positivism and Genre: "Hagiographical" Texts as Historical Narrative // *Viator*. V. 25. Brepols Publishers, 1994. Pp. 95-113.
- Philippart, G. Hagiographes et hagiographie, hagiologes et hagiologie: des mots et des concepts // *Hagiographica*. V. 1. Brepols Publishers, 1994. Pp. 1-16.
- Schmitt J.-C. La notion de sacré et son application à l'histoire du christianisme médiéval // *Idem. Le corps, les rites, les rêves, le temps: Essais d'anthropologie médiévale*. Paris, 2001.
- Vauchez A. *La saintete a l'Occident aux derniers siecles du Moyen Age d'apres les proces de canonisation et les documents agiografiques*. Rome: Ecole frans de Rome, 1981.
- Vita Germani episcopi Autissiodorensis auctore Constantio // *Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici (IV)* / ed. B. Krusch and W. Levison. *Monumenta Germaniae Historica Scriptores Rerum Merovingicarum (MGH SRM)*. I 7. Hanover and Leipzig, 1920. P. 225-283.

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Казанского федерального университета; newbin@mail.ru

Medieval Lives of saints: between history and hagiography

The article discusses medieval hagiography as a genre. The author comes to the conclusion that medieval Lives, despite of topoi and similar rhetorical devices, may be close to medieval historiography. In hagiographic texts one can find data not only about religious practices, beliefs and values, but also about the events of everyday life, public institutions and people. The thematic and rhetorical normativity do not exclude the ideological flexibility and mobility of hagiographic texts. The article reveals the reasons for the growing interest of modern researchers in hagiography.

Keywords: hagiography, historiography, the Lives of saints, holiness, the early Middle Ages, Late Antiquity Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Natalya Bikeyeva, PhD, Associate professor, Department of World History, Kazan Federal University; newbin@mail.ru

И. А. КРАСНОВА, Е. П. ТЕЛЬМЕНКО

УРОВНИ ВОСПРИЯТИЯ АНТИЧНОСТИ ФЛОРЕНТИЙСКИМИ ГОРОЖАНАМИ (по семейным книгам, дневникам, переписке)

Статья посвящена восприятию античного наследия представителями городской среды Флоренции в XIV–XV вв. Исследование производится на основе анализа семейных книг, переписки, биографий и хроник. Выделение уровней приобщенности к античной культуре опирается на такие критерии, как круг чтения, степень образованности, знание латинского языка, целепологание, отражающие разные степени интеллектуализации горожан, занятых торговлей, предпринимательством, банковским делом. Авторами предпринимается попытка определить влияние процесса складывания флорентийского патрициата на формирование интеллектуально-культурной элиты в первой половине XV в.

***Ключевые слова:** восприятие античного наследия, флорентийское общество, интеллектуальная элита, семейные книги, эрудитские кружки*

Вопрос о значении античного наследия в становлении культуры итальянского Возрождения имеет длительную (ставился эрудитами еще в XVIII в.) и непрерывную традицию изучения. Проблема рецепций античной культуры представителями городского социума – купцами, ремесленниками, судьями и нотариями – не являлась предметом специального исследования, хотя так или иначе затрагивалась в различных трудах, посвященных темам социальных отношений, культурного антуража, духовного мира представителей городской среды¹. Наше исследовательское поле будет сосредотачиваться внутри городских стен Флоренции не только потому, что этот город аккумулировал выдающиеся достижения ренессансной культуры, но и в силу его насыщенности памятниками «литературы второго плана»² – хрониками, мемориями, дидактическими наставлениями, дневниками, письмами граждан.

Рецепция античного наследия будет рассматриваться в ракурсе процесса интеллектуализации как неотъемлемой части «новой культурно-интеллектуальной истории»³. Это позволит поставить вопрос о том,

¹ Эти темы рассматривались в середине XX в. видным французским историком Кристианом Беком. См.: Век 1967; 1986.

² Cazalé Bérard, Klapisch-Zuber 2004. P. 805–826.

³ «Новая культурно-интеллектуальная история» заменяет сложившуюся в историографии 1970–1980-х гг. бинарную модель культурных форм более сложной и подвижной моделью, отвергает вводящие в заблуждение дихотомии «идеи» и «чувства», «рационального» и «иррационального», «аналитического» и «символического», «интеллектуальной элиты» и «профанной массы», а с ними – жесткое противопоставление народной и ученой культуры, производства и потребления, создания и

насколько граждане Флоренции, не являющиеся непосредственными творцами и носителями ренессансной культуры, были сопричастны к ее становлению; в какой степени городской социум становился питательной средой для новых культурных веяний, призванных дать ответы на вызовы и запросы коммунального общества. Исходя из наблюдений, сделанных при изучении источников, вышедших из-под пера горожан, можно выделить уровни восприятия античного наследия, беря за основу такие показатели, как круг чтения, степень образованности и самое главное – знание латинского языка. Условность этих маркеров определяется тем, что они проявлялись в значительной мере спонтанно, в «хаосе повседневности», часто вне отформованных и санкционированных традиций культурных репрезентаций, практик и ритуалов. Вряд ли возможно связать эти уровни восприятия с определенными временными этапами: любые попытки окажутся достаточно условными.

В известных со второй половины XIII в. семейных книгах, рождающихся из бухгалтерских регистраций и тетрадей с записями имущественных сделок, не встречается следов античного наследия⁴, поэтому трудно судить, насколько и в каком виде оно было освоено авторами этих произведений. Но тексты последующего столетия дают некоторые сведения на этот счет. Так, в «Книге» торговца зерном Доменико Ленци, составленной в первой половине XIV в., содержатся столбцы однообразных прейскурантов цен на зерно, муку и крупу, соответствующие основному роду деятельности автора⁵. Эти ряды несколько раз внезапно прерываются описанием важных событий, в частности, картин голода 1329 г. Судя по этим записям, благочестие Доменико доходило до религиозной экзальтации. При этом в его «Книге» дважды возникал расплывчатый и, видимо, притягательный для мелкого купца образ античного мира. Автор с сожалением признавался в начале книги, что вынужден писать на *volgare*, ибо не знает «благородного латинского языка». Затем он упомянул «древних» (римлян), потому что «в их времена мало находилось таких, которые совершали что-либо против божественной воли, и потому всегда, и в личных делах, и в республике, имели они прекрасное устройство, ненависть отвратительные и грязные пороки, каковые сегодня... становятся чуть ли не добрыми делами»⁶.

присвоения культурных смыслов и ценностей, подчеркивая активный и продуктивный характер последнего». – Репина 2011. С. 339.

⁴ Например, наиболее ранние записи Бене Бенчивенни, относящиеся ко второй половине XIII в., Бальдовино Риккоманни, Джентиле Сассетти и его сыновей: *Primo libricciolo di crediti di Bene Bencivenni, Secondo libricciolo di crediti di Bene Bencivenni, Libro di amministrazione dell' eredita di Baldovino Jacopi Riccomanni, Libro del dare e dell' avere di Gentile de' Sassetti e suoi figli*. См.: *Nuovi testi fiorentini...* Vol. 1.

⁵ Lenzi 1978.

⁶ *Ibid.* P. 157.

В этом случае античная эпоха обладает аурой «старого доброго времени» и выглядит, как отдаленный прототип «золотого века», идентифицируемого с обществом древних римлян.

Плохо знающие латынь торговцы и сукноделы, образование которых сводилось обычно к счетной городской школе «абако», где не изучали риторики и диалектики, часто называли в качестве авторитетов имена античных авторов и героев, которые были на слуху в среде образованных горожан. Паоло да Чертальдо, современник Доменико Ленци и тоже торговец зерном, составляя для своих потомков морально-дидактические предписания, отмечал пользу нравственных наставлений классических авторов: наряду с опорой на католические авторитеты, он часто упоминал и цитировал Цицерона, которого, видимо, знал на уровне курса школьной хрестоматийной латыни⁷. Джованни Морелли (1371–1444), составивший свои мемории около 1411 г., предлагал детям учиться красноречию у Цицерона, мудрости – у Данте, философии – у Аристотеля. Он советовал читать античных авторов, хотя вряд ли знал их в подлиннике, учитывая отсутствие латинских цитат, но был убежден в ценности излагаемых ими истин для юноши из купеческой среды. Он наставлял: «Когда ты научишься кое-чему, читай Вергилия, Боеция, Сенеку и других авторов, о которых тебе говорили в школе. От этого последует огромное благо для развития твоего ума»⁸. Священное писание Морелли упомянул только после произведений римских и греческих мыслителей. Говоря о трудах древних, Морелли, как и многие сограждане, осознавал отвлеченность античной культурной оснастки от реальности своего времени, ее неадекватность повседневным делам купца. Культурный багаж Морелли, как и большинства других граждан, представлял комплекс практических познаний в сочетании с католическими истинами и догмами, «усвоенными в большей степени от проповедников и богословов»⁹. Витторе Бранка и Леонида Пандимильо, итальянские исследователи творчества Джованни Морелли, были убеждены, что он не читал текстов упоминаемых им авторов, приписывая, например, Эзопу вирши Овидия¹⁰. Сам купец утверждал, что латинский язык надо изучить настолько, чтобы понимать законы, читать нотариальные документы и писать деловые письма¹¹. В данном случае важен тот факт, что горожанин считал обязательными знания античных философов и писателей для юноши из торгово-банковской среды, что «позволит ему

⁷ Da Certaldo 1945. §§ 155, 225, 237, 350, 372.

⁸ Morelli 1956. 65a. P. 284; 63b. P. 289–290; 62b. P. 273–274.

⁹ Varese 1961. P. 54–55.

¹⁰ Branca 1956. P. 279; Pandimiglio 1974. P. 559. Клаудио Варезе утверждал, что античную культуру Джованни Морелли воспринимал «как удовольствие, утешение, убежище, цветок жизни, но отличный от самой жизни». См.: Varese 1961. P. 58.

¹¹ Morelli 1956. P. 270.

быть более ловким в общении», владеть навыками куртуазной обходительности, приобщиться к культуре, познать искусство красноречия, «чтобы уметь вести любой разговор смело и свободно, но не развязно»¹². Знание латыни и некоторая осведомленность о древних греках и римлянах были полезны купцу для успешного ведения дел в городе и установления плодотворных контактов за его пределами. Для части горожан, лишь на слух знакомых с достижениями античной культуры, был характерен стереотип восприятия античности, как некоего культурного образца, позитивной модели, полезной и для организации межличностного общения. При этом большинство из них не считало себя «книжными людьми», предпочитая античным авторитетам выбор, продиктованный собственным жизненным опытом, сноровкой в делах и практикой.

Условно такой вид рецепции античной культуры, при всех ее позитивных оценках и признании несомненной пользы для ведения торговли, делового общения и занятий на досуге, можно считать нижним уровнем восприятия. Обращение к текстам семейных книг позволяет выявить ряд его признаков: образование авторов, как правило, ограничивалось городской счетной школой, слабым знанием латинского языка, что не давало возможности читать произведения древних авторов. Информация, относящаяся к античной культуре, усваивалась, главным образом на слух от школьных учителей и посредством живого общения с более эрудированными согражданами.

Уровень более глубокого интереса к античному наследию заметен со второй половины XIV в. по такому признаку, как некоторое беспокойство представителей церкви по поводу увлеченности горожан языческой культурой. Проповедник-доминиканец Джованни Доминичи, требовал от своей паствы не читать стихи древнеримских поэтов, особенно «развратнейшие книги» и «плотские писания, поучающие телесной любви» Вергилия, хотя он лояльно относился к моралистике Катона, поучениям Эзопа и Сократа, стоической философии Цицерона»¹³.

К XV в. даже среди плохо владеющих латынью горожан стали распространяться культурные практики создания эрудитских кружков: интерес к древним авторам позволял отдохнуть от дел, получить утешение и моральное наставление, скрасить досуг старости. Вокруг предпринимателя, купца и банкира из Прато Франческо Датини сформировалось подобие эрудитского кружка. Агенты этого купца Микеле Бенини и Поло Джунтини, действующие в Венеции, сообщали ему деловую информацию в изящных письмах с латинскими цитатами, свидетельствующими об их основательной начитанности¹⁴. Самому Франческо Датини его

¹² Ibid. 60 a. P. 278–259.

¹³ Dominici 1860. P. 134–135.

¹⁴ См.: Livi 1910. P. 23–24.

друг нотариий Лапо Маццей пенял на то, что «для души» он больше читает не Священное Писание, а Тита Ливия и Валерия, хотя и без того владеет «сладким стилем» более, чем это приличествует купцу¹⁵. Эрудированный банкир Аньоло дельи Альи из Пизы цитировал в элегантных письмах своего любимого автора – Сенеку, что заметно по его переписке с новеллистом Франко Саккетти¹⁶.

Античные произведения все более давали о себе знать в текстах купеческой литературы явным или скрытым цитированием. Последнее характерно для апологетической «Хроники», составленной торговцем шелком Грегорио Дати. Он родился в бедной семье торговца рыбой, и не изучал латынь, что не мешало ему приводить перефразированные строки Вергилия, Тита Ливия, Валерия Максима, упоминать факты древнеримской истории, связанные с Клеопатрой, Еленой Троянской, с правлением Цезаря и Константина Великого; уподоблять войну между Флоренцией и Миланом (1389–1402) Третьей Пунической войне¹⁷.

В практике историописания появился прием «наложения» античных героев и исторических эпизодов на ситуации и события флорентийской истории, которым пользовался, как главным методом в своих последних произведениях историк и моралист Джованни ди Филиппо Кавальканти (1351–1381)¹⁸. В его морально-философских комментариях заметно влияние широко распространенных в XV в. «Этики» и «Политики» Аристотеля, а также речей и трактатов Цицерона и Сенеки. Знакомство с трудами Светония, Лукана, Ювенала, Саллюстия и Овидия, но особенно Валерия Максима, свидетельствовало о широком кругозоре Джованни ди Филиппо¹⁹. Но отсутствие прямого цитирования на латыни позволяет предполагать, что творения древних авторов были известны ему из переведенных на *volgare* компендиумов и хрестоматийных сборников²⁰. В труде, условно озаглавленном исследователями «Политико-моральный трактат», Кавальканти сопоставлял ситуации, героев и антигероев флорентийской истории с произвольно отобранными образцами древних эпох, заимствованными из компендиума трудов Валерия Максима²¹ и «Истории» Геродота. Хитроумие Мазо дельи Альбицци он

¹⁵ Lettera in Prato 5.03.1391 // Mazzei 1880. Vol. 1. P. 17.

¹⁶ Lettera in Firenze di 22.02.1391; 20.10.1391 // Livi 1910. P. 48–49.

¹⁷ Dati 1904. P. 15, 25, 30, 37, 77, 82, 83, 88, 108, 109, 111–113, 120. Для Дати характерен прием парафразно-центонного цитирования в описании событий современности. История о городе Луни, якобы разрушенным из мести оскорбленным мужем, представляла явный парафраз мифа о похищении Елены Троянской и разрушении Трои.

¹⁸ См.: Базелика 2007; Краснова 2012.

¹⁹ Grendler 1973. P. 38–42.

²⁰ О популярности компендиумов в XV в. см.: Zambrini 1878. P. 269–273; Garin 1966. Vol. 1. P. 231–237; Martines 1963. P. 283–285; 326.

²¹ Труд Валерия Максима «Достопримечательные деяния и высказывания» был переведен на *volgare* в XIV в., возможно, Джованни Боккаччо.

уподоблял уловкам персидского царя Дария, а его законодательную деятельность – совершенному правлению Пифагора над кутронами. Микеле ди Ландо, вождя восставших в 1378 г. чомпи, Кавальканти ставил выше законодателя Ликурга²². В использовании данного метода, по мнению М. Грендлер, Кавальканти не имел предшественников среди гуманистов, за исключением некоторых попыток Джованни Боккаччо (*De casibus illustrium virorum*) и Маттео Пальмиери (*Della vita civile*). Но Боккаччо и Пальмиери проводили такое сравнение в отдельных случаях, а Кавальканти построил весь «Трактат» на применении этого метода²³.

Итак, для представленного уровня рецепции античного наследия характерно, что купцы, банкиры и предприниматели Флоренции, не получавшие чаще всего специальных познаний в латинском языке, более широко обращались к текстам латинских авторов, с которыми в основном они знакомились по хрестоматийным сборникам цитат и фрагментов из произведений античных авторов, переведенных на родной язык, хотя нельзя исключить и некоторое знание латыни. На этом этапе заметны некоторые новые культурные практики: создание подобия эрудитских кружков, объединяющих связанных деловыми интересами лиц с разным уровнем образования, вступающих в общение не только устно, но и посредством интенсивной переписки. Так, корреспондентами Франческо Датини, не получившего никакого специального образования, являлись нотариус Лапо Маццеи, окончивший факультет гражданского права Болонского университета, и писатель Франко Саккетти. Формировалась своего рода «мода» на знание античных произведений.

Постепенно складывалась практика сопоставлений выдающихся флорентийцев и героев античной эпохи, известных по переводу труда Валерия Максима. Думается, что созданию позитивного образа античной эпохи и стремлению к «наложению» героев античности на замечательных личностей флорентийской истории способствовал культурный код традиций городской хронистики. Авторы полноформатных хроник, ведущих повествование от сотворения мира или основания Флоренции, подчеркивали связь флорентийской истории с Древним Римом, черты преемственности городских структур и явлений с событиями эпохи Юлия Цезаря и последующих²⁴. Горожане следовали за хронистами Джованни Виллани и Маркьонне ди Коппо Стефани, внушавшими гордость происхождением родного города от республиканского и цезарианского Рима, видя в этом залог вечной жизнеспособности Флоренции²⁵.

²² Cavalcanti 1973. P. 127–128, 138–139, 136–137, 176–179. Этот трактат представляет третью часть манускрипта, посвященного истории рода и персональной истории Джованни Кавальканти.

²³ См.: Grendler 1973. P. 39–40.

²⁴ Об этой традиции см.: Benvenuti 1995. P. 205–252; Ragone 1998. P. 9–18.

²⁵ Виллани 1997. Кн. 1. Гл. 38–46; Stefani 1903 (начальные главы хроники).

В XIV в. немало граждан владели латынью на уровне городских латинских школ более высокой ступени или университетов. Прежде всего, это юристы и нотариусы, часто выступавшие авторами семейных книг и дневников. Примером является переписка знатной семьи Кастильонкьо²⁶. Самым известным ее представителем в XIV в. был Лапо да Кастильонкьо (1316–1381), лидер гвельфской партии 1350–1370-х гг. (выслан из Флоренции в 1378 г.). Лапо «закончил факультет канонического права Болонского университета, стал Доктором», с 1357 г. почти 20 лет читал право во Флорентийском Studio, имел частную адвокатскую практику²⁷. Об учености мессера Лапо свидетельствует опись его библиотеки, составленная сыновьями в 1382 г.²⁸ Среди домашних и хозяйственных книг перечисляются «Этика» и «Метафизика» Аристотеля²⁹, тексты Августина Блаженного³⁰, Цицерона³¹, Кассиодора³².

Из текста «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо можно составить полное представление о степени его эрудированности в трудах античных авторов³³. Как все юристы, он питал профессиональный интерес к кодексам римского права, черпая доводы из «Дигест» Юстиниана и сборников городского законодательства³⁴. Помимо наиболее цитируемых авторитетов – Данте и Виллани, Лапо часто ссылался на Писание и выдающихся теологов³⁵. Но он несомненно был начитан в трудах античных мыслителей. В начале рассуждений о знатности он аргументировал тезис о том, что личная доблесть выше знатности по рождению, сентенциями из комментариев Макробия «Сон Сципиона» и «Энеиды» Вергилия, где среди грешников в Аду подвергались мукам те, кто не хранил верности их Республике³⁶. Он наставлял сына на примерах «мудрых и глубоких греческих философов» Сократа, Эврипида и Демосфена, указывая, что Сократ был сыном камнереза (*marmoraio*); у Эврипида

²⁶ Кастильонкьо – одна из ветвей рода феодального рода Да Квона, владения которого находились недалеко от Флоренции. Faini 2010. P. 138, 152; 159, 204; Cortese 2005.

²⁷ Lapo da Castiglionchio. Epistola // Epistola o sia Ragionamento ... 1753. P. 56–57.

²⁸ Il libro memoriale de' figliuoli... 1893.

²⁹ Una Etica et una Metafisica d' Aristotile in carta di capretto in affe in uno volume (Этика и Метафизика Аристотеля на картах из кожи козленка, скрепленные в один том).

³⁰ Agostino de dottrina Christiana in carte di pecora (Христианская доктрина Августина на пергамене).

³¹ L'arte vecchia et nuova di Tullio in carte di capretto, coperto di verde (Старое и новое искусство Туллия на картах из козьей кожи, покрытых зеленым).

³² Cassiodoro «De vere amicitia», scritto in parecchie carticelle di pecora (Кассиодор. «Об истинной дружбе», написанный на немногих картах из пергамена).

³³ Структура эпистолы следует схоластической форме: текст делится на два раздела, включающих в себя по три части, в каждой из которых содержится ответ на один из вопросов, якобы, заданных сыном.

³⁴ Lapo da Castiglionchio. Epistola ... P. 21–29.

³⁵ Ibid. P. 14–19.

³⁶ Ibid. P. 2.

мать являлась повитухой (ostetrice) и плебейкой, а Демосфен родился от неизвестных отца и матери. Вергилий – «вождь римской элоквенции» – «был рожден от грубых сельских родителей... в маленькой деревенской крепости»³⁷. В качестве образца выступал и Марк Катон – «человек плебейского происхождения, который стал в великом городе Рима... достойным и знаменитым гражданином, Консулом и прославленным Цензором»³⁸. Далее следовали легендарные римские цари: Туллий Остилий, «воспитанный до своего возмужания пастухом»; Тарквиний Приск, «отец которого был чужеземным торговцем, даже не итальянцем»; Сервий Туллий, «рожденный от раба; но воистину по знатности доблести заслуживший звания Короля Римлян»³⁹. В этом же ряду и Веспасиан, ибо, имея безвестное происхождение, стал сиятельнейшим лицом, благородно царствовал над Республикой, ...да и происхождение Цезаря было сомнительным, ведь его отец почти неизвестен»⁴⁰.

Лапо ссылался на инвективу Саллюстия против Цицерона, речи Цицерона, на Сенеку Старшего, который в своих «Controversiae» рекомендовал знатнейшему римскому гражданину Марию стать творцом собственной доблести. Он приводил стихи Горация Флакка – «очень знаменитого Сатирика и Поэта, не стыдившегося признаваться, что рожден от отца – либертина и глашатая (banditore), хотя и тот, и другой удостоились славы»⁴¹. Наконец, Лапо цитировал «Этику» Аристотеля, возможно, воспользовавшись тем списком, который хранился в его личном собрании рукописей⁴². Объясняя феномен дегенерации родов, он ссылался на «многие главы» Валерия Максима⁴³. В той части «Эпистолей», которая была посвящена хронике событий, Лапо опирался на труд Джованни Виллани, но также упоминал Тита Ливия⁴⁴.

³⁷ Ibid. P. 6. Вергилий был одним из самых цитируемых в городской среде авторов. На «Энеиду» Вергилия ссылались и сын Лапо Бернардо и его племянник Франческо. – Risposta di messer Bernardo canonico fiorentino // Epistola o sia Ragionamento... P. 136; Copia d' una lettera scritta in Roma per messer Francesco d' Alberto da Castiglionchio al ditto Alberto suo padre // Ibid. P. 161.

³⁸ Lapo da Castiglionchio. Epistola ... P. 7. Очевидно, имелся в виду Марк Порций Цензорий Старший (234–149 гг. до н. э.)

³⁹ Тулл Гостилий – третий легендарный царь Рима, разрушивший Альба Лонгу и победивший сабинян. Тарквиний Приск – царь, которому приписывают строительство в Риме Большого сточного канала, храма Юпитера и большого цирка. Сервий Туллий – предпоследний римский царь и законодатель (578–534 до н. э.)

⁴⁰ Lapo da Castiglionchio. Epistola ... P. 8. Тит Флавий Веспасиан – римский император (69–79 до н. э.), сын откупщика-сабина.

⁴¹ Ibid. P. 4–6.

⁴² Ibid. P. 13, 18, 19. В тексте эпистолы имеются ссылки на 1-ю (P. 13, 18, 19) и 4-ю (P. 13) книги Этики, также на «Политику» Аристотеля, кн. 1, гл. 4 (P. 19).

⁴³ Ibid. P. 14.

⁴⁴ Ibid. P. 117. Сочинитель уподоблял Фаринату дельи Уберти по доблести римскому Камиллу, ссылаясь на Тита Ливия.

Частые цитаты из сочинений философов, писателей и поэтов, приведенные в рассуждениях этого юриста, не оставляют сомнения в непосредственном знакомстве Лапо с их трудами. Само обилие имен упоминаемых античных авторов свидетельствует о глубоком знании латинской и древнегреческой философии и литературы.

К подобным выводам подводит и анализ «Книги памятных записок» нотария Бернардо Макиавелли (1428–1500)⁴⁵, вторым сыном которого был великий Никколо. Макиавелли-отец исполнял обязанности нотариуса и юрисконсульта во Флоренции, но не обладал широкой практикой и не занимал государственные должности⁴⁶. По кадастру 1498 г. его годовой доход оценивался в 110 флоринов, что свидетельствует о среднем достатке, но в семье было много детей, в т.ч. три дочери, которых предстояло выдавать замуж⁴⁷. Поскольку Бернардо не мог иметь значительного домашнего собрания копий античных текстов, он прибегал в двум традиционно распространенным в городском обществе культурным практикам ради удовлетворения своего интереса к древним авторам. Во-первых, обращение к библиотекам. Бернардо являлся постоянным читателем библиотеки при монастыре Санта Кроче, где на него был заведен специальный формуляр: в его домашней книге сделана отметка о возврате двух фолиантов сочинений Цицерона и Боэция, причем подчеркнуто, что «Цицерона я брал для собственного удовольствия»⁴⁸. Наконец, этот горожанин использовал широко практикующийся в повседневных отношениях обмен книгами.

Как и Лапо да Кастильонкьо, с профессиональной точки зрения его интересовали кодексы классического права. В 1486 г. он заимствовал у своего знакомого Томмазо Дети, обладавшего значительной библиотекой, «Кодекс» Юстиниана и «Новые Дигесты»⁴⁹. Но Бернардо испытывал и большую потребность в исторических, философских и литературных произведениях древних авторов. В 1475 г. он заключил со своим приятелем, священником Никколо Тедеско, договор о «Декадах» Тита Ливия. Бернардо брался выписать из этого труда все географические названия, необходимые его другу для занятий астрологией, а «полная книга» Ливия переходила к нему в собственность и служила потом учебником по латыни для его сыновей⁵⁰, возможно, особенно для Нико-

⁴⁵ Machiavelli 1954.

⁴⁶ Возможно, причиной отстранения от политической деятельности стали анти-медицейские выступления его родственника Джироламо Макиавелли.

⁴⁷ См. о Бернардо Макиавелли: Вес 1978; Виллари 1914; Гусарова 1983.

⁴⁸ Machiavelli 1954. P. 11.

⁴⁹ Ibid. P. 116. Запись датирована апрелем 1480 г. Другая запись о каком-то тексте Юстиниана, заимствованном у соседа, датирована январем 1481 г. (Ibid. P. 123)

⁵⁰ Ibid. P. 14, 35. Имеется отметка о выполнении договора с Тедеско и полном удовлетворении сторон.

ло и его младшего брата, которых отец после завершения начального обучения в школе «абако» поместил в школу более высокой ступени для прохождения курса латинской стилистики. Бернардо Макиавелли занимал на время «Новую риторику» Цицерона⁵¹, «Этику» Аристотеля⁵², заказывал переплести труды грамматика Присциана⁵³. У некоего знакомого Лапаччино он заимствовал «Космографию» Птолемея «с картами на хлопковой бумаге»⁵⁴. Капеллан церкви Сан Джованни из Поппи передал ему на месяц в пользование текст Плиния на *volgare*, а взамен получил от Бернардо «Сатурналии» и «Сон Сципиона» Макробия⁵⁵, сам Бернардо возвратил знакомому с большим опозданием «Филиппики» Цицерона⁵⁶. Круг чтения семьи Макиавелли, судя по «Книге памятных заметок», по большей части составляли произведения античных авторов. Лишь в одном месте встречается запись о Библии, а трактаты средневековых богословов и писания пап упоминаются очень редко.

Иногда интерес к античным мыслителям проявлялся и с иной профессиональной стороны. Например, в первой четверти XV в. входящий в кружок корреспондентов Франческо Датини купец Паоло Убриаки, выходец из старой фамилии нобильского происхождения, стал, если можно так выразиться, профессиональным картографом, основав в Испании несколько мастерских по изготовлению географических карт. Убриаки широко использовал тексты Птолемея, а также современных портоланов, лоций и путевых заметок, что позволило ему уточнить расположение атлантических берегов Европы⁵⁷.

В XV в. продолжалась и стала еще более заметной практика создания интеллектуальных сообществ на основе увлечения античными текстами: неоднократно упоминались собрания городских интеллектуалов на вилле Аньоло Пандольфини (1360–1446) в Понте-а-Синья, контадо Флоренции. Пандольфини получил хорошее образование, владел латынью и славился познаниями в философии⁵⁸. Биограф Веспасиано да Бистиччи давал высокую оценку его образованности: «Он... прекрасно знал латынь и был очень сведущ в философии, как моральной,

⁵¹ Ibid. P. 123. Запись о возврате нотарию Маттео «Новой Риторике» и нотарию Дзаноби «De Oratore» Цицерона датирована 1480 г.

⁵² Ibid. P. 88. Есть только отметка о возврате книги некоему Джованни ди Франческо, в которой «Этика» была переплетена вместе с текстами Цицерона.

⁵³ Ibid. P. 123. Некий Лацерио ди Бартоломео должен был переплести 39 тетрадей – полный текст «Грамматических наставлений» Присциана из Цезарии (нач. VI в.), который преподавал в Константинополе.

⁵⁴ Ibid. P. 15, 31. В «Книге» имеется отметка о возврате текста.

⁵⁵ Ibid. P. 70. Два текста Макробия были скреплены вместе в деревянный переплет, обтянутый кожей, отделанной розовыми вставками.

⁵⁶ Ibid. P. 58–59.

⁵⁷ Письмо, повествующее об Убриаки, находится в сб.: Livi 1910. P. 20–25.

⁵⁸ См. о нем: Вес 1967; Краснова 2011. Т. II. Кн. 1. С. 469–470.

так и естественной... Мессер Леонардо д'Ареццо очень ценил его суждения..., не писал и не переводил с латыни никакого труда, прежде не спросив мнения Аньоло Пандольфини»⁵⁹. Последние 12 лет жизни Аньоло провел вдали от дел на загородной вилле, часто собирая там для бесед на философские темы флорентийских интеллектуалов, со многими из которых, в частности, с Леонардо Бруни, он был связан дружбой. Его высоко ценил гуманист Маттео Пальмиери, а Леон Баттиста Альберти называл Пандольфини своим наставником в науке о моральных добродетелях, сравнивая его с Сократом⁶⁰.

Невзирая на дороговизну копирования текстов, в среде знатоков древних языков появилась практика сбора и комплектования библиотек памятниками античной мысли, среди которых представители торгово-банковской среды выделяли, прежде всего, Цицерона и Сенеку. Стоицкая философия импонировала мироощущению деловых людей тезисами о деятельной энергии и суровом энтузиазме в борьбе с постоянными ударами рока. Семейный клан Строцци гордился незаурядной ученостью одного из своих членов Бенедетто ди Пьераччоне Строцци, друга гуманиста Джаноччо Манетти: «Он был сведущ и ловок в латинском письме и проверял переводы большого знатока Леонардо д'Ареццо. Он страстно любил красивые и изящные книги...»⁶¹. Лоренцо Строцци, составляя жизнеописания членов своего рода, свидетельствовал, что Бенедетто собирал произведения древних авторов, «страстно желая правильных и красивых книг, которые тотчас же добывал не только для собственного удовольствия, но и для радости своих друзей»⁶².

У богатых горожан распространялась практика найма домашних учителей с целью изучения латинской грамматики: так, Палла ди Нофри Строцци (ум. 1464 в изгнании) до своей смерти продолжал штудировать с магистрами и докторами латинский и греческий языки, чтобы читать в оригинале труды древних философов⁶³. В этой среде появился интерес к греческой учености: Палла Строцци внес значительные средства, чтобы выписать из Византии ученого грека Аргиропуло, с которым он продолжал дружбу и после 1434 г., когда его изгнали в Падую⁶⁴. Он также посещал занятия греческим языком у Мануила Хрисолора⁶⁵. Лоренцо Строцци отмечал энтузиазм своего предка в области классической обра-

⁵⁹ Bisticci 1859. P. 291.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Strozzi 1892. P. 47.

⁶² Ibid, p. 47–48.

⁶³ Bisticci 1859. P. 283–284. Состоя в коллегии Флорентийского Studio, Палла Строцци с 1422 по 1433 гг. приглашал наиболее известных ученых на каждый факультет. См.: Strozzi 1892. P. 26.

⁶⁴ Bisticci 1859. P. 283–284.

⁶⁵ Брагина 2007; Соловьев 2011.

зованности: «...Он со всем рвением души устремился к философии, как к науке наиболее достойной..., и чтобы лучше знать ее по первоисточникам, учился греческому языку... у Эммануэля Хрисолора, ученейшего из всех греков...». Палла Строщи «не скупился ни на какие расходы, чтобы заполучить во Флоренцию многие книги на греческом языке, в том числе “Космографию” Птолемея из Константинополя, “Жизнеописания” Плутарха, “Политику” Аристотеля, которую Леонардо д’Ареццо перевел для него на латынь, и многие другие книги». Для комплектования библиотеки Палла держал в своем доме переписчика книг на жаловании⁶⁶. Джованни Ручеллаи приводил список текстов, которые, якобы, сам Палла перевел с древнегреческого на латынь: помимо произведений византийских богословов Иоанна Хризостома⁶⁷ и Григория Назианзина, он упомянул комментарии Симплиция⁶⁸ к первой, пятой-восьмой частям «Физики» Аристотеля, некоторые морали Плутарха, речи Демосфена и Платона⁶⁹. Сомнения в том, что Палла Строщи в весьма преклонном возрасте осуществил многие переводы, обусловлены тем, что Джованни Ручеллаи, компаньон и зять банкира Строщи⁷⁰, идеализировал фигуру тестя, передавая в своей «Записной книжке» миф о мессере Палла, как о «самом счастливом человеке нашего города», а среди семи признаков счастья» называл «познания в греческом языке и латыни»⁷¹.

Говоря о наиболее высоком уровне рецепции античной культуры, следует выделить профессиональный интерес юристов, нотариев, картографов, преподавателей университетов и школ. Но и в более широкой среде образованных горожан формировался дискурс о самоценности античного наследия, его изучению посвящались часы досуга: ради этих культурных практик порой жертвовали торгово-банковскими или политическими делами⁷². Важно, что, начиная с последней четверти XIV в. и далее определенный культурный багаж, главной чертой которого являлось знание латыни, умение рассуждать на темы античной философии и к месту цитировать Вергилия, Горация, Овидия и других римских авторов, становился своего рода визитной карточкой представителей фор-

⁶⁶Strozzi 1892. P. 24–26. Он указывал, что по завещанию Палла Строщи библиотека латинских и древнегреческих книг была передана в монастырь Св. Юстина Бенедиктинского Ордена (P. 43).

⁶⁷ Иоанн Златоуст (347–407).

⁶⁸ Симплиций или Симпликий – греческий философ, толкователь Аристотеля (1-я половина VI в. н. э.)

⁶⁹ Rucellai 1960. P. 64.

⁷⁰ Краснова 2011. Т. II. Кн. 2. С. 98–99.

⁷¹ Rucellai 1960. P. 61. «Самый счастливый среди четырех счастливейших». Остальные три – Козимо Медичи Старший, Леонардо Бруни Аретино и Филиппо Брунеллески.

⁷² Бистиччи писал о том, что другой выдающийся по учености флорентинец Никколо Никколи пожертвовал занятиями торговлей ради латинских и греческих штудий. См.: Веспасиано да Бистиччи 1996. С. 451.

мирующего патрициата – слоя социально-политической элиты города, подчеркивающего свой статус высоким уровнем образованности и приобщенностью к достижениям античной культуры.

В городской среде стали закрепляться определенные культурные практики: создание изначально аморфных сообществ, члены которых, стоящие на разных социальных ступенях и часто принадлежащие к противоположным политическим группировкам, были объединены общим интересом к идеям и образам древних греков и римлян. Не только для детей, но и для себя богатые горожане нанимали домашних учителей, под руководством которых изучали труды античного наследия. В первой половине XV в., особенно после Флорентийского собора 1439 г., стал усиливаться интерес к древнегреческому языку. Эти хобби горожан, зачастую вытесняющие основные профессиональные занятия, дали основание итальянскому литератору А. Де Санктису утверждать, что именно увлеченность светской культурой гуманизма и любовь к искусству способствовали превращению банкиров и предпринимателей в интеллектуальную элиту, потерявшую интерес к торговым делам из-за чрезмерной рафинированности вкусов во второй половине XV в.⁷³ Это утверждение отличается чрезмерной категоричностью: лишь очень узкий слой купцов, банкиров и предпринимателей менял род занятий. Большая часть горожан, не являясь «книжными людьми», менее всего была склонна поклоняться бюсту Платона и авторитету античных авторов, предпочитая опираться в делах на «добрый опыт» старших поколений или свой собственный. Даже для второй половины XV в. невозможно отождествлять «купцов-писателей», авторов меморий и семейных книг, и представителей культуры Возрождения, несмотря на тесное общение части верхушки правящей элиты с гуманистической интеллигенцией. Подавляющее большинство образованных флорентийцев не владели латынью настолько, чтобы читать произведения античных авторов, не вдавались в риторические экскурсы и филологические изыскания, не вникали в философские доктрины. Их интересовала главным образом практическая этика, опирающаяся на обобщение собственного жизненного опыта, который они с удовольствием подкрепляли суждениями античных писателей и мыслителей. Но интерес к их трудам и распространение ряда культурных практик, о которых шла речь выше, свидетельствуют о том, что в сознании ряда горожан представители античной культуры постепенно начинали отодвигать на второй план традиционные церковные авторитеты, обеспечивая этико-дидактическими наставлениями и политическими доктринами, в которых нуждался широкий круг лиц, избираемых на коммунальные должности.

⁷³ De Sanctis 1949. Vol. I. P. 401, 408–409.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Базелика Дж. Кавальканти // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. М.: РОС-СПЭН, 2007. Т. I. С. 715–716. [Bazelika D. Kaval'kanti // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya. M.: ROSSPEN, 2007. T. I. S. 715–716]
- Брагина Л.М. Аргиропуло // Культура Возрождения: Энциклопедия... 2007. Т. I. С. 89. [Bragina L.M. Argiropulo // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya... 2007. T. I. S. 89]
- Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописание прославленных людей XV в. Государственные мужи и ученые. Никколо Никколи / Пер. и комм. О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М.: Юристь, 1996. С. 451–465. [Vespasiano da Bisticchi. Zhizneopisaniya proslavlennykh lyudei XV v. Gosudarstvennye muzhi i uchenye. Nikkolo Nikkoli / Per. i komm. O. F. Kudryavtseva // Opyt tysyacheletiya. Srednie veka i epokha Vozrozhdeniya: Byt, nrawy, idealy. M.: Yurist", 1996. S. 451–465]
- Виллани, Джованни. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст. и примеч. М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. 550 с. [Villani, Dzhovanni. Novaya khronika, ili Istoriya Florentsii / Per., st. i primеч. M.A. Yusima. M.: Nauka, 1997. 550 s.]
- Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. СПб.: Грядущий день, 1914. XXXII, 427 с. [Villari P. Nikkolo Makievelli i ego vremya. SPb.: Gryadushchii den', 1914. XXXII, 427 s.]
- Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 142 с. [Gusarova T.P. Gorod i derevnya Italii na rubezhe pozdnego srednevekov'ya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. 142 s.]
- Краснова И.А. Пандольфини // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. М.: РОС-СПЭН, 2011. Т. II. Кн. 1. С. 469–470. [Krasnova I.A. Pandol'fini // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya. V 2 t. M.: ROSSPEN, 2011. T. II. Kn. 1. S. 469–470]
- Краснова И.А. Практика историописания в городской среде Флоренции XV в.: опыт Джованни ди Филиппо Кавальканти // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М.: РОССПЭН, 2012. С. 31–50. [Krasnova I.A. Praktika istoriopisaniya v gorodskoi srede Florentsii XV v.: opyt Dzhovanni di Filippo Kaval'kanti // Istoricheskaya ramyat' v kul'ture epokhi Vozrozhdeniya. M.: ROSSPEN, 2012. S. 31–50]
- Краснова И.А. Ручеллаи // Культура Возрождения: Энциклопедия. 2011. Т. II. Кн. 2. С. 98–99. [Krasnova I.A. Ruchellai // Kul'tura Vozrozhdeniya: Entsiklopediya. T. II. Kn. 2. S. 98–99]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011]
- Соловьев С.В. Хрисолор // Культура Возрождения: Энциклопедия. 2011. Т. II. Кн. 1. С. 536–537. [Solov'ev S.V. Khrisolor // Kul'tura Vozrozhdeniya... 2011. T. II. Kn. 1. S. 536–537]
- Bec Ch. À propos de Machiavel: affaires et humanisme à Florence durant la Renaissance // Studi in memoria di Federigo Melis. Napoli: Giannini, 1978. Vol. III. P. 527–542.
- Bec Ch. Florence 1300 – 1600: histoire et culture. Nancy: Presses Univ., 1986. 241 p.
- Bec Ch. Les marchands écrivains: affaires et humanisme à Florence 1375-1434. Paris; La Haye: Mouton, 1967. 489 p.
- Benvenuti A. «Secondo che raccontano le storie»: il mito delle origini cittadine nella Firenze comunale // Il senso della storia nella cultura medievale italiana, 1100-1350: quattordicesimo Convegno di studi: Pistoia, 14–17 maggio 1993. Pistoia: presso la sede del Centro, 1995. P. 205–252.
- Bisticci V. Vite di uomini illustri del secolo XV scritte da Vespasiano da Bisticci; stampate la prima volta da Angelo Mai e nuovamente da Adolfo Bartoli. Firenze: Barbera, Bianchi e Comp., 1859. XXXII, 564 p.
- Branca V. Nota // Morelli G. Ricordi / a cura di Vittore Branca. Firenze: F. Le Monnier, 1956.
- Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The Trattato politico-morale of Giovanni Cavalcanti (1381 – c. 1451): a critical edition and interpretation. Genève: Librairie Droz, 1973. P. 97–222.
- Cazalé Bérard Cl., Klapisch-Zuber Ch. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2004. № 4 (59e année). P. 805–826.

- Cortese M. E. Nella sfera dei Guidi: i «da Quona» ed altri gruppi familiari aristocratici della bassa Val di Sieve tra XI e XII secolo // Antica possessione con belli costumi. Due giornate di studio su Lapo da Castiglionchio «il Vecchio». Atti del Convegno (Firenze-Pontassieve 3-4 ottobre 2003) / a cura di F. Sznura. Firenze: Aska Edizioni, 2005. P. 157-172.
- Da Certaldo P. Libro di buoni costumi / a cura di A. Schiaffini. Firenze: F. Le Monnier, 1945. 270 p.
- Dati G. L'istoria di Firenze dal 1380 al 1405 / illustrata e pubblicata dal dott. Luigi Pratesi secondo il codice inedito stradiniano collazionato con altri manoscritti e con la stampa del 1785. Norcia: Tip. Tonti Cesare, 1904. XXXVII, 185 p.
- De Sanctis F. Storia della letteratura italiana / a cura di B. Croce. Bari: G. Laterza, 1949. Vol. I.
- Dominici G. Regola del governo di cura familiare / testo di lingua dato in luce e illustrato con note dal prof. Donato Salvi. Firenze: presso Angiolo Garinei libraio, 1860. (pag. varia)
- Epistola o sia Ragionamento di messer Lapo da Castiglionchio celebre giureconsulto del secolo XIV. colla vita del medesimo composta dall'abate Lorenzo Mehus. Si aggiungono alcune lettere di Bernardo suo figliuolo e di Francesco di Alberto suo nipote. Con un'appendice di antichi documenti. Bologna: per Girolamo Corciolani, ed eredi Colli a S. Tommaso d'Aquino, 1753. LX, 222 p.
- Faini E. Firenze nell'età romanica (1000-1211): l'espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze: Olschki, 2010. XXXVII, 441 p.
- Garin E. Storia della filosofia italiana. Torino: G. Einaudi, 1966. Vol. I. XIV, 495 p.
- Grendler M. The Trattato politico-morale of Giovanni Cavalcanti (1381 - c. 1451): a critical edition and interpretation. Genève: Librairie Droz, 1973. 251 p.
- Il libro memoriale de' figliuoli di m. Lapo da Castiglionchio (1382) / Ed. di F. Novati. Bergamo: stab. tip. fratelli Cattaneo, 1893. 29 p.
- Lenzi D. Il Libro del biadaiole // Pinto G. Il libro del Biadaiole: Carestie e annona a Firenze della metà dal' 200 al 1348. Firenze: L. S. Olschki, 1978. XXI, 562 p.
- Livi G. Dall'archivio di Francesco Datini mercante pratese: celebrandosi in Prato addi XVI d'agosto MDCCCX auspice la Pia Casa de' Ceppi il V centenario della morte di lui. Firenze: presso F. Lumachi, 1910. 59 p.
- Machiavelli B. Libro di ricordi / a cura di Cesare Olschki. Firenze: F. Le Monnier, 1954. 281 p.
- Martines L. The social world of the Florentine humanists: 1390-1460. London: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1963. X, 419 p.
- Mazzei L. Lettere di un notaro ad un mercante del sec. XIV, con altre lettere e documenti / per cura di C. Guasti. Firenze: Successori Le Monnier, 1880. Vol. I. CXLIII, 444 p.
- Morelli G. Ricordi / a cura di V. Branca. Firenze: F. Le Monnier, 1956. 547 p.
- Nuovi testi fiorentini del Dugento con introduzione, trattazione linguistica, glossario / a cura di A. Castellani. Firenze: Sansoni, 1952. Vol. I. XII, 458 p.
- Pandimiglio L. Giovanni di Pagolo Morelli e la ragion di famiglia // Studi sul medioevo cristiano offerti a Raffaello Morghen, per il 90 anniversario dell'Istituto Storico Italiano (1883-1973). Roma, 1974. Vol. 2. P. 553-608.
- Ragone F. Giovanni Villani e i suoi continuatori: la scrittura delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1998. XV, 256 p.
- Rucellai G. Il Zibaldone // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. 1: Il Zibaldone quaresimale: pagine scelte / a cura di A. Perosa. London: The Warburg Institute, 1960. XXVII, 264 p.
- Stefani M. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / a cura di N. Rodolico // Rerum Italicarum scriptores: raccolta degli storici italiani dal Cinquecento al Millecinquecento / ordinata da L. A. Muratori. Città di Castello: S. Lapi, 1903. Vol. XXX. P. I. CXXI, 677 p.
- Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi: commentario di Lorenzo di Filippo Strozzi, ora interamente pubblicato con un ragionamento inedito di Francesco Zeffi sopra la vita dell'autore / [a cura di P. Stromboli]. Firenze: Pei tipi di Salvatore Landi, 1892. XXVI, 214 p.
- Varese Cl. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino: Einaudi, 1961. 294 p.
- Zambrini F. Le opere volgari a stampa dei secoli XIII e XIV. Bologna: presso Nicola Zanichelli, 1878. LVI, 1172 p.

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; gorward_@mail.ru

Тельменко Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь); teiltman@mail.ru

Levels of perception of antiquity by Florence citizens (according to family books, diaries, correspondence)

The given article is devoted to the perception of the ancient heritage by the representatives of Florence urban environment, who were non-humanists in the 14th and 15th centuries. The research is conducted on the basis of sources of a personal origin, related to the literature of "the second plan": family books, correspondence, and also biographies and chronicles. Such principles as the scope of reading, the level of education, the knowledge of Latin, goal setting, reflecting different degrees of intellectualization of the townspeople engaged in trade, business, and banking are posited as the basis to determine the levels of their appropriation of the ancient culture. The article represents an attempt to define the influence of the Florentine patriciate formation process upon the development of the intellectual and cultural elite in the first half of the 15th century.

Keywords: perception of the ancient heritage, society of Florence, intellectual elite, family books, erudite communities

Irina Krasnova, Dr. Sc. (History), Professor, Institute of the Humanities, North Caucasus Federal University; gorward_@mail.ru

Elena Telmenko, PhD in History, Associate professor, Institute of the Humanities, North Caucasus Federal University; teiltman@mail.ru

М. В. МИТАЛЕВА

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ И ТРАКТАТ ГАЛЕНА «О НАЗНАЧЕНИИ ЧАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА»

В статье рассматривается вопрос о влиянии на Леонардо да Винчи взглядов римского медика и философа Галена с опорой на трактат «О назначении частей человеческого тела» как наиболее вероятно известного Леонардо. Выстраивается схема «Гален и Леонардо да Винчи» из дневниковых заметок и контактов, а также параллелей в работах ученых. Из смысловых пересечений важным моментом является проявление галеновской телеологии в записях Леонардо да Винчи.

Ключевые слова: Леонардо да Винчи, Гален, галенизм, история медицины, телеология, Ренессанс

Леонардо да Винчи часто используют как яркий пример не только человеческой гениальности, но и оригинальности. Его самобытность в ряде аспектов автоматически переносится на все остальное, что привело к тому, что научных исследований, касающихся влияния на Леонардо других мыслителей и заимствований у них, практически нет. Этой статье хотелось бы несколько заполнить пробел относительно значения для Леонардо наследия римского медика и философа Галена, в частности работы «О назначении частей человеческого тела». Тема «Леонардо и Гален» уже затрагивалась в литературе¹, в основном с позиции истории медицины и в большинстве биографических работ. В этот ряд необходимо привести некоторую обстоятельность, так как имеющиеся работы либо рассчитаны на специалистов-леонардоведов, либо наоборот – на очень широкую аудиторию, что ни в том, ни в другом случае не подразумевает прописывания информационной основы данной темы. Подробнее о том, что стоит за утверждениями авторов насчет галеновского влияния на Леонардо и информацией в биографиях о его знакомстве с трудами римского медика, в предлагаемой статье.

В интеллектуальной ренессансной среде Гален был хорошо известен и как медик, и как мыслитель². Имя Галена стояло наряду с другими великими врачевателями древности: его работы входили в учебные программы, их было не принято критиковать, несмотря на очевидные ошибки, заметные практикующим анатомам и врачам. Но начинается процесс переосмысления галеновского наследия. Медицинские гуманисты – люди, как правило, имеющие познания в двух областях: медицинской и гуманитарной, обратили внимание на ошибки в существовавших

¹ Leonardo da Vinci on the Human Body... 1983; Farago 1991; Zwijnenberg 1999; Kemp 2007.

² Подробнее об изучении Галена в XV–XVI вв. см.: Wear 1981; Nutton 2008.

переводах и инициировали создание новых изданий и новых переводов Галена, которые в основном вышли уже после смерти Леонардо, тем не менее он стал свидетелем возрастающего интереса к римскому медику.

Его же самого к анатомическим изысканиям и сопутствующей тематике привело стремление к профессиональному росту, многие художники изучали строение человеческого тела для лучшего понимания пропорций и пр., но, как известно, Леонардо пошел намного дальше и, возможно, не последнюю роль сыграл в этом именно Гален. Начиная с 1480-х гг., в записях Леонардо появляется все больше анатомической и физиологической теоретической и визуальной информации, а затем и непосредственные упоминания работы Галена «*De usu partium*» («О назначении частей человеческого тела»). Это единственная работа Галена, о которой можно говорить уверенно в связи с Леонардо, хотя предпринимались попытки найти следы знакомства и с другими: в статье М.А. Гуковского «Леонардо и Гален»³ письмо Леонардо членам комиссии по постройке Миланского собора сопоставлялось с трактатом Галена «О построении искусства медицины – к Патрофилу».

Хронологически первой можно считать запись «galieno. devtilita» (имеется в виду работа Галена «*De usu partium*»)⁴, которая, как и остальные заметки о Галене, находится на страницах анатомических рукописей, хранящихся в Королевской библиотеке в Виндзоре. На листе 1510 г. еще пометка, возглавляющая список дел: «*fa tradurre avicena de' govamentj*» (Перевести Авиценну «О пользе»)⁵, которую уже традиционно трактуют как описку Леонардо, имевшего в виду Галена, а не Авиценну. Следующее упоминание на листе, относимом к 1511–1513 гг., самое конкретное: «*de' moti liquidj dj galieno*» (О движении жидкостей по Галену)⁶. В биографиях обычно указывают только первую запись. Кроме того, Леонардо дважды: на листе с рисунком знаменитой «Великой леди» и листе с исследованиями ноги обращается к Мондино де Луцци – автору компилятивной работы по анатомии «*Anathomia corporis humani*»⁷, которая включала и медицинскую информацию из Галена. С этой книгой Леонардо, вероятно, познакомился ранее остальных, как и с анатомией в общих чертах – в мастерской Верроккьо.

Этот скромный перечень фактических упоминаний недостаточен для полноценного вывода, необходимо обосновать также и то, как работы Галена могли попасть в руки Леонардо и каким образом он ознакомился с их содержанием, практически не владея латинским и греческим

³ Гуковский 1986.

⁴ Leonardo da Vinci. *Disegni anatomici*. 0039 r. [Электронный ресурс]

⁵ Leonardo da Vinci *Quaderni d'anatomia*. I. 1911. P. 125.

⁶ Leonardo da Vinci *Quaderni d'anatomia*. II. 1912. P. 135.

⁷ Подробнее см.: Snow-Smith 2004.

языками⁸. Ряд исследователей⁹, предполагает, что переводы Галена могли быть сделаны для Леонардо знакомыми и друзьями. Так, по свидетельству Вазари, Леонардо приступил «к анатомии людей, пользуясь в этом деле помощью превосходного философа, читавшего в то время в Павии лекции и писавшего об этом предмете, а именно Маркантонио делла Торре, которому он взамен этого и сам помогал и который был (насколько я слышал) одним из первых, кто начал изучать медицину в свете учения Галена»¹⁰. Прямых упоминаний об этом событии у Леонардо нет, но в его заметках встречаются имена других людей, имевших интерес к врачеванию, анатомии и физиологии. Краткие записи на страницах Атлантического кодекса и кодекса Арундела, в записной книжке F, анатомических листках свидетельствуют о личных знакомствах и знакомствах с работами современников, которые могли привести Леонардо к Галену. Флорентийский математик и астроном Паоло даль Поццо Тосканелли, которого Леонардо называет просто «Паоло-медик», вел переписку с Амброджо Траверсари, коллекционером античных текстов, в т.ч. медицинских, у самого Тосканелли также была библиотека. После его смерти Анджело Полициано приобрел у его наследников греческие манускрипты, включающие «De Compositione Medicamentorum» Галена¹¹. Джованни Марлиани, сын Кантелло Марлиани, миланский доктор, как и Фацио Кардано, снабжал Леонардо книгами из библиотеки своей семьи, в т.ч. медицинскими. О Марлиани практически нет исследований, однако, судя по его библиотеке и роду занятий Джованни, а также факта сходства его шкалы горячего и холодного со шкалой Галена¹², можно предположить, что и здесь Леонардо мог получить знания о галеновском наследии. Дж. Марлиани некоторое время преподавал в Падуде с другим знакомым Леонардо – переводчиком греческих текстов и ученым Джорджо Валла. Упомянутая Леонардо «книга Джорджо Валлы» – энциклопедический труд «De expetendis et fugiendis rebus» (1501), значительная часть которого отведена Валлой под вопросы медицины и физиологии, где приведены переводы из Галена, которыми он занимался и ранее, и мог познакомить с ними Леонардо, вокруг которого, как можно заметить, в целом сложилась атмосфера почитания античной медицины и не критического к ней отношения. Из нее несколько выбивался лишь автор упоминаемой Леонардо книги «Anatomicae, sive historiae corporis humani» (1502) – медик из Пармы Алессандро Бенедетти, инте-

⁸ Основной статьей по ренессансным переводам и изданиям Галена во время жизни Леонардо остается Durling 1961. Дальнейшая работа в этом направлении велась относительно более поздних изданий, уже недоступных Леонардо.

⁹ McMurrich 1930; Belt 1955; O'Malley, Saunders 1983.

¹⁰ Вазари 2008. С. 462.

¹¹ Park 2014. P. 226, 230.

¹² Barnett 1956. P. 273.

ресно, что отношение к его работе среди современников не было однозначным именно из-за его критики Галена.

Кроме упомянутых в записях Леонардо, это мог быть также флорентийский анатом Антонио Бениввени – их знакомство предполагает Чарльз Николл¹³, а Моника Аззолини указывает на близость их текстовых описаний вскрытия¹⁴. В плане возможного контакта интересна и фигура Николо Леоничено, преподававшего медицину в университете Феррары с 1464 г., который был, кроме прочего, библиофилом и переводчиком работ Галена и Гиппократов. В 1492 г. Леоничено опубликовал трактат «De Plinii, et plurium aliorum medicorum in medicina erroribus». Он вел совместную работу над греческими текстами с медицинским гуманистом Дж. Валлой, а также был одним из тех, кто причислил Алессандро Бенедетти к числу ненадежных медиков за критику Галена. Такой широкий круг заинтересованных в медицине интеллектуалов¹⁵ среди знакомых Леонардо заставляет задуматься и о том, что, возможно, упомянутые «О назначении частей» и «О построении искусства медицины» Галена были не единственными известными ему работами.

Кроме факта личных контактов и доступа к книгам, несомненное знакомство со взглядами Галена на анатомию и физиологию подтверждает и согласие Леонардо со многими из них, хоть и без непосредственного цитирования, но иногда даже с перенятием характерных галеновских ошибок, которые по сути могли быть опровергнуты проводимой анатомической работой. Так, Леонардо вслед за Галеном пишет о «соках» тела¹⁶, включает элементы галенизма в рисунок венозной системы, добавляя туда «духовные части»¹⁷, рисует печень пятидольной согласно ошибке Галена, основанной на вскрытиях собак¹⁸.

Влияние Галена на Леонардо явственно проступает и через обращение к мысли о разумности и целесообразности природы в его записях. Эта телеологическая идея идет постоянным фоном и у Галена как единственное приемлемое объяснение всему тому, что он наблюдал и описывал в анатомии и физиологии. Она настолько настойчиво вплелена в галеновскую мысль, что сохраняет восприятие себя для слушателя даже при устном переводе или пересказе. Увлеченность онтологическими построениями, основанными на вере в сознательно направлен-

¹³ Николл 2006. С. 315.

¹⁴ Azzolini 2006. P. 166.

¹⁵ В Grendler 2002 дается программа четырехлетнего обучения на медицинских факультетах Болонского и других университетов. Галена начинали изучать уже во второй половине первого года, при этом количество работ за весь курс превышало десять наименований.

¹⁶ Леонардо да Винчи 1965. С. 501, 506.

¹⁷ Leonardo da Vinci Quaderni d'anatomia. V. 1916. P. 40.

¹⁸ Leonardo da Vinci Quaderni d'anatomia. III. 1913. P. 57.

ную демиургом природу, часто мешала и Галену, и Леонардо правильно интерпретировать свой медицинский опыт. В советской литературе телеологический момент у Леонардо часто сглаживался, авторы стремились отразить лишь прогрессивные черты, чем уподоблялись критикуемым ими «апологетам католицизма» в однобоком представлении взглядов мыслителя. Вдохновенные гимны природе и ее творцу, действительно, та часть леонардовских записей, которая среди описания опытов, механизмов, математических решений кажется чем-то инородным, наводя на мысль о простом цитировании или речах, сочиненных на публику, но это лишь делает вопрос о происхождении и значении телеологических отрывков более острым.

Первоначально Леонардо мог познакомиться с идеей божественной природы в пропитанной античным наследием интеллектуальной атмосфере Ренессанса. Источником для ранних телеологических размышлений могли послужить работы Аристотеля и Платона, на которые ссылался и Гален. Так, Кил показывает, что диалог «Тимей» Платона стал для Леонардо источником не только информации о внутренних органах человека, но также об идее макрокосма и микрокосма¹⁹.

Однако телеологические отрывки не сводятся только к влиянию двух греческих мыслителей. Если в 1490–1497 гг. записи «Необходимость – наставник и опекун природы», «Природа полна бесчисленных причин, которые никогда не были в опыте», а также выпад в сторону природы, которая, по мнению Леонардо, для многих «животных была скорее жестокой мачехой, нежели матерью, а для некоторых не мачехой, а матерью сердобольной»²⁰ скорее относятся к фиксации мыслей из Аристотеля и собственных размышлений касательно противоречий, видимых Леонардо в животном мире, то дальнейшее возникновение полновзвучных телеологических текстов все же представляется наиболее вероятным под влиянием Галена. Оно заметно и в содержании, и в форме записей Леонардо. Мысль о божественной природе постепенно завоевывает место на страницах его записных книжек. Отрывок из Галена, посвященный исследованию кровеносной системы: «в сердце берет начало одна крупная артерия, которая, подобно стволу, делится на сучья и многочисленные ветки»²¹ вдохновляет Леонардо на рассуждение и его образное описание:

«И если бы ты сказал, что вены зарождаются в кривизне печени, потому что они в этой кривизне имеют ветви, подобно тому, как корни растений имеют их в земле, то на это сравнение отвечают, что растения не берут свое начало в корнях, но что корни и другие ответвления берут свое нача-

¹⁹ Keele 1983. P. 79.

²⁰ Леонардо да Винчи 1955. С. 11, 851.

²¹ Гален 1971. С. 267.

ло в нижней части этих растений, каковая находится между воздухом и землей; и все части растений верхние и нижние всегда меньше той части, которая соприкасается с землей. Итак, ясно, что все растение берет свое начало в этом утолщении и, следовательно, вены зарождаются в сердце, где находится их самая большая толщина»²².

Мысль Галена о том, что «самый короткий путь является и самым надежным, и наиболее привычным для природы»²³ тоже почти дословно повторена у Леонардо да Винчи – «Всякое природное действие совершается кратчайшим путем»²⁴, пишет он, выводя из этого тезиса и правила свободного падения, и закономерности в кровеносной системе. Через ряд «обнаруженных» повелений природы преподносятся полет птиц, филлотаксис, строение зрачка и многое другое. Переход Леонардо от природы-мачехи к природе-устроительнице, у которой «Ничто не является излишним и ничто не является недостаточным»²⁵, обусловлен близким знакомством с работами римского медика аналогично считавшего, что «Природа не любит делать ничего недостаточного, ничего чрезмерного и бесполезного»²⁶. Смысловыми совпадениями наполнены все анатомические записи Леонардо, с конца XV – начала XVI в. элементы галенизма присутствуют и в остальных его записях о живом – ботанических, «Кодексе о полете птиц».

Учитывая, что пути знакомства Леонардо с Галеном могли быть намного шире предполагаемого, то актуальной была бы дальнейшая работа в направлении текстового сравнения двух мыслителей, что несколько затрудняется отсутствием полных изданий и переводов Галена. Тезис М. А. Гуковского о том, что Леонардо воспроизводил «лишь общий смысл сочинений Галена, которые когда-то произвели на него столь сильное впечатление, что он удержал все это в памяти», видоизменяя, но «сохраняя основную мысль»²⁷, несомненно верен, и остается два вопроса, связанных с этой темой – объемы такого воспроизведения в текстах Леонардо и еще один, не менее интересный. Почему среди множества философских идей Леонардо да Винчи проявил такой интерес к галеновской телеологии и нашел ей место в своих записях? Ответ может заключаться в планах Леонардо опубликовать собственный трактат по анатомии, споров на этот счет немало – ряд страниц рукописей представляет собой уже готовые страницы для книги²⁸. Содержащийся на них текст также написан в популярном ключе с характерны-

²² Леонардо да Винчи 1965. С. 400.

²³ Гален 1971. С. 229.

²⁴ Леонардо да Винчи 1955. С. 246.

²⁵ Леонардо да Винчи 1955. С. 801.

²⁶ Гален 1971. С. 151.

²⁷ Гуковский 1986. С. 230.

²⁸ Клейтон, Фило 2013. С. 196.

ми галеновскими нотами. Таким образом, телеологический момент мог быть элементом литературного подражания. Другим вариантом могло выступать желание Леонардо да Винчи найти философскую систему, в которую можно было свести разрозненные знания, факты, результаты опытов и наблюдений, которые он фиксировал на протяжении жизни. Понятный посыл телеологии и притягательная фигура Галена как человека увлеченного и не гнушавшегося тяжелого труда анатома сыграли в выборе Леонардо да Винчи не последнюю роль.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Москва: Альфа-Книга, 2008. 1278 с. [Vazari D. Zhizneopisanija naibolee znamenityh zhivopiscev, vajatelej i zodchih. Moskva: Alfa-Kniga, 2008. 1278 s.]
- Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева; под ред. В.Н. Терновского. М.: Изд-во «Медицина», 1971. 553 с. [Galen Klavdij. O naznachenii chastej chelovecheskogo tela / per. s drevnegrech. S. P. Kondrat'eva; pod red. V.N. Ternovskogo. Moskva: Izdatel'stvo «Medicina», 1971. 553 s.]
- Гуковский М. А. Леонардо и Гален // Культура эпохи Возрождения / ред. Л.М. Брагина, А.Х. Горфункель, А.Н. Немилев. Ленинград: Наука, 1986. С. 226–232 [Gukovskij M. A. Leonardo i Galen // Kul'tura jepohi Vozrozhdenija / red. L.M. Bragina, A.H. Gorfunkel', A.N. Nemilov. Leningrad: Nauka, 1986. S. 226–232].
- Леонардо да Винчи. Анатомия. Записи и рисунки / пер. с итал. М.В. Кондратьевой и З.Б. Подкопаевой; ред. и комм. В. Н. Терновского. М.: Наука, 1965. 586 с. [Leonardo da Vinci. Anatomija. Zapisi i risunki / per. s ital. M.V. Kondrat'evoj i Z.B. Podkopaevoj; red. i komm. V. N. Ternovskogo. Moskva: Nauka, 1965. 586 s.]
- Леонардо да Винчи. Избранные естественнонаучные произведения / ред., пер., ст. и комм. В.П. Зубова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1207 с. Leonardo da Vinci. Izbrannye estestvennonauchnye proizvedenija / red., per., st. i komm. V.P. Zubova. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1955. 1207 s.
- Клейтон М., Фило Р. Анатомия Леонардо да Винчи / пер. с англ. К.М. Горина. Москва: Эксмо, 2013. 256 с. [Klejton M., Filo R. Anatomija Leonardo da Vinci / per. s angl. K.M. Gorina. Moskva: EHksmo, 2013. 256 s.]
- Николл Ч. Леонардо да Винчи. Полет разума / пер. с англ. Т. Новиковой. Москва: Эксмо, 2006. 776 с. [Nikoll CH. Leonardo da Vinci. Polet razuma / per. s angl. T. Novikovoj. Moskva: EHksmo, 2006. 776 с.]
- Azzolini M. Leonardo da Vinci's anatomical studies in Milan: A re-examination of sites and sources // Visualizing medieval medicine and natural history, 1200-1550 / ed. by J.A. Givens, K.M. Reeds, A. Touwaide. Bodmin: Ashgate Publishing, 2006. Pp. 147–176.
- Barnett M.K. The development of thermometry and the temperature concept // Osiris. 1956. Vol. 12. Pp. 269–341.
- Belt E. Leonardo the anatomist. Kansas City: University of Kansas Press, 1955. 76 p.
- Durling R.J. A Chronological Census of Renaissance Editions and Translations of Galen // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes Vol. 24, No. 3/4 (Jul.–Dec., 1961). P. 230–305.
- Farago C.J. Leonardo Da Vinci's Paragone: A Critical Interpretation With a New Edition of the Text in the Codex Urbanus. Brill Academic Pub, 1991. 474 p.
- Grendler P.F. The Universities of the Italian Renaissance. Johns Hopkins U.P., 2002. 616 p.
- Keele K.D. Leonardo da Vinci's elements of the science of man. N.Y.: Academic Press, 1983. 400 p.
- Kemp M. Leonardo da Vinci: The Marvellous Works of Nature and Man. Oxford: O.U.P., 2007. 432 p.
- Leonardo da Vinci. Disegni anatomici. URL: <http://www.leonardodigitale.com>
- Leonardo da Vinci Quaderni d'anatomia. 6 vols. Fogli della Royal Library di Windsor / pubblicati da C. L. Vangenstein, A. Fonahn, H. Hopstock. Christiania: J. Dybwad, 1911-1916.

- Leonardo da Vinci on the Human Body: The Anatomical, Physiological and Embryological Drawings of Leonardo da Vinci with Translations, Emendations and a Biographical Introduction / ed. and intr. Ch. D. O'Malley, J. B. de C. M. Saunders. New York: Dover Publications, 1983. 506 p.
- McMurrich J.Pl. Leonardo da Vinci the anatomist. Baltimore: Williams & Wilkins company, 1930. 265 p.
- Nutton V. The fortunes of Galen // The Cambridge companion to Galen. New York: Cambridge University Press, 2008. Pp. 355–390.
- O'Malley Ch.D., Saunders J.B. de C.M. (eds.) Leonardo da Vinci on the human body: the anatomical, physiological and embryological drawings of Leonardo da Vinci with translations, emendations and a biographical introduction. New York: Dover Publications, 1983. 506 p.
- Park K. Doctors and medicine in early Renaissance Florence. New Jersey: Princeton University Press, 2014. 312 p.
- Snow-Smith J. Leonardo Da Vinci and Printed Ancient Medical Texts // Journal of Washington Academy of Sciences. Vol. 90. Issue 4. 2004. Pp. 6–7.
- Zwijnenberg R. The Writings and Drawings of Leonardo da Vinci: Order and Chaos in Early Modern Thought. Cambridge University Press, 1999. 240 p.
- Wear A. Galen in the Renaissance // Galen: Problems and Prospects: A collection of papers submitted at the 1979 Cambridge Conference. London: The Wellcome Institute for the History of Medicine, 1981. Pp. 229–62.

Миталева Марина Владимировна, директор, Центр популяризации науки (г. Астрахань); mmitaleva@gmail.com

Leonardo da Vinci and Galen's treatise «On the usefulness of the parts of the body»

The paper presents the impact of views of Roman physician and philosopher Galen on Leonardo da Vinci, with the most likely known treatise «On the usefulness of the parts of the body» as the basis. Scheme «Galen and Leonardo da Vinci» is built from diary notes and contacts, and parallels between works of both scientists. From these semantic intersections, the manifestation of Galen's teleology in the records of Leonardo da Vinci is an important point.

Keywords: Leonardo da Vinci, Galen, galenism, history of medicine, teleology, Renaissance

Marina Mitaleva, director, Center for Popularization of Science (Astrakhan); mmitaleva@gmail.com

Ф. Е. ЛЕВИН

ДЖОФФРИ КИТИНГ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ “ГОСУДАРСТВА” ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ¹

В статье анализируется исторический нарратив Джоффри Китинга (1580–1644) «Основа знаний об Ирландии» как рефлексия по поводу британского композитарного проекта в Ирландии. В центре внимания образ власти, сконструированный не только на основании позаимствованного ирландского средневекового материала, но и современных Китингу представлений. Можно заключить, что нарратив Китинга вобрал в себя концепты власти, перешедшие в нетронутым виде из предшествующей ирландской традиции, а также анахронизмы, элементы современной Китингу реальности, наложенные на прошлое Ирландии.

Ключевые слова: Ирландия, Джоффри Китинг, «Основа знаний об Ирландии», британская композитарная монархия, протонациональный дискурс, историописание

Когда исследователи рассматривают государственное строительство Ирландии XVI–XVII вв., предпринятое британской композитарной монархией, то обычно выделяют лишь две точки зрения современников на происходящие события:

- 1) позитивный взгляд агентов реформы, новых управленцев и нового «колониального» населения (преимущественно английских протестантов, «новых англичан», переселившихся на Зеленый остров в XVI–XVII вв.);
- 2) негативный взгляд коренного населения, как гэльского, так и английского происхождения («старых англичан», потомков первых англо-нормандских завоевателей Ирландии), позднее оформившийся в ирландский национализм².

Недавние исследования, выполненные на разных уровнях и на разных материалах, предложили более дифференцированный подход, продемонстрировав, что вышеобозначенные группы были не столь монолитными, как может показаться, и что не конфессиональная и не этническая принадлежность определяла отношение общества к изменениям Ирландии, а скорее индивидуальные факторы. Современные историки подчеркивают, что представители гэльских, староанглийских и новоанглийских элит по-разному осмыслили происходящие изменения³. В результате подобного пересмотра доминирующих в историографии позиций изменилось и отношение к текстам: они подвергаются большей

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ 16-01-00108 «Институты, теория и практика западноевропейских монархий XVII–XVIII веков».

² Bradshaw 1979; Caball 2003.

³ Caball 2012; Gillespie 2001; Gillespie 1991; Community in early... 2006; Kane 2013.

контекстуализации и воспринимаются не сквозь призму группового самосознания, а как выражение позиции отдельного автора⁴.

«Основа знаний об Ирландии» ирландского историописателя Джоффри Китинга (1580–1644) позволяет взглянуть на то, каким образом представители традиционных знатных фамилий рефлексировали по поводу происходящих социальных изменений, и как прошлое использовалось в качестве культурно-исторического обоснования возникавших государственных структур и институтов.

Биографию Китинга приходится реконструировать на основании немногочисленных сведений, записанных по большей части после его смерти. Род Китингов принадлежал к первым англо-нормандским поселенцам, о чем пишет сам автор в «Основе знаний об Ирландии»⁵. Китинги проживали и владели землями в графстве Типперари, неподалеку от города Кэхир, и все, за исключением одного, оставались католиками⁶. Предположительно, Китинг обучался в ирландской бардической школе в Берджессе, возглавляемой Мак Крэями, известной семьей бардов⁷. В этих школах преподавали ирландскую литературу, фольклор: мифологию, предания о местах и чтение источников на ирландском языке и на латыни. В начале XVII в. Китинг отправился за границу получать теологическое образование. Скорее всего, он получил степень доктора теологии от Университета Реймса, тесно связанного с английскими католиками. Затем, в 1603 он начал преподавать в только что основанном Ирландском колледже в Бордо, где оказывались большинство ирландских эмигрантов из Мунстера⁸. Следует подчеркнуть, что колледж в Бордо не принадлежал ни одному монашескому ордену, а готовил приходской клир, поэтому сам Китинг в вопросе церковной организации выступал за централизованную церковную структуру и регулярный клир в противовес религиозным орденам.

Бернадетт Каннингем отмечает, что университетское образование Китинга было построено по иезуитской модели, подразумевая под этим *ratio studiorum*⁹, в авангарде которого стояли иезуиты¹⁰. Поскольку цель появившихся образовательных учреждений заключалась в подготовке миссионеров, готовых к теологическим диспутам, помимо претворения в жизнь канонов Тридентского собора как в идеологическом, так и в литургическом плане, акцент делался на риторике, теологии Фомы Ак-

⁴ Gillespie 2000. P. 107–108.

⁵ Keating 1902. P. 76–77.

⁶ Cunningham 2004. P. 19.

⁷ Ibid. P. 267.

⁸ Ibid. P. 27.

⁹ The Jesuit Ratio...

¹⁰ О католическом образовании в конфессиональную эпоху в Европе и в Ирландии см.: Parker 1968. P. 63–67; Corcoran 1911. P. 133–248; Hammerstein 1971. P. 137–154.

винского и философской системе Аристотеля, экзегезе Священного писания и знании языков, в первую очередь латыни. Особое внимание уделялось риторике как необходимой базе для проповедей и публичных или частных речей в кругу образованной и эрудированной аудитории¹¹.

Близость Китинга к католикам староанглийского и гэльского происхождения, работающих и учащихся в колледжах Дуэ, Парижа и Лувена во многом определила его интеллектуальные и политические интересы: этот круг эмигрантов активно интересовался ирландской историей, особенно церковной, и публиковал древние источники¹². В интеллектуальном плане, с точки зрения Каннингем, на Китинга особое влияние оказали богословские труды Франсиско Суареса, Роберто Беллармино и Пьера де Бесса¹³. В отношении английской короны Китинг разделял доминирующую в ирландской католической среде политическую позицию «двойной лояльности»: признания короля Англии, Ирландии и Шотландии главой в светских делах, а Папы – в духовных¹⁴. Неизвестно, когда Китинг был рукоположен¹⁵, но в начале 1610-х он вернулся домой¹⁶. В 1620-х он возобновил контакты с учеными фамилиями Ирландии и принялся за написание своего основного труда по истории Ирландии¹⁷. В 1634–35 гг. он закончил «Основу знаний об Ирландии».

Анализ биографии и творчества Китинга показывает, что у него было несколько источников влияния: ирландская средневековая литература, теологическая литература и британские труды по истории Ирландии, с которыми он познакомился на континенте или уже в Ирландии¹⁸.

В качестве рамочной структуры нарратива «Основы знаний об Ирландии» была выбрана псевдоисторическая компиляция XI–XII вв., «Книга Захватов Ирландии», повествовавшая о последовательных завоеваниях Ирландии племенами Кессар, Партолона, Немед, Фир Болг, Туата де Дананн и Миля Испанского, от чьего племени, гэлов, произошло население средневековой Ирландии. В хронологическом охвате истории Ирландии Китинг расходился с «Книгой Захватов» только в том, что он включил описание самого англо-нормандского завоевания.

Китинг делит свой труд на две книги – от Адама до прихода Патрика и от прихода Патрика до англо-нормандского завоевания. В первой

¹¹ Scaglione 1986. P. 70-71.

¹² Cunningham 2009; Ó Riain 2009.

¹³ Cunningham 2004. P. 32.

¹⁴ Эту позицию сформулировал Питер Ломбард, архиепископ Армага и Примас Ирландии в 1601-1625 гг. Silke 1955.

¹⁵ См.: MacErlean 1914.

¹⁶ Каннингем указывает, что фамилия Китинг присутствует в списках священников, работавших в графстве Типперари в 1613 г. – Cunningham 2004. P. 41.

¹⁷ Ibid. P. 81.

¹⁸ Cronin 1945-47.

книге также выделяются части, самостоятельно добавленные Китингом и не относящиеся к «Книге Захватов»: полемическое предисловие, главы о названиях Ирландии, делениях Зеленого Острова и его провинций. Затем следует изложение ирландской истории – череда завоеваний Ирландии и повествование об ирландских королях.

«Основа знаний об Ирландии» не представляла собой обычный пересказ ирландских средневековых источников, а испытала влияние современного политического контекста¹⁹. О Буахалла первым показал, что «Основа знаний» была рефлексией на происходящие события в Ирландии – при помощи старой формы нарратива Китинг хотел указать на изменения, произошедшие с ирландской политической нацией²⁰. Образ средневековой Ирландии был модернизирован по аналогии с современным Китингу королевством²¹. Однако в этих работах нарратив «Основы знаний» не подвергался должной контекстуализации, их авторы ограничиваются анализом общеизвестных фрагментов из произведения Китинга. Образ власти в «Основе знаний» по-прежнему недостаточно изучен: не показано, насколько он сочетался с традициями ирландского средневекового историописания, и все еще не полностью проработан вопрос, насколько современные социально-политические проблемы опосредовали репрезентацию прошлого в нарративе.

Образ власти в «Основе знаний» конструировался на основе скопированного или пересказанного ирландского средневекового материала, но на современных Китингу представлениях. Скомпилированные из разных источников сведения и сюжеты изымались из их первоначального контекста и приобретали новые смыслы, представления Китинга об ирландской истории опосредовались запросами настоящего и господствующими воззрениями о прошлом, но, с другой стороны, уточнялись теми ирландскими текстами, которые были в его распоряжении.

В Ирландии XVII в. было два масштабных проекта имитации ирландского наследия – «Основа знаний» и «Анналы королевства Ирландии», работа современника Китинга, Михала О Клейрига и его коллег. Если «Анналы» излагали события ирландской истории в форме повествования по годам, то «Основа знаний» – в форме линейного нарратива. Использование традиционных паттернов повествования и сюжетов, характерных для ирландской традиции, ограничивало самостоятельность

¹⁹ Ó Buachalla 1982–1983; 1993; Bradshaw 1993; 2008; Cunningham 2000; 2004; 2011.

²⁰ Речь идет о складывающемся объединении гэльских и староанглийских католиков в ирландскую общность, подразумеваемую в «Основе знаний». – Ó Buachalla 1982-1983 P. 86. Ирландский историк также утверждает, что Китинг поддерживал характерную для гэльской и староанглийской элиты стюартовской эпохи идеологию лоялизма, поэтому в своем произведении он легитимирует англо-нормандское завоевание и Стюартов как законных монархов Ирландии. Ó Buachalla 1993. P. 20.

²¹ Cunningham 2000; 2004; Bradshaw 1993; 2008.

Китинга как автора. Авторские замыслы и позиция проявлялись в отборе сведений и манипуляции ими, в видоизменении транслируемых сюжетов, в которые он интерполировал фрагменты из других источников, модификации некоторых деталей или комментариев к передаваемой информации. Именно в этих расхождении с первоисточниками стоит искать анахронизмы в «Основе знаний», дающие возможность понять мировоззрение Китинга. В эксплицитной форме некоторые его взгляды также можно найти и во введении к тексту, в котором он объяснял, почему взялся писать историю Ирландии²².

Несмотря на то, что эта статья ограничивается анализом новых политических контекстов репрезентации прошлого древней Ирландии в «Основе знаний», необходимо сказать несколько слов о мифе верховной власти над Ирландией, сложившемся еще в средние века. Появление концепта власти над всей Ирландией связывают с политической пропагандой и возросшими амбициями рода Уи Нейллов²³. Благодаря их пропаганде традиция верховной королевской власти стала связываться с глубокой древностью, что привело к оформлению среднеирландского списка королей, как раз представленного в «Книге Захватов». В период междуцарствия (1022–1072) интеллектуалы, как светские, так и церковные, сформировали учение о существовавшей с незапамятных времен верховной королевской власти над всей Ирландией²⁴. «Книга Захватов Ирландии» закрепила последовательность королей, правивших в Ирландии, начиная со Слайнге из племени Фир Болг и вплоть до англо-нормандского завоевания. Именно эта генеалогическая схема была воспринята ирландским ученым сословием, начиная с XII в., и воспроизведена Китингом в его нарративе²⁵. «Книга Захватов» ставила своей задачей легитимацию иерархии королей, согласно которой король Тары, а затем король всей Ирландии обладал старшинством над остальными королями. Как подчеркивает Ф. Бирн: «Верховная королевская власть ни на одном этапе ирландской истории не подразумевала под собой монархическое правление. Ни Бриан Борома [Бору], ни любой другой король никогда не управляли всем островом»²⁶.

Титул короля Ирландии (*rí Éirenn*) символизировал достижение и не наследовался по праву рождения²⁷, что отражено как в «Книге Захватов», так и в «Основе знаний». В этих источниках большинство королей

²² Keating 1902. P. 1-95.

²³ Бирн 2006. С. 53-62, 288-311; Kelleher 1963; Bradley 2005; Herbert 2000.

²⁴ Бирн 2006. С. 305.

²⁵ Эта фикция оказалась настолько жизнеспособной, что ирландские копиисты позднего средневековья, переписывая ирландские анналы, воспринимали наличие королей всей Ирландии как нечто само собой разумеющееся. Бирн 2006. С. 291.

²⁶ Бирн 2006. С. 306.

²⁷ Jaski 2013. P. 242.

умирает насильственной смертью от рук конкурентов, принадлежавших к другим родам. В «Книге Захватов» присутствовала идея королевской власти, но не идея королевства Ирландии, несмотря на то, что Китинг пытался показать последнее. Сама верховная власть в «Книге Захватов» и других ирландских источниках являла собой относительно слабый концепт сюзеренитета. Сила являлась основным легитимирующим фактором ее обретения и удержания. Тем самым пределы власти конкретного верховного короля Ирландии по «Книге Захватов» определялись уровнем признания его авторитета провинциальными властителями.

Исходный контекст ирландских средневековых источников, понятный современным исследователям, совершенно иначе прочитывался Китингом. Как показали Брэдшоу и Каннингем, при обращении к прошлому Китинг оперировал современными представлениями о монархии²⁸ и тем самым модернизировал образ средневековой ирландской истории. Ретроспективность передачи истории в «Основе знаний» заключалась в том, что ирландский источниковый материал приспособлялся к более современным дискурсивным практикам и переосмыслялся в рамках новых «репертуаров интерпретации»²⁹.

Дж. Покок утверждал, что в XVI–XVII вв. в Европе возник дискурс «древней конституции»: он подчеркивал незапамятность отдельных прав и институтов и отрицал возможность их изменения королевской властью³⁰; в Англии данный дискурс был связан с «сознанием общего права»³¹. Британское историописание раннего Нового времени было полно анахронизмов³²: моменты настоящего помещались в прошлое и тем самым архаизировались. В результате растущей политизации нарративов на Британских островах сложился так называемый миф «иммемориализма» (незапамятности), согласно которому светские и церковные институты имели долгую и древнюю историю³³.

²⁸ Bradshaw 1993, P. 170; Cunningham 2000. P. 136-137.

²⁹ Термин почерпнут из дискурсивной психологии. Поттер и Уэтерелл понимают его как составные блоки, которые акторы используют для конструирования социальной реальности. Репертуары достаточно гибки и состоят из определенного набора терминов и фигур речи. Potter 1996; Potter J., Wetherell M. 1987. Несмотря на то, что этот термин используется применительно к современности, в данном случае я подразумеваю, что существуют некоторые определенные модели, предоставляющие ограниченный ресурс осмысления, в рамках которых истолковывается прошлое.

³⁰ Росоцк 2004. P. 16.

³¹ Росоцк 2004. P. 30-55.

³² Woolf 1990. P. 24-25.

³³ Кидд это связывает в первую очередь с идеями сэра Джона Фортеस्कью (1395–1477), изложенными в его в трактате *De laudibus legum Angliae*. В нем говорилось что общее право оставалось в практически неизменном состоянии с британских времен. В раннее Новое время этот концепт был развит главным юстициаром сэром Эдвардом Коком (1552-1634). Kidd 2004. P. 83.

В ретроспективном сознании существовала аналогия между историческим нарративом и общим правом, аналогом прецедента в историописании выступал «факт», событие. Соответственно, одной из базовых установок являлась идентификация прецедентов в прошлом с целью легитимации настоящего. При отсутствии прецедента историк, как и юрист, мог создать новый прецедент, который тоже должен был опираться на традицию, и подобная модификация не обязательно совершалась с целью подделки, а исходила из общей логики, согласно которой современные историкам институты существовали очень давно³⁴. Таким образом, прошлое виделось «актуально и осязаемо влияющим на разрешение насущных теоретических и практических вопросов»³⁵.

Иан Кэмпбелл продемонстрировал, что дискурс «древней конституции» был характерен для всех трех королевств – Англии, Шотландии и Ирландии – и связал это не с сознанием общего права, а как раз с общим «репертуаром интерпретации», политической теорией и теорией естественного рабства Аристотеля, которые так или иначе штудировались во время университетского обучения. Кэмпбелл постулировал, что, начиная с Возрождения, под влиянием метафизики Аристотеля европейские историописцы стремились обнаружить не меняющуюся сущность определенной вещи, там самым при обращении к прошлому они пытались показать, каким образом эта сущность раскрывалась с течением времени или, наоборот, дегенерировала. В таких построениях потенциал института устанавливался с момента его основания³⁶.

Не только определенные тексты, но и социальные контексты влияли на репрезентацию прошлого и обращение к тем или иным интеллектуальным ресурсам осмысления. В первую очередь речь идет об образовании королевства Ирландии в 1541 г.³⁷ Построение нового социального порядка в Ирландии привнесло новую политическую культуру, в центре которой оказался вопрос участия в управлении различных группировок элиты. Социальная реальность осмыслялась на основании различных истолкований вышеозначенных учений Аристотеля.

Краеугольным камнем был вопрос «изменения», разделивший тех, кто управлял (преимущественно протестантские колонисты), и тех, кто был отстранен от участия в управлении (преимущественно староанглийские и гэльские католики). Властные элиты в Ирландии оправдывали свое господство идеей «изменения» и «дегенерации»: англо-нормандское завоевание маркировало «изменение» в ирландской истории, ибо

³⁴ Паламарчук, Федоров 2013. С. 43; Shapiro 2003. P. 8-62; Woolf 1990. P. 27.

³⁵ Паламарчук, Федоров 2013. С. 43.

³⁶ См.: Campbell 2010. P. 579-581. Кэмпбелл не пытается разграничить различные течения аристотелизма, характерные для средних веков и раннего Нового времени.

³⁷ Институциональная подоплека протонационального дискурса в Ирландии верно определена Бренданом Брэдшоу. – Bradshaw 1979. P. 66-80.

до этого Зеленый остров пребывал в дополитическом состоянии, однако затем английские колонисты «дегенерировали», смешавшись с местным населением, поэтому и тех, и других необходимо цивилизовать, прежде чем дать им право считаться политическим народом. В ответ староанглийская элита инструментализировала консервативный дискурс *commonwealth*³⁸, как раз основанный на незыблемости их собственных прав и установленных институтов, начиная с XII в. В XVII в. полемика вращалась вокруг прошлого, в первую очередь, вокруг проблемы варварства гэлов, чистоты Ирландской Церкви, законности англо-нормандского завоевания и владычества Тюдоров и Стюартов над островом.

Таким образом, образование королевства Ирландии повлекло за собой проблему легитимации населяющих остров сообществ, в результате чего староанглийские элиты вынуждены были обратиться к гэлскому прошлому, и их дискурс *commonwealth* обогатился идеей «древней милезианской конституции»³⁹. Одну из версий такого дискурса можно найти в «Основе знаний об Ирландии» Джоффри Китинга.

Поскольку в раннее Новое время разрыв между прошлым и настоящим не еще осознавался так, как в эпоху Модерна, Китинг вполне логично проецировал в прошлое аспекты современной ему социальной реальности⁴⁰. Новому территориальному образованию понадобилась собственная история, версиями которой на ирландском языке были «Анналы королевства Ирландии» и «Основа знаний»⁴¹. В связи с этим смысловые расхождения между «Книгой Захватов Ирландии» и «Основой знаний» объясняются различием этапов территориализации на острове и сопровождающих их дискурсов. То, что было помышляемой реальностью для средневекового ирландского ученого сословия, стало осязаемым для Китинга, О' Клейрига и их современников.

Модернизация прошлого проходила и при помощи видоизменившегося политического лексикона ирландского языка. К примеру, в ирландский язык проникли такие слова, как *an choróin* (корона), *teideal* (титул), *réim* (writ), *prionsa* (властитель), *a mhórdacht* (его Величество), *an maitheas poiblidhe* (общее благо)⁴²; на рубеже позднего средневековья и раннего Нового времени начинает использоваться понятие *rigdacht/rigacht* в значении «королевство»⁴³. Новые термины можно найти в «Ос-

³⁸ Canny 1974. P.17; Gillespie 2011. P. 183-187.

³⁹ Kidd 2004. P. 153.

⁴⁰ З. Шифманн доказывает, что в раннее Новое время еще не родилось представление о «неживом» прошлом, характерное для историографии Модерна. С его точки зрения, в домодерном историописании дистанция между прошлым и настоящим фактически стиралась, прошлое оставалось «живущим». Schiffman 2011. P. 138-198.

⁴¹ Ó Buachalla 1982-1983. P. 87-98.

⁴² Ó Buachalla 1983. P. 129; Bradshaw 1993. P. 168; Gillespie 2001. P. 200.

⁴³ Electronic Dictionary of... URL: <http://edil.qub.ac.uk/35278>

нове знаний». Именно из-за отличия политического контекста Ирландии XVII в. от контекста XII в., Китинг модифицирует традиционную нарративную формулу вступления королей во власть. Если в «Книге Захватов» обычно повествование о короле начинается так: «Король X завладел королевской властью над Ирландией» (*Rogab X rige hErenn*), где rige – королевская власть, то в «Основе знаний» эта фраза изменяется следующим образом: «Король X завладел королевством Ирландии» (*Do gabh X ríoghacht Éireann*). Различие rige и rígdacht – сущностного характера, так как если обретение первого означает обретение качества, то обретение второго – обретение не только территории, но и определенной системы управления. Китинг стремился превратить символический титул верховного короля в реальный, тем самым трансформируя слабый концепт сюзеренитета в концепт суверенитета, придавая островное значение его власти. Если «Книга Захватов» посвящена королевской власти над Ирландией, которой обладал верховный король, то в «Основе знаний» речь идет о королевстве Ирландия, которым обладал король.

Новые представления о территориальном государстве раннего Нового времени актуализировались еще и в хорографических описаниях королевств, визуализирующих границы управляемой территории⁴⁴. То, что делали британские антиквари⁴⁵, пытался сделать и Китинг: с этой целью он вставляет разделы о делениях ирландских провинций⁴⁶ и в самом тексте пишет не только о событиях, происходивших в центре Ирландии, но и о том, что совершалось других ее частях. Китинг пытался представить Ирландию как централизованное королевство с незапамятных времен⁴⁷, несмотря на ранее отмеченные ограничения ирландского источникового материала, связанные с тем, что средневековый ирландский корпус по-настоящему не мог свидетельствовать о подобном характере отношений. Поскольку в сферу внимания исторических нарративов эпохи попадали не только деяния королей и других известных персонажей, но и истоки окружающих их властных структур, Китинг выбирал материал из различных ирландских источников с целью детализации власти верховного короля: «Книги Захватов» ему было недостаточно, так как там недоставало информации о полномочиях королей Ирландии. В подобном поиске он время от времени модернизировал передаваемые им сюжеты: он описывал заседания собрания Тары, по всей видимости, по аналогии с современным ему парламентом⁴⁸, а из немногочисленных сведений о дворе королей Ирландии он пытался сконструировать королевский хаусхолд, а на примере короля Ирландии

⁴⁴ Helgerson 1986.

⁴⁵ Наилучший пример это «Британия» Уильяма Кэмдена: Camden 2001.

⁴⁶ Keating 1902. P. 96-130.

⁴⁷ Bradshaw 1993. P. 170.

⁴⁸ Cunningham 2000. P. 137.

Кормака мак Арта он показывает, что король управляет страной при помощи своих слуг (*rechtaire*)⁴⁹ и королевской армии фениев⁵⁰.

Тем не менее, в изображении Ирландии до англо-нормандского завоевания как централизованного королевства видится не только непреднамеренное переименование исходного контекста ирландских источников, но и огромная доля риторики. Обращение к прошлому использовалось для объяснения правомочности претензий того политического класса, который представлял Китинг – католической элиты, чьи позиции заняли новые английские управленцы. Оригинальность позиции Китинга заключалась в том, что, конструируя ирландскую идентичность, он расширял границы политического народа Ирландии, включая туда и гэлов, и старых англичан-католиков. Если дискурс «древней конституции» старых англичан, с одной стороны, ассоциировался с английскими правами и свободами и, с другой стороны, с определенной автономией Зеленого острова от Туманного Альбиона⁵¹, то «Основа знаний об Ирландии» предлагала более древнюю модель легитимации претензий политического народа Ирландии, апеллируя к «древней милезианской конституции». Тем самым истоки королевства Ирландии как политического тела помещались Китингом в эпоху Слайнге из Фир Болг.

Говоря о дискурсе *commonwealth* в Ирландии следует разграничивать две составляющие: властные отношения внутри Ирландии и отношения между Ирландией и Англией. Колонизация Ирландии осмыслялась в раннее Новое время через призму естественной теории рабства Аристотеля⁵² – ориентируясь на Гиральда Камбрийского, английские интеллектуалы доказывали, что в Ирландии до англо-нормандского завоевания отсутствовала политическая жизнь и преобладало тираническое правление, а христианство пришло в упадок⁵³. «Основа знаний» представляла собой контр-дискурс, опровергающий основание господства новой элиты. В репрезентации Китинга и королевство Ирландии, и ирландская церковь не приходили в упадок вплоть до XVI в.⁵⁴ С точки

⁴⁹ Он описывает двор короля Кормака мак Арта и его слуг. – Keating 1905. P. 304-307.

⁵⁰ Ретроспективный взгляд Китинга очевиден в его комментарии по поводу фениев: «они [фениев] были ни чем иным, как наемными воинами королей Ирландии, и охраняли и защищали их королевство так же, как сейчас у каждого короля именуются капитан и солдаты для защиты их страны». Ibid. P. 326-327.

⁵¹ Kidd 2004. P. 154.

⁵² Campbell 2013. P. 66-82. Кэмпбелл, правда, еще идентифицирует влияние идей Цицерона на дискурс колонизации.

⁵³ Canny 1998. Даже один из представителей старых англичан, Ричард Стэнигерст, к примеру, указывал, что в Ирландии не существовало ранее настоящей королевской власти, творящей правосудие, как и не было людей, способных давать королю советы, поэтому они и не могли достичь общего блага. Campbell 2013. P. 73.

⁵⁴ Хотя Китинг и заканчивал англо-нормандским завоеванием, это подчеркивалось имплицитно. Что касается Церкви, то он указывал, что христианство никогда не

зрения ирландского историописца, события прошлого Ирландии до англо-нормандского завоевания в «Основе знаний» как раз говорили о цивилизованности гэлов, древности их политической жизни и разумности их институтов, таких как ирландская монархия, распределяющее правосудие, и собрание Тары, принимающее и продлевающее законы.

В ответ на обвинения английских историописцев, Китинг пытался упорядочить хаос наследования верховной власти над Ирландией, апеллируя к принципу *lex regia*, относительно популярному в средние века и раннее Новое время⁵⁵. Под выборным основанием монархии понималась добровольная передача власти от народа как корпорации королю, который, соответственно, правит с согласия народа. Во второй книге Китинг эксплицирует свое понимание королевской власти:

«Итак, один человек становится королем над обществом (на **puibleach**) или над страной, чтобы каждый в своем владении был послушен ему и чтобы никто не смел оспаривать его власть или противостоять ей, и чтобы было понятно, что это – Бог, наш владыка всего, что он стал королем над обществом, чтобы управлять им, и поэтому они обязаны ему повиноваться и понимать, что только один Бог, владыка небес, земли и ада, даровал ему эту власть, и он получил эту власть от него; ... и с начала времен были ученые люди и люди, занимающиеся поддержанием общего блага (**mhaithreas phuibliidhe**), выбиравшие из народа Ирландии тех, кто будет управлять страной, пока Патрик не основал Церковь. И с прибытия Патрика епископы, и знать, и хронисты избирали королей и лордов до английского завоевания, и титулов, которые используются нынче, такие как барон, виконт, граф, маркиз или герцог, не существовало в Ирландии, зато были триа, тигерна, принц или король; и называли они себя по тем землям, что были у них во владении»⁵⁶.

Отсутствие прямых выборов короля Ирландии не противоречит принципу добровольной передачи. Ирландская знать передает империй королям, отличающимся своей силой и знатностью, двумя главными критериями для занятия престола⁵⁷. Китинг представлял гэлов европей-

угасало в Ирландии со времени прибытия святого Патрика. В этой связи он отрицал правомочность буллы *Laudabiliter* (выдана в 1155 г. папой Адрианом IV Генриху II), в которой разрешалось завоевание Ирландии с целью исправления христианства. – Keating 1908 P. 350-357.

⁵⁵ *Lex regia* был зафиксирован в римском праве. Его упоминает юрист Ульпиан (III в.), затем данный концепт появился в *Corpus Juris Civilis*. В позднее средневековье концепт был подхвачен специалистами по римскому праву, и особенно популяризован итальянским юристом Бартоло де Сассоферрато, Бартолузом (XIV в.). – Канторович 2015. С. 411-424; Ullmann 2008. P. 56,109,110; Canning 1996. P. 8–9, 11, 117, 118, 170. Непонятно, был ли знаком Китинг конкретно с этой традицией, но он оперировал дискурсом *commonwealth*, для которого еще со средних веков была характерна идея о том, что истинная королевская власть базируется на согласии народа. Blythe 2014. P. 261; Dauber 2016. P. 81-113. Каннингем отмечает, что Китинг желал подчеркнуть выборное основание монархии, однако она не проясняет интеллектуальный контекст этой идеи. Cunningham 2000. P. 138-139.

⁵⁶ Keating 1908. P. 8, 10.

⁵⁷ См.: Keating 1908. P. 182-183, 256-257.

зированными⁵⁸, и не видел необходимости в реформировании гэльской знати, и так цивилизованной, в отличие от простолюдинов⁵⁹.

Что касается отношений между Ирландией и Англией, то, как показал Брэдшоу, начиная с конца XV в., английские колонисты позиционировали Зеленый остров как композит⁶⁰. В этой связи аргументация Китинга была одной из модификаций консервативного габитуса староанглийских элит, в первую очередь Пэйла, воспринимавших себя как политическое сообщество, *commonwealth men*, чьи “древние свободы” были поставлены под угрозу Дублинской администрацией⁶¹. Идея об автономии ирландского королевства проистекала из позднесредневекового английского корпоративизма в Ирландии, артикулированного английской знатью еще на парламенте в Дрогед в 1460 г.:

«Ирландская земля есть и всегда была самостоятельной корпорацией по древним законам и обычаям, распространенным в ней, и была свободна от гнета любого особого закона английского королевства, кроме законов, проведенных, допущенных, принятых, утвержденных и провозглашенных в Парламенте духовными и светскими лордами и общинами»⁶².

Описание Ирландии как «отдельного королевства самого по себе, маленького мира» было аллюзией на формулу ‘*corporate of itself*’ и выражало идею инаковости Зеленого острова – дискурса особости, набравшего популярность в XVI–XVII вв.⁶³. Китинг имел в виду самостоятельность Ирландии как композита. Именно в этом свете стоит интерпретировать часто цитируемое в историографии высказывание Китинга: «Думаю, что не понял Стэнихерст, что на самом деле Ирландия — это отдельное королевство само по себе...»⁶⁴. Разница между дискурсами старых англичан Пэйла и Китинга заключалась в том, что он расширял политическое сообщество Ирландии, включая туда гэльскую знать и ученое сословие. Корпоративное тело Ирландии в представлении многих старых англичан ограничивалось по сути Пэйлом, в то время как Китинг предлагал островную перспективу. В уже приведенной здесь цитате о природе королевской власти в Ирландии Китинг обрисовывает людей, занимающихся поддержанием общего блага: в языческий период ими были знатные фамилии и ученые сословия, после принятия христианства к ним добавились и роды англо-нормандских завоевателей.

Дискурс «Основы знаний» был действительно консервативным. Новая правящая знать в Ирландии оправдывала свою политику тем, что,

⁵⁸ Китинг считает, что гэлы в древности были самыми цивилизованными в Европе. Keating 1902. P. 76-79.

⁵⁹ Ibid. P. 58-59.

⁶⁰ Bradshaw 1979. P. 32-57.

⁶¹ Canny 1975. P. 25.

⁶² Cosgrove 2008. P. 565.

⁶³ Levin 2017.

⁶⁴ Keating 1902. P. 38-40.

несмотря на завоевание Ирландии в XII в., контроль над ней был утрачен, поэтому тюдоро-стюартовская администрация должна была повторно завоевывать остров⁶⁵. Китинг же предлагал статическое изображение политического народа Ирландии: для него Зеленый остров всегда оставался *dominium politicum et regale*. Идея континуитета, *translatio imperii*⁶⁶ в «Основе знаний» заключалась в том, что верховные короли Ирландии были равнозначны сменившим их английским королям.

Каннингем привлекла внимание к характерному отрывку в предисловии к «Основе знаний»⁶⁷:

«Я спрашиваю у Станихерста, кто был более достоин, более благодарен или более верен английской короне, или кто лучше сохранял Ирландию для английской короны, колонисты из новых англичан, или старые англичане, которые есть сейчас в Ирландии, такие как граф Килдар, заключивший союз с Маккарти Риах, с О'Нейллом и с другими представителями гэльской знати, граф Ормонд, породнившийся с О Брайенами, Мак Гилла Патриками, и О'Кэроллами, или граф Дезмонд с Маккарти Мор, или граф Кланрикад – с О'Руарком. Я не знаю ни виконтов, ни баронов среди новой английской знати, кто был так же знатен, как они, и кто часто отдавал своих дочерей замуж за гэльских знатных мужей. Более того, очевидно, что гораздо чаще английская корона доверяла защиту и сохранение Ирландии вышеозначенным графам, союзничавшим с гэлами, чем колонистам, которые когда-либо проживали на территории английского Пэйла»⁶⁸.

Эти слова Китинга лучше всего выражают его композитарную позицию. Нарратив Китинга был апологией политического сообщества Ирландии, утратившего власть в тюдоро-стюартовское время.

Риторика «общего блага» в среде католических ирландских элит была неразрывно связана с восстановлением иерархического социального порядка во главе с королем⁶⁹. Как старые англичане, так и гэльская знать, чьи позиции были подорваны, желали возвращения *status quo*, относясь негативно к происходящим социальным изменениям⁷⁰. Статичный образ истории Ирландии в «Основе знаний» иллюстрировал неприятие Китингом социальной мобильности⁷¹. Он не принимал династическую политику Тюдоров и Стюартов, наступавших на права и при-

⁶⁵ Canny 1998. Лучше всего, такая позиция представлена в работе Эдмунда Спенсера об Ирландии, где критикуется и упадок потомков первых англо-нормандских поселенцев. – Spenser 1997.

⁶⁶ Bradshaw 1993. P. 174-178.

⁶⁷ Cunningham 2004. P. 155.

⁶⁸ Keating 1902. P. 32-35.

⁶⁹ Gillespie 2001. P. 192-193.

⁷⁰ Исследуя культуру “достоинства” в Ирландии тюдоро-стюартовского периода, Брендан Кейн приходит к выводу, что староанглийские и гэльские элиты неоднородно воспринимали проекты реформы в Ирландии в связи с приходом к власти персон, находящихся ниже их по социальной лестнице. – Kane 2013. P. 272.

⁷¹ При этом отрицательно воспринималось не только нахождение у власти новых поселенцев, но и взлет ранее незнатных гэльских фамилий, извлекавших выгоду из земельных и властных перераспределений эпохи.

вилегии ирландской титулованной знати и проводивших перераспределение властных структур. С его точки зрения, гармония в государстве и общее благо зависели от правильного расположения социальной иерархии, и эту идею Китинга разделяли многие его современники, рефлексирующие по поводу справедливого политического устройства⁷². В этой связи политическая программа «Основы знаний», заключалась в том, чтобы продемонстрировать несменяющуюся природу ирландского королевства, призвать к восстановлению утраченного *status quo* и очертить границы истинного полиэтничного политического класса в Ирландии, состоящего из гэлов и старых англичан⁷³.

Необходимо отметить, что «Основа знаний» была выражением собственной индивидуальной позиции и отличалась от политических идей многих его коллег. Дискурс «Основы знаний» отличался от староанглийских дискурсов *commonwealth* обращением к ирландскому материалу: будучи ограниченным ирландским источниковым материалом, Китинг писал не об истории прав и свобод, а о верховной власти. Идеей континуитета ирландской истории он также отличался не только от староанглийских, но и от гэльских коллег. Китинг выстраивал последовательность событий таким образом, чтобы легитимировать англо-нормандское завоевание, используя все возможные ресурсы легитимации власти английской монархии в Ирландии⁷⁴. В частности, он подчеркивал, что ирландская знать добровольно передала империй Генриху II, когда Руайдри О Конхобар и провинциальные короли присягнули английскому королю⁷⁵. Исходя из средневековой политической теории, Китинг подчеркивал, что Ирландия была подчинена Англии не по принуждению, что означало, что английские короли не были тиранами.

В отличие от ирландских иезуитов⁷⁶, Китинг придерживался лоялистских взглядов и не разделял радикальных импликаций *lex regia*,

⁷² Skinner 2002. P. 236-241.

⁷³ Campbell 2013. P. 44.

⁷⁴ См.: Левин 2016. С. 61-62.

⁷⁵ Keating 1908. P. 342.

⁷⁶ Для ирландских эмигрантов, пребывавших и обучавшихся в Испании, была характерна антианглийская и антиистоартовская позиция, предполагавшие непризнание легитимности завоевания. К примеру, Конор О'Мэхони закончивший университет Севильи, в своем главном труде *Disputatio Apologetica*, основываясь на теории естественного права, отверг правомочность претензий английских монархов на Ирландию, так как ирландские династы присягнули Генриху II по принуждению, что противоречит теории договора и, следовательно, такая власть нелегитимна. O'Mahony 1645. P. 50. Испанский офицер Филип О Салливан Бер, закончивший университет Сантьяго-де-Компостелла, подобным же образом критиковал завоевание XII в. и установление королевства в 1541 г. И О'Мэхони, и Бер, и Флоренс Конри, архиепископ Туама, закончивший ирландский колледж в Саламанке, так же, как и Китинг, видели истоки «древней конституции» в ирландском прошлом до завоевания XII в., однако, в отличие от Китинга, они ограничивали католическое сообщество Ирландии

предполагавших монархомахию, свержение несправедливого монарха или монарха-еретика⁷⁷. Его позиция в этом вопросе сочеталась с традиционной позицией Церкви по отношению к тиранам, выраженной в учении Св. Петра (2П 18:19); на нее ссылается Фома Аквинский в трактате «О правлении государей»: следует смиренно подчиняться как добрым, так и злым господам, тиранов же накажет Господь. Более того, Бог ниспосылает тиранов на людей в наказание за их грехи⁷⁸. Китинг говорит об этом в цитированном выше отрывке: власти следует повиноваться, и даже будучи неправедной, она все равно по воле Бога, который, когда понадобится, дарует и избавление от нее. В этом Китинг придерживался доминирующих политических взглядов староанглийской и гэльской католических элит, лояльных английскому монарху в светских делах, признающих его главой политического народа Ирландии.

Таким образом, репрезентация прошлого в «Основе знаний» определялась запросами настоящего, в первую очередь, рефлексией ирландского общества на возникающий в первой половине XVII в. новый социальный порядок. Традиционные гэльские практики изображения верховной власти были частично воспроизведены в «Основе знаний», а частично переосмыслены в рамках современной Китингу политической культуры Ирландии. В первую очередь, «Основа знаний» была одной из версий консервативного дискурса *commonwealth*. Стилизуя свой текст под традицию, Китинг ограничивал себя в экспликации своей собственной позиции, но его мировоззрение читается между строк, обнажается в том, как он комбинирует фрагменты ирландских средневековых источников, как видоизменяет и как комментирует их.

Анахронизмы в «Основе знаний» объясняются ретроспективным сознанием ирландского историописца, стремлением увидеть истоки властных структур в древности и риторикой. Аспекты современной Китингу реальности проецировались в прошлое, и тем самым существующая реальность архаизировалась. Мотив «древней конституции» в «Основе знаний» придавал историческое обоснование как институтам, сложившимся в Ирландии, так и политическим претензиям теряющей влияние гэльской и староанглийской титулованной знати.

Таким образом, можно сказать, что «Основа знаний» была версией иммерориализма на ирландском языке. Ее целью было показать, каким

лишь гэлами и не признавали Стюартов законными монархами. Campbell 2013. P. 87-96, 101-103. Таким образом, можно предполагать, что Китинг не находился под влиянием иезуитской политической теории или, по крайней мере, отвергал ее.

⁷⁷ Наоборот, с точки зрения Китинга, Стюарты были законными монархами Ирландии, поскольку обладали милезианской генеалогией – Китинг возводил их к Эберу. Keating 1902. P. 208-209.

⁷⁸ Aquinas 1949. Caput VII; Caput XI. Идея греха и его последствий одна из центральных для творчества Китинга. Cunningham 2004, P. 59-64.

образом должно быть организовано ирландское государство, и в этой связи идеальной моделью такой организации оказывались те периоды средневековой Ирландии, когда удавалось достичь гармонии.

«Основа знаний» – пример дискурсивного обмена, происходившего между разными этнокультурными группами, проживавшими на территории Ирландии; она иллюстрирует, как рецепция английских дискурсивных практик трансформировала дискурсы о прошлом на ирландском языке. Традиционные образы прошлого из ирландских источников были переосмыслены Китингом в рамках интерпретативных репертуаров раннего времени. В этом и проявлялась дистанция между историописцем и передаваемым им прошлым. В процессе переистолкования ирландского источникового материала сведения изымались из источников, деконтекстуализировались и приобретали новые смыслы в нарративе. Новым прочтением ирландских источников и артикуляцией идеи ирландского политического сообщества, он задал ирландский протонациональный дискурс. Его версия истории Ирландии была партикулярным дискурсом в рамках британской композитарной монархии⁷⁹.

Актуализированные в нарративе концепты самостоятельной политической жизни в Ирландии до прихода англичан⁸⁰, стали опоронесущими для ирландского национализма, с той разницей, что в более поздних репрезентациях ирландская история лишилась континуитета, представленного Китингом. Существование независимого государства обосновывалось наличием в Ирландии институтов до англо-нормандского завоевания, функционированию которых оно положило конец⁸¹. Соответственно, появившаяся в 1922 г. Ирландия представлялась правопреемницей средневекового королевства. Тем самым «Основа знаний об Ирландии» в Новое время была пересмотрена, и ее автору приписали националистический уклон, которого у него не было⁸². «Основа знаний» демонстрирует, каким образом одни и те же сюжеты по-разному истолковывались в зависимости от историко-культурных контекстов эпох.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бирн Ф. Д. Короли и верховные правители Ирландии, СПб: Евразия, 2006. 368 с. [Birn F. Koroli i verkhovnie praviteli Irlandii. SPb: Evraziya, 2006. 368 s.]
Канторович Э.Х. Два тела короля: исследования по средневековой политической теологии / пер. М.А. Бойцова и А. Ю. Серегинной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с. [Kantorovich E. H. Dva tela korolia: issledovaniya po srednevekovoj politicheskoi teologii / per. M.A. Boizova i A.Ju.Sereginnoj. M.:Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 752 s.]

⁷⁹ Levin 2017. С. 76.

⁸⁰ К примеру, в начале XX в. Патрик Пирс апеллировал к фразе Китинга об Ирландии как «о маленьком мире», подчеркивая, что Зеленый остров сосредоточен на себе самом. Pearse 1924. P. 228.

⁸¹ Именно таким образом формулировалась независимость Ирландии в декларации независимости, принятой Дойл Эрен в 1919 г. Declaration of Independence...

⁸² Cunningham, 1986. P. 127.

- Левин Ф.Е. «Основа знаний об Ирландии» Джоффри Китинга и накопительная память // Диалог со временем. 2016. Т. 56. С. 47-71. [Levin F. «Osнова znanij ob Irlandii» Joffri Kitinga i nakopitel'naja pamiat' // Dialiogi so vremenem. 2016. T.56. S. 47-71]
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013. 210 с. [Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Antikvarnyi diskurs rannestyuartovskoi Anglii. SPb.: Aleteija, 2013. 210 c.]
- Aquinas T. On Kingship, to the king of Cyprus (De regno, ad regem Cypri, engl.) / transl. by G. Phelan, rev. by I. Th. Eschmann. Toronto: The Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1949. URL: <http://dhspriority.org/thomas/DeRegno.htm>
- Blythe J. M. Ideal government and the mixed constitution in the Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 2014. 336 p.
- Bradley J. Tara // Medieval Ireland: an encyclopedia / Ed. S. Duffy. N.Y.: Routledge, 2005. P. 445-447.
- Bradshaw B. Geoffrey Keating: apologist of Irish Ireland // Representing Ireland: Literature and the origins of conflict, 1534–1660 / Ed. B. Bradshaw, A. Hadfield, W. Malley. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 166-191.
- Bradshaw B. Reading Seathrún Céitinn's Foras Feasa ar Éirinn /// // Geoffrey Keating's Foras Feasa ar Éirinn: reassessments / ed. P. Ó Riain. London: Irish Texts Society. P. 19-38.
- Bradshaw B. The Irish constitutional revolution of the XVI century. Cambridge: U.P., 1979. 303 p.
- Caball M. Culture, continuity and change in early seventeenth-century south-west Munster // Studia Hibernica. 2012. Vol.38. P. 37-56.
- Caball M. Faith, culture and sovereignty: Irish nationality and its development, 1558-1625 // British consciousness and identity. The making of Britain, 1533-1707 / Ed. B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 112-139.
- Camden W. Britannia, with an English translation by Philemon Holland / ed. D. Sutton. Irvine: The University of California, 2011. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk>
- Campbell I. Aristotelian ancient constitution and anti-Aristotelian sovereignty in Stuart Ireland // The Historical Journal. 2010. Vol. 53. N. 3. P. 573-591.
- Campbell I. Renaissance humanism and ethnicity before race: The Irish and the English in the seventeenth century. Manchester: Manchester University Press, 2013. 249 p.
- Canny N.P. The formation of the Old English elite in Ireland: O'Donnell lecture delivered at University College Galway, 6 Sept. 1974. Dublin: National Un-ty of Ireland, 1975. 39 p.
- Canny N. P. The ideology of English colonization: from Ireland to America // Theories of empire: 1450-1800 / Ed. D. Armitage. Aldershot : Ashgate Variorum, 1998. P. 179-202.
- Community in early modern Ireland // Ed. R. Armstrong, T. Ó Annracháin. Dublin: Four Courts Press, 2006. 240 p.
- Corcoran T. Studies in the history of Classical teaching: Irish and continental, 1500-1700. London: Longmans Green and Co., 1911. 306 p.
- Cosgrove A. Anglo-Ireland and the Yorkist cause, 1447–60 // A New History of Ireland: Volume II, Medieval Ireland 1169–1534 / Ed. A. Cosgrove. Oxford: O.U.P., 2008. P. 558-569.
- Cronin A. Sources of Keating's Foras Feasa ar Éirinn: 2, manuscript sources // Éigse. 1945–47. Vol. 5. P. 122-135.
- Cunningham B. Representations of king, Parliament and Irish people in Geoffrey Keating's Foras Feasa ar Éirinn and John Lynch's Cambrensis eversus(1662) // Political thought in Seventeenth-Century Ireland / Ed. J. Ohlmeyer. Cambridge: C.U.P., 2000. P. 131-155.
- Cunningham B. Seventeenth-century constructions of the historical kingdom of Ireland // Constructing the past: writing Irish history, 1600-1800 / Ed. M. Williams, S. P. Forrest. Woodbridge, Suffolk, UK; Rochester, NY: Boydell Press, 2011. P. 9-26.
- Cunningham B. Seventeenth-century interpretations of the past: the case of Geoffrey Keating // Irish Historical Studies. 1986. Vol. 25. P. 116-128.
- Cunningham B. The Louvain achievement I: Annals of the Four Masters // The Irish Franciscans, 1534-1990 / Ed. E. Bhreathnach, J. Macmahon, J. Maccaferly. Dublin: Four Courts Press, 2009. P. 177-188.
- Cunningham B. The world of Geoffrey Keating: history, myth and religion in seventeenth-century Ireland. Dublin: Four Courts Press, 2004. 280 p.

- Dauber N. State and commonwealth: the theory of the state in early modern England, 1549-1640. Princeton: Princeton University Press, 2016. 263 p.
- Declaration of Independence // Documents on Irish Foreign Policy Volume I, 1919 -1922. Dublin: Royal Irish Academy, 1998. URL: <http://www.difp.ie/docs/1919/Declaration-of-independence/1.htm> (дата обращения: 30.11.2017)
- Electronic Dictionary of the Irish language. URL: <http://edil.qub.ac.uk/>
- Gillespie R A question of survival: the O'Farrells and Longford in the seventeenth century // Longford: Essays in County History / Ed. R. Gillespie, G. Moran. Dublin: Lilliput Press, 1991. P. 13-29.
- Gillespie R. Nature, politics and historians in early Modern Ireland // Constructing the past : writing Irish history, 1600-1800 / Ed. M. Williams, S. P. Forrest. Woodbridge, Suffolk, UK; Rochester, NY: Boydell Press, 2011. P. 181-196.
- Gillespie R. Negotiating order in early seventeenth century Ireland // Negotiating power in early modern society: order, hierarchy, and subordination in Britain and Ireland / Ed. M. Brad-dick, J. Walter. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 188-205.
- Gillespie R. Political ideas and their social contexts in Seventeenth-century Ireland // Political thought in Seventeenth Century Ireland / Ed. J. Ohlmeyer. Cambr.: C.U.P., 2000. P. 107-127.
- Gillespie R. Seventeenth-century Ireland: Making Ireland Modern. Dublin: Gill & Macmillan, 2006. 348 p.
- Hammerstein H. Aspects of the continental education of Irish students in the reign of Elizabeth I // Historical Studies: Papers read before the Irish conference of historians 27-30 May 1969. VIII, Dublin, / ed. by T.D. Williams. Dublin: Gill and Macmillan, 1971. P. 137-154.
- Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England. // Representations. 1986. Vol. 16. P. 50-85.
- Herbert M. Rí Eirenn, Rí Alban: kingship and identity in the ninth and tenth centuries // Kings, clerics and chronicles in Scotland, 500-1297 / Ed. S. Taylor. Dublin: Four Courts Press, 2000. P. 62-72.
- Hill J. Popery and Protestantism, Civil and Religious Liberty: The Disputed Lessons of Irish History 1690-1812 // Past & Present. 1988. N. 118. P. 96-129.
- Jaski B. Early Irish kingship and succession. Dublin: Four Courts Press, 2013. 360 p.
- Kane B.M. The politics and culture of honour in Britain and Ireland, 1541-1641. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 302 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / Ed. D. Comyn. In 4 vol. Vol. 1. London: Irish Texts Society, 1902.256 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / Ed. P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 2. London: Irish Texts Society, 1905.Vol. 2. 425 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / Ed. P.S. Dineen. In 4 vol. Vol. 3. London: Irish Texts Society, 1908. 387 p.
- Kelleher J.V. Early Irish history and pseudo – history// Studia hibernica. 1963. N 3. P. 113- 127.
- Kidd C. British identities before nationalism: Ethnicity and nationhood in the Atlantic world, 1600-1800. Cambridge: C.U.P., 2004. 312 p.
- Levin F. Forms of patriotism of the early Modern Irish nobility // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 69-81.
- MacErlean G. Geoffrey Keating // Catholic encyclopedia. Vol.16. New York: The Encyclopedia Press, 1914. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/16048b.htm>
- Ó Buachalla B. Annála Ríoghachta Éireann is Foras Feasa ar Éirinn: an comthéacs comhaimseartha // Studia Hibernica. 1982-1983. Vol. 22-23. P.59-105.
- Ó Buachalla B. James our true king: the ideology if Irish royalism in the seventeenth century // Irish political thought since the seventeenth century / Ed. D.G. Boyce, R.R. Eccleshall, V. Geoghegan. London: Routledge, 1993. P. 7-36.
- Ó Buachalla B. Na Stiobhartaigh agus an taos léinn: Cing Séamas // Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. 1983. Vol. 83C. P. 81-134.
- Ó Riain P. The Louvain achievement II: hagiography // The Irish Franciscans, 1534-1990 / ed. E. Bhreathnach, J. Macmahon, J. Maccaferity. Dublin: Four Courts Press, 2009. P. 189-200.

- O'Mahony C. *Disputatio apologetica de iure Regni Hiberniae pro Catholicis Hibernis adversus haereticos Anglos*. Francofurti: Superiorum permissu typis Bernardi Govrani, 1645. 130 p.
- Parker T.M. *The papacy, catholic reform, and Christian missions // The New Cambridge Modern History. Vol. III. The Counter-Reformation and Price Revolution, 1559-1616 / Ed. R.B. Werham*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 44-71.
- Pearse P. *Ghosts // Pearse P. Collected works of Padraic H. Pearse: political writings and speeches*. Dublin: Phoenix, 1924. P.219-255.
- Pocock J.A. *The ancient constitution and the feudal law: a study of English historical thought in the seventeenth century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 402 p.
- Potter J. *Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction*. Thousand Oaks CA: Sage. 1996. 253 p.
- Potter J., Wetherell, M. *Discourse and social psychology; beyond attitudes and behaviour*. London: Sage, 1987. 216 p.
- Scaglione A. *The liberal arts and the Jesuit college system*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing company, 1986. 248 p.
- Schiffman Z.S. *The birth of the past*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. 316 p.
- Shapiro B. A. *A culture of fact. England. 1550–1720*. Cambridge: C.U.P., 2003. 284 p.
- Silke J. J. *Primate Lombard and James I // Irish Theological Quarterly*. 1955. Vol. XXII. P. 124-150.
- Skinner Q. *The foundations of modern political thought. Volume 1: the Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 305 p.
- Spenser E. *A view on the present state of Ireland / ed. R. Beare*. Oregon: University of Oregon, 1997. URL: <http://celt.ucc.ie/published/E500000-001/>
- The Jesuit Ratio Studiorum of 1599 / transl. by A. Farrell*. Washington, D.C.: Conference of Major Superiors of Jesuits, 1970. 133 p.
- Ullmann W. *Law and Politics in the Middle Ages: An Introduction to the Sources of Medieval Political Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 320 p.
- Woolf D. *The idea of history in Early Stuart England: erudition, ideology, and "The light of truth" from the accession of James I to the Civil War*. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1990. 377 p.

Левин Феликс Евгеньевич, аспирант, Институт Истории, Санкт-Петербургский университет; vitabrevis620@gmail.com

Geoffrey Keating and the perceptions about the history of the 'state' – traditional forms and new contexts

The author analyses the historical narrative, *Foras Feasa ar Éirinn*, written by Geoffrey Keating (1580–1644), as reflection on British composite project in Ireland. The article explores the image of authority which was constructed not only on the basis of copied or retold material from the medieval Irish sources, but also on the basis of perceptions of the period Keating lived in. Therefore, Keating's narrative comprised concepts of authority, which the author acquired from preceding Irish tradition and which he left intact, and anachronisms, the elements of the reality surrounding the Irish history-writer, which were projected on the Irish past.

Keywords: Ireland, Geoffrey Keating, *Foras Feasa ar Éirinn*, British composite monarchy, commonwealth, state-building, protonational discourse, history-writing

Feliks Levin, postgraduate student, Institute of History, Saint-Petersburg University; vitabrevis620@gmail.com

И. Е. РУДКОВСКАЯ

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО
КАНОНА ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
II. МИКРОСТРУКТУРА «ИСТОРИИ УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ» Э. ГИББОНА

В статье анализируется микроструктура «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона. Выделенные в комплексах рубрик на полях его книг повторяющиеся, однотипные, кросс-сегментарные рубрики рассматриваются как маркеры целенаправленных усилий историка по систематизации исторических фактов.

Ключевые слова: историографический канон позднего Просвещения, микроструктура, повторяющиеся (ПР), однотипные (ОР), кросс-сегментарные (КСР)

Британский историографический канон, основы которого заложил Д. Юм в «Истории Англии»¹, получил развитие в трудах В. Робертсона² и Э. Гиббона, предопределив в перспективе специфику структурирования Н. Карамзиным «Истории государства Российского». В статье продолжен компаративный анализ микроструктуры трудов британских историков, начатый в статье о макроистории Юма³. Повторяющиеся (ПР), однотипные (ОР) и кросс-сегментарные рубрики (КСР или КС-рубрики), как маркеры усилий Гиббона по систематизации исторических фактов, выявляются в границах монархического, элитарного, управленческо-правового, конфессионального, конфликтного, этнокультурного сегментов и комплекса рубрик о положении.

Монархический сегмент микроструктуры труда Гиббона представлен КС-рубриками о **происхождении, учреждении⁴, характере⁵, гражд-**

¹ *Hume*. The history of England... 1830.

² *Robertson*. The history of Scotland... 1819. *Robertson*. The history of the reign of the Emperor Charles V. 1769; *Robertson*. The history of America. 1819.

³ Рудковская 2017.

⁴ **2КСР:** «Origin and services of Aurelian» / «Origin of Ottomans»; «Establishment of Ottomans in Europe». *Gibbon*. History of the decline and fall of the Roman empire. Vol. X. P. 344. Vol. XI. P. 431, 442. Vol. XII. P. 246.

⁵ **7ОР:** «Character of Commodus» / «Character of Valerian» / «Character of Zenobia» / «Character of Tacitus» / «Character of Constantine» / «Character of Valentian» / «Character of Mahomet II»; «Character and elevation of the two Gordians» / «Character and elevation of the emperor Claudius» / «Character and elevation of the emperor Probus» / «Character and elevation of Majorian»; «Character and reign of Pius» / «Character and reign of Odoacer»; «Character and administration of Gallienus» / «Character and administration of Rufinus» / «Character and administration of Pulcheria»; «Character and merit of the tyrants» / «Character and merits of Timour»; «Character and adventure of the empress Eudocia» / «Character and first adventures of Andronicus»; «Character and policy of Augustus» / «Character and maxims of Artaxerxes» / «Character and situation of Constantius» / «Character and conduct of the emperor Gratian» /

данских войнах с участием правителей, о **первом, последнем, финальном, о гибели**⁶. Значителен комплекс кратких рубрик, информировавших об именах и титулах, подвластной территории, о царствованиях⁷, вступлении на престол, избрании, тирании, триумфе, образе действий и

«**Character** and life of Amrou». Ibid. Vol. I. P. 114, 124, 138, 282, 341, 410, 442, 445. Vol. II. P. 4, 32, 61, 72, 185. Vol. III. P. 99. Vol. V. P. 1, 74, 139, 416, 421. Vol. VI. P. 167, 232. Vol. IX. P. 92, 425. Vol. XII. P. 42, 182.

⁶ **5КСР**: «**Civil** war between Constantine and Maxentius» / «**Civil** war and death of Constantine» / «**Civil** wars of the sons of Bajazet»; «**First** civil war between them (Constantine, Licinius – I.R.)» / «**First** expedition of Heraclius against the Persians»; «**Last** defeat and death of Magnentius» / «**Last** years and death of Honorius» / «**Last** coronation of a German emperor, Frederic III»; «**Final** defeat of Gelimer and the Vandals»; «**Ruin** of Abundantius». Ibid. Vol. II. P. 219, 245. Vol. III. P. 145, 164. Vol. V. P. 380. Vol. VI. P. 1. Vol. VII. P. 181. Vol. VIII. P. 235. Vol. XII. P. 47, 379.

⁷ **3ИП**: «Hilderic» (2); «Gelimer» (2); «Frederic I» (2); **ОП**: «Genseric» / «Huneric» / «Gundamund» / «Thrasimund» / «Constantine III» / «Heraclionas» / «Constans II» / «Constantine IV, Pogonatus» / «Justinian II» / «Philippus» / «Anastasius» / «Theodosius III» / «Leo III, the Isaurian» / «Constantine V Copronymus» / «Leo IV» / «Nicephorus I» / «Stauracius» / «Michael I, Rhangabe» / «Leo V, the Armenian» / «Michael II, the Stammerer» / «Theophilus» / «Michael III» / «Basil I, the Macedonian» / «Leo VI, the philosopher» / «Romanus I, Lecapenus» / «Constantine VII» / «Romanus II, Junior» / «Nicephorus II, Phocas» / «Constantine IX» / «Romanus III, Agyrus» / «Michael IV, the Paphlagonian» / «Michael V, Calaphates» / «Constantine X, Monomachus» / «Michael VI, Stratoticus» / «Isaak I, Comnenus» / «Constantine XI. Ducas» / «Romanus III, Diogenes» / «Nicephorus III. Botaniates» / «Alexius Comnenus» / «John, or Chalo-Johannis» / «Alexius II» / «Andronicus I Comnenus» / «Isaak II, Angelus» / «Frederic II» / «Maxmud the Gasvide» / «Baldwin II» / «Theodore Lascaris» / «John Ducas Vataces» / «Theodore Lascaris II» / «Conrad III». Ibid. Vol. VI. P. 280 (2), 281 (2), 282 (2). Vol. VII. P. 156-157. Vol. IX. P. 10-11, 13, 15, 17, 23, 24 (2), 25-26, 29, 35 (2), 36-37, 40-41, 45, 48, 55, 58, 60-62, 69 (2), 71, 72 (2), 73, 74, 77, 78, 80, 83, 86, 92, 104, 108, 207-208. Vol. X. P. 334. Vol. XI. P. 275, 308-309, 312. Vol. XII. P. 290-291; **4ОП**: «The emperor Avitus» / «The emperor Romanus Diogenes» / «The emperor John Palaeologus» / «The emperor Manuel» / «The emperor John Palaeologus II»; «Phocas emperor» / «Michael Palaeologus emperor»; «Valentinian III, emperor of the West» / «Leo, emperor of the East» / «Anthemius, emperor of the West» / «Olybrius, emperor of the West» / «Peter of Courtenay, emperor of Constantinople» / «Robert emperor of Constantinople» / «Michael Palaeologus, the Greek emperor»; «Genseric, king of Vandals» / «Odoacer, king of Italy» / «Euric, king of the Visigoths» / «Clovis, king of the Franks» / «Vitiges, king of Italy» / «Alboin, king of the Lombards» / «Clepho, king of the Lombards» / «Autharis, king of the Lombards» / «William I, the Bad, king of Sicily». Vol. VI. P. 6, 13, 155, 190, 193, 215, 224, 308, 310. Vol. VII. P. 221. Vol. VIII. P. 119, 135, 146, 213. Vol. X. P. 324, 354. Vol. XI. P. 268, 270, 283, 322, 455, 457. Vol. XII. P. 57; **ОП**: «Reign of Arcadius» / «Reign of Attila» / «The reign of Zeno» / «The reign of Justinian» / «Reign of Nushirvan, or Chosroes» / «Reign of Tiberius II» / «The reign of Maurice» / «Reign of Heraclius» / «Reign of Abubeker» / «Reign of Ali» / «Reign of Moawiyah» / «Reign of Swatoslaus» / «Reign of Alp Arslan» / «Reign of Michael Palaeologus» / «Reign of Andronicus the elder» / «Reign of Andronicus the younger» / «Reign of John Palaeologus» / «Reign of John Cantacuzene» / «Reign of Othman» / «Reign of Orchan» / «Reign of Bajazet I» / «Reign of Amurath II». Ibid. Vol. V. P. 372. Vol. VI. P. 40. Vol. VII. P. 4, 61, 300. Vol. VIII. P. 139, 143, 219. Vol. IX. P. 331, 337, 341. Vol. X. P. 233, 352. Vol. XI. P. 330 (2), 369, 372, 383, 432, 434, 447. Vol. XII. P. 51.

управления, свойствах, смерти, убийстве⁸. В двойных рубриках подчеркивалась специфика жизненного пути и кончины правителей⁹. Пролонгированные однотипные рубрики доносили до читателя основные линии сюжета¹⁰. Политической элите посвящены КС-рубрики о **характере, падении, революциях, о последнем, финальном**¹¹, знати, лидерах кре-

⁸ **4OP**: «Accession of the emperor Commodus» / «Accession of Alexander Severus»; «Election of Maximus and Balbinus» / «Election of Gallus»; «Election of emperor Diocletian» / «Election of the emperor Jovian» / «Election of the emperor Baldwin I»; «Tyranny of Maximin» / «Tyranny of Romanus». Ibid. Vol. I. P. 137, 240, 277, 290, 405. Vol. II. P. 109. Vol. IV. P. 203, 301. Vol. XI. P. 243; **3OP**: «Triumph of Aurelian» / «Triumph of the emperor Probus» / «Triumph of Diocletian and Maximian»; «Conduct of the emperors» / «Conduct of Diocletian in Egypt» / «Conduct of Julian»; «Administration of Constantine in Gaul» / «Administration of Anthemius». Ibid. Vol. II. P. 45, 88, 130, 134, 156, 214. Vol. III. P. 215. Vol. V. P. 414; **OP**: «Ambition of Caracalla» / «Virtues of Pertinax» / «Virtues of Crispus» / «Virtues of Theodosius» / «Vices of Carinus» / «Cruelty of Aurelian» / «Cruelty of Licinius» / «Clemency of Julian» / «Clemency of Theodosius». Ibid. Vol. I. P. 161, 210. Vol. II. P. 53, 98, 239. Vol. III. P. 106. Vol. IV. P. 50. Vol. V. P. 55, 63; **3OP**: «Death of Commodus» / «Deaths of Niger and Albinus» / «Death of Gallienus» / «Death of Aureolus» / «Death of Numerian» / «Death of Galerius» / «Death of Jovian» / «Death of Theodosius» / «Death of Alaric» / «Death of Valentinian» / «Death of Ricimer» / «Death of Constantine» / «Death of Justinian» / «Death of Justin II» / «Death of Hormouz» / «Death of Bahram» / «Death of Alp Arslan» / «Death of Bajazet» / «Death of Ladislaus»; «Death of the emperor Tacitus» / «Death of the emperor Valens»; «Murder of Geta» / «Murder of Caracalla» / «Murder of Alexander Severus» / «Murder of Gordian» / «Murder of Constans». Vol. I. P. 156, 195, 214, 221, 276, 309. Vol. II. P. 4, 7, 69, 108, 212. Vol. III. P. 147. Vol. IV. P. 233, 410. Vol. V. P. 85, 329. Vol. VI. P. 141, 218. Vol. VII. P. 247. Vol. VIII. P. 114, 139, 189, 192. Vol. X. P. 361. Vol. XII. P. 36, 163.

⁹ **5OP**: «Birth and fortunes of Maximin» / «Birth and character of Theodosius» / «Birth and education of Theodoric» / «Birth and education of Mahomet»; «Education and virtuous temper of Alexander» / «Education and character of Theodosius the younger»; «Election and character of Macrinus» / «Election and character of Carus» / «Election and character of Valentinian»; «Adoption and character of Trajan» / «Elevation and character of Diocletian» / «Administration and character of Eutropius»; «Reign and character of Togrul Beg» / «Reign and character of Saladin» / «Reign and character of Isaak Angelus» / «Reign and character of Henry» / «Reign and character of Amurath II». Ibid. Vol. I. P. 120, 223, 244, 273. Vol. II. P. 91, 112. Vol. IV. P. 236, 422. Vol. V. P. 375, 418. Vol. VII. P. 2. Vol. IX. P. 253. Vol. X. P. 345. Vol. XI. P. 128, 181, 263. Vol. XII. P. 150; **3OP**: «Defeat and death of Macrinus» / «Defeat and death of the two Gordians» / «Defeat and death of Carinus» / «Defeat and death of Severus» / «Defeat and death of Maximus» / «Defeat and death of Gildo» / «Defeat and death of Totila»; «Death and funeral of Constantine» / «Death and funeral of Athanaric»; «Submission and death of Licinius» / «Disgrace and death of Crispus» / «Flight and death of Gratian». Ibid. Vol. I. P. 230, 289. Vol. II. P. 110, 201, 262. Vol. III. P. 109, 127. Vol. IV. P. 432. Vol. V. P. 8, 52, 169. Vol. VII. P. 384.

¹⁰ **OP**: «Reign and character of Charlemagne. - Extent of his empire in France. - Spain. - Italy. - Germany. - His neighbours and enemies. - His successors, in Italy; - in Germany; in France. - Lewis the Pious. - Lothaire I. - Lewis II». Ibid. Vol. IX. P. 174, 180-185, 187, 188 (2), 189 (2).

¹¹ **KCP**: «**Character** of the Roman nobles, by Ammianus Marcellinus» / «**Character** of Stilicho, the minister, and general, of the western empire» / «**Character** and victories of the general Constantius» / «**Character** and administration of Ætius» / «**Character**, stud-

стовых походов, борьбы за республику в Риме, о полководце, министрах, патрициях, герцогах, сенаторах, о Петрарке как поэте и участнике событий, о смерти представителей элиты¹². Проблемам управления и права посвящены КС-рубрики о **происхождении, учреждении, основании, положении, разрушении, реставрации**¹³, об **общем, гражданском**¹⁴, о **пространстве государств, о разделении власти и различиях**¹⁵,

ies, and honour of Boethius» / «**Character** and histories of Procopius» / «**Character** and choice of Belisarius» / «**Character** and expedition of the eunuch Narses». Ibid. Vol. V. P. 150, 267, 344. Vol. VI. P. 88. Vol. VII. P. 42, 61, 161, 381; **4KCP**: «**The fall** and death of Rufinus» / «**Fall** and flight of the tribune Rienzi»; «**Revolutions** of Rome»; «**Final** recall of Belisarius»; «**Last** victory of Belisarius» / «**Last** disorders of the nobles of Rome». Ibid. Vol. V. P. 155. Vol. VII. P. 372, 403. Vol. XII. P. 354, 356, 386;

¹² **2OP**: «Genealogy of the senators. - The Anician family»; «The nobles or barons of Rome - Family of Leo the Jew - The Colonna. - and Ursini». Ibid. Vol. V. P. 257, 259. Vol. XII. P. 313, 315-316, 320; **OP**: «The chiefs of the first crusader. - I. Godfrey of Bouillon. - II. Hugh of Vermandois, Robert of Normandy, Robert of Flanders, Stephen of Chartres... - III. Ragmond of Thoulouse. - IV. Bohemond and Tancred». Ibid. Vol. XI. P. 30 (2), 32-33, 35; **2OP**: «Political heresy of Arnold of Brescia» / «Conspiracy of Porcario»; «Birth, character, and patriotic designs of Rienzi... - He assumes the government of Rome - with the title and office of tribune... - Rienzi, senator of Rome». Ibid. Vol. XII. P. 271, 331, 334, 336, 359, 383; **2OP**: «Belisarius lands on the coast of Africa» / «Belisarius threatens the Ostrogoths of Italy» / «Belisarius enters Rome» / «Belisarius recovers many cities of Italy» / «Belisarius besieges Ravenna»; «Belisarius invades and subdues Sicily» / «Belisarius invades Italy, and reduces Naples». Ibid. Vol. VII. P. 171, 204, 210, 217, 224, 242, 253; **1IP**: «Duke of Apulia» (2); **3OP**: «The minister Perennis» / «The minister Cleander»; «The patrician Orestes»; «Brancoleone. - Charles of Anjou». Ibid. Vol. I. P. 143, 145. Vol. VI. P. 221. Vol. X. P. 276, 309. Vol. XII. P. 286, 288; **OP**: «Petrarch. - His poetic coronation at Rome... - Petrarch invites and upbraids the emperor Charles IV. - He solicits the popes of Avignon to fix their residence at Rome». Ibid. Vol. XII. P. 324, 328, 362-363; **2OP**: «Death of Papinian» / «Death of Symmachus»; «Sedition and death of Cleander» / «Disgrace and death of Stilicho» / «Disaffection and death of Narses» / «Defeat and death of the Colonna». Ibid. Vol. I. P. 147, 217. Vol. V. P. 240. Vol. VII. P. 50. Vol. VIII. P. 126. Vol. XII. P. 352.

¹³ **6KCP**: «**Establishment** - and abolition of the tribute on Roman citizens» / «**Establishment** of the royal authority in the provinces» / «**Establishment** of the Saxon heptarchy»; «**Foundation** of the city» / «**Foundation** of the republic in Venice» / «**Foundation** of Bassora» / «**Foundation** of Cufa» / «**Foundation** of Cairoan» / «**Foundation** of the Leonine city»; «**State** of the Byzantine court» / «**State** of the revenue»; «**Ruin** of the Gothic monarchy»; «**Origin** of the Russian monarchy»; «**Restoration** of the Greek empire» / «**Restoration** of the senate». Ibid. Vol. I. P. 255-256, 329. Vol. III. P. 13. Vol. VI. P. 126, 383. Vol. VII. P. 100. Vol. IX. P. 368, 371, 459, 475. Vol. X. P. 66, 219. Vol. XI. P. 308. Vol. XII. P. 180, 277.

¹⁴ **2KCP**: «**General** idea of the Roman empire» / «**General** idea of the imperial system» / «**The general** tribute, or indiction»; «**Civil** jurisdiction» / «**Civil** government of Italy according to the Roman laws» / «**The civil** or Roman law». Ibid. Vol. I. P. 43, 109. Vol. III. P. 83, 295. Vol. VIII. P. 1, 26.

¹⁵ **3KCP**: «**Extent** of their empire left them no place of refuge» / «**Extent** and population of Percia» / «**Extent** of Germany»; «**Division** of the provinces between the emperor and the senate»; «**Distinction** of the spiritual and temporal powers» / «**Distinction** of the troops». Ibid. Vol. I. P. 102, 132, 330, 345. Vol. III. P. 59, 281.

о первом, новом, финальном¹⁶, формах правления, о власти, властных структурах, имперских прерогативах, титулах и должностях, численности сената и вооруженных сил, о налогах, доходах, имитационном характере политических институтов Римской империи, законах, судах, судебных процессах, ограничениях отцовской власти, свободы развода¹⁷.

К обобщающим отнесены КС-рубрики **рассмотрения, отступления, заключения, описания**¹⁸, КС-рубрики о **происхождении и положении народов**¹⁹, о **положении городов и государствах**, в т.ч. о **бедствен-**

¹⁶ **ЗКРП:** «**The first period** (of the Roman jurisprudence)»; «**First kingdom** of the Bulgarians»; «**New establishment** of the praetorian guards» / «**New maxims** of imperial prerogative» / «**New form** of administration»; «**Final** establishment of the French monarchy in Gaul». Ibid. Vol. I. P. 199, 202. Vol. II. P. 167. Vol. VI. P. 339. Vol. VIII. P. 24. V. X. P. 199.

¹⁷ **ОР:** «Form of a military republic» / «Form of government» / «Forms of the Roman law». Ibid. Vol. I. P. 309. Vol. III. P. 30. Vol. VIII. P. 21; **6OP:** «Power of the Roman generals» / «Power of the magi»; «Authority of the princes and magistrates» / «Authority of the senate» / «Authority of the emperors in the elevations of the popes» / «Authority of the emperors in Rome» / «Authority of the popes in Rome»; «Court of emperors» / «Court of peers» / «Court of burgesses»; «Assemblies of the people» / «Assembly of the seven provinces of Gaul»; «Imperial prerogatives» / «Imperial dignity and titles»; «The office of praetorian prefect» / «The office of senator». Ibid. Vol. I. P. 99, 106, 110, 200, 325, 362, 364. Vol. II. P. 64, 163. Vol. V. P. 369. Vol. IX. P. 195, 200. Vol. XI. P. 95, 98. Vol. XII. P. 260, 285; **OP:** «Number and disposition of the legions» / «Number and choice of the senate». Ibid. Vol. I. P. 27. Vol. XII. P. 283; **4OP:** «Tributes of the provinces, - of Asia, - of Egypt, - of Gaul, - of Africa, - of Spain, - of the isle of Gyarus. - Amount of the revenue»; «Finances... – Capitation trade and industry. – Free gifts»; «Remittances. – Taxes. - Monopolies»; «Cities and revenue of Peloponesus» / «Revenue of the Greek empire». Ibid. Vol. I. P. 257 (4), 258 (2), 259 (2). Vol. III. P. 81, 94-95. Vol. VII. P. 103, 105-106. Vol. X. P. 107, 112; **OP:** «Image of liberty for the people» / «Image of government for the armies». Ibid. Vol. I. P. 115-116; **OP:** «Laws for the relief of Italy and Rome» / «Law of barbarians» / «Laws of the king of Rome» / «Laws of the people» / «Laws» / «Law of judicial combats» / «Law of the good estate». Ibid. Vol. V. P. 337. Vol. VI. P. 343, Vol. VIII. P. 4, 11, 159. Vol. XI. P. 96. Vol. XII. P. 336; **3OP:** «Judgment of God» / «Judgments of the people»; «Trials of the Christians» / «Trial of Arvadus»; «Limitation of the paternal authority» / «Limitation of the liberty of divorce». Ibid. Vol. II. P. 422. Vol. VI. P. 208, 349. Vol. VIII. P. 54, 64, 106.

¹⁸ **ЗКРП:** «**View** of the provinces of the Roman empire...» / «**View** and discourse of Poggius from the Capitoline hill»; «**Digression** of the finances of the empire» / «**Digression** on the family of Courtenay»; «**Conclusion**» (3). Ibid. Vol. I. P. 30, 254. Vol. II. P. 495. Vol. III. P. 97. Vol. VI. P. 304. Vol. XI. P. 294. Vol. XII. P. 395; **КРП:** «**Description** of the Ukraine» / «**Description** of Constantinople» / «**Description** of Paris» / «**Description** of Assyria» / «**Description** of Colchos» / «**Description** of Arabia». Ibid. Vol. I. P. 396. Vol. III. P. 4, 235. Vol. IV. P. 166. Vol. VII. P. 118, 318. Vol. IX. P. 219.

¹⁹ **2КРП:** «**Origin** of the Germans» / «**Origin** of the Goths from Scandinavia» / «**Origin** of the Normans in Italy» / «**Origin** and confederacy of the Franks» / «**Origin** and renown of the Suevi» / «**Origin** and monarchy of the Turks in Asia»; «**State** of population» / «**State** of the peasants of Gaul» / «**State** of the barbarians in Gaul» / «**State** of the Britons» / «**State** of the Vandals» / «**State** of the barbarians» / «**State** of the Venetians» / «**State** and character of the people of Rome». Ibid. Vol. I. P. 349, 359, 387, 412, 416. Vol. II. P. 120. Vol. V. P. 278, 360. Vol. VI. P. 385. Vol. VII. P. 156, 273, 284. V. X. P. 256. V. XI. P. 191.

ном²⁰, о падении и разделении империй²¹, об общем и финальном²², рубрики об упадке²³ и компаративные рубрики²⁴.

Конфессиональный сегмент представлен КС-рубриками о происхождении, основании, положении²⁵, прогрессе, упадке, разрушении, реставрации²⁶, об общем, первом, окончательном²⁷, рубрикой-рассмотрением о прогрессе христианства, рубриками о гонениях, разрушении церквей, обращении²⁸, восточных патриархах, главах западной

²⁰ **2КCP:** «**State of Mesopotamia and of Armenia**» / «**State of Africa**» / «**State of Britain**» / «**State of Persia**» / «**State of Italy**» / «**State of the Gothic monarchy**» / «**State of Peloponesus**»; «**Distress of the city**» (2) / «**Distress of Italy**» / «**Distress of Constantinople**». Ibid. Vol. III. P. 136. Vol. IV. P. 308. Vol. V. P. 364. Vol. VII. P. 235, 297. Vol. VIII. P. 144. Vol. IX. P. 130, 469. Vol. X. P. 105. Vol. XI. P. 458. Vol. XII. P. 221.

²¹ **2КCP:** «**Decline of courage**» / «**Decline of the Roman empire**» / «**Decline of the arts**» / «**Decline of the Mogul khans of Persia**» / «**Decline and fall of the Huns**»; «**Division of the empire**» / «**Division of the Greek empire**» / «**Division of the Mogul empire**». Ibid. Vol. I. P. 91, 313. Vol. II. P. 181. Vol. III. P. 133. Vol. IV. P. 364. Vol. XI. P. 247, 428, 431.

²² **2КCP:** «**General plenty**» / «**General felicity**» / «**General toleration**» / «**General reflections**» / «**General use of both languages**» / «**General happiness of the Roman world**» / «**General peace and prosperity**» / «**General wealth and populousness**»; «**The final division of the eastern and western empires**» / «**Final extinction of the Normans**» / «**Final conclusion**». Ibid. Vol. I. P. 62, 86, 90, 198, 246. Vol. IV. P. 241. Vol. V. P. 126. Vol. VI. P. 279. Vol. X. P. 103, 332. Vol. XII. P. 431.

²³ **OP:** «**Decay of the Roman spirit**» / «**Decay of taste and genius**». Ibid. Vol. VI. P. 231. Vol. X. P. 161.

²⁴ **2OP:** «**Distinction of the German tribes**» / «**Distinction of Germans and Sarmatians**»; «**Comparison of the Greeks and Latins**» / «**Comparison of Rome and Constantinople**». Ibid. Vol. I. P. 381, 395. Vol. XII. P. 117, 141.

²⁵ **3КCP:** «**Origin of the Paulicians or disciples of St. Paul**» / «**Origin of the papal investiture to the Normans**»; «**Foundation of the church of St. Sophia**»; «**State of Christians in the beings of Commodus and Severus**» / «**State of the bishops under the Christian emperors**» / «**State of the church**» / «**State of paganism at Rome**» / «**State and pilgrimage of Jerusalem**». Ibid. Vol. II. P. 446. Vol. III. P. 283. Vol. IV. P. 226. Vol. V. P. 92. Vol. VII. P. 116. Vol. X. P. 168, 270, 375.

²⁶ **4КCP:** «**Progress of zeal and superstition among the pagans**» / «**Progress of the Magometans**»; «**Decline and fall of Christianity in Africa**»; «**Ruin of Arianism at Constantinople**» / «**The ruin of Arianism, among the barbarians**»; «**Restoration of images in the East by the empress Irene**». Ibid. Vol. II. P. 460. Vol. V. P. 22. Vol. VI. P. 295. Vol. IX. P. 163, 495. Vol. XI. P. 120.

²⁷ **3КCP:** «**General proportion of Christians and Pagans**» / «**General silence concerning the darkness of the Passion**» / «**General idea of the persecution**» / «**General character of the Christian sects**» / «**A general view of the persecution in Africa**»; «**The first edict against the Christians**» / «**First council of Ephesus**» / «**First religious war**»; «**Final expulsion of the Jesuits**» / «**Final establishment of images by the empress Theodora**» / «**Final separation of the popes from the eastern empire**» / «**Final peace of the church**» / «**Final return of Gregory XI**». Ibid. Vol. II. P. 371, 378, 468, 477. Vol. III. P. 403. Vol. VI. P. 282. Vol. VIII. P. 291, 320, 378. Vol. IX. P. 166, 169. Vol. XII. P. 114, 365.

²⁸ **OP:** «**Historical view of the progress of Christianity. – In the East. – The church of Antioch. – In Egypt. – In Rome. – In Africa and the western provinces**». Ibid. Vol. II. P. 358-360, 362, 364, 366; **2OP:** «**Persecution against Athanasius**» / «**Persecution of the Jews in**

церкви, их избрании, церковных соборах, усердии в делах веры, учениях о бессмертии души, сектах, ересях, переговорах и расколах, объединении²⁹, об амбициях, характере и смерти священнослужителей³⁰.

Конфликтный сегмент включал КС-рубрики о **причинах, следствиях, гражданских, первых, последних, окончательных конфликтах**³¹, **революциях**³², о недовольствах, восстаниях³³, вторжениях³⁴, войнах, битвах, осадах, завоеваниях³⁵, переговорах, договорах³⁶.

Spain) / «Persecution of the Greek emperors» / «Persecution of the Albigeois»; «Demolition of the church of Nicomedia» / «Demolition of the churches». Ibid. Vol. II. P. 467, 474. Vol. III. P. 359. Vol. VI. P. 302. Vol. X. P. 175, 187; **2OP**: «Conversions» / «Conversion of Rome» / «Conversion of the Barbarians» / «Conversion of Clovis» / «Conversion of the Lazi» / «Conversion of Russia»; «Conversion of the Recared and the Visigoths of Spain» / «Conversion of the Lombards of Italy». Vol. IV. P. 94. Vol. V. P. 99. Vol. VI. P. 268, 298, 301, 317. Vol. VII. P. 328. Vol. X. P. 238; **4OP**: «Cyril, patriarch of Alexandria» / «Nestorius, patriarch of Constantinople»; «The patriarch Theodosius. – Paul. – Apollinaris. – Eulogius. – John – Benjamin the Jacobite patriarch»; «Paschal II» / «Gelasius II» / «Lucius II» / «Lucius III» / «Calistus II» / «Innocent II» / «Pope Мартин IV» / «Boniface VIII» / «Martin V» / «Eugenius IV» / «Nicolas V» / «Sixtus V»; «Election of Urban VI» / «Election of Clement VII» / «Election of Martin V». V. VIII. P. 279, 285, 364, 365 (2), 366 (2), 369. V. XII. P. 267 (2), 269 (4), 289, 306, 368 (2), 377, 378 (3), 392; **1P**: «Council of Pisa» (2); **OP**: «Council of Nice» / «Council of Rimini» / «Council of Arles and Milan» / «Council of Chalcedon» / «Council of Clermont» / «Council of Constance». V. III. P. 332, 343, 371. V. VIII. P. 306. V. XI. P. 8. V. XII. P. 92, 375 (2); **OP**: «Zeal of the Jews» / «Zeal for Christianity» / «Zeal of the Christians» / «Zeal of the Orientals and Russians». Ibid. Vol. II. P. 267, 293. Vol. III. P. 322. Vol. XII. P. 148; **OP**: «The doctrine of the immortality of the soul among the philosophers; – among the pagans of Greece and Rome; – among the barbarians; – among the Jews; – among the Christians». Ibid. Vol. II. P. 294, 296, 298 (2), 300; **3OP**: «The ebionites» / «The Gnostics» / «The ebionites and docetes»; «Heresy of Eutyches» / «Heresy of Justinian»; «I. The Nestorians... - II. The Jacobites. – III. The Maronites. – IV. The Armenians. – V. The Copts or Egyptians... - VI. The Abissinians and Nubians». Ibid. Vol. II. P. 279, 282. Vol. III. P. 319. Vol. VIII. P. 303, 331, 341, 353, 357, 361, 363, 370

²⁹ **1P**: «Negociations with the Greeks» (2); **2OP**: «Schism of the donatists» / «Schism of the Greeks» / «Schism of the Arsenites» / «Schism»; «Union of the Greek and Latin churches» / «Re-union of the Greeks at Florence». Ibid. Vol. III. P. 311, Vol. VIII. P. 337. Vol. XI. P. 169, 328. Vol. XII. P. 92, 94, 108, 111.

³⁰ **3OP**: «Ambition of the Roman pontiff» / «Ambition and luxury of Damasus, bishop of Rome» / «Ambition quarrels of Photius, patriarch of Constantinople, with the popes»; «Character and adventures of Athanasius» / «Character and mission of St. Bernard»; «Death of Athanasius» / «Death of St. Augustin». Ibid. Vol. II. P. 338. Vol. III. P. 356. Vol. IV. P. 267, 273. Vol. VI. P. 22. Vol. XI. P. 117, 173.

³¹ **7KCP**: «**The causes** of their (of tyrants – I.E.) rebellion... - **Fatal** consequences of their usurpation»; «**The civil war**»; «**First** naval expedition of the Goths» / «**First** siege of Rome by the Goths» / «**First** siege of Constantinople by the Arabs» / «**First** siege and conquest of Constantinople by the Latins» / «**The first** descent of the Arabs» / «**First** war of the Mahometans against the Roman empire» / «**The first** crusade»; «**Last** war of the Greeks and Normans» / «**Last** revolt of Rome»; «**Destruction** of Milan»; «**Final** conquest of Burgundy by the Franks» / «**Final** conquest of Africa». Ibid. Vol. I. P. 424, 447, 449. Vol. V. P. 289. Vol. VI. P. 328. Vol. VII. P. 250. Vol. IX. P. 312, 463, 471. Vol. X. P. 2, 323. Vol. XI. P. 1, 213, 378. Vol. XII. P. 378.

Этнокультурный сегмент включал КС-рубрики о **положении, основании, упадке, возрождении, реставрации, характере, о новом, последнем**³⁷, рубрики о нравах, об особенностях народов³⁸, о возрожде-

³² **КСР:** «**Revolutions of Asia**» / «**The revolutions of Scythia**» / «**Revolutions of Gaul and Spain**» / «**The revolutions of Gaul**» / «**Revolution of Britain**» / «**Revolutions of Colchos**» / «**Revolution of Athens**» / «**Revolution of Rome**». Ibid. Vol. I. P. 316. Vol. V. P. 210, 341. Vol. VI. P. 306, 379. Vol. VII. P. 325. Vol. XI. P. 352. Vol. XII. P. 356.

³³ **2OP:** «Discontent of the praetorians» / «Discontent of the senate» / «Discontents of the army» / «Discontent of the praetorian guards» / «Discontents of the Roman troops»; «Tumults of the legions» / «Tumults at Rome» / «Tumults at Alexandria». Vol. I. P. 164, 224, 238, 251, 293, 303, 452. Vol. V. P. 5; **ПР:** «Revolts of the Goths» (2); **OP:** «Revolt in Africa» / «Revolt of the British army» / «Revolt of Britain and Armorica» / «Revolt of Constantinople» / «Revolt of Italy» / «Revolt of Spain» / «Revolt of the provinces» / «Revolt of the Paulicians» / «Revolt of the Greeks». Ibid. Vol. I. P. 281. Vol. V. P. 176, 228, 362. Vol. VII. P. 353. Vol. VIII. P. 209. Vol. IX. P. 137. Vol. X. P. 33, 78, 177. Vol. XI. P. 252.

³⁴ **ПР:** «Invasion of Syria» (2); **3OP:** «Invasion and defeat of the Gruthungi, or Ostgoths»; «Invasion of Spain by Suivi, Vandals, Alani» / «Invasion of Italy by the Franks and Alemanni» / «Invasion of France by the Arabs» / «Invasion of Rome by the Saracens»; «Invasion of Bulgarians» / «Invasion of Persia» / «Invasion of Egypt». Ibid. Vol. IV. P. 435. Vol. V. P. 350. Vol. VII. P. 393, 401. Vol. IX. P. 364, 379, 427. Vol. X. P. 18, 61, 89.

³⁵ **2ПР:** «The Persian war» (6); «The Gothic War» (3); **2OP:** «The Caledonian war» / «The Alemannic war» / «The Quadian and Sarmatian war» / «The Scythian, or Tartar wars» / «The Burgundian war» / «The Colchian or Lazic war» / «The Bulgarian war» / «The Turkish war»; «Foreign wars. - I. Germany... - II. Britain... - III. Africa... - IV. The East... - V. The Danube». Ibid. Vol. I. P. 207, 308. Vol. II. P. 21, 138, 253. Vol. III. P. 123, 139, 195. Vol. IV. P. 276-277, 291, 301, 311 (2), 319. Vol. V. P. 426. Vol. VI. P. 53, 324, 330. Vol. VII. P. 138, 334. Vol. XI. P. 257. Vol. XII. P. 193; **ПР:** «Battle of Hadrianople» (2); **OP:** «Battle of Turin» / «Battle of Cabalis» / «Battle of Mardia» / «Battle of Chrysopolis» / «Battle of Singara» / «Battle of Mursa» / «Battle of Strasburg» / «Battle of Pollentia» / «Battle of Chalons» / «Battle of Beder» / «Battle of Cadesia» / «Battle of Ainzadin» / «Battle of Yermuk» / «Battle of Durazzo» / «Battle of Dorylaeum» / «Battle of Ascalon» / «Battle of Nicopolis» / «Battle of Angora» / «Battle of Warna» / «Battle of Tusculum» / «Battle of Viterbo». Ibid. Vol. II. P. 224, 246-247, 258, 262. Vol. III. P. 139, 159, 221. Vol. IV. P. 408. Vol. V. P. 198. Vol. VI. P. 116. Vol. IX. P. 299, 365, 388, 406. Vol. X. P. 294. Vol. XI. P. 60, 87, 450. Vol. XII. P. 26, 161, 298-299; **2OP:** «Siege of Byzantium» / «Siege of Aquileia» / «Siege of Nisibis» / «Siege of Amida» / «Siege of Hippo» / «Siege of Petra» / «Siege of Bosra» / «Siege of Damascus» / «Siege of Durazzo» / «Siege of Nice» / «Siege of Antioch» / «Siege of Zarah»; «Siege and conquest of Alexandria» / «Siege and conquest of Jerusalem». Ibid. Vol. I. P. 193, 296. Vol. III. P. 142, 206. Vol. VI. P. 21. Vol. VII. P. 331. Vol. IX. P. 382, 385, 435. Vol. X. P. 287. Vol. XI. P. 57, 64, 81, 200.

³⁶ **3OP:** «Negotiation for peace» / «Negotiation and treaty of peace» / «Negotiations with the eastern empire»; «Treaty of peace» / «Treaty of peace between the two empires»; «Peace and war with the Romans» / «Peace with the Normans». Ibid. Vol. II. P. 148, 249. Vol. IV. P. 209. Vol. VI. P. 189. Vol. VII. P. 307. Vol. VIII. P. 257. Vol. X. P. 323.

³⁷ **8КСР:** «**State of the Greek language at Constantinople**»; «**Foundation of the Greek language in Italy by Manuel Chrysoloras**»; «**Decline of the arts**»; «**Revival of Greek learning**» / «**Revival of the Greek learning in Italy**»; «**Restoration and ornaments of the city**»; «**Character and histories of Procopius**» / «**Character and tactics of the Saracens**» / «**Character of the Normans**»; «**The new Platonists**»; «**The last of the philosophers**». Ibid. Vol. II. P. 181-182. V. VII. P. 61, 151. V. X. P. 144, 157, 264. V. XII. P. 114, 119, 126, 428.

нии наук, о философии и философах, истории и авторах хроник, поэтах, о библиотеке, школах, искусстве³⁹.

Анализ микроструктуры труда Э. Гиббона позволяет сделать вывод как о тождественности понимания представителями британской традиции роли микроструктуры в исторических трудах, так и о значимом творческом вкладе Гиббона в развитие микроструктурного компонента историографического канона позднего Просвещения. Наиболее заметными особенностями микроструктуры его нарратива следует признать абсолютный максимум кратких «именных» рубрик, резкое расширение числа двойных рубрик, вариативность сочетаний в которых позволяла выделить специфику феноменов прошлого, и особый статус пролонгированных рубрик, предельно обнажавших структуру предлагаемых сюжетов.

Компаративный анализ показал, что бесспорным маркером британского историографического канона той эпохи была КС-рубрика о **положении**, характерная для микроструктуры всех сравниваемых трудов⁴⁰. В «Истории» Гиббона есть те КС-рубрики, которые предпочитал Д. Юм (о **гражданском, общем**)⁴¹, и те, что характерны в большей мере для В. Робертсона, чем для Д. Юма (о **первом, о происхождении, прогрессе, причинах**)⁴². От ряда КС-рубрик предшественников (о **делах, следствиях, о новом**) Гиббон отказался либо вводил их заметно реже⁴³.

³⁸ **2OP**: «Manners of the Sarmatians» / «Manners of the Britons» / «Manners of the natives» / «Manners of the Bedoweens, or pastoral Arabs»; «Manners and defeat of the Moors» / «Language and manners of the Lombards» / «Manners and emigration of the Turks». Ibid. Vol. III. P. 119. Vol. VI. P. 398. Vol. VII. P. 198, 322. Vol. VIII. P. 151. Vol. IX. P. 223. Vol. X. P. 340; **3OP**: «German freedom» / «German chastity»; «Insolence of the Franks» / «Delay of the Franks» / «Love (of Bedoweens – I.R.) of poetry»; «Tactics and character of the Greeks» / «Their (of Franks or Latins – I.R.) character and tactics». Ibid. Vol. I. P. 361, 367. Vol. IX. P. 241. Vol. X. P. 140, 149. Vol. XI. P. 52, 79.

³⁹ **3OP**: «Introduction of leaning among the Arabians. – Their real progress in the sciences»; «Greek knowledge, and – descriptions – of Germany; - of France; - of England»; «Lessons of Barlaam. – Studies of Petrarch. - Of Boccace. –Leo Pilatus, first Greek professor at Florence and in the West». Ibid. Vol. X. P. 41, 44. Vol. XII. P. 81, 82 (2), 83-84, 120-121, 123-124; **4OP**: «The system of Plato» / «The Platonic philosophy»; «The philosophers» / «The poet Claudian»; «Memorial of the Greek empire. - Works of Constantine Porphyrogenitus»; «Petrarch. – His poetic coronation at Rome». Ibid. Vol. III. P. 314. Vol. IV. P. 91. Vol. V. P. 246. Vol. X. P. 94 (2). Vol. XII. P. 132, 324, 328; **2OP**: «The Alexandrian library» / «The schools of Athens» / «School of Salerno»; «Arts of luxury» / «Arts». Ibid. Vol. I. P. 87. Vol. II. P. 291. Vol. VII. P. 143. Vol. IX. P. 439. Vol. X. P. 278.

⁴⁰ «**State**...» - 39/4/11/9/30. Первая цифра здесь и далее обозначает количество рубрик, начинающихся с ключевого слова в труде Д. Юма, вторая, третья и четвертая – в трудах В. Робертсона, пятая – в труде Э. Гиббона.

⁴¹ «**Civil**...» - 11/0/1/1/12; «**General**...» - 7/4/4/4/20.

⁴² «**First**...» - 4/0/9/14/22; «**Origin**...» - 2/4/5/2/13; «**Progress**...» - 5/1/23 /5/8; «**Causes**...» - 2/0/6/4/4.

⁴³ «**Affairs**...» - 15 /1/7/0/0; «**Effect**...» - 0/1/17/8/2; «**New**...» - 21/6/4/23/6.

Он поддержал традицию значимых, но редких КС-рубрик-отступлений и **рассмотрений**⁴⁴. КС-рубрикам о **характере, об упадке, разделении, учреждении, падении, основании, реставрации, об окончательном** им было придано большее значение по сравнению с Юмом и Робертсоном⁴⁵. КС-рубрики о **разрушении, революции, о последнем, как и заключении, описания,** характерны **только** для труда Гиббона⁴⁶. Создание масштабного сегмента КС-рубрик, наряду со сложной системой повторяющихся и однотипных, обеспечило историку, воссоздававшему предысторию западной цивилизации на излете века Просвещения, выход на приемлемый для него уровень упорядоченности текста.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Рудковская И.Е.* Микроструктура «Истории Англии Д. Юма: Специфика «отображения предмета». // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 204-215. [Rudkovskaya I.E. Mikrostruktura "Istorii Anglii" D. Uma: spetsifika 'otobrazheniya predmeta'. // Dialog so vremenem. 2017. № 61. S. 204-215]
- Gibbon E.* History of the decline and fall of the Roman empire. London; Edinburgh Vol. I-XII. 1815.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. London. 1830.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volumes. Vol. I-III. Edinburgh; London, 1819.
- Robertson W.* The History of the reign of the Emperor Charles V. Vol. I-III. London. 1769.
- Robertson W.* The history of America. Vol. I-IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII-XI. Edinburgh; London, 1819.

Рудковская Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; iri-rudkovskaya@yandex.ru

Microstructure of the «History of the Decline and Fall of the Roman Empire» by E. Gibbon: development of the British historiographical canon of the late Enlightenment

The article analyzes the peculiarity of the microstructure of the «History of the decline and fall of the Roman empire». Duplicate, similar, cross-segmental rubrics, which are distinguished in the complexes of rubrics in the fields of the work by E. Gibbon, are considered as markers of dedicated efforts of the researcher to systematize historical facts.

Keywords: historiographical canon of the late Enlightenment, microstructure, duplicate (DR), similar (SR), cross-segmental (CSR) rubrics

Irina Rudkovskaya, PhD (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University; iri-rudkovskaya@yandex.ru

⁴⁴ «**Digression...**» - 2/0/0/0/2; «**View...**» - 0/2/1/3/2.

⁴⁵ «**Character...**» - 4/1/3/2/42; «**Decline...**» - 2/0/0/0/6; «**Division...**» - 0/0/1/0/15; «**Establishment...**» - 0/1/1/0/7. «**Fall...**» - 3/0/0/0/7; «**Foundation...**» - 0/0/0/1/9; «**Restoration...**» - 1/0/0/0/8; «**Final...**» - 0/0/0/1/13.

⁴⁶ «**Destruction...**» - 7; «**Last...**» - 9; «**Revolution...**» - 8; «**Conclusion...**» - 4; «**Description...**» - 8.

А. А. СЫЧЕВ

ТЕОРИЯ ПРОВОЦИРОВАНИЯ М. М. БАХТИНА ОТ САМОРАСКРЫТИЯ К ДИАЛОГУ*

В статье прослеживается эволюция понятия «провоцирование» от литературоведческого неологизма до философской категории с глубинными эпистемологическими и онтологическими смыслами. Показано, что это понятие первоначально применялось М.М. Бахтиным для обозначения системы приемов, при помощи которых Ф.М. Достоевский побуждает своих героев к самораскрытию. В поздних работах Бахтин видит в провоцировании побуждение к диалогу: человеческая жизнь для него есть диалогический ответ на провоцирующие факторы. Термин «провоцирование» применим и к творчеству Бахтина, мысль которого избегает центра и концентрируется на периферийных смыслах. Эксцентрический взгляд позволяет задать дистанцию по отношению к идее и представить бесконечное число ракурсов ее рассмотрения, окончательно не оформляя ее.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, провоцирование, провокация, самораскрытие, диалог, скандал, карнавал, роман

Особенности интеллектуальной истории конца XX – начала XXI в. невозможно понять без учета влияния, которые оказали на нее работы М.М. Бахтина. Понятия «не-алиби в бытии», «полифония», «хронотоп» прочно вошли в арсенал исследователей в области литературоведения, культурологии, философии и других наук. В ряду терминологических нововведений Бахтина находится и понятие «провоцирование», которое впервые было употреблено для обозначения системы приемов, при помощи которых Ф.М. Достоевский побуждал своих героев к самораскрытию. В поздних работах Бахтина частотность употребления слова «провоцирование» возросла, а его смысловое поле – значительно расширилось. Из литературоведческого термина оно постепенно начало превращаться в философскую категорию, применяемую для обозначения широкого класса действий, связанных с поиском и раскрытием смысла, побуждением собеседника к диалогу, испытания идеи на прочность. Анализ эволюции этого понятия в работах Бахтина позволяет расширить и уточнить представления как о теоретическом наследии мыслителя в целом, так о и роли провокации в раскрытии авторской идеи.

Идея, в концентрированном виде выражающая мировоззренческую позицию автора, является необходимой составляющей любого литературного произведения. Обобщая основные содержательные аспекты

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (№ 15-03-00059 «Провокация как конфликтогенная форма взаимодействия: социологическая, социополитическая и социоморальная интерпретации»).

произведения, она обеспечивает ему концептуальную целостность. Иногда автор выдвигает идею на передний план, превращая остальные элементы произведения в средства для ее раскрытия: персонажи произносят лишь те слова и совершают только те действия, которые способствуют обнаружению идейного содержания, все образы становятся вторичными по отношению к авторскому замыслу и подаются как иллюстрации к нему. Так, в философских или социально-политических романах персонажи и их окружение оказываются необходимыми лишь в той мере, в какой они способствуют утверждению теоретических положений автора или опровержению позиций его оппонентов. В таких произведениях идея приобретает платоновский масштаб: она становится одновременно причиной и целью существования каждого художественного образа, единственной прочной реальностью художественного мира, определяющей поступки персонажей и придающей смысл их словам. Однако подобная моноидейность препятствует адекватному отображению действительности, которая намного сложнее любого авторского замысла, поскольку является не застывшим бытием, а событием взаимодействия множества независимых личностей.

В XIX в., когда художественность в литературе начала ассоциироваться с адекватным воспроизведением действительности, автор стал терять идеологическую власть над персонажами. По мере того, как жизненная правда подчиняла повествование своим законам, целостный мир произведения, объединенный авторской идеей или сконструированный по ее лекалам, распадался на самостоятельные миры героев. Перед ними раскрылись возможности для развития, характер которого зависел уже не только от воли и планов писателя, но и от их собственных потребностей, интересов, характера, воспитания, окружения и т.д. Наиболее яркое проявление эта тенденция получила в новoeвропейском романе.

Л.Н. Толстой любил упоминать о хрестоматийном случае «бунта героя», приводя слова А.С. Пушкина о Татьяне Лариной: «Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна. Она – замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее». Толстой признавался, что время от времени он тоже был вынужден изменять сюжетные линии, из-за того, что его герои начинали действовать вопреки его первоначальным желаниям и ожиданиям¹. Чем больше жизни и мастерства вкладывалось автором в героев, тем меньше возможностей влияния на них оказывалось в его распоряжении. Герои приобретали объем, яркость, индивидуальность и отказывались выступать в роли искусственных типажей или марионеток. Их свобода перестала ограничиваться желаниями автора; напротив, сам автор оказался связан в своих действиях логикой естественного развития образа. Он уже не мог заставить героев действовать вопреки этой

¹ Паустовский 1957. С. 509.

логике, не поступаясь художественными достоинствами произведения и не превращая его в философский трактат. Признав свободу героев, автору пришлось ограничить взаимодействие с ними наблюдением, описанием и оценкой. Впрочем, и здесь он располагает достаточно широким арсеналом средств для продвижения своих идей. Если его голос будет звучать убедительнее голосов героев, он может отвести их на задний план и навязать читателю свое объяснение происходящего. В этом случае свобода персонажей оказывается иллюзорной: хотя они и способны действовать по своему усмотрению, читатель воспринимает эти действия исключительно через призму авторских объяснений, оправданий или осуждений. В итоге герой продолжает служить средством для раскрытия идеи, а не целью творческой деятельности автора.

Примером последовательно авторитарного подхода к интерпретации образа героя для Бахтина представляются произведения Л. Толстого. Бахтин пишет: «Мир Толстого монолитно монологичен; слово героя заключено в твердую оправу авторских слов о нем»². Хотя центральные герои его книг, несомненно, являются личностями и действует сообразно обстоятельствам, а не прихоти писателя, объяснение мотивов их действий, целей, ценностей дано читателю автором в готовом виде и не предполагает никаких альтернативных оценок.

Чтобы художественный мир был правдивым воспроизведением мира реального, его герои должны обладать не только свободой действий, но и правом самовыражения, а слово героя выстроено так, чтобы в нем отображалось его мировоззрение, а не идеи автора. Герой свободен лишь в том случае, если его самосознание интерпретируется исключительно в его собственных словах. Однако следует признать, что герою в принципе недоступны некоторые важные моменты собственной жизни, а те, что доступны, разрознены и противоречивы. В художественной действительности автор обладает очевидным преимуществом перед героями: знает о них то, о чем те и не подозревают: помнит то, о чем они забыли, понимает где они заблуждаются, в чем переоценивают или недооценивают себя и т.д. Для того, чтобы понять героя, оформить его образ, сложить элементы его жизни в художественную систему необходим автор. Мысли и переживания, намерения и мотивы героев могут быть подробно и точно описаны и объяснены только «извне», т.е. посредством авторской речи. Итак, перед писателем, желающим правдиво отобразить жизнь, стоит заведомо противоречивая задача. С одной стороны, ему необходимо раскрыть перед читателем самосознание героя (включая те его элементы, которые самому герою недоступны). С другой стороны, он должен ограничить себя в использовании адекватных средств для описания этого самосознания – авторских слов.

² Бахтин 1997–2012. Т. 2. С. 56.

Бахтин полагает, что впервые решить задачу раскрытия сознания героя в его собственных словах в полной мере удалось только Достоевскому: «От первых и до последних страниц своего художественного творчества он руководился принципом: не пользоваться для объективации и завершения чужого сознания ничем, что было бы недоступно самому этому сознанию, что лежало бы вне его кругозора»³. В этом смысле Достоевский был не только прекрасным психологом, но и бескомпромиссным реалистом. Характерной чертой его героев является неуступчивость, способность сопротивляться чужой воле – их нельзя свести к типажам или иллюстрациям. Сам писатель не высказывает желания бороться с «бунтующими героями», не замалчивает их слов, не дает им однозначной оценки, а предоставляет им все возможности для спонтанного самовыражения. В романах Достоевского, как и в реальной жизни, личность оказывается пребывающей в постоянном изменении и развитии, т.е. незаконченной. При этом автор не только не пытается придать героям оформленный вид, а напротив, помещает в центр читательского внимания именно те противоречивые элементы личности, которые не поддаются оформлению.

Достоевский не представляет читателю зримого образа своих персонажей. Все, что нужно о себе знать, герой высказывает при помощи слов. Герой Достоевского есть, по преимуществу, голос, слово; «все же, что мы видим и знаем помимо его слова, – не существенно и поглощается словом, как его материал, или остается вне его, как стимулирующий и провоцирующий фактор ...вся художественная конструкция романа Достоевского направлена на раскрытие и уяснение этого слова героя и несет по отношению к нему провоцирующие и направляющие функции»⁴. При таком подходе основной задачей автора становится провоцирование героев к проговариванию самых заветных своих мыслей. Достоевский ставит их в такие ситуации, где им нужно постоянно вступать в диалог, спорить друг с другом, защищать себя, высказывая и испытывая в споре свою точку зрения на мир и все, происходящее в нем. При этом голоса персонажей не сливаются друг другом: их сочетание и создает уникальное полифоническое звучание произведения.

Роман должен быть выстроен так, чтобы автор говорил не о герое, а с героем – спрашивал, требовал у него ответа, провоцировал на самораскрытие в словах. «Раскрыть и изобразить его можно лишь вопрошая и провоцируя, но не давая ему предрешающего и завершающего образа»⁵. В романах Достоевского сюжет – не базовая последовательность событий, придающая произведению целостность и завершенность, а се-

³ Бахтин 1997–2012. Т. 2. С. 77.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же.

рия провоцирующих действий, призванных заставить героя раскрыться со всех сторон. В этом Бахтин видит основную причину нервности, нервозности атмосферы в романах писателя. Автор постоянно подвергает своих героев «моральным пыткам», ставит в такие ситуации, где все наносное и внешнее оказывается несущественным, создает препятствия, преодоление которых способствует их самораскрытию. «Ни один элемент такой атмосферы не может быть нейтрален: все должно задевать героя за живое, провоцировать, вопрошать, даже полемизировать и издеваться»⁶. Для провоцирования героев Достоевский конструирует конфликтные, катастрофические ситуации, сталкивает в споре различные мировоззрения. Все художественное пространство романов, включая сознание героя, становится полем для борьбы мировоззрений и идей.

Необходимостью постоянного провоцирования героев можно объяснить и непропорционально большое число скандальных ситуаций, в которые они попадают. Характер развития событий в романах Достоевского Ю.М. Лотман очень емко назвал «логикой скандала»⁷. Бахтин пишет о значении скандала на первых страницах своей работы (ссылаясь на наблюдения С.А. Аскольдова): «...личность неизбежно приходит в столкновение с внешней средой, прежде всего – во внешнее столкновение со всякого рода общепринятостью. Отсюда “скандал” – это первое и наиболее внешнее обнаружение пафоса личности – играет громадную роль в произведениях Достоевского»⁸. В мире героев Достоевского скандал возникает как нечто спонтанное, но, несомненно, он тщательно подготавливается автором как способ «выпытать» новую информацию о герое. Здесь автор выступает в роли литературного провокатора, режиссирующего скандалы, всячески способствующего их эскалации и вовлечению в них все большего количества персонажей. Скандал – не просто элемент сюжета, а такой способ провоцирования героев на самораскрытие, при котором не только свидетели скандала, но и сами герои узнают о себе нечто новое и неожиданное. Он придает действию напряженность и драматичность, позволяя на какое-то время преступать границы общепринятых норм поведения и обнажать истинные мотивы действий, срывать покровы с ранее скрываемых тайн, разоблачать виновников, воскрешать забытые противоречия и конфликты.

Бахтин исходил из предположения, что в основании всякого скандального поведения обнаруживается событие «отрешенное от предания, от пиететного восприятия, от осмысления высокой необходимости... событие профанное и профанирующее»⁹. Скандал возникает при столк-

⁶ Там же. С. 55.

⁷ Лотман 1992. С. 237.

⁸ Бахтин 1997–2012. Т. 2. С. 18.

⁹ Бахтин 1997–2012. Т. 6. С. 342.

новении личности с общепринятыми правилами и условностями. В нем проявляются истинные внутренние установки человека, не завуалированные нормами, предписаниями, приличиями (в этом проявляется родство скандала с карнавальным мироощущением с его увенчаниями, разоблачениями и провокациями). А.Б. Криницын пишет о роли скандалов в самораскрытии персонажей: «...Достоевский не может или не хочет представить нам героя посредством непосредственного авторского анализа или внутренних монологов. Герой может показать себя только в общении с другим, которое, при наличии двух и более людей непременно оборачивается скандалом»¹⁰. В этом смысле изучение скандалов может служить ключом для понимания сущности провоцирования.

В последующих работах Бахтин поместил идеи о провоцировании в более широкий исторический контекст, противопоставив монологическую линию развития литературы, представленную эпосом, диалогической, представленной новоевропейским романом. Герой эпоса, по Бахтину, – человек завершённый, реализованный, совпадающий с собой, воплощающий единственно верную и обязательную для всех истину. «В нем нечего искать, нечего угадывать, его нельзя разоблачать, нельзя провоцировать: он весь во вне, в нем нет оболочки и ядра»¹¹. Роман разрушает эпическую дистанцию – его герой приобретает динамику, он не исчерпан, не равен себе.

Особенности романа (в т.ч. наличие в нем провоцирующего момента) Бахтин объясняет, выявляя его историко-культурные корни. Важным источником романа, сыгравшим решающую роль в процессе его генезиса, по мнению Бахтина, является народная смеховая культура. Смех гораздо шире скандала, он помещает человека в зону фамиллярного контакта, позволяя избавиться от пиетета и страха, разоблачить видимость и раскрыть истинную сущность. В этом смысле смех можно назвать квинтэссенцией провокативности. Смех является универсальным способом раскрытия характера человека. У Достоевского об этом убедительно говорит герой «Подростка», представляя свои наблюдения «одним из серьезнейших выводов из жизни»: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. ...Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони»¹².

Если смех обнажает, изобличает человека, то серьезность, напротив, является способом утаивания характера, намерений, чувств, мнений. Бахтин понимает смех как полюс изменений, незаконченности, неопределенности, а серьезность – как полюс статики, завершенности,

¹⁰ Криницын 2016. С. 421.

¹¹ Бахтин 1997–2012. Т. 3. С. 637.

¹² Достоевский 1975. С. 235.

готовности. Смех можно сравнить с человеком, взятым в движение (самый яркий пример – ярмарочный акробат, который «крутится колесом», демонстрируя разные ракурсы тела), а серьезность – с его же парадным изображением. За смехом ничего нельзя спрятать – он разоблачает, показывает человека со всех сторон, высвечивает его суть, в то время как за серьезностью – заслугами, погонями, регалиями очень легко скрыть все, что угодно. Поэтому под маской серьезности часто скрывается пустота, ложь, лицемерие, фальшь.

Идею о провоцирующем характере смеха Бахтин, вероятно, развивал в статье «Сатира» (1940) для «Литературной энциклопедии». Том энциклопедии не вышел в свет, не обнаружен и текст статьи в окончательной редакции. Однако сохранилось письмо редактора тома, где указаны замечания, среди которых есть и такое: «Не совсем ясным осталось для меня “провоцирование” как момент сатиры»¹³. Это замечание относилось к многозначности и неканоничности термина, но в сатире (особенно идеологически нагруженной сатире Нового времени) провоцирование, действительно, выражено гораздо слабее, чем в стихии народного смеха. С этой точки зрения для понимания провоцирования более важен анализ карнавальной культуры, предпринятый Бахтиным.

Карнавал провоцировал участников на временный выход за пределы серьезной жизни, освобождал их от страха перед авторитетом. Все официальное и серьезное в карнавале развенчивалось и унижалось: осмеивались лица, наделенные властью, профанировалось священное. Духовное и материальное менялись местами: сексуальность и непристойность не только позволялись, но и поощрялись. Карнавал возводил в норму отсутствие всяких норм, он принуждал к осмеянию, требовал нарушения приличий. В сущности, карнавал представлял собой масштабную систему провокаций, возведенных в статус культурного института. Все его элементы были нацелены на то, чтобы на время убрать цивилизационные напластования, и показать его участников такими, какими они были на самом деле, а не такими, какими желали казаться. Фактически карнавал предполагал не одевание масок, а срывание их.

Во втором издании книги о Достоевском Бахтин выявляет карнавальные корни его романов: он полагает, что роман, несмотря на весьма отдаленную и опосредованную связь с народной смеховой культурой, все же сохраняет в себе карнавальную «закваску». Читатели и критики, отмечает он, разучились распознавать карнавальное начало в романах, воспринимая их образы как исключительно серьезные и односторонние.

Предшественниками диалогического романа Достоевского Бахтин называет сократический диалог и мениппову сатиру. Сократический диалог вырос непосредственно на народном карнавальном субстрате и

¹³ Бахтин 1997–2012. Т. 5. С. 406.

унаследовал основные характеристики смехового отношения к действительности. Проверая на прочность расхожие мнения, он разоблачал устойчивые заблуждения при помощи диалектики, иронии и провокации. Результатом таких споров было очищение знания от обмана, заблуждений, ложного пафоса и догматизма. Бахтин пишет: «В сократических диалогах диалогический способ искания истины противопоставлялся официальному монологизму, претендующему на обладание готовой истиной. Сократ – “сводник”: он сводит людей и провоцирует на спор, в результате которого рождается истина»¹⁴. В сократовском диалоге особый интерес представляет прием, называемый анакризой: в нем объединены различные «способы вызывать, провоцировать слова собеседника, заставляя его высказать свое мнение до конца. Сократ был великим мастером такой анакризы: он умел заставить людей говорить, облекать в слово свои темные, но упрямые предвзятые мнения, освещать их словом и тем самым разоблачать их ложность или неполноту; он умел вытаскивать ходячие истины на свет божий. Анакриза – это провоцирование слова словом же»¹⁵. Человек наилучшим образом проявляет свои преимущества и недостатки в своем слове, взаимодействующем с таким чужим словом, которое требует ответа. Сократ «будил, уговаривал, упрекал»¹⁶, т.е. беспокоил, провоцировал ответную реакцию собеседников. Провокация Сократа способствовала, с одной стороны, раскрытию ограниченности знания его собеседников, с другой – осознанию возможности преодолеть эту ограниченность. При этом Сократ не навязывал собеседникам своих представлений об истине, предоставляя им возможность прийти к ней самостоятельно. С этой точки зрения анакриза была толчком не только к самораскрытию, но и к самопониманию.

На основании сохранившихся фрагментов и свидетельств Бахтин реконструирует жанр менипповой сатиры (мениппеи), развивавший традиции диалогической философии. Ее целью было испытание и разоблачение идей при помощи «экспериментально-провоцирующих» техник: фантастики, осмеяния и т.д. В отличие от сократического диалога, где слово провоцировалось словом, в мениппее герой (точнее, идея, выраженная в нем) провоцировался сюжетом. «Важнейшая особенность жанра мениппеи состоит в том, что самая смелая и необузданная фантастика и авантюра внутренне мотивируются, оправдываются, освящаются здесь чисто идейно-философской целью – создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи – слова, правды, воплощенной в образе мудреца, искателя этой правды»¹⁷. Истинность философского слова испытывается в необычной, исключи-

¹⁴ Бахтин 1997–2012. Т. 6. С. 331.

¹⁵ Бахтин 1997–2012. Т. 6. С. 15.

¹⁶ Платон 1990. С. 85.

¹⁷ Бахтин 1997–2012. Т. 6. С. 129.

тельной жизненной ситуации. По этой причине герой мениппеи оказывается в преисподней, на небесах, в экзотической стране или в прошлом и т.д. В дальнейшем эта тенденция испытания философии жизнью (провоцирования героя сюжетом) в реалистическом направлении была развита в европейском романе. Сократовский диалог и мениппея – формы серьезно-смеховой литературы, постоянно подпитывавшиеся карнавальной стихией народной смеховой культуры, традиции которой во время их существования были живы. Они оказывали влияние на литературу вплоть до эпохи Возрождения (их, как показал Бахтин, широко использовал Ф. Рабле). К началу Нового времени карнавальный смех потерял свою универсальность и сошел с авансцены европейской истории. Однако карнавальное начало сохранилось в романе – пусть в ослабленной и редуцированной, но все же узнаваемой форме.

Бахтин видел в карнавале не просто культурную практику, но важную часть жизни человека, имевшую универсальное значение: «карнавал был не художественной театрально-зрелищной формой, а как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, а в которой жили почти на самом деле (на срок карнавала)»¹⁸. Карнавал был самой жизнью, а смех выполнял жизнеутверждающую функцию. Ассоциируясь с ростом и изменением, смех символизирует жизнь как таковую. В этом контексте можно объяснить тенденцию к расширению контекста употребления Бахтиным термина «провоцирование». В поздних работах он видит в нем не столько способ раскрытия характера, сколько побуждение к жизни. Критерием жизни, как известно, является способность соответствующим образом реагировать на внешние факторы – свет, температуру, прикосновения. Человек – это существо, наделенное речью, и человеческая жизнь, в отличие от жизни животной, есть еще и способность реагировать на внешние воздействия при помощи слов. Отвечая на запросы окружения, он вступает в диалог: жизнь человека – это диалогический ответ на провоцирующие факторы. Всякое живое слово внутренне диалогично: «оно провоцирует ответ, предвосхищает его и строится в направлении к нему»¹⁹. Если слово, обращенное к человеку, не подразумевает ответа, значит адресат низводится до вещи: «Одно дело активность в отношении мертвой вещи, безгласного материала, который можно лепить и формировать как угодно, и другое – активность в отношении чужого живого и полноправного сознания. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т.п., т.е. диалогическая активность»²⁰. Здесь провоцирование рассматривается в широком смысле – как онтология филологии, важная для понимания методологии наук о человеке.

¹⁸ Бахтин 1997–2012. Т. 4(2). С. 16.

¹⁹ Бахтин 1997–2012. Т. 3. С. 33.

²⁰ Бахтин 1997–2012. Т. 5. С. 342.

Термин «провоцирование» у Бахтина эволюционирует от литературоведческого неологизма до философской категории с глубинными эпистемологическими (испытание философской идеи на истинность) и онтологическими (диалог как выражение человеческого существования) смыслами. В ходе этой эволюции расширяется адресная сфера провоцирования. Сначала оно рассматривается как способ раскрытия характера литературного персонажа, испытание подлинности философской идеи, затем – как побуждение к диалогу и проверка человечности.

Термин «провоцирование» вполне применим и к работам Бахтина, очевидным и преимущественным достоинством которых является не столько фактологическая строгость, сколько способность провоцировать диалог и побуждать в читателях творческую активность. Действительно, «из всего небедного на таланты русского XX века только Бахтин вызвал такой *разнообразный* резонанс, только Бахтин породил подлинную гетеротопию смыслов. Почему? Почему он, а не Бердяев, не Шестов, не формалисты, не Эйзенштейн и не Мандельштам? Почему он странным образом провоцирует наибольшее количество «завершений», которые совсем не согласуются друг с другом? Здесь, по-моему, секрет Бахтина – и здесь его главная проблема»²¹.

Стиль философствования Бахтина выходит за пределы общепринятых стандартов. Его тексты не содержат безапелляционных суждений и окончательных вердиктов: они открыты для различных интерпретаций. Выстраивая свои концепции, Бахтин предпочитал останавливаться в шаге от их завершения, предоставляя возможность читателям додумывать их самостоятельно и делать собственные выводы. Используемые им понятия далеки от терминологической строгости, а их значения сильно зависят от контекста. Особенности стиля философствования Бахтина во многом обусловлены характером развития гуманитарной науки того периода, когда начала складываться теоретическая основа его концепций. Область исследований на границе философии и филологии в то время изобиловала белыми пятнами, а в теории литературы еще не было выработано общепризнанной терминологии. Не менее оригинальными и столь же далекими от строгости были термины его современников и оппонентов: В.Б. Шкловского (ощутимость, остранение), Ю.Н. Тынянова (мотивировка, деформация). Ведущие теоретики этого поколения изъяснялись на языке научной революции, оппозиционном к устоявшейся культурно-исторической парадигме. Дополнительную оппозиционность идеям Бахтина придало то, что они получили известность с явным опозданием – в ситуации «нормальной науки», где они воспринимались уже как чересчур вызывающие (например, концепция «материально-телесного низа» или образ «рожающей смерти»).

²¹ Липовецкий 2006. С. 7.

Сам Бахтин демонстративно дистанцировался от стандартов, заданных официальной наукой, провоцируя оппонентов на дискуссию. Позицию последних наиболее адекватно передают слова, высказанные на диспуте в ходе защиты диссертации Бахтина о Франсуа Рабле: «некоторые положения автора кажутся спорными из-за несколько необычной и очень оригинальной, а потому не всегда удачной терминологии»²² (слово «провоцирование», несомненно, находилось в ряду этих терминов). Характеристика собственного творчества выражена Бахтиным в выступлении на той же защите не менее однозначно: «Я считаю мою книгу, действительно, революционной, она что-то ломает, пытается создать что-то новое, ломает в нужном, прогрессивном направлении... Я могу быть революционером, как ученый»²³. Собственно, ученый, полагал он, и обязан быть революционером, поскольку настоящая наука – это поиск новых путей (в т.ч. в области методологии и терминологии), а не путешествие по искоженным дорогам.

Кроме того, ряд важных особенностей научного стиля Бахтина сформирован под влиянием его представлений о специфике гуманитарного знания. Он предпочитал не использовать устойчивую систему категорий «нормальной науки», поскольку во всем завершенном и канонизированном усматривал признаки деградации, окостенения, умирания. Жизнь для него – диалогическое общение, непрерывное возрождение и изменение, которые по определению не могут поместиться в узких рамках концепций. Гуманитарные науки, в отличие от естественных, должны не только систематизировать факты и выводить общие законы. Их основная цель – провоцировать самостоятельное мышление. С этой точки зрения, частое употребление терминологических неологизмов и неожиданных аналогий в текстах Бахтина – закономерное явление.

К концу XX в. работы Бахтина получили широкую известность, и его термины, с их спорностью, многоплановостью и незавершенностью, стали частью методологического инструментария многих исследователей. Язык Бахтина сложно использовать для описания фактов и общих законов или для формулирования выводов, но он идеально подходит для провоцирования интереса читателя: приглашения его к диалогу, спору, размышлению. Авторы предисловия к сборнику, посвященному литературной теории Бахтина, пишут так: «Неопределенность и открытость, которая характеризует его теоретические и философские работы... провоцировали и продолжают провоцировать как восторженную имитацию, так и скептический критицизм»²⁴. В.С. Библер, рассматривавший бахтинские идеи в широком культурном контексте, утверждал: «Не некий вклад в “культурологию”, или в “филологию”, или в “изучение творче-

²² М. М. Бахтин: pro et contra... 2001. С. 378.

²³ Бахтин 1997–2012. Т. 4(1). С. 1064.

²⁴ Bakhtin's Theory... 2010. С. III.

ства Достоевского” особенно значим в наследии Бахтина, но та провокация иных “фигур” мышления, иных “единиц” мышления, что осуществлена автором “Проблем поэтики Достоевского” (осуществлена, конечно, для тех, кто имеет уши и у которых отверсты глаза); та провокация, что сама спровоцирована была реальными сдвигами мышления (“форм мышления”) на грани XX века, в первую четверть XX века»²⁵.

Важная особенность рецепции работ Бахтина связана с тем, что почти каждый читатель рано или поздно «наталкивается» в них на мысли, которые созвучны его собственным представлениям о предмете исследования и создают иллюзию понимания главной идеи автора. Неясные и многозначные высказывания начинают упорядочиваться, складываться в систему, и читатель вычитывает в них подтверждение этой идее, игнорируя все, что ей противоречит. Из проблемных фрагментов бахтинских текстов выстраиваются концепции, позволяющие интерпретировать все высказывания Бахтина в одном регистре: социологическом или историческом, литературоведческом или философском, формалистском, марксистском или постструктуралистском. При этом количество концепций в перспективе так же бесконечно, как и число читателей.

Бахтин последовательно придерживался весьма специфической исследовательской методологии (кроме тех случаев, когда ему приходилось учитывать требования рецензентов или редакторов). Как правило, центральные идеи Бахтина достаточно многозначны (например, «событие бытия»), или представляют нечто фрагментарное, с трудом поддающееся реконструкции (например, «мениппея»). В фокусе исследования обычно находятся понятия без терминологического значения, не канонизированные и допускавшие множество интерпретаций («событие», «полифония», «смеховая культура» и т.д.). Вместо того, чтобы дать четкое определение каждому понятию (т.е. очертить границу, поставить предел), Бахтин описывал возможные направления развития понятия на границах и за границами его смысла, не доводя ни один из вариантов описания до логического завершения. В ходе описания основных концептов автор пытался наметить все варианты разворачивания смыслов, включая противоречащие друг другу (отсюда «амбивалентность», «серьезно-смеховое», «рожающая смерть»). Это особенно заметно в рабочих заметках, где «внутренние противоречия Бахтина не сглажены и не замаскированы, как в работах, приготовленных для публикации. Они бросаются в глаза как принципиальное свойство его мышления, одновременно двигающегося в логически несовместных направлениях. Эти противоречия раздражают и беспокоят читателя, они провоцируют несогласие и тем самым подрывают гипнотическую власть дискурса»²⁶.

²⁵ Библер 1991. С. 26.

²⁶ Липовецкий 2006. С. 7.

Бахтин не определял, а проблематизировал; вместо завершенной и непротиворечивой концепции он предлагал описание открытой проблемы, предполагающей множество взаимоисключающих решений.

Подобную методологию (по аналогии с подходом, предложенным Х. Плеснером) можно назвать эксцентрической. Мысль Бахтина, избегая центра, концентрируется на смыслах, которые находятся на периферии. Эксцентрический взгляд позволяет задать дистанцию по отношению к центральной идее и представить бесконечное множество ракурсов ее рассмотрения, окончательно не оформляя саму идею. Каждый из заданных автором ракурсов представляет из себя не определение предмета исследования, а указание на путь, ведущий к раскрытию какой-либо из его граней. Иными словами, Бахтин не дает ответы, а ставит вопросы. Правильно поставленный вопрос (который заключает в себе половину ответа) провоцирует читателя на самостоятельное раскрытие возможных смыслов. Многие исследователи считают эти особенности текстов Бахтина основополагающими для понимания его влияния на современное гуманитарное знание. Особо отмечается «провокативно-освободительная роль мысли Бахтина, ее способность преодолевать дисциплинарную ограниченность научного знания... Не последнюю роль, вероятно, играет то, что освобожденная бахтинскими “провокациями” мысль респондента может тут же подвергнуть критике какой-нибудь из концептов самого же Бахтина»²⁷. Бахтин, впрочем, не просто предполагает возможность критики, но, сознательно ее провоцирует, замечая, что «сомнения и возражения они меня только радуют и приятны. Хуже всего было бы то, чего я боялся (к счастью, моя боязнь не оправдалась) – это желание равнодушно отмахнуться»²⁸.

Традиционный подход к смыслу задан Аристотелем, который утверждал, что «иметь более одного смысла – значит вообще не иметь смысла»²⁹. Бахтин – сторонник совершенно другого подхода. Он пишет: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла»³⁰. Смысл не задается автором, а возникает в диалогическом общении автора и героя. Провокация в этом контексте является способом выявления смысла, поскольку без вопроса никакого ответа быть не может. То, что не отвечает ни на какие провокации – мертво, лишено смысла. Такой подход придает трудам Бахтина особое личностное измерение. Он не просто предоставляет читателям информацию, а побуждает к рассуждениям, стимулирует диалог, провоцирует их на собственные решения намеченных автором проблем.

²⁷ Маркович 2006. С. 39.

²⁸ Бахтин 1997–2012. Т. 4(1). С. 1055.

²⁹ Аристотель 1976. С. 187.

³⁰ Бахтин 1997–2012. Т. 6. С. 409.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997–2012.
- Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. 169 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. 455 с.
- Кривицын А.Б. Поэтика и семантика скандала в поздних романах Ф. М. Достоевского // Преподаватель. XXI век. 2016. № 2. С. 407–422.
- Липовецкий М., Сандомирская И. Как не «завершить Бахтина»? НЛЮ. 2006. № 79. С. 7–38.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 480 с.
- М.М. Бахтин: pro et contra: антология. В 2 т. Сост. К.Г. Исупов. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. 538 с.
- Маркович В. О Бахтине «подлинном» и Бахтине «реальном» НЛЮ. 2006. № 79. С. 39–49.
- Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т.2. М.: Гослитиздат, 1957. 704 с.
- Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
- Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives. Ed. by N. Bemong et al. Gent : Academia Press, 2010. 227 p.

REFERENCES

- Aristotel'. Sochinenija: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1976. 550 s.
- Bahtin M.M. Sobraenie sochinenij: V 7 t. M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskih kul'tur, 1997–2012.
- Bibler V.S. Mihail Mihajlovich Bahtin, ili Pojetika kul'tury. M.: Progress, 1991. 169 s.
- Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. T. 13. L.: Nauka, 1975. 455 s.
- Krivicyn A.B. Pojetika i semantika skandala v pozdnih romanah F. M. Dostoevskogo // Prepodavatel'. XXI vek. 2016. № 2. S. 407–422.
- Lipoveckij M., Sandomirskaja I. Kak ne «zavershit' Bahtina»? NLO. 2006. № 79. S. 7–38.
- Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1. Tallin: Aleksandra, 1992. 480 s.
- M.M. Bahtin: pro et contra: antologija. V 2 t. Sost. K.G. Isupov. T. 1. SPb.: RHGI, 2001. 538 s.
- Markovich V. O Bahtine «podlinnom» i Bahtine «real'nom» NLO. 2006. № 79. S. 39–49.
- Paustovskij K.G. Sobraenie sochinenij: V 6 t. T.2. M.: Goslitizdat, 1957. 704 s.
- Platon. Sobraenie sochinenij: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1990. 860 s.
- Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives. Ed. by N. Bemong et al. Gent : Academia Press, 2010. 227 p.

Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета; sychevaa@mail.ru

M. Bakhtin's Theory of Provocation: from Self-disclosure to Dialogue

The article traces the evolution of the concept of provocation in the works of Mikhail Bakhtin: from the literary neologism to the philosophical category with profound epistemological and ontological meanings. It is shown that this concept was originally used by Bakhtin to denote the system of tools which helped Fyodor Dostoyevsky to make his characters disclose themselves. In his later works Bakhtin sees in provoking a stimulus for dialogue: human life is a dialogical response to provoking factors. Moreover, the term “provocation” is applicable to Bakhtin's works, whose thought is concentrated on the meanings existing not in the center, but on the periphery. This eccentric view allows to set a distance in relation to the central idea and propose an infinite number of views about it, without formulating it.

Keywords: M.M Bakhtin, provocation, self-disclosure, dialogue, scandal, carnival, novel

Andrey Sychev, PhD, professor, professor of philosophy department of National Research Mordovia State University, sychevaa@mail.ru

ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

Е. А. РОСТОВЦЕВ, Д. А. СОСНИЦКИЙ

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ВЕЛИКИЙ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ¹

Основные черты мифа о князе Владимире Святославиче остаются неизменными уже много веков. Традиция панегирического восхваления князя-крестителя берет начало в XI в. и продолжается до сих пор. В статье прослежен путь формирования «мифа» о Владимире Святославиче с эпохи средневековья до начала XX в., показано его место в пантеоне российских национальных героев. Охарактеризованы основные черты образа князя в массовом историческом сознании россиян, сформированные посредством летописной и устной традиции, художественной и публицистической литературы, монументальной скульптуры и периодической печати.

Ключевые слова: Владимир Красно Солнышко, Владимир Святославич, Владимир Святой, Крещение Руси, историческая память, историческая политика

Сегодня мы наблюдаем всплеск интереса к князю-крестителю Владимиру как объекту исторической политики и идеологии². В литературе обращается внимание на различные инструменты этой политики и источники формирования памяти – ордена³, иконопись⁴, историческую живопись⁵, литературную традицию⁶ и др. Современные «философы», ориентированные на политический заказ власти, выдают замечательные по своей глубине пассажи, которые наглядно свидетельствуют об актуализации личности князя в политическом дискурсе:

«Его образ в массовом сознании россиян связан с началом становления России как великой христианской державы. Само имя Владимир в русском языке связано с идеей власти над миром, подразумевает сильного действующего политического лидера. Семантическое поле понятия мир широко, но его стержнем выступает идея солидарности, объединяющего начала во имя высшей сакральной цели, которая становится основой национальной идеи народа, а затем и его государства. Среди его носителей можно назвать такие яркие фигуры, как Владимир Ильич Ленин (идеология социалистического государства), Владимир Владимирович Путин (идеология правового государства), Владимир Красно Солнышко – символ единого славянского государства, созданного его объединительными усилиями на основе христианских идеалов мира и согласия, заменивших вражду и

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект «“Мобилизованное средневековье”»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

² Сосницкий 2014; Белоусов, Куропатова 2015; Смирнов 2015; Толочко 2015.

³ См., напр.: Шмелева 2015. С. 139.

⁴ Зрелых 2015.

⁵ Петрова 2014.

⁶ Подгорная 2014.

межплеменные конфликты. Именно с него, представителя правящей династии Рюриковичей, начинается формирование русской идентичности как особого духовного уклада, комплекса идей, обеспечивающего нравственное и политическое единство новой исторической общности – русского народа»⁷.

Между тем, другая разновидность патриотически настроенных исследователей приходит совсем к иному выводу – Владимир предстает как сын еврейки, внедренный врагами в княжескую семью, насильственно насаждающий чуждую славянам авраамическую религию⁸. Так или иначе древний герой оказывается востребованным в современных политических и публицистических спекуляциях. В этом контексте вполне актуальна и задача данной статьи – рассмотреть этапы конструирования образа князя Владимира в массовом историческом сознании и выдвинуть аргументированные предположения о перспективах Владимира Святого как инструмента исторической политики.

Средневековый образ: жертва информационной войны?

В литературе давно и плодотворно изучаются источники и характер конструирования представлений о Владимире Святом⁹. Напомним, что первоначальными источниками формирования образа Владимира Святого являются древнерусские летописные памятники. Впервые имя Владимира упоминается в произведениях XI века – «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона и «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха. В XI в. были созданы «Чтения о Борисе и Глебе» и житие князя, появившееся уже в «Начальном летописном своде». Первые же тексты задают основные черты образа Владимира – доброту, нравственность, государственный ум и т.д. При этом уже Илларион указывает на принципиальную разницу между Русью языческой и Русью христианской и превосходство Владимира над предшественниками – князьями Святославом и Игорем. Бесспорно, что еще в XI в. утверждается традиция «национального почитания» Владимира Святого¹⁰. С этого времени церковные коммеморации поддерживали образ Владимира как столпа российской государственности¹¹, хотя, вероятно, церковная канонизация Владимира относится к более позднему времени¹².

Вместе с тем в начальный период формирования образа князя есть немало загадочного. В литературе даже выдвигаются предположения о Владимире как жертве «информационной войны», развязанной Византией и ее ставленниками на русской митрополичьей кафедре. Согласно

⁷ Есина 2014. С. 130-131.

⁸ Аналитический обзор этой литературы см.: Шиженский 2009.

⁹ Наиболее фундированный анализ историографии и обзор источников см. в фундаментальной монографии: Милютенко 2008.

¹⁰ Кириллин 2014.

¹¹ Василик 2015.

¹² См.: напр.: Федотов 1999; Свердлов 1998. С. 87.

этой точке зрения, в русской агиографической традиции с XII в. утверждается ложный образ князя, которому вера была предложена извне; на деле же ситуация была совсем иной: «князь Владимир <...> нашёл в себе смелость поступать в соответствии с собственным, не обусловленным извне видением насущных нужд своего государства и своей Церкви, <...> смог уберечь христианскую Русь от угрозы имперской вассальной зависимости»¹³. Очевидно, однако, что при относительной скудости источников любая трактовка личности и воли Владимира Святого является, прежде всего, результатом последующей политики памяти. Другое дело, что «присвоенный» церковью Владимир действительно стал «жертвой» в том смысле, что с началом секуляризации культуры и исторического сознания в новое время оказался в невыигрышном положении в сопоставлении с другими государственными лидерами, чья слава в сознании увязывалась с мотивами воинской доблести или государственного строительства.

Однако для средневековой религиозной ментальности фигура равноапостольного князя являлась центральной в формировании представлений о прошлом. В XIV в. образ Владимира был визуализирован – в Сильвестровском сборнике помещено изображение сцены отправки князем Владимиром сына Бориса в поход против печенегов. В конце XIV в. многочисленные миниатюры с изображением князя Владимира появляются в Радзивиловской летописи¹⁴. К началу XV в. определился набор посвященных Владимиру текстов, вошедший в Великие Минеи Четьи, а в середине XVI в. была создана новая редакция жития святого князя для Степенной книги¹⁵. Напомним, что созданная в царствование Ивана Грозного Степенная книга в определенной мере стала для XVI–XVII вв. официальной версией русской истории. Она не только начинала исчисление степеней с Владимира Святого, но и отводила равноапостольному князю в два раза больше места, чем персонажам, выстраивавшим непосредственно Московское царство (Ивану III, Василию III и самому Ивану IV), не говоря уже о других предшественниках¹⁶. Образ Владимира активно эксплуатировался Иваном IV и другими московскими царями как во внутренней политике, наряду с образами его сыновей Бориса и Глеба¹⁷, так и во внешней. Имя Владимира активно использовалось Россией в борьбе за «киевское наследство» с ВКЛ и Ливонским орденом, а затем с Речью Посполитой¹⁸. Важным успехом на

¹³ Первушин 2016. С. 32.

¹⁴ Преображенский. Владимир (Василий) Святославич...

¹⁵ См., напр.: Кириллин 2014. Ср.: Сиренов 2010. С. 85–86.

¹⁶ Книга Степенная царского родословия. *Часть первая...*

¹⁷ Абраменко 2011.

¹⁸ См., напр.: Филюшкин 2013. С. 150–151, 158–159.

этом пути стало обретение Москвой в 1630-х гг. части мощей св. Владимира, помещенных в Успенском соборе (с тех пор они остаются разделенными между Киевом и Москвой)¹⁹. Интересно, впрочем, что и на Украине XVII в. культ князя-крестителя Владимира был основой собственной, отличной от московской, православной идентичности²⁰. Важно, что канонизация и церковное почитание князя в восточнославянских землях не мешали весьма вольной, иногда критической, хотя в целом уважительной («Красно Солнышко») интерпретации его образа в текстах восточнославянского былинного эпоса, формирование которого в известном нам виде исследователи относят к XIV–XV вв.²¹

Таким образом, Владимир долгое время оставался центральным персонажем культурной памяти и официальной историографии, хотя постепенно его начинают теснить герои Северо-Восточной и Московской Руси. Действительно, уже в эпоху Ивана IV власть, наряду с Владимиром, активно эксплуатирует образы двух великих победителей врагов России – Александра Невского и Дмитрия Донского. Характерно, что такой важнейший для конструирования национальной памяти текст второй половины XVII в., как Синописис, отводит подвигу Дмитрия Ивановича Донского, связанному с освобождением от татарского ига, уже больше места, чем деяниям Владимира Святославича²².

Однако решительно процессу умаления роли Владимира в исторической памяти способствовала только петровская секуляризация и новый взгляд на историю в историографии XVIII в. Крайне важный для массового сознания «Краткий Российский Летописец» М.В. Ломоносова о легендарном Владимире повествует, как и о других домонгольских владыках, справочно и лапидарно, с одной стороны, основное внимание уделяя московским князьям и царям, с другой, в рамках антинорманистской парадигмы, удревяя русскую историю и отказываясь считать приход к власти Рюриковичей точкой ее отсчета²³. Историография и литература XVIII – начала XIX в. начинает создание еще двух образов – Ивана III Великого (основателя великорусского государства) и Ивана IV Грозного, ставшего главной «болью» русской памяти второй половины XVIII – начала XX в.²⁴ Все эти перемены делают Владимира частным, хотя пока и очень важным объектом мемориального ландшафта россиян. Один из наиболее популярных поэтов XVIII в. М.М. Херасков выражал эту тенденцию со всей полнотой, с одной стороны, создав яр-

¹⁹ Судьба мощей князя Владимира...

²⁰ Синкевич 2017.

²¹ Азбелев 2004. С. 32.

²² Синописис или краткое собрание от различных летописцев...

²³ Ломоносов 1760. С. (3-4).

²⁴ Мутья 2010; Леонтьева 2007; Platt 2011; Филюшкин 2016.

кий панегирический образ князя, в отдельной посвященной ему поэме, с другой, представив его весьма скромно в общем ряду героев своей главной исторической поэмы «Россияда»²⁵.

В конкуренции с Александром:

Владимир в позднимперском мемориальном дискурсе

Перелом в историческом сознании рубежа XVIII–XIX вв. формирует образ «древней» и «новой» послепетровской России, в результате чего «домосковская Русь» становится своеобразным легендарным предисловием к предыстории истории Новой России. В общественном сознании XIX – начала XX в. она уже не была прямо связана с современностью, все герои этого периода воспринимаются как персонажи «золотого века» и места консенсуса, в абсолютном большинстве положительного²⁶, но актуализация героев ранней древности в литературной и общекультурной традиции постепенно снижается. Из персонажей допетровского времени наибольшую популярность получает первый по хронологии конфликтный объект – царь Иван Васильевич Грозный²⁷.

Впрочем, Владимир I в официальном дискурсе и народной памяти по-прежнему занимает ведущие позиции среди домонгольских героев. Однако и в рамках «домосковского предисловия» его основным конкурентом выступает другой святой – Александр Невский, позиции которого усиливаются. Оба персонажа играют важную роль в идеологии и исторической мифологии русского самодержавия. Если образ Владимира – важный инструмент в конструировании «общерусского» единства и борьбы с украинским сепаратизмом, то Александр – символ величия империи, ее новой столицы, победы над Западом как основным геополитическим оппонентом²⁸. Из *Таблицы 1* видно, что князь Владимир все же имел более предпочтительное положение в информационном пространстве пореформенной России и рейтинге памяти допетровских объектов благодаря, главным образом, художественным нарративам. Комментируя эту таблицу, также отметим, что массовость упоминаний имени князя в прессе связана с большим количеством храмов и церковных коммемораций, в названиях которых оно присутствовало, а также с тем, что еще в 1782 г. был учрежден Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира. Из деятелей русского средневековья, кроме Владимира, «своего» ордена удостоился только его «основной конкурент» Александр Невский. Орденом св. Владимира награждались военные и гражданские деятели. Среди его кавалеров П.А. Валуев, С.Ю. Витте, В.И. Даль, Д.И. Менделеев и многие другие.

²⁵ См.: Херасков 1809; 1807. С. 161.

²⁶ См. подробнее: Сосницкий 2015.

²⁷ Сосницкий 2015. С. 195.

²⁸ См.: Шенк 2007; Кривошеев, Соколов 2012.

Таблица 1. Сравнительная таблица популярности локальных объектов исторической памяти о допетровской Руси в проанализированных источниках (1850–1917 гг.)²⁹

R	Художественная литература	Публицистическая литература	Периодическая печать	Кино	Монументальная скульптура ³⁰
1.	Иван Грозный	Иван Грозный	Владимир Святой	Иван Грозный	Владимир Святой (1-5)[1-2]
2.	Владимир Святой	[2–7] Татаро-монгольское иго	Иван Грозный	[2–10] Борис Годунов	Княгиня Ольга (1-5) [3-7]
3.	Дмитрий Донской	[2–7] Владимир Святой	[3–4] Борис Годунов	[2–10] Лже-дмитрий I	Дмитрий Донской (1-5) [3-7]
4.	Татаро-монгольское иго	[2–7] Земские соборы	[3–4] Александр Невский	[2–10] Малюта Скуратов	Ермак (1-5) [1-2]
5.	[5-10] Опричнина	[2–7] Иван Калита	Алексей Михайлович	[2–10] Смута	Богдан Хмельницкий (1-5) [3-7]
6.	[5-10] Князь Игорь	[2–7] Иван III	[6–9] Игорь Новгород-Северский	[2–10] Минин и Пожарский	Крещение Руси (6-10) [8-10]
7.	[5-10] Ярослав Мудрый	[2–7] Церковный Раскол	[6–9] Ермак	[2–10] Владимир Святой	Александр Невский (6-10) [8-10]
8.	[5-10] А.М. Курбский	[8–10] Степан Разин	[6–9] Рюрик	[2–10] Степан Разин	Иван Федоров (6-10) [8-10]
9.	[5-10] Святослав	[8–10] Александр Невский	[6–9] Никон	[2–10] Дмитрий Донской	Минин и Пожарский (6-10) [3-7]
10.	[5-10] В. Шуйский	[8–10] Дмитрий Донской	Иван III	[2–10] Ермак Тимофеевич	Иван Сусанин (6-10) [8-10]

В контексте реализации «общерусского» проекта не удивительно, что один из первых крупных дореволюционных памятников, поставленный в Киеве в 1853 г., изображает Владимира Святого. Показательно, что князь Владимир Святославич – единственный герой отече-

²⁹ Здесь и далее таблицы демонстрируют рейтинги популярности (R – место в рейтинге) объектов исторической памяти допетровской истории России по различным типам источников. Подробнее о методике подсчетов см.: Сосницкий 2015.

³⁰ Цифра в круглых скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в период с 1850 по 1917 гг. Цифра в квадратных скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в более ранний период.

ственной истории, изображенный на памятнике Тысячелетия России дважды – на нижнем ярусе, в группе просветителей, и на среднем, с крестом в руках. Начиная уже с первой половины XIX в., князь Владимир становится героем многих произведений исторической живописи. Сцены крещения князя изображены на таких полотнах, как «Крещение великого князя Владимира в Корсуни» (А.И. Иванов, 1829), «Крещение князя Владимира» (Ф.А. Бронников, 1883), «Крещение Святого князя Владимира» (В.М. Васнецов, 1890). Популярным сюжетом стал выбор князем веры: И.Е. Эггинк («Великий князь Владимир избирает религию», 1822), Ф.С. Завьялов («Выбор веры великим князем Владимиром», 1847). Также художниками неоднократно изображены сцены пиров у князя Владимира. Неудивительно, что именно Владимир стал героем одного из первых произведений отечественной исторической живописи – полотна А.П. Лосенко «Владимир и Рогнеда».

Этот же канонический набор сюжетов присутствует практически во всех популярных художественных и публицистических произведениях второй половины XIX–начала XX вв. Подобные произведения, рассчитанные, как правило, на самую широкую публику, создавались практически всегда по одной и той же схеме: «взятие Полоцка – взятие Киева – жизнь язычника – крещение в Корсуни – крещение Руси – Русь после крещения». Многие произведения создавались к юбилеям – 900-летию крещения Руси (1888), 900-летию со дня смерти князя Владимира (1915). Все они носят панегирический характер, а образ Владимира создан в большинстве произведений несколько лубочно. Вот как, например, характеризует жизнь в Киевской Руси автор исторического рассказа «Князь Владимир, Красное солнышко», выпущенного издательством журнала «Чтение для солдат» в 1880 г.: «Любил добрый князь потешить людей своих, и легко, и отрадно было душе его, когда все весело смотрели ему в глаза и ничье лицо не хмурилось пред ним. И не житье стало в Киеве, – а масленица! Любил народ своего князя, за его привет и доброту; куда ни взглянет князь – только радость, веселье и счастье! И прозвал народ своего князя – *Красным Солнышком*»³¹.

Именно художественные тексты (в т.ч. множество изданий былин и «исторических повестей») обеспечили высокую позицию князя не только в выборке наиболее популярных нарративов, но и в формальном рейтинге книжных изданий, посвященных героям и событиям допетровской Руси (Таблица 2). Этому способствовало широкое изучение древнерусской литературы в российской школе пореформенного периода. Важно, что в учебниках по литературе подчеркивалась роль Владимира как центрального персонажа русского былинного эпоса³².

³¹ Князь Владимир, красное солнышко... С. 33-34.

³² Кирпичников 1869. С. 2; Галахов 1879. С. 8-12; Незеленов 1895. С. 18, 22.

Таблица 2. Количество книжных изданий, посвященных наиболее востребованным объектам исторической памяти допетровского периода отечественной истории (1850-1917 гг.)³³

Объекты исторической памяти	1850–1917
Иван Грозный	446
Владимир Святой	379
Алексей Михайлович	292
Александр Невский	252
Борис Годунов	232
Смутное время	159
Степан Разин	85
Владимир Мономах	64
Дмитрий Донской	47
Княгиня Ольга	43
Ярослав Мудрый	34
Князь Игорь Святославич	22
Опричина	4

Отметим, что народный эпос стал воздействовать на культурную память тогда, когда на большей части европейской России былинной традиции уже не существовало³⁴. К былинному хору присоединялась и профессиональная поэзия. В сборнике былин и стихотворений о князе Владимире, изданном в 1915 г., представлены многочисленные панегирические оды и хвалебные песни. К. Случевский в «Гимне святому князю Владимиру» превозносит Владимира как крестителя русской земли:

*Веет хоругвь православья,
Всюду далеко светясь.
Радуйся княже Владимир,
Равноапостольный князь.*³⁵

В подобном стиле выполнена «Хвалебная песнь» Д. Соловьева:

*Заблуждений языческих
Мрак глубокий разгнавшему
И святым нас крещением
С Христом сочетавшему Слава*³⁶.

Существует даже здравица «Князю Владимиру Светлому» (опубликована в 1895 г.), произнесенная 13 апреля 1895 г. на обеде, очевидно, в честь 880-й годовщины кончины князя. Здравнице предшествует описание поданных на мероприятии блюд. Поминали князя Владимира корюшкой в рассоле, эртоланами заливными по-страсбургски, седлами телячьими с зеленью и др. Сама здравица представляет собой довольно необычное произведение. Приведем его отрывок:

³³ Сост. по электронному каталогу РНБ.

³⁴ Буганов 1992. С. 18.

³⁵ Случевский 1915. С. 30.

³⁶ Соловьев 1915. С. 31.

*Не гневайся, Княже, на скудный наш стол,
 Не гневайся светлое Ладо!
 Издревле обычай начало повел:
 «Чем сердце богато, тем радо»³⁷.*

Впрочем, не во всех художественных произведениях период правления Владимира после крещения изображен совсем уж безоблачно. Например, в популярной исторической повести «Князь Святополк Окаянный или княжение Владимира Красное–Солнышко» описано неприятие христианства на севере Русского государства: «В Новгороде хотя многие приняли христианство, но далеко не все: большая часть сильно упорствовала и ни за что не хотела креститься. Многие оставляли дома со всем своим имуществом, бросали семейства и уходили в леса; из этих то неукротимых язычников, лишенных всех средств к жизни, преимущественно составлялись разбойничьи шайки»³⁸.

Часть дореволюционных текстов о Владимире Святом сочетает в себе черты художественного произведения, публицистики и популярного исторического текста. Вот как описана государственная деятельность Владимира в повести «Князь Владимир Красное солнышко. Повесть из первых времен христианства на Руси»: «Чтобы лучше оберегать русскую землю от печенегов, князь Владимир стал строить новые города у границы киевской Руси; по большей части, города тогда строили по холмистому берегу реки. Дома в городах были бревенчатые, вокруг городов шли: земляной вал, ров и деревянная стена; ров обводили крепким частоколом; за частоколом шли сторожевые курганы, откуда видно было далеко в степь. Внутри больших городов устраивали еще крепость, по-старинному Детинец, или кремль; города находились под управлением княжих дружинников или думцев»³⁹.

Ряд брошюр о жизни Владимира Святого был написан духовными лицами. Священник А. Владимирский в своей книге зачастую оправдывал те или иные действия Владимира тем, что он был вынужден подстраиваться под свое окружение: «Чтобы снискать себе расположение и преданность народа, Владимир с полным уважением относился к его диким, языческим верованиям и, по крайней мере, наружно был ревностным язычником»⁴⁰. Автор также акцентирует внимание читателя на духовных поисках князя, его стремлении к нравственному совершенствованию самого себя и своего народа: «Будучи человеком высокого ума, Владимир не мог не сознавать, насколько бесцельна и бессодержательна буйная и разгульная жизнь его самого и его дружины, как мало полезна она для управляемого им народа, продолжающего кос-

³⁷ Короткий 1895. С. 1.

³⁸ Князь Святополк Окаянный или княжение Владимира Красное–Солнышко. С. 17–18.

³⁹ Дмитриев 1899. С. 117.

⁴⁰ Владимирский 1915. С. 5–6.

неть во мраке крайнего невежества и экономического убожества. В особенности смущала его очевидная ложь язычества, способствовавшего нравственному одичанию народа, потворствовавшего укоренившимся в нем необузданным страстям и порокам»⁴¹.

Тенденция в историографическом дискурсе и учебной литературе, намеченная еще XVIII в. и связанная с рассмотрением Владимира в общем ряду (как одного из *многих* деятелей русской истории), только развивается в пореформенное время. Учебники истории для элементарной школы и гимназий И.И. Белярминова, Д.И. Иловайского, А.Я. Ефименко, даже книга для чтения А.О. Ишимовой удивительно лапидарны в отношении Владимира, ограничиваясь пересказом летописного предания⁴². В историографическом дискурсе Владимир также постепенно утрачивает популярность: так, если в курсе русской истории С.М. Соловьева Владимир и Ярослав занимают примерно равное место; то в курсе его ученика В.О. Ключевского Владимир – фигура почти незаметная, которой, в отличие от деяний Ярослава, фактически не уделяется внимания⁴³. Характерно, что так же мало историк пишет о нем и в своем пособии для гимназий⁴⁴. Причина этой ситуации проста – для схем русской истории, создаваемых либеральной историографией во второй половине XIX в., «крещение» Руси имело второстепенное значение в сравнении с государственными реформами, фактами истории борьбы «леса» со «степью». Из крупных российских «либеральных» историков дань Владимиру отдал, пожалуй, только Н.И. Костомаров⁴⁵, но и эта позиция была очевидным образом ангажирована противопоставлением «отцов-основателей» Руси деспотичным лидерам ее Северо-Востока, которое проистекало из его концепции русской истории⁴⁶.

Сложившаяся информационная ситуация, таким образом, несмотря на внешнее благополучие, не создавала радужных перспектив для Владимира как объекта памяти, поскольку историографические дискурсы обладают, по всей вероятности, привилегированным влиянием как на учебную литературу, так и на культурную память общества в целом. Действительно, как только крещение Руси и религиозные коммеморации, связанные с Владимиром, утратили прежнее значение для политики памяти, древнего героя стали забывать⁴⁷.

⁴¹ Владимирский 1915. С. 7.

⁴² Белярминов 1891. С. 109-111; Иловайский 1887. С. 17-21; Ефименко 1917. С. 12-17; Ишимова 1993. Т. 1. С. 22-29.

⁴³ См.: Ключевский 1906 (б). Т. I.

⁴⁴ Ключевский 1906 (а).

⁴⁵ Костомаров 1873. С. 1-7.

⁴⁶ См., напр.: Киреева 1996.

⁴⁷ Продолжение настоящего исследования см. в статье «Владимир Святой как национальный герой: воскрешение образа» в следующем номере журнала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Platt M. F. *Kevin Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2011. 294 p.
- Абраменко Н. Образы святых князей Владимира, Бориса и Глеба в придворном искусстве времени Ивана IV // *Искусствознание*. 2011. № 3/4. С. 69-86.
- Азбелов С.Н. Устная история Великого Новгорода // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2004. № 2. С. 27-36.
- Беллярминов И.И. *Элементарный курс всеобщей и русской истории*. СПб.: Д.Д. Полу-бояринов, 1891. 288 с.
- Белуосов В.С., Куропатова Е.С. Великий князь Владимир: Современный образ и его исторические корни [Электронный ресурс] // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Том 2. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Belousov_Kuropatova.shtml
- Буганов А.В. *Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание*. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. 207 с.
- Василик В.В. Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях Palaiologwisia: en sronw, en proswpw, en eidei*. 2015. № 3. С. 169-175.
- Владимирский А. Святой равноапостольный князь Владимир (к 900-летию со дня кончины). 1015-1915. Вильна: Вилен. св.-духов. братство, 1915. 19 с.
- Галахов А. *История русской словесности (учебник для средне-учебных заведений)*. СПб.: в типографии морского министерства, 1879. 252 с.
- Дмитриев Д. *Князь Владимир Красное солнышко. Повесть из первых времен христианства на Руси*. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1899. 352 с.
- Есина Т.А. Сакрализация образа политического лидера и национальная консолидация россиян: князь Владимир Святой как символ государственного деятеля и современность // *Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки*. 2014. С. 128-140.
- Ефименко А.Я. *Элементарный учебник русской истории*. Изд. 6-е. Пг.: Я. Башмаков и К°, 1917. 200 с.
- Зрелых Д.Л. *Образ святого равноапостольного Владимира в иконописи // Церковь и искусство / Под ред. М.Л. Космовской*. Курск, 2015. С. 19-37.
- Иловыйский Д.И. *Краткие очерки русской истории*. М.: тип. М.Г. Волчанинова (б. М.Н. Лаврова и К°), 1887. 406 с.
- Ишимова А.О. *История России в рассказах для детей*. СПб.: Альфа, 1993. Т. 1. 575 с.
- Киреева Р.А. *Николай Иванович Костомаров // Историки России. XVIII – начало XX века*. М.: Научно-исследовательский «Скрипторий», 1996. С. 268-314.
- Кириллин В.М. *Образ князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 2 (56). С. 32-48.
- Кирпичников А. *История русской литературы. Для учащихся*. М.: тип. Грачева и К°, 1869. 191 с.
- Ключевский В. *Краткое пособие по русской истории*. М., 1906. (а)
- Ключевский В.О. *Курс русской истории*. М.: Синодальная типография, 1906. Т. I. (б)
- Книга Степенная царского родословия. Часть первая // ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. Т. XXI. Первая половина. 342 с.
- Князь Владимир, красное солнышко. Исторический рассказ (с четырьмя рисунками). СПб.: ред. журн. "Чтение для солдат", 1880. 37 с.
- Князь Святополк Окаянный или княжение Владимира Красное-Солнышко. Историческая повесть. М.: тип. Э.А. Вильде, 1876. 36 с.
- Короткий В. *Князю Владимиру Светлому Здравница*. СПб.: Б.и., 1895. 3 с.
- Костомаров Н.И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. СПб., 1873. Первый отдел: господство дома св. Владимира. Выпуск первый: X-ое – XIV-ое столетия. 239 с.
- Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012. 365 с.

- Леонтьева О.Б. Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи великих реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 19–34.
- Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец. СПб.: Императорская Академия наук, 1760. 75 с.
- Милотенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 573 с.
- Мутья Н. Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, Историческая книга, 2010. 490 с.
- Незеленов А.И. История русской словесности для средних учебных заведений. Изд. 4-е. Часть I (с древнейших времен до Карамзина). СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1895.
- Первушин М.В. Информационная война в Древней Руси // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41. № 3. С. 24–36.
- Петрова М.В. Образ великого князя Владимира и тема крещения Руси в русской исторической живописи // Художественное образование и наука. 2014. № 1. С. 63–69.
- Подгорная И.А. Образ князя Владимира в русской литературе // Забайкальские рождественские образовательные чтения «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Чита, 2014. С. 29–33.
- Преображенский А.С. Владимир (Василий) Святославич // Православная энциклопедия. Т. VIII. С. 707.
- Свердлов М.Б. Владимир Святославич Святой – князь и человек // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 72–92.
- Синкевич Н.А. Два вектора православной идентичности на Украине XVII в. Москва и москвиты в произведениях Могилянского времени // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства. М.: РОССПЭН, 2017. С. 272–290.
- Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа... Киев: печатано в Киево-Печерской лавре, 1823. 105 с.
- Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб.; М.: Альянс-Архео, 2010. 545 с.
- Случевский К. Гимн святому князю Владимиру // Тагин Ф.А. былины и стихотворения о князе Владимире-Красное Солнышко и его богатырях. Пг.: К.Н. Губинский, 1915. С. 30.
- Смирнов Ю.Н. Государственное и духовное наследие святого князя Владимира – связующая нить российской цивилизации, истории, культуры // Вера. Иллюстрированный журнал Самарской Православной Духовной Семинарии. 2015. № 1 (19). С. 10–17.
- Соловьев Д. Хвалебная песнь святому равноапостольному князю Владимиру // Тагин Ф.А. Былины и стихотворения о князе Владимире-Красное Солнышко... и его богатырях. Пг.: К.Н. Губинский, 1915. С. 31.
- Сосницкий Д.А. Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3 (203). С. 100–106.
- Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2015. 344 с.
- Судьба мощей князя Владимира // Православная жизнь. URL: <http://pravlife.org/content/sudba-moshchey-knyazy-a-vladimira>
- Толочко П.П. Цивілізаційний вибір Володимира Святого // Вісн. НАН України, 2015, № 5. С. 38–41.
- Федотов Г.П. Канонизация святого Владимира // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 7.
- Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.
- Филошкин А.И. Сотворение грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 123–130.
- Херасков М.М. Владимир. М.: в вольной типографии М. Пономарева, 1809. 294 с.

- Херасков М.М. Россияда, поэма эпическая. М.: в вольной типографии Пономарева, 1807. 273 с.
- Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Ларинович. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
- Шижженский Р.В. Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник БГУ. 2009. №6. С. 250-256.
- Шмелева В.А. Исторический выбор Святого князя Владимира в формировании русского мировоззрения // Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru». 2015. Т. 2. № 4. С. 137-141.
- Электронный каталог РНБ. URL: http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do

REFERENCES

- Platt M. F. Kevin Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2011. 294 p.
- Abramenko N Obrazy svyatykh knyazej Vladimira, Borisa i Gleba v pridvornom iskusstve vremeni Ivana IV // Iskusstvoznanie. 2011. № 3/4. S.69-86.
- Azbelev S.N. Ustnaya istoriya Velikogo Novgoroda // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2004. № 2. S. 27-36.
- Bellyarminov I.I. EHlementarnyj kurs vseobshchej i russkoj istorii. SPb.: D.D. Poluboyarinov, 1891. 288 s.
- Belousov V.S., Kuropatova E.S. Velikij knyaz' Vladimir: Sovremennij obraz i ego istoricheskie korni [EHlektronnyj resurs] // YAzyk i tekst langpsy.ru. 2015. Tom 2. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Belousov_Kuropatova.shtml
- Buganov A.V. Russkaya istoriya v pamyati krest'yan XIX veka i nacional'noe samosoznanie. M.: In-t etnologii i antropologii, 1992. 207 s.
- Vasilik V.V. Obraz svyatogo ravnoapostol'nogo Vladimira kak carya v drevnerusskoj gimnografii // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei. 2015. № 3. S. 169-175.
- Vladimirskij A. Svyatoy ravnoapostol'nyj knyaz' Vladimir (k 900-letiyu so dnya konchiny). 1015-1915. Vil'na: Vilen. sv.-duhov. bratstvo, 1915. 19 s.
- Galahov A. Istoriya russkoj slovesnosti (uchebnik dlya sredne-uchebnykh zavedenij). SPb.: v tipografii morskogo ministerstva, 1879. 252 s.
- Dmitriev D. Knyaz' Vladimir Krasnoe selnyshko. Povest' iz pervykh vremen hristi-anstva na Rusi. M.: tip. t-va I.D. Sytina, 1899. 352 s.
- Esina T.A. Sakralizaciya obraza politicheskogo lidera i nacional'naya konsolidaciya rossijan: knyaz' Vladimir Svyatoy kak simbol gosudarstvennogo deyatela i sovre-mennost' // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. S. 128-140.
- Efimenko A.YA. EHlementarnyj uchebnyk russkoj istorii. Izd. 6-e. Pg.: YA. Bashmakov i K°, 1917. 200 s.
- Zrelyh D.L. Obraz svyatogo ravnoapostol'nogo Vladimira v ikonopisi // Cerkov' i iskusstvo / Pod red. M.L. Kosmovskoj. Kursk, 2015. S. 19-37.
- Ilovajskij D.I. Kratkie ocherki russkoj istorii. M.: tip. M.G. Volchaninova (b. M.N. Lavrova i K°), 1887. 406 s.
- Ishimova A.O. Istoriya Rossii v rasskazah dlya detej. SPb.: Al'fa, 1993. T. 1. 575 s.
- Kireeva A.A. Nikolaj Ivanovich Kostomarov // Istoriki Rossii. XVIII – nachalo HKH veka. M.: Nauchno-issledovatel'skij «Sriptorij», 1996. S. 268-314.
- Kirillin V.M. Obraz knyazya Vladimira Svyatoslavicha v rannih drevnerusskih gomilyah // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2014. № 2 (56). S. 32-48.
- Kirpichnikov A. Istoriya russkoj literatury. Dlya uchashchihsya. M.: tip. Gracheva i K°, 1869. 191 s.
- Klyuchevskij V. Kratkoe posobie po russkoj istorii. M., 1906. (a)
- Klyuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1906. T. I. (b)

- Kniga Steppennaya carskogo rodosloviya. CHast' pervaya // PSRL. SPb.: Tip. M.A. Aleksandrova, 1913. T. XXI. Pervaya polovina. 342 s.
- Knyaz' Vladimir, krasnoe solnyshko. Istoricheskij rasskaz (s chetyr'mya risunkami). SPb.: red. zhurn. "CHtenie dlya soldat", 1880. 37 s.
- Knyaz' Svyatopolk OKayannyj ili knyazhenie Vladimira Krasnoe-Solnyshko. Istoricheskaya povest'. M.: tip. E.H.A. Vil'de, 1876. 36 s.
- Korotkij V. Knyazyu Vladimiru Svetlomu Zdravica. SPb.: B.i., 1895. 3 s.
- Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej. SPb., 1873.
- Krivoshchev YU.V., Sokolov R.A. «Aleksandr Nevskij»: sozdanie kinoshedevra. Isto-licheskoje issledovanie. SPb.: Liki Rossii, 2012. 365 s.
- Leont'eva O.B. Lichnost' Ivana Groznogo v istoricheskoj pamyati rossijskogo obshchestva ehpoi velikih reform: nauchnoje znanie i hudozhestvennyj obraz // Dialog so vremenem. 2007. № 18. S. 19–34.
- Lomonosov M.V. Kratkij Rossijskij letopisec. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1760. 75 s.
- Milyutenko N.I. Svyatoy ravnoapostol'nyj knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi. Drevnejshie pis'menneje istochniki. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2008. 573 s.
- Mut'ya N. N. Ivan Groznyj: istorizm i lichnost' praviteley v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv. SPb.: Aletejya Istoricheskaya kniga, 2010. 490 s.
- Nezelenov A.I. Istoriya russkoj slovesnosti dlya srednih uchebnyh zavedenij. Izd. 4-e. CHast' I. (s drevnejshih vremen do Karamzina). SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1895.
- Pervushin M.V. Informacionnaya vojna v Drevnej Rusi // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2016. T. 41. № 3. S. 24–36.
- Petrova M.V. Obraz velikogo knyazya Vladimira i tema kreshcheniya Rusi v russkoj istoricheskoj zhivopisi // Hudozhestvennoje obrazovanie i nauka. 2014. № 1. S. 63–69.
- Podgornaya I.A. Obraz knyazya Vladimira v russkoj literature // Zabajkalskie rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya «Knyaz' Vladimir. Civilizacionnyj vybor Rusi». CHita, 2014. S. 29–33.
- Prebrazhenskij A.S. Vladimir (Vasilij) Svyatoslavich // Pravoslavnaya ehnciklopediya. T. VIII. S. 707.
- Sverdlov M.B. Vladimir Svyatoslavich Svyatoy – knyaz' i chelovek // Kul'tura slavyan i Rus'. M.: Nauka, 1998. S. 72–92.
- Sinkevich N.A. Dva vektora pravoslavnoj identichnost' na Ukraine XVII v. Moskva i moskovity v proizvedeniyah Mogilyanskogo vremeni // Drevnyaya Rus' posle Drevnej Rusi: diskurs vostochnoslavjanskogo (ne) edinstva. M.: ROSSPEHN, 2017. S. 272–290.
- Sinopsis ili kratkoje sobranie ot razlichnyh letopiscev o nachale slavyanorossijskogo naroda... Kiev: pečatano v Kievo-Pecherskoj lavre, 1823. 105 s.
- Sirenov A.V. Steppennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. SPb.; M.: Al'yans-Arheo, 2010. 545 s.
- Sluchevskij K. Gimn svyatomu knyazyu Vladimiru // Tagin F.A. byliny i stihotvoreniya o knyaze Vladimire-Krasnoe Solnyshko i ego bogatyryah. Pg.: K.N. Gubinskij, 1915. S. 30.
- Smirnov YU.N. Gosudarstvennoje i duhovnoje nasledie svyatogo knyazya Vladimira – svyazuyushchaya nit' rossijskoj civilizacii, istorii, kul'tury // Vera. Illyustrirovannyj zhurnal Samarskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii. 2015. № 1 (19). S. 10–17.
- Solov'ev D. Hvalebnaya pesn' svyatomu ravnoapostol'nomu knyazyu Vladimiru // Tagin F.A. byliny i stihotvoreniya o knyaze Vladimire-Krasnoe Solnyshko i ego bogatyryah. Pg.: K.N. Gubinskij, 1915. S. 31.
- Sosnickij D.A. Vladimir Svyatoy v istoricheskoj pamyati rossijskogo obshchestva vtoroj poloviny XIX – nachala XXI veka (po materialam narrativnyh istochnikov) // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2014. № 3 (203). S. 100–106.
- Sosnickij D. A. Istoricheskaya pamyat' o dopetrovskoj Rusi v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb.: SPbGU, 2015. 344 s.
- Sud'ba moshchej knyazya Vladimira // Pravoslavnaya zhizn'. URL: <http://pravlife.org/content/sudba-moshchej-knyazya-vladimira>

- Tolochko P.P. Civilizacijnij vibir Volodimira Svyatogo // Visn. NAN Ukraïni, 2015, № 5. S. 38-41.
- Fedotov G.P. Kanonizaciya svyatogo Vladimira // ZHurnal Moskovskoj Patriarii. 1999. № 7.
- Filyushkin A.I. Izobretaya pervuyu vojnu Rossii i Evropy. Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013. 845 s.
- Filyushkin A.I. Sotvorenie groznogo carya: zachem N.M. Karamzinu byl nuzhen «tiran vseya Rusi»? // Tetradi po konservatizmu. 2016. № 4. S. 123-130.
- Heraskov M.M. Vladimir. M.: v vol'noj tipografii M. Ponomareva, 1809. 294 s.
- Heraskov M.M. Rossiyada, poehma ehpicheskaya. M.: v vol'noj tipografii Ponomareva, 1807. 273 s.
- SHenk F.B. Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000) / avtoriz. per. s nem. E. Zemskovoj i M. Larinovich. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 589 s.
- SHizhenskij R.V. Neoyazycheskij mif o knyaze Vladimire // Vestnik BGU. 2009. №6. S. 250-256.
- SHmeleva V.A. Istoricheskij vybor Svyatogo knyazyza Vladimira v formirovanii russkogo mirovozzreniya // EHlektronnyj zhurnal «Yazyk i tekst langpsy.ru». 2015. T. 2. № 4. S. 137-141.
- EHlektronnyj katalog RNB. URL: http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do

Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, доцент, Институт Истории, Санкт-Петербургский Государственный Университет; e.rostovtsev@spbu.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, инженер-программист, Музейный комплекс, Санкт-Петербургский Государственный Университет; d.sosnitskij@spbu.ru

Vladimir the Great as a national hero: creating an image

The main features of the myth about Vladimir the Great remain unchanged for many centuries. The tradition of panegyric praise of the Prince-Baptizer originated in the 11th century and continues to this day. The interest in the Prince's personality does not go out over the next 1000 years. The way for the formation of the "myth" about Vladimir the Great from the Middle Ages to the beginning of the 20st century, his place in the pantheon of Russian national heroes in different historical epochs is reconstructed in the article. The main features of the image of the Prince in the mass historical memory of Russians, which was formed with chronicle and verbal traditions, fiction and nonfiction, monumental sculptures and the periodical press, are characterized.

Keywords: Vladimir the Great, Vladimir Svyatoslavovich, Saint Vladimir of Kiev, Christianization of Kievan Rus', historical memory, Politics of memory

Rostovtsev Evgeniy Anatolievich, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University; e.rostovtsev@spbu.ru

Sosnitsky Dmitry Aleksandrovich, PhD (History), software engineer, Museum complex, Saint-Petersburg State University; d.sosnitskij@spbu.ru

Т. Х. АЛОЕВ, Ю. В. БУНЬКОВА, О. А. ЖАНСИТОВ

РАСТЕКАЮЩЕЕСЯ БЕСПАМЯТСТВО, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О “МЕСТАХ ЗАБВЕНИЯ” В КАБАРДЕ

Кабарда, на протяжении Нового времени неизменно выступавшая «цивилизационным» эпицентром Северного Кавказа, в современную эпоху перестала отвечать роли культурного референта региона. Такое положение, наряду с длительной инкорпорированностью региона в общероссийское пространство и современными глобализационными процессами объясняется утратой восточно-черкесским социумом аутентичного символического субстрата. Неблагоприятные тенденции угасания самобытного символизма ярко проявляются в сфере объектов культурного ландшафта. Ценность объектов и мест признается из-за тех ассоциаций, значений и опыта, которые связаны с этими объектами в обществе. Посредством обращения к некоторым культурным ландшафтам, расположенным на территории исторической Кабарды, авторы пытаются отследить алгоритм и особенности систематического расширения “мест забвения”, причиной чему служит их материальная утрата. Пристальное внимание уделено выявлению корреляции между потерей объектов культурного наследия и кризисом функционирования связанных с ними символических комплексов.

Ключевые слова: “места памяти”, “места забвения”, Кабарда, культурный ландшафт, символика, иконологическая интерпретация, коммеморация

Понятие «место забвения», фигурирующее в названии статьи, отсылает к терминологии истории памяти, ориентированной на осмысление памяти не как индивидуальной, частной жизни, а сквозь призму ее социального измерения, как неотъемлемой реальности общественного бытия. Концепция апеллирует к тому обстоятельству, что ментальная, аксиологическая система координат любого сообщества базируется на определенной совокупности символов, исторических событий, мотивов и сюжетов, так или иначе локализующихся в прошлом социума. Предпринятое исследование дореволюционного культурного наследия одного из северокавказских исторических регионов – Кабарды – опирается на этот подход, а также на сравнительно-описательный и сложившийся в искусствоведении иконологический метод. Внимание авторов сосредоточено на объектах культурного ландшафта, значимость которых для населения региона определялась их символическим ресурсом.

Само явление, концептуализированное в исходном понятии «память», отличается текучестью, что обуславливает многозначность «мемориальной» терминологии¹. Коллективная память, обычно интерпретируемая как «общий опыт, пережитый людьми совместно», может трактоваться как историческая память, как ключевая составляющая «самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом,

¹ Соколова 2013. С. 93.

ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем»². Источником, подпитывающим коллективную память, является культурное наследие. Применительно к практике наследия концепция коллективной памяти получила новый импульс в идее «мест памяти» П. Нора, тех «мест, которые наиболее полно кристаллизуют опыт общества».

Начавшись как проект «символической топологии Франции», с подробным описанием «всех материальных и нематериальных мест, в которых воплотилась коллективная память», методология «мест памяти», позволяющая создавать «символическую историю», «историю второй степени»³, скорректировала подходы к проблеме сохранения культурного наследия/общественного достояния, которое «стало восприниматься гораздо шире, чем набор объектов и материальная сохранность памятника»⁴. Если в международных документах по охране и управлению культурным наследием, начиная с 1950-х гг., расширенная трактовка этого понятия не была отчетливо выражена, то последующая эволюция его понимания очевидна. Уже Европейская конвенция о ландшафтах (2000), исходя из того, что «ландшафт способствует формированию местной культуры» и является «ключевым условием индивидуального и социального благосостояния», утверждает необходимость принятия особых мер «по охране, управлению и планированию ландшафтов». Венцом осмысления наследия стала принятая Советом Европы конвенция Фару (2005). Она, в частности, утверждает, что «ценность объектов и мест признается не самих по себе, а из-за тех ассоциаций, значений и опыта, которые связаны с этими объектами в обществе»⁵.

Обозначим некоторые направления как источники формирования научных основ расширенного понимания затрагиваемой проблематики. Речь идет о становлении на протяжении последних полутора веков научных подходов в двух прямо не связанных областях знания – в географии и искусствоведении. Для начала обратим внимание на артикулирование тривиального, с точки зрения современных знаний, тезиса, послужившего в свое время значимой вехой в развитии географических представлений. Он сводится к наблюдению К.О. Зауэра: «В создании окончательного облика ландшафта участвуют (1) характерные особенности природной территории и (2) формы, наложенные на природный ландшафт в результате деятельности человека, культурный ландшафт. Человек завершает формирование ландшафта»⁶. В современной литера-

² Репина 2012. С. 18.

³ Франсуа 2011. С. 39.

⁴ Силина 2016.

⁵ Конвенция Фару 2005.

⁶ Джеймс, Мартин 1988. С. 448.

туре отмечается, что постулирование данного тезиса явилось «важным событием начальных этапов борьбы с физико-географическим детерминизмом, в ходе которой сторонники культурной географии, подчеркивавшие, что человек способен изменять и переформировывать природный ландшафт, стремились восстановить гуманистические основы географии»⁷. Однако такие интенции некоторое время оставались нереализованными, что связано с отсутствием интереса к символическим значениям, которые, как было установлено впоследствии, играют «центральную роль в формировании образов ландшафта в сознании людей»⁸. Так географам стала очевидна необходимость обращения «к методам, принципиально отличным от тех, которые применяются при сциентистском анализе физических характеристик ландшафта».

Методика, выработанная в рамках иконологии – направления в истории искусств, изучающего символические аспекты художественного произведения, оказалась релевантной запросам исследователей ландшафта. Это объясняется тем, что последний состоит из трех элементов: 1) «материальных осязаемых форм данной территории», 2) «видимых процессов человеческой деятельности» и 3) «значений, или символов, которыми его наделяет сознание человека»⁹. Тернарной структуре семантики ландшафта комплементарна разработанная Э. Панофски «трехступенчатая программа интерпретации художественного произведения» (1939 г.), которая препарирует три пласта артефакта (феноменальный/фактический, значимый/выражаемый, документальный/сущностный). Как пишет американский географ Дж. Голд, «применительно к изучению земной поверхности этот анализ на первичном уровне соответствует установлению географом физических характеристик различных ландшафтов. На вторичном уровне иконографическое рассмотрение подразумевает установление тех аспектов данного ландшафта, значение которых выходит за рамки простого удовлетворения лишь функциональных потребностей человека...»¹⁰. Значимость иконологии становится определяющей на третьем уровне исследования ландшафта, когда он соотносится, по словам Э. Рельфа, с «целостной концепцией человека и его связей с природой и Богом в данных конкретных обстоятельствах местоположения»¹¹. Говоря о значении иконологического метода, Джон Голд отмечает: «Для того чтобы проникнуть в символику ландшафта, необходимо понять главные ценностные установки и предпочтения тех людей, которые его сформировали, и тех, кто располагает образами данного ландшафта. Личностные образы ландшафта опираются на наши

⁷ Голд 1990. С. 138.

⁸ Там же. С. 146.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 147.

¹¹ Цит. по: Голд 1990. С. 147.

внутренние установки, намерения, убеждения и собственные представления о себе и о внешнем мире, а групповая топофилия уходит корнями в культуру, в рамках которой она проявляется, и в тот способ, каким в этой культуре структурируются представления о человеке и о природе»¹². Эпистемологическая рамка, формируемая совокупностью указанных подходов, создает прочную платформу для обнаружения «социально-мнемонических ям», а также выявления траекторий их образования и последующей реконструкции (и, в известной степени, репрезентации) культурно-семантического наполнения конкретных ландшафтов.

Мы рассмотрим несколько локусов в пределах исторической Кабарды, которые на протяжении столетий определяли ее культурный ландшафт, но в течение XX в. лишились своих «топофильных» свойств. Их значение как «сгустков» символических смыслов для жителей региона в предыдущий период отмечалось достаточно ясно.

Тэ́гэртуп (Татаргуп). В «Записках о Черкесии» (сер. 1830-х гг.) Хан-Гирей, описывая важнейшие культурные ландшафты страны, указывал на существование в Большой Кабарде остатков старинного города Татаргупа на западном берегу Терека: «Кабардинцы много рассказывают об них чудес... гора же, подле сих развалин возвышающаяся, также называется Татар-Тупом и в ее пещере кабардинцы [во времена грубого их язычества] совершали клятвы»¹³. За несколько лет до него А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзурум во время похода 1829 года» подметил значимость для жителей региона данного топографического пункта:

«Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудками камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках саволобовыми путешественниками»¹⁴.

Остается не совсем ясным был ли классик информирован о специфике «Татартуба» как «бывшего некогда главным» аулом Большой Кабарды. В любом случае эту ситуацию разъясняет знаток региона – автор «Истории войны и владычества русских на Кавказе» Н.Ф. Дубровин:

«Под именем Татар-Туп (в переводе: место под татарами) в прежнее время известны были у кабардинцев башни, или жулаты, обращенные татарами в минареты. Жулат значит часовня для доброхотных дателей, и их в старину

¹² Голд 1990. С. 147.

¹³ Хан-Гирей 2008. С. 97.

¹⁴ Пушкин 1978. С. 437-438.

было весьма много по берегам Терека, выше соединения его с рекой Малкой. Туда издревле ходили черкесы на поклонение и там приносили жертвы; там кончались все ссоры, там произносились клятвы. Черкесы часто и теперь, во время клятвы, произносят: “Татар-Туп пенже сань”, то есть “Да буду под Татар-Тупом хоть миллион раз”. Кабардинцы до сих пор питают глубокое уважение к... урочищу Татар-Туп, лежащему на западном берегу реки Терек, в семи верстах ниже реки Комбулей. С понятием о развалинах этих кабардинцы сохраняют предание о существовании близ него какого-то большого города. Урочище и сами развалины считаются убежищем для убийц от преследования мстителей; здесь же прежде совершались все договоры и те клятвы, в точности исполнения которых обе стороны хотели быть уверенными»¹⁵.

С целью достижения большей репрезентативности представляется уместным добавить и сведения более раннего периода. К 1780-м гг. относится сообщение Ф.Л. де Сегюра: «Будучи магометанами, эти люди все еще сохраняют обычай почитания некоей местности, называемой Татартуп, где видны развалины древней христианской церкви; эти развалины являются священным убежищем, и, несмотря на их обычное легкомыслие они не осмеливаются никогда нарушать клятвы, данные именем Татартупа»¹⁶. Десятилетием ранее академик И.А. Гюльденштедт отмечал, что на западном берегу Терека, «примерно в 7 верстах ниже устья Кумбелея и Псехуша находится место, называемое Татартуп, где можно увидеть развалины некоторых строений ... Это место до сих пор было священным для черкесов; в Татартупе присягали, и воры, и убийцы находили здесь прибежище как в вольном городе». Последнее свидетельство имеет документальное подтверждение. В «Табели Большой и Малой Кабарды, деревням и знатным местам», составленной геодезистом Степаном Чичаговым в 1744 г., указано, что «в Татартуцком ущелье д[еревня] Кукулгаева, а живут в ней беглые люди»¹⁷.

Символическое восприятие «геостереотипа» Татартуп в черкесском культурном пространстве не исчерпывается указанными коннотациями. Обозначенные черты локуса обусловили его ключевое значение в повести о Къуалэ Созэрыхэ (Куала Созариха), которая выступает как «миф-основание», «дискурс-символ» Большой Кабарды – крупнейшего северокавказского княжества в Новое время¹⁸. Назначение и роль подобного нарратива в жизни социума известна: «Поскольку в коллективной памяти подчеркиваются отличительные свойства данной группы, определяющие ее лицо, в общей повествовательной конструкции особо выделяется такое событие, которое знаменует момент возникновения

¹⁵ Дубровин 2014. С. 201.

¹⁶ Сегюр 2010. С. 226.

¹⁷ Гюльденштедт 2010. С. 240-241; Кабардино-русские отношения 1957. С. 115.

¹⁸ В этом фольклорном произведении аллегорически отразились перипетии борьбы за гегемонию на востоке Черкесии к исходу первой четверти XVII в., в условиях становления новых политических акторов на пространстве до того времени хотя бы номинально единого «Кабартыйского паньства». – Алоев 2010. С. 16-31.

этой группы как независимого социума. Сохранение памяти о начале истории, несомненно, необходимо для того, чтобы показать особенности данного сообщества, установить его границы по отношению к другим группам. Акцент на “коренном отличии” между данной общностью и всеми остальными нужен для того, чтобы с ходу отмести любые сомнения в легитимности этой общности, в ее праве на существование»¹⁹.

Основные моменты фабулы повествования: Два кабардинских князя – Шужей и Хатокшуко (оба реальные исторические персонажи; второй – родоначальник клана Хатокшоко, в русской традиции «Атажукиных» и прашур прототипа лермонтовского «Измаил-бея»), договорились о схватке двух их борцов. В отсутствие Хатокшуко Шужей принудил борца своего собрата – Куала Созариху – выступить в поединке с выставляемым им богатырем. Во время схватки, когда стало ясно, что тот одерживает верх, Шужей вмешался: проявив коварство, он воткнул в горло Созарихе потайной кинжал (*хьэджэсэ*) и попытался обставить дело таким образом, что борец Хатокшуко якобы был сражен в честном поединке. Однако вернувшийся из похода князь, вскоре узнал истину и поклялся отомстить за смерть своего борца. Он долго входил в доверие к Шужею, чтобы достичь поставленной цели. Наконец, князя решили отправить в Тартуп для взаимной клятвы в нерушимой дружбе («они не осмеливаются никогда нарушать клятвы, данные именем Тартупа», «здесь же прежде совершались все договоры и те клятвы, в точности исполнения которых обе стороны хотели быть уверенными»). После клятвы Шужей быть верным другом своему спутнику, Хатокшуко тоже обещал быть верным своей клятве (подражывается, той, согласно которой он собирался отомстить за убитого борца). На обратном пути из священного места князь сделали привал рядом с огромным курганом (он и по сей день носит имя убитого у его подножья князя – Шужей и Гуашхэ). Здесь с потерявшим бдительность после тартупской клятвы Шужеем Хатокшуко и расправился. И весь клан Жансох, к которому принадлежал Шужей, был уничтожен. Последней была убита невестка из этого клана: один из вассалов Хатокшуко случайно обнаружил спрятавшуюся в горной расщелине мать с двумя младенцами-княжичами и расправился с ними (место носит название Жансэхьубг – Жансохская гора/скала)²⁰.

После установления советской власти район Тартупа вошел в состав Северо-Осетинской АССР. В 1981 г. власти республики инициировали реставрационные работы тартупского минарета, в ходе которых архитектурный памятник был разрушен. Таким образом, одна из вершин в семантическом треугольнике культурных ландшафтов «Тэтэртуп» – «Шужей и Гуашхэ» – «Жансэхьубг» была безвозвратно утрачена.

В контексте эволюции понимания культурного наследия, когда важнейшее значение имеют не столько сами материальные объекты, сколько ассоциации, опыт и значения, традиционно с ними связанные, становится очевидным, что потеря Тартупского памятника невосполнима для «символической истории» Кабарды и, в целом, Черкесии.

¹⁹ Зерубавель 2011. С. 17.

²⁰ Кабардинский фольклор. С. 270.

Кун и тЫггэ (Ров Куна). Другим объектом культурного ландшафта, исчезновение которого оставило зияющую пустоту в «символической топологии» Кабарды, является скала Кун и тЫггэ («Ров Куна»),²¹ представлявшая собой высокий скальный выступ, довольно близко подступавший к речной пойме в долине р. Малки. Уникальность данного выступа заключалась в том, что ни в одном другом месте исторической Черкесии (т.е. на всей территории Северо-Западного и Центрального Кавказа) не было известно такого «стукка» образцов аутентичной черкесской эпиграфики, зафиксированной на поверхности одного объекта. Эта скала была просто испещрена родовыми тамгами.

Каким символическим качеством должно было обладать пространство, в котором допускалась/предполагалась фиксация подобных знаков? Здесь невозможно обойтись без сравнения с хьэщИэщ – традиционным гостевым домом, известным как кунацкая. Этнографический материал свидетельствует о том, что именно на дверях кунацкой посетители часто оставляли знаки своей родовой принадлежности. Возможно, местоположение Кун и тЫггэ не отличалось какими-либо элементами сакрального, как пространство кунацкой, внутри которой, к примеру, действовало табу на пролитие крови. Однако коммуникативное предназначение соответствующей эпиграфики в обоих локусах считается вполне определенно. Также очевидно, что оставление знаков на дверях кунацкой (возможно символическое восприятие самой двери) предстает как способ сообщения гостем о своем пребывании в определенном месте. В контексте феодальных отношений, которые пронизывали социальную ткань черкесского общества вплоть до позднего Нового времени, такая информация была значимой и для гостя, и для хозяина. Обе стороны графически маркировали обширность своих социальных связей. Для первого было почетно оставить знак своего пребывания в пределах возможно более широкого географического ареала. Второй соответственно был заинтересован в приобретении большего числа там почетных фамилий в своей кунацкой, что, разумеется, повышало социальный престиж хозяина. Ведь гостеприимство наряду с военными и ораторскими доблестями входило в триаду достоинств обязательных для благородного мужа. Для более определенных выводов о культурном содержании данного локуса необходимо разобрать всю совокупность знаков на скале Кун и тЫггэ. Генеалого-коммуникативная функция этого объекта определяет его значение с точки зрения полноты образцов черкесской «геометрии» сквозь призму дескриптивного взгляда, что позволяет квалифицировать его как элемент инфраструктуры спатIALIZации (М. Фуко), т.е. пространственных форм, в которых воплощается одновременно социальное творчество и материальная культура.

²¹ РГБ, ф. 820 (фонд В.П. Пожидаева), картон 6, д. 8, л. 54-59.

Несмотря ни на что, Кун и ТЫГЪЭ суждено было стать «местом забвения» – в предвоенные годы скала была взорвана в связи с необходимостью прокладки шоссейной дороги.

Къетыкъуэ ТѳащӀ (остров/междуречье Кейтуко). 29 сентября (10 октября) 1779 г. на берегах р. Малка, в районе современного села Псыхурей произошло крупное сражение. Оно стало кульминацией кабардино-русской военной кампании 1779 г., последовавшей за строительством линии военных укреплений (10 крепостей), которая отсекала от Кабарды большую часть ее территории. В ходе битвы царские регулярные войска (с привлечением казачьих и калмыцких сил) под командованием генералов Якоби и Фабрициана нанесли поражение черкесскому феодальному ополчению под предводительством князя Кайтуко Хамурза²². Это событие стало во многих отношениях поворотным, как для исторической судьбы ведущего черкесского княжества, так и в столетней эпопее русского продвижения в регионе. Политические последствия битвы были столь важны для сторон конфликта, что еще в ходе Кавказской войны они отмечали ее экстраординарность. П.С. Паллас, путешествовавший в 1793 г. по региону, описывал свое посещение одного из районов Кабарды следующим образом: «Утром 19 сентября мы переправились через быструю Подкуму. Через несколько верст мы достигли Малки, в широкой долине, пересекаемой двумя речушками. Около одной из этих речушек, называемой Шолкужин [Куркужин], в 1779 году черкесы были атакованы бравым генералом Фабрицианом, который рассеял их после великого кровопролития. Победа эта отмечена большими надмогильными курганами, содержащими тела убитых»²³. Спустя четыре десятилетия, Хан-Гирей, столкнувшись со сложившимся у населения региона «образом» этого места, не мог не обратить на него внимания. Он отмечал в своих очерках: «Ккулькужин – оканчивается лиманом. Между ею и Малкою есть источник Ккайтуко, протекающий пространство около 2-х верст и сделавшийся знаменитым для кабардинцев гибелью лучшего их воинства в сражении, проходившем между ними и русским отрядом». И дополнил это сообщение важной деталью: «В песне, посвященной этому событию, под названием “Ночное нападение”, выразительно изложены подвиги кабардинских воинов»²⁴. Это дополнение, с учетом ороакустического характера традиционной черкесской культуры и интегральной роли, которую играла в ней песня, весьма определенно свидетельствует о ранге символической позиции данного локуса в традиционном черкесском контексте²⁵.

²² Бутков 1869. С. 56, 57.

²³ Паллас 2011. С. 257.

²⁴ Хан-Гирей 2008. С. 60, 102.

²⁵ Каламбий 1988. С. 222.

По завершении вековой войны, в период имперского правления и в советскую эпоху, с характерной для нее борьбой с «националистическими пережитками», Къетыкъуэ тӀуащӀэ оставалось *средой памяти*, «пространством, в котором память является неотъемлемой частью повседневного существования людей»²⁶, что в первую очередь относится к жителям близких населенных пунктов. Но к исходу XX в. коллективная память о событиях, связанных с Къетыкъуэ тӀуащӀэ, начала претерпевать серьезные изменения. В начале 1990-х гг., когда стало очевидно, что «традиция» не справляется с поддержанием памяти, «социомнемоническую» эстафету подхватила черкесская гуманитарная интеллигенция. С 1994 г. Къетыкъуэ тӀуащӀэ превратилось в место регулярных коммеморативных практик. Несмотря усилия региональных властей по ограничению коммеморативной активности, ежегодный ритуал (10 октября) на этом месте обрел устойчивый характер, он проводится «исключительно представителями общественности и совершенно лишен какого-либо официального оттенка». В 2015 г. на черкесских сайтах было размещено приглашение на открытие памятника, «однако из-за вмешательства властей дело ограничилось сооружением пьедестала»²⁷.

Как видно из наших наблюдений, в отличие от первых двух объектов культурного ландшафта, которые были полностью уничтожены, а память о них в социально значимых величинах угасла, локус Къетыкъуэ тӀуащӀэ продолжает сохранять «мнемоническую привлекательность», хотя памятование связанных с ним событий практикуется лишь ограниченным кругом энтузиастов. Исходя из масштабов коммеморативной активности, которые весьма устойчивы, но, в той же степени, скромны, следует признать определенную эффективность целенаправленных усилия к тому, чтобы этот круг не расширялся. Поэтому локус Къетыкъуэ тӀуащӀэ следует отнести скорее к местам забвения, нежели памяти. Но, разумеется, эта ситуация может измениться.

Настоящий текст представляет собой первый опыт рассмотрения культурных «провалов» в символической карте Кабарды через обращение к ее «местам забвения», которые далеко не исчерпываются рассмотренными в работе тремя культурными ландшафтами. Хотя те объекты, о которых здесь велась речь, прекратили свое материальное существование (минарет, скальный обрыв, надмогильные курганы, соответственно), говорить об их исчезновении как культурных феноменов было бы некорректно. Их символическое измерение, несмотря на систематическую, направленную маргинализацию, не удалось полностью дезавуировать в

²⁶ Джадг 2011. С. 53.

²⁷ Как пишет Д. Прасолов, «несмотря на материальную незавершенность мемориальной композиции, это место даже без памятника уже много лет остается одним из ключевых коммеморативных объектов». – Прасолов 2017. С. 76.

рамках индигенного культурного пространства. Традиционность, устойчивость смыслов, связанных с ними и проявляющихся через ментальное сознание населения региона, позволяют говорить об этих объектах как о деактуализированном, но способном к ревитализации символическом ресурсе. С точки зрения современных международно-правовых стандартов и научных подходов к проблематике культурного наследия, воплощение такой потенции делает возможным не просто восстановление утраченной «символической топологии» региона, но и «регуманизацию» ландшафтов Кабарды.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алоев Т.Х. Гибель Шужей Жансохова: событие политического процесса 20–30-х гг. XVII в. и его отражение в кабардинском историческом сознании // Исторический вестник. Нальчик, 2010. № 9. С.16-31 [Aloev T.Kh. Gibel' Shuzheya Zhansohova: sobytie politicheskogo processa 20-30-h gg. XVII v. i ego otrazhenie v kabardinskom istoricheskom soznanii // Istoricheskij vestnik. Nalchik, 2010. № 9. S. 16-31]
- Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. II. 296 с. [Butkov P.G. Materialy dlya novej istorii Kavkaza s 1772 po 1803 god. SPb, 1869]
- Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с. [Gold Dzh. Psikhologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoj geografii. M.: Progress, 1990. 304 s.]
- Гюльденштедт И.А. Путешествие по России и к Кавказским горам // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых. Вып. III. С. 228-246. [Gyul'denshtedt I.A. Puteshestviye po Rossii i k Kavkazskim goram // Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov. Nalchik: Izd. M. i V. Kotljarovyh, 2010. Vyp. III. S. 228-246]
- Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 45-74. [Dzhadt T. «Mesta pamyati» P'yera Nora: CH'i mesta? CH'ya pamyat'? // Imperija i nacija v zerkale istoricheskoy pamjati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. S. 45-74.]
- Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. 672 с. [Dzhejms P., Martin Dzh. Vse vozmozhnyye miry. M.: Progress, 1988. 672 s.]
- Дубровин Н. Черкесы (адиге) // Кавказ: Черкесия. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2014. Вып. XVII. С. 155-330. [Dubrovin N. Cherkesy (adige) // Kavkaz: Cherkesija. Nalchik: Izd. M. i V. Kotljarovyh, 2014. Vyp. XVII. S. 155-330.]
- Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое изд-во, 2011. С. 10-29. [Zerubavel' YA. Dinamika kollektivnoy pamyati // Imperija i nacija v zerkale istoricheskoy pamjati. M.: Novoe izd-vo, 2011. S. 10-29]
- Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. 424 с. [Kabardino-russkiye otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. 2. 424 s.]
- Кабардинский фольклор / Ред. Г.И. Бройдо. Изд. 2-е доп. Нальчик: Эль-фа, 2000. 650 с. [Kabardinskij fol'klor / Red. G.I. Brojdo. Izd. 2-e dop. Nalchik: Ehl'-fa, 2000. 650 s.]
- Каламбий (Адиль-Гирей Кешев) Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с. [Kalambyi (Adyl'-Girey Keshev). Zapiski cherkesa. Nalchik: Jel'brus, 1988. 272 s.]
- Конвенция Фару [Konventsiya Faru] // https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвенция_Фару
- Паллас П. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 годах // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII вв. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 247-283. [Pallas P. Zametki o puteshestvii v yuzhnyye namestnichestva Rossiyskogo gosudarstva v 1793-1794 godakh // Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vv. Nalchik: Izd. M. i V. Kotljarovyh, 2010. Vyp. III. S. 247-283.]
- Прасолов Д.Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. 2017. № 2. С. 67-81. [Prasolov D.N. Kommemorativnyye praktiki v sovremennoy Kabardino-Balkarii // Neprikosnovennyj zapas. 2017. № 2. S. 67-81]

- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1978. Т. 6. 575 с. [Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy. L.: Nauka, 1978. T. 6. 575 s.]
- Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3-37. [Repina L.P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati // Crises of crucial eras in historical memory. M.: IVI RAN, 2012. S. 3-37]
- Сегур де Ф.Л. Воспоминания // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 222-227. [Seg'ur de F.L. Vospominaniya // Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov. Nalchik: Izd. M. i V. Kotljarovyh, 2010. Вып. III. S. 222-227.]
- Силина М. Общественное достояние как травма [Silina M. Obschestvennoye dostoyaniye kak travma] // <http://www.colta.ru/articles/art/13464>
- Соколова М.В. Педагогика исторической памяти: границы понятия // Ярославский педагогический вестник. 2013. №1. Т. II. С. 92-98. [Sokolova M.V. Pedagogika istoricheskoy pamyati: granitsy ponyatiya // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. №1. T. II. S. 92-98]
- Франсуа Э. Места памяти: как писать их историю // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое изд-во, 2011. С. 30-44. [Fransua E. Mesta pamyati: kak pisat' ikh istoriyu // Imperija i nacija v zerkale istoricheskoy pamjati. M: Novoe izd-vo, 2011. S. 30-44]
- Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 363 с. [Khan-Girey. Zapiski o Cherkesii. Nalchik: Jel'-Fa, 2008. 363 s.]

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр РАН; aloborsa@mail.ru

Бунькова Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова; y.bunkova@inbox.ru

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр РАН; osman.zhansitov@yandex.ru

Spreading unconsciousness or reflections about "places of oblivion"

Kabarda had served as a "civilizational" epicenter of the North Caucasus during the Modern period, but now it ceased to be a cultural referent in the region. This situation, along with the long-term incorporation of the region into the all-Russian space and modern globalization processes, is explained by the loss of an authentic symbolic substratum by the Kabardian society. One of the aspects where the unfavorable tendencies of extinction of original symbolism are most clearly manifested are the sphere of cultural landscape objects. By turning to some cultural landscapes on the territory of historical Kabarda, the authors attempt to track the algorithm and the features of the systematic expansion of "places of oblivion" due to their material loss. In the context of the development of historical ("places of memory") and geographical (understanding of the "cultural landscape") disciplines and art criticism (iconological interpretation), close attention is paid to correlation between the loss of cultural heritage objects and the crisis of the functioning of symbolic complexes associated with these objects.

Keywords: "places of memory", "places of oblivion", Kabarda, cultural landscape, symbolism, iconological interpretation, commemoration

Aloev Timur, PhD in History, senior researcher, Institute of Humanitarian Studies, KBSC of the Russian Academy of Sciences; aloborsa@mail.ru

Bunkova Yulia, PhD in History, Assistant Professor, General History Department, Kabardino-Balkarian State University; y.bunkova@inbox.ru

Zhansitov Osman, PhD in History, senior researcher, Institute of Humanitarian Studies, KBSC of the Russian Academy of Sciences; osman.zhansitov@yandex.ru

Б. В. КОЛЕСНИКОВ

**М.Р. ШТЕФАНИК
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Автор выясняет, как изменялось отношение к личности и деятельности М.Р. Штефаника в эмигрантской, советской и современной российской историографии. Проанализирован вклад каждого из этапов развития национальной историографии в формировании образа М.Р. Штефаника в научной сфере исторической памяти.

Ключевые слова: Штефаник, историография, образ, оценка

Милан Растислав Штефаник – выдающийся исторический деятель, дипломат, политик, генерал, астроном, метеоролог, специалист в области беспроволочной телеграфии, изобретатель, путешественник, коллекционер. Историческое значение личности Штефаника во многом определяется взглядами на него и его эпоху последующих поколений. Историк, осмысливающему феномен исторической памяти, следует разобраться во всем многообразии оценок и выявить истоки тех или иных представлений, укоренившихся в общественном сознании.

Сегодня в Словакии Штефаник вызывает интерес как человек, стоявший у истоков государства, как национальный герой, а память о нем является национальным достоянием. Однако жизнь Штефаника была тесно связана и с историей нашей страны. Милан Штефаник трижды побывал в России, в т.ч. в переломные моменты ее истории. Учитывая это, неизбежно возникали разные оценки, порождаемые восприятием его деятельности «русскими глазами». Научное сознание может рассматриваться как неотъемлемая часть общественного сознания. В этом смысле историческую науку можно считать памятью общества. Поэтому при рассмотрении образа Штефаника в российской исторической памяти следует подробнее остановиться на анализе историографии.

Тема получила различное отражение в историографии. В СССР выходящая в межвоенный период «легионерская литература» была неизвестна, а личность Штефаника не привлекала внимания историков. В советской науке и в послевоенной Чехословакии личность Штефаника рассматривалась упрощенно и искаженно. Долгие годы господствовавшая советская историческая традиция связывала его имя с антисоветской позицией чехословацкого корпуса в годы гражданской войны, с мятежом чехословацкого легионерского корпуса («белочехов»).

В 1920-е гг. под влиянием чехословацкой историографии развивалась русская белоэмигрантская историография. Эмигрант-монархист, бывший главнокомандующий сибирской армией генерал К.В. Сахаров в книге «Белая Сибирь» «от имени русского народа» резко обвинил

чехословаков в измене славянскому делу, подвергнув переоценке и саму идею славянского единства. За этими обвинениями может скрываться его желание снять с себя значительную долю ответственности за поражение белых в Сибири. Не скупясь в раздаче чехословацким деятелям крайне нелестных характеристик, Сахаров, тем не менее, упоминая о приезде в Сибирь Штефаника, называет его доблестным солдатом и человеком высокой честности, незатемненным политической партийной мутью¹. Однако, по его мнению, Штефаник напрасно пытался заставить чешские полки драться против большевиков, он встретил сильное противодействие и среди командного состава, и у политических руководителей, и в солдатской массе, и, ничего не добившись, уехал.

В основе вышедшей в Париже книги Вл. Лазаревского «Россия и чехословацкое возрождение» содержится полемика с трудами Т.Г. Масарика и выдвижение тезиса о решающей роли России в создании Чехословацкой республики. Автор детально описывает политические позиции чехов в России, характеризуя состоящую из военнопленных петроградскую группу «Чехословака» как политиканов, взявших на вооружение идеи Масарика в личных целях². Этот раскол объясняется разницей в психологии элиты колонистов и массы военнопленных. По Лазаревскому, Й. Дюрих был искренним носителем славянской идеи, но в силу безволия и недалёковидности оказался неспособен стать лидером чехов и словаков в России³. Автор рисует Штефаника преданным агентом Масарика, наиболее удобным человеком для достижения цели ЧСНС – отобрать у России первенство в чешском деле, который ради этой цели не остановился даже перед вероломством и травлей Дюриха⁴.

Заметным исследованием, опубликованным к десятилетию создания Чехословацкой республики, является книга российского эмигранта В.С. Драгомирецкого «Чехословаки в России 1914–1920», вышедшая в Париже и Праге⁵. Во время войны он находился на службе в МВД Российской империи. В отличие от генерала Сахарова, автор оценивает события с позиции славянофильства, он ставит цель «устранить всякие недоразумения между славянами и углубить мысль о необходимости славянского единения»⁶. В книге подробно исследуется история чехословацких военных формирований в России. Говоря о ситуации 1916–1917 гг., автор видит ошибку российского правительства в том, что оно ограничилось лишь диалогом с Дюрихом⁷. Драгомирецкий считал, что

¹ Сахаров 1923. С. 225.

² Лазаревский 1927. С. 53.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Драгомирецкий 1928.

⁶ Там же С. III.

⁷ Там же. С. 27.

желание российского правительства взять руководство чехословацким движением в свои руки только оттолкнуло от него чехов и словаков. Он не видит здесь роль Штефаника; чехи и словаки не поддерживали Дюриха, за которым стояли лишь русские чиновники, а значит восстанавливать единство национального движения не требовалось. Главной задачей сибирской миссии Штефаника, который характеризуется как один из виднейших борцов за освобождение чехословаков, Драгомирецкий считает укрепление боевого духа чехословацких войск, подрыванного колчаковским переворотом и агитацией⁸. Он считает, что Штефаник горел желанием помочь русскому народу, жаждал освобождения России от большевизма и хотел, чтобы легионеры, следуя по этому пути, заслужили благодарность будущей России⁹. Автор представляет Штефаника как подлинного славянофила, убежденного, что без сильной России не будет будущего и у Чехословакии. Акцент делается на близости и дружбе русских и чехов, а противоречия между ними игнорируются. Драгомирецкий подчеркивает, что Штефаник желал скорейшего возвращения легионеров на родину, однако невозможность его немедленной реализации побудили генерала возложить на легионеров охрану тылов и железных дорог, и что это решение Штефаника стало спасительным для чехов и словаков, но губительным для фронта¹⁰.

Наиболее полная советская работа о чехословацком корпусе – монография А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России в 1914-1921»¹¹. С одной стороны, концепции этой книги присущи общие черты советской историографии – принцип партийности, незыблемость тезиса о классовой борьбе, примат общества над личностью, полемика с «буржуазной» историографией. С другой стороны, этот труд отличает широкий охват материала и внимание к деталям. По Клеванскому, борьба группировок в чехословацком буржуазно-националистическом движении в России была отражением внутривнутриполитической борьбы в правящих классах России и империалистических противоречий в лагере Антанты, а Штефаник – рьяным сторонником создания чехословацкого монархического государства под эгидой Франции и его идея создания для Франции чехословацкой армии из военнопленных носила выраженный антироссийский характер¹². О принятой при участии Штефаника киевской «Записи» автор пишет, что она, будучи компромиссом, не удовлетворила ни одну из сторон. Поражение русофильской группировки, ориентировавшейся на царское правитель-

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 90.

¹¹ Клеванский 1965.

¹² Там же. С. 38, 48.

ство, объясняется узостью ее буржуазно-монархической базы¹³. Роль чехов и словаков в гражданской войне описывается через противостояние интернационалистов, которые были союзниками красных, и националистов, поддерживавших белых. Но и среди последних автор делает акцент на разделение на офицерство, мечтавшее об установлении в России белой диктатуры, и солдатскую массу, которая чем дальше, тем меньше хотела воевать¹⁴. Подчеркиваются конфликты легионеров с белыми и местным населением. Штефаник представлен как лидер «белочехов» и антисоветский деятель; он настаивал на том, чтобы сосредоточить чехословацкие части на наиболее важном и перспективном направлении и под лозунгом «силой пробиться на родину» начать активные наступательные операции¹⁵. Клеванский видел неудачу Штефаника в том, что ему не удалось побороть выборное начало и разложение в армии.

В 1967 г. Я.Б. Шмераль лишь затронул деятельность М.Р. Штефаника как политика и дипломата в связи с созданием Чехословацкого государства¹⁶. Он оценивал Штефаника как проводника интересов чешской буржуазии. В соответствии с марксистской концепцией, в образовании Чехословакии сыграли роль не личности, а движение масс, приведенное в действие победой социалистической революции в России.

Во втором издании книги «Астрономы» (1986 г.), содержится статья, дающая информацию о научной деятельности Штефаника¹⁷. Интересно, что эта статья отсутствует в первом издании 1977 г., что говорит о постепенной реабилитации Штефаника в поздней советской историографии. Важно, что имя Штефаника в предназначенном для широкого читателя справочнике не только не замалчивается, но он раскрывается в малоизвестном советскому читателю качестве – как астроном.

Сейчас российская историческая наука переживает период смены исследовательской парадигмы. Многие дела и мысли М.Р. Штефаника, его историческая миссия и связанные с ним события видятся и оцениваются теперь в иной исторической ретроспективе. Особого внимания в этой связи заслуживают работы сотрудников Института славяноведения РАН В.К. Волкова, Э.Г. Задорожнюк, Ю.В. Богданова, Е.П. Серапионовой и исторического факультета МГУ З.С. Ненашевой, Е.Ф. Фирсова. В 2001 г. была опубликована книга «Милан Растислав Штефаник: новый взгляд» (подготовлена при теснейшем сотрудничестве со словацкими специалистами), которая стала первым сборником статей на русском языке, посвященных М.Р. Штефанику¹⁸. Книга вводит в науч-

¹³ Там же. С. 368.

¹⁴ Там же. С. 260-261.

¹⁵ Там же. С. 276.

¹⁶ Шмераль 1967.

¹⁷ Колчинский, Корсунь, Родригес 1986. С. 77-78.

¹⁸ Милан Растислав Штефаник: новый взгляд... 2001.

ный оборот множество новых архивных материалов и свидетельств, связанных с поездками Штефаника в Россию. Все статьи сборника объединяет высокая оценка М.Р. Штефаника как незаурядной, многогранной, целеустремленной личности¹⁹, его образ реабилитируется в глазах российских читателей. Ю.В. Богданов подчеркивает его романтическую любовь к звездам, блестящие организаторские способности (в т.ч. главную заслугу в организации чехословацких легионов), беззаветную преданность делу создания чехословацкого государства²⁰. Э.Г. Задорожнюк сравнивает политические взгляды Т.Г. Масарика и М.Р. Штефаника и выявляет особенности их взаимоотношений на разных этапах жизни и деятельности²¹. В статье описана роль Штефаника в создании Чехословацкого национального совета и первых военных формирований. В авторской концепции, в отношениях лидеров Сопrotивления господствует консенсус, но при описании событий 1918 г. вскрываются противоречия между Штефаником, Масариком и Бенешом, возникшие на почве их позиций по поводу формирования первого чехословацкого правительства и в отношении к участию чехословацкого корпуса в российской гражданской войне²². И все же, считает Э.Г. Задорожнюк, то, что их объединяло, гораздо больше того, что разъединяло.

В статье Е.Ф. Фирсова сопоставлены миссии Штефаника 1916–17 и 1918–19 гг. и выявлены содержащиеся в оперативных материалах российских властей оценки деятельности Штефаника. Исход миссии 1916–17 гг., смысл которой видится автору в ослаблении геополитического влияния России в средней Европе, был, по Е.Ф. Фирсову, predetermined и не зависел от Штефаника, так как ни одна из сторон не могла повлиять на действия и решения русского правительства, позиция которого изменилась только по причине революции²³. Сибирская поездка 1918–19 гг. имела инспекционный характер. Оценивая деятельность Штефаника, автор заключает, что он сумел преодолеть революционное брожение, укрепить дисциплину чехословацкого войска и обеспечить его лояльность колчаковскому режиму, тем самым способствовал признанию Чехословакии союзниками по Антанте²⁴. Е.Ф. Фирсов описывает Штефаника как энергичного, предприимчивого, бесстрашного, мужественного человека, обладавшего удивительной дипломатической способностью вызывать к себе благосклонное отношение высокопоставленных лиц и одновременно – самоотверженного в служении своей родине²⁵.

¹⁹ Волков 2001; Богданов 2001.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Задорожнюк 2001. С. 60–61.

²² Там же. С. 74–76.

²³ Фирсов 2001. С. 37, 42.

²⁴ Там же. С. 44, 51.

²⁵ Там же. С. 39, 53–54.

Е.П. Серапионова, исследуя обстоятельства пребывания Штефанника в Сибири в 1918-19 гг., опирается на обнаруженный в Российском военном архиве доклад личного секретаря Штефанника проф. Ф. Лаконома. Штефаник предстает как человек благородный, преданный своим идеалам, с неисчерпаемой энергией, в самых тяжелых обстоятельствах не прекращавший своей кипучей деятельности. В деле создания чехословацкого государства Штефаник имел четкую политическую концепцию. В статье показано, как разъяснениями и приказами он побуждал чехов и словаков продолжать сражаться за Россию, а после своего отъезда был намерен снова вернуться в Сибирь и оставаться там вплоть до эвакуации последнего солдата. Е.П. Серапионова приводит интересное сравнение судеб Штефанника и Колчака, у которых, несмотря на расхождении во взгляде на ситуацию было много общего²⁶.

Статья З.С. Ненашевой посвящена эволюции словацкого вопроса в России в 1916–1917 гг., которая рассматривается как процесс противостояния чехословакистского и русофильского течений. По мнению, автора роль в ней Штефанника была обусловлена тем, что он активно продвигал линию Масарика и способствовал тому, что российские официальные круги изменили свое отношение к чешскому и словацкому вопросам. Победа чехословакистской концепции, достигнутая при участии М.Р. Штефанника, означала поражение пророссийской альтернативы, считавшей возможным самостоятельное развитие Словакии под покровительством России и без союза с Чехией. З.С. Ненашева пишет, что в период выполнения миссии в России Штефаник проявил себя талантливым военным дипломатом, быстро ориентирующимся в сложной, постоянно меняющейся ситуации и умело использующим слабые стороны партнеров и противников для достижения поставленных целей²⁷. Будучи на службе у Франции и являясь проводником чехословакистской идеи, он в то же время в доступных ему пределах пытался реализовать и национальные интересы словаков в его собственном понимании.

Е.Ф. Фирсов в статье «Словацкие сюжеты и знаменитый словак М.Р. Штефаник (по архивным материалам России)» привлек внимание к имеющимся в России архивным документам, свидетельствующим о ключевой роли Штефанника в присоединении «русских» чехов и словаков к программе Масарика²⁸. В его же статье «Военно-дипломатические миссии генерала М. Штефанника в России в 1916-19 гг. (чешско-словацкие и геополитические аспекты)» Штефаник предстает стоической личностью, готовой ехать ради Масарика на край света, чтобы выполнить миссию эмиссара по чрезвычайным ситуациям в далекой России. Автор

²⁶ Серапионова 2001. С. 116, 118-119, 123-124.

²⁷ Ненашева 2001. С. 108.

²⁸ Фирсов 2002. С. 512.

подчеркивает, что как военачальник и представитель новой Чехословацкой республики Штефаник пользовался уважением и небывалым доверием среди союзников и колчаковской администрации²⁹.

Ценными для представления о научно-исследовательской деятельности Штефаника являются краеведческие данные о его поездке в Туркестан, собранные Фаридом Анварбеком³⁰. В его статье показано, что визит Штефаника в Туркестан остался в памяти жителей тех мест. В ней Штефаник изображен как отважный астроном, который ставит науку превыше всего и мужественно выносит неудачи.

В биографии, опубликованной Е.П. Серапионовой в сборнике «До и после Версаля» (о выдающихся политических деятелях Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже эпох), Штефаник характеризуется как целеустремленная творческая личность, патриот, свято веривший в освобождение своего народа. В 1916-17 гг. основным оппонентом Штефаника, по мнению автора, был российский МИД, использовавший Дюриха в своих целях³¹. В Сибири главной задачей Штефаника как военного министра было превращение чехословацкой армии из добровольческой в регулярную. Эта статья может служить примером большого потенциала российской историографии в распространении знаний о Штефанике и раскрытии его образа для российской общественности.

На основании проведенного анализа историографии можно проследить, как менялось отношение к М.Р. Штефанику в России. Как видим, о нем и его деятельности высказывались самые разные мнения, от резко негативных до излишне хвалебных. В 1920-е гг. в белоэмигрантской литературе отношение к Штефанику высказывалось очень политизированное. Его современниками, смотрели на него сквозь призму своих политических пристрастий: то как на одного из виновников поражения Белой армии (К.В. Сахаров), то как на циничного агента Масарика (Вл. Лазаревский), то как на истинного славянофила и русофила (В.С. Драгомирецкий). Если в трудах эмигрантов можно найти диаметрально противоположные оценки, то в советской историографии установился догматичный, идеологически единственно возможный взгляд на Штефаника как организатора и руководителя выступления «белочехов» против советской власти и пособника империалистического запада. Тем не менее, это не помешало А.Х. Клеванскому, оставаясь в рамках марксистской методологии, провести подробное исследование роли Штефаника в истории чехословацкого корпуса. С конца 1980-х в России начинается пересмотр отношения к Штефанику, однако в постсоветских работах 1990-х гг. интерес исследователей в большей степени

²⁹ Фирсов 2011. С. 40.

³⁰ Анварбек 2006.

³¹ Серапионова 2009. С. 365.

привлекал Масарик, в тени которого оставались люди его окружения. Первым объективным исследованием, давшим толчок изучению Штефаника в современной России, стал сборник статей «Милан Растислав Штефаник: новый взгляд», подготовленный при участии словацких специалистов и заложивший начало традиции плодотворного сотрудничества российских и словацких историков. В результате исследовательского диалога и обмена мнениями со словацкими коллегами в российской историографии установился образ Штефаника как выдающегося государственного деятеля, искреннего патриота, искусного дипломата, самоотверженного военного и влюбленного в небо астронома. Все современные российские историки подчеркивают, что благодаря своим личным качествам он добивался успеха в самых разных областях. Можно еще заметить, что у нас Штефаник изучался исключительно в связи с его участием в событиях истории России, но на современном этапе стали затрагиваться и другие аспекты его деятельности.

Однако проблема оценки деятельности М.Р. Штефаника остается неисчерпанной. Недостаточно исследована эволюция его личности на разных этапах, не раскрыта его позиция по ряду вопросов политического и идеологического характера. Требуют дальнейшего изучения такие проблемы как: Штефаник и Россия, его чехословакизм, его разногласия с Бенешем и Масариком, международные аспекты его деятельности и др. Современному исследователю необходимо разобраться в многообразии прежних оценок и выработать взвешенное видение деятельности Штефаника в целом и по отдельным вопросам. Хочется надеяться, что современные историки будут способствовать распространению знаний о М.Р. Штефанике в российском обществе. Тем более что эти знания будут способствовать пониманию культуры, истории, особенностей менталитета словаков, укреплению отношений между нашими народами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анварбек Ф. В Туркестан за солнечным затмением, которое затмил снег // Зеркало, общественно-информационный еженедельник, Ташкент, 2006, 17 ноября.
- Богданов Ю.В. Милан Растислав Штефаник в восприятии словацкой литературы // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. Мартин: Неография, 2001. С. 28-34.
- Волков В.К. Милан Растислав Штефаник – человек-легенда // Там же. С. 13-19.
- Драгомирецкий В.Е. Чехословаки в России 1914–1920. Париж-Прага, 1928. 219 с.
- Задорожнюк, Э.Г. Милан Растислав Штефаник и Томаш Гарриг Масарик: жизни и судьбы // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. Мартин: Неография, 2001. С. 57-82.
- Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М.: Наука, 1965. 397 с.
- Лазаревский Вл. Россия и чехословацкое возрождение. Париж, 1927. 175 с.
- Ненашева З.С. Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское общественное мнение // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. 2001. С. 83-112.
- Серапионова Е.П. Человек-легенда Милан Растислав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Индрик, 2009. С. 356-373.
- Серапионова Е.П. Милан Растислав Штефаник в Сибири // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. Мартин: Неография, 2001. С. 113-126.

- Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 325 с.
- Фирсов Е.Ф. Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колоний в России в 1915–1917 гг. Масарик или Дюрих? // Версаль и новая Восточная Европа. М.: ИСБ РАН, 1996. С. 111-135.
- Фирсов Е.Ф. Милан Растислав Штефаник в России // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. Мартин: Неография, 2001. С. 35-56.
- Фирсов Е.Ф. Словацкие сюжеты и знаменитый словак М.Р. Штефаник (по архивным материалам России) // Мecenat и мир. 2002. № 17, 18, 19, 20. С. 508-518.
- Фирсов Е.В. Военно-дипломатические миссии генерала М. Штефаника в России в 1916–1919 гг. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М.: МНЭПУ, 2011. С. 38-49.
- Шмераль Я.Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М.: Наука, 1967. 339 с.
- Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. Астрономы. Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1986. С. 77-78.

REFERENCES

- Anvarbek F. V Turkestan za solnechnym zatmeniem, kotoroe zatmil sneg // Zerkalo, obshchestvenno-informacionnyj ezhenedel'nik, Tashkent, 2006, 17 noyabrya.
- Bogdanov YU.V. Milan Rastislav SHtefanik v vospriyatii slovacckoj literatury // Milan Rastislav SHtefanik: novyj vzglyad. Martin: Neografiya, 2001. S. 28-34.
- Volkov V.K. Milan Rastislav SHtefanik – chelovek-legenda // Ibid. S. 13-19.
- Dragomireckij V.E. CHEkhoslovaki v Rossii 1914–1920. Parizh-Praga, 1928. 219 с.
- Zadorozhnyuk, E.H.G. Milan Rastislav SHtefanik i Tomash Garrig Masarik: zhizni i sud'by // Milan Rastislav SHtefanik: novyj vzglyad. Martin: Neografiya, 2001. S. 57-82.
- Klevanskij A.H. CHEkhoslovackie internacionalisty i prodannyy korpus. M.: Nauka, 1965. 397 s.
- Lazarevskij VI. Rossiya i chekhoslovackoe vozrozhdenie. Parizh, 1927. 175 s.
- Nenasheva Z.S. Milan Rastislav SHtefanik, slovacckij vopros i rossijskoe obshchestvennoe mnenie // Milan Rastislav SHtefanik: novyj vzglyad. 2001. S. 83-112.
- Saharov K.V. Belaya Sibir'. Myunhen, 1923. 325 s.
- Serapionova E.P. Milan Rastislav SHtefanik v Sibiri // Milan Rastislav SHtefanik: novyj vzglyad. Martin: Neografiya, 2001. S. 113-126.
- Serapionova E.P. Chelovek-legenda Milan Rastislav SHtefanik: uchenyj, politik, general // Do i posle Versalya. Politicheskie lidery i ideya nacional'nogo gos-udarstva v Central'noj i YUgo-Vostochnoj Evrope. M.: Indrik, 2009. S. 356-373.
- Firsov E.F. Bor'ba za politicheskuyu orientaciyu cheshskoj i slovacckoj kolonij v Rossii v 1915–1917 gg. Masarik ili Dyurih? // Versal' i novaya Vostochnaya Evropa. M.: ISB RAN, 1996. S. 111-135.
- Firsov E.F. Milan Rastislav SHtefanik v Rossii // Milan Rastislav SHtefanik: novyj vzglyad. Martin: Neografiya, 2001. S. 35-56.
- Firsov E.F. Slovacckie syuzhety i znamenitij slovak M.R. SHtefanik (po arhivnym materialam Rossii) // Mecenat i mir. 2002. № 17, 18, 19, 20. S. 508-518.
- Firsov E.V. Voенно-diplomaticheskie missii generala M. SHtefanika v Rossii v 1916–1919 gg. // Pervaya mirovaya vojna: vzglyad spustya stoletie. M.: MNEHPU, 2011. S. 38-49.
- SHmeral' YA.B. Obrazovanie CHEkhoslovackoj respubliki v 1918 g. M.: Nauka, 1967. 339 s.
- Kolchinskij I.G., Korsun' A.A., Rodriges M.G. Astronomy. Kiev: Naukova dumka, 1986.

Колесников Борис Валерьевич, аспирант, Волгоградский государственный университет; boryanVolg34@mail.ru

M.R. Štefanik in Russian historiography and historical memory

The author has traced changing evaluations of the personality and activity of M.R. Štefanik in the emigrant, Soviet and contemporary Russian historiography. The article analyzes a contribution of every stage of national historiography in formation of Štefanik's image in the scientific sphere of historical memory.

Keywords: Štefanik, historiography, the Civil war, Czechoslovak corps, image, evaluation

Boris Kolesnikov, PhD-student, Volgograd State University; boryanVolg34@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. А. Ладынин

ПОНЯТИЕ ЭЛЛИНИЗМА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность?*

В статье анализируются теоретические и мировоззренческие предпосылки к восприятию эллинизма как этапа в развитии рабовладения (А.Б. Ранович) и как конкретно-исторического явления (К.К. Зельин), сильные и слабые стороны этих позиций и их судьба в науке конца XX – начала XXI в. По мнению автора, эллинизм (состояние греческого мира после завоеваний Александра) является не столько этапом в каком-либо процессе, сколько конкретной формой выхода греческого полиса из его кризиса в IV в. до н.э.

Ключевые слова: древность, эллинизм, марксизм, полис, синтез, Греция, Восток, Александр Великий

Когда концепция эллинизма как этапа в развитии рабовладельческого способа производства, присутствовавшая в советской историографии, связывается однозначно с именем А.Б. Рановича, мало кто вспоминает, что это, в сущности, несправедливо. Конечно, Ранович изложил свое видение эллинизма наиболее подробно (в т.ч., в отдельной книге, вернее, во введении к ней)¹, а также обрел эрудированного и педантичного (в лучшем смысле слова) оппонента в лице К.К. Зельина², но сходное понимание эллинизма в советской науке 1930–1940-х гг., можно сказать, носилось в воздухе³ и отразилось в общих работах и учебниках С.И. Ковалева⁴, В.С. Сергеева⁵, К.М. Колобовой⁶. Примечательно, что сначала на уровне некоторых формулировок примыкал к этой позиции и

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

¹ Ранович 1950. С. 10-39; см. также Ранович 1945; 1949.

² Зельин 1950; 1953; 1955.

³ См.: Фролов 1999. С. 418-419.

⁴ Ковалев 1936. Ч. 2. С. 5-7; 1949. С. 9; см. Крих, Тарасова 2014.

⁵ Сергеев 1934. С. 298; ср. менее социологизированные и более расплывчатые формулировки: Сергеев 1939. С. 305; 1948. С. 399.

⁶ Колобова, Глускина 1958. С. 332; данная позиция Колобовой сформировалась существенно раньше и отразилась, в частности, в ее неопубликованном курсе истории эллинизма (Фролов 1999. С. 418); см. подробнее: Климов 2008. С. 583-584.

сам Зельин⁷. Критиковать ее легко: коль скоро эллинизм – этап в социально-экономическом развитии античного, т.е. греческого общества, достаточно спросить, какие чисто экономические новации он принес в формах эксплуатации или в развитии товарно-денежных отношений, – причем такие новации, которые не обозначились ранее и были результатом эволюции греческого общества, а не его экспансии на Восток. Конкретного ответа на этот вопрос у Рановича нет: согласно его формулировке, «исторически неизбежный процесс возникновения и падения эллинистического мира» включал такие составляющие, как «временный значительный подъем производительных сил, укрепление позиций рабовладельческого класса, затем новый кризис всей системы, углубление классовых противоречий, и, наконец, утрата политической независимости⁸. Анализируя ее, Зельин справедливо заметил, что «с равным правом она может быть приложена к классической или римской эпохе»⁹.

Антитеза позиции Рановича, предложенная Зельиным («Эллинизм не является этапом в развитии античного рабовладельческого общества, и использование этого термина для обозначения этапа может только запутать и без того сложную проблему этапов развития древних обществ...¹⁰ Эллинизм представляет собой сочетание и взаимодействие эллинских и местных (главным образом, восточных) начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре»¹¹), стала если не общепринятой, то, во всяком случае, наиболее распространенной в советском и постсоветском антиковедении¹². Возможно, это связано с тем, что отечественная историография не слишком сильна в создании схем, мотивированных не ценностью, а логически, а работы Зельина впечатляли именно логическими построениями¹³. Однако позднее Э.Д. Фролов оценил позицию Зельина как «отказ

⁷ «Обыкновенно эллинизм определялся довольно обще, как слияние греческих и восточных элементов. ...Необходимо внести в него (в определение эллинизма – *И.Л.*) большую четкость, что может быть достигнуто только выяснением реальных основ эллинистической культуры, социально-экономических условий возникновения и развития эллинистического общества. Переход от эллинской к эллинистической эпохе... являлся перестановкой в социальных отношениях и изменением хозяйственной жизни» (Зельин 1938. С. 341).

⁸ Ранович 1950. С. 231.

⁹ Зельин 1955. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 100. Начиная свое суждение со слов об этапе «в развитии античного рабовладельческого общества» ученый далее говорит об этапах «развития древних обществ» вообще. В таком случае эти понятия для него, по существу, тождественны.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Историография 1980. С. 362; Кошеленко 1990. С. 12; Сапрыкин 2008. С. 215; Габелко 2009. С. 171; Суриков 2015. С. 20.

¹³ См. опыт К.К. Зельина по упорядочению применения марксистских исследовательских категорий на основе формальной логики: Зельин, Трофимова 1969. С. 1-33.

от попыток определить эллинизм по существу» (добавив, впрочем, что «время для общего определения эллинизма, очевидно, еще не наступило»¹⁴), а еще через некоторое время Г.А. Кошеленко сказал о ней: «сейчас видны и ее слабые стороны»¹⁵. Едва ли в 1980-е и в начале 1990-х гг. они стали виднее, чем изначально, поскольку это суждение сопровождалось очень простым доводом: если эллинизм – синтез греческих и восточных начал, то в чем он проявился в Греции и Македонии? По мнению Кошеленко, «ни в социально-экономической, ни в политической структуре этих стран не было никаких признаков сколько-нибудь значительного влияния восточных начал» и, кроме того, «здесь... отсутствует одна из наиболее характерных для эллинистического Востока черт – династийный культ»¹⁶. Однако Греция и Македония были столь прочно интегрированы в систему взаимодействий эллинистической ойкумены, что отказ от их признания ее частью был бы неправомерен¹⁷. Контраргументы к такому доводу при желании тоже можно найти – например, в распространении в эллинистических Греции и Македонии восточных культов, более широком, чем ранее. Кошеленко предвосхитил ссылку на это замечанием, что «все-таки это – маргинальное явление греческой культуры»¹⁸, - уязвимым, ибо оценка значимости таких явлений достаточно субъективна, а их незначительность не отменяет само их наличие как симптомов греко-восточного синтеза. Пожалуй, более веским ответом на такой контраргумент был бы вопрос, сводится ли вся специфика времени эллинизма в Греции и Македонии лишь к этим элементам греко-восточного синтеза – неважно, значимым или маргинальным.

Пока не оцененный аспект позднесоветской и постсоветской дискуссии об эллинизме – попытки обнаружить его симптомы в обществах, находящихся вне его общепринятых территориальных и хронологических рамок. Предпринявшие их ученые, с одной стороны, разделяли позицию К.К. Зельина (как минимум, не возражали против нее), с другой – полагали, что понятие эллинизма имеет общеизвестное и не требующее обоснования наполнение. Так, согласно Е.М. Штаерман, для «классических типов» эллинистических государств характерны сосуществование крупных царских хозяйств с хозяйствами полисов и с традиционными укладами, а также сакрализованная царская власть, которая опиралась на мощную администрацию и ограничивала автономию полисов. Римско-италийское государство Поздней Республики основано на иных принципах и не может считаться эллинистической структурой; однако характер

¹⁴ Фролов 1982. С. 17-18.

¹⁵ Кошеленко 1990. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ См. также: Суриков 2015. С. 22-23.

¹⁸ Кошеленко 1990. С. 13.

ной чертой эллинизма был и определенный тип культуры, который как раз оказал мощное влияние на Рим, хотя не изменил традиционного самосознания его элиты¹⁹. Независимо от Штаерман С.Ю. Сапрыкин фактически свел понятие эллинизма к тем же моментам – сравнительно равновесному сочетанию в экономике царского и полисного хозяйств и распространению однородной, эллинской в своей основе культуры. Оговорив приверженность подходу Зельина, он отметил, что эти явления наблюдаются в римском мире уже после 31–30 гг. до н.э.: «Этот второй период истории эллинизма можно условно назвать постэллинизмом»²⁰. По мнению Сапрыкина, вплоть до римского времени «в эллинистических “малых” государствах Восточной Малой Азии и Закавказья преобладали местные... социально-экономические структуры»²¹. Лишь после побед Рима над Арменией и Понтом в его провинциях и вассальных царствах начинается «насаждение эллинизма» – усиление позиций полисов, в т.ч. путем передачи им царских владений и широкого градооснования. А в Боспорском царстве, возникшем на основе симмахии полисов, эллинистическая трансформация в I в. до н.э. выразилась, напротив, в сложении крупного землевладения царей и «проиранской местной аристократии», причем эти земельные отношения существовали до середины III в. н.э.²²

Оба ученых исходят из того, что эллинизм – это модель, включающая довольно стандартный набор признаков. Понятно, почему такое видение эллинизма оформилось именно в их работах: говоря о том, наблюдается ли то или иное явление вне его общепризнанного ареала, следует сначала усвоить, чем оно является в нем самом. Согласно этим исследователям, данная модель была сформирована греко-восточным синтезом, начавшимся после завоеваний Александра, но далее к ней могли «подтягиваться» самые разные общества. Штаерман отрицала намерения Цезаря реорганизовать по этой модели римское государство («кроме как на распускавшихся его противниками слухах такое предположение ни на чем не основано»)²³; но само признание ею наличия таких слухов показывает, что, по ее мнению, римляне вполне осознавали наличие такой модели. Безусловно, Штаерман и Сапрыкина нельзя упрекнуть в отказе «от попыток определить эллинизм по существу», как сказал Фролов о концепции Зельина: если в ней понятие эллинистического синтеза обрисовано широко и аморфно, то у этих ученых оно сведено к порождаемой этим синтезом модели. Однако они так и не отве-

¹⁹ Штаерман 1992.

²⁰ Сапрыкин 2008. С. 218; см. другую его трактовку этого термина: Гаилов, Кошеленко, Сердитых 1992. С. 31–32; Ладынин 2004. С. 148–149.

²¹ Сапрыкин 2008. С. 221.

²² Там же. С. 223–227, 229–231.

²³ Штаерман 1992. С. 142.

тили на вопрос, что предопределило ее востребованность в греческом мире, которому ее важнейшие компоненты были изначально чужды.

И.Е. Суриков отметил еще один нюанс позиции Сапрыкина: в его утверждении, что на Боспоре эллинизм наступает позже, чем в Восточном Средиземноморье²⁴, «прочитывается... презумпция, согласно которой эллинизм – именно этап, который рано или поздно должен наступить в рассматриваемом автором регионе». Еще четче эта «презумпция» видна в обсуждавшейся статье Сапрыкина, трактующей вопрос о «хронологических границах» эллинизма. Однако такая постановка вопроса противоречит декларируемой Сапрыкиным приверженности концепции Зельина, согласно которой эллинизм вообще не является этапом и, стало быть, не должен оцениваться с точки зрения хронологических границ²⁵. Думается, Суриков не вполне прав, поскольку восприятие эллинизма Штаерман и Сапрыкиным как определенной модели, по сути, модифицирует позицию Зельина и возвращает к трактовке эллинизма как этапа, только, конечно, не в эволюции рабовладения: для этих ученых эллинизм – это этап, на котором данная модель формируется и распространяется. Гораздо более существенно, что замеченная Суриковым презумпция неискоренима и в построениях самого К.К. Зельина. Определяя эллинизм как совокупность конкретных явлений греко-восточного взаимодействия, он хочет отвести очевидное возражение, что тогда об эллинизме надо говорить еще с VIII в. до н.э.: «процесс взаимодействия в эллинистический период происходил в иной исторической обстановке, обусловленной развитием греческих рабовладельческих полисов, Македонии, восточных государств и племен к концу IV в. до н.э.; он протекал в совершенно иных масштабах, отличался иной интенсивностью и характером»²⁶. В этом пояснении не вызывает вопросов только упоминание «масштаба»: стоило бы пойти дальше и сказать прямо, что такой масштаб греко-восточного взаимодействия стал возможен лишь после завоеваний Александра. В остальном пояснение Зельина напрашивается на контрвопросы: что именно в развитии обществ Греции, Македонии и тем более Востока подготовило эллинизм? Чем характер греко-восточного взаимодействия в условиях эллинизма отличается от его более раннего качества, помимо масштаба? Ответ Зельина на последний вопрос в аспекте, существенном для историка-марксиста, имеется в другой его формулировке: «Общие условия экономической жизни изменились: возникли новые большие государства, представлявшие собой сложные хозяйственные организмы»²⁷. Эту фразу можно отнести к державе Ахе-

²⁴ Сапрыкин 2002.

²⁵ Суриков 2015. С. 20.

²⁶ Зельин 1955. С. 104.

²⁷ Там же. С. 107.

менидов²⁸ не с меньшим, а с большим основанием, чем к эллинистическим царствам, так что ее нужно «договорить до конца»: видимо, речь идет о «больших государствах» с мощным слоем греко-македонского населения²⁹. Но тогда опять же нужно «договорить», что такие государства возникли лишь после завоеваний Александра. Как видно, его деяния – необходимая предпосылка того качества греко-восточного синтеза, которое имеется в виду в определении эллинизма, данном Зельиным.

Однако в таком случае сторонникам концепции Зельина (как и ему самому) не следовало бы чуждаться определения эллинизма именно как *эпана*. Вообще же понимание его как эпохи, начавшейся со времени Александра, было свойственно еще И. Дройзену, предложившему в 1833 г. сам термин «эллинизм»³⁰, и общепринято в мировой науке до сих пор³¹. При этом если определение финального рубежа эллинизма дает некий повод для дискуссий (см. о статье Сапрыкина выше и о подходе к этому вопросу Х.-И. Герке в прим. 31), то его начало не вызывает сомнений: ни один исследователь не назовет эллинистическим царем отца Александра Филиппа II. Эллинизм – это, вне сомнений, эпоха «со времени Александра и далее» на уровне консенсуса исследователей, восходящего к труду введшего этот термин Дройзена.

²⁸ См. о т.н. проблеме «предэллинизма» в Передней Азии, под которым понимается как раз время ее интеграции в составе Ахеменидской державы: Briant 1982. P. 291–330; Вейнберг 1989

²⁹ См. о проблеме господствующего слоя («этнокласса») македонян и греков в эллинистических государствах Востока: Briant 1982. P. 227–280; Мель 2005.

³⁰ Дройзен 1890–1893. Т. 1. С. 1).

³¹ В «Кембриджской древней истории» эллинизм – это эпоха, наступившая *после* смерти Александра, что, однако, не слишком меняет дело; сам этот термин вводится «по умолчанию», без какого-либо специального обсуждения (Cambridge Ancient History 1984). В 2000-е гг. истории эллинизма были посвящены два издания в жанре «спутников» (companion): в одном из них эпоха Александра включена в период эллинизма (Cambridge Companion 2006. P. 9–27), а в другом началом эллинизма считается смерть Александра (Companion 2003. P. 2, 22–34); в обоих финалом эллинизма, по традиции, признается 31–30 гг. до н.э. (включение Египта в состав Римской державы; Companion 2003. P. 2; Cambridge Companion 2006. P. XXII, 2). Введения к этим изданиям очерчивают проблемы, актуальные в изучении эллинизма, однако само это понятие опять же признается не требующим рефлексии. В компендиуме Х.-И. Герке эпоха эллинизма определяется как время «открытия Востока», изменившего приоритеты в политической и экономической жизни греков, что в свою очередь было подготовлено предшествующим этапом истории Греции (Gehrke 2008, S. 1–3). Хронологические границы эллинизма при этом не определяются, однако само это явление названо «ограниченным временным континуумом» (ein eindeutig begrenzbares zeitliches Kontinuum: Idem. S. 1); время Александра, в следовании традиции Дройзена, включается в изложение (Idem. S. 4–29, 136–158), а финал эллинизма предстает не единовременным рубежом, а довольно длинным этапом (от победы римлян над Македонией при Пидне в 168 г. до н.э. до подчинения ими Египта; Idem. S. 128–131).

Вернемся к нашему замечанию о том, что этапом в социально-экономической истории древности эллинизм считал не один Ранович, и отметим, что оно справедливо не только по отношению к советской науке. Строго говоря, как этап в развитии общества эллинизм рассматривал уже Дройзен, видевший, однако, основу хода истории не в материальном, а в духовном начале: по его мнению, сложение в эпоху эллинизма «космополитической цивилизации» на основе греческого рационализма было предпосылкой к отказу от язычества и к торжеству этических религий³². Однако на рубеже XIX и XX вв. стало актуально построение экономических парадигм исторического процесса. Встраивать в них понятие эллинизма, воспринятого как исторический этап, было естественно; и вне советской историографии в 1920–1940-е гг. такую возможность показал М.И. Ростовцев – последователь циклистской методологии Э. Мейера³³ и создатель фундаментальной «Социально-экономической истории эллинистического мира»³⁴.

С.Б. Крих писал о «показном невнимании» Рановича к труду Ростовцева: в своей книге Ранович «не сознается», что материал этого труда важен для его собственного исследования, но упоминает Ростовцева особенно и, кроме того, ведет с ним скрытую полемику³⁵. Как рецензент труда Ростовцева (см. далее), Ранович знал, что тот формулировал целостную и динамичную, хотя и не лишенную противоречий концепцию эллинизма как явления социально-экономической истории³⁶. По Ростовцеву, экспансия на Восток была для Греции IV в. до н.э. выходом из кризиса перенаселения и перепроизводства товаров. Греки и македоняне преобразовали общество Востока, придав ему рациональную организацию и динамизм: так, в Египте появляются плановая экономика, подчиненная государству, и предпринимательство на розданных в условное владение участках земли³⁷. Единство эллинистического мира, инициативной элитой которого («буржуазией») были греки, придало мощный импульс развитию экономических связей и торговли. И греческий и во-

³² Дройзен 1890–1893. Т. 1. С. 379–382.

³³ См.: Хайнен 1992. С. 166.

³⁴ Rostovtzeff 1941.

³⁵ Крих 2013. С. 142, 148.

³⁶ См. о ней в связи с работами Ростовцева по птолемеевскому Египту, откуда происходит наиболее обильный по сравнению с другими регионами эллинистической ойкумены документальный материал папирусов: Хайнен 1992.

³⁷ Х. Хайнену явно казалось противоречивым одновременное употребление Ростовцевым еще в ранних его работах понятий «коммунизм» (для характеристики контроля государства Птолемея над экономикой) и «капитализм» (для характеристики монетарных, как мы сказали бы сейчас, методов управления ею и предоставлявшихся в ее рамках возможностей для предпринимательства; Там же. С. 166–167). Немецкий ученый, однако, не наблюдал организации экономики и особенностей предпринимательства в России на разных этапах ее истории XX в.

сточный миры в эпоху эллинизма выходят на новый этап своего развития: для Востока это переход от застойного натурального хозяйства к интенсивным товарно-денежным отношениям, для Греции – переход самих этих отношений на качественно более высокий уровень.

Общие оценки труда Ростовцева Рановичем мы видим в ряде его работ: в рецензии на этот труд; в обобщающих статьях, одна из которых вышла в 1945 г., а другая – уже после смерти Рановича, в 1949 г., и, очевидно, писалась в предыдущие два-три года; наконец, во введении к книге об эллинизме, опубликованной еще позже, в 1950 г. Суждения Рановича во всех этих публикациях взаимосвязаны и в значительной мере повторяются текстуально. Он оценивает скорее позитивно то, что «Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического» и «рассматривает “эллинистический мир”... как единство политическое и экономическое»³⁸. Ростовцев «не сумел обнаружить и показать какие-либо закономерности, найти основную линию развития эллинистической экономики, но «не потому, что... не чувствует потребности в этом»³⁹. Напротив, ученый «пытается выделить основные, ведущие “факторы”, осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма»; но он «не видит основного, – что развитие обществ определяется развитием производственных отношений... не приемлет учения о социально-экономических формациях», поэтому его работе свойственно «неумение ввести отдельные явления в систему»⁴⁰. Разумеется, Ранович критикует и модернизаторский подход Ростовцева: «Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет термины “буржуазия”, “пролетариат”, “феодалы”, “крепостные”, не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений»⁴¹. А роль, отведенная в становлении эллинизма греческому духу, проникшему на Восток, заставляет Рановича сказать, что Ростовцев «не мог в объяснении роста и упадка эллинистических государств и эллинистической экономики пойти дальше психологических мотивов»⁴².

Эти оценки кочуют из одной публикации Рановича в другую, отсутствуя в таких формулировках только в рецензии на труд Ростовцева, что понятно: там дается подробная и конкретная аннотация его содержания. При этом одно суждение в этих публикациях постепенно купируется вплоть до полного исчезновения. В рецензии Ранович с определенным энтузиазмом выделяет два тезиса Ростовцева, которые состоят

³⁸ Ранович 1950. С. 13–14; ср. Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 12–13.

³⁹ Ранович 1950. С. 14; ср. Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 13 (менее явно).

⁴⁰ Ранович 1950. С. 14; ср. Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 13.

⁴¹ Ранович 1950. С. 15. Ср.: Там же. С. 11; Ранович 1945 (2). С. 101–102; 1949. С. 14.

⁴² Ранович 1950. С. 15; ср. Ранович 1945 (2). С. 102.

в признании эллинистического мира политическим и экономическим единством и в «характеристике эллинизма как прогрессивного этапа в истории человечества (далее следует цитата – *И.Л.*)»⁴³. В статьях 1945 и 1949 гг. слова о том, что эллинизм для Ростовцева – «прогрессивный этап в истории античности», имеются, но гораздо менее акцентированы⁴⁴. В книге Рановича их нет вовсе, что можно объяснить ситуацией 1949–1950 гг., когда она готовилась к печати: мрачный фон «борьбы с космополитизмом» не располагал к открытому признанию, что эмигрант и буржуазный ученый может, как и советские историки, видеть в прошлом процесс поступательного развития. Но такая купюра согласуется и с задачами этой книги: заявленная в ней претензия на создание нормативной марксистской концепции эллинизма естественно дополнялась стремлением представить дело так, что прогрессивным этапом в истории древности его могут считать только историки-марксисты.

Не менее примечательно, что если в рецензии Рановича концепция Ростовцева аннотирована детально, то последующие публикации не дают о ней ясного представления. Куда подробнее Ранович характеризует в них концепцию У. Тарна, для которого эллинизм был не социально-экономическим, а в первую очередь культурным явлением⁴⁵. Такому пониманию эллинизма Ранович в своих статьях и в книге придает статус главной (и оспариваемой) альтернативы собственной концепции⁴⁶, не удостаивая этого статуса концепцию Ростовцева. В рецензии Ранович находит для оценки труда Ростовцева эмоциональные и, думается, искренние (разумеется, в свете его убеждений) слова: «В рамках этой идеологии Ростовцеву-ученому тесно, он невольно иной раз прорывает их; но он не в силах вырваться из плена буржуазной концепции... находясь все же под влиянием марксистской литературы, он пытается выделить основное, осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма»⁴⁷. Возможно, работая над рецензией (видимо, в течение последнего года войны), Ранович хотел представить взгляды Ростовцева как дающую повод для возражений, но достойную (фактографически, а в чем-то и идейно) альтернативу собственной концепции. Однако уже вскоре после войны, при усилении идеологического диктата возможность к этому отпала, и в итоге Ростовцев предстал лишь эпигоном социально-экономической трактовки эллинизма, не слишком удачливым «вследствие буржуазной ограниченности его творческих установок»⁴⁸.

⁴³ Ранович 1945 (1). С. 94.

⁴⁴ Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 13.

⁴⁵ Ранович 1945 (2). С. 100; 1949. С. 11–12; 1950. С. 12.

⁴⁶ Ранович 1950. С. 11–13, 32.

⁴⁷ Ранович 1945 (1). С. 98–99.

⁴⁸ Ранович 1950. С. 14.

Такая оценка концепции Ростовцева была единственно возможной с позиций советского марксизма того времени: как учение догматическое, он берег свою монополию на верный путь к достижению истины и не мог мириться с поиском иного пути к ней на собственном поле «соцэка». Если в 1920-е гг. в советском марксизме еще была возможность относительно свободного взаимодействия с немарксистскими концепциями, основанными на социально-экономических парадигмах⁴⁹, то в 1930-е гг. в нем утвердилась практически линейная схема исторического процесса, признававшая один детерминирующий его фактор – эволюцию форм эксплуатации⁵⁰. Для советских историков-марксистов 1930–1940-х гг. было совершенно естественно – и неизбежно – видеть в эллинизме этап развития одной из форм эксплуатации (разумеется, рабовладения), коль скоро они в принципе твердо знали, что эллинизм – это именно этап. На вопрос, откуда они и критикуемый ими Ростовцев знали это столь твердо, можно ответить точно: от Дройзена. Зельин и сторонники его концепции, строго говоря, допустили серьезную методическую ошибку: они забыли, что термин «эллинизм» не сложился естественным образом (как «Французская революция», «Великая депрессия» и т.п.), а был «авторским», и его создатель вложил в него совершенно определенный смысл обозначения исторического этапа. При реинтерпретации такого термина можно изменять или расширять его сущностное наполнение; но полностью менять характер его употребления (в данном случае, перестать обозначать им исторический этап), и все же продолжать использовать, а не заменять чем-то новым не столь уж корректно. Эта методическая ошибка была закономерным следствием научной добросовестности Зельина, его стремления быть строгим в описании и классификации исторических фактов – следуя при этом марксистской методологии. Ее Зельин явно воспринимал как действенное исследовательское орудие, а не навязанные правила игры: это видно по его выкладкам, связанным с принципами классификации форм зависимости (см. выше прим. 13). Как ученый, он не считал правильным признать эллинизм *этапом в эволюции рабовладения*, но как приверженец марксистской теории не мог признать, что столь значимый этап мог быть детерминирован чем-то кроме эволюции форм эксплуатации (см. прим. 10). При этом, опять же как ученый, он сознавал и, что важнее, наблюдал на материале источников, что употребление этого термина оправданно, что он соответствует необычайно значимому, общему для обширной территории явлению. Но тогда оставалось одно: пойти на полную (как мы сказали, некорректную) ревизию его употребления Дройзеном и заявить, что эллинизм – это *не этап вообще*.

⁴⁹ Крих 2013. С. 74–83.

⁵⁰ Ладынин 2016. С. 12–16.

Однако методология изучения древней истории в СССР на протяжении последних трех десятков лет его существования сильно трансформировалась. К 1980-м гг. в советской историографии оформились две масштабные концепции, претендовавшие на объяснение процессов древней истории большой протяженности: концепция путей развития обществ ранней древности, сформулированная практически единолично И.М. Дьяконовым⁵¹, и концепция эволюции древнегреческого общества, синтезировавшая выводы многих ученых и отразившаяся в знаменитом двухтомнике «Античная Греция»⁵². Взаимодополняемость этих концепций позволяла построить на их основе единую схему эволюции значительной части древних обществ, по сути дела, вплоть до рубежа нашей эры. Несмотря на марксистскую терминологию, обе эти концепции уже не были классически марксистскими, поскольку по сути постулировали иные детерминанты исторического процесса, чем эволюция форм эксплуатации. Для Дьяконова такой детерминантой было взаимодействие государства и общины в экономике разных регионов, обусловленное их экологической спецификой; для антиковедов-грецистов – эволюция полиса, также обусловленная объективными факторами⁵³.

В рамках второй схемы было достаточно полно и на уровне мировой науки того времени описано явление кризиса греческого полиса в IV в. до н.э.⁵⁴ Его суть в экономическом и политическом аспектах, на наш взгляд, сводится к следующему: полисы не выдерживают нагрузку (прежде всего, военную и финансовую), которая лежала на них как на независимых государствах, и в итоге вынуждены так или иначе встраиваться в более обширные структуры, способные эту нагрузку на себя принять (как удачно сказала Л.П. Маринович, «полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект»⁵⁵). Такая формулировка сути процессов IV в. до н.э. не противоречит мнению И.Е. Сурикова о том, что в них принципиальна трансформация самосознания эллинов, их отход от ощущения себя гражданами, осуществляющими суверенную власть в своем государстве. Это изменение, безусловно, знаменательно, однако кризисные явления в экономике и политике если не предопределяли его в точном смысле слова, то во всяком случае шли с ним рука об

⁵¹ История древнего мира 1982.

⁵² Античная Греция 1983.

⁵³ См. в целом: Ладынин 2016. С. 25—27.

⁵⁴ Вместе с рядом ученых мы полагаем, что этот термин обозначает реальное явление греческого общества IV в. до н.э.; см., с обзором литературы: Глускина 1983; Маринович 1993. С. 5–19; Суриков 2011. С. 9–66. См. также о постулируемом рядом исследователей понятии «предэллинизм» и о его соотношении с понятием кризиса полиса: Глускина 1989; Габелко 2009. С. 173; Суриков 2015. С. 19–70.

⁵⁵ Маринович 1993. С. 212; ср. с характеристикой полисов эллинистического времени М.Х. Хансеном (Hansen 2006. P. 132–134).

руку. Мы поспорили бы лишь с определением Суриковым этого процесса как эволюции самосознания эллинов в направлении «от гражданина к подданному»⁵⁶. Эта формулировка Штаерман описывала процесс, происходивший в римском обществе⁵⁷, т.е. в очень большой, но все же одной гражданской общине, в которой ощущалась прямая связь граждан с формируемыми ими институтами. Эти связи в эпоху принципата и трансформировались в «подданство» – ощущение тоже прямой (по крайней мере, номинально) связи с единоличным правителем, в то время как столь же непосредственной связи граждан эллинистических полисов и монархов (как в Греции, так и на Востоке), как правило, не было. Стоит сказать и еще об одном: в контексте европейской культуры распад самосознания граждан полисов классической эпохи принимается особенно близко к сердцу, но с общеисторической точки зрения его уникальность не надо переоценивать. Мы почти ничего не знаем о том, какие перемены происходили, например, в мироощущении людей Месопотамии при соединении их городов-государств в единую державу в середине III тыс. до н.э., но едва ли они были менее драматичны⁵⁸.

Термин «эллинизм» по самому его звучанию, а также по значению, которое вкладывал в него Дройзен, правомерно все же относить к истории именно эллинского мира, а к восточному миру – лишь поскольку его затронуло распространение эллинских институтов и культуры⁵⁹. Для эллинского мира наступление эллинизма и представляло собой выход полиса из кризиса, преодоление его проблем в сферах экономики и политики при помощи встраивания полисов в суперструктуры по нескольким моделям. Одна из них, генетически связанная с классической эпохой, состояла в конституировании союзов полисов, обладавших признаками единых государств⁶⁰. Вторая – встраивание полисов в эллинистические монархии – реализовывалась на Востоке и была предопределена самим появлением этих монархий после времени Александра⁶¹. Третья модель, которую, как кажется, часто недооценивают, – это связи эллинистических монархов с формально независимыми полисами Балканской Греции и Эгейского бассейна по типу протектората, военной гегемонии или патроната (например, македонских царей и Птолемеев с Афинами на разных этапах в III в. до н.э.⁶² или Птолемеев – с «союзом

⁵⁶ Суриков 2011. С. 23, со ссылкой на: Павловская 1998.

⁵⁷ Штаерман 1985.

⁵⁸ См., напр., о кровавом подавлении мятежа в шумерских городах преемником Саргона Аккадского Римушем в середине XXIII в. до н.э.: История древнего Востока 1983. С. 243–244.

⁵⁹ Зельин 1955. С. 103, со ссылкой на: Саркисян 1952. С. 83.

⁶⁰ Larsen 1968; Сизов 1989; 1990.

⁶¹ Кошеленко 1979.

⁶² Хабихт 1999.

несиотов» в Южной Эгеиде⁶³). При этом монарх брал на себя серьезные обязательства военной защиты полисов и, в определенных обстоятельствах, их обеспечения⁶⁴. Конечно, такие связи можно найти и в IV в. до н.э.; однако в эпоху эллинизма они стали гораздо более частым явлением. Как вторая, так и третья модели надполисных структур не были бы возможны без принципиальной новации эпохи эллинизма, общей для греческого мира на востоке и на западе, – превращения в мировоззрении греков автократии из антиценности и атрибута варваров в политическую форму не менее полноценную, чем полисный строй. Однако сама эта новация состоялась в первую очередь усилиями Александра Великого: уже следующему поколению эллинистических правителей – его военачальникам, принявшим царские титулы, – стать для македонян и греков автократорами было неизмеримо легче, поскольку имелся пример автократии Александра. Сравнивая значимость в эллинистическое время трех обрисованных нами моделей, нельзя не заметить, что те из них, в которых действовали монархи, в целом играли большую роль, чем модель полисных союзов. В таком случае вариант преодоления кризиса полиса, который обозначился уже в начале эллинизма, был предопределен становлением эллинистической монархии, т.е., опять же, деятельностью Александра и идущей от него традицией.

Пока мы не сказали почти ничего о греко-восточном синтезе – главном «диагностическом признаке» эллинизма, согласно Зельину. На наш взгляд, явлением синтеза, значимым для всех частей эллинистической ойкумены, независимо от того, присутствовало ли в них «физически» восточное начало, была сама эллинистическая монархия, в оформлении которой (в т.ч. с помощью царского культа Александра и его преемников⁶⁵) восточная традиция сыграла исключительную роль. Для духовного мира эллинов рецепция восточной традиции была лишь одним из факторов новаций: по крайней мере, не меньшую роль должны были сыграть освобождение культурной жизни от норм полисного мировоззрения и, наоборот, ее подчинение интересам монархов, патронирующих центры культуры. Что касается собственно греко-восточного синтеза, следует учесть, что, например, специалисты по птолемеевскому Египту по крайней мере с середины XX в. говорят не столько об активном взаимодействии, сколько о сосуществовании людей эллинской и египетской культур в долине Нила⁶⁶. Кроме того, как показывает опыт, установление фактов рецепции египетской традиции эллинской культурой не так просто: строго говоря, каждый такой факт должен устанавли-

⁶³ Meadows 2013.

⁶⁴ О значимости для крупных полисов даровых поставок хлеба см.: Трофимова 1961.

⁶⁵ См. теперь в целом: «Боги среди людей» 2016.

⁶⁶ Préaux 1964; Ладынин 2004. С. 150—152.

ваться при помощи подробного исследования, которое выявляло бы механизмы взаимодействия этих двух культур. Не следует забывать, что на порядок менее активной была (по крайней мере, на этапе высокого эллинизма) рецепция явлений культуры «в обратном направлении» – из греческой культуры в восточную: оценка значимости этого процесса Дройзеном была, безусловно, чрезмерной. Однако в эпоху эллинизма масштабы греко-восточного синтеза, были, конечно, несравненно шире, чем до нее, – и это опять же было бы невозможно без завоеваний Александра и экспансии македонян и греков на Восток.

Итак, завоевания Александра – фокус, к которому сходятся истоки ряда явлений эпохи эллинизма. Напрашивается вопрос: значит ли это, что эллинизма не было бы без Александра? Прежде чем отвечать на него, стоит задать еще один: были ли неизбежны сама деятельность Александра и ее успех?⁶⁷ Сегодня вряд ли кто-нибудь станет настаивать, что Восточный поход был предопределен каким-то мощным объективным фактором в жизни греческого общества, подобно колониальной экспансии Нового времени. Фундаментальную роль в его подготовке сыграла пропаганда, совместившаяся со стремлением македонских царей упрочить свои позиции в мире эллинов общим с ними предприятием⁶⁸, т.е. моменты скорее конъюнктурные и субъективные. Множество обстоятельств Восточного похода и, в значительной мере, его успех (тем более масштабы этого успеха) зависели от личных черт Александра: можно не сомневаться, что его исход и последствия были бы как минимум иными, чем известные нам, если бы Александр, к примеру, погиб в его начале; а в том, что македонский царь не был неуязвим, убеждают и судьба его отца и ранения самого Александра. В истории древности найдется немало примеров, казалось бы, хорошо подготовленных, но в итоге неудачных войн против межрегиональных держав Ближнего и Среднего Востока: это и войны Рима против Парфии и сасанидского Ирана, и, за поколение до Александра, попытка египетского царя Тахоса со стотысячным войском начать войну против Ахеменидов⁶⁹. Конечно, Тахос,

⁶⁷ С позиции, согласно которой «история не знает сослагательного на-клонения», такой вопрос может показаться чуждым историческому исследованию, подобно вопросам, что было бы, если бы в августе-сентябре 1940 г. люфтваффе бомбило аэродромы и авиационные заводы Англии, а не ее города или если бы Гитлер напал на Советский Союз не в конце июня, а в начале мая 1941 г. Приятно сослаться на иную позицию, высказанную как раз в связи с проблемой исхода кризиса греческого полиса: «Нам... представляется чрезвычайно перспективным изучение разного рода альтернатив, вероятностей, модальностей в истории, обращение особенно пристального внимания на так называемые “точки бифуркации”, в которых направление исторического процесса не детерминировано и может давать разные результаты при сравнительно незначительных отклонениях от исходных условий» (Суриков, 2011. С. 63).

⁶⁸ Шахермайр 1984. С. 32–33.

⁶⁹ Briant 1996. P. 682–685, 693–694, 1019–1020.

бежавший в итоге в Персию и умерший там от обжорства (*Ael.* V.H. V.1), – это не Александр; однако никоим образом не были предопределены убийство Филиппа II, готовившего Восточный поход, и его реализация именно Александром. Между тем его неудача или ограниченный успех означали бы, что эллинистическая ойкумена на Востоке не сложилась бы вообще или, по крайней мере, в том масштабе, в каком это произошло в реальности⁷⁰. Равным образом, с личностью Александра было связано и оформление эллинистической монархии теми темпами и с тем объемом полномочия царя, что нам известны.

Без эллинистической ойкумены на Востоке кризис греческого полиса преодолевался бы в гораздо более узких географических границах (собственно балкано-эгейского региона и мира греческих колоний), а в отсутствие эллинистической монархии – по иным моделям, нежели в ее условиях и под ее влиянием. Имелись ли, однако, такие модели в действительности, и можно ли высказать сколько-нибудь обоснованные предположения об их специфике? Думается, ответить утвердительно можно на оба эти вопроса. Прежде всего, как и в известных нам условиях, существовала полная возможность возникновения надполисных объединений на основе их классической традиции, в т.ч. в синтезе с институтами единоличной власти, возникшими в IV в. до н.э.⁷¹ Далее, канун эллинизма полон опытов взаимодействия даже не отдельных полисных союзов, а объединений (хотя и номинальных) всего греческого мира с сильными монархами. Исторически первым примером такого рода был «всеобщий мир» между полисами Греции, впервые гарантированный персидским Великим царем в 387/6 г. до н.э. и возобновлявшийся неоднократно в течение 370–360-х гг. до н.э.⁷²; более прочная система неравноправного союза между полисами и монархом была создана Филиппом II по условиям Коринфского договора⁷³. При этом персонализация власти происходила бы не столько путем прямого установления монархии, сколько по традиционным моделям тирании, институционализованного или морального лидерства в союзах полисов и патроната по отношению к ним, а также модификации полномочий военачальников. Как известно, Исократ не принял той формы «протектората» над полисами, которая была реализована Филиппом II, но до этого он видел путь к их спасению

⁷⁰ Реалистичным максимумом продвижения в Азию ярый пропагандист войны греков против персов Исократ считал линию «от Киликии до Синопы», проходящую всего лишь по центру Малой Азии (*Isocr.* Phil. 120). Едва ли рассчитывал нанести Ахеменидам тотальное поражение и Тахос.

⁷¹ См. о территориальных структурах, сложившихся на основе «младшей тирании» в Фессалии и Ферах, Сицилии, в Гераклее Понтийской: Фролов 1990. С. 36–50; Суриков 2011. С. 35–42.

⁷² Рунг 2008. С. 317–381.

⁷³ Фролов 1983. С. 188–204.

от стасиса и раздоров именно в лидерстве этого царя, которое было бы сравнительно слабо формализовано⁷⁴. С другой стороны, именно иерархический союз гражданских общин стал основой таких мощных территориальных держав, как Карфаген и Рим в III в. до н.э.; и в их составе вполне успешно произошла передача функций и бремени независимого государства от отдельных общин к интегрирующей их структуре. Альтернативы эллинистическому варианту преодоления кризиса полиса, реально осуществленному в условиях экспансии греческого мира на Восток, безусловно, были и вряд ли они оказались бы менее эффективными⁷⁵. Наконец, продолжая нашу «экспертную оценку» в совсем далекую перспективу, можно сказать, что в отсутствие эллинистической ойкумены на Востоке подчинение греческих полисов и Македонии Римом было бы более легким, чем в реальности. Однако затем последовала бы конфронтация Рима с крупной древневосточной державой – преемницей державы Ахеменидов либо ею самой, если бы ее существование продлилось, – наверняка более трудная и затяжная, чем реальные войны с Понтом, Арменией, да и впоследствии с Парфией.

Подводя итоги, попробуем сформулировать суть явления, которое обозначаем термином «эллинизм». По-видимому, справедливо связывать закономерности развития эллинского мира с эволюцией полиса. В ее рамках на определенном этапе были закономерны кризис полиса, т.е. утрата им способности нести нагрузку независимого государства, а затем его преодоление, т.е. конституирование надполисных структур, которые приняли на себя эту нагрузку⁷⁶. Термин «эллинизм» фактически относится к тому варианту конституирования этих структур, который реально осуществился вследствие завоеваний и деятельности Александра Великого, при том что сами эти события жестко детерминированы не были. Наступление эллинизма закономерно в том смысле, что в эволюции древнегреческого общества был закономерен этап преодоления кризиса полиса, конкретно-исторической формой которого стала обозначаемая данным термином совокупность явлений; при этом предпочтительная реализация среди возможного спектра таких форм именно этой не была закономерна и предопределена. Кроме того, поскольку

⁷⁴ Исаева 1994. С. 165–173.

⁷⁵ И.Е. Суриков смелыми мазками рисует вероятную картину победы Афин в Пелопоннесской войне и объединения под их властью Эллады, вплоть до похода на Восток задолго до Филиппа II и Александра (Суриков 2011. С. 63). Все же оценить правдоподобие такой картины нет средств; а тенденции политического развития Греции IV в. до н.э., о которых мы сейчас говорим, наблюдаемы.

⁷⁶ Э.Д. Фролов говорил, что наступление этого этапа было неизбежно в общем ходе греческой истории, для которой характерно «непрерывное, хотя в общем малоуспешное, стремление к преодолению полиса»; окончательно оно реализовалось уже не в эллинистическое, а в римское время (Фролов 2004. С. 54).

начало эллинизму было положено завоеваниями Александра, открывшими широкую экспансию на Восток эллинского мира, естественно, что далеко не все черты этого этапа его истории генетически связаны с этапом предыдущим: в целом понятие эллинизма не только конкретнее, чем понятие об этапе преодоления кризиса греческого полиса, но и совпадает с ним лишь отчасти, хотя и в существенных чертах. Мы ограничены (хотя, как мы видели выше, не абсолютно) в возможностях суждения о том, какими могли бы быть иные формы этого закономерного этапа. Можно, однако, с уверенностью сказать: распространять на них термин «эллинизм» в нашем его употреблении заведомо не стоило бы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1983. Т. 1–2.
- «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016. 733 с. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39).
- Вейцберг И.П. Предэллинизм на Востоке // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 2: Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 183–197.
- Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы научной конференции / Под ред. О.Л. Габелко. Казань: Отечество, 2009. С. 171–181.
- Гаибов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М.: Наука, 1992. С.10–59.
- Глушкина Л.М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. Т. 2: Кризис полиса. М.: Наука, 1983. С. 5–42.
- Глушкина Л.М. Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н.э. // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 2: Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 218–244.
- Дройзен И.Г. История эллинизма. М.: К.Т. Солдатенков, 1890–1893. Т. 1–3.
- Зельин К.К. О построении истории эллинизма в «Истории древнего мира» АН СССР // ВДИ. 1938. № 3. С. 338–344.
- Зельин К.К. Рец.: Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950 // ВДИ. 1951. № 2. С. 142–150.
- Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) (Всемирная история, т. II. Часть IV, гл. V, § 1) // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156.
- Зельин К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Т. 22. С. 99–108.
- Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М.: Наука, 1969. 244 с.
- Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 1994. 255 с., илл.
- Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., Высшая школа, 1980. 415 с.
- История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 534 с., илл., карты.
- История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. Т. 1—3.
- Климов О.Ю. Проблемы эллинистической истории в научном творчестве К.М. Колобовой // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. научных статей к 75-

- летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 581–595.
- Ковалев С.И. История античного общества. Ч. 1: Греция. Ч. 2: Эллинизм. Рим. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
- Ковалев С.И. Предисловие // Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1949. С. 5–18.
- Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории древней Греции. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, Лен. отд., 1958. 345 с.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 295 с.
- Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1990. С. 7–13.
- Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с.
- Крих С.Б., Тарасова А.А. С.И. Ковалев и открытие эллинизма в советской историографии // Вестн. Ом. ун-та. 2014. № 1. С. 56–59.
- Ладынин И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 145–184.
- Ладынин И.А. Особенности ландшафта древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. М., 2016. (Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4)). С. 9–32.
- Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М.: Наука, 1993. 287 с.
- Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // ААе. 2005. Вып. 1. С. 73–85.
- Павловская А.И. «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции IV в. до н.э. // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.
- Ранович А.Б. Рец.: Ростовцев М. Социально-экономическая история эллинистического мира // Исторический журнал. 1945. № 2. С. 92–99 (1).
- Ранович А.Б. Эллинизм и его социально-экономические основы // ВИ. 1945. № 2. С. 99–116 (2).
- Ранович А.Б. Основные проблемы истории эллинизма // ВДИ. 1949. № 1. С. 11–28.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2008. 484 с.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.; илл.
- Сапрыкин С.Ю. О хронологических границах понятия эллинизма // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 213–234.
- Саркисян Г.Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68–83.
- Сергеев В.С. История древней Греции. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 363 с.
- Сергеев В.С. История древней Греции. М.: Соцэкгиз, 1939. 399 с.
- Сергеев В.С. История древней Греции. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1948. 552 с.
- Сизов С.К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (291–221 гг. до н.э. М.: Прометей, 1989. 172 с.
- Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1990. 60 с.
- Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Година междуусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
- Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 392 с.

- Трофимова М.К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III веке до н.э.) // ВДИ. 1961. № 2. С. 46–68.
- Фролов Э.Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. 391 с. с илл.
- Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV в. до н.э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. Т. 2: Кризис полиса. М.: Наука, 1983. С. 157–207.
- Фролов Э.Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1990. С. 14–58.
- Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 544 с.
- Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. 2 изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 266 с.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1984. 387 с.
- Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 22–105.
- Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М.: Наука, 1992. С. 140–176.
- Хабихт Х. Афины: история города в эллинистическую эпоху. М.: Ладомир, 1999. 416 с.
- Хайнен Х. Эллинистический Египет в трудах М.И. Ростовцева // ВДИ. 1992. № 2. С. 163–179.
- Briant P. Rois, tributs et paysans: Études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P.: Les Belles-Lettres, 1982. 539 p. (Annales littéraires de l'Université de Besançon; 269).
- Briant P. Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P.: Fayard, 1996. 1247 p.
- The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 7. P. 1: The Hellenistic World. Cambridge: C.U.P., 1984. XIV, 602 p.; ill.; pl.; maps.
- The Cambridge Companion to the Hellenistic World / Ed. G.R. Bugh. Cambridge: C.U.P., 2006. XXX, 371 p.; ill.
- A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Malden (Ma.); Oxford; Carlton (Va.): Blackwell, 2003. XXVIII, 585 p.; ill.
- Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. München: Oldenbourg, 2010. XV, 328 S. (Oldenbourg-Grundriss der Geschichte; 1B).
- Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: O.U.P., 2010. VIII, 237 p.
- Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. XXVIII, 537 p.
- Meadows A. The Ptolemaic League of the Islanders // The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power / Ed. K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson. Cambridge: C.U.P., 2013. P. 19–38.
- Préaux Cl. Les continuités dans l'Égypte gréco-romaine // Actes du Xe Congrès international de papyrologues, Varsovie-Cracovie, 3–9 septembre 1961 / Ed. J. Wolski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964. P. 231–248.
- Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford: Clarendon, 1941. Vol. 1–3.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВИ – Вопросы истории. М.

СА – Советская археология. М.

ААе – Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. Нижний Новгород – Казань – Саратов.

REFERENCES

- Antichnaya Greciya. Problemy razvitiya polisa / Red. E.S. Golubcova. M.: Nauka, 1983. T. 1–2. «Bogi sredi lyudej»: Kult pravitelej v ehlinisticheskom, postehlinisticheskom i rimskom mire / Red. S.YU. Saprykin, I.A. Ladynin. M.; SPb.: RHGA, 2016. 733 s. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova, 82; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya, 39).
- Vejnberg I.P. Predehlinizm na Vostoke // Istoriya drevnego mira / Pod red. I.M. D'yakonova i dr. Izd. 3-e, ispr. i dop. T. 2: Rascvet drevnih obshchestv. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. S. 183–197.

- Gabelko O.L. Eshche raz o probleme «predehllinizma» // Politika, ideologiya, istorio-pisanie v rimsko-ehllinisticheskom mire. Materialy nauchnoj konferencii / Pod red. O.L. Gabelko. Kazan': Otechestvo, 2009. S. 171–181.
- Gaibov V.G., Koshelenko G.A., Serdityh Z.V. EHllinisticheskij Vostok // EHllinizm: vostok i zapad. M.: Nauka, 1992. S.10–59.
- Gluskina L.M. Problemy krizisa polisa // Antichnaya Greciya. Problemy razvitiya polisa / Pod red. E.S. Golubcovoj. T. 2: Krizis polisa. M.: Nauka, 1983. S. 5–42.
- Gluskina L.M. Predehllinizm na Zapade: Greciya i Makedoniya v IV v. do n.eh. // Istoriya drevnego mira / Pod red. I.M. D'yakonova i dr. Izd. 3-e, ispr. i dop. T. 2: Rascvet drevnih obshchestv. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. S. 218–244.
- Drozhzen I.G. Istoriya ehllinizma. M.: K.T. Soldatenkov, 1890–1893. T. 1–3.
- Zel'in K.K. O postroenii istorii ehllinizma v «Istorii drevnego mira» AN SSSR // VDI. 1938. № 3. S. 338–344.
- Zel'in K.K. Rec.: Ranovich A.B. EHllinizm i ego istoricheskaya rol'. M.–L., 1950 // VDI. 1951. № 2. S. 142–150.
- Zel'in K.K. Osnovnye cherty ehllinizma (social'no-ehkonomicheskie otnosheniya i politicheskoe razvitie rabovladel'cheskih obshchestv Vostochnogo Sredizemnomo-r'ya v period ehllinizma) (Vsemirnaya istoriya, t. II. CHast' IV, gl. V, § 1) // VDI. 1953. № 4. S. 145–156.
- Zel'in K.K. Nekotorye osnovnye problemy istorii ehllinizma // SA. 1955. T. 22. S. 99–108.
- Zel'in K.K., Trofimova M.K. Formy zavisimosti v Vostochnom Sredizemnomor'e v ehllinisticheskij period. M.: Nauka, 1969. 244 s.
- Isaeva V.I. Antichnaya Greciya v zerkale ritoriki: Isokrat. M.: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». 1994. 255 s., ill.
- Istoriografiya antichnoj istorii / Pod red. V.I. Kuzishchina. M., Vysshaya shkola, 1980. 415 s.
- Istoriya drevnego Vostoka: Zarozhdenie drevnejshih klassovyh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoj civilizacii. CH. 1: Mesopotamiya. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1983. 534 s., ill., karty.
- Istoriya drevnego mira / Pod red. I.M. D'yakonova i dr. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1982. T. 1–3.
- Klimov O.YU. Problemy ehllinisticheskoy istorii v nauchnom tvorchestve K.M. Kolobovoj // Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnyh statej k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. EH.D. Frolova / Pod red. A.YU. Dvornichenko. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2008. S. 581–595.
- Kovalev S.I. Istoriya antichnogo obshchestva. CH. 1: Greciya. CH. 2: EHllinizm. Rim. M.; L.: Socehgiz, 1936.
- Kovalev S.I. Predislovie // Tam V. EHllinisticheskaya civilizaciya. M.: Izd. in. lit., 1949. S. 5–18.
- Kolobova K.M., Gluskina L.M. Ocherki istorii drevnej Grecii. L.: Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Len. otd., 1958. 345 s.
- Koshelenko G.A. Grecheskij polis na ehllinisticheskom Vostoke. M.: Nauka, 1979. 295 c.
- Koshelenko G.A. EHllinizm: k sporam o sushchnosti // EHllinizm: ehkonomika, politika, kul'tura / Pod red. E.S. Golubcovoj. M.: Nauka, 1990. S. 7–13.
- Krih S.B. Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii. M.: KRASAND, 2013. 320 s.
- Krih S.B., Tarasova A.A. S.I. Kovalev i otkrytie ehllinizma v sovetskoj istoriografii // Vestn. Om. un-ta. 2014. № 1. S. 56–59.
- Ladynin I.A. Osnovnye ehtapy carskogo kul'ta Ptolemeev v kontekste obshchej ehvolyu-cii egipetskogo ehllinizma // Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. Vyp. 3. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. S. 145–184.
- Ladynin I.A. Osobennosti landshafta (Naskol'ko marksistskoj byla sovetskaya drevnost'?) // Sovetskij landshaft drevnej ojkumeny: otechestvennaya nauka o drevnem Vostoke i antichnosti v 1920–1980-e gg. M., 2016. (Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo. 2016. № 2 (4)). S. 9–32.
- Marinovich L.P. Greki i Aleksandr Makedonskij. K probleme krizisa polisa. M.: Nauka, 1993. 287 s.
- Mel' A. Razmyshleniya po povodu «gospodstvuyushchego obshchestva» i poddannyh v derzhave Selevkidov: otnosheniya i ozhidaniya // AAe. 2005. Vyp. 1. S. 73–85.

- Pavlovskaya A.I. «Ot grazhdanina k poddannomu» – imel li mesto etot process v Grecii IV v. do n.eh. // VDI. 1998. № 4. S. 15–29.
- Ranovich A.B. Rec.: Rostovcev M. Social'no-ehkonomicheskaya istoriya ehllinisticheskogo mira // Istoricheskiy zhurnal. 1945. № 2. S. 92–99 (1).
- Ranovich A.B. EHllinizm i ego social'no-ekonomicheskie osnovy // VI. 1945. № 2. S. 99–116 (2).
- Ranovich A.B. Osnovnye problemy istorii ehllinizma // VDI. 1949. № 1. S. 11–28.
- Ranovich A.B. EHllinizm i ego istoricheskaya rol'. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 s.
- Rung E.H.V. Greciya i Ahemenidskaya derzhava: Istoriya diplomaticheskikh odnoshenij v VI–IV vv. do n. eh. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2008. 484 s.
- Saprykin S.YU. Bosporskoe carstvo na rubezhe dvuh ehphov. M.: Nauka, 2002. 271 s.; ill.
- Saprykin S.YU. O hronologicheskikh granicah ponyatiya ehllinizma // Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statej k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova / Pod red. A.Y. Dvornichenko. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. S. 213–234.
- Sarkisyan G.H. Samoupravlyayushchijsya gorod Selevkidskoj Vavilonii // VDI. 1952. № 1. S. 68–83.
- Sergeev V.S. Istoriya drevnej Grecii. M.; L.: Socehgiz, 1934. 363 s.
- Sergeev V.S. Istoriya drevnej Grecii. M.: Socehgiz, 1939. 399 s.
- Sergeev V.S. Istoriya drevnej Grecii. Izd. 2, ispr. i dop. M.: OGIZ – Gospolitizdat, 1948. 552 s.
- Sizov S.K. Ahejskij soyuz. Istoriya drevnegrecheskogo federativnogo gosudarstva (291–221 gg. do n.eh. M.: Prometej, 1989. 172 s.
- Sizov S.K. Federativnoe gosudarstvo ehllinisticheskoy Grecii: EHtolijskij soyuz. Nizhnij Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 1990. 60 s.
- Surikov I.E. Antichnaya Greciya. Politiki v kontekste ehphoi. Godina mezhdousobic. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2011. 328 s.
- Surikov I.E. Antichnaya Greciya. Politiki v kontekste ehphoi. Na poroge novogo mira. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 392 s.
- Trofimova M.K. Iz istorii ehllinisticheskoy ehkonomiki (k voprosu o torgovoj konkurencii Bospora i Egipta v III veke do n.eh.) // VDI. 1961. № 2. S. 46–68.
- Frolov E.H.D. Istoriya ehllinizma v biografijah ego tvorcov // Bengtson G. Praviteli ehphoi ehllinizma. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1982. 391 s. s ill.
- Frolov E.H.D. Panehllinizm v politike IV v. do n.eh. // Antichnaya Greciya. Problemy razvitiya polisa / Pod red. E.S. Golubcovoj. T. 2: Krizis polisa. M.: Nauka, 1983. S. 157–207.
- Frolov E.H.D. Istoricheskie predposylki ehllinizma // EHllinizm: ehkonomika, politika, kul'tura / Pod red. E.S. Golubcovoj. M.: Nauka, 1990. S. 14–58.
- Frolov E.H.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 544 s.
- Frolov E.H.D. Rozhdenie grecheskogo polisa. 2-e izd. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 266 s.
- SHahermajr F. Aleksandr Makedonskij. M.: Nauka, 1984. 387 s.
- SHtaerman E.M. Ot grazhdanina k poddannomu // Kul'tura drevnego Rima / Otv. red. E.S. Golubcova. T. 1. M.: Nauka, 1985. S. 22–105.
- SHtaerman E.M. EHllinizm v Rime // EHllinizm: vostok i zapad. M.: Nauka, 1992. S. 140–176.
- Habibt H. Afiny: istoriya goroda v ehllinisticheskuyu ehphou. M.: Ladimir, 1999. 416 s.
- Hajnen H. EHllinisticheskij Egipt v trudah M.I. Rostovceva // VDI. 1992. № 2. S. 163–179.
- Briant P. Rois, tributs et paysans: Études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P.: Les Belles-Lettres, 1982. 539 p. (Annales littéraires de l'Université de Besançon; 269).
- Briant P. Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P.: Fayard, 1996. 1247 p.
- The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 7. P. 1: The Hellenistic World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. XIV, 602 p.; ill.; pl.; maps.
- The Cambridge Companion to the Hellenistic World / Ed. G.R. Bugh. Cambridge: C.U.P., 2006. XXX, 371 p.; ill.
- A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Malden (Ma.); Oxford; Carlton (Va.): Blackwell, 2003. XXVIII, 585 p.; ill.
- Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. München: Oldenbourg, 2010. XV, 328 S. (Oldenbourg-Grundriss der Geschichte; 1B).

- Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: O.U.P., 2010. VIII, 237 p.
- Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. XXVIII, 537 p.
- Meadows A. The Ptolemaic League of the Islanders // The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power / Ed. K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson. Cambridge: C.U.P., 2013. P. 19–38.
- Préaux Cl. Les continuités dans l'Égypte gréco-romaine // Actes du Xe Congrès international de papyrologues, Varsovie-Cracovie, 3–9 septembre 1961 / Ed. J. Wolski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964. P. 231–248.
- Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford: Clarendon, 1941. Vol. 1–3.

Ладынин Иван Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ladynin@mail.ru

The Notion of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Research A Regular Stage or an Idiographic Contingency?

The paper considers theoretical and mental biases for the perception of Hellenism as a stage in the development of slavery (A. Ranovich) or as a historically specific phenomenon (K.K. Zelyin), qualities and faults of these approaches and their destiny in later research. In author's view Hellenism, i.e. a condition of the Hellenic world after Alexander's conquests, is not a stage in a process but a form of the Greek polis' recourse from its crisis in the 4th century B.C.

Keywords: antiquity, Hellenism, Marxism, polis, Greece, Orient, Alexander the Great

Ivan Ladynin, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ladynin@mail.ru

Е. Г. МАРГАРЯН

ИЗ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Эллинистические исследования в Армении прошли несколько этапов взлетов и падений. Первое поколение отечественных арменоведов, предуготовившее появление историографии эллинизма в Армении было представлено выдающимися учеными Н. Адонцем, А. Манадяном, Т. Авдвалбегианом и др., но первые специальные исследования по истории эллинизма в Армении принадлежат С.Т. Еремяню, чьи работы на десятилетия определили направление исследований в данной области. Исследования Еремяна по истории эллинизма развивались в русле идей А.Б. Рановича, рассматривавшего эллинизм как этап развития рабовладельческой формации. В дальнейшем эллинистические исследования в Армении были связаны с работами таких крупных антиковедов как Г.Х. Саркисян, А.Г. Периханян, Г.А. Тирацян. Подобно К.К. Зельину, они не рассматривали рабовладение как основной маркер эллинизма, а Армению как классическую рабовладельческую страну средиземноморского типа, но окончательно выбраться из «прокрустова ложа» традиционной для советской историографии «пятичленной» схемы в то время было невозможно. В постсоветский период эллинистические исследования в Армении в силу объективных и субъективных причин пришли в упадок, и теперь приходится восстанавливать утерянные позиции.

Ключевые слова: арменоведение, эллинизм, ленинградская школа, деколониальный поворот, армянская советская школа эллинистических исследований

Начало эллинистическим исследованиям в Армении было положено относительно поздно, что может показаться странным для народа, чья древняя история всегда была предметом национальной гордости. В XIX в. древняя и средневековая история была отдана на откуп армянским романистам, чей авторитет в широких слоях был куда выше, чем академических историков. Само академическое арменоведение зародилось в ученой среде армянской католической конгрегации мхитаристов на о. Св. Лазаря в Венеции, и долгое время развивалось преимущественно на Западе (Франция, Германия, Италия) и в России. Значительный вклад в изучение древней истории Армении внесли выдающиеся историки и филологи: Антуан Жан де Сен-Мартен (1791–1832), Юлиус Герман Петерман (1801–1876)¹, Генрих Хюбшман², Йозеф Маркварт, Теодор Рейнах, Пауль Антон де Лагард, Герберт Петерсон³ и др.

Интерес к востоковедению и к арменоведению, как его части, имел и политическую подоплеку. В XIX – первой четверти XX в. Россия и

¹ Saint-Martin 1841; 1850; Petermann 1837; 1840; 1842; 1860–1861.

² Hübschmann 1877, Bd 23. P. 5–49; 1883 (repr. 1976); 1904. S. 197–490.

³ Markwart 1928; 1914. P. 25–238 (repr. Nendeln and Göttingen, 1970); 1901; 1903; 1917; 1928; 1931; 1919; Reinach 1895; Lagarde 1877; Petersson 1920.

ведущие западные державы воспринимали Османскую империю как «больного человека Европы», чьи дни были сочтены, и подыскивали ей адекватную альтернативу, которая гармонично вписалась бы в европейский христианский оркестр. В кулуарах большой политики периодически обсуждался вопрос расчленения Османской империи и передаче ее частей под протекторат ведущих держав Старого света. Предполагалось, что стержневые территории империи – Балканы и Малую Азию формально передадут какому-нибудь христианскому народу, который будет проводить в регионе политику в интересах западных держав. Довольно долго ставка делалась на греков⁴. Не случайно именно в это время появляются первые капитальные исследования по истории Византии и вводится в оборот понятие восточный эллинизм. Однако спустя некоторое время внимание западных и российских востоковедов переключилось на армян, сирийцев, арабов и евреев. Среди этих народов пассионарные и гибкие армяне, «швейцарцы Востока», казалось, более всего подходили на роль нации-эmissара, заинтересованной в продвижении западных цивилизационных ценностей в регионе. Все это в значительной мере объясняет возросший интерес академических кругов ведущих держав к ориенталистике и арменоведению в частности.

Исследования в области эллинистической истории также развивались в русле колониальной ориенталистики. Стержневым дискурсом истории эллинизма на протяжении почти полутора столетий стало так называемое «бремя белого человека». В основе этого дискурса лежала идея культуртрегерской миссии западного колонизатора, несущего свет европейской цивилизации народам Востока ради их же собственного блага. Греко-македонские завоеватели, и пришедшие им вослед римляне, рассматривались исследователями исключительно с позиций европейского, политического и эмоционального, "элитизма".

Однако, вопреки ожиданиям, практически ни один из ведущих западных историков или филологов арменоведов не увидел в истории и культуре Армении черты эллинизма. И ни один из корифеев историографии эллинизма XIX – первой половины XX в. (Т. Дройзен, М.А. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский, Э. Бикерман, В. Тарн, Ф. Уолбанк и др.) не пытался включить историю и культуру древней Армении в единый контекст истории эллинистической цивилизации. В политическом, экономическом и культурном отношении Армения рассматривалась главным образом как часть *Rex Iranica*, едва ли не враждебная эллинистическому миру. Возможно это объясняется тем, что армянские, коммагенские и софенские Ервандаканы, вплоть до падения этой династии, успешно сопротивлялись Селевкидской экспансии, еще более эффективно Армения противостояла Селевкидам после воцарения Арташеси-

⁴ Смилянская 2010; 2015. С. 517-522; Арш 2004; Зорин 1997. С. 24; Басилов 2018.

дов, а Тигран Великий и вовсе уничтожил это греко-македонское царство. Стремление к укреплению собственной государственности, конкурентоспособность и целенаправленное отстаивание своих национальных интересов, было воспринято западными и российскими исследователями как проявление невосприимчивости армян и сопредельных Армении народов к эллинистическим ценностям. Элементы греко-македонской и греко-римской цивилизаций, повсеместно встречающиеся к востоку от Евфрата, рассматривались как случайные и несущественные вкрапления, занесенные греческими колонистами далеко на Восток. Осмысление истории и культуры стран и народов, не вошедших в состав государства Селевкидов, как эллинистических, наступило позже, после II мировой войны (причем не сразу и не у всех). А до того Армения и другие Переднеазиатские страны рассматривались западными и российскими историками (в лучших традициях колониального дискурса) лишь как объект, на который была направлена активная политическая и эмоциональная деятельность греко-македонян и сменивших их римлян.

Однако и сами армянские историки не воспринимали Армению как составную часть эллинистической цивилизации. В работах видных арменоведов-мхитаристов М. Чамчяна (1738–1823), А. Гарагашяна (1818–1903), Л. Алишана (1820–1901) и таких российско-подданных арменоведов-подвижников как профессор Санкт-Петербургского университета Керопе Петросович Патканов, Г.А. Халатьянц (1858–1902), действительный тайный советник Никита (Мкртыч) Осипович Эмин⁵, Лео (Аракел Бабахаян) (1860–1932), и даже в трудах выдающегося историка Николая Адонца, нет и намека на термины *эллинистическая Армения*, *Армения в эпоху эллинизма*, или чего-то в этом роде, при том, что студенческие и аспирантские годы на историко-филологическом факультете Петербургского университета, а также начало преподавательской карьеры Адонца совпали с годами преподавания там же крупнейшего специалиста по истории эллинизма М. Ростовцева. Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что сфера научных интересов Адонца была больше связана с медиевистикой, нежели с древней историей Армении, да и в российских академических кругах, кроме проучившегося в Европе Ростовцева, об эллинизме имелось весьма смутное представление.

Прошедшие хорошую школу в университетах Европы и России, армянские исследователи проделали большую работу по ознакомлению западной и российской академической общественности с бесценной информацией, содержащейся в армянских средневековых источниках и этнографических материалах, но лишь представители второго поколения арменоведов России – Н. Адонц, Н. Марр, И.А. Орбели, А.Я. Ма-

⁵ Catalogue de la littérature arménienne depuis le commencement du V jusqu'à XVI siècle. 1859; Патканов 1880; 2014; Эмин 1864; 1872. С. 657-698; 1873; 1874; и др.

нандян, а также член Армянской конгрегации мхитаристов в Венеции Л. Алишан, решились на самостоятельные обобщения в этой области. Прорыв эллинистических исследований истории Армении обозначился ближе к середине XX века, а качественные изменения стали очевидны уже во второй его половине. Центрами изучения антиковедения⁶ и, в частности, истории древней Армении в это время оставались университетские и академические центры Ленинграда. Здесь прошло фундаментальную школу целое поколение молодых исследователей, которые по возвращению в Армению заложили основу армянской эллинистики.

Как и вся советская историография, армянская советская историография была втиснута в прокрустово ложе формационной теории. В 1920–1930 гг. в СССР развернулась научная дискуссия вокруг рабства и рабовладельческой формации на Востоке. Некоторые советские историки, находившиеся под влиянием теорий Шпенглера, пытались к пяти социально-экономическим формациям добавить еще одну, «азиатскую» (архаическую) формацию, основанную на уникальном азиатском способе производства, существовавшем только у восточных обществ⁷. Против сторонников азиатского способа производства на Востоке выступили марксистские историки-универсалисты, которые на основе анализа производственных отношений в разных регионах мира, пришли к выводу о существовании подобного способа производства не только на начальных периодах развития восточных обществ, но у всего человечества. Такие восточные общества, как Египет периода Нового царства или держава Ахеменидов, стали определяться как классические рабовладельческие, по сути, ничем не отличающиеся от греческих полисов или общественного строя древнего Рима. В основу этой упрощенной марксистской теории была положена идея единства всемирно-исторического процесса, проявляющегося через чередование формаций как универсальных этапов исторического развития человечества.

Основоположником «пятичленной теории» принято считать крупного египтолога и ассиролога, основателя советской школы историков Древнего Востока, В.В. Струве. Его теоретические схемы были отождествлены с подходами К. Маркса и Ф. Энгельса, и, с некоторыми оговорками и поправками оставались господствующими в советской историографии вплоть до начала перестройки.

При всей искусственности и «притянутости за идеологические уши», теория «пятичленки» позволила по-новому взглянуть на историю

⁶ Проект «Санкт-Петербургские антиковеды» // <http://centant.spbu.ru/spbant/alph.html>. Как известно теория «азиатской» формации была разработана еще К. Марксом в труде «Формы, предшествовавшие капиталистическому производству» (раздел «Экономических рукописей 1857–1859 годов»).

⁷ См.: Рабство в странах Востока в средние века. 1986.

Востока и придала импульс развитию истории Древней Армении. Универсалистский, нивелирующий подход В.В. Струве, особенно отказ от парадигмы сугубо азиатской социально-экономической формации, по крайней мере в теории, поставил знак равенства между Востоком и Западом, Севером и Югом. Европа была лишена брэнда исключительности и уникальности, что несколько ослабило традиционные оксидентоцентристские позиции в советской историографии, особенно в востоковедении, поставлен вопрос о пространственно-временных рамках эллинистического мира, которые были значительно расширены. С одной стороны, границы эллинизма были отодвинуты далеко на Восток, но с другой – высказаны сомнения в правомерности включения в рамки эллинистического мира Македонии и Греции. Был отмечен феномен живучести эллинизма и даже усиления и укоренения элементов эллинизма на Востоке после гибели греко-македонских царств. А.Б. Ранович предложил рассматривать эллинизм как этап в развитии античной рабовладельческой формации⁸, что само по себе не кажется странным, если учесть, что В.В. Струве к числу классических рабовладельческих обществ причислял Ахеменидскую державу и Халдейское царство.

В это же время, появляются работы Сурена Тиграновича Еремяна (1908–1992), посвященные эллинизму в Армении. Первым шагом на пути признания Армении эллинистическим государством стали исследования, в которых Еремян, отталкиваясь, прежде всего от армянских источников, попытался представить Древнюю Армению рабовладельческой страной Средиземноморского типа⁹. Им была разработана периодизация развития рабовладельческого строя в Армении и сопредельных странах: период общинно-рабовладельческий (VII–IV вв. до н.э.), период расцвета рабовладельческой экономики (III в. до н.э. – II в. н.э.), период кризиса и упадка рабовладельческих производительных отношений (III–IV н.э.). Этот подход вполне вписывался в схему Струве и Рановича и был удостоен высокой оценки Сталина, который дважды приглашал Еремяна к себе в Кремль, чтобы за стаканчиком чая с вареньем обсудить концептуальные вопросы, связанные с историей Советского Закавказья и Центральной Азии. По сути, концепция Еремяна была принята в качестве стержневой для освещения истории древних народов СССР. В то же время большой размах получили археологические исследования эллинистических городов-государств Северного Причерноморья, огромный вклад в них внесли И.А. Орбели¹⁰, В.Д. Блаватский¹¹, К.Э. Гриневич¹², В.Ф. Гайдукевич¹³, Г.А. Кошеленко.

⁸ Ранович 1950.

⁹ Еремян 1939. Ч. I–II; 1948, № 11.

¹⁰ В предвоенные годы развернулась бурная деятельность И.А. Орбели, который по праву считается основоположником советской подводной археологии (см.: Орбели

Концепция рабовладельческого строя в Армении и на Южном Кавказе получила дальнейшее осмысление в более поздних работах С.Т. Еремяна¹⁴. Как известно, городской строй всегда был маркером эллинизма. Поэтому следующим шагом стали труды, посвященные вопросам эллинистической урбанистики в Армении¹⁵. Теоретические разработки Еремяна дали толчок эллинистическим исследованиям не только в Армении, но в советской исторической науке в целом.

Всплеск интереса к политической истории эллинистической Армении пришелся на военные и послевоенные годы. Очевидно, история эллинистической и эллинистическо-римской эпох, особенно война между Римом и эллинистическими державами Востока, имплицитно экстраполировались на реалии Великой Отечественной войны и эпохи Холодной войны. Не случайно, в военные годы в армянской художественной литературе был возрожден жанр исторического романа, прежде находившийся под спудом. Одно за другим стали выходить в свет произведения, воспевающие героический подвиг армянского народа над внешними и внутренними врагами¹⁶. А в историографии же появляются работы, посвященные военной истории царства Великая Армения и некоторым представителям блистательной армянской династии Арташесидов. В эти годы вышли в свет лучшие работы А.Я. Манандяна (Հ.Ա. Մանանդյան, 1873-1952)¹⁷. Впервые римско-армянские войны стали рассматриваться не с позиций римского империализма, как это традиционно было принято в западной и российской историографии. Рим перестал восприниматься как квинтэссенция передовой западной цивилизации, несущей свет просвещения варварскому Востоку. Наоборот он был представлен как хищная милитаристская империя, стремящаяся к мировой гегемо-

1947). Он успел провести целый ряд разведочных исследований и составил многолетнюю перспективную программу развития подводной археологии, одной из ее первоочередных задач было составление гидроархеологической карты СССР. (См.: Агбунов 1992. С. 15; Свенцицкая 1983. С. 353-367).

¹¹ Блаватский 1952; 1969; 1976; 1978; 1978; он же, Кошеленко 1963; он же, Потере 1969; он же, Петерс 1969.

¹² Гайдукевич 1949; 1969.

¹³ Результаты нашумевших археологических исследований К.Э. Гриневича в районе Херсонеса [Гриневич 1931; 1964] были основаны на недобросовестной подтасовке материалов, однако они придали импульс развитию подводной археологии в СССР.

¹⁴ Еремян 1958. С. 167-169; 1950. С. 12-26; 1953. С. 11-31; 1958.

¹⁵ Еремян 1950.

¹⁶ В 1943–1946 гг. Д. Демирчян написал две части романа «Вардананк» об армянской войне против зороастрийского Ирана, (2-е переработанное издание – 1951 г.), С. Зорьян издал роман «Царь Пап» (1944) и «Армянская крепость» (1959). Молодой армянский царь Пап был показан как реформатор-государственник, типа любимого Сталиным Ивана Грозного. Папу помешали осуществить реформы князя и церковники, из-за чего страна ослабла и была разделена между империалистическими державами.

¹⁷ Манандян 1939; 1943.

нии, несущая порабощение, а иногда и истребление целых народов. В то же время, царство Арташесидов мыслилось как коренное государственное образование, гармонично сочетающее исконно местное (общинное), западное полисное (греко-македонское) и восточное имперское (ирано-семитское) начала. Значительный вклад в изучение духовной жизни эллинистической Армении внесли опередившие свое время исследователи Т.А. Авдвалбегян и К.А. Мелик-Оганджян¹⁸.

Усилиями С.Т. Еремяна и отчасти А.Я. Манандяна¹⁹ эллинизм стал рассматриваться как один из этапов армянской истории, повлиявший на дальнейшую историю страны. Армянский эллинизм стал предметом научных изысканий многих крупных советских антиковедов. Ему посвятили свои работы Г.А. Кошеленко, В.Ф. Минорский, К.В. Тревер, А.И. Болтунова, И.М. Дьяконов и др.²⁰ Если в предвоенные годы разработанная в русле идей Рановича концепция Еремяна о рабовладельческом строе в Древней Армении в предвоенные была воспринята с осторожностью даже в самой Армении, то в послевоенные годы Древняя Армения, Грузия, вместе с другими Причерноморскими регионами СССР, а также такие древние государственные образования на территории советской Центральной Азии как Бактрия и Согдиана уже без колебаний определялись как рабовладельческие. Сомнения и критика в адрес Струве, Рановича и Еремяна зазвучали только после смерти Сталина.

Первым систему взглядов Рановича об эллинизме на Востоке подверг ревизии К.К. Зельин. Он отказался считать эллинизм этапом в развитии античной рабовладельческой формации, будучи убежден, что подобное употребление термина «эллинизм» только усложняет понимание и без того крайне сложной и запутанной проблемы. По его мнению, понимание эллинизма как этапа – пример неправильного применения конкретно-исторического понятия в качестве отвлеченно-социологической категории. Взамен Зельин предложил свое определение эллинизма как исторического явления, характеризуемого сочетанием и взаимодействием эллинских и местных, главным образом восточных, начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной обстановке, определившейся в основном в результате македонского завоевания²¹.

Концепция Зельина достаточно долго пользовалась практически всеобщим признанием советских ученых, хотя, как нам представляется, она страдает некоторым схематизмом и имеет немало уязвимых мест

¹⁸ Ավալբեցյան 1960; Մելիք-Օհանջանյան 1964.

¹⁹ См.: Манандян 1930. С. 26.

²⁰ Кошеленко 1978. С. 45-58; 1979; 1990; Minorsky 1953; 1957; Тревер 1953; Болтунова 1942; 1963; Дьяконов, Старкова 1955.

²¹ Зельин 1953. С. 145-156.

даже с позиций советской историографии. Однако его идеи были весьма прогрессивными для своего времени и сказались на дальнейшей разработке концепции эллинизма в Армении, которая связана с именами на тот момент еще молодых советских армянских исследователей Гагика Хореновича Саркисяна (Գ. Խ. Սարգսյան, 1926–1998), Анаит Георгиевны Периханян (Անահիտ Փերիխանյան, 1928–2012)²², Геворга Арташевича Тирацяна (Գեորգ Տիրացյան, 1926–1993), Симона Мисаковича Кркяшаряна (Միսն Կրկյաշարյան, 1923–2011) и др. В СССР в конце 1950-х – 1960-е гг. большинство оригинальных работ по истории эллинизма были написаны армянскими исследователями, которые активно включились в теоретической разработке, используя возможности, предоставленные хрущевской «оттепелью» – большую доступность иноязычной литературы, научные связи с зарубежными коллегами и т.п.

Прежде всего необходимо было освободиться от смиренной рубашки идеологических стандартов. Владая источниковедческой базой, армянские историки понимали, что называть Древнюю Армению рабовладельческой страной можно лишь с большой натяжкой. Г.Х. Саркисян, А.Г. Периханян, А.Р. Сукиасян поставили под сомнение существование в Армении классического рабовладения²³, сторонниками которого были С.Т. Еремян и С. Акопян²⁴. Ч.С. Самуелян, подобно А.Я. Манандяну, считал, что в Древней Армении практически не было рабства, и на Армянском нагорье еще с доурартских времен утвердилась особая форма феодализма, исключавшая широкое применение рабской силы²⁵. Эти подходы подверглись резкой критике как со стороны ортодоксальных марксистов, так и со стороны умеренных проponentов концепции рабовладения в Армении, принимавших рабовладельческий строй с оговорками. Таких среди армянских антиковедов было большинство.

Перед новым поколением отечественных историков более не ставилось цели доказать принадлежность Древней Армении к эллинистическому миру. Настала пора поиска иных подходов для *расширенного и более детального изучения и осмысления эллинизма на армянской почве, с опорой на классические и древнеармянские письменные источники, эпиграфические и археологические материалы*. Как показал Г.Х. Саркисян, среди письменных армянских источников самые ценные сведения о реалиях эллинистического времени содержатся в «Истории Армении» – монументальном труде средневекового армянского историка Мовсеса Хоренаци. Этот труд «отца Армянской истории» нуждался в новом про-

²² Периханян 1960; 1966. Т. III. Р. 17–29; 1971. С. 124–138; 1971. С. 78–82.

²³ Саркисян 1960; Սարգսյան 1962; Еремян 1953; Сукиасян 1963.

²⁴ Հակոբյան 1948; Նույնը 1957.

²⁵ Սամուելյան 1937; Նույնը 1939.

чтении, и вполне закономерным было желание Саркисяна заново²⁶ перевести его с древнеармянского на русский язык²⁷. Несмотря на то, что этот памятник литературы был создан в V в. н.э., в основе его лежат источники, относящиеся к более ранним временам, в первую очередь к эпохе эллинизма. Работа Г.Х. Саркисяна «Армения эллинистического периода и Мовсес Хоре-наци»²⁸ позволила по-новому взглянуть как на эллинизм, так и на самого отца армянской истории.

Как известно, центрами эллинистической цивилизации на Востоке были *города и гражданская община*. Эллинизм – это в первую очередь городская жизнь. Наиболее крупными и значительными эллинистическими городами Великой Армении были Ван, Армавир, Ервандашат, Арташат, Зарехаван, Заришат, несколько Тигранакертов, царский поселок в Гарни, Мцурн, Вагаршапат, Двин, Аршакаван, вероятно Нахчаван. Не меньше эллинистических городов было в Малой Армении, Коммагене и Софене (Малатия, Себастия, Самосата, Аршамашат, Аркатиакерт, Арсамея на Нимфее и др.). Когда во время армяно-персидской войны 384-368 гг. по приказу персидского царя Шапура городское население Великой Армении было угнано вглубь Ирана, армянский эллинизм угас почти на полвека, возродившись уже в иной среде и в иной форме²⁹.

Конечно, возникновение новых городов в эллинистической Армении было обусловлено внутренними процессами и выгодным географическим положением страны, по которой проходили магистрали Великого шелкового пути³⁰. Однако нельзя не учитывать пассионарности армянских эллинистических царей, для которых градостроительство имело особый смысл. Поэтому города и городской строй всегда были объектами пристального внимания. Главной лабораторией эллинистических изысканий Г.Х. Саркисяна стал Тигранакерт – одна из столиц царства Великая Армения. Этой теме была посвящена первая монография Саркисяна³¹. В ней говорится о предпосылках возникновения городов эллинистического типа, о синоиклизме, как главной градообразующей силе в эллинистической Армении. Тогда еще молодому исследователю удалось выявить видовое сходство и отличительные особенности тигранакертской *политеи* и других эллинистических городских общин Переднеазиатского региона. По вопросам эллинистических городов и городской жизни в Армении среди армянских ученых,

²⁶ Первая версия перевода «Истории» была осуществлена более чем за сто лет до этого. См.: Эмин 1893.

²⁷ Мовсес Хоренаци. 1990.

²⁸ Մարգարյան 1956, №3, էջ 31-42: Մարգարյան 1966: Նույնը 1968, № 1, էջ 119-146: Նույնը 1973, № 1, էջ 156-158, Նույնը 1973, № 2, 43-60:

²⁹ Маргарян 2007.

³⁰ Манандян 19-49.

³¹ Саркисян 1960; Саркисян 1976, № 2.

впрочем, как и иностранных не было серьезных разногласий, разве что в деталях. Этим же вопросам были посвящены исследования Г.А. Тирацяна³² и С.М. Крякшаряна³³.

Другим стержневым, и вызывающим много споров вопросом были *земельные отношения в эллинистической Армении и сопредельных странах*, а также вопрос о *непосредственных производителях и формах их эксплуатации*³⁴. Неоценимый вклад изучение этих вопросов внесла А.Г. Периханян, чьи академические исследования дали толчок для разработок новых проблем эллинизма в Переднеазиатском регионе. В ее первой монографии «Храмовые объединения Малой Азии и Армении», вышедшей годом раньше, чем «Тигранакерт» Г.Х. Саркисяна, на богатой источниковой базе анализируются проблемы, относящиеся к землевладению храмовых общин и объединений, исследуются сложные вопросы, связанные с посаженными на землю рабами (*λαοί*) и другими производителями на храмовой и общинной земле. Показана роль храмовых объединений в эллинистических государствах.

Сложным и запутанным вопросам, связанным с проблемой производителей на земле, обращался и Г.Х. Саркисян³⁵. Балансируя по тонкой грани, разделяющей идеологические аксиомы и академическую науку, ему удалось разработать парадигму, которая отлично вписывалась в советские идеологические схемы и в то же время соответствовала самым высоким академическим стандартам. В специальной работе «О путях социально-экономического развития Древней Армении» им были рассмотрены такие формы землевладения, как агараки (*ագարակ*) и дастакерты (*դաստակերտ*), принадлежащие царю, знати, храмам, духовенству, городам и пр. По мнению Саркисяна, эти частновладельческие хозяйства изначально по своей форме были рабовладельческими. В эпоху раннего средневековья в Армении они трансформировались в более передовые для своего времени хозяйства – феодальные поместья. Преобладающая часть населения проживала в сельских общинах. Крестьяне-общинники имели самый высокий статус среди непосредственных производителей на земле и назывались шинаканами (*շինականի*). С агараками и дастакертами прочно увязывается категория непосредственных производителей на земле, упоминаемых в источниках под названием «мшаки» («*մշակ*»), которые, согласно Саркисяну, обрабатывали чужую землю в качестве наемного рабочего, арендатора или крепостного, хотя в отдельных случаях этим термином обозначался работник, чей

³² Тирацян 1988.

³³ Կրկաշարյան 1970, էջ 140-141:

³⁴ Периханян 1952 №4. С. 13–27; Она же 1956, № 2; Она же 1956. № 2. С. 44–59; Она же 1957 № 2. С. 47–68.

³⁵ Սարգսյան 1962:

статус был близок к рабскому. В то же время термин «цара» («ժառ») однозначно указывал на рабское положение эксплуатируемого. Однако, в период феодализации Армении произошло сближение статусов жителей дастакертов-агараков и сидящих на земле рабов, типа спартанских илотов или римских колонов. В новой ситуации старые термины стали терять прежний, исконный смысл, обретая новое смысловое наполнение, хотя в некоторых источниках сохранялись старые понятия. В отдельных случаях два разных термина могли означать близкие по смыслу понятия, что и создает сложность для исследователей. Отсюда разные интерпретации одних и тех же терминов у современных авторов. Однако основной причиной противоречий между исследователями стала все та же пресловутая «пятичленка», которая порой загоняла в тупик даже самых талантливых ученых. Многие молодые исследователи предпочитали заниматься частными вопросами. Обретенная в годы «застоя» привычка избегать глубокого анализа и обобщений до сих пор дает о себе знать. Для дальнейшей разработки проблем землевладения и статуса непосредственных производителей в Армении и ряде сопредельных стран, необходимо было выйти за удушающие рамки идеологических клише и догм, а не пытаться «извернуться».

Наряду с эллинистической политеей, характерным маркером эллинистической культуры в Передней Азии является *придворное церемониальное общество эллинистических монархий*. Эта тема считается одной из стержневых в современных эллинистических исследованиях, хотя и здесь, в силу политической конъюнктуры, многие вопросы оставались под спудом. И все же некоторые аспекты, связанные с царской титулатурой³⁶ и исигнией освещались в работах армянских исследователей. Особый интерес у них вызывала армянская тиара Арташесидов и другие внешние знаки могущества царской власти или придворных сановников³⁷. Немало исследований было посвящено династическому наследованию и статусу царей в эллинистической Армении³⁸.

Династийный культ – одна из характерных черт эллинистического Востока. Этому феномену армянские исследователи также посвятили немало работ, которые позволили по-новому интерпретировать давно ставшие хрестоматийными свидетельства армянских и античных авторов³⁹, осмыслить данные археологии, эпиграфики и нумизматики⁴⁰.

Отличительной чертой молодой армянской историографии эллинизма стало нехарактерное для традиционного арменоведения рассмот-

³⁶ Երկրաշարժի № 9, էջ 45-51:

³⁷ Степанян 1991.

³⁸ Տիրացույի 1958 № 6, էջ 53-72: Մանասիրույի 1999-1(77), էջ 77-85:

³⁹ Մարգարյանի 1966, էջ 23-78: Тирациян 1985, №10; Саркисян 1988. С. 14-23;

⁴⁰ Мушегян 1962: Մուշեղյանի 1973: Նույնի 1983:

рение реалий древней армянской истории в едином контексте с региональной и мировой историей. Так, А.Г. Периханян в едином контексте представила картину развития храмовых общин Малой Азии и Армении⁴¹, землевладения храмовых общин и объединений, непосредственных производителей на храмовой земле, роль храмовых объединений в эллинистических государствах. Г.Х. Саркисян осмыслил реалии Тигранакертской политеи в сравнении с эллинистическими гражданскими общинами Сирии и Вавилонии. В том же ключе были рассмотрены культ эллинистических царей и царских предков в Древней Армении. Г.А. Тирацян рассматривал в единой и неразрывной связи реалии эллинистической Армении, Софены и Коммагены. С проармянских позиций был проведён анализ сложных взаимоотношений царства Великая Армения с эллинистическими царствами региона, особенно с Селевкидским царством⁴², а после его гибели – с Римской империей и Парфянской державой Аршакидов⁴³. А. Периханян, Б.Н. Аракелян (1912–2014), Г.А. Тирацян (1926–1993), Г.Х. Саркисян внесли большой вклад в изучение материальной культуры эллинистической Армении⁴⁴.

На излете советской эпохи вышли в свет книги нового поколения армянских антиковедов Р.Л. Манасеряна (Ռ. Լ. Մանասերյան)⁴⁵ и А.А. Степаняна (Ա. Ա. Ստեփանյան)⁴⁶, в которых были разработаны новые методы и подходы к изучению эпохи эллинизма в Армении.

В сложный постсоветский переходный период гуманитарную мысль новообразованной РА охватили разброд и шатания. Научные связи Армении и России практически полностью оборвались. Не удалось наладить контактов с западными исследователями эпохи эллинизма. Армянская историография раскололась на два крыла – оксидентоцентристов и «зелотов» (так мы условно назвали консервативное крыло «сермяжных патриотов», борющихся за «чистоту» национальных ценностей, и провинциализирующих армянскую историческую науку)⁴⁷. Бесплодные и беспредметные споры западников и «зелотов», в и без того сложные времена, лишь отвлекали исследователей от продуктивной работы в области антиковедения и медиевистики.

Сегодня эллинистической историографии Армении предстоит еще одна фаза деколонизации, выдавливание рабелепного оксидентоцен-

⁴¹ Тирацян 1956, № 3. С. 69-74; Маргарян 1991

⁴² Մարգարյան 1965, №3, էջ 77-85; Նույնի 1969, No 1, էջ 41-61, Էլիզիբեթյան 1979.

⁴³ Մանասերյան 1987.

⁴⁴ Периханян 1966. Т. II. С. 103–133; Аракелян 1951 № 1. С. 265-267; 1951; 1951. № 4. С. 101-114; 1957; 1956 № 1; 1961, № 1; 1978; 1982; Նույնի № 2, էջ 47-55; 1971; 1975; Тирацян 1988; 1978; Мнацаканян 1961, № 8. С. 71-81; Саркисян 1976. № 3. С. 51-62.

⁴⁵ Манасерян 1982, № 2. С. 122-139; Նույնի 1999-1 (77), էջ 77-85:

⁴⁶ Степанян 1978, № 1. С. 187-204; 1976. № 3. С. 171-183; 1991.

⁴⁷ Մարգարյան 2014 էջ 289-308.

тризма, с одновременным избавлением от «зелотизма», на волне патриотического движения конца 1980-х – начала 1990-х гг. захватившего и по сей день удерживающего господствующие позиции в арменоведении. По сути, предстоит восстановить хрупкий баланс, некогда найденный и бережно сохраняемый ведущими арменоведами 1950–1970-х гг.

Кратко обобщим. Со времени появления первых исследований, посвященных эллинизму и его исторической роли в жизни народов Передней Азии прошло без малого два столетия, из которых почти целое столетие античная Армения не рассматривалась как часть эллинистического мира и носительница эллинистических цивилизационных ценностей. В этом был свой резон, так как разработанная еще Т. Дройзенем парадигма эллинизма, была, по сути, западной, грекоцентричной. Она олицетворяла собой идею превосходства западного духа, воплощенного в Александре Великом, и гегемонии над варварским Востоком, чей собирательный образ воплотил поверженный Дарий, со своими бесчисленными ордами не устоявший перед могучей поступью Запада. Армения, долгое время сопротивлявшаяся греко-македонской, а затем и римской экспансии, нередко в союзе с Парфией выступавшая против западных милитаристских режимов, не вписывалась ни в один из западных стереотипов, будь то дискурс несломленного, но обреченного «благородного дикаря»⁴⁸ или «покоренного льстивого варвара», готового до времени служить белым хозяевам. Исследователи осторожно отказывались причислять древних армян к одному из этих дискурсов.

Ситуация стала меняться в 1920–1930-е гг. В основу советской историографии Древнего Востока была положена новая антизападная, антиколониальная парадигма, которая, на наш взгляд, начала формироваться в СССР раньше, чем на Западе, где зарождение антиколониального дискурса традиционно связывается с именем Э. Саида и его последователей⁴⁹. Армянские советские эллинистические исследования были замешаны на иных подходах, отличных от традиционной западной историографии эллинизма. Несмотря на то, что в основе армянской историографии эллинизма лежала вульгаризированная марксистская «пятичленная» парадигма, чью однобокость армянские историки осознали уже в 1960–1970-е гг., тем не менее, для своего времени их эллинистические исследования имели вполне прогрессивный характер. Армянским антиковедам удалось, если не окончательно, хотя бы частично избавиться от эллиноцентричной и романоцентричной схем, но не уда-

⁴⁸ Яркий пример образа «несломленного благородного варвара» являет собой знаменитая римская статуя «Умирающего галла».

⁴⁹ Said 1978; Саид 2003; Spivak 1987; 1988; Wolf 1982; 1999; Bell 2013; Bernal 1987; Bhabha 1990; 1994; Buruma; Margali 2004; Chakrabarty 2007; Abu-Lughod 1990; Bai-roch 1974; 1989 P. 6; 1965; 1995.

лось высвободиться из тенет формационной парадигмы. Кроме того, не была до конца изжита инерция оксидентоцентристского дискурса, столь характерная для представителей Ленинградской школы. Возможно, именно это стало причиной «пробуксовывания» эллинистических исследований в Армении в последней четверти XX – начале XXI в.

К сожалению, методологический кризис, поразивший арменоведение в постсоветский период, пожалуй, больше всего ударил по историографии античной Армении, которая оказалась отброшена назад на целое столетие, и сегодня вынуждена начинать чуть ли не с исходных позиций. И все же, осознание существующих проблем и подвижки последних лет дают повод для сдержанного оптимизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992.
- Аракелян Б.Н. Археологические открытия в Армении // ВДИ. 1951. № 1. С. 265–267.
- Аракелян Б.Н. Раскопки крепости Гарни // ВДИ. 1951. № 4. С. 101–114, илл.
- Аракелян Б.Н. Археологические работы в Армении // Вестник АН СССР, 1961, №1.
- Аракелян Б.Н. Античный этап развития армянского искусства. II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1978.
- Аракелян Б.Н. Арташат. Основные результаты раскопок 1970–1977 гг. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1982.
- Аракелян Б.Н. Гарни, I. Результаты работ археологической экспедиции Ин-та истории Акад. наук Арм. ССР. 1949–1950. Ереван, 1951. 90 с., илл., 31 табл.
- Аракелян Б.Н. Мозаика в Гарни. ВДИ, № 1. 1956.
- Аракелян Б.Н. Гарни, II. Результаты работ гарнийской археологической экспедиции 1951–1955 гг. (античный период). Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1957.
- Арш Г. Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Море // История Балкан. Век восемнадцатый. М.: Наука, 2004. 546 с.
- Басилов Ю. Трансфер республиканских идей во время экспедиций русского флота в Греческий архипелаг (1770–1774) / Республиканизм: теория, история, современные практики. 8-9 февраля, 2018.
- Блаватский В.Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3.
- Блаватский В.Д. О древней навигации и задачах подводной археологии // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
- Блаватский В.Д. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Блаватский В.Д. О северной окраине Скифии Геродота // МИА. 1969. № 169.
- Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М.: Наука, 1976.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения // Морские подводные исследования. М.: Наука, 1969.
- Блаватский Т.В., Петерс Б.Г. Кораблекрушение конца IV – начала III в. до н. э. около Доузулава // СА. 1969. № 3.
- Болтунова А.И. Античные города Грузии и Армении // Античный город. Сб. статей / отв. ред. Болтунова А.И. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 192 с.
- Болтунова А.И. Греческие надписи из Армавира // Ереван: Арм. ФАН СССР. Т. 1–2. 1942.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей и Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116. 64.
- Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Россия в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II, 1778–1783) // Русский архив. 1874, кн. 1, № 6, стб. 1465–1512.

- Головастиков К. Россия – владелица греческих островов. Как русские в порядке эксперимента создали Архипелагское великое княжество – колонию в Эгейском море, гораздо более свободную, чем метрополия, и нашли на ней могилу Гомера. (<http://riata.ru/kultura/item/642-rossiya-vladelitsa-grecheskikh-ostrovov.html>)
- Гриневич К.Э. Исследования подводного города в 1930–1931 гг. М., 1931.
- Гриневич К.Э. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. 1964. № 1.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26.
- Дьяконов И.М., Старкова К.Б. Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении // ВДИ. 1955, №1.
- Еремян С.Т. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений. Очерки истории СССР. III—IX вв. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 167-169.
- Еремян С.Т. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (на правах рукописи). М.-Л. 1939. Ч. I-II.
- Еремян С.Т. О рабстве и рабовладении в Древней Армении. ВДИ. 1950, №. С. 12-26.
- Еремян С.Т. Основные черты общественного строя Армении в эллинистический период. // Изв. Академии наук Армянской ССР. Общественные науки, 1948, № 11.
- Еремян С.Т. Проблемы падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении // Доклад советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М., 1958.
- Еремян С.Т. Рабовладельческое общество древней Армении. Автореферат на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 1953.
- Еремян С.Т. Развитие городов и городской жизни древней Армении. ВДИ, 1950, № 1.
- Зельин К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Т. XXII. С. 99-108.
- Зельин К.К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 145-156.
- Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... (Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века). М., 2001.
- Зорин А. Русская ода конца 1760-х – начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II (<http://magazines.russ.ru/nlo/1997/24/zorin.html>)
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
- Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1990. 376 с.
- Кошеленко Г.А. Эллинистическая эпоха в современной науке (некоторые проблемы) // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978. С. 45-58.
- Манандян А.Я. Круговой путь Помпея в Закавказье // ВДИ. 1939, № 4 (9). С. 70-82.
- Манандян А.Я. О торговле и городах Армении. Эривань: Гос. изд-во: 1930.
- Манандян А.Я. Тигран Второй и Рим: В новом освещении по первоисточникам. Ереван: Изд-во Арм ФАН, 1943. 239 с.
- Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982, № 2. С. 122-139.
- Маргарян Е.Г. Аршакаванская эллинистическая политея и Град Небесный Нерсеса Великого. Ереван: Изд-во РАУ, 2007.
- Маргарян Е.Г. Святилища страны Коммагены и Армения эллинистического периода. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1991.
- Мнацаканян А.О., Тирацян Г.А. Новые данные по материальной культуре древней Армении // Известия АН Арм. ССР. Общественные науки, 1961, № 8. С. 71-81.
- Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатыан. Ереван: Айастан, 1990.
- Мушегян Х.А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным / АН Армянской ССР, Гос. Исторический музей. Ереван: АН Армянской ССР, 1962. 202. [2] с.
- Орбели Р.Л. Исследования и изыскания. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Орлов А.Г. Первая мысль о морейской экспедиции графа А.Г. Орлова // Заря. 1870. № 6.
- Патканов Н.О. Библиографический очерк армянской литературы. СПб., 1880.

- Патканов Н.О. Ванские надписи и значение их для истории передней Азии // Аргун Р.О. Шанава А.Б. К.П. Патканов, и его взгляд на «древнюю историю Грузии». Из серии: Критические Заметки. Выпуск 1. Сухум, 2014.
- Периханян А.Г. Арамейская надпись из Гарни. Ереван, ИФЖ, 1971, № 3. С. 124-138.
- Периханян А.Г. Арамейская надпись на серебряной чаше из Сисиана // Историко-филологический журнал. Ереван, 1971. № 3. С. 78-82.
- Периханян А.Г. Древнеармянские востаники. В связи с вопросом о формах землевладения // ВДИ. 1956. № 2. С. 44-59.
- Периханян А.Г. Иеродулы и hieroi храмовых объединений Малой Азии // ВДИ. 1957. № 2. С. 47-68.
- Периханян А.Г. К вопросу о происхождении армянской письменности / Переднеазиатский сборник. М., 1966. Т. II. С. 103-133.
- Периханян А.Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени // ВДИ. 1952. № 4. С. 13-27.
- Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М.-Л.: Главная редакция восточной литературы издательства. «Наука», 1960.
- Проект «Санкт-Петербургские антиковеды» // <http://centant.spbu.ru/spbant/alph.html>
- Рабство в странах Востока в средние века / Отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Наука, 1950.
- Саид В.Э. Восток путешественников и ученых: между словарной дефиницией и живой мыслью // Отечественные записки. 2003. № 5 (14).
- Саркисян Г. Х. Свидетельство позднеавилонской клинописной хроники об Армении времён Тиграна II // Историко-филологический журнал. 1976, № 2.
- Саркисян Г.Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. Москва-Ленинград: Главная редакция восточной литературы издательства. «Наука», 1960.
- Саркисян Г.Х. Социально-экономический характер древнеармянской общины и проблема рабовладельческого строя. В кн.: Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М.-Л., 1960.
- Саркисян Г.Х. Царица Эрато // Кавказ и Византия. № 6. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. С. 14-23.
- Саркисян Г.Х. Черты эллинизма в духовной культуре Древней Армении // Историко-филологический журнал, 1976, № 3. С. 51-62.
- Свенцицкая И.С. Македония, Греция и Северное Причерноморье в период эллинизма / История Древнего мира. Расцвет Древних обществ. Москва: Знание, 1983. С. 353-367.
- Смилянская Е.Б. Опыты российского управления «заморскими территориями»: к истории Архипелагского княжества Екатерины Великой // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. С. 517-522.
- Смилянская Е.Б. Русские в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция как опыт освоения культурного пространства. ГИИМ: Доклады по истории 18 века. DNI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert Nr. 4. 2010. http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/smilyanskaya_mittelmeerraum.
- Степанян А.А. Вопросы теории государства в «Географии» Страбона и «Логос» Армении // Историко-филологический журнал, 1978. С. 187-204.
- Степанян А. А. Рандейский договор и коронация Тиридата Аршакида в Риме // Историко-филологический журнал. 1976. N 3. С. 171-183.
- Степанян А.А. Развитие исторической мысли древней Армении и Мовсес Хоренаци. Миф. Рационализм. Историописание., Е., Изд-во АН Армении, 1991 - 251 с.
- Сукиасян А.Р. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма, III-IV вв. н.э. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1963. 523 с.
- Тирацян Г.А. Вопросы преемственности официального культа в Античной Армении. ВОИ, 1985, № 10.
- Тирацян Г.А. Культура древней Армении VI в. до н. э. – III в. н. э. (по археол. данным) / Отв. ред. Б.Н. Аракелян. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1988. 206 с.

- Тирацян Г.А. Страна Коммагена и Армения // Известия АН Арм. ССР. Общественные науки, 1956, № 3. С. 69-74.
- Тирацян Г.А. Урарту и Армения (К вопросу о преемственности материальной культуры) // II Междунар. симпозиум по армянскому искусству. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1978.
- Тревер К.В. Очерки по истории и культуре древней Армении (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Эмин Н. О. Вахагн-Вишапаках армянской мифологии есть Индра-Vritrahan Риг-Веды. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 17 с.
- Эмин Н.О. Краткий очерк истории армянской восточной церкви // Православное Обозрение, 1872, № 5. С. 657-698.
- Эмин Н.О. Несколько страниц сравнительной мифологии // Труды Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. 1874. Ч. 17. С. 93-129.
- Эмин Н.О. Новый перевод Истории Армении Мовсеса Хоренаци (с примечаниями и приложениями). Посмертное издание. М.: Изд. Лазаревского ин-та восточных языков, 1893.
- Эмин Н.О. Очерк религии и верований языческих армян. М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1864. 72 с.
- Эмин Н.О. Профессор Патканов как ориенталист. СПб., 1874; «Исторический вестник» 1889 г. № 6. Некролог.
- Առաքելյան Բ. Հելլենիստական մշակույթի առաջացման և զարգացման օրինակաբանությունների առթիվ // Պատմա-բանասիրական հանդես, № 2, 1985, էջ 47-55.
- Ավդաբեկյան Թ. Միջրդ հայոց մեջ, «Հայագիտական հետազոտություններ», Երևան, 1960.
- Դեմիրճյան Գ. Վարդանանք, Եր., Հայպետհրատ, 1951.
- Զոդյան Ա. Հայոց բերդը Եր., Հայպետհրատ, 1959.
- Զոդյան Ս. Պապ թագավոր, Եր., Լույս, 1989.
- Էլիբեկյան Ժ. Գ. Հայաստանը և Սելևկյանները, Եր., 1979.
- Կրկյաշարյան Ա.Ս. Հայոց արքայի տիտղոսաշարի մասին // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, № 9 . pp. 45-51 էջ 45-51.
- Կրկյաշարյան Ա.Ս. Հին Հայաստանի և Փոքր Ասիայի քաղաքների պատմության դրվագներ, Եր., 1970, էջ 140-141:
- Հակոբյան Ա. Հայ գուրացիության պատմություն, հատ. I, Վաղ ֆեոդալիզմի շրջան, Երևան, 1957.
- Հակոբյան Ա. Ստրկությունը և ստրկատիրական հասարակական ֆորմացիան հին Հայաստանում / Տեղեկագիր հաս. գիտ. 19486 № 8:
- Մանասերյան Ռ.Լ. Թագավորական իշխանության հաստատության զարգացման առանձնահատկությունները Արտաշեսյանների օրոք (թագավորը և ավագանին) // Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1999-1(77), էջ 77-85:
- Մանասերյան Ռ.Լ. Տիգրան Մեծ, Հայաստանի պայքարը Հռոմի և Պարթևստանի դեմ, Երևան, Հայաստան, 1987.
- Սարգսյան Ե. Հ. Հելլենիզմը և զեոտությունը արդի հրեական հելլենիստագիտության մեջ // Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ, XXIX, Եր., «Հանգակ» հրատ., 2014 էջ 289-308.
- Մելիք-Օհանջանյան Կ. Ազաթանգեղոսի բանահյուսական աղբյուրների հարցի շուրջը // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1964, №4.
- Մուշեղյան Իս.Ա. Դրամական շրջանառությունը Հայաստանում: Եր., 1983.
- Մուշեղյան Իս.Ա. Հայաստանի դրամական գանձերը, Եր., 1973.
- Սամուելյան Իս.Ս. Հայ հին իրավունքի պատմություն, հատ. I, Եր., 1939.
- Սամուելյան Իս.Ս. Ստրուկները հին Հայաստանում // Տեղեկագիր ՀԽՍՀ Պատմության և Գրականության ինստիտուտի, № 2, Եր., 1937.
- Սարգսյան Գ.Ի. Աղբյուրների օգտագործման եղանակը Մովսես Խորենացու մոտ // Բանբեր Մատենադարանի 1956, №3, էջ 31-42.
- Սարգսյան Գ.Ի. Անտիոքոս Գ. Սելևկյանը և Հայկական պետությունները // Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1969, No 1, էջ 41-61:
- Սարգսյան Գ.Ի. Թագավորների ու նրանց նախնիների պաշտամունքը հին Հայաստանում: «Հելլենիստական դարաշրջանի Հայաստանը և Մովսես Խորենացին» գրքում: Եր., ՀՍՍՀ Գիտությունների Ակադեմիայի հրատարակչություն, 1966, էջ 23-78.

- Սարգսյան Գ.Խ. Խորենացու «Պատմություն» ժամանակագրական համակարգի վերականգնման մասին // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1968, № 1, էջ 119-146.
- Սարգսյան Գ.Խ. Գարձյալ Մովսես Խորենացու ժամանակագրական համակարգի մասին // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1973, № 1, էջ 156-158:
- Սարգսյան Գ.Խ. Հայաստանը մ.թ.ա. II դարում // ՀՍՍՌ ԳԱ տեղեկագիր: Հասարակական գիտություններ, №3: 1965, էջ 77-85.
- Սարգսյան Գ.Խ. Հելլենիստական դարաշրջանի Հայաստանը և Մովսես Խորենացին: Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների Ակադեմիայի հրատարակչություն, 1966.
- Սարգսյան Գ.Խ. Հին Հայաստանի սոցիալ-տնտեսական զարգացման ուղիների մասին, Երևան, Պատմության ինստիտուտ, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատարակչ., 1962.
- Սարգսյան Գ.Խ. Մովսես Խորենացին և նրա «Հայոց պատմությունը» // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1973, № 2, 43-60.
- Սարգսյան Գ.Խ., Հին Հայաստանի սոցիալ-տնտեսական զարգացման ուղիների մասին, Եր., Պատմության ինստիտուտ, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատարակչ., 1962.
- Տիրազյան Գ.Ա. Երվանդունիների Հայաստանում // ՀՍՍՌ ԳԱ Տեղեկագիր հասարակական գիտությունների, 1958, № 6, էջ 53-72.
- Abu-Lughod J.L. Restructuring the Premodern World-System // Review. 1990. 13/2.
- Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // Journal of European Economic History, 1974. Vol. 3, no. 3. 5.
- Bairoch P. European Trade Policy 1815–1914 // Cambridge Economic History of Europe. Vol. XIII. N.Y.: Cambridge University Press, 1989. 1230 p.
- Bairoch P. «Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 à 1970». Revue d'histoire économique et sociale, 1965, Vol. 54, pp. 304–335.
- Bairoch P. Mythes et paradoxes de l'Histoire économique. Paris: La Decouverte, 1995.
- Bell A.D. «This Is What Happens When Historians Overuse the Idea of the Network». New Republic. 2013. October 25 / <http://www.newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor>
- Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. New Brunswick. 1987.
- Bhabha K.H. Nation and Narration. Routledge. New York: Routledge, 1990. 333 p.
- Bhabha, K.H. The Location of Culture. New York: Routledge, 1994. 257 p.
- Buruma I.; Margali A. Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies. Penguin Books Ltd, 2004. 176 p.
- Catalogique de la litterature armenienne depuis le commencement du V jusqu'a XVI siecle. St.Petersburg, 1859.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe. Princeton University Press, 2007.
- Hübschmann J.H. Armenische Studien, vol. I, Grundzüge der armenischen Etymologie. 1, Leipzig, 1883; repr. in: Hübschmann 1976.
- Hübschmann J.H. Die altarmenischen Ortsnamen: Mit Beiträgen zur historischen Topographie Armeniens. Indogermanische Forschungen 16, 1904. S. 197-490.
- Hübschmann J.H. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung der indogermanischen Sprachen, 1877, Bd 23, 5–49.
- Lagarde P.A. de Armenische Studien. Dieterich, 1877. 190 p.
- Markwart J. “Über das Volkstum der Komanen,” // W. Bang and J. Marquart, eds. Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, pp. 25-238; repr., Nendeln and Göttingen, 1970.
- Markwart J. A catalogue of the provincial capitals of Ērānshahr. post., 1931.
- Markwart J. L'Origine et la reconstitution de la nation arménienne / Trad. de Marie-K.-J. Bas-madjian: Paris, 1919. Sujets: Génocide arménien.
- Markwart J. Ērānshahr nach der Geographie des Pseudo-Moses Khorenaci, 1901.
- Markwart J. Osteuropäische und asiatische Streifzüge, 1903.
- Markwart J. Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kauskasien. Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte. Wien 1928, S. 64.
- Markwart J. Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kaukasien. Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte, Vienna, 1928.

- Markwart J. Ueber den Ursprung des armenischen Alphabets in Verbindung mit der Biographie des heil. Mašt'oc', Vienna, 1917.
- Minosrky V. Studies in Caucasian history. London, 1953; Cambridge University Press, 1957.
- Périkhanian A. Une inscription arménienne du roi Artaxès trouvée à Zanguesour (Siwniké) // Revue des études arméniennes. Paris, 1966. T. III. P. 17–29.
- Petermann J.H. Grammatica linguae armenicae. Berlin, 1837.
- Petermann J.H. De Ostikanis, Arabicis Armeniae gubernatrobis. Berlin, 1840.
- Petermann J.H. Beiträge zu einer Geschichte der neuesten Reformen des Osmanischen Reiches. Berlin, 1842.
- Petermann J.H. Reisen im Orient. Verlag von Veit & Comp. 2 Bde. Leipzig, 1860–1861.
- Petersson H. Arische und armenische Studien, Leipzig: Lund C.W.K. Gleerup, 1920.
- Reinach T. Mitradates Eupator, König von Pontos. Lpz. B.G. Teubner, 1895.
- Said W.E. Orientalism: Western Representations of the Orient. L.: Routledge and Kegan Paul, 1978.
- Saint-Martin A.J. Fragments d'une histoire des Arsacides 2 vol. Paris: Impr. nationale, 1850.
- Saint-Martin A.J. Histoire d'Arménie XLVIII -462 p. Paris: Impr. royale, 1841.
- Spivak G.Ch. Other Worlds: Essays in Cultural Politics. London: Methuen, 1987. P. 271–313.
- Spivak G.Ch. «Can the subaltern speak?» Marxism and the Interpretation of Culture / Eds. Cary Nelson, Lawrence Grossberg. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
- Wolf R.E. Europe and the People Without History. University of California Press, 1982. 536 p.
- Wolf R.E. Envisioning Power: Ideologies of Dominance and Crisis. University of California Press, 1999. 339 p.

REFERENCES

- Agbunov M.V. Antichnaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya. M.: Nauka, 1992.
- Arakelyan B.N. Arheologicheskie otkrytiya v Armenii // VDI. 1951. № 1. S. 265–267.
- Arakelyan B.N. Raskopki kreposti Garni // VDI. 1951. № 4. S. 101–114, ill.
- Arakelyan B.N. Arheologicheskie raboty v Armenii // Vestnik AN SSSR, 1961, №1.
- Arakelyan B.N. Antichnyj ehtap razvitiya armyanskogo iskusstva. II Mezhdunarodnyj simpozium po armyanskomu iskusstvu. Erevan: Izd. AN Arm. SSR, 1978.
- Arakelyan B.N. Artashat. Osnovnye rezul'taty raskopok 1970–1977 g. Erevan: AN Arm. SSR, 1982.
- Arakelyan B.N. Garni, I. Rezul'taty rabot arheologicheskoy ehkspedicii In-ta istorii Akad. nauk Arm. SSR. 1949–1950. Erevan, 1951. 90 s., ill., 31 tabl.
- Arakelyan B.N. Mozaika v Garni. VDI, № 1. 1956.
- Arakelyan B.N. Garni, II. Rezul'taty rabot garnijskoj arheologicheskoy ehkspedicii 1951–1955 gg. (antichnyj period). Erevan: Izd. AN Armyanskoj SSR, 1957.
- Arsh G. Greciya: Torgovlya. Prosveshchenie. Vojna 1768–1774 gg. Vosstanie v Moree // Istoriya Balkan. Vek vosemnadcatyj. M.: Nauka, 2004. 546 s.
- Basilov YU. Transfer respublikanskih idej vo vremya ehkspeditsij russkogo flota v Grecheskij arhipelag (1770–1774) / Respublikanizm: teoriya, istoriya, sovremennye praktiki. 8-9 fevr. 2018.
- Blavatskij V.D. Dionisij Ol'vianskij // SA. 1978. № 3.
- Blavatskij V.D. O drevnej navigacii i zadachah podvodnoj arheologii // Problemy sovetskoj arheologii. M.: Nauka, 1978.
- Blavatskij V.D. Zapadnopontijskie goroda v VII–I vv. do n. eh. M.: Izd-vo AN SSSR, 1952.
- Blavatskij V.D. O severnoj ukrainie Skifii Gerodota // MIA. 1969. № 169.
- Blavatskij V.D. Priroda i antichnoe obshchestvo. M.: Nauka, 1976.
- Blavatskij V.D., Koshelenko G.A. Otkrytie zatonuvshogo mira. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963.
- Blavatskij V.D., Peters B.G. Priemy podvodnyh arheologicheskikh rabot pri izuche-nii ostatkov drevnego korablekrusheniya // Morskije podvodnye issledovaniya. M.: Nauka, 1969.
- Blavatskij T.V., Peterc B.G. Korablekrushenie konca IV – nachala III v. do n. eh. okolo Donuzlava // SA. 1969. № 3.
- Boltunova A.I. Antichnye goroda Gruzii i Armenii // Antichnyj gorod. Sb. statej / otv. red. Boltunova A.I. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 192 s.
- Boltunova A.I. Grecheskie nadpisi iz Armavira // Erevan: Arm. FAN SSSR. T. 1-2. 1942.
- Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.
- Gajdukevich V.F. O putyah prozhzdeniya drevnegrecheskih korablej i Ponte EHvksinskom // KSIA. 1969. Vyp. 116. 64.

- Garris D., lord Mal'msberi. Rossiya v carstvovanie Ekateriny II (perepiska an-glijskogo poslannika pri dvore Ekateriny II, 1778–1783) // Russkij arhiv. 1874, kn. 1, № 6, stb. 1465-1512.
- Golovastikov K. Rossiya – vladelica grecheskih ostrovov... (<http://riata.ru/kultura/item/642-rossiya-vladelitsa-grecheskikh-ostrovov.html>)
- Grinevich K.E.H. Issledovaniya podvodnogo goroda v 1930–1931 gg. M., 1931.
- Grinevich K.E.H. O dostovernosti svedenij Gerodota ob Ol'vii // VDI. 1964. № 1.
- Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya // Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1984. T. 26.
- D'yakonov I.M., Starkova K.B. Nadpisi Artaksiya (Artashesa I), carya Armenii // VDI. 1955, №1.
- Eremyan S.T. Armeniya v period krizisa rabovladel'cheskogo obshchestva i formirovaniya feodal'nyh otoshenij. Ocherki istorii SSSR. III-IX vv. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR III-IX vv. M: Izd-vo AN SSSR, 1958. S. 167-169.
- Eremyan S.T. Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva (na pravah rukopisi). M.-L. 1939. CH. I-II.
- Eremyan S.T. O rabstve i rabovladienii v Drevnej Armenii. VDI. 1950, №. S. 12-26.
- Eremyan S.T. Osnovnye cherty obshchestvennogo stroya Armenii v ehllinisticheskij period. // Izv. Akademii nauk Armyanskoj SSR. Obshchestvennye nauki, 1948, № 11.
- Eremyan S.T. Problemy padeniya rabovladel'cheskogo obshchestva i zarozhdeniya feodal'nyh otoshenij v drevnej Armenii // Doklad sovetsoj delegacii na HKHIII Mezhduнародnom kongresse vostokovedov. M., 1958.
- Eremyan S.T. Rabovladel'cheskoe obshchestvo drevnej Armenii. Avtoref. ...d.i.n. M., 1953.
- Eremyan S.T. Razvitie gorodov i gorodskoj zhizni drevnej Armenii. VDI, 1950, № 1.
- Zel'in K.K. Nekotorye osnovnye problemy istorii ehllinizma // SA. 1955. T. XXII. S. 99-108.
- Zel'in K.K. Osnovnye cherty ehllinizma // VDI. 1953. № 4. S. 145-156.
- Zorin A.L. Kormya dvuglavogo orla... (Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka). M., 2001.
- Zorin A. Russkaya oda konca 1760-h – nachala 1770-h godov, Vol'ter i «grecheskij proekt» Ekateriny II (<http://magazines.russ.ru/nlo/1997/24/zorin.html>)
- Koshelenko G.A. Grecheskij polis na ehllinisticheskom Vostoke. M.: Nauka, 1979.
- Koshelenko G.A. EHllinizm: k sporam o sushchnosti // EHllinizm: ehkonomika, politika, kul'tura. M.: Nauka, 1990. 376 s.
- Koshelenko G.A. Ellinisticheskaya ehpora v sovremennoj nauke (nekotorye problemy) // Antichnost' i antichnye tradicii v kul'ture i iskusstve narodov sovetskogo Vostoka. M., 1978. 45-58.
- Manandyan A.YA. Tirogovoj put' Pompeya v Zakavkaz'e // VDI. 1939, № 4 (9). S. 70-82.
- Manandyan A.YA. O torgovle i gorodah Armenii. EHriyan': Gos. izd-vo: 1930.
- Manandyan A.YA. Tigran Vtoroj i Rim: V novom osveshchenii po pervoistochnikam. Erevan: Izd-vo Arm FAN, 1943. 239 s.
- Manaseryan R.L. Process obrazovaniya derzhavy Tigrana II // VDI. 1982, № 2. S. 122-139.
- Margaryan E.G. Arshakavanskaya ehllinisticheskaya politeya i Grad Nebesnyj Nersesa Velikogo. Erevan: Izd-vo RAU, 2007.
- Margaryan E.G. Svyatilishcha strany Kommageny i Armeniya ehllinisticheskogo perioda. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Erevan, 1991.
- Mnacakanyan A.O., Tiracyan G.A. Novye dannye po material'noj kul'ture drevnej Armenii // Izvestiya AN Arm. SSR. Obshchestvennye nauki, 1961, № 8. S. 71-81.
- Movses Horenaci. Istoriya Armenii / Per. s drevnearm. yazyka, primech. G. Sarkisjana; red. S. Arevshatyan. Erevan: Ajastan, 1990.
- Mushegyan H.A. Denezhnoe obrashchenie Dvina po numizmaticheskim dannym / AN Armyanskoj SSR, Gos. Istoricheskij muzej. Erevan: AN Armyanskoj SSR, 1962. 202, [2] s.
- Orbeli R.L. Issledovaniya i izyskaniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1947.
- Orlov A.G. Pervaya mysli' o morejskoj ehkpedicii trafa A.G. Orlova // Zarya. 1870. № 6.
- Patkanov N.O. Bibliograficheskij ocherk armyanskoj literatury. SPb., 1880.
- Patkanov N.O. Vanskije nadpisi i znachenie ih dlya istorii prednej Azii // Argun R.O. SHanava A.B. K.P. Patkanov, i ego vzglyad na «drevnyuyu istoriyu Gruzii». Suhum, 2014.
- Perihanyan A.G. Aramejskaya nadpis' iz Garni. Erevan, IFZH, 1971, № 3. S. 124-138.
- Perihanyan A.G. Aramejskaya nadpis' na serebryanoj chashe iz Sisiana // Istoriko-filologicheskij zhurnal. Erevan, 1971. № 3. S. 78–82.

- Perihanyan A.G. Drevnearmyanskije vostoniki. V svyazi s voprosom o formah zemlevladieniya // VDI. 1956. № 2. S. 44–59.
- Perihanyan A.G. Ieroduly i hieroi hramovyh ob'edinenij Maloj Azii // VDI. 1957. № 2. S. 47–68.
- Perihanyan A.G. K voprosu o proiskhozhdenii armyanskoj pis'mennosti / *Peredneaziatskij sbornik*. M., 1966. T. II. С. 103–133.
- Perihanyan A.G. K voprosu o rabovladienii i zemlevladienii v Irane parfyanskogo vremeni // VDI. 1952. № 4. S. 13–27.
- Perihanyan A.G. Hramovye ob'edineniya Maloj Azii i Armenii. M.-L.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva. «Nauka», 1960.
- Proekt «Sankt-Peterburgskie antikovedy» // <http://centant.spbu.ru/spbant/alph.html>
- Rabstvo v stranah Vostoka v srednie veka / *Otv. red. O.G. Bol'shakov, E.I. Kychanov*. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1986.
- Ranovich A.B. EHllinizm i ego istoricheskaya rol'. M.; L.: Nauka, 1950.
- Said V.EH. Vostok puteshestvennikov i uchenyh: mezhdu slovarnoj definiciej i zhivoj mysl'yu // *Otechestvennye zapiski*. 2003. № 5 (14).
- Sarkisyan G. H. Svidetel'stvo pozdnevavilonskoj klinopisnoj hroniki ob Armenii vremyon Tigrana II // *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1976, № 2.
- Sarkisyan G.H. Tigranakert. Iz istorii drevnearmyanskih gorodskih obshchin. Moskva-Leningrad: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva. «Nauka», 1960.
- Sarkisyan G.H. Social'no-ehkonomicheskij harakter drevnearmyanskoj obshchiny i problema rabovladel'cheskogo stroya. V kn.: Tigranakert. Iz istorii drevnearmyanskih gorodskih obshchin. M.-L., 1960.
- Sarkisyan G.H. Carica EHrato // *Kavkaz i Vizantiya*. № 6. Erevan: Izd-vo AN Armyanskoj SSR, 1988. S. 14–23.
- Sarkisyan G.H. CHerty ehllinizma v duhovnoj kul'ture Drevnej Armenii // *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1976, № 3. С. 51–62.
- Svencickaya I.S. Makedoniya, Greciya i Severnoe Prichernomor'e v period ehllinizma / *Istoriya Drevnego mira. Rascvet Drevnih obshchestv*. Moskva: Znanie, 1983. S. 353–367.
- Smilyanskaya E.B. Opyty rossijskogo upravleniya «zamorskimi territoriyami»: k istorii Arhipelagskogo knyazhestva Ekateriny Velikoj // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Vyp. 4. IV Chteniya pamyati akad. RAN L.V. Milova. M.: MGU, 2015. S. 517–522.
- Smilyanskaya E.B. Russkie v Sredizemnomor'e. Arhipelagskaya ehkspediciya kak opyt osvoeniya kul'turnogo prostranstva. GIIM: Doklady po istorii 18 v. DHI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert. Nr. 4. 2010.
- Stepanyan A.A. Voprosy teorii gosudarstva v «Geografii» Strabona i «Logos» Armenii // *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1978. S. 187–204.
- Stepanyan A. A. Randejskij dogovor i koronaciya Tiridata Arshakida v Rime // *Istoriko-filologicheskij zhurnal*. 1976. N 3. S. 171–183.
- Stepanyan A.A. Razvitie istoricheskoy mysli drevnej Armenii i Movses Horenaci. Mif. Racionalizm. Istoriiopisanie., E., Izd-vo AN Armenii, 1991 - 251 s.
- Sukiasyan A.R. Obshchestvenno-politicheskij stroj i pravo Armenii v ehpolu rannego feodalizma, III–IV vv. n. eh. Erevan: Izd-vo Erevanskogo un-ta, 1963. 523 s.
- Tiracyan G.A. Voprosy preemstvennosti oficial'nogo kul'ta v Antichnoj Armenii. VON, 1985, № 10.
- Tiracyan G.A. Kul'tura drevnej Armenii VI v. do n. eh. – III v. n. eh. (po arheol. dannym) / *Otv. red. B.N. Arakelyan*. Erevan: Izdatel'stvo AN ArmSSR, 1988. 206 s.
- Tiracyan G.A. Strana Kommagena i Armeniya // *Izvestiya AN Arm. SSR. Obshchestvennye nauki*, 1956, № 3. S. 69–74.
- Tiracyan G.A. Urartu i Armeniya (K voprosu o preemstvennosti material'noj kul'tury) // II Mezhdunar. simpozium po armyanskomu iskusstvu. Erevan: Izd. AN Arm. SSR, 1978.
- Trever K.V. Ocherki po istorii i kul'ture drevnej Armenii (II v. do n. eh. – IV v. n. eh.). M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1953.
- EHmin N. O. Vahagn-Vishapakah armyanskoj mifologii est' Indra-Vritrahan Rig-Vedy. Spb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1873. 17 s.
- EHmin N.O. Kratkij ocherk istorii armyanskoj vostochnoj cerkvi // *Pravoslavnoe Obo-zrenie*, 1872, № 5. S. 657–698.

- EHmin N.O. Neskol'ko stranic sravnitel'noj mifologii // Trudy Vostochnogo Otdel'eniya Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshchestva. 1874. CH. 17. S. 93-129.
- EHmin N.O. Novyj perevod Istorii Armenii Movsesa Horenaci (s primechaniyami i prilozheniyami). Posmertnoe izdanie. M.: Izd. Lazarevskogo in-ta vostochnyh yazykov, 1893.
- EHmin N.O. Ocherk religii i verovanij yazycheskikh arмян. M.: Tip. Lazarevyh inta vost. yaz., 1864. 72 s.
- EHmin N.O. Professor Patkanov kak orientalist. SPb., 1874; «Istoricheskij vestnik» 1889 g. № 6. Nekrolog.

Маргарян Ерванд Грантович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всемирной истории и региональных исследований, Российско-Армянский университет, Ереван; ervand.margaryan@rau.am

On the history of hellenistic studies in the Soviet Armenia

Hellenistic studies in Armenia have gone through several upheavals. The first generation of Armenian armenologists, who prepared the appearance of Hellenistic historiography in Armenia, was represented by outstanding scholars N. Adonts, H. Manadyan, T. Avdvalbegyan, etc. However, the first special studies on the history of Hellenism in Armenia belong to S. Eremyan, whose work for decades determined further direction of research in this field. S. Ermenyan's research on the history of Hellenism in Armenia and neighboring countries developed in the vein of the ideas of A. Ranovich, who considered Hellenism as the next stage in the development of the slave-owning formation. Hellenistic studies in Armenia were further developed in the works of such great hellenist as G. Sarkisyan, A. Perikhanyan, G. Tiratsyan and others. Like K. Zel'in, they did not view slavery as the main marker of Hellenism, and Armenia and other countries of the East as a classical slave-owning country of the Mediterranean type. However, it was impossible to finally get out of the "Procrustean bed" of the traditional "five-membered" scheme for Soviet historiography in this historical epoch. In the post-Soviet period, Hellenistic studies in Armenia, due to objective and subjective reasons, declined, and now we have to restore lost positions.

Keywords: Armenology, Hellenism, Leningrad school, decolonial turn, Armenian Soviet school of Hellenistic studies

Yervand Margaryan, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History and Area Studies abroad, the Russian-Armenian University; ervand.margaryan@rau.am

О. В. АУРОВ

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ФУЭРО ЛЕОНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1980-х гг.

Автор рассматривает проблемы русского перевода одного из важнейших памятников средневекового испанского законодательства – фуэро Леона (1017–1020) в связи с социально-политическим и культурным контекстом развития советской медиевистики в 1980-е гг. Исследуются причины обращения к памятнику, выбор текстологической основы перевода, особенности русского текста и структура комментария к нему. Особое внимание уделено понятийной системе как следствию историографических представлений, доминировавших в отечественной науке указанного периода.

Ключевые слова: *фуэро Леона, средневековая Испания, реконкиста, советская медиевистика, А.Р. Корсунский, В.К. Пискорский, О.И. Варьяш, С.Д. Червонов*

В 2017 г. исполнилось 1000 лет с момента издания одного из наиболее значимых памятников истории испанского права – т.н. фуэро¹ Леона (1017–1020). Провозглашенное королем Леона Альфонсо V (999–1028) в присутствии королевы Эльвиры (Geloira), а также светской и духовной знати на церковном соборе в столице пиренейского королевства, фуэро положило начало истории средневекового права в королевстве, основу законодательства которого ранее составляли правовые кодексы позднеримского (Бревиарий Алариха) и вестготского (Liber Iudiciorum) времени. Обладающее чертами как свода местных правовых обычаев, так и городской хартии, фуэро Леона является одним из наиболее древних памятников такого рода в истории средневекового Запада, и его историческое значение уже давно получило высокую оценку в мировой историографии², включая, разумеется, испанскую³. В связи с этим весьма значимым представляется тот факт,

¹ О понятии «фуэро» см., например: García Gallo 1956. P. 387 – 446.

² Mittelmaier 1847; Mayer 1925; Powers J.F. 1987. P. 53-80.

³ Первое издание памятника, по данным Л. Васкеса де Парга (Vázquez de Parga 1944. P. 468-469), было осуществлено еще в 1601 г. в знаменитых «Церковных анналах» кардинала Чезаре Баронио (Цезаря Барония) (1538–1607). Первое исследование рукописной традиции памятника принадлежит испанскому эрудиту иезуиту Андресу Маркосу Буррьелю (1719–1762) и датируется 1751 г. Но еще на рубеже XVI–XVII вв. (латинское издание – 1592 г., первые испанские издания – 1601, 1608, 1616, 1623 гг.) на значение законодательных реформ Альфонсо V как реформатора «готских законов» обратил внимание выдающийся испанский эрудит Х. де Мариана (Mariana 1855. P. 257), опиравшийся на данные средневековых хронистов. В дальнейшем на роль законодательной деятельности Альфонсо V в истории испанского права обращали внимание историки XVIII–XIX вв.: Asso, Manuel 1771. P. VIII-IX; España Sagrada. 1786; Martínez Marina 1808. P. 29-30; Sempere 1822. P. 230-238).

что этот памятник средневекового права не только неплохо исследован в отечественной науке, но и переведен на русский язык.

Русский комментированный перевод памятника, обстоятельства его создания, специфика текста и комментария, а также связанный с ними более широкий научный и историко-культурный контекст обусловлены не только огромной исторической и историко-правовой значимостью памятника, но и рядом особенностей советской медиевистики 1980-х гг. Ниже, помимо характеристики общих обстоятельств издания комментированного перевода, я попытаюсь рассмотреть три основные группы факторов, связанные с этим феноменом.

Первая из них касается *причин обращения к памятнику*, которые отнюдь не очевидны, если учесть тот факт, что русский перевод является единственным из существующих: по меньшей мере, никакие иные его переводы на современные языки мне неизвестны. Среди прочего, ответ на этот вопрос невозможен без учета фигур *авторов перевода* – советских медиевистов Ольги Игоревны Варьяш (1946–2003) и Сергея Дмитриевича Червонова (1955–1988), их научных интересов и принципов, обусловивших их обращение к Фуэро Леона⁴.

Вторая группа факторов касается версии текста памятника, избранной в качестве *текстологической основы* для перевода. Помимо хорошо исследованной рукописной традиции (включая текстологические различия между сохранившимися версиями)⁵, значимость этого аспекта истории «русского фуэро Леона» обусловлена наличием в мировой историографии к 1980-м гг., по меньшей мере, восьми изданий и переизданий памятника, не считая эрудитских изданий, появившихся до середины XVII в.⁶, что уже само по себе ставит проблему тех критериев,

⁴ О научном наследии О.И. Варьяш и С.Д. Червонова см., напр.: Memorialia 2004; Уваров 2015. С. 62-79; Аулов 2005. С. 5-18.

⁵ О рукописной традиции памятника см.: Vázquez de Parga 1944. P. 475-478. Он идентифицирует 15 рукописей, в разное время использовавшихся издателями, и указывает местоположение для 14-ти. В качестве главных выделяются рукописи из библиотек Овьедского (первая треть XII в.) и Бракарского (г. Брага (Португалия)) (первая половина XIII в.) соборов. В обоих случаях речь идет о картуляриях – “Liber Testamentorum” (Овьедо) и “Liber Fidei” (Брага). Факсимильное издание по первой из этих рукописных версий представлено в издании Р. Переса-Бустаманте (1983), уточнившего дату создания манускрипта (1116–1129 гг.) (El Fuero de León 1983. P. 18-23).

⁶ По данным Л. Васкеса-де-Парга, до середины XVIII в. текст издавался не менее трех раз – в 1601, 1606 и 1694 гг. в составе канонів Леонского собора 1020 г. (Vázquez de Parga 1944. P. 468-469). Начиная с указанного периода можно выделить следующие основные издания: (1) Concilium legionense 1786. P. 340-347 (это издание, предпринятое эрудитом М. Риско, по данным Л. Васкеса-де-Парга, дважды переиздано – в 1792 и 1796 гг.); (2) Concilium legionense 1847. P. 60-72; (3) Concilium Legionense 1861. P. 1-11; (4) Constans 1920. P. 165-199, 575-606; (5) Sánchez Albornoz 1922. P. 317-323 (переиздано в 1970 г.; см. ниже); (6) Forum Legionense 1936. S. S. 2-20; (7) Vázquez de Parga 1944. P. 464-498; (8) El Fuero de León / El Fuero de León 1983.

которыми руководствовались два молодых советских медиевиста, избирая подходящий текст для реализации своего проекта.

Наконец, третья, – далеко не последняя по значению, – группа факторов связана с особенностями языка и понятийной системы перевода, а также структуры и содержания комментария к нему, включая смысловые акценты, обусловленные как собственными научными интересами авторов, так и общими трендами, определявшими состояние советской медиевистики (в т.ч. – испанистики) середины 1980-х гг.

Причины обращения к тексту фуэро Леона

В 1985 г. Институт всеобщей истории АН СССР выпустил в свет сборник исследований по средневековой истории стран Пиренейского полуострова, в числе которых находился и русский перевод фуэро Леона, подготовленный О.И. Варьяш и С.Д. Червоновым⁷. Характерное название сборника («Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова в эпоху феодализма») подчеркивало хронологическую⁸ и содержательную связь опубликованных материалов с феодализмом как «социально-экономической формацией», что вполне соответствовало общей парадигме развития советской медиевистики. Вместе с тем, уже на уровне заглавия сборника явно ощущались и новые веяния. В противоположность устоявшейся традиции, подчеркивалось, что книга посвящена не «социально-экономической», а «социально-политической» проблематике. Реальное же содержание сборника, основу которого составили работы медиевистов молодого и среднего поколения (О.И. Варьяш, С.Д. Червонов, А.П. Черных, Н.И. Басовская, В.А. Ведюшкин, В.И. Уколова, В.П. Буданова и др.), было еще более широким, и, наряду со статьями по социальной и политической истории, включало также работы по истории культуры.

В случае перевода Фуэро Леона интерес к этому памятнику раннесредневекового права, в определенной степени, был обусловлен фактом восстановления дипломатических и культурных связей между СССР и Испанией (1977)⁹. Одним из его следствий стало восстановление отношений в области науки и культуры (1979), сделавшее, в свою очередь, возможным подписание в сентябре 1980 г. договора о сотрудничестве между Институтом всеобщей истории АН СССР и Институтом истории «Херонимо Сурита» Высшего совета научных исследований (испанский аналог АН СССР). От этого документа берет начало традиция советско-испанских коллоквиумов историков, которые про-

⁷ Варьяш, Червонов 1985. С. 170-181.

⁸ Именно поэтому верхняя хронологическая граница процессов, исследуемых в сборнике, определяется XVI–XVII вв., в соответствии с датировкой конца «феодальной формации» в советской науке.

⁹ Волосюк 2012. С. 87-113.

водились регулярно, начиная с 1981 г., и в них, наряду с маститыми медиевистами, участвовали будущие переводчики фуэро Леона.

Но более важен был факт складывания в 1960–1970-е гг. советской школы изучения истории средневековой Испании, основоположником которой был А.Р. Корсунский (1914–1980). Ученик Н.П. Грацианского (в свою очередь, учившегося у первого русского испаниста В.К. Пискорского (1869–1910)) и отчасти А.И. Неусыхина, не подвергая сомнению значимость их научного наследия, вместе с тем, вышел за рамки традиции исследования правовых памятников исключительно как источников по социально-экономической истории. Для его учеников, к числу которых принадлежали и будущие авторы русского перевода фуэро Леона, интерес к правовым памятникам – пусть и воспринимаемым в марксистской манере, – был уже вполне естественным.

Имея широкие научные интересы, О.И. Варьяш постепенно перешла от занятий аграрной историей раннесредневековых Кастилии и Леона к изучению средневекового португальского права, прежде всего – форалов, местного аналога кастильских и леонских фуэро и подошла к изучению знаменитого Фуэро Леона. Как свидетельствуют ее собственные записи, посвященный ему специальный раздел (параграф?) она собиралась включить в свою монографию по истории средневекового португальского права, над которой работала до конца жизни¹⁰.

Отнюдь не случайным стало обращение к фуэро Леона и С.Д. Червонова. В 1982 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Города Центральной Испании в XII–XIII веках (по данным фуэрос)»¹¹, над ней которой работал с 1978 г. С этого времени ученый сосредоточился на исследовании памятников средневекового кастильского и леонского права. Обращение его к фуэро Леона выглядело логичным, тем более с учетом влияния памятника на содержание ряда португальских форалов, интерес к которым С.Д. Червонов проявил приблизительно с 1984 г.

Оба соавтора придавали своей работе большое значение. Во всяком случае, это был единственный перевод памятника такого рода, предлагавшийся студентам в просеминирии по истории Средних веков, который С.Д. Червонов до самой смерти вел на втором курсе Исторического факультета МГУ. В 1987–1988 учебном году в этом просеминаре занимался и автор настоящей статьи; я прекрасно помню, какое значительное внимание руководитель семинара уделял фуэро Леона как историческому источнику и важнейшему правовому памятнику.

Факт сотрудничества, обусловленный возникновением общих интересов к фуэро Леона и дополненный тесными дружескими и профессиональными связями, представляется вполне естественным.

¹⁰ Варьяш 2006. С. 7.

¹¹ См.: Червонов 2005. С. 216–242.

Текстологическая основа перевода

Почти полностью оторванная от западной науки, советская медиовистика (за незначительными, пусть и блестящими исключениями), среди прочего, лишилась и доступа к западным архивным собраниям. В случае работы О.И. Варьяш и С.Д. Червонова над переводом фуэро Леона эта ситуация выглядит особенно драматично, поскольку оба ученых последовательно готовили себя к архивным исследованиям, свидетельством чему являются их – пусть и единичные – публикации, основанные на архивных материалах¹². Однако оба исследователя не располагали возможностью работы не только с рукописями памятника, но и с факсимильным воспроизведением главной из них (из архива Овьедского собора), представленным в издании Р. Переса Бустаманте¹³, которое ко времени работы над переводом (1983 или начало 1984 г.) просто не успело попасть в библиотеки СССР. Поэтому приходилось выбирать из оставшихся семи изданий (еще три издания, появившиеся до второй половины XVIII в. и представлявшие собой библиографическую редкость, в советских библиотеках могли обнаружиться лишь чудом); но они к середине 1980-х гг. являлись либо непоправимо устаревшими, либо... просто отсутствовали в советских библиотеках.

В итоге, ученые остановились на тексте фуэро Леона в сборнике «Древнеиспанское готское право»¹⁴, вышедшем (как т. 12 серии «Германское право: тексты и переводы») в нацистской Германии в 1936 г. и подготовленным историком права Ойгеном Антоном Вольхауптером (1900–1946), чье имя известно ныне лишь узким специалистам (и чье издание, кстати сказать, так и осталось неизвестным испанским коллегам). Если учесть, что в 1920–1940-е гг. советские библиотеки почти не приобретали зарубежной литературы по гуманитарным наукам, наличие издания Вольхауптера в Москве кажется почти чудом. Однако дело в том, что в период с 6 мая 1945 по 1 ноября 1946 г. директор библиотеки – ныне известной как Библиотека иностранной литературы, – Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990) находилась в командировке в Германии и активно занималась отбором книг в рамках мероприятий по реституции в качестве уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР. Трудями ее и ее сотрудников в 1945–1946 гг. в СССР было вывезено около 2 млн. томов, часть которых оказалась и в фондах ГЦБИЛ (будущей ВГБИЛ)¹⁵. В их числе было и издание Вольхауптера.

¹² Варьяш 1987. С. 222-229; Червонов 1983. С. 335-343.

¹³ El Fuero de León 1983.

¹⁴ Forum Legionense 1936. S. 2-20.

¹⁵ Рудомино 2005. Оценивая этот аспект реституции следует учесть, что потери книжного фонда библиотек СССР в годы войны превысили 100 млн. томов.

По всей видимости, внимание на него в фондах библиотеки обратил С.Д. Червонов, со студенческих лет активно пользовавшийся этим книжным собранием. Свободно читавший и говоривший по-немецки, он вероятно, обратил внимание не только на сам латинский текст, но и на наличие немецкого перевода, который можно было использовать в процессе работы. Главной причиной, однако, являлась относительная новизна немецкой публикации, по сравнению с другими доступными версиями текста фуэро, изданными в XVIII–XIX вв. Во всяком случае, именно текст по веймарскому изданию 1936 года указан в советской публикации 1985 г. в качестве основного¹⁶.

В той же библиотеке, обладавшей до начала 1990-х гг. едва ли не наиболее полным собранием испаноязычной литературы в СССР (начало ему было положено в 1937 г., когда ГЦБИЛ получила ок. 1000 томов книг в качестве дара испанского народа¹⁷), обнаружилось и еще одно издание текста. Речь идет о переиздании публикации, осуществленной К. Санчесом-Альборносом в 1922 г., в сборнике, опубликованном в 1970 г. в Сантьяго-де-Чили¹⁸. Его использование позволило составить представление о латинском тексте не только основной (овьедской) версии, но и более раннего текста, сохранившегося в бракарском картулярии (редакция А). Авторы перевода и комментария обращались к этой редакции «в примечаниях для уточнения и дополнения некоторых статей окончательной редакции»¹⁹.

Особенности перевода и комментария

В работе над переводом, О.И. Варьяш и С.Д. Червонов исходили из принципов, усвоенных ими под руководством А.Р. Корсунского, который, в свою очередь воспринял их от Н.П. Грацианского²⁰. Перевод фуэро Леона представлен с небольшими сокращениями, объяснявшимися, вероятно, соображениями объема²¹. Он выполнен на высоком научном уровне и характеризуется корректным использованием лингвистических средств русского языка для передачи содержания латинского текста. Его стилистика отличается простотой и элегантностью: переводчики не стремятся к нарочитой архаизации стиля и лексики; они ориентируются на нормы современного русского языка (стиль, синтаксис, лексика), стремясь добиться максимальной ясности содержания.

¹⁶ Варьяш, Червонов 1985. С. 170.

¹⁷ Рудомино 2005.

¹⁸ Sánchez Albornoz С. 1970. P. 309-313.

¹⁹ Варьяш, Червонов 1985. С. 170.

²⁰ Яркий пример переводческой манеры Н.П. Грацианского – подготовленный им перевод «Салической правды». Салическая правда 1950.

²¹ Выпущен перечень топонимов, обозначающих границы юрисдикции судебных властей г. Леона от слов “*infra subscriptos términos*” вплоть до “*propter contentiones quas habuerunt...*” (Fuero de León (далее – FL). 28).

При этом несложно отметить и нормы, которые современные переводчики считают избыточными. Так, переводчики активно используют квадратные скобки для введения слов, отсутствующих в латинском тексте, но предполагаемых содержанием соответствующей фразы. Например, латинский фрагмент "...nullus contineat seu contendat episcopus abates suarum diocesseon..." (Fuero de León (FL). 3) переводчики передают следующим образом: «...чтобы никто не отнимал и не оспаривал [верховенства] епископов над аббатами... их диоцезов...»²²; при несомненной адекватности предложенного перевода, представляется, что в данном случае квадратные скобки вполне могут быть опущены, так как место в принципе не предполагает иных толкований. Еще один подобный пример – перевод латинского фрагмента "...sacrilegium solvat" (FR.4), передаваемого как «...пусть платит [штраф за] святотатство»; квадратные скобки здесь также могут быть опущены без всякого ущерба для смысла; думается, можно опустить и слово «штраф». Однако во всех подобных случаях переводчики лишь следуют принципам Н.П. Грацианского, которые в тот период не подлежали оспариванию (с той лишь разницей, что сам он использовал в аналогичных случаях круглые скобки)²³.

При необходимости, понятия, предполагающие двойное (или даже тройное) толкование дублируются в скобках на языке оригинала. При ближайшем рассмотрении оказывается, что примеры следования этой норме присутствуют едва ли не в каждом параграфе: «собораниях» (concilia) (FL.1), «грамоты» (testamentum) (FL.2), «честными людьми» (veridici homines) (FL.2), (cultores ecclesiae) (FL.2), «разбой» (rapina) (FL.4), «штраф» (calumnia) (FL.4), «убийство» (homicidium) (FL.5) и др. С каждым случаем такого рода следует разбираться особо; в одних местах такого рода дублирование является оправданным, в других – избыточным. Так, при всем многообразии значения слова "concilium", в FL.1 его контекст делает содержание понятия настолько ясным, что не требует пояснения; с другой стороны, в FL.45 использование в латинском тексте того же слова никак не комментируется, тогда как в данном случае его значение весьма специфично – речь идет о пиренейском институте консехо – средневековой территориальной общины. Можно привести и некоторые другие примеры подобного рода.

В некоторых случаях содержание латинских слов передается транскрипцией соответствующего понятия либо в средневековом, либо в современном испанском (кастильском) языке. Помимо приведенного примера со словом "concilium" (консехо), в тексте перевода можно найти и другие – "junior" (хуньор (категория зависимых крестьян)), а также "miles" (кабальеро). В первом случае правомерность подобного

²² Варьяш, Червонов 1985. С. 172.

²³ Салическая правда 1950. С. 65, 66, 67 и др.

перевода не вызывает сомнений, поскольку сколь-нибудь адекватный аналог латинского слова в русском языке (включая научную терминологию) отсутствует. В последнем же случае такой перевод кажется недостаточно правомерным; ясно, однако, что переводчики ориентировались на испанскую историографию «народного рыцарства» (исп. *caballería popular*), противопоставлявшую бюргерскую конницу «настоящему» рыцарству (т.е. феодальной аристократии)²⁴.

Показательны для того времени (и, соответственно, интересны для современного читателя) те места текста перевода, в которых последовательно отражено влияние марксистской методологии. Следует отметить, что в тот период О.И. Варьяш и С.Д. Червонов являлись убежденными марксистами (что вовсе не исключало критических оценок ими советской действительности; часто все было совсем наоборот). Червонов, в свое время искренне уверявший автора этих строк, что история средневековой Испании дает наиболее адекватные примеры эффективности марксистской историософии, был не только членом КПСС, но и членом парткома Исторического факультета МГУ, что для молодого преподавателя было скорее исключением, чем правилом. Что касается О.И. Варьяш, то она, как вспоминает, П.Ю. Уваров, «не без легкого фрондерства иногда именовала себя “энгельсистой”»²⁵.

Подобный образ мышления в среде советских гуманитариев середины 1980-х являлся почти абсолютным правилом. Было бы большим преувеличением утверждать, что наиболее продвинутые из них (в т.ч. из числа историков) «уже тогда» понимали ущербность марксистской методологии. Конечно, думающие люди той эпохи (и отнюдь не только специалисты-обществоведы) осознавали растущую пропасть между реальной жизнью и официальной идеологией. Однако причину этого видели либо в самой жизни, неспособной подняться до уровня «сияющих высот» «единственно верного учения», либо (что встречалось гораздо чаще) в извращении сути последнего. Отсюда – обостренные поиски истины, не выходящие за пределы марксистского мышления: от позднесоветского и сталинского официоза – к Ленину, от Ленина – к Марксу, от «зрелого Маркса» к «Марксу молодому», или же от него к Энгельсу, или же от Ленина – к А. Грамши, Мих. Лифшицу или Г. Лукашу.

Представляется, что русский перевод фуэро Леона содержит некоторые показательные примеры, отражающие общую тенденцию. Прежде всего, речь идет о передаче слова “servus” («серв») и “ancilla” («из челяди короля»), вместо представляющихся сейчас очевидными вариантами «раб» и «рабыня». Причину подобного словоупотребления следует искать в господствующем и в советской науке середины 1980-х гг.

²⁴ См., например, об этом: Pescador 1961-1964.

²⁵ Уваров 2015. С. 64.

представлении о рабстве как принадлежности исключительно «рабо-владельческой формации», в уверенности в определяющей значимости «феодальной перестройки отношений рабства, кабалы и несвободы, унаследованных от поздней античности и варварского уклада»²⁶, которая не оставляла места для традиционного рабства.

Показателен и перевод латинского “*haereditas*” (в данном случае – «наследственное земельное владение») сразу целым рядом слов и выражений: «земельный участок» (FL.7, 13, 24), «надел» (FL.10, 11, 12), «поместье» (FL.10), «земля» (FL.15). Такое многообразие определялось не только различиями конкретных контекстов в памятнике, но и наличием явных проблем встраивания этого типа земельного владения в марксистские представления о средневековом землевладении в том их виде, который сохранялся до конца истории советской медиэвистики.

Как известно, А.И. Неусыхин, исходя из представлений основоположников марксизма (в первую очередь – Ф. Энгельса), уделял особое внимание эволюции форм землевладения, изначально связанных с крестьянской общиной²⁷, противопоставляя аллод как форму свободного крестьянского владения (соответствующую т.н. «соседской общине») и вотчину, крупное земельное владение – атрибут господствующего класса. Однако в случае “*hereditas*” основная проблема состояла в том, что, будучи, по существу, свободно отчуждаемым земельным владением, эта форма, с одной стороны, выступала как мелкое или среднее владение крестьянского типа, в определенной степени связанная с институтом крестьянской общины, а с другой – в некоторых случаях проявляла себя как вотчина, т.е. как атрибут господствующего класса. Именно поэтому ни О.И. Варьяш, ни С.Д. Червонов не решились уверенно квалифицировать “*hereditas*” как форму аллодиального владения, хотя последний и не отрицал наличия черт сходства с последней²⁸.

Наконец, явным проявлением свойственного марксистам акцента на социально-экономическом в противовес формально-юридическому является перевод начала параграфа FL.29 (“*Omnes habitantes intra muros et extra praeditae urbis semper habeant et teneant unum **forum**...*”): «Пусть у всех, кто живет внутри и снаружи стен города, будет один **рынок**» (выделено мной – О.А.). Очевидно, однако, что в данном случае речь явно идет не о рынке (“*mercatum*”; см.: FL.32), а о едином правовом режиме для всех горожан, т.е. о фуэро; да и сами переводчики в другом случае (FL.39) дают вполне адекватный перевод латинского “*forum*” (“*qui vinarius non fuerit per forum*” – «кто не является виноделом по фуэро»).

²⁶ См., напр.: Удальцова, Бессмертный, Гуревич. 1985. С. 557.

²⁷ Неусыхин 1985. С. 137-176; Корсунский 1985. С. 185-198; Удальцова, Бессмертный, Гуревич 1985. С. 559.

²⁸ Червонов 2005. С. 270-275.

Что касается комментария, то он состоит из краткой вступительной статьи, примечаний, помещенных после текста перевода, и одного подстраничного примечания²⁹, содержащего альтернативный вариант трактовки одного места в тексте Фуэро. Такая структура характерна для изданий переводов источников, сформировавшейся в школе Н.П. Грацианского (в частности, в упомянутом выше переводе текста «Салической правды», изданном в 1950 г.); правда, в приведенном примере представлены тексты не только перевода, но и оригинала, тогда как в нашем случае последний явно опущен из соображений объема. Опосредованно эта модель издания текстов воспроизводит (в кратком варианте) принципы серии «*Monumenta Germaniae Historica*».

Во вступительной статье сообщаются общие данные об источнике и обстоятельствах его издания, существующих текстологических версиях, публикациях, положенных в основу перевода, а также дается перечень основной литературы, использованной для составления комментария, с явным акцентом на труды К. Санчеса-Альборноса и его ученика Луиса Гарсия де Вальдеавельяно (1904–1985), широко представленные в перечисленных выше советских библиотеках.

В постраничных примечаниях содержатся замечания терминологического характера (FL. preamb., 2, 4, 5, 9, 14, 18, 23, 25, 26, 28, 43), указания на различия текстов браккарской (ред. А) и овьедской версий памятника (FL. preamb., 8, 11), авторские трактовки трудных для перевода фрагментов (FL. 9, 24), компаративный анализ (FL. 9, 39) и возможные грамматически корректные варианты конкретных фрагментов (FL. 20). При этом, авторы комментария делают акцент на объяснении явлений не только (и не столько) социально-экономического, сколько историко-правового характера, что следует также признать характерным для школы В.К. Пискорского – Н.П. Грацианского.

Осуществленный более 30 лет назад, русский перевод Фуэро Леона отразил как сильные, так и слабые стороны советской медиевистики образца 1980-х гг. К первым следует отнести глубокий интерес к исследуемому материалу, широкую эрудицию, а главное – высокую лингвистическую культуру, позволившую корректно передать основное содержание латинского текста. Ко вторым – издержки отрицания «формально-правового подхода», восприятие в качестве второстепенных некоторых реалий, которые в советской медиевистике было принято относить к числу «надстроечных». Тем не менее, в целом, несмотря на определенные недостатки, русский перевод Фуэро Леона стал значимым явлением в истории не только отечественной, но и мировой медиевистики и до сих пор сохраняет научное значение.

²⁹ Варьяш, Червонов 1985. С. 174.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ауоров О.В. Сергей Дмитриевич Червонов и его труды по истории испанского средневекового города // Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. С. 5–18. [Aurov O.V. Sergej Dmitrievich Chervonov i ego trudy po istorii ispanского srednevekovogo goroda // Chervonov S.D. Ispanskij srednevekovyj gorod. Moscow, 2005. S. 5–18]
- Варьяш О.И. Королевская власть и ордена в Испании XVI в. (по документам ЛОИИ АН СССР) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 222–229. [Variaš O.I. Korolevskaya vlast' i ordena v Ispanii XVI v. (po dokumentam LOII AN SSSR) // Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva. Moscow, 1987. P. 222–229]
- Варьяш О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в Средние века. М.: Наука, 2006. 451 с. [Variaš O.I. Pirenejskie tetradj. Pravo, obshchestvo, vlast' i chelovek v Srednie veka. Moscow: Nauka, 2006. 451 p.]
- Варьяш О.И., Червонов С.Д. Фуэро Леона // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М.: ИВИ АН СССР, 1985. С. 170–181. [Variaš O.I., Chervonov S.D. Fuero Leona // Social'no-politicheskoe razvitie stran Pirenejskogo poluostrova pri feodalizme. Moscow: [IVI AN SSSR], 1985. P. 170–181]
- Волосюк О.В. Научные связи российских и испанских историков: 30 лет сотрудничества (1981–2011) // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2012. Вып. № 1. С. 87–113. [Volosjuk O.V. Nauchnye svyazi rossijskih i ispanских историков: 30 let sotrudnichestva (1981–2011) // Vestnik RUDN. Ser.: Vseobshchaya istoriya. 2012. Vyp. № 1. P. 87–113]
- Корсунский А.Р. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Западной Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 178–215. [Korsunskij A.R. Stanovlenie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva v YUgo-Zapadnoj Evrope v V – X vv. // Istorija krest'yanstva v Zapadnoj Evrope. Epoha feodalizma. T. 1. - Moscow: Nauka, 1985. P. 178–215]
- Неусыхин А.И. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985. С. 137–176. [Neusyhin A.I. Evolyuciya obshchestvennogo stroya varvarov ot rannih form obshchiny k vzniknoveniyu individual'nogo hozyajstva // Istorija krest'yanstva v Evrope. Epoha feodalizma. T. 1: Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva. Moscow: Nauka, 1985. P. 137–176]
- Неусыхин А.И., Данилов А.И. Н.П. Грацианский как ученый-медиевист // Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–48. [Neusyhin A.I., Danilov A.I. N.P. Gracianskij kak uchenyj-medievist // Gracianskij N.P. Iz social'no-ehkonomicheskoy istorii zapadnoevropejskogo Srednevekov'ya. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960. P. 3–48]
- Рудомино М.И. Книги моей судьбы. Воспоминания ровесницы XX века. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 512 с. [Rudomino M.I. Knigi moej sud'by. Vospominaniya rovesnicy HKH veka. MOSCOW: Progress-Pleyada, 2005. – 512 p.]
- Салическая Правда. Русский перевод Lex Salica Н.П. Грацианского и Н.П. Муравьева. С введением Н.П. Грацианского. Казань: Тип. Императорского университета, 1913. 56 с. [Salicheskaya Pravda. Russkij perevod Lex Salica N.P. Gracianskogo i N.P. Murav'eva. S vvedeniem N.P. Gracianskogo. Kazan: Tip. Imperatorskogo universiteta, 1913. 56 p.]
- Уваров П.Ю. Пунктир ненаписанной книги // Уваров П.Ю. Между «ужами» и «лисями». М.: НЛЮ, 2015. С. 62–79. [Uvarov P.Yu. Punktir nenapisannoj knigi // Uvarov P.Yu. Mezhdju «uzhami» i «lisiami». Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. P. 62–79]
- Удалцова З.В., Бессмертный Ю.Л., Гуревич А.Я. Некоторые итоги изучения генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985. С. 555–561. [Udal'cova Z.V., Bessmertnyj YU.L., Gurevich A.YA. Nekotorye itogi izucheniya genezisa feodal'no-zavisimogo krest'yanstva v Evrope // Istorija krest'yanstva v Evrope. Epoha feodalizma. T. 1: Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva. Moscow: Nauka, 1985. P. 555–561]

- Червонов С.Д. Две неизвестные редакции кастильско-генузского договора 1146 г. из ленинградских собраний // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 335–343. [Chervonov S.D. Dve neizvestnye redakcii kastil'sko-genuzskogo dogovora 1146 g. iz leningradskih sobranij // Srednie veka. 1983. Vyp. 46. P. 335–343]
- Червонов С.Д. Испанский средневековый город / Ред.-сост. О.В. Аулов, Е.И. Щербакова. М.: б.и., 2005. 415 с. [Chervonov S.D. Ispanskij srednevekovyj gorod / Redaktery-sostaviteli O.V. Aulov, E.I. SHCHerbakova. Moscow: b.i., 2005. 415p.]
- Aso I.J., Manuel M. Instituciones del Derecho Civil de Castilla. Madrid: En la Imprenta de Francisco Xavier García, 1771. 439 p.
- Concilio Legionense en el año de MXX // España Sagrada. Teatro geográfico histórico de la Iglesia de España. T. 35: Memorias de la Iglesia de León (siglos XI – XIII)... Madrid: En la Oficina de Antonio Marín, 1786. P. 334–347.
- Concilium legionense Aera MLVIII (id est, anno Christi 1020) cebratum sub Alfonso V. Legionis Rege. Decreta Alfonsi Regis & Geloirae Reginae // España Sagrada. Teatro geográfico histórico de la Iglesia de España. T. 35: Memorias de la Iglesia de León (siglos XI–XIII)... Madrid: En la Oficina de Antonio Marín, 1786. P. 340–347.
- Concilium Legionense era MLVIII (anno Christi 1020) habitum sub Alphonso V. Legionis rege // Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla publicadas por la Real Academia de la historia. T. 1. Madrid: Imprenta y estereotipia de M. Rivaderneyra, 1861. P. 1–11.
- Concilium legionense. Era MLVIII kal. Augusti (Christi 1020). Decreta Alfonsi Regis et Geloirae Reginae // Muñoz y Romero T. (ed.). Colección de fueros municipales y cartas pueblas de los reinos de Castilla, León, Corona de Aragón y Navarra. T. 1. Madrid: Imprenta de Don José María Alonso, editor, 1847. P. 60–72.
- Constans (Martín Mínguez B.). El Concilio de León // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1920. Año 3. No. 10, 12. P. 165–199, 575–606.
- El Fuero de León / Ed. R. Pérez-Bustamante. León: S.A. Hullera Vasco-Leonesa, 1983. 144 p.
- Forum Legionense // Germanenrechte, Texte und Übersetzungen. Bd. 12: Altspanisch-Gotische Rechte / Hrsg. E. Wohlhaupter. Weimar: Verlag Hermann Böhlau, 1936. S. 2–20.
- García Gallo A. Aportación al estudio de los fueros // Anuario de Historia del Derecho Español. 1956. T. 26. P. 387–446.
- Mariana J. Historia general de España. T. 1. Madrid: Imprenta y librería de Gaspar y Roig, editores, 1855. 1796 p.
- Martínez Marina F. Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla. Madrid: En la Imprenta de la hija de D. Joaquín Ibarra, 1808. 450 p.
- Mayer E. Historia de las instituciones sociales y políticas de España y Portugal durante los siglos V a XIV. Madrid: Publ. del Anuario de Historia del Derecho Español, 1925. 624 p.
- Memorialmaier // Historia animata. Памяти О.И. Варьяш. Ч. 3. М.: ИВИ РАН, 2004.
- Mittelmaier C.J.A. Grundsätze des gemeinen deutschen Privatrechts mit Einschluß des Handels-, Wechsel- und Seerechts. Regensburg: Manz Verlag, 1847. 880 S.
- Pescador C. La caballería popular en León y Castilla // Cuadernos de historia de España. 1961. No. 33–34. P. 101–238; Ibid. 1962. No. 35–36. P. 56–201; Ibid. 1963. No. 37–38. P. 88–198; Ibid. 1964. No. 39–40. P. 169–260.
- Powers J.F. The Creative Interaction between Portuguese and Leonese Municipal Military Law // Speculum. 1987. T. 62. P. 53–80.
- Sánchez Albornoz C. Un texto desconocido del Fuero de León // Revista de Filología Española. 1922. T. 9. P. 317–323.
- Sánchez Albornoz C. Un texto desconocido del Fuero de León // Sánchez Albornoz C. Investigaciones y documentos sobre las instituciones hispanas. Santiago de Chile: Editori-al Jurídica de Chile, 1970. P. 309–313.
- Sempere J. Historia del Derecho Español. T. 1. Madrid: En la Imprenta Nacional, 1822. 388 p.
- Vázquez de Parga L. El Fuero de León // Anuario de Historia del Derecho Español. 1944. T. 15. P. 468–469.

Ауров Олег Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); olegaurov1@yandex.ru

The Russian Translation of the Fuero of León in the Context of Medieval Studies in the USSR of the 1980s (To the millennium of the Fuero of Leon)

The article is devoted to the peculiarities of Russian translation of the Fuero of León (1017–1020), which is one of the most important Spanish medieval legal texts. This history was closely connected to social, political and cultural context of the medieval studies in the USSR of the 1980s. The author pays attention to the problems like the causes of the decision to translate this text into Russian, the selection of the textual base of the translation, the characteristics of the Russian text and of the commentary, added to it. The peculiarities of the Russian conceptual system are specially emphasized.

Keywords: Fuero of León, medieval Spain, the Reconquest, medieval studies in the USSR, Marxism, Alexander Korsunskij, Wladimir Piscorsky, Olga Variaš, Sergei Chervonov

Oleg Aurow, PhD (History), Assistant Professor, School of Advanced Studies in the Humanities; Russian Academy of National Economy and Public Administration; olegaurov1@yandex.ru

Л. Р. Хут

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ БАТКИН: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВСЕМИРНОСТИ В ИНТЕРЬЕРЕ ИНДИВИДНОСТИ

В статье анализируется научное наследие выдающегося российского культуролога Л.М. Баткина (1932–2016) в той его части, в которой очерчен широкий круг теоретико-методологических вопросов современной исторической науки, так или иначе связанных с проблематикой всемирной истории и макроисторическими изысканиями. Исследуется авторская рефлексия на темы истории как инонауки, «методологического нигилизма» части практикующих историков, соотношения микро- и макроподходов в изучении прошлого, Большой Истории как Макроказуса, пользы сослагательного наклонения в истории, процесса глобализации и глобальной истории, прогностической функции истории.

Ключевые слова: Л.М. Баткин, теория и методология истории, отечественная историография, всемирная история, макроистория

В 2016 г. ушел из жизни Леонид Михайлович Баткин - один из последних великих ученых-гуманитариев, современниками которого нам выпала честь быть. Я не принадлежу к числу его учеников. Мне не посчастливилось слушать его лекции (только один, как всегда, блестящий доклад на международной конференции «Раннее Новое время в контексте всемирной истории», состоявшейся в ИВИ РАН в 2010 г.¹). При этом меня всегда очень трогало характерное для стилистики баткинских текстов обилие таких понятий, как «особость», «инаковость», «другость», «самость», «рефлексирующее Я». После публикации в 1990 г. материалов заочной дискуссии, посвященной проблеме индивидуальности и личности в истории в делающем свои первые шаги на ниве «неофициальной гуманитарной науки»² альманахе «Одиссей. Человек в истории»³, Л.М. Баткин – инициатор дискуссии из моей профессиональной жизни уже никогда не уходил. Помнится, в ходе дискуссии, суть феномена личности он сформулировал в свойственной ему яркой и афористичной манере: «Личность – это проблемы со всеобщностью, которые возникают у автономного индивида»⁴.

Более близкое мое знакомство с Баткиным окажется, его словами, сказанными, правда, по другому поводу, «ослепительно неожиданным»⁵ и, увы, недолгим. Благодаря вхождению мировой исторической

¹ Хут 2011. С. 102-108.

² Свешников, Степанов 2008. С. 6.

³ Индивидуальность и личность в истории (дискуссия). С. 6-89.

⁴ Баткин 1990. С. 70.

⁵ Баткин 2002. С. 249.

науки в цифровую эру, многие профессиональные историки стали осваивать сетевые коммуникации – динамичный способ общения и передачи информации. Среди активных пользователей Интернета был, несмотря на почтенный возраст, и Баткин. Мы стали, как принято говорить в сети, френдами с октября 2015 г. Леониду Михайловичу оставалось совсем недолго. Я рада, что мой обретенный друг успел и полистать мою диссертацию, и почитать несколько других текстов, которые я отправила ему по его просьбе. Наша переписка не была активной – все-таки он уже тогда чувствовал себя не очень хорошо, но мы успели обменяться несколькими электронными письмами, комментариями к постам в фейсбуке, пообщаться по скайпу. Электронные письма Баткина, хранящиеся в моем личном архиве, – яркое свидетельство, насколько живым и неутраченным был познавательный интерес к жизни их автора. Так, в письме от 15 мая 2016 г. – и просьба прислать электронный вариант ранее упомянутой мной в переписке книги В.М. Вильчека «Алгоритмы истории»⁶, и впечатления от просмотренного накануне фильма Бунюэля «Этот смутный объект желаний», и размышления о роли великой личности в истории, и в связи с этим тема «великих неудачников», к коим мой респондент относил князя Курбского, А.Н. Радищева, декабристов, А.И. Герцена, М.А. Бакунина, Н.Г. Чернышевского и даже В.И. Ленина⁷. Последний его пост в фейсбуке датирован 15 сентября 2016 г. Это страстный призыв, обращенный к друзьям и коллегам накануне очередных выборов в Государственную думу все-таки дойти до избирательных участков и проголосовать. Он не скрывал своих политических предпочтений, никому при этом их не навязывая. Жизнь Л.М. Баткина в науке неотделима от проблем его и нашей современности. Только по-настоящему одаренные люди могут до последних своих дней быть так внимательны и впечатлительны по отношению к миру, в котором они живут.

Мысли о всемирной истории в баткинских текстах – органичное продолжение авторских исканий смыслов в вызовах сегодняшнего дня. Строго говоря, основной их плотный массив мы находим в трех его работах. Пример блестящей методологической интуиции – статья «Заметки о современном историческом разуме», где автор на пороге XXI в. сформулировал важные посылы, касающиеся развития идеи всеобщей истории в современных условиях. Статья представляет собой авторскую рефлексию по поводу итогов работы резонансной конференции 1998 г. в ИВИ РАН о соотношении микро- и макроподходов в изучении

⁶ Вильчек 1989; 1993; 2004.

⁷ При этом Леонид Михайлович шутливо подтрунивал над собой: «Эк, меня несет забавно, одномоментно несет во все стороны, такого еще не бывало». Письмо Л.М. Баткина – Л.Р. Хут от 15 мая 2016 г.// Личный архив автора

прошлого⁸. Статья была опубликована в альманахе «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории»⁹. Второй текст – «Странная тюрьма исторической необходимости», опубликованный в альманахе «Одиссей»¹⁰, посвящен анализу возможностей сослагательного наклонения в истории (не как прошлой реальности, а исследовательской практики). И это тоже продукт авторской рефлексии в связи с работой «круглого стола», посвященного сослагательному наклонению в истории. Третий объемный текст, в котором автор излагал свои мысли о всемирной истории, вышел позже, в 2012 г., в журнале «Неприкосновенный запас» под названием «О движении истории в будущее»¹¹. А в 2013 г. три этих текста, наряду с другими работами автора по сходной тематике, появились под общей обложкой сборника «О всемирной истории»¹².

Итак, первые тексты Баткина с развернутым обоснованием взглядов на историю как целое появились на исходе 1990-х. Я только начинала подбираться к теме своего будущего диссертационного исследования, посвященного осмыслению макроисторического концепта «Новое время» и комплексу теоретико-методологических проблем, связанных с изучением этого периода всемирной истории в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. Рушившаяся тогда на глазах формационная модель исторического процесса, казалось, погребет под своими обломками любые опыты исторического макромоделирования (настолько они были дискредитированы). Над отечественной исторической наукой гордо реяло знамя, поднятое сторонниками казуального изучения истории. Среди моих студентов множились ряды членов «бойцовского клуба» – горячих сторонников резонансной статьи «Вперед, к Геродоту!»¹³ известного медиевиста М.А. Бойцова, а историки – представители национальных историографий республик бывшего СССР и субъектов РФ, включая мою родную Адыгею, всюду были увлечены созданием концепций, призванных увековечить идею уникальности и неповторимости исторического пути, пройденного той или иной титульной нацией. «История в осколках» переживала свой звездный час.

В условиях резкой девальвации идеи всемирной истории для меня очень важным было услышать из уст не кого-нибудь, а Л.М. Баткина слова о том, что любая история по определению может быть только всемирной. Именно он – тот, для кого «самость», «инаковость», «другость» – не только терминологический инструментальный блистательных авторских исследовательских проектов об эпохе Возрождения, но и

⁸ Историк в поиске... 1999.

⁹ Баткин 2000 (а).

¹⁰ Баткин 2000 (б).

¹¹ Баткин. 2012.

¹² Баткин 2013.

¹³ Бойцов 1999.

единственно возможный способ собственного бытия, своей рефлексией на тему «истории как целого», укрепил мою уверенность в правильности избранного пути, интереса к «немодной» теме.

В своих текстах о всемирной истории Л.М. Баткин не избегал разговора о том, что такое история как тип знания, наука ли история, или это вид искусства, покровительницей которого выступает одна из муз по имени Клио. Он категорически возражал против любых попыток рассмотрения исторической науки в качестве «ущербной недонауки» или «тоже науки». Историческое объяснение характеризуется им как «нестрогое научное конструирование» а точнее «конструирование *в горизонте* научности». История, по Баткину, «это *инонаука*, существующая одновременно и *в горизонте философии истории* как помышления об историческом Бытии, т.е. о парадоксальнейшем социальном бытийствовании разума, и о том, каким образом оно может быть понято. *Сближение одной из двух сторон историографии с философией, т.е. с наиболее рациональным и логически ответственным изводом* гуманитарного знания, на мой взгляд, куда продуктивней, чем толки о некоторой – весьма поверхностной – близости к искусству»¹⁴.

Эмоционально заостренное противопоставление «практикующих историков» историографам и «всяческим методологам и эпистемологам» (произносится, как правило, с легким презрением) – еще одна характерная черта отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. Баткину, напротив, был чужд, говоря его же словами, демонстративный «методологический нигилизм»¹⁵ значительной части историков». Ему не свойственно было противопоставление «практикующих историков» исследователям, изучающим теоретико-методологические и историографические проблемы исторической науки: «Нас пугают черепом разувверившегося в своей науке историка, с пустыми методологическими глазницами и скрещенными релятивистскими костями. В ответ, не подружить ли на мачте – несмотря на излишний оттенок торжественности – выцветшие цвета надежды и рационализма, чуть ли не в старинном гегелевском стиле (хотя, конечно, совсем в другом значении). При нынешнем положении вещей это будет глядеться, надеюсь, более дико и вызывающе...»¹⁶. «Методологический нигилизм» рассматривался Баткиным как болезнь современной историографии, а его адепты образно характеризовались как «методологические невротики», ведущие себя «как участники пиршеств Лукулла, засовывая время от времени два пальца в рот, чтобы затем продолжить занятия историей словно от нуля». Он уверенно заявлял, что великие парадигмы исторического про-

¹⁴ Баткин 2000 (а). С. 70-71.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Баткин 2000 (а). С. 62.

цесса, выдвинутые за последние два столетия «не утратили ни научного, ни, тем более, гуманитарного смысла и не могут быть попросту отброшены», что «каждый подход, благодаря заостренной односторонности, позволяет выявить ту или иную проблемную составляющую. Затем каждая данная односторонность преодолевается, утрачивает абсолютный системный статус»¹⁷. Рационалистическая генерализация, установление объективных зависимостей и значимых последовательностей – вот в чём, по мнению учёного, нуждается историография, желающая и способная быть научной¹⁸. Таким образом, по Баткину, методологическая рефлексия нужна историку не с целью галочного преодоления «методологической невинности» («время пришло – надо с ней расстаться»), а для соблюдения «исследовательской опрятности», «осведомленного и щепетильного понимания» возможностей и ограничений тех процедур реконструкции-деконструкции прошлой реальности, которые использует он в своей исследовательской работе на разных ее этапах.

В начале XXI в., после громогласных деклараций о том, что «время больших нарративов прошло», наряду с понятием «всемирная (всеобщая) история», всё чаще стали использоваться понятия «Большая История», «мета(мега)(макро)история», «универсальная история», «глобальная история». Болезненный для новейшей историографии вопрос о соотношении микро- и макроподходов в изучении прошлого решается Л.М. Баткиным изящно и логически безупречно. Два логических полюса человеческой истории, заслуживающих особого внимания науки, по Баткину, это Всемирность и Уникальность¹⁹. Иными (но тоже баткинскими) словами, всемирная история – незаконченная, необозримая, дифференцируемая посредством гипотетических универсалий, с одной стороны, и предмет, в принципе всецело обозримый, – с другой. Они тесно взаимосвязаны друг с другом, ибо «какое-то представление об Истории заранее присутствует в голове историка, прежде чем он приступает к своей частной теме»²⁰. «Образ конкретной обозримости» важен как «ощущение плотного и надежного грунта под ногами»²¹, а всемирная история – как предельный онтологический ориентир: «Измельчание» истории означает не приход к микроистории, а взаимную аннигиляцию и глобальности, и казусности»²². Приводя в качестве примера «классику жанра» в рамках микроисторических исследований – монографию Э. Ле Руа Ладюри о маленькой средневековой окситанской деревушке Мон-

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ Баткин 2012.

²⁰ Баткин 2000 (а). С. 67.

²¹ Там же. С. 88.

²² Там же. С. 65.

тайю и её жителей, Баткин чётко формулирует: «Нет никакой истории, кроме всемирной, и описание умонастроений в деревне Монтайю в конце XIII в. – тоже о ней»²³. И далее: «Та или иная логическая модель ВСЕГО ПРОШЛОГО необходима историку хотя бы как затекстовая рабочая гипотеза за пределами любого частного сюжета. Иначе какие мы историки? Иначе мы, в лучшем случае, занятные рассказчики. А то и милые лжецы»²⁴. Ответственно судить о прошлой истории, по Баткину, возможно, только соотнося ее с той или иной *концепцией всемирности*, пусть и остающейся за рамками каждого конкретного исследовательского проекта, т.е. с *Историей как целым*²⁵. Большую Историю исследователь обозначает понятием «Макроказус», характеризуя её как «абсолютную робинзонаду человечества», так как её «не с чем сравнивать»²⁶.

Интересны мысли о векторном характере всемирно-исторического процесса, о том, что *выводящий в следующую эпоху вектор* характерен не для всех фрагментов человечества, но лишь для наиболее перспективной его части («люди живут в одно время, но в разных эпохах»), об историческом процессе как истории *смены исторических парадигм*²⁷. Изменения характера всемирности Л.М. Баткин связывает с «осевыми временами» в истории, дополняя «осевое время» К. Ясперса «излучениями новоевропейской мутации» (второе «осевое время») и научно-технической революцией (третье «осевое время»). По его мысли, «капитализм XVI – первой половины XX в., благодаря способности к всемирной иррадиации и приспособлению, придал истории наконец-то действительно и в нарастающей степени глобальный характер. Но притом неслыханно усилил её неравномерность, создал трагические разрывы стадий и темпов развития, привёл к глобальным же конфликтам и катастрофам»²⁸. Самым важным, хотя и самым отвлеченным, в размышлениях автора о Большой истории как «Макроказусе», по его собственному признанию, является то обстоятельство, что «рядоположенность векторов разных эпох позволяет, прослеживая их, заметить также резюмирующий и сквозной вектор всех эпох всемирной истории»²⁹.

Методологические поиски отечественной историографии рубежа XX–XXI вв., шедшие в разных направлениях, актуализировали проблему альтернативности исторического развития, что привело к легитимации в глазах российских историков опытов обращения к историческому

²³ Там же. С.64.

²⁴ Там же. С. 82.

²⁵ Баткин 2012.

²⁶ Баткин 2000 (а). С. 72.

²⁷ Там же. С. 62-63; Баткин 2012.

²⁸ Баткин 2000 (а). С.74.

²⁹ Баткин 2012.

материалу с позиций сослагательности. Утверждение «история не терпит сослагательного наклонения» долгие годы было символом веры советских историков. Трудно назвать другую теоретическую проблему, которая вызывала бы столь напряжённый интерес отечественных исследователей в условиях радикальных перемен в жизни позднесоветского общества, как «история неслучившегося»³⁰. Знаковый характер имел проведённый редакцией «Одиссея» круглый стол «История в сослагательном наклонении?» (1999). В его работе приняли участие Л.М. Баткин, Л.И. Бородкин, А.Я. Гуревич, И.Н. Данилевский, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров, К.В. Хвостова, С.А. Экштут, А.Л. Юрганов, М.А. Юсим и др.³¹

В статье «Странная тюрьма исторической необходимости», представляющей собой доработанный текст выступления на упомянутом «круглом столе», Баткин задаётся вопросом о том, в какой степени тот или иной ход событий отражается на макросистеме, и делает вывод, что «сослагательное наклонение» на этом уровне куда менее очевидно (особенно если не сводить его к вариантам, осуществившимся в других странах и временах). По мере возрастания масштаба рассмотрения, *вплоть до всемирной истории в целом*, рассуждения относительно «несостоявшейся истории», её виртуальности, «контрфактического развития событий» и пр. оказываются всё более беспредметными и фантастическими. Зато, чем конкретней поле исследовательского обзора, тем явственней всплывают ограничения и парадоксы, позволяющие сформулировать идею открытости исторического процесса. Доведённая до противоположного логического предела, т.е. до абсолютного господства случая, истории как бессмысленного хаоса, эта идея в свою очередь должна быть отвергнута»³². Баткин остроумно замечает: «Если социальный детерминизм это тюрьма, то каждый из нас отбывает срок одновременно в двух пенитенциарных учреждениях – в истории и в природе... Человеку ничего не остается, как считаться с природой и историей и быть вменяемым заключенным»³³. По его мнению, проблема детерминизма и сослагательного наклонения предполагает нахождение ответов на следующие вопросы: как история событий сопряжена с историей структур? каким образом капризная и непредсказуемая Фортуна оказывается способной договориться с непреклонным Фатумом? альтернативна ли история человечества в целом? т.е. могла ли она сложиться иначе в качестве всемирной истории?»³⁴

³⁰ Лотман 1994. С. 433.

³¹ Материалы «круглого стола» были опубликованы в выпуске альманаха за 2000 г. См.: История в сослагательном наклонении?...

³² Баткин 2000 (б). С. 64, 65.

³³ Там же. С. 68.

³⁴ Там же. С. 70.

Размышляя об этом, Л.М. Баткин пишет: «Нелепо было бы думать, что происшедшее в XVI–XVII вв. и позднее было «запрограммировано» за тысячи или хотя бы за сотни лет в историческом ДНК того, что затем будет названо “европеизмом” или “Западом”... Задним числом можно установить *закономерность* происходившего, переплетение причинно-следственных связей и игры случая, но не *необходимость* мутации». Называя рождение капитализма в Европе «самой большой тайной всемирной истории», автор прибегает к образным сравнениям, когда, например, заявляет, что «новое время выходит из традиционалистского средневековья неожиданно и вне всяких готовых правил, как Афина из головы Зевса». Подводя промежуточную черту под своими размышлениями, он эмоционально вопрошает: «Если – по историческому масштабу в одночасье – Великая Альтернатива могла однажды возникнуть в маленьком регионе, чтобы вскоре преобразить суть глобальной Истории, то уместно задаться вопросом: возможны ли подобные (не предрешенные и совершенно непредсказуемые) структурные и тотальные мутации также в будущем? И что же такое, следовательно, странная историческая необходимость, которая тайком знает с виртуальной историей?»³⁵. Категорически отвергая тезис «история не терпит сослагательного наклонения», называя его «ходким трюизмом», автор противопоставляет ему свой вывод: «Пока результат не сложился бесповоротно – то есть *накануне бесповоротного* результата, в столкновении разных сил, тенденций, интересов и случайностей, история просто купается в сослагательном наклонении»³⁶. По Баткину, «сослагательное наклонение» и историческая необходимость совпадут «по мере глобальной рационализации человеческого сообщества» в т.н. Четвертой истории, которую автор мыслит, одновременно иронизируя и предвосхищая иронию возможных критиков по поводу своего оптимистичного прогноза, как некое объединенное человечество из фантастических романов со всемирным правительством, без войн, без прежней политики, в определенном смысле без экономики, когда «земляне будут принимать решения об изменении своей истории»³⁷.

Одной из наиболее распространённых исторических макромоделей является модель глобальной истории, о которой в зарубежной историографии активно заговорили в последние два десятилетия³⁸. Сам факт появления данного направления исследований в его современном вари-

³⁵ Там же. С. 73, 74.

³⁶ Баткин. 2012.

³⁷ Баткин. 2000 (6). С.76-77.

³⁸ Kossock 1993; Geyer, Bright 1995; Bentley 1996; *Between National Histories...*; Mazlish 1998; *Across Cultural Borders...*; Кристиан 2002; Christian 2004; О’Брайен 2002; О’Бrien 2006; Кока 2003; Manning 2003; Bayly 2004; Sachsenmaier 2007; *Traditions and Encounters...*

анте сопрягается с новым всплеском интереса к исторической макроперспективе на рубеже XX – XXI вв., а в общенаучном плане – с влиянием неоклассической научной парадигмы и, в частности, характерным для неё принципом целостности в сочетании с различиями и многообразием³⁹. Ведь глокализация (глобальная локализация), или регионализация, сопровождающая глобализационные процессы и являющаяся непосредственной реакцией на них, выводит проблему диалога культур и цивилизаций на качественно новый уровень. Глобальная история иногда предлагается как альтернативный подход, имеющий дело с теми процессами, которые сформировали современный глобализирующийся мир настоящего, т.е. с генеалогией и развитием глобализации. Существенное отличие глобальной истории исследователи видят именно в том, что «глобальные историки» осознанно идут в своих построениях от настоящего к прошлому⁴⁰. Глобализация выступает в рамках глобальной истории не как векторное, а как сетевое отношение. Описывая эту сеть, глобальные историки придают воздействию периферии на центр не менее важное значение, чем воздействию центра на периферию. Главный смысл глобальной истории в том, что она учитывает «взаимность любых воздействий на мировом поле взаимодействия исторических сил»⁴¹.

В своих текстах по всемирной истории Л.М. Баткин также не обходит стороной процесс глобализации, вокруг исторических описаний которого по-прежнему ломаются копья, летят стрелы, оппоненты не слушают и не слышат друг друга. Для Баткина глобализация – это, во-первых, «распространение на все страны *инфраструктур* относительно одинакового уровня»; во-вторых, «*взаимозависимость всех ото всех*», «всемирность теперь есть *наличная данность*», и именно она «порождает и усиливает тягу к самобытному»; в-третьих, и это самое важное для автора, «суммирующая» сторона глобальности состоит в том, что человечество начало реально объединяться. Именно в условиях глобализационных процессов «самобытность и различия оказываются более ценными и культурно необходимыми на общем фоне»⁴².

В размышлениях Л.М. Баткина о всемирной истории нашлось место и рефлексии по поводу прогностической функции истории. И тут он тоже идет своей дорогой, не разделяя общего нигилизма в этом вопросе в ситуации постмодернистского вызова. Он не отрицает того, что «в *сверхгорячем* обществе на рубеже тысячелетий прогнозирование стало немыслимым принципиально. Футуристический и авангардистский пафос столетней давности сменился почти нулевым предзнанием

³⁹ Репина 2008. С. 177; 2009. С. 30.

⁴⁰ Conceptualizing Global History... P. 4.

⁴¹ Ионов 2003. С. 29.

⁴² Баткин 2012.

или хотя бы предошущением будущего». Впрочем, не отрицает он и того, что постмодернизм «есть следствие утраты каких бы то ни было проектов будущего, которые казались бы убедительными»⁴³. И, тем не менее, исходя из этих посылов, Баткин делает, казалось бы, неожиданный вывод: «...некое представление о будущем – необходимый элемент исторической эвристики, включенный в наше стремление к самопознанию. Начать с того, что любой исторический труд считается, и притом существеннейшим образом, с будущим, которое уже известно, т.е. со следующими (после изучаемого) периодами истории. Как известно, быть историком – значит «пророчествовать задним числом». И всякая ретроспектива есть идея будущего, опрокинутая в прошлое <...> Мы занимаемся историей, зная, что она не нами кончится»⁴⁴.

Таким образом, размышления о всемирности – неотъемлемый компонент научного наследия Л.М. Баткина. Для его текстов о всемирной истории характерно «глубокое бурение» материала. Тут важно все. Во-первых, круг поднимаемых проблем: история как инонаука, «методологический нигилизм» части практикующих историков, соотношение микро- и макроподходов в изучении прошлого, Большая История как Макроказус, о пользе сослагательного наклонения в истории, о процессе глобализации и глобальной истории, о прогностической функции в истории. Во-вторых, важно то, что все эти вопросы поднимает страстный исследователь культуры высокого индивидуализма, а не исследователь, специализирующийся на макроисторической проблематике. В-третьих, неповторимый язык текстов, переводящий мысли в чеканные формулировки. Иными словами, ЧТО, КТО и КАК слились воедино, повышая тем самым значимость авторской мысли.

Хочу надеяться, что начатое при жизни Л.М. Баткина издание шеститомника его «Избранных трудов»⁴⁵ будет завершено, и в нем обязательно найдется место тому с размышлениями автора о всемирной истории. Это будет достойным памятником творческому гению великого российского культуролога второй половины XX – начала XXI в., певцу всемирности в интерьере индивидуальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баткин Л.М. К спорам о логико-историческом определении индивидуальности // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 59-75.
Баткин Л.М. Заметки о современном историческом разуме // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2000. Вып.3. М.: РГГУ, 2000 (а). С. 62-96.
Баткин Л.М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000 (б). С. 64–77.

⁴³ Баткин. 2000 (а). С. 76.

⁴⁴ Там же. С. 78-79.

⁴⁵ Баткин 2015-2016.

- Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. М.: РГГУ, 2002. 631 с.
- Баткин Л.М. О движении истории в будущее // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 5(85).
- Баткин Л.М. О всемирной истории: сборник. М.: РГГУ, 2013. 205 с.
- Баткин Л.М. Избранные труды: в 6 т. Т. 1-3. М.: Новый хронограф, 2015-2016. Бентли Дж. Эссе по глобальной и сравнительной истории. Образы мировой истории в научных исследованиях XX века / <http://www.nsu.ru/fil/rpha/papers/geoecon/bentley.htm>
- Бойцов М.А. Вперёд, к Геродоту! // *Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого* / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 144-165.
- Вильчек В.М. Алгоритмы истории: филос.–социол. этюды. М.: Прометей, 1989. 132 с.
- Вильчек В.М. Прощание с Марксом: (Алгоритмы истории). М.: Прогресс–Культура, 1993. 224 с.
- Индивидуальность и личность в истории (дискуссия) // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М.: Наука, 1990. С. 6-89.
- Ионов И.Н. Основные направления и методология глобальной истории // *Новая и новейшая история*. 2003. №1. С. 18-29.
- Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: ИВИ РАН, 1999. 309 с.
- История в сослагательном наклонении? // *Одиссей. Человек в истории*. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5-85.
- Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // *Новая и новейшая история*. 2003. №3. С. 17-20.
- Кристиан Д. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // *Цивилизации*. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М.: Наука, 2002. С. 155-167.
- Лотман Ю.М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 432-438.
- О'Брайен П. Статус государства и будущее универсальной истории // *Цивилизации*. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М.: Наука, 2002. С. 10-27.
- Репина Л.П. Всемирная история как история глобальная // *Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век*. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 177-179.
- Репина Л.П. Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике. М.: ГУ–ВШЭ, 2009. 40 с.
- Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиск моделей научной коммуникации. М.: ГУ–ВШЭ, 2008. 28 с.
- Хут Л.Р. Раннее Новое время в контексте всемирной истории // *Новая и новейшая история*. 2011. № 2. С. 102-108.
- Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective / eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham: Md.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2002. VII, 359 p.
- Bayly C. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell, 2004. 540 p.
- Bentley J.H. Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Wash., D.C.: American Historical Association, 1996. VI, 34 p.
- Between National Histories and Global History / ed. S. Tønnessen et al. Helsingfors: FHS, 1997. 198 p.
- Christian D. «Maps of Time»: An Introduction to «Big History». Berkeley: University of California Press, 2004. 642 p.
- Conceptualizing Global History / ed. by B. Mazlish and R. Buultjens. Boulder; Oxford: Westview Press, 1993. VIII, 253 p.
- Geyer M., Bright Ch. World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. № 4. P. 1034–1060.
- Globalisation in World History / ed. by A. G. Hopkins. L.: Pimlico, 2002. 278 p.
- Kossock M. From Universal to Global History // *Conceptualizing Global History* / ed. B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93–112.
- Manning P. Navigating World History. Historians Create a Global Past. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 425 p.

- Mazlish Br. Comparing Global History to World History // Journal of Interdisciplinary History. 1998. Vol. 28. № 3. P. 385–396.
- O'Brien P. K. Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // Journal of Global History. 2006. Vol. 1. № 1. P. 3–39.
- Sachsenmaier D. World History as Ecumenical History? // Journal of World History. 2007. Vol. 18. № 4. P. 465–490.
- Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past / eds. J. H. Bentley, H. F. Ziegler. 4th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2008. 1068 p.
- Writing World History 1800–2000 / ed. by B. Stuchtey, E. Fuchs. Oxford: OUP, 2003. 367 p.

REFERENCES

- Batkin L.M. K sporam o logiko-istoricheskom opredelenii individual'nosti // Odissej. Chelovek v istorii. 1990. M.: Nauka, 1990. S. 59–75.
- Batkin L.M. Zametki o sovremennom istoricheskom razume // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii. 2000. Vyp.3. M.: RGGU, 2000. S. 62–96.
- Batkin L.M. Strannaya tyur'ma istoricheskoj neobходимosti // Odissej. Chelovek v istorii. 2000. M.: Nauka, 2000. S. 64–77.
- Batkin L.M. Pristrastiya. Izbrannye esse i stat'i o kul'ture. Izd. 2-e, dop. M.: RGGU, 2002. 631 s.
- Batkin L.M. O dvizhenii istorii v budushchee // Neprikosnovennyj zapas. 2012. № 5(85).
- Batkin L.M. O vseмирной istorii: sbornik. M.: RGGU, 2013. 205 s.
- Batkin L.M. Izbrannye trudy: v 6 t. T. 1–3. M.: Novyj hronograf, 2015–2016.
- Bentley Dzh. EHsse po global'noj i sravnitel'noj istorii. Obrazy mirovoj istorii v nauchnyh issledovaniyah dvadcatogo veka. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/bentley.htm>
- Bojcov M.A. Vperyod, k Gerodotu! // Istoriк v poiske: mikro- i makropodhody k izucheniyu proshlogo / otv. red. Yu.L. Bessmertnyi. M.: IVI RAN, 1999. S. 144–165.
- Vil'chek V.M. Algoritmy istorii: filos.–sociol. ehtyudy. M.: Prometej, 1989. 132 s.
- Vil'chek V.M. Proshchaniye s Marksom: (Algoritmy istorii). M.: Progress–Kul'tura, 1993. 224 s.
- Individual'nost' i lichnost' v istorii (diskussiya) // Odissej. M.: Nauka, 1990. S. 6–89.
- Ionov I.N. Osnovnye napravleniya i metodologiya global'noj istorii // Novaya i novejšhaya istoriya. 2003. №1. S. 18–29.
- Istoriк v poiske: mikro- i makropodhody k izucheniyu proshlogo / otv. red. Yu.L. Bessmertnyi. M.: IVI RAN, 1999. 309 s.
- Istoriya v soslagatel'nom naklonenii?: materialy «kruglogo stola» // Odissej. Chelovek v istorii. 2000. M.: Nauka, 2000. S. 5–85.
- Koka YU. Sovremennye tendencii i aktual'nye problemy istoricheskoj nauki v mire // Novaya i novejšhaya istoriya. 2003. № 3. S. 17–20.
- Kristian D. K obosnovaniyu «Bol'shoj (Universal'noj) istorii» // Civilizacii. Vyp.5: Problemy globalistiki i global'noj istorii. M.: Nauka, 2002. S. 155–167.
- Lotman YU.M. O prirode iskusstva // YU.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola. M.: Gnozis, 1994. S. 432–438.
- O'Brajen P. Status gosudarstva i budushchee universal'noj istorii // Civilizacii. Vyp. 5: Problemy globalistiki i global'noj istorii. M.: Nauka, 2002. S. 10–27.
- Repina L.P. Vseмирная istoriya kak istoriya global'naya // Teorii i metody istoricheskoj nauki: shag v XXI vek. M.: IVI RAN, 2008. S. 177–179.
- Repina L.P. Ideya vseobshchej istorii v Rossii: ot klassiki k neoklassike. M.: GU–VSE, 2009. 40 s.
- Sveshnikov A.V., Stepanov B.E. Istoricheskie al'manahi «Odissej», «Kazus», «Dialog so vremenem»: poisk modelej nauchnoj kommunikacii. M.: GU–VSE, 2008. 28 s.
- Hut L.R. Rannee Novoe vremya v kontekste vseмирной istorii // Novaya i novejšhaya istoriya. 2011. №2. S. 102–108.
- Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective / eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham: Md.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2002. VII, 359 p.
- Bayly C. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell, 2004. 540 p.
- Bentley J.H. Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Wash., D.C.: American Historical Association, 1996. VI, 34 p.

- Between National Histories and Global History / ed. S. Tønnesson et al. Helsingfors: FHS, 1997. 198 p.
- Christian D. «Maps of Time»: An Introduction to «Big History». Berkeley: University of California Press, 2004. 642 p.
- Conceptualizing Global History / ed. B. Mazlish and R. Buultjens. Boulder; Oxford: Westview Press, 1993. VIII, 253 p.
- Geyer M., Bright Ch. World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. № 4. P. 1034–1060.
- Globalisation in World History / ed. by A. G. Hopkins. L.: Pimlico, 2002. 278 p.
- Kossock M. From Universal to Global History // *Conceptualizing Global History* / ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93–112.
- Manning P. Navigating World History. Historians Create a Global Past. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 425 p.
- Mazlish Br. Comparing Global History to World History *Journal of Interdisciplinary History*. 1998. Vol. 28. № 3. P. 385–396.
- O'Brien P. K. Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. Vol. 1. № 1. P. 3–39.
- Sachsenmaier D. World History as Ecumenical History? // *Journal of World History*. 2007. Vol. 18. № 4. P. 465–490.
- Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past / eds. J. H. Bentley, H. F. Ziegler. 4th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2008. 1068 p.
- Writing World History 1800–2000 / ed. B. Stuchtey, E. Fuchs. Oxford: O.U.P., 2003. VIII, 367 p.

Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета; ludmila1302@mail.ru

Leonid Mikhailovich Batkin (1932–2016)

Reflections on the universality through the prism of the individuality

The article analyzes the scientific heritage of the outstanding Russian culturologist L.M. Batkin (1932-2016) in that part of it, which outlines a wide range of theoretical and methodological issues of contemporary historiography, one way or another related to the problems of world history and macro historical research. The article researches author's reflection about the history as another science, the «methodological nihilism» of part of practicing historians, the correlation of micro and macro approaches in studying the past, the Big History as a Macro-casus, the usefulness of the subjunctive mood in history, the process of globalization and global history, the predictive function of history.

Keywords: L.M. Batkin, theory and methodology of history, contemporary historiography, world history, macrohistory

Ludmila Khut, Dr.Sc. (History), Professor of World History Department of Adyghe State University, Russia; ludmila1302@mail.ru

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Т. Ю. ПЕТРУХИНА

ПУТЕШЕСТВИЯ К АПОСТОЛЬСКОЙ КУРИИ И ОБРАТНО В XII в. В КОНТЕКСТЕ ПАПСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Статья посвящена анализу на материале английских источников практики путешествий к Апостольской курии и обратно с судебными целями. Ставится вопрос о пределах сопоставления таких путешествий с паломническими практиками, а также о влиянии нерегламентированных судебных практик на ход канонического процесса.

Ключевые слова: папское правосудие, канонический процесс, судебные практики, паломнические практики, путешествия

В истории папства XII век считается одним из ключевых – как эпоха расцвета его судебной функции. Именно в это время получила особое распространение практика подачи жалоб к Апостольскому престолу и как к высшему апелляционному суду, и как к суду первой инстанции. Иными словами, в XII в. резко увеличилось число обращений к папскому суду, подаваемых представителями локальных Церквей.

Изучение этого феномена имеет долгую традицию в историографии. Помимо документов папской курии, оно строится преимущественно на теоретических работах средневековых канонистов – т.н. *ordines iudicarii*¹, представляющих собой составленные юристами своеобразные руководства по ведению канонических диспутов, для того чтобы сориентировать участников тяжбы в тонкостях этого процесса, а также создать его стандарт. Ограничение поля источников такими текстами ведет к двум последствиям. Во-первых, большинство *ordines iudicarii* были составлены в XIII в., а значит, применимость описанных в них практик для предшествующего периода остается под вопросом. Во-вторых, работы профессиональных юристов описывают только регламентированную сторону процесса. Правовые практики, не прописанные специальным образом, но оказывающие влияние на ход и итоги судебного процесса, по большей части не достаиваются внимания исследователей, что объясняется не столько непониманием важности данных сюжетов, сколько несформированностью источниковой базы. Исследование нерегламентированных судебных практик требует скрупулезного выискивания примеров из значительного объема текстов, при том что многие свидетельства о связях между папством и местными Церквями разбросаны в архивах церковных учреждений по всей Западной Европе.

¹ Fowler-Magerl 1994; Kaser 1996; Litewski 1999.

Тезис о невнимании медиевистов к проблеме нерегламентированных практик папского правосудия можно пояснить на конкретном примере. Для защиты своих интересов к Апостольскому престолу должны были лично явиться представители обеих сторон – этот факт, прописанный в работах средневековых канонистов, медиевистам хорошо известен. Однако сам путь представителей никогда не становился предметом специального изучения. Историки обычно ограничиваются лапидарными фразами о том, что подобное путешествие было долгим и затратным мероприятием, что ограничивало эффективность папского правосудия и снижало его привлекательность².

Эти сюжеты порой разбираются в литературе, посвященной дороге в Рим, и исследования по данному вопросу необъятны, но основной их предмет – средневековые паломнические практики³. В работах такого рода на путешествия в Рим для общения с Апостольским престолом автоматически переносятся признаки паломнических путешествий. Однако параллель между маршрутом паломника и участника тяжбы продуктивна лишь отчасти, не говоря уже о том, что в XII в. место пребывания Апостольской курии периодически менялось, так что для участия в судебном процессе стороны тяжбы нередко отправлялись не в Рим, а в другие крупные города Апеннинского полуострова.

Цель данного исследования двояка. Во-первых, мы стремимся показать несводимость проблемы папского правосудия к регламентированным практикам. Изучение канонических процессов исключительно через призму работ средневековых канонистов не дает разглядеть в конфликте его социальную составляющую, так что расширение поля источников крайне желательно. Во-вторых, мы ставим своей целью расширить поле исследований средневековых путешествий и, придавая теме путешествий социально-правовое измерение, обосновать его самостоятельность. В том же контексте данная статья привлекает внимание исследователей к источнику, который никогда не изучался с этой стороны, да и вообще почти не привлекал внимание медиевистов.

Основной источник, использовавшийся при написании этой статьи, по праву можно назвать уникальным для источникового корпуса Англии, если не для средневековой Европы вообще. Речь идет о так называемых *Кентерберийских письмах* (*Epistolae Cantuarienses*)⁴. Этот текст выстроен вокруг одной из канонических тяжб конца XII – начала XIII в., которая разрешалась при участии папства. Конфликт разразился между приоратом Кентербери (Церковью Христа), и архиепископами Кентерберийскими Болдуином Фордским и Губертом Вальтером. Не-

² Brundage 1995. P. 127.

³ Birch 1998; Webb 2002. P. 114-153; 1999.

⁴ Chronicles and Memorials... 1865.

которые специфические черты этому диспуту придает тот факт, что духовенство архиепископской церкви состояло из бенедиктинских монахов, в то время как большинство кафедр этой эпохи обслуживалось канониками: священниками, живущими по Уставу. При этом архиепископ Кентерберийский одновременно был аббатом Кентерберийского приората. В остальном, тяжбы о вопросах юрисдикции аббата или епископа встречались в средневековой Европе повсеместно, так что в каком-то смысле анализируемый конфликт можно назвать типичным.

В центре конфликта находился проект строительства подвластной архиепископу коллегиальной (т.е. обслуживающей секулярным духовенством) церкви. Эта инициатива воспринималась бенедиктинским капитулом Кентербери как посягательство на их исконные права. Монахов пугала перспектива, что клирики этой церкви займут слишком высокое место в церковной иерархии Англии, оттеснив Кентерберийский капитул на второй план. Поэтому капитул обратился напрямую к папе, что вылилось в судебный процесс, продолжавшийся несколько десятилетий. Обстоятельства и ход тяжбы в каком-то смысле довольно тривиальны, и не будут специально рассматриваться в данной статье. Кентерберийская тяжба привлекает внимание исследователя в первую очередь высокой степенью документированности, которая позволяет увидеть ту сторону процесса, которая обычно остается скрытой.

С точки зрения источниковедения текст *Кентерберийских писем* остается загадкой. Единственная рукопись была составлена по окончании тяжбы и, по косвенным сведениям, датируется 1201–1205 гг. Предположительно, манускрипт хранился в библиотеке приората вплоть до Реформации, после чего, сменив нескольких владельцев, оказался в руках архиепископа Кентерберийского Ричарда Бэнкрофта. С этого момента и по сей день рукопись *Кентерберийских писем* хранится в библиотеке Ламбета, резиденции архиепископов Кентерберийских.

В середине XIX в. *Кентерберийские письма* были опубликованы известным британским ученым У. Стаббсом. Его предисловие к этому тексту до сих пор остается единственным целостным исследованием этого источника. Некоторые источниковедческие особенности текста Стаббс осветил исчерпывающе: историю манускрипта, датировки отдельных писем и хронологию диспута в целом. Ему же удалось выявить в тексте множество цитат из Священного Писания, юридических текстов, сочинений античных авторов. Однако в духе историографии своего времени Стаббса интересовала преимущественно фактологическая сторона конфликта. Он не оценил своеобразие этого текста.

Работа с *Кентерберийскими письмами* представляет определенную сложность в связи с тем, что этот источник не вписывается в рамки стандартной классификации средневековых памятников. Имея в своем составе существенное количество писем, коллекцией писем в строгом

смысле слова этот текст не является: в него включены также папские декреталии и тексты с юридической аргументацией монахов (так называемые *allegationes*). Иными словами, составитель собрал все доступные ему тексты, освещающие историю тяжбы, в одну рукопись.

Цели столь масштабного проекта ясны не до конца. Сам составитель, обращаясь во вступлении к монахам приората, объясняет их довольно размыто: «Слава деяний и событий, что творились до нас, предшествуя нашему веку, давно уже была бы для нас уничтожена забвением..., если бы мудрость предшественников не одарила бы милостью своих грамотных потомков; человек позабыл бы и происхождение свое, если бы написанное людьми, более живучее, чем тело, не оградило от будущего упадка»⁵. Здесь же он объясняет свои намерения более сжато: «дабы видели (деяния) те, кто прибудут (в приорат – Т.П.) и действовали мужественно, вдохновленные воспоминанием»⁶.

Следует предположить, что *Кентерберийские письма* создавались для внутреннего чтения капитула. Составление особых сборников документов, как фальшивых, так и подлинных, характерно для монашеских общин Англии⁷. К примеру, между XI в. и 1120-ми гг. была создана серия поддельных папских булл с привилегиями в пользу приората. Предполагается, что этот текст предназначался как раз для внутреннего чтения⁸. Цели создания подобных текстов видят в пропаганде великого прошлого общины среди ее членов, в укреплении морального единства⁹. Однако *Кентерберийские письма* представляются исключением из этого правила. В сборник вошли все материалы диспута, независимо от того, в каком свете они изображали монашество приората. Кроме того, компилятора интересует ход диспута, а не его итоги. Видимо, когда письма составлялись, опасность возобновления диспута все еще существовала. Возможно, *Кентерберийские письма* – это своего рода руководство, отвечающее на вопросы: как следует вести тяжбу, к кому обращаться, какие аргументы привлекать, на какие юридические нормы ссылаться.

Исчерпывающий анализ этого текста не является целью данной статьи. Нас будет интересовать исключительно внутренняя переписка монахов приората, входящая в сборник, поскольку именно в ней встречаются довольно редкие в источниках той эпохи сведения о судебных

⁵ «Rerum gestarum notitia, et ea quae praecesserunt in saeculis quae fuerunt ante nos, nobis jampridem longa fuissent oblivione sepulta... nisi praecedentium prudentia posteritati suae litterali beneficio prospexisset; ipsamque sui originem homo ignoraret, nisi scripta hominum vivaciora quam corpora, future corruptione consulissent». *Chronicles and Memorials...* 1865. P. 1.

⁶ «...ut videant qui venturi sunt, et viriliter agant eorum recordatione roborati...». *Ibid.* P. 2.

⁷ Мереминский 2006. С. 136-138.

⁸ Berkhofer 2007.

⁹ Мереминский 2006. С. 137; Paxton 2001. P. 95-96.

практиках папского правосудия, в частности, о дороге представителей капитула к Апостольскому престолу. Спорадические данные, рассыпанные в *Кентерберийских письмах*, с трудом складываются в общую картину событий. По этой причине, в статье используются также исторические сочинения современника событий – кентерберийского монаха Гервазия¹⁰. Наконец, отдельные эпизоды извлекаются из рассказов английского клирика начала XIII в. Томаса из Мальборо, предпринявшего путешествие к Апостольской курии с судебными целями и отразившего свой опыт в *Хронике Ившемского аббатства*¹¹.

Реконструировать весь путь монахов капитула к Апостольскому престолу и обратно на этой основе невозможно: огромные участки дороги остаются не упомянутыми в тексте. То же можно сказать и о временных ограничениях. Мы располагаем определенными свидетельствами о маршруте монахов только для раннего этапа диспута: примерно до лета 1189 г., тогда как тяжба продолжалась с 1185 по 1198 г. По мере того, как диспут подходит к завершающей стадии, составитель *Кентерберийских писем* все больше концентрируется на документах, освещающих правовую сторону конфликта, не уделяя особого внимания практическим вопросам, однако некоторые опорные точки выделяются на основе источника. Свидетельства о завершающей стадии путешествия особенно немногочисленны. Так, о пути монахов по Апеннинскому полуострову известно лишь то, что он проходил через город Верчелли¹². Кроме того, известно, что монахи переходили Западные Альпы через горный перевал, известный под названием Большой Сен-Бернар¹³.

О пунктах, которые монахи проходили ближе к началу пути, выезжая из Кентербери, сведений больше. В послании, относящемся к началу диспута, говорится, что отправившийся из Англии корабль с представителями капитула причалил во Фландрии¹⁴. В нем не уточняется, где именно высадились монахи, но в других письмах несколько раз упоминается топографическое обозначение, передаваемое как *Withsand*. Речь, судя по всему, идет о небольшом населенном пункте, находившемся на месте современной французской коммуны Виссан, в пользу чего говорит то, что на обратном пути из Рима летом 1188 г. посланники капитула задержались в аббатстве Сен-Бертен, расположенном на территории Фландрии. При этом они сообщили капитулу, что нередко отправляют посланца в *Withsand*, ожидая дальнейших распоряжений общины¹⁵. Следовательно, этот населенный пункт находится на сравнительно не-

¹⁰ The Historical Works of Gervase of Canterbury, 1879-1880;

¹¹ Thomas of Marlborough: History of the Abbey of Evesham, 2003.

¹² The Historical Works of... 1879. Vol. 1. P. 366.

¹³ Chronicles and Memorials... 1865. P. 181.

¹⁴ Ibid. P. 16.

¹⁵ Ibid. P. 230.

большом расстоянии от Сен-Бертена, что верно для Виссана. Это же послание указывает на другой пункт, через который проходил маршрут: собственно, Сен-Бертен. По возвращении из Рима, дожидаясь исхода тяжбы, представители капитула провели здесь по меньшей мере несколько месяцев. Первое упоминание о пребывании в этом аббатстве представитель капитула Джон де Брембл делает в послании от августа 1188 г. Согласно другому письму, в декабре он все еще остается в Сен-Бертене¹⁶. Только в январе 1189 г. он пишет уже из Рима, вынужденный отправиться туда, не дождавшись благоприятного исхода тяжбы¹⁷. Встречаются также сведения об остановках монахов в Аррасе. В середине лета 1188 г. там останавливался Джон де Брембл на своем пути в Англию¹⁸, однако, он не рассказывает об этом опыте.

Одним из пунктов маршрута был Суассон, представлявший на тот период центр одновременно графства и диоцеза. Именно там остановился на пути в Рим кентерберийский приор в июле 1187 г.¹⁹ Остановка была довольно продолжительной: приору требовалось дождаться вестей из Рима и принять окончательное решение, следует ли ему являться перед Апостольским престолом. Еще один пункт, о котором есть сведения в *Кентерберийских письмах* – Реймс. Точная хронология этих остановок не прослеживается. До февраля 1189 г. в Реймсе в какой-то момент оказался Джон де Брембл – видимо на пути из курии в Кентербери. Монах только упоминает мимоходом в одном из своих посланий, что в Реймсе ему пришлось одолжить денег у некоего каноника собора²⁰.

Уже эти отрывочные свидетельства показывают, почему сопоставление путешествий к курии с судебными целями и паломнических практик не всегда продуктивно. Главный герой исследований о паломниках – сам паломник или их более-менее гомогенная группа, которая следует общим маршрутом до назначенного пункта. Из литературы о канонических диспутах может сложиться впечатление, что представители сторон перед Апостольской курией представляли собой некую схожую с паломниками группу. Поэтому логично было бы ожидать, что в ходе Кентерберийского диспута монахи организованно прибывали к папе и организованно возвращались. Однако приведенные примеры показывают, что на пути из Рима монахи нередко проводили много времени на континенте, например, дожидаясь исхода тяжбы. Пример Джона де Брембла, надолго остававшегося в Сен-Бертене, весьма показателен. То же можно сказать о продолжительной остановке приора Кентерберийского в Суассоне. Заметим, что Томас из Мальборо после аудиенции у папы

¹⁶ Ibid. P. 272.

¹⁷ Ibid. P. 274.

¹⁸ Ibid. P. 226.

¹⁹ Ibid. P. 65-66.

²⁰ Ibid. P. 274.

провел шесть месяцев в Болонье, изучая каноническое право, а потом вернулся к Апостольскому престолу защищать интересы Ившема²¹.

Еще один ключевой элемент для понимания различий между паломническими практиками и путешествиями к Апостольскому престолу – пункты остановок. Паломнический маршрут из Англии в Рим к рассматриваемому периоду уже более-менее устоялся. Один из самых ранних источников, описывающих этот путь – *Итинерарий* архиепископа Кентерберийского Сигерика, относящийся к X в.²² Хронологически близким к анализируемому периоду источником могут служить карты, приложенные хронистом XIII в. Мэттью Пэрисом к *Большой Хронике*²³. Однако полноценное сравнение маршрута кентерберийских монахов с данными этих источников невозможно по ряду причин. Во-первых, мы ничего не можем сказать о передвижении представителей капитула по территориям, южнее Шампани. Во-вторых, карты Мэттью Пэриса предназначались не для потенциальных пилигримов, а для бенедиктинских монахов, чьи возможности совершить реальное паломничество были ограничены. Эти карты связаны с духовной практикой мысленного паломничества (*peregrinatio in stabilitate*)²⁴, они предлагают идеальный путь для бенедиктинского монаха, но насколько этот идеал соотносился с существующей реальностью – вопрос открытый. Так, карта Мэттью Пэриса предлагает паломнику путь через центр Франции²⁵. В реальности, это сложная и долгая дорога – гораздо быстрее было добираться до Рима по восточной окраине французских владений. Но Мэттью вносит именно этот вариант, проводя дорогу через аббатство Флери. Для бенедиктинского монаха это место представляло особый интерес, поскольку в этом аббатстве хранились мощи св. Бенедикта.

Многие пункты маршрутов кентерберийских монахов и путеводителей Сигерика и Мэттью Пэриса совпадают, в основном это касается крупных церквей и портовых городов: Реймса, Арраса, Виссана. Любопытно, что ни тот, ни другой не упоминают Сен-Бертен. Отсюда вопрос: почему путь кентерберийских монахов проходил именно через это аббатство, не ставшее популярным пунктом остановок пилигримов? Объясняются ли остановки в упомянутых городах в первую очередь их расположением на паломнических путях? В определенных случаях, выбор дороги явно диктуется устоявшимися маршрутами. Это, судя по всему, верно для Верчелли. Упоминаний этого города в литературе о путеше-

²¹ Thomas of Marlborough: History of the Abbey of Evesham, 2003. P. 275.

²² Текст издавался несколько раз. Основное издание: Memorials of Saint Dunstan, Archbishop of Canterbury. 1874. P. 391-395. Кроме того, текст дан в составе следующей статьи с подробным комментарием: Ortenberg V. 1990. P. 197-246.

²³ London, British Library, MS. Royal 14 C VII. ff 1v-8r.

²⁴ Connolly D.K. 1999. Vol. 81. P. 598-622.

²⁵ London, British Library, MS. Royal 14 C VII. f.2v.

ствиях нам не встречалось, но некоторые моменты позволяют предположить, что путники обычно проходили его по дороге в Рим. Так, посланники капитула легко нашли своего приора в этом городе, хотя предварительной договоренности о встрече там не было²⁶. Кроме того, через Верчелли проезжал Томас из Мальборо по пути к папе в 1205 г.²⁷

Перевал Большой Сен-Бернар был типичным пунктом остановок. Дорога, соединяющая север Италии с центральной Европой проходила здесь со времен Римской империи, а в раннее средневековье св. Бернард из Ментона основал здесь приют для путешественников, где и остановились кентерберийские монахи. Ситуация с Виссаном более комплексна. С одной стороны, этот порт, связывавший Англию с континентом, часто использовался путниками. Во-первых, в исследовательской литературе отмечается, что морской путь из Англии в Северную Францию обычно преодолевали, сядя на корабль в Дувре и причаливая в Виссане²⁸. Во-вторых, и Сигерик, и Мэттью Пэрис упоминают этот порт. Архивные тексты, привлеченные Дж. Сэйрз, демонстрируют, что этим маршрутом к апостольскому престолу в конце XIII в. последовали два монаха из Вестминстера²⁹. Сравнительная краткость этого маршрута делала его удобным для путников³⁰. Однако Виссан играет в Кентерберийской тяжбе более важную роль, нежели просто один из пунктов маршрута. Он был, кроме того, важным пунктом коммуникации оторванных от привычной среды посланников с Англией. Туда или в Реймс один из монахов просит капитул прислать письмо, сообщающее, следует ли ему возвращаться в Англию³¹. Туда другой представитель капитула просит прислать в Виссан монашеское одеяние³².

Упоминание в *Кентерберийских письмах* Сен-Бертена особенно любопытно, поскольку это аббатство никак не отмечено ни Сигериком, ни на картах Мэттью Пэриса. Четкое упоминание об остановке членов капитула в Сен-Бертене в *Кентерберийских письмах* встречается лишь единожды. Однако тексты писем говорят об этом аббатстве и в ином контексте. В раннем послании капитула Кентербери к Сен-Бертену упоминается, что подробности тяжбы между монахами и архиепископом может рассказать некий брат X³³. Возможно, речь идет об одном из членов капитула, возвращающемся из Рима. Но не менее вероятно, что речь идет о некоем монахе, специально отправленном из Кентербери в Сен-

²⁶ The Historical Works of... 1879. Vol. 1. P. 366.

²⁷ Thomas of Marlborough: History of the Abbey of Evesham. 2003. P. 275.

²⁸ Например: Foreville R. 1986. P. 66; Jordan W.C. 2015. P. 5, 84-91.

²⁹ Sayers J.E. 2013. P. 111-112.

³⁰ Ibid. P. 112.

³¹ Chronicles and Memorials... 1865. P. 218.

³² Ibid. P. 289.

³³ Ibid. P. 187.

Бертен. Само послание интересно еще и тем, что капитул Кентербери выражает в нем благодарность Сен-Бертену за дружбу и содействие в тяжбе. Однако текст никак не проясняет, в чем конкретно это содействие выразалось. Опять же можно предположить, что Сен-Бертен давал приют кому-то из представителей капитула. Впрочем, монахи Сен-Бертена не только представляли братьям из Кентербери приют, но играли некоторую роль в самом судебном процессе. Правда, свидетельства о такой поддержке относятся только к завершающему этапу диспута, тогда как все приведенные выше сведения – к раннему. В июле 1198 г. капитул Кентербери попросил монахов Сен-Бертена предоставить Иннокентию III некие грамоты папского легата и Целестина III, касающиеся тяжбы, и засвидетельствовать их подлинность³⁴. Была ли выполнена эта просьба – неизвестно. Во всяком случае, на протяжении всего диспута капитул ни разу не был обвинен в подделке ни одного документа.

Выяснить причины, по которым Сен-Бертен оказывал помощь кентерберийским монахам на протяжении всего диспута, не представляется возможным. *Кентерберийские письма* могут объяснить это лишь отчасти. Специальных исследований об отношениях между Кентербери и Сен-Бертенем в интересующее нас время не существует, хотя таких работ немало по более раннему периоду³⁵. При различии подходов, историки сходятся в том, что в Англосаксонскую эпоху между Кентербери и Фландрией (и, в частности, Сен-Бертенем) существовал активный культурный обмен. Насколько он сохранился позднее и на чем основывался в конце XII в., историография практически умалчивает. Известен факт пребывания в Сен-Бертене архиепископа Томаса Бекета во время его изгнания³⁶. Учитывая сложности во взаимоотношениях этого Бекета и его капитула, эта информация мало что добавляет для понимания связей между монахами этих двух конгрегаций. В одной из статей Дж. Сэйрз между делом упоминается, что именно в Сен-Бертене обосновались монахи Кентербери, изгнанные в 1207 г. из Англии королем Иоанном Безземельным за непослушание в вопросе избрания архиепископа³⁷. Пока-

³⁴ Ibid. P. 416.

³⁵ В первую очередь: Vanderputten 2006; Van Houuts 2006. Несложно объяснить, почему историки концентрируются, прежде всего, на X и XI вв. – для этого периода связи Кентербери и Фландрии наиболее наглядны. Именно во Фландрию будущий архиепископ Кентерберийский Дунстан сбежал от гнева английского короля. Выходящем из Фландрии был наемный агиограф Госцелен, обогативший источниковый корпус Британии целым рядом житий и обосновавшийся в конце жизни в Кентербери. Кроме того, существует монография, посвященная взаимоотношениям между Фландрией и Англо-Нормандским миром на интересующий нас период. Про связи Фландрии и Кентербери, впрочем, в ней говорится немного – исследование посвящено преимущественно политической истории: Oksanen 2012.

³⁶ См., напр.: Toke 1930. P. 195-196.

³⁷ Sayers J.E. 2000. P. 251.

зательно, что об этих случаях упоминает Гервазий Кентерберийский, голос монашеской общины для конца XII – начала XIII в., довольно придирчивый в отборе информации для своих сочинений³⁸.

Вкупе с материалами *Кентерберийских писем* все это дает основания предположить, что между Кентербери и Сен-Бертеном существовали особые связи, но какого рода и как именно они сложились – тема для отдельного исследования. Очевидно, определенную роль здесь играл тот факт, что монахи и Кентербери, и Сен-Бертена принадлежали к бенедиктинскому ордену. Однако одного этого недостаточно, чтобы Сен-Бертен всячески содействовал капитулу Кентербери в диспуте. Можно сделать предположение о наличии, помимо институциональных, личных контактов, но подкрепить его на данном этапе исследования нечем.

Что касается Арраса, для пилигримов это был еще один обычный пункт остановок. Однако *Кентерберийские письма* намекают на особые мотивы, которые заставили Джона де Брембла посетить его в 1188 г. Известно, что с самого начала существовал расчет использовать в диспуте влияние епископа Арраского Петра. Как и архиепископ Кентерберийский Болдуин, противник монахов, Петр принадлежал к цистерцианскому ордену и до 1180 г. был аббатом Сито. Капитул предполагал оказать на Болдуина давление, используя влияние фигуры, стоявшей выше его в иерархии цистерцианского ордена. Первое обращение к Петру относится к самому началу тяжбы – декабрю 1186 г.³⁹ Послание с этой просьбой епископу Арраса должен был передать кто-то из монахов капитула, но нет информации, было ли это сделано по пути в Рим, или же из Кентербери с данной миссией был отправлен особый посланник. Известно также, что летом 1189 г. помощник приора специально уехал из Кентербери, чтобы просить епископа Арраса о посредничестве⁴⁰. Можно допустить, что визит Джона де Брембла в Аррас тоже был связан с попытками привлечь Петра на свою сторону.

Есть основания видеть в остановке в Суассоне такую же попытку найти сторонников в церковной среде. Однако сведения на этот счет не менее туманны. Издатель *Кентерберийских писем* У. Стаббс считал, что, проезжая Суассон, приор остановился в некой резиденции, представленной настоятелем Реймского собора Ральфом из Сэрры⁴¹. Это предположение основывается на следующих данных. Во-первых, известна общая благосклонность Ральфа из Сэрры к кентерберийскому капитулу. Этот факт не вызывает сомнений, поскольку Ральф неоднократно оказывал капитулу содействие. Гервазий Кентерберийский объ-

³⁸ О пребывании Томаса Бекета в Сен-Бертене: *The Historical Works of...* 1879. Vol. 1. P. 135. О пребывании изгнанных монахов капитула там же: *Ibid.* 1880. Vol. 2. P. 100.

³⁹ *Chronicles and Memorials...* 1865. P. 11.

⁴⁰ *Ibid.* P. 302.

⁴¹ *Ibid.* P. 1.

ясняет это тем, что Ральф происходил из Кента и какое-то время проходил обучение при Церкви Христа⁴². Судя по всему, хронист в данном случае говорит правду, поскольку эти сведения отчасти подтверждаются дополнительными источниками⁴³. И если эта часть рассуждений Стаббса не вызывает никаких возражений, то приводимые им доказательства о связи Ральфа и Суассона представляются довольно шаткими.

Стаббс выдвигает предположение, что Ральф Сэррский был не только деканом Реймса, но и архидьяконом Суассона. Он основывается на том, что в салютации одного из посланий монахи обращаются к декану Реймса и архидьякону Суассона⁴⁴. Был ли это один человек или два – заключить невозможно. Используемое в данном послании местоимение *vestra* оставляет определенную двусмысленность. Стаббс признается, что не в состоянии ответить на этот вопрос, что, однако, не помешало ему утверждать, что именно у Ральфа Сэррского и останавливался приор Кентербери в Суассоне⁴⁵. Определенно, Стаббсу была знакома и *Хроника* Гервасия Кентерберийского, где хронист действительно сообщает, что, будучи во Франции, приор останавливался у Ральфа Сэррского, но не уточняет, где именно⁴⁶. Возможно, речь идет о Суассоне, но не менее вероятным представляется, что Гервасий говорит об остановке приора непосредственно в Реймсе, о которой речь пойдет ниже.

К приведенным выше свидетельствам практически нечего прибавить. Нам не удалось обнаружить ни единого свидетельства о том, что Ральф Сэррский действительно был архидьяконом Суассона. Впрочем, даже если он действительно никогда не носил такого титула, послание капитула к декану Реймса и архидьякону Суассона наводит на определенные мысли. Даже если за этими именованьями стоят два разных человека, обращение к ним в одном письме демонстрирует, что между ними могла существовать некая связь (если только переписчик не объединил две сходных грамоты в одну, что для него не очень характерно). Отсюда можно предположить, что остановка приора в Суассоне объяснялась влиянием расположенного к капитулу Ральфа Сэррского.

В деле выбора Реймса как специального пункта маршрута влияние Ральфа Сэррского более вероятно. Отметим, что капитул рассчитывал на его помощь в целом ряде вопросов, и большая часть из них далека от практических нужд, с которыми монахи Кентербери сталкивались во

⁴² The Historical Works of... 1879. Vol. 1. P. 366.

⁴³ Об английском происхождении Ральфа свидетельствует автор жития Томаса Бекета Герберт де Босхем: «Et ut mox de societate nostra non quidem episcopus, sed alios privatos, viros tamen magnos et industrios, enumerem, post hunc erat Radulfus cognomento de Serra, natione Anglus...». Materials for the History of Thomas Becket... 1885. P. 524.

⁴⁴ Chronicles and Memorials... 1865. P. 15.

⁴⁵ Stubbs. P. 1.

⁴⁶ The Historical Works of... 1879. Vol. 1. P. 366.

время путешествий. От Ральфа ожидали непосредственного влияния на папу Григория VIII, который, очевидно, не собирался поддержать капитул без предварительного разбирательства. В одном из посланий капитула прямо говорится о дружеских связях между этим папой и Ральфом, которые могли придать заступничеству последнего большой вес⁴⁷. Сложно сказать, действительно ли Григорий VIII был особым образом расположен к Ральфу, но, во всяком случае, их знакомство вполне вероятно. Известно, что оба они находились в дружеских отношениях с Томасом Бекетом. Когда будущий папа Григорий VIII еще был кардиналом Альберто ди Морра, Бекет состоял с ним в переписке и называл его другом и возлюбленным господином⁴⁸. Кроме того, Ральф определенно имел влияние на архиепископа Реймского, в поддержке которого капитул также был заинтересован. В одном из посланий монахи просят декана Реймса, чтобы тот убедил архиепископа быть посредником в урегулировании конфликта между капитулом и Болдуином⁴⁹.

Однако Ральф не был единственной фигурой в Реймсе, чьей помощи ожидал капитул. Не менее важную роль в диспуте играл и архиепископ Реймский Гильом Белые Руки. Этот деятель имел огромное влияние не только как архипастырь значительного церковного диоцеза, как бывший епископ Шартрский и Саннский, но и как перманентный легат апостольского престола⁵⁰. Капитул ожидал от него заступничества примерно по тем же причинам, что и от Ральфа Сэрского: Гильом Белые Руки во время конфликта Генриха II и Томаса Бекета последовательно выступал на стороне последнего, будучи в этот период папским легатом. После убийства Томаса, именно к нему тайно отправились посланцы из Кентерберии, чтобы сообщить эту новость, и именно Гильом наложил интердикт на французские владения Генриха II⁵¹. В то же время, расположение Гильома к кентерберийскому монашеству было не столь очевидным, как в случае с Ральфом Сэрским, так как архиепископ Реймский не имел особых связей с самой общиной. Поэтому в своих посланиях капитул настойчиво эксплуатирует образ Томаса Бекета, и просит помощи у архиепископа в память о святом, с которым Гильома связывали особые взаимоотношения⁵².

Из *Кентерберийских писем* понятно, что остановки в дороге были способом установить и активизировать социальные контакты, которые могли повлиять на дальнейший исход диспута. Этот мотив играл важную роль при выборе таких мест пребывания капитула как Сен-Бертен,

⁴⁷ Chronicles and Memorials... 1865. P. 113.

⁴⁸ Duggan 2012. P. 23.

⁴⁹ Chronicles and Memorials... 1865. P. 220-221.

⁵⁰ Falkenstein 2003; Idem. 2005.

⁵¹ Ibid. P. 9.

⁵² См., напр.: Chronicles and Memorials... 1865. P. 219.

Аррас, Реймс. Действительно, духовенство этих конгрегаций, руководствуясь разными соображениями, выступило на стороне капитула Кентерберри. Но переоценивать этот мотив не следует. Очевидно, что он сравнительно заметен в *Кентерберийских письмах*, поскольку вопрос выстраивания полезных контактов для членов капитула играл первостепенную роль из-за его влияния на канонический процесс. Именно поэтому данный мотив в источнике получил такое богатое освещение.

В выборе пути играл роль и другой фактор, не столь заметный, но весьма существенный. Представители капитула всеми силами старались избежать встречи с архиепископом Кентерберийским и, в ряде случаев, с королем Англии, который принял в конфликте сторону архиепископа. Этим, кстати, иногда объясняется не только выбор маршрута, но и долгие остановки того или иного представителя капитула на пути из Рима.

На причины, заставляющие капитул соблюдать осторожность, указывает следующий эпизод. Некий монах Хамо, вернулся из Рима в Кентерберри с важными документами, но после очень недолгого пребывания в Англии был отослан назад. Приор Кентерберийский, неотлучно оставшийся все это время в Риме, выразил капитулу недоумение по этому поводу⁵³. На это ему ответили, что капитул и сам не понимает, каким образом брат Хамо доехал до места назначения без папской протекции, поскольку за отсутствием этого документа никто не мог гарантировать ему безопасность. Ради блага монаха капитул быстро выслал его обратно в Рим⁵⁴. Таким образом, вернувшийся от Апостольского престола без специального документа представитель капитула подвергался опасности. Сходные эпизоды встречаются и позднее. Уже упоминалось о долгих остановках Джона де Брембла на пути из Рима. Монах вернулся к Апостольскому престолу, не добравшись до Англии, а его пребывание в Сен-Бертене продлилось несколько недель. Можно предположить, что он, как и Хамо, не располагал папской протекцией, что делало возвращение опасным. В трудах по дипломатике не нашлось упоминания о специальных грамотах, которые могли бы выдаваться Апостольским престолом в защиту представителей сторон, как и об особых клаузулах в папских указах, включаемых в текст с этой целью. В канонах III Латеранского собора 1179 г., содержалось положение о защите истца в ходе канонического процесса, но, как показывает Кентерберийский диспут, на практике оно не слишком работало.

Приведенные примеры наводят на мысль, что Апостольский престол не слишком заботился о безопасности монахов и не снабжал их документами, гарантировавшими защиту, но анализ показывает, что дело обстояло сложнее. Запрет угнетать подконтрольную архиепископу

⁵³ Chronicles and Memorials... 1865. P. 66.

⁵⁴ Ibid. P. 67.

общину по причине многократных обращений к апостольскому престолу неоднократно прописывался в папских посланиях⁵⁵. А в *Кентерберийских письмах* есть особое послание Урбана III к Болдуину. В нем он недвусмысленно предписывает архиепископу не чинить препятствий братьям Хамо, Эдмунду и Хамфри, возвращающимся от Апостольского престола⁵⁶. Письмо датируется маем 1187 г., а история с возвращением Хамо в Кентербери произошла позже, летом того же года. Иными словами, представители капитула, судя по *Кентерберийским письмам*, уже располагали грамотой, обеспечивающей их безопасность, и остается только гадать, почему пребывание Хамо в Англии оказалось опасным. Возможно, апостольская грамота, включенная в *Кентерберийские письма*, является поддельной – она действительно не содержит некоторых важных элементов формуляра: опущена салютация и наррация. С другой стороны, мы не видим причин для составления фальшивки. В диспуте грамота не сыграла никакой роли – Хамо ей так и не воспользовался. Не было очевидных мотивов для создания такого текста и у составителя *Кентерберийских писем*. Если грамота подлинная – почему в таком случае Хамо пришлось выслать из Англии? Возможно, документ был составлен в одном экземпляре для трех монахов сразу. Нет никаких сведений о том, что Эдмунд и Хамфри отправились в Кентербери вместе с Хамо – об их передвижениях в *Кентерберийских письмах* нет информации. Можно допустить, что единственный экземпляр документа оставался у кого-то из них, а сами монахи так и пребывали где-то на территории Франции. Но и у этой версии есть свои недостатки, поскольку логика, по которой без защиты остался единственный монах, подвергнувшийся себя реальной угрозе запрета в служении, остается туманной.

Любопытно, что угроза запрета в служении для представителей капитула объясняет не только долгие остановки монахов на территории Франции. Ее также пытались использовать как инструмент в ходе диспута, хотя эта попытка оказалась малоуспешной. Весной 1189 г. представители капитула в Риме пишут в Кентербери следующее. «Братьев, находящихся за морем, призовите явиться открыто и надлежащим образом. Если они будут схвачены – не беспокойтесь. О, если бы архиепископ настроил в чем-то ином против себя и этого легата, что, как мы слышали, случилось по приезду предыдущего!»⁵⁷. После получения этого письма несколько братьев отправились из Франции в Кентербери. Провокация, однако, не сработала – монахи вернулись благополучно.

⁵⁵ Например: Ibid. P. 39.

⁵⁶ Ibid. P. 43.

⁵⁷ «Fratres ergo qui cis mare sunt ad vos revocate, qui palam et ordinate veniant. Si capti fuerint, non curetis. Utinam enim, sicut in alterius adventu vobis scripsimus, et istum legatum in aliquo contra se provocassent». Ibid. P. 287.

Подводя итоги, еще раз отметим непродуктивность сравнения пути к Курии с судебными целями с паломническими практиками. Во-первых, дорога к Апостольскому престолу и обратно не была организованным и непрерывным путешествием из одной точки в другую. Отдельные представители капитула проводили долгие месяцы на Континенте после визита к папе, дожидаясь изменений в ходе тяжбы. Ведение судебного процесса требовало от них определенной мобильности, чем и объясняются такие остановки. Иногда участники тяжб находили способы получить дополнительную выгоду от таких остановок, обучаясь праву в центрах юридической науки или набирая сторонников в среде духовенства. Во-вторых, хотя участники судебных процессов пользовались дорогами пилигримов, выбор пути к Курии и обратно объяснялся целым рядом факторов. Устоявшиеся маршруты – только один из них. Другой существенный фактор: попытки привлечь на свою сторону представителей духовенства Континента. В силу специфики *Кентерберийских писем*, этот мотив прослеживается на материале этого источника особенно четко. Еще один фактор, который влиял как на выбор пути, так и на долгие остановки членов капитула на Континенте – попытки избежать встречи с противниками в тяжбе или, напротив, устроить такую встречу как провокацию.

Сведение канонических процессов исключительно к регламентированным практикам не позволяет увидеть социальное измерение конфликта, оказывающее влияние на ход тяжбы. Поэтому *Кентерберийские письма*, освещающие, в том числе, нерегламентированные практики, остаются недооцененным источником не только по истории Англии, но и по проблеме папского правосудия в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Мереминский С.Г.* Формирование английской исторической традиции во 2-ой пол. XI – 1-й пол. XII в. Дисс... к.и.н. М., 2006. 377 с. [Mereminskij S.G. Formirovanie anglijskoj istoricheskoj tradicii vo 2-oj pol. XI – 1-oj pol. XII vv. Diss... к.и.н. М., 2006. 377 s.]
- Berkhofer R.* The Canterbury Forgeries Revisited // The Haskins Society Journal, 2007. Vol. 18. P. 36-50.
- Birch D.J.* Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: Continuity and Change. Woodbridge: The Boydell Press, 1998. 238 p.
- Brundage J.A.* Medieval Canon Law. L., N.-Y.: Longman, 1995. 260 p.
- Chronicles and Memorials of the Reign of Richard I / ed. W. Stubbs. L.: R.S., 1865. Vol. 2. 573 p.
- Connolly D.K.* Imagined Pilgrimage in the Itinerary Maps of Matthew Paris // The Art Bulletin, 1999. Vol. 81. P. 598-622.
- Duggan A.J.* Religious Networks in Action: The European Expansion of the Cult of St Thomas of Canterbury // International Religious Networks / Ed. by J. Gregory, H. McLeod. Studies in Church History. Suffolk, U.K.: Boydell, 2012. xxii + 298 p.
- Falkenstein L.* Guillaume aux Blanchés Mains: archevêque de Reims et légat du Siège Apostolique (1176-1202) // Revue d'histoire de l'église de France, 2005. Vol. 91. P. 5-25.
- Falkenstein L.* Wilhelm vom Champagne, Elekt von Chartres (1164-1168), Erzbischof von Sens (1168/69-1176), Erzbischof von Reims (1176-1202), Legat des apostolischen Stuhles, im Spiegel päpstlicher Schreiben und Privilegien // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kann. Abt., 2003. Bd. 89. S. 107-284.

- Foreville R.* Tradition et renouvellement du monachisme dans l'espace Plantagenêt au XIIIe s. // *Cahiers de civilisation médiévale*, 1986. Vol. 29. P. 61-73.
- Fowler-Magerl L.* Ordines iudiciarii and libelli de ordine iudiciorum (from the Middle of the Twelfth to the End of the Fifteenth Century). Turnhout: Brepols, 1994. 130 p.
- The Historical Works of Gervase of Canterbury / Ed. by W. Stubbs. L.: Rolls Series, 1879-1880. Vol. 1-2.
- Jordan W.C.* From England to France: Felony and Exile in the High Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 2015. x + 223 p.
- Kaser M.* Das römische Zivilprozessrecht. 2. Aufl. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1996. 631 s.
- Litewski W.* Der römisch-kanonische Zivilprozeß nach den älteren ordines iudiciarii. Kraków: Jagellonian University Press, 1999. Bd. 1-2. 652 s.
- Materials for the History of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury, (Canonized by Pope Alexander III., A.D. 1173. Ed. by J.E. Robertson and J. Brigstock Sheppard. L.: Rolls Series, 1885. Vol. 3. 619 p.
- Memorials of Saint Dunstan, Archbishop of Canterbury. Ed. by W. Stubbs. L.: Rolls Series, 1874. cxxiii + 490 p.
- Oksanen E.* Flanders and the Anglo-Norman World, 1066–1216. New York: Cambridge University Press, 2012. xiii + 305 p.
- Ortenberg V.* Archbishop Sigeric's Pilgrimage to Rome in 990 // *Anglo-Saxon England*, 1990. Vol. 19. P. 197-246.
- Paxton J.* Forging Communities: Memory and Identity in Post-Conquest England // *Haskins Society Journal*, 2001. № 10. P. 95-109.
- Sayers J.E.* English Benedictine Monks at the Papal Court in the Thirteenth Century: The Experience of Thomas Marlborough in a Wider Context // *Journal of Medieval Monastic Studies*, 2013. Vol. 2. P. 109-129.
- Sayers J.E.* Peter's Throne and Augustine's Chair: Rome and Canterbury from Baldwin (1184-90) to Robert Winchelsey (1297-1313) // *Journal of Ecclesiastical History*, 2000. Vol. 51. P. 249-266.
- Thomas of Marlborough: History of the Abbey of Evesham. Ed. and tr. by J. Sayers and L. Watkiss. Oxford Medieval Texts. Oxford: Clarendon Press, 2003. lxxxix + 597 p.
- Toke N.E.* The Opus Alexandrinum and Sculptured Stone Roundels in the Retro-Choir of Canterbury Cathedral // *Archeologia Cantiana*, 1930. Vol. 42. P. 189-221.
- Vanderputten S.* Canterbury and Flanders in the Late Tenth Century // *Anglo-Saxon England*, 2006. Vol. 35. P. 219-244.
- Van Houts E.* The Flemish Contribution to Biographical Writing in the Eleventh Century // *The Limits of Medieval Biography: Essays in Honour of Professor Frank Barlow*. Ed. by D. Bates, J. Crick, S. Hamilton. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2006. P. 111-127.
- Webb D.M.* Medieval European Pilgrimage: c. 700-c. 1500. N.Y.: Palgrave, 2002. 201 p.
- Webb D.M.* Pilgrims and Pilgrimage in the Medieval West. International Library of Historical Studies 12. N.Y.: I.B. Tauris, 1999. viii + 290 p.
- Петрухина Татьяна Юрьевна**, аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, era1350@mail.ru

The 12th -century Journeys to the Apostolic Court and back in the context of papal justice

This article is based on the sources of English origin and is dedicated to the journeys to the Apostolic See and back for the judicial purposes. The author discusses the limitations of comparison between these journeys and the pilgrimage and the influence of non-regulated judicial practices on the canonical process.

Keywords: papal justice, canonical process, judicial practices, pilgrimage, journeys

Tatiana Petrukhina, postgraduate student of MSU; era1350@mail.ru

Е. А. ШЕЛИНА

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПОСТРОЕНИЯ «ИЕРАРХИЙ РАВНЫХ» В ПЕРИОД «ВТОРОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»¹

В статье рассматривается процесс формализации отношений «первенства» в период «второго Средневековья». В этот период носители одинаковых позиций, между которыми прежде подчеркивались отношения равенства, начали с усердием выстраивать отношения неравенства между собой. Сначала мы рассматриваем те принципы организации групп элит, которые позволяли подчеркнуть равенство или неравенство внутри этих групп. Затем мы останавливаемся на некоторых региональных особенностях построения «иерархий равных» в среде европейских элит.

Ключевые слова: иерархия, первенство, «второе Средневековье», «ядро», «кольцо»

Котар говорил: «Ну так вот, были только хозяйка, герцог и герцогиня Вандомские (с самодовольной улыбкой), профессор Котар и его супруга и, черт знает, зачем, точно волосы в супе, господин и госпожа Бонтан». Госпожа Бонтан рассказывала совершенно так же, как Котар, с тою лишь разницей, что имена господина и госпожи Бонтан упоминались между герцогиней Вандомской и принцем Агригентским с подчеркнутым удовлетворением.

Марсель Пруст. *Под сенью девушек в цвету*

После появления работы Н. Элиаса «Придворное общество»², посвященной, в частности, отношениям первенства – типу отношений между представителями элиты, которые не столь свойственны современности, как предшествующим периодам, возникла группа ученых, исследующих т.н. «театры первенства». Последние можно охарактеризовать как места и события формализации неравных отношений между теми, кто мог считаться равными по определенным основаниям: например, занимавшими одинаковые позиции во властных институтах или рядоположенные статусы персон в результате равнозначной суммы нескольких занимаемых каждым из них позиций. Большинство работ историков посвящены XVI–XVIII вв., когда процесс формализации достиг своей вершины, и в европейских языках появилось даже специальное слово для обозначения этого явления, как французское *préséance*³.

¹ This research was funded by the Power and Institutions in Medieval Islam and Christendom (PIMIC-ITN) Marie Curie Initial Training Network funded through the European Union Seventh Framework Programme (FP7/2007-2013) under grant agreement n°316 732.

² Elias 1969.

³ Французское слово *préséance*, эквивалент русского «первенства», в интересующем нас значении впервые употреблено в 1580 г. См.: Cosandey 2016. P. 12. До появления существительного, использовался глагол «*praeesse*», его употребление было довольно частотно в период второго Средневековья, но с основным значением “доминировать”. Несмотря на этимологическую общность суффикса, их корни различны. Отме-

Но, прежде чем сформировалось «придворное общество» с жестко фиксированными распорядками и правилами, долгие века выработывались те конкурирующие модели, в соответствии с которыми затем были фиксированы неравные отношения между «равными». Время выработки моделей, в частности, пришлось на XII–XVI вв. – период «второго Средневековья»⁴, который будет рассмотрен в данной статье.

Отношения первенства с трудом могут быть определены через термин «иерархия», если под ним подразумевать такой порядок, где вышестоящий элемент обладает характеристиками и возможностями к действию, которые отсутствуют у нижестоящих, и может определять действия нижестоящих⁵. Когда речь идет о первенстве, вышестоящие элементы находятся в отношениях *primo/secundo inter pares*, а не *primo/secundo supra pares*, о выстраивании порядка по почету, а не о порядке субординации⁶ (впрочем, субординация между теми, кто в определенный момент рассматриваются как равные, не исключается, но уже по иным основаниям)⁷. В «иерархиях равных» или «иерархиях почета» вопрос о первенстве решается не только по отношению к «первому» звену цепи, вопрос о том, кто «первее» значим для всех звеньев «цепи равных». Интерес в данном исследовании к порядку выстраивания всей цепи, а не к дистанции между первым и остальными звеньями, способствовал предпочтению термина «иерархии равных», а не «первенства».

Термин «иерархия равных», выбранный Н. Береловичем в качестве заголовка монографии⁸, а нами – для заголовка статьи, для Средневековья не является оксюмороном. Словосочетание прижилось во французской историографии благодаря авторитету Ж. Ле Гоффа, применившего его для характеристики отношений сеньора и вассала⁹. Термин отражает систему, где вертикальные и горизонтальные отношения мыслились как сосуществующие между одними и теми же элементами. Все вместе, а не

тим также, что слово *hierarchia* появилось около 800 г., но оно, как и глагол *praeesse*, не использовалось в Средние века для обозначения тех способов выстраивания отношений, которые рассматриваются в данной статье.

⁴ Термин «Второе Средневековье» используется во французской историографии (в частности Д. Ионья-Пратом) для обозначения определенного периода истории Средних веков, но еще не прижился в российской историографии.

⁵ О возможных дефинициях иерархий см.: Barberis 1990. P. 173.

⁶ Впрочем, два типа отношений не всегда строго отделяемы друг от друга, и понятие честь (*honor, dignitas*) содержит в себе и современное значение достоинства, вызывающего уважение, и достоинства, позволяющего преумножать власть ее носителя.

⁷ Для тех, кто де факто был «первым среди равных», появлялся дополнительный интерес в возможности вертикальной социальной мобильности. «Первый» имел больше шансов, чем другие члены группы, переместиться на более высокую ступень уже функциональной иерархии соподчинения, а не только в иерархии почета.

⁸ Berelowitch 2001.

⁹ «Иерархии равных» посвящена глава «Символический ритуал вассалитета» книги «Другое Средневековье».

противопоставленные друг другу, данные отношения необходимы были для поддержания порядка, который воспроизводил, по аналогии, «небесный порядок», и мыслился необходимым для высшей цели – спасения. Упорядочение отношений между равными стало частью программы по поддержанию всеобщего порядка, включавшего разные типы «иерархий». Между тем, термин может быть применен метафорически и в несколько ином, нежели у Ле Гоффа, значении: для обозначения различных элементов неравенства по почету между равными, как концепт близкий концепту «первенства» с небольшим, выше нами обозначенным различием, и именно в этом значении мы его используем.

Уже в раннее Средневековье появляются предписания, в каком порядке в отдельных случаях должны располагаться, сидеть, говорить все те, кто по формальному статусу находился в отношениях паритета¹⁰. Систематизация и формализация этих отношений на разных уровнях относятся, однако, в большей степени к периоду «второго Средневековья», когда изучаемый тип отношений занял свое место в ряду рефлексий о вертикальных отношениях и об отношениях паритета. Для обозначения общей тенденции этого периода мы прибегнем к следующему наблюдению. Сравнивая средневековые миниатюры, представляющие Вселенские или Провинциальные Соборы начиная с XI–XII и до XV–XVI вв., можно обнаружить одну резко изменившуюся деталь: вместо иногда представленных круглых столов, подчеркивавших равенство участников собора¹¹, на позднесредневековых миниатюрах мы находим сложные геометрические композиции из прямоугольных столов, где место каждого участника долго просчитывалось. Система подсчетов учитывала к этому времени три направления: ближе-дальше от центра, направо-налево от центра, верх-низ¹², а центр в виде папы Римского, короля, архиепископа, тех/того, кто стоял во главе ассамблеи, был одной точкой, вокруг которой выстраивалась вся система. Такое изменение от простого к сложному (от круглого стола к 3D расположению участников) было результатом и одновременно конституирующим элементом центральных процессов «второго Средневековья»: иерархизации и дифференциации отношений внутри элит как на уровне всего «христианского мира», так и на уровне отдельных его территорий. С ростом коли-

¹⁰ Нередко в монастырских уставах мы встречаем регламентацию того, кто в тот или иной момент обладает первенством.

¹¹ Сохранились свидетельства, что форма раскладки вокруг «круглого стола» была присуща Собору в Реймсе 1049 г. или Собору в Майнце 1184 г.

¹² О зигзагообразной линии, которую формируют архиепископы, а также епископы как линию почета, см.: Helmuth 2001. P. 150. Выделение трех пространственных параметров см. также: Heimpel 1994. P. 1-9. К XVII в. в иерархию выстраиваются даже сами направления: «право-лево» всегда вторичны, а «вниз-вверх» и «ближе-дальше» могут быть важнее в различных ситуациях: например, в ситуации присутствия или отсутствия короля во время ассамблеи. – Cosandey 2016. P. 12.

чества епархий и городов, характерным для периода «второго Средневековья», данные процессы лишь усиливались. Уже к XIII в. невозможность рассматривать как равных 700 носителей позиции «епископ»¹³ или большее число городов, даже сохранить равенство между десятками королей европейского региона, в общем, неприемлемость изначальной «апостольской модели» к такому количеству позиций/тех, кто занимал одинаковые позиции, привело к тому, что неравенство «среди равных» было формализовано. Парафразируя Джорджа Оруэлла, на обширных территориях западного христианства мы наблюдаем четко функционирующий принцип «все епископы/короли равны, но есть равнее равных».

От хроник до официальных распоряжений мы находим длинные листы перечислений «равных»: участников ассамблей, свидетелей, адресатов и адресантов. Приведем лишь одно из (десятков) тысяч средневековых перечислений: «Ad nostram siquidem audientiam conquerentibus nobis venerabilibus fratribus nostris... Suessionensi,.. Laudunensi,.. Cameraensi,.. Tornacensi,.. Cathalaunensi,.. Noviomensi,.. Ambianensi,.. Morinensi,.. Atrebatensi et... Silvanectensi episcopis noveris pervenisse...»¹⁴. На основе перечислений, с одной стороны, участников ассамблей, с другой, свидетелей документов, адресатов и адресантов, чьи имена расположены то линейно в одну строчку, то в столбец/столбцы, была произведена данная работа. Несмотря на то, что перечисления епископов, аббатов, иногда королей, нам часто кажутся беспорядочными и не менее часто постоянно меняющимися, выстроив данные по многочисленным документам, можно увидеть, что за каждым перечислением стоял один из принципов ранжирования позиций. И даже в тех случаях, когда наблюдается хорошо организованный хаос в перетасовке позиций, за ним, гипотетически, стоит определенная логика или система логик.

Общие принципы построения иерархий равных

К началу исследуемого периода ключевые принципы, выведенные нами на основе документов обширного европейского региона (список не претендует на полноту и должен быть дополнен) таковы:

1. Принцип «первый пришел, первый сел, первый высказал свое мнение», распространенный принцип для выстраивания каждый раз заново отношений между равными, он был наиболее нейтральным, когда выстраивание равных в алфавитном порядке еще не практиковалось (алфавитный порядок не использовался для конструкции такого типа иерархии вплоть до XVI в.)¹⁵. Этот принцип мы находим уже в Бенедиктинском правиле VI в. в главе 63: «Да сохраняют все свои места в мона-

¹³ О развитии структуры европейских епархий см. Delivré 2010.

¹⁴ Reg. Vat. 21, n° 266, fol. 251.

¹⁵ Сохранилось только два документа из папской курии для 15 в., которые используют алфавитный порядок для ранжирования равных. – Daly 1967. P. 80.

стыре по времени вхождения в него, в соответствии с заслугами их жизни и в зависимости от решения аббата... тот, кто пришел в монастырь во второй час дня, вне зависимости от его возраста и достоинства, должен быть «младше», нежели тот, кто пришел в первый час дня»¹⁶.

2. «Принцип старшинства»: больше почета достается тому, кто получил свою позицию первым¹⁷. Этот принцип мы встречаем, например, в декрете Грациана (1140-х гг.)¹⁸ В нем присутствует элемент неравенства, по сравнению с первым принципом. Также в отличие от первого принципа, ситуационно обусловленного, второй имеет большую временную весомость: изменение порядка при использовании этого принципа предусматривается в случае смерти или смены позиции ее носителя, к тому же затрагивает лишь одно звено в нередко длинной цепи.

3. Носители одинаковой позиции перечисляются в соответствии со временем основания их (архи)епархии или того института, внутри которого они имеют власть. Так, в XIII в. на папских застольях епископы и кардиналы садились в соответствии с первенством и древностью их церквей, а не в соответствии со временем их назначения на позиции¹⁹.

4. Перечисление носителей одинаковой позиции происходит в соответствии с арифметической суммой тех характеристик, которые приписываются территории, которую представляют те, между кем должна быть выстроена иерархия равных. Здесь важны многие критерии, которые могли повлиять на место в иерархии, основанной на данном принципе: дата основания, количество реликвий святых, предшествующие достижения территории (военные, дипломатические), для королевств и городов – качество почв, достижения членов институтов власти и т.д. Между тем, в случаях, когда данный принцип является доминирующим на определенной территории, документы воспроизводят практически одни и те же списки (с небольшими изменениями время от времени).

5. Перечисление «равных» происходит в соответствии с местом человека в иерархии, приписываемого ему в зависимости от присутствия/отсутствия других лиц в результате суммирования всех значимых его позиций и значимых достижений. В данном случае тот факт, что какой-либо прелат одновременно является канцлером короля, может привести к тому, что он будет упоминаться перед носителями его же

¹⁶ «Ordines suos in monasterio ita conservent ut conversationis tempus ut vitae meritum discernit utque abbasconstituerit» // Sancti Benedicti Regula. .

¹⁷ Такова же логика принципа первородства: корону получает первым старший сын, первый из появившихся и первым занявший позицию наследника фактом своего рождения.

¹⁸ «Episcopus secundum ordinationis suae tempus sive ad considendum in consilio, sive ad subscribendum vel in qualibet alia re, sua attendere loca decernimus et suorum sibi praerogativam ordinum vindicare». D. 17 c. 6. Decretum magistri Gratiani 1959.

¹⁹ О таком принципе посадки за папским столом см.: Paravici Bagliani 1995. P. 218.

позиции, даже если последние являются прелатами более «значимой» территории. В отличие от 4-го принципа, территориальность в рамках этого принципа вторична, первична сумма позиций и достижений того, кому определяется место в иерархии.

Существовая в разных пропорциях в период «второго Средневековья», эти пять принципов построения «иерархий равных» появились в разное время. Последние два принципа набирают силу к концу Средних веков, с ростом числа ситуаций совместного принятия решений «равными» и количества одновременно присутствующих равных, а также резким увеличением количества властных позиций и дроблением территорий, а также увеличением количества позиций, которые могли быть сосредоточены в одних руках. Первые три принципа, в отличие от двух последних, основывались лишь на одном критерии. Последние два основаны на нескольких критериях, сумма которых давала финальный результат в виде определенного порядка носителей позиций или порядка представителей территорий. В целом, мы наблюдаем появление поли-иерархий вместо простых иерархий, и не только на уровне функциональных иерархий²⁰, но также и на уровне «иерархий равных». Общей тенденцией Позднего Средневековья можно назвать рост числа критериев «достоинства» персоны и критериев, которые позволяли судить о месте той или иной территории в иерархии территорий. При этом, в отличие от 3-х первых и более древних принципов, более поздние 4-й и 5-й принципы могли сосуществовать внутри одной властной ситуации: очевидно, что на больших ассамблеях «второго Средневековья» было необходимо рассаживать участников как в соответствии с их территорией, так и в зависимости от их «личного» статуса. Следует отметить, что выстраивание иерархии в соответствии с представительством определенной территории, а не только в соответствии с суммой статусов носителей той или иной статусной и/или властной позиции, было крайне выгодно самим носителям позиций: статус территории был более стабилен, нежели статус персон. Также фиксация общей иерархии территорий создавала ту общую сетку, где позиция каждого носителя любой из позиций христианского мира была более или менее определена, т.е. снималась необходимость всякий раз производить суммирование статусов, за исключением тех моментов, когда речь шла о перераспределении мест, а не о воспроизведении порядка.

При построении нового типа иерархии, особенно в момент, когда фиксируются общие правила, важно, какую роль отводит себе «центр», и то, в какой степени построение регулируется сверху и/или снизу. Когда речь шла об иерархиях функциональных, т.е. об иерархиях соподчи-

²⁰ О функционировании поли-иерархий (соединения нескольких иерархий, основанных на конкурирующих и одинаково ценимых принципах) см.: Bourgeau 1993. P. 38.

нения (например, архиепископы в отношении к епископам), папы римские и короли играли роль жестких контролеров и организаторов процесса. Но в регуляции отношений внутри «иерархий равных» римские папы и короли вмешивались в дела при поступлении просьбы о помощи в решении неоднозначной ситуации. Можно предположить, что в построении различных типов иерархий папами или королями проявляется принцип чередования жесткости контроля (на уровне выстраивания отношений между различными позициями) и мягкости (на уровне отношений между занимающими одинаковую позицию). Пластичность всей системы в целом задавалась подобными чередованиями. Что касается пластичности самих иерархий, то изначально более пластичные иерархии в процессе фиксации обретали все более жесткие формы.

Grosso modo, местным прелатам, городам и нижестоящим позициям на отдельных территориях было предоставлено право самим выбирать, каким образом выстраивать свои иерархии равных²¹. При этом перечисленные выше общие модели построения были известны во всем христианском мире, и из этих моделей элиты каждой территории выбирали то, что им больше подходило в момент выбора. Вследствие этого мы наблюдаем различие принципов построения иерархий, которым отдавали предпочтение местные элиты и которые использовались на различных территориях христианского мира (эта автономия относится и к случаям, когда речь идет о представителях территорий на значимых для всего западно-христианского мира ассамблеях).

«Неравное развитие» различных территорий региона

Поскольку не было контроля и четкого предписания о принципах построения иерархий сверху, т.е. со стороны Святого Престола, переход к системе поли-иерархий на территории Европы происходил разными путями и не был синхронным. Различия между территориями мы рассмотрим в основном на уровне иерархий епископов, но результаты могут быть экстраполированы и периодически экстраполируются нами на прочие группы (в т.ч. подконтрольные королю), внутри которых зачастую по проверенным церковным моделям выстраивались «иерархии равных» (речь идет о заимствовании моделей, а не конкретных последовательностях). Модели распространялись не только «горизонтально» – между церковными и светскими группами, но и «вертикально» – сверху вниз²², но необходимость «иерархий равных» в нижних слоях обществ

²¹ Во время Соборов под руководством пап происходило всеобщее интегрирование в гетерогенное целое в соответствии с принадлежностью к *nationes* и отдельным территориям в Позднее Средневековье.

²² Данный вывод, в частности, подтверждает следующее наблюдение. Сначала на 4 Латеранском соборе была утверждена иерархия «равных» для патриархов – высшего уровня христианского мира. На следующих Вселенских соборах (в Лионе) решения были вынесены уже для более низко расположенных рангов. С XIV в. уже весь хри-

была меньше. Фокус здесь мы делаем на XIII в., когда в большинстве исследуемых территорий происходит актуализация вопроса о том, как выстраивать иерархии равных, и когда выбираются те принципы, а иногда и конкретные последовательности, которые будут затем служить основой будущих иерархий и прецедентами на будущее соответственно.

С точки зрения возможной базовой классификации территорий, отметим, что, во-первых, существовали территории с древними списками епархий, которые предопределяли нередко и иерархию глав этих епархий. По крайней мере, у глав епархий этих территорий было солидное основание для выстраивания иерархии определенным образом. К таким, например, относились французские территории, Ирландия, Иберийские территории, в целом многие из территорий зоны «ядра»²³. Во-вторых, большая часть стран поздней христианизации таких списков не имела (территории Севера и Востока Европы, среди которых Польша, Венгрия, Скандинавские страны). Возможно, поэтому в странах «кольца» еще в XIII–XIV вв. наблюдаются свои специфические процессы.

В странах «ядра» в исследуемый период в основе иерархий прелатов лежал 4-й, т.е. территориальный, принцип. К началу «второго Средневековья» прелаты боролись за лучшее место внутри иерархии для своих территорий не только на уровне королевств, но и выходили на уровень Вселенских Соборов уже в XII – начале XIII в. (хорошо известный пример – борьба Родриго Хименеса де Рада за приматию Толедо на 4 Латеранском Соборе 1215 г.). Внутри каждой из приматий, архиепархий, от случая к случаю – королевств, при выстраивании отношений между епископами, внутри повторяемых из документа в документ перечислений, мы наблюдаем появление отдельных групп, внутри которых шла борьба за первенство. Сами эти группы имели фиксированное место внутри общей иерархии групп соответствующей территории. Как правило, группы, внутри которых наличествовала ситуация временного

стианский мир строит «иерархии почета» среди равных, занимавших различные позиции: при королевских дворах между городами королевства, даже между университетами и внутри университетов. Например, университет Тулузы начиная с XIV в. имел специальные списки его членов для того, чтобы избежать конфликтов за первенство. Подробнее об университетских списках: Verger 2001. P. 295.

²³ Деление на «ядро» и «кольцо» предложил Ж. Морсель (Morsel 2004. P. 266–268). В «кольцо» попадают страны поздней христианизации, в т.ч. Иберийский полуостров, отвоеванный в результате Реконквисты, Южная Италия, Сицилия, Скандинавия, Центральная Европа. Тем не менее, Иберийский полуостров, попадая по многим характеристикам в «кольцо, в случае с моделями построения «иерархий равных» должен быть причислен к «ядру». Терминология «ядро» и «кольцо» нами была выбрана и с той целью, чтобы оставить термин «центр» для тех случаев, когда речь идет о тех, кто принимал решения по конкретным вопросам и регулировал конфликты. Под «центром» мы в данной работе не подразумеваем территории, которые обозначены как «ядро», в их противопоставлении «перифериям».

паритета и внутри которых выстраивались отношения первенства по почету, состояли из двух-трех (иногда более) прелатов, но не включали одновременно всех носителей одинаковой позиции на данной территории (их могли насчитываться десятки). Эти группы из двух-трех прелатов, в свою очередь, занимали определенное место в общей иерархии почета данной территории, внутри которой место групп было стабильно. Для иллюстрации данной модели приведем два примера. В первой таблице представлен порядок архиепископов, а затем епископов на разных сессиях Вормского собора 1231 г.²⁴ в порядке их рассадки. В ней представлены: архиепископы – 1. Майнц; 2. Кёльн; 3. Трир; 4. Магдебург; епископы – 5. Регенсбург; 6. Вюрцбург; 7. Вормс; 8. Страсбург; 9. Шпейер; 10. Кур; 11. Аугсбург; 12. Лозанна. Номер соответствует тому, на каком месте упомянут епископ в документах Собора.

I	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
II	3	2	1	4	6	8	7	5	9	11	10	12
III	1	3	4	2	6	7	8	9	11	10		
IV	1	4	3	6	5	7	10					
V	1	3	4	7	6	10	11					

Возьмем пример из Кастилии для того же века: в конце документов периода правления короля Фернандо III²⁵ находятся длинные списки лиц, подтверждавших документ в различных okazиях. Для 1217–1218 гг. таблица упомянутых в определенном порядке епископов выглядит так:

№ грамоты	Burgensis	Palentinus	Oxomensis	Segontinus	Secobindis	Conchensis	Abulensis	Placentinus
№ 2	1	2	3	4	5	6	7	8
№ 4	1	2	4	3	5	7	6	
№ 6	2	1	4	3		5	6	7
№ 7	1	2	4	3	6	5	7	8
№ 8	2	1	3	4	7	5	6	8
№ 10	1	2	6	3	4	8	5	7
№ 13	1	2	3	4	5	6	7	8
№ 14	1	2	4	3		5	6	7

Итак, 1-е епископы чередуются со 2-ми и иногда с 3-ми, а 6-е, 7-е, 8-е – между собой, но 8-е не чередуются с 1-ми и 2-ми, хотя формально они все являются носителями позиции «епископ». Такие же принципы группирования «равных» в неравные между собой группы равных мы на-

²⁴ Данный собор, как и многие другие, описан в кн.: Ficker 1984. См.: P. 158-164.

²⁵ Gonzales 1983.

блюдаем и на более высоком уровне Вселенских Соборов, особенно к концу Средневековья, хотя принцип уже зафиксирован в начале XIII в. Так, в XV в. Англия боролась за почетное первенство с Францией и Кастилией, в то время как признающие «первенство» этих трех королевств Бургундия и Савойя выясняли отношения «первенства» между собой. Конфликты между менее крупными игроками появились позднее, чем конфликты крупных игроков. Следует отметить, что большую часть времени «равенство» внутри групп принималось как статус-кво, а желание выстроить иерархию внутри группы из двух-трех участников проявлялось в основном во время значимых событий (которые и были идеальным временем для пересмотра статус-кво).

Возможность выделения внутри линии равных нескольких групп неравных приводит к более общему вопросу о средневековых способах группирования разных элементов. Возможно, линейность была несвойственна не только властной вертикали (вертикаль субординации можно представить, скорее, как серию последовательных включений одного уровня в другой, а не воображаемую обычно лестницу не интегрированных друг в друга элементов), но она не была свойственна и горизонтальным отношениям. Группирование в относительно менее связанные друг с другом группы из двух-трех элементов, свойственное средневековому мышлению (проявляется вплоть до семантики и до группирования категорий), также ставит вопрос о критериях равенства. Представляется, что центр тяжести этого равенства покоился внутри самих групп в большей степени, чем он определялся лишь по отношению к стоящему выше в иерархии. Это простое средневековое правило было несколько усложнено для «иерархий равных». Речь не шла о равенстве внутри одного большого коллектива лишь по отношению к вышестоящему, хотя вышестоящие часто подчеркивали именно идею равенства нижестоящих между собой. Речь шла об относительном неравенстве тех групп, которые по отношению к вышестоящему были равны в иерархии соподчинения, но которые признавали неравенство малых групп по отношению друг к другу в соответствии с критерием «почета», и периодически, особенно ближе к периоду «придворного общества», могли отрицать равенство и внутри малых групп. Выявляемое деление на группы из двух-трех элементов и их связь напрямую с «центром» (порой через «промежуточные звенья», которые сложно было бы игнорировать, если бы речь шла об иерархии юрисдикций и иерархии соподчинения) позволяют говорить о том, что существовала одна глобальная иерархия, внутри которой выявляются разные способы связи элементов, в ней сосуществуют «прямые» и «опосредованные» связи с «центром». В случае с «иерархией равных» они были «прямые», например, отношения первенства между епископами могли регулироваться при необходимости папой римским (и/или королем) без вмешательства архиепископов.

Отметим и еще одну особенность, характерную для территорий «ядра»: иерархия «равных», выстраиваемая прелатами, не была замкнутой на самой себе и могла быть подвержена влияниям со стороны других иерархий. Так, во Франции и в Англии уже в XIII в. иерархия епископов при выполнении ими определенных функций при короле, полностью могла выстраиваться исходя из их роли при дворе в королевской иерархии, а не исходя из того, каково было первенство епископов, принятое в среде епископов²⁶. При этом право королей выносить решения насчет иерархии почета между прелатами в «центре» не оспаривалось представителями церкви уже с XIV в.²⁷

В то же время, демонстрирующее сходство во многих других процессах «кольцо», в процессах формирования интересующих нас иерархий не отличалось однородностью, притом, что структура архиепархий «кольца» была сходной: один архиепископ и около десятка подчиненных ему епископов. Из общих тенденций можно отметить, что переход от простого к сложному, от равенства к неравенству, от иерархий к поли-иерархиям, происходил на этих территориях медленнее: если в странах «ядра» в XIII в. уже господствовали поли-иерархии, то в «кольце» еще встречались иерархии среди равных, где в основе порядка лежал лишь один критерий, подчеркивавший, скорее, равенство. В документах XIII в. нередко встречаются примеры выстраивания епископов в порядке старшинства. Между тем, даже для одного Скандинавского региона полученные данные неоднородны. Так, на территории архиепископства Нидароса (Трондхейм, Норвегия) во всех документах внутренней циркуляции, а также в сагах XIII в. принцип старшинства был центральным (при отдельно существующей иерархии епархий, не влияющей на порядок перечисления епископов). Швеция и Дания показывают в основном иные модели. Из собранных в шведском дипломатии грамот, мы видим, что принцип старшинства там не учитывался епископами²⁸. Осно-

²⁶ Репрезентативный пример находим в статье Ф. Контамина, где приведен отрывок из Хроники Матвея Парижского: под подзаголовком «Двенадцать пэров Франции» значатся для 1257 г. Архиепископ Реймский..., архиепископ Нуайона, пфальцграф, епископ Бовэ, пфальцграф, епископ Шалона, епископ Лангра «с репутацией как достойного, так и бедного», епископ Лаона, герцог и граф. (Contamine 2001. P. 54). Таким образом, в тексте епископы представлены в «королевском порядке» (в других актах их порядок иной!) в соответствии с их ролью пэров.

²⁷ См., напр.: Hébert 2009. P. 144-147.

²⁸ Приведем два примера из шведских документов с относительно длинным перечнем епископов. Письмо 1288 г. № 975 после имени архиепископа Уппсалы содержит имена епископа Линчепинга (с 1258 г.), епископа Стренгнеса (1275), епископа Скары (1267), епископа Вестероса (1284) и т.д. – Svenskt diplomatarium 1829. V. 2. P. 60. Документ 1298 г. № 1244 сначала упоминает епископа Скары (с 1267), затем Линчепинга (1292), Стренгнеса (1292), затем упоминается епископ датского Орхуса (1284), затем епископ шведского Векшё (1294), затем епископ Турку (1291). – Ibid. P. 270.

вание древности епархии также не было структурирующим. Здесь порядок перечисления епископов определялся значимостью епархии. В грамотах XIII в. чаще других назывался первым епископ Линчёпинга, затем епископ Стренгнеса, затем епископ Скары, затем Або и Векшё. В редких случаях первые три епископа могли меняться местами друг с другом (сходно с тенденцией, наблюдаемой в группе «ядра»). В датских землях обнаруживаем иной расклад. Здесь, в отличие от Норвегии и Швеции, порядок перечисления епископов зависел не только от их позиции внутри одной церковной иерархии, но определялся и их местом в других иерархиях (что также сходно с некоторыми тенденциями, наблюдаемыми в «ядре»). Сначала, в XIII в., обнаруживаем одного/двух епископов, которые перемещаются вверх по иерархии почета благодаря его/их месту в другой иерархии (часто епископ Роскилле, но не всегда)²⁹, даже когда в остальных позициях иерархия почета воспроизводит, например, порядок старшинства. Высокая позиция в управленческих институтах страны оказывается достаточным основанием, чтобы король и местные прелаты признали необходимость небольшого изменения в иерархии почета представителей местной церковной элиты. Порой перемещение вверх в иерархии почета указывало на желание прелата поменять статус территории с епископства на архиепископство. В ряде венгерских королевских грамот наблюдаем ту же тенденцию перемещения вниз/вверх одного епископа при стабильности остального порядка³⁰, однако в части грамот встречаем четко выстроенных согласно принципу старшинства епископов (в некоторых венгерских грамотах используется принцип, который нам остался непонятен). И в польских документах нередко, даже при выстраивании иерархии по старшинству, тот или иной епископ перемещается на более почетное место в начало списка³¹.

²⁹ При этом очень важно уточнение *cancellarius regis*, присутствующее в документах, не только потому, что это позиция, занимаемая епископом, но и как принцип, объясняющий, почему этот епископ получил и более высокое место в иерархии почета.

³⁰ Возьмем три примера из венгерского дипломатария (все три документа королевские и датированы 1271 г.). Порядок епископов в первом документе: Philippo Strigoniensi, Stephano Colocensi (канцлер), Ioahanne Spalatensi (архиепископы), Lamperto Agriensi, Briccio Chanadiensi, Iob Quinqueecclesiensi, Philippo Vacienti (канцлер королевы), Paulo Wesprimiensi, Timotheo Zagradiensi etc. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Vol. 5, 1. P. 138. Во втором документе: Philippo Strigoniensi, Stephano Colocensi (канцлер), Ioahanne Spalatensi (архиепископы), Lamperto Agriensi, Iob Quinqueecclesiensi, Philippo Vacienti, Paulo Wesprimiensi, Briccio Chanadiensi, Lodomerio Waradiensi, Dyonisio Iauriensi etc. – Ibid. P. 151. В третьем документе: Philippo Strigoniensi, Stephano Colocensi (канцлер), Ioahanne Spalatensi (архиепископы), Lamperto Agriensi, Iob Quinqueecclesiensi, Briccio Chanadiensi, Philippo Vacienti, Paulo Wesprimiensi, Timotheo Zagradiensi. – Ibid. P. 249.

³¹ В документе 1248 г. (синод во Вроцлаве) перечисляются вслед за архиепископом епископ Вроцлава, рукоположенный в 1232 г., а уже следом за ним епископ Влоцлавека (1215/1222), затем епископ Кракова Прандота (1242), затем епископ Познани

Выделение из общего ряда одного епископа и подчеркивание его первенства и/или его прав на первенство среди относительно равных может, таким образом, считаться одной из характерных черт большинства территорий «кольца» (исключение в XIII в.: архиепархия Нидароса). Причины же такого выделения гипотетически ситуационно разные: принимаемые коллегами претензии епископа на первенство, место проведения ассамблей или собора, должность (-и) на королевской службе, дающая право на первенство. В целом, какой бы принцип построения порядка носителей одинаковых позиций ни наблюдался, очевидно, что с XIII в. и в «кольце» уже начался процесс усложнения иерархий равных.

Отметим, что, приняв право местных элит на установление иерархий почета между ними, папы сами не всегда соблюдали иерархии, установленные местными прелатами в корреспонденции с ними. Особенно это касалось принципов иерархий, установленных на территориях «кольца»³². В целом, соблюдая порядок обращения к значимым прелатам «ядра», «центр» в лице пап, обращаясь к прелатам периферий и/или носителям более низких, нежели епископы, позиций «ядра», часто перечислял прелатов в случайном порядке, но так, чтобы порядок все время менялся. Гипотетически, понтифики скорее подчеркивали равенство (игнорировали растущее неравенство) между держателями одинаковых позиций, в противоположность местным элитам, которые на большинстве территорий христианского (католического) мира стремились подчеркнуть неравенство и потому являлись инициаторами конфликтов разного рода. В качестве арбитров в тех случаях, когда конфликт уже не мог быть решен на локальном уровне, выступали папы и короли³³. Чтобы решить все чаще возникающие конфликты у «центра» уже были в наличии готовые модели (те самые, базовые для раннего Средневековья модели выстраивания первенства), но они служили, особенно к концу «второго Средневековья», лишь частными решениями для выстраивания отношений внутри групп из двух-трех держателей позиций/самих позиций, о возникновении которых мы писали ранее. При этом узко локализованный конфликт не нарушал общего единства, а уточнение мест

(1242), затем Плоцка (1245) и т.д. *Monumenta medii aevi historica...* P. 14. Предположим, что место епископа Вроцлава могло быть обусловлено тем, что синод проводился в его городе. В некоторых документах того же времени мы застаем епископа Прандоту на более почетных местах списка, чем он получил бы в соответствии с нейтральным принципом старшинства равных.

³² Проще всего это проследить по корреспонденции с норвежскими прелатами, выстраивавшими свои списки в соответствии с принципом старшинства, но регулярно получавшими документы, где их порядок не соблюдался римскими папами.

³³ Отметим, что с учетом особенностей средневековой иерархии подчинения внутри института церкви конфликты между епископами, регулируемые папами, могли быть частью истории соперничества архиепископов и епископов, а также частью игры пап на усиление/ослабление власти архиепископов и примасов.

в общей иерархии представлялось и/или воспринималось участниками конфликта как воспроизведение и установление порядка.

Мы предлагаем несколько гипотез относительно «иерархий равных» или «иерархий почета», т.е. относительно формализации неравенства среди тех, кто по тем или иным критериям мог считаться равным.

1. Средневековая система отношений не была «жесткой» на всех ее уровнях, в целях самосохранения и саморазвития во многих звеньях ей была свойственна пластичность. В период «второго Средневековья» «иерархия равных», при жесткости других иерархий (иерархии соподчинения, иерархии юрисдикций), не была жесткофиксированной, а ее построение «на местах» не столь твердо контролировалось «центром».

2. Этот тип иерархии, как и прочие, строится сверху вниз, т.е. «принципы», которые апробирует и адаптирует верхушка функциональной иерархии, выстраивая отношения между собой, затем распространяются в уже более фиксированном виде на нижестоящие звенья.

3. Эта иерархия, изначально сосуществующая с иерархией соподчинения и иерархией юрисдикций, но независимая от них, затем в некоторых своих звеньях начинает выстраиваться в зависимости от распределения мест в других иерархиях. Но, как правило, такая зависимость проявляется не на уровне всей группы равных в каждом конкретном случае, а на уровне «локальных» групп из двух-трех звеньев в «ядре» и на уровне одного звена на территориях «кольца». Подчеркнем, однако, равенство/неравенство в одной иерархии не полностью отрицало возможное неравенство/равенство субъектов в другой иерархии. Так, если епископы оставались равны папе римскому «по рукоположению», они ему были явно неравны в юрисдикции, как, например, в соответствии с некоторыми теориями, и апостол Петр в отношении других апостолов.

4. Этот тип иерархий, который сначала затрагивал носителей одной позиции и был призван подчеркивать их равенство через «нейтральные» принципы установления первенства, затем начал объединять и носителей различных позиций. Они в определенных ситуациях должны были совместно определять отношения первенства между собой, а в иных ситуациях и договариваться о временном признании равенства, причем необходимость выстраивания отношений равенства и отношений первенства появлялась всегда в ситуациях совместного действия.

5. Второе Средневековье предполагало много принципов и оснований, на которых могли быть основаны иерархии в каждой конкретной ситуации; эти принципы сосуществовали и представляли собой альтернативные модели выстраивания отношений, каждая из которых теоретически могла быть выбрана участниками конкретной ситуации.

6. Как правило, не было четкой и унифицированной команды из «центра» (от папы, от примасов, от королей каждой из территорий) о том, как выстраивать описываемые отношения. Но формировались об-

щие модели, информация о которых циркулировала на всем пространстве западноевропейского мира. Общий процесс перехода от иерархий по одному принципу к поли-иерархиям застал сообщества на разных этапах структурирования отношений между элитами, поэтому изначально наблюдаются различия в построении различных типов «иерархий равных» в разных регионах Европы.

7. Внимание, с которым относились в Средние века к выстраиванию отношений между «неравными равными», позволяет говорить о том, что «иерархии равных» воспринимались как одно из структурирующих отношений в воспроизведении и поддержании единства мира, всего глобального позднесредневекового *ordo*, создаваемого и при помощи других «иерархий». Формализованные отношения первенства не являются «иерархией» в ее самой распространенной в научной литературе дефиниции, с которой мы начали данную работу, но на них могут быть экстраполированы большинство характеристик модели «иерархии», предложенной Луи Дюмоном³⁴. Возможно, прочтение заново работ французского социолога позволит когда-нибудь произвести «пересборку» моделей средневековых иерархий. Пока же ограничимся замечанием, применимым к любой из моделей иерархии, приведя высказывание Оноре де Бальзака: «Возможно, равенство – это право, но никакая сила на земле не сделает его фактом».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Barberis M. La storia delle dottrine politiche: uno discorso sul metodo // *Materiali per una Storia della Cultura Giuridica*. 20/1. 1990.
- Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, xve–xviie siècles. Paris: Seuil, 2001.
- Bourreau A. Hypothèses sur l'émergence lexicale et théorique de la catégorie de séculier au XIIe siècle // *Le clerc séculier au Moyen Age*. XXIIe Congrès de la S.H.M.E.S. (Amiens, juin 1991). P.: Publ. de la Sorbonne. Série Histoire ancienne et médiévale, 27, 1993. P. 35-43.
- Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, ed. Fejer G., T. V, 1. Budae: Typogr. Regiae Universitatis Ungaricae, 1829.
- Conciliorum Oecumenicorum Decreta, curantibus J. Alberigo, J.A. Dossetti, P.P. Joannou, C. Leonardi, P. Prodi, consultante H. Jedin. Bologne: Instituto per le scienze religiose, 1973.
- Cosandey F. Le rang. Préséances et hiérarchies dans la France d'Ancien Régime. P.: Galimard, 2016.
- Contamine P. Essai sur la place des «XII pairs» dans l'«ordo» de la royauté française à la fin du Moyen Age // *Hiérarchies et services au Moyen Âge*, ed. Carocci C. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2001. P. 51-70.
- Daly L.W. Contributions to a history of alphabetization in Antiquity and the Middle Ages. Bruxelles: Latomus, 1967.
- Decretum magistri Gratiani. Corpus Iuris Canonici. P. 1 / E. Friedberg. Leipzig, 1879; Graz, 1959.
- Delivré F. Provinces et diocèses de l'Occident latin // *Structures et dynamiques religieuses dans les sociétés de l'Occident latin (1179–1449)* / Ed. Cevins M.-M. de, Matz J.-M. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2010. P. 65-76.
- Delivré F. The Foundations of Primatial Claims in the Western Church (Eleventh–Thirteenth Centuries) // *The Journal of Ecclesiastical History*. 2008. Vol. 59. Issue 3. P. 383–406.

³⁴ Dumont 1967.

- Descola Ph. Par-delà nature et culture. Paris :Gallimard, 2005.
- Diplomatartium Danicum. URL: <http://diplomatarium.dk/>
- Diplomatarium Norvegicum. URL: http://www.dokpro.uio.no/dipl_norv/diplom_field_eng.html
- Dumont L. Homo hierarchicus. Essai sur le système des castes. Paris: Gallimard, 1967.
- Gonzales J. Reinado y diplomas de Fernando III. Cordova: Confederación Española de Cajas de Ahorros, 1983. V. 1.
- Hébert M. L'ordre des discours : les conflits de préséance dans les assemblées parlementaires de la fin du Moyen Âge. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 153e année, № 1, 2009.P. 125-151.
- Heimpel H. Sitzordnung und Rangstreit auf dem Basler Konzil. Skizze eines Themas // Studien zum 15. Jahrhundert. Festschrift für Erich Meuthen, J. Helmuth et H. Müller (dir.). Munich: R. OldenbourgVerlag, 1994. V. I. P. 1-9.
- Helmuth J. Rangstreite auf Generalkonzilien des 15. Jahrhunderts als Verfahren // Vormoderne politische Verfahren / Ed. B. Stollberg-Rilinger. ZHF B. 25). Berlin: Duncker& Humblot, 2001. P. 139-174.
- Le Goff J. Pour un autre Moyen Âge: temps, travail et culture en Occident. P.: Gallimard, 1977.
- Miller M. C. Participation at the Council of Pavia-Sienna 1423-1424 // Archivum Historiae Pontificiae (AHP), 1984, № 22. P. 389-406.
- Monumenta medii aevi historica res gestas poloniae illustrantia. Tomus IX. Codicis diplomatici poloniae minoris. Partem secundam. 1153-1333. Cracoviae, 1886.
- Morsel J. L'aristocratie médiévale, Ve-XVe siècles. Paris : Armand Colin, 2004.
- Müller H. Théâtre de la préséance. Les ducs de Bourgogne face aux grandes assemblées dans le Saint-Empire.Ostfildern : Thorbecke, 2007.
- Müller H. Siège, rang et honneur: la querelle de préséance entre la Bretagne et la Bourgogne au concile de Bâle (1434) // Le prince, l'argent, les hommes au Moyen Age. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2008. P. 195-205.
- Elias N. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 1969.
- Paravici Bagliani A. La cour des papes au XIIIe siècle. Paris: Hachette, 1995.
- Sancti Benedicti Regula. URL: http://www.intratext.com/IXT/LAT0011/_P1S.HTM
- Stollberg-Rilinger B. Les vieux habits de l'empereur / Une histoire culturelle des institutions du Saint-Empire à l'époque moderne. P.: Éd. de la Maison des sciences de l'homme, 2013.
- Svenskt diplomatarium / Ed. Liljegen Johan Gustaf. Stockholm: Tryckt hos Norstedt, 1829. V. II. Ut per litteras apostolicas...: Lettres pontificales. URL: <http://www.brepols.net/Pages/BrowseBySeries.aspx?TreeSeries=LITPA>

Шеллина Евгения Александровна, аспирантка, кафедра истории Средних веков, Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна; jshelina@gmail.com

Certain Ways to Construct the “Hierarchies among the Equals” during the Second Middle Ages

This article is focused on the continuing formalization of relations of pre-eminence during the Second Middle Ages (12th–16th cc.). At that time, the holders of the same power positions, which in Christendom had been considered equal for centuries, began to actively construct and formalize relations of inequality among themselves. Firstly, the study inquiries into the main principles of ordering people that underlined either equality or inequality. Secondly, we examine certain regional specificities of constructing the orders of pre-eminence.

Keywords: preeminence, hierarchy, “Second Middle Ages”, comparative studies, the territories of the “core”, the territories of the “circle”

Evgeniya Shelina, PhD student, University Paris-1 Panthéon-Sorbonne, Lamop; jshelina@gmail.com

А. А. ДАВИДЕНКО

ПОНЯТИЕ «ДЖЕНТЛЬМЕН» В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ БРИТАНЦЕВ XIX ВЕКА

В статье анализируется контекст использования понятия *джентльмен* в XIX в. на материале британской периодики, публицистики и художественной литературы. Показано, что в викторианскую эпоху в содержании понятия происходят значительные перемены, в основе которых – претензии представителей широких слоев населения на статус джентльмена. Сделан вывод о демократизации понятия, связанной с ослаблением к концу XIX в. критерия знатности происхождения.

Ключевые слова: *джентльмен, викторианская эпоха*

Образ джентльмена – один из знаковых в британской социальной истории. Стремление приобрести статус джентльмена и тем самым приблизиться к респектабельному обществу стимулировало постоянный интерес к этому понятию, которое, впрочем, долго не поддавалось однозначному определению и приобрело наивысшую популярность в викторианскую эпоху. Ф. Мэйсон даже отмечал, что на протяжении большей части XIX в. и до Второй мировой войны оно служило англичанам второй религией, менее требовательной, чем христианство¹.

В общих работах по истории Англии XIX века слово *джентльмен* использовалось преимущественно в отношении людей знатного происхождения. В «Истории Англии» Т.Б. Маколея оно применялось к человеку, принадлежавшему к знати: «Любой джентльмен мог стать пэром. Младший сын пэра был просто джентльменом»². В «Истории цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля джентльмен выступал типичным вельможей, который заседал в Палате общин³. В XX в. появляются специальные исследования⁴ по истории понятия *джентльмен*. В них отражены обстоятельства появления понятия в английском языке, а также изменения в содержании этого концепта на разных этапах. Источниковая база работ представлена, как правило, публицистикой, корреспонденцией, дневниками и воспоминаниями британцев, реже художественной литературой. При этом материалы периодической печати практически не привлекались исследователями. В настоящей статье предпринята попытка заполнить эту лакуну путем включения британских газет XIX в. в круг источников по истории понятия *джентльмен*.

¹ Mason 1982. P. 12.

² Macaulay 1953. P. 28.

³ См.: Buckle 1884. P. 323.

⁴ Напр.: Sitwell 1902; Smythe-Palmer 1908; Kelso 1929; Sedgwick 1935; Brander 1975; Gilmour 1981; Mason 1982; Castronovo 1987. Подробнее см.: Давиденко 2018.

Актуальность предмета исследования обусловлена также тем, что в современной историографии повышенное внимание специалистов привлечено к истории понятий. Р. Козеллек считал, что в рамках изучения социально-политического языка Германии необходимо было «рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновения современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий»⁵. Для лучшего понимания процесса «осовременивания» социальной структуры Великобритании XIX в. нужно обратить внимание на нюансы использования в это время понятия *джентльмен* как одного из основополагающих концептов британской культуры.

В историографии викторианскую эпоху принято разделять на три периода – ранне-, средне- и поздневикторианский, – однако в разных исследованиях эти периоды получают различную длительность⁶. История понятия *джентльмен* в XIX в. не укладывается в общую периодизацию викторианской эпохи, тем не менее далее будет показано, что на протяжении XIX в. можно проследить изменения в содержании понятия.

Цель статьи – реконструировать контекст использования понятия *джентльмен* в Великобритании XIX в. на основе изучения лексикографии, периодики, публицистики и художественной литературы. Привлечены толковые словари и словари сленга, британские газеты, в которых обсуждался статус джентльмена, что нередко находило отражение в заголовках статей, причем в ряде публикаций слово *джентльмен* помещалось в кавычки, так что читатели должны были уловить авторскую иронию. В других газетах давались описания некоторых кейсов, получивших огласку⁷. Публицистика викторианской эпохи, использованная в исследовании, включает два вида произведений – трактаты о морали и

⁵ Козеллек 2014. С. 24.

⁶ С. Митчелл датирует ранневикторианский период 1837–1851 гг., средневикторианский – 1851–1875 гг., а поздневикторианский – 1875–1901 гг. – Mitchell 2009. Вероятно, эта же периодизация легла в основу книги Дж. Беста о средневикторианской Британии, где описывается период между 1851 и 1875 г. – Best 1989. В то же время обобщающий труд по ранневикторианской Англии (ред. Дж.М. Янг) охватывает 1830–1865 гг. – Early Victorian England 1951. Проблемой является то, что в историографии отсутствует единое основание, по которому выделяются эти периоды. Со всей очевидностью это демонстрирует периодизация, представленная в труде международного коллектива исследователей «Нортоновская антология английской литературы»: в ранневикторианском периоде (1830–1848) выделены преимущественно экономические и социальные проблемы, в средневикторианском (1848–1870) – экономические и религиозные, а поздневикторианский (1870–1901 гг.) представлен как время разложения викторианских ценностей. При этом в периодизации, этапы которой привязаны к политическим событиям, викторианская эпоха заканчивается годом смерти королевы Виктории, как будто викторианская культура в 1901 г. резко меняется на эдвардианскую. См.: The Norton Anthology of English Literature 2006.

⁷ Газетные статьи печатались, как правило, без указания авторов. Цитаты из газетных публикаций приводятся с сохранением оригинальной орфографии.

руководства по поведению. Первая группа текстов не всегда предназначалась для широкой публики, так как писалась для конкретных людей. Вторая группа была рассчитана прежде всего на представителей средних классов британского общества. Для того чтобы проиллюстрировать векторы изменений содержания понятия *джентльмен*, был выбран роман Ч. Диккенса «Большие надежды», хотя отражение образа джентльмена в беллетристике – тема для отдельного исследования.

В словарях XIX в. понятие *джентльмен* постепенно утрачивало характерное для ранних стадий развития английского языка значение *благородного человека*. В 1828 г. в словаре Н. Вебстера джентльмен понимался в широком смысле как человек, чей статус был выше йомена, в узком – как тот, кто, не имея аристократического титула, обладал гербом или насчитывал свободных граждан среди предков⁸. Вебстер подчеркивал, что в тогдашней Англии понятие *джентльмен* применялось вообще к культурному человеку, получившему образование. В словаре Дж. Ноулза (1835) родственное понятие *gentleness* предполагало два признака — родословную и поведение, а словарь А. Рида (1844) определял джентльмена по рождению, образованию или профессии⁹.

До последней трети XIX в. язык в использовании слова *джентльмен* отличался некоторой строгостью, что находило отражение в словарных значениях, но уже в 1870-е гг. в словарях зафиксированы коннотативные значения, которые укореняются даже в викторианском сленге. В частности, выражение *barber's clerk* использовалось для обозначения самонадеянного молодого человека, раздетого и подражавшего манерам джентльмена¹⁰, а словарь 1874 г. уточняет, что выражение относилось к изображавшему джентльмена посыльному из магазина¹¹. Слово *tase* описывало мошенника, который принимал облик джентльмена, одалживая часы или обзаводясь спутницей, и обманывал окружающих¹². Наконец, в конце XIX в. британцы ассоциировали с джентльменами и животных, что было едва ли возможным ранее. Так, хвалебным отзывом о беговой лошади была характеристика *quite a gentleman* (вполне себе джентльмен)¹³, а в Ирландии крестьяне называли свинью джентльменом, который платит ренту¹⁴. Лексикографический материал показывает, что понятие *джентльмен* повторяло судьбу многих других социально-политических понятий, о которых Р. Козеллек писал, что они в своем развитии проходят несколько этапов, в т.ч. претерпевают демо-

⁸ Webster 1828.

⁹ Knowles 1835. P. 310; Reid 1849. P. 180.

¹⁰ Barrere, Leleland 1889. P. 79.

¹¹ The Slang Dictionary, Etymological, Historical, and Anecdotal 1874. P. 78.

¹² Farmer, Henley 1905. P. 279.

¹³ A New English Dictionary on Historical Principles 1901. P. 119.

¹⁴ Redding Ware 1909. P. 140.

кратизацию, которая выражается в расширении границ применения понятия и аудитории, использующей это понятие¹⁵.

Анализ прессы XIX в. позволяет заключить, что проблема статуса джентльмена занимала важное место в британской общественной мысли: пресса без конца писала о джентльменах – часто как о лицах благородного происхождения. Особый интерес в этом контексте представляет случай, описанный в 1823 г. Между несколькими наездниками было заключено пари: приз получал победитель, но при том условии, что он являлся джентльменом. Первой пришла лошадь пожилого наездника, победа которого была оспорена в суде его молодыми соперниками, к слову, членами парламента, на том основании, что счастливец не отвечал их представлениям о джентльмене. Как писали репортеры, на заседании суда парламентарии выступали в роли свидетелей обвинения в том виде, в котором участвовали в скачках, – в одежде, забрызганной грязью, в сапогах со шпорами. Знатные парламентарии вели себя очень грубо по отношению к другим участникам процесса. Несмотря на это, в силу рода их деятельности и богатства эти люди признавались в суде настоящими джентльменами (*proper Gentlemen*) даже вопреки внешнему виду и манерам, в то время как обвиняемый, одетый опрятно и отличавшийся приличным поведением, но не принадлежавший к знатной семье, не имел достаточных оснований считаться таковым.

Характерной чертой образа жизни английской знати было наличие долгов, которые появлялись благодаря как состоятельности, так и привычке ни в чем себе не отказывать. Тот факт, что ответчик был небогат, не позволял в данном случае считать его джентльменом, т.е. равным по статусу истцам. Бережливость, отнюдь не свойственная знати, и отсутствие долгов также выдавали в ответчике простолюдина. Однако в защитной речи адвокат апеллировал совсем к другим качествам джентльмена – обвиняемый вырастил детей честными и бережливими, являл собой образец морали и был верующим, хорошим семьянином, всегда выполнявшим свои обещания. По итогам судебного процесса ответчик был признан джентльменом на основе его личных достоинств, что стало первой закрепленной официальным решением победой средних классов в борьбе за статус джентльмена¹⁶. Этот прецедент показал, что уже к первой четверти XIX в. монополии генеалогического признака в содержании понятия *джентльмен* пришел конец.

Постепенно претензию на принадлежность к джентльменам предъявляло все большее число англичан. Случай, произошедший в Лондоне в 1834 г., показал, что даже у незнатных людей понятие *джентльмен* прочно ассоциировалось с честностью и достоинством. В ходе ссоры

¹⁵ Козеллек 2014. С. 27–28.

¹⁶ Nares 1823. P. 7–8.

один торговец, заявив другому, что тот не джентльмен, получил в ответ удар по лицу¹⁷. Однако едва ли подобные конфликты были частыми – освещение события в газете свидетельствует, скорее, о нетипичности ситуации. Газетный материал дает редкий шанс приблизиться к реконструкции восприятия джентльменства выходцами из городских низов. Описанный конфликт подтверждает высказанное двадцатью годами позже замечание А. де Токвиля о понятии *джентльмен*: «Мы обнаруживаем, что с каждым последующим столетием оно применяется к людям на более низкой ступени социальной лестницы»¹⁸.

Дж. Бест отмечает, что в средневикторианский период обсуждаемое понятие было напрямую связано не столько с социальной мобильностью, сколько с принятием человека той или иной общественной группой. Бест подчеркивает, что викторианец считался джентльменом тогда, когда замечал соответствующее отношение к себе¹⁹. Но и здесь все было не так просто. Пример специфических критериев, по которым разные общественные группы определяли джентльменов, дает «Вестморленд Газетт»: Геральдическая палата считала джентльменом того, кто обладал личным гербом, хоть и не принадлежал к знати, в то время как в представлениях университетской корпорации герб не имел значения – упор делался в первую очередь на знании классических языков²⁰.

До XIX в. основным признаком джентльмена оставалось знатное происхождение, но при королеве Виктории наметился «поведенческий поворот» – акцент в содержании понятия смещался в сторону личных качеств, регулировавших поведение человека. Уже в первой половине столетия «Лестер Кроникл» предлагала определять джентльмена только на основе таких качеств, как открытость, щедрость и честность. Им мог быть «любой человек гуманного и учтивого поведения» – даже земледелец!²¹ Такая аттестация вполне устраивала широкий круг представителей средних классов. Чувствителен был к изменению содержания понятия и журнал «Корнхилл Мэгэзин»: «...усиливается тенденция делать ставку больше на моральную, чем на социальную составляющую слова, и возможно, что со временем его использование перестанет ассоциироваться с любыми общепринятыми отличиями»²². Этими отличиями в статье признавались принадлежность к знатной семье и обладание качествами, характерными для члена такой семьи. Подобные

¹⁷ What is “A Gentleman?” // The Westmorland Gazette. 1834. 1 March. P. 4.

¹⁸ Tocqueville 1856. P. 152.

¹⁹ Best 1989. P. 270.

²⁰ What is “A Gentleman?” // The Westmorland Gazette. 1834. 1 March. P. 4.

²¹ В оригинале: “...whoever is of humane and affable demeanour...such a man is a gentleman, and such a man may be found among the tillers of the earth”. What Makes a Gentleman? // The Leicester Chronicle. 1835. 7 Nov. P. 1.

²² Gentlemen // The Cornhill Magazine 1862. P. 330.

статьи продолжали выходить вплоть до конца викторианской эпохи в газетах «Стар», «Уитстейбл Таймс», «Абердин Ивнинг» и др.²³ Публикации, авторы которых преимущественно определяли джентльмена по его поведению, отражали постепенное вытеснение аристократического идеала буржуазным в содержании понятия *джентльмен*.

Анализ газетной рекламы показывает, что в середине века понятие *джентльмен* имело тесную связь с финансовой сферой. Особую группу рекламных текстов формировали объявления ростовщиков, называвших себя *частными джентльменами* (*private gentlemen*), из чего следовало, что кредиторы были частными лицами, которые во многих объявлениях гарантировали факт неразглашения займов. Часто в этой роли выступали сквайры, которые в силу своей принадлежности к джентри считались джентльменами (получение процентов от займа освобождало их от необходимости работать).

Фигурировали джентльмены и в объявлениях, связанных со сферой бизнеса. В объявлении в «Ливерпул Меркури» (1853 г.) джентльмен, описывавший себя как человека респектабельного и хорошо разбиравшегося в бизнесе, искал другого джентльмена, который мог бы его легально устроить на работу²⁴. На той же странице было опубликовано другое объявление следующего содержания: «Джентльмен, с 1843 года живущий в Мадриде и хорошо знающий язык, законы и физическую географию Испании, желает действовать в качестве агента для любого английского коммерческого дома в деле экспорта зерна, масла, вина или фруктов из упомянутой страны или в деле продажи товаров британского производства...»²⁵ В данном случае реклама отражает реалии применения обсуждаемого понятия в той сфере, которая считалась для джентльмена табуированной. Исключительно важным фактором коммерческой деятельности выступало взаимное доверие, которое проявляли друг к другу стороны, заключавшие сделку, поэтому использование слова *джентльмен* в рекламных текстах, вероятно, было нацелено на то, чтобы вызвать доверие со стороны потенциального клиента. В XX в. связь представлений о честности с понятием *джентльмен* выразилась в распространенном словосочетании *джентльменское соглашение* (*gentleman's agreement*), обозначавшем заключение сторонами сделки на основе устной договоренности, подразумевавшей доверие к партнеру²⁶.

²³ См.: What is a Gentleman? // The Star. 1879. 2 Sep. P. 4; What is a Gentleman? // Whitstable Times and Herne Bay Herald. 1888. 5 May. P. 3; What is a Gentleman? Replies in Aberdeen Small Debt Court // Aberdeen Evening Express. 1889. 31 Oct. P. 3.

²⁴ Douceur // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.

²⁵ A Gentleman, residing... // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.

²⁶ См., например: Collins COBUILD English Language Dictionary 1987. P. 604; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1992. P. 515.

Для реконструкции содержания понятия *джентльмен* в коллективном сознании крайне важны сведения о нарушениях норм поведения и реакции на это общественности. Благодаря прессе широко стал известен случай, произошедший в 1872 г. в Лондоне. Дж. Шолто Дуглас, 8-й (9-й) маркиз Куинсберри, решив навестить своего друга в отеле Чаринг-Кросс, пошел к его номеру путем, указанным обслуживающим персоналом отеля, но не смог найти дорогу. Посчитав, что его ввели в заблуждение намеренно, маркиз накричал на носильщиков, оскорбив их, вследствие чего в скандал пришлось вмешаться работавшему в отеле детективу²⁷. В газете позднее были воспроизведены показания детектива: «Я увидел, что он [маркиз] собирался ударить носильщика и вмешался. Подсудимый поднял руку. Я потребовал, чтобы он покинул отель. Не ответив, он сильно ударил меня по лицу <...> После этого он выбежал из отеля...»²⁸ Действия аристократа явно нарушили правила приличия, к которым было приковано внимание викторианского общества. В суде по делу о нападении на детектива аристократ не занимал скамью подсудимых, а присужденный ему штраф был ничтожным. Э. Милн-Смит пишет, что череда скандалов с последующим символическим наказанием знатных особ вызвала на страницах газет для рабочих волну возмущения несправедливостью судебной системы, при которой простые граждане испытывали все тяготы судебного преследования, а высшие круги общества оставались практически безнаказанными²⁹.

Парадоксальная ситуация, где явно неджентльменское поведение контрастировало с мягкостью приговора аристократу, неизбежно требовала от общества пересмотра содержания понятия *джентльмен*. Любопытным примером этого является опубликованная в местной газете стенограмма заседания в суде мелких тяжб Абердина. Истец, ветеринарный врач, просил судью удовлетворить его ходатайство о взыскании платы за осмотр лошадей капитана Френсиса Фрейзера, который в записи о крещении его дочерей значился как джентльмен³⁰, в большем размере, чем плата за такую же услугу, оказанную фермеру-арендатору. На вопрос судьи, по какому принципу истец разделяет джентльмена и фермера, тот ответил, что сама королева сделала капитана Фрейзера джентльменом, пожаловав ему воинское звание. В дальнейших репликах судьи раскрывался буржуазный образ джентльмена как человека, получающего этот статус благодаря соответствующему поведению, согласно которому даже фермер мог быть джентльменом³¹. В итоге суд отказал врачу

²⁷ См. подробнее: Charge of Assault against the Marquis of Queensberry...

²⁸ Fight between a Marquis and a Detective...

²⁹ См.: Milne-Smith 2013. P. 285.

³⁰ См.: The Kings Candlesticks — Family Trees.

³¹ What is a Gentleman? Replies in Aberdeen Small Debt Court...

в ходатайстве и подтвердил неприемлемость разделения на джентльменов и простолюдинов по роду деятельности. Нельзя однозначно утверждать, что демократические принципы восторжествовали в вопросе об идентификации джентльменов, однако этот случай дает понять, что к концу XIX в. уже не только простолюдины робко заявляли о своих правах на высокий статус, но даже чиновники из числа судей трактовали понятие *джентльмен* в буржуазном смысле. В то же время расширение границ применения понятия и доступности статуса *джентльмена* поразному принималось различными категориями общества. Случай с врачом показывает, что лица, получавшие от джентльменов более высокую плату, по сравнению с неджентльменами, несли убытки. Здесь понятие демонстрирует, как увеличение доступности обсуждаемого статуса влияло на экономические процессы в Англии.

К концу века ситуация изменилась настолько, что самоидентификация джентльменов порой приобретала курьезный характер. Так, газета «Линкольншир Эхо» описывала судебный процесс, во время которого на вопрос судьбы о социальном положении ответчика было заявлено, что тот является джентльменом. Общий смех в зале суда вызвало пояснение, что ответчик никогда не работал, вследствие чего считал себя джентльменом. Есть основания полагать, что к концу XIX в. понятие *джентльмен* обогащается коннотацией безделья и праздного образа жизни³².

В трактате 1849 г., адресованном младшим братьям, автор отмечал, что, едва заняв в обществе определенное положение, человек торопился примерить на себя этот титул, а затем награждал им родственников и потомков. Вследствие этого понятие *джентльмен* без разбора применялось ко всем, кто по статусу был выше ремесленника (*handicraft*) или других лиц, занятых физическим трудом (*manual labor*). Автор, кажется, сожалел о размывании границ понятия *джентльмен* вследствие растущей активности средних классов. Далее в руководстве излагались принципы настоящего джентльмена, начиная с религиозности: «В моем представлении наивысшей похвалой моему дорогому другу было бы сказать, что он христианский джентльмен... Это то, в силу чего я отделил бы его... от мира эгоизма и притворства...»³³ Понятие *джентльмен* неслучайно дополнялось здесь религиозным мотивом. В условиях, когда жизнь в обществе сопровождалась множеством соблазнов, именно следование христианским принципам формировало модель особого поведения, позволявшую сохранять обособленность статуса джентльмена.

В средневикторианский период популярность приобрело сочинение С. Смайлза «Самопомощь», где ключевыми признаками понятия *джентльмен* были определены приверженность моральным принципам

³² What is a Gentleman? // Lincolnshire Echo. 1894. 2 May. P. 3.

³³ The English Gentleman... 1849. P. 6.

и самоуважение как основа уважения к окружающим³⁴. Смайлз подчеркивал, что богатство и титулы – не обязательные атрибуты джентльменства: «Бедняк может быть настоящим джентльменом в душе и в повседневной жизни»³⁵. Автор трактата «деконструировал» сословные барьеры в содержании понятия *джентльмен*, отрицая всякую необходимость связи джентльмена со знатью. Подобные идеи в публицистике второй половины XIX в. кардинально меняли сознание средних классов, легитимируя претензии их представителей на статус джентльмена.

Несмотря на то, что во второй половине XIX в. принадлежность к высшим кругам уже не являлась *sine qua non* статуса джентльмена, претензии на этот статус обнаруживали тесную связь с соответствующим поведением. Удовлетворению растущих запросов общества на знания об этикете высшего сословия способствовали руководства по поведению³⁶. В самой практике строгой регламентации статуса прослеживается еще сохранявшаяся связь понятия *джентльмен* с миром аристократии и дворянства. В многочисленных произведениях такого рода представители средних классов находили советы по части одежды, манер, правил разговора, поведения в семейном кругу, свадьбы и пр. В одном из них – руководстве «Как себя вести» Т.Л. Николса – максимумами в поведении джентльмена провозглашались мягкость и благородство манер, твердость и энергичность³⁷. Понятие использовалось и в характеристике профессий. Так, офицер и солдат описываются там как джентльмены потому, что, служа своему государству и обществу, готовы жертвовать собой. Обращает на себя внимание совет, касавшийся финансового обогащения. Приобретение состояния нечестным путем или через торговую деятельность отмечалось как недостойное джентльмена³⁸. Торговля как род деятельности была неприемлема для джентльмена потому, что традиционно считалась занятием людей с вульгарными манерами, а также, по убеждению Николса, всегда была связана с обманом, тогда как джентльмен обманывать не мог априори³⁹. Еще десятилетием ранее американец Дж.Г. Калверт отмечал, что даже в Англии, несмотря на всю важность торговли, торговцев не признавали джентльменами⁴⁰. Подобные утверждения были прямо противоположными реалиям предыдущих столетий. Джентри, или новое дворянство, в XVI – первой половине XVII в. выступали как землевладельцы, сочетавшие ведение хозяйства с

³⁴ Smiles 1859. P. 326.

³⁵ Ibid. P. 328.

³⁶ Напр.: Martine's Hand-Book of Etiquette... 1866; Routledge's Manual of Etiquette 1860; The Gentlemen's Book of Etiquette... 1860; The Habits of Good Society... 1859.

³⁷ Nichols 1873. P. 219.

³⁸ Ibid. P. 226.

³⁹ Nichols 1873. P. 180.

⁴⁰ См.: Calvert 1863. P. 12.

активной предпринимательской деятельностью, в т.ч. инвестированием в промышленность и торговлю, в отличие от пэров, которые не занимались капитализацией своих хозяйств, а жили на доходы от земельной ренты⁴¹. Возможной причиной подобных охранительных взглядов в XIX в., в период снижения требований к статусу джентльмена, могло быть стремление предотвратить падение его престижа.

Публицистика викторианской эпохи своего рода камертоном, улавливавшим настроения английского общества. Отвечая на запросы средних классов, она невольно, а возможно и целенаправленно, расширяла границы понятия *джентльмен*, открывая туда дорогу даже бедняку, который теперь мог быть джентльменом и «в душе, и в повседневной жизни». В этом отношении публицистика, как это обычно бывает в модернизирующихся обществах, опережала лексикографию.

Литература XIX в. пестрит произведениями о джентльменах, но роман Ч. Диккенса «Большие надежды» (1860) стоит среди них особняком⁴². В нем показано действие социальных лифтов, благодаря которым не только богачи становились бедняками, но и простолюдины могли стать уважаемыми людьми. Главный герой по прозвищу Пип рос в бедной семье. После встречи с Эстеллой, дочерью престарелой владелицы некогда роскошного поместья, Пип осознал, что хочет стать джентльменом⁴³. Диккенс использовал понятие *джентльмен* для обозначения модели поведения, характерной для высших кругов английского общества. Сцена поединка Пипа с Гербертом Покетом описана как дуэль с соответствующим ритуалом и достойным поведением последнего: он использовал смоченную в воде губку, чтобы вытирать кровь. В уста главного героя Диккенс вложил слово *spirit* (мужество, храбрость) для описания действий Герберта, продолжавшего схватку с более сильным Пипом. Но все же Герберт признал свое поражение⁴⁴. Честность, в т.ч. по отношению к сопернику, еще одно качество, которое постулировалось как незыблемый принцип джентльменского поведения и прививалось подросткам в частных школах-интернатах – паблик-скулах.

После драки Пип переживал, что ему может грозить наказание за то, что он проник в дом знатных людей (*gentlefolks*). Позже он получил от тайного благодетеля денежные средства для того, чтобы осуществить свою мечту и стать джентльменом. Перебравшись в Лондон, он снял там квартиру, вступил в джентльменский клуб, стал усваивать утонченные столичные манеры и вести расточительный образ жизни. Примечательны детали образа Пипа-джентльмена: роскошные апарта-

⁴¹ Подробнее см.: Винокурова 2004.

⁴² Подробнее см.: Давиденко 2016.

⁴³ См.: The Works of Charles Dickens in Thirty Volumes 1890. Vol. 29.

⁴⁴ Ibid. P. 95.

менты, золотые часы и перстень с драгоценным камнем, одежда из тканей высшего качества, богатая библиотека⁴⁵. Ключевой фразой романа, отражающей проявление викторианского буржуазного сознания, стало заявление разбогатевшего и ставшего благодетелем Пипа каторжника о том, что он *сделал* из Пипа джентльмена⁴⁶.

Хотя Диккенс использовал понятие *джентльмен* в строгом смысле для обозначения знатных людей, занимавших высокое положение в обществе, содержание понятия тесно связывалось с главной идеей возможности *стать* джентльменом благодаря состоянию, а не происхождению. В этом заключалась квинтэссенция буржуазного понятия *джентльмен*, получавшего распространение в среде современных писателю простых англичан. Само название произведения символично – словосочетание *great expectations* в заголовке романа, известного в русском переводе М. Лорие (1960) как «Большие надежды», также переводится как *большие ожидания* (в журнале «Русский вестник» 1861 г.)⁴⁷. Второй вариант перевода не только подразумевает ожидания, связанные с восхождением главного героя по социальной лестнице, но отражает и личные ожидания автора, предвосхитившего грядущие общественные процессы в Англии второй половины XIX в., в центре которых оказалось стремление представителей средних классов стать джентльменами.

На протяжении викторианской эпохи в содержании понятия *джентльмен* происходили значительные перемены: знатное происхождение, доминировавшее в предыдущие столетия среди критериев для идентификации джентльмена, постепенно уступало место личным заслугам – достойному поведению, в основе которого лежали принципы нравственности. Источники разных групп показывают, что в XIX в. границы понятия *джентльмен* становились едва различимыми. В материалах, рассчитанных на широкую аудиторию, провозглашалась доступность статуса джентльмена, в прессе над джентльменами начинали иронизировать, а в обыденной речи джентльменами называли даже животных. Уже серединой XIX в. датируется окончательное проникновение элементов буржуазной культуры в образ джентльмена. Установить это помогло сопоставление материалов периодической печати с другими группами источников. Пресса позволила раскрыть важные аспекты повседневности, связанные с коммерческой деятельностью джентльменов, что другие источники того периода, например, руководства по поведению, отразить не успевали. Вопреки звучащим в викторианскую эпоху призывам к тому, чтобы джентльмены не занимались торговлей,

⁴⁵ Ibid. P. 334-335.

⁴⁶ В оригинале фраза у Ч. Диккенса звучит так: “Yes, Pip, dear boy, I’ve made a gentleman on you! It’s me wot has done it!” – Ibid. P. 334.

⁴⁷ См.: *Русский вестник* 1861. Т. 31.

газетная реклама показывает, что в торговой сфере понятие *джентльмен* использовалось довольно часто, что в свою очередь расширяло сферу его бытования. Переосмысление понятия отражало устремления представителей средних классов получить более значимый статус в обществе современного викторианского общества. Таким образом, происходила демократизация понятия *джентльмен*, что выражалось в радикальном расширении сферы его применения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Винокурова М.В. Мир английского манора (на материалах земельных описей графств Ланкашир и Уилтшир второй половины XVI – первой трети XVII вв.). М., 2004. [Vinokurova M.V. Mir anglijskogo manora (na materialah zemel'nyh opisej grafstv Lankashir i Uiltshir vtoroj poloviny XVI — pervoj treti XVII vv.). М., 2004]
- Давиденко А.А. Историографические аспекты понятия «джентльмен» // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 162-177. [Davidenko A.A. Istoriograficheskie aspekty ponyatiya «dzhentl'men» // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1 (41). S. 162-177]
- Давиденко А.А. Образ джентльмена в английской художественной литературе XIX века: опыт исторической типологии // Honoris causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева / сост. и отв. ред. И.О. Дементьев; Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта. СПб., 2016. С. 36-43. [Davidenko A.A. Obraz dzhentl'mena v anglijskoj hudozhestvennoj literature XIX veka: opyt istoricheskoj tipologii // Honoris causa: sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70-letiyu professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva / sost. i отв. red. I.O. Dement'ev; Baltijskij federal'nyj un-t im. I. Kanta. SPb., 2016. S. 36-43]
- Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. М., 2014. Т. 1. С. 23-44. [Kosellek R. Vvedenie // Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij: Izbrannyye stat'i v 2-h t. М., 2014. Т. 1. S. 23-44]
- Русский вестник. М., 1861. Т. 31. [Russkij vestnik. М., 1861. Т. 31]
- A Gentleman, residing... // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.
- A New English Dictionary on Historical Principles / ed. by J.A.H. Murray. Oxford, 1901. Vol. 4.
- Barrere A., Leleland Ch. A Dictionary of Slang, Jargon and Cant. L., 1889. Vol. 1.
- Best G. Mid-Victorian Britain 1851—75. L., 1989.
- Brander M. The Victorian Gentleman. L., 1975.
- Buckle H.Th. History of Civilization in England. N.Y., 1884. Vol. 1.
- Calvert G.H. The Gentleman. Boston, 1863.
- Castronovo D. The English Gentleman: Images and Ideals in Literature and Society. N.Y., 1987.
- Charge of Assault against the Marquis of Queensberry // Lloyd's Weekly Newspaper. 1872. 8 Dec. P. 4.
- Collins COBUILD English Language Dictionary. L.; Glasgow, 1987.
- Douceur // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.
- Early Victorian England, 1830—1865 / ed. by G.M. Young. L., 1951. Vol. 1.
- Farmer J.S., Henley W.E. A Dictionary of Slang and Colloquial English. L., 1905.
- Fight between a Marquis and a Detective // Reynolds's Weekly Newspaper. 1872. 8 Dec. P. 6.
- Gentlemen // The Cornhill Magazine. L., 1862. Vol. 5. P. 327—342.
- Gilmour R. The Idea of the Gentleman in the Victorian Novel. L., 1981.
- Kelso R. The Doctrine of the English Gentleman in the Sixteenth Century. Urbana, 1929.
- Knowles J. A Pronouncing and Explanatory Dictionary of the English Language. L., 1835.
- Macaulay's History of England from the Accession of James II. In 4 vol. L.; N.Y., 1953. Vol. 1.
- Martine's Hand-Book of Etiquette, and Guide to True Politeness. N.Y., 1866.
- Mason Ph. The English Gentleman: The Rise and Fall of an Ideal. N.Y., 1982.
- Milne-Smith A. Queensberry's Misrule: Reputation, Celebrity, and the Idea of the Victorian Gentleman // Canadian Journal of History. 2013. Vol. 48, No. 2. P. 277—306.

- Mitchell S. Daily Life in Victorian England. Westport, 2009.
- Nares E. Heraldic Anomalies. L., 1823. Vol. 2.
- Nichols Th. How to Behave: a Manual of Manners and Morals. L., 1873.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 4th ed. Oxford, 1992.
- Redding Ware J. Passing English of the Victorian Era. L.; N.Y., 1909.
- Reid A. A Dictionary of the English Language. Edinburgh; L., 1844.
- Routledge's Manual of Etiquette. L., 1860.
- Sedgwick H.D. In Praise of Gentlemen. Boston, 1935.
- Sitwell G.R. The English Gentleman // The Ancestor. 1902. No. 1. P. 58—103.
- Smiles S. Self-Help; with Illustrations of Character and Conduct. L., 1859.
- Smythe-Palmer A. The Ideal of a Gentleman, or a Mirror for Gentefolks, a Portrayal in Literature from the Earliest Times. L., 1908.
- The English Gentleman: His Principles, His Feelings, His Manners, His Pursuits. L., 1849.
- The Gentlemen's Book of Etiquette and Manual of Politeness. Boston, 1860.
- The Habits of Good Society: a Handbook of Etiquette for Ladies and Gentlemen. L., 1859.
- The Kings Candlesticks – Family Trees. URL: <http://www.thekingscandlesticks.com/webs/pedigrees/11325.html>
- The Norton Anthology of English Literature / ed. by S. Greenblatt. N.Y.; L., 2006.
- The Slang Dictionary, Etymological, Historical, and Anecdotal. L., 1874.
- The Works of Charles Dickens in Thirty Volumes. N.Y., 1890. Vol. 29.
- Tocqueville A. L'ancien Régime et la Révolution. Paris, 1856.
- Webster N. An American Dictionary of the English Language. N.Y., 1828. Vol. 1.
- What is a Gentleman? Replies in Aberdeen Small Debt Court // Aberdeen Evening Express. 1889. 31 Oct. P. 3.
- What is a Gentleman? // Lincolnshire Echo. 1894. 2 May. P. 3.
- What is a Gentleman? // The Star. 1879. 2 Sep. P. 4.
- What is "A Gentleman?" // The Westmorland Gazette. 1834. 1 March. P. 4.
- What is a Gentleman? // Whitstable Times and Herne Bay Herald. 1888. 5 May. P. 3.
- What Makes a Gentleman? // The Leicester Chronicle. 1835. 7 Nov. P. 1.

Давиденко Алексей Анатольевич, ассистент, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; AADavidenko@kantiana.ru

The concept of gentleman as a focus of attention of the British in the 19th c.

The article analyzes the use of the concept of gentleman in the 19th century, using the material of British periodicals, social essays and fiction. Specific examples show significant changes in the usage of the concept during the Victorian era, which were based on the claims of wide ranks of commoners to the status of a gentleman. A conclusion has been made about the democratization of the concept by the end of the 19th c. because by the late 19th c. noble birth ceased to be the main criterion of belonging to the aristocracy.

Keywords: gentleman, Victorian age

Aleksei Davidenko, postgraduate student, assistant lecturer at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University; AADavidenko@kantiana.ru

Г. Н. КОЧЕШКОВ, Е. Л. САРАЕВА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ФЕВРАЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1917 ГОДА ИДЕИ ЛИДЕРОВ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА

В статье предложен анализ идей либеральных и умеренно-правых лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе об историко-культурных истоках Февральской революции 1917 г., вызвавшей кризис российской государственности. Разнообразие мнений историков о причинах революционного кризиса того времени обуславливает продолжение дискуссии на эту тему. Важен анализ политической культуры лиц, игравших значительную роль в решении вопроса о власти в то время, выявление их национально-государственных приоритетов, мотивации принятия решений. Реконструированы представления «прогрессистов» о долговременных процессах, имевших революционный потенциал: незавершенность реформ, ориентация монархии на политические традиции, не сложился диалог власти с либеральной общественностью, радикализм левых сил в стране, социокультурный раскол общества, не удалось ввести верховенство закона и др. Выявлены идейно-ценностные основы интерпретации либералами и умеренно-правыми социально-политических процессов, обусловивших Февральскую революцию, а также видение политиками-интеллектуалами национальных приоритетов развития России – взаимодействие государства с общественностью на условии защищенности прав личности.

Ключевые слова: *Февральская революция в России, 1917 год, Прогрессивный блок, Государственная дума, идентичность, образ Другого, диалог культур*

Проблема истоков революционных потрясений в России февраля 1917 г. – одна из основных в исследовании системного кризиса того времени. Революция выявила нерешенные ранее цивилизационные задачи во всех сферах жизни общества, привела к кризису российской государственности, к отказу от прежних основ и ориентиров развития, смене политических элит, открыла новые альтернативы движения общества. Проблемный подход дает возможность проанализировать идеи лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе об истоках социально-политического кризиса в феврале 1917 г. Государственная позиция «прогрессистов» определяет актуальность исследования их представлений о причинах Февральской революции. Для них события февраля – марта 1917 г. были «величайшим крушением», похоронившим «тысячелетнюю империю», царскую корону, народное представительство¹. В эмиграции они сочли своим долгом дать анализ причин катастрофы – разрушения основ российской государственности.

В современных работах по истории Февральской революции, деятельности Прогрессивного блока представлены различные мнения ис-

¹ Шульгин 1990. С. 58.

следователей о причинах революционного кризиса и крушения империи². Их суждения отчасти основаны на трактовке событий думскими либералами. Ф.А. Гайда дал интерпретацию идей П.Н. Милюкова о факторах революции: «... оппозиция, по вине власти весьма слабая, не смогла изменить ход предреволюционных событий в эволюционном ключе, в результате произошла революция, которая и погребла либералов»³. Гайда считает, что Российская империя в годы Мировой войны рухнула «в силу острого и затяжного кризиса внутри ее элиты». Он видит истоки «социальной» революции в «ликвидации государственного механизма» решения социальных проблем⁴. Аналогичный взгляд на основную причину февральского кризиса 1917 г. представил в своей работе С.В. Куликов: крушение власти было обусловлено острым внутриправительственным конфликтом⁵. И.В. Леднева пришла к выводу о том, что основной процесс, вызвавший кризис в феврале 1917 г., – сдерживание правительством развития России по конституционному пути, что привело к разрыву между властью и обществом⁶. Анализ деятельности правительства и его взаимоотношений с Думой позволил этим исследователям увидеть главную причину крушения монархии в неспособности высшей бюрократии, решить сложные социально-политические задачи, пойти на диалог с думской оппозицией.

Д.В. Аронов полагает, что толчком к революции стала «Мировая война, способствовавшая стремительному развитию системного кризиса в стране, который привел к трагическим событиям национальной истории XX в.». Либеральная модель преобразований не нашла поддержки широкими слоями населения и традиционной властью. Политическая власть не увидела в либералах реального союзника реформирования России. «Верх взяли традиционный консерватизм, надежда на проверенные силовые методы разрешения социальных кризисов и конфликтов»⁷. Системный кризис связывается с неспособностью правительства провести реформы, согласованные с думскими инициативами.

А.Б. Николаев проследил втягивание 27 февраля 1917 г. в революцию Государственной думы, охватившей своим влиянием солдат и рабочих. Он дал анализ направлений деятельности Думы того времени⁸.

В.П. Булдаков, рассматривая революцию как «дикую реакцию на латентные формы насилия, которые приняли социально-удушающую

² Булдаков 1997; Герасименко 1995; Никонов 2011; Демин 1996; Николаев 2002; Смирнов 1998, Гайда 2016.

³ Гайда 2016. С. 10.

⁴ Там же. С. 512-513.

⁵ Куликов 1998. С. 257–263.

⁶ Леднева 2002.

⁷ Аронов 2005. С. 405-407.

⁸ Автор не поднимает проблему истоков революции. Николаев 2002.

форму», исследовал раскрытие в ходе революции «“варварского” человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой “цивилизаторского” насилия власти». Он рассматривает русскую революцию как историю «резко изменившихся отношений человека к власти, себе подобным, окружению», т.е. историю «насилия снизу». На развитие революционного кризиса влияло то, что «верхи и низы в России... никогда не понимали друг друга ни на уровне ближайшего, ни, тем более, общенационального интереса – для этого не находилось общего “языка” гражданского права». Признавая многообразие факторов, обусловивших революцию, В.П. Булдаков писал, что эскалация насилия шла в нижних слоях социума. Либералы воздействовали на общественное сознание, разрушая авторитет монархии. В итоге «нравственная изоляция» самодержавия стала условием его крушения⁹.

Г.А. Герасименко считает, что решающую роль в революции сыграли рабочие; в ходе политической борьбы сложился единый антицаристский фронт, состоявший из буржуазно-помещичьего стана и лагеря революционной демократии¹⁰. О.В. Гаман-Голутвина высказала противоположную точку зрения: «расхожее представление, будто царя к отречению вынудили восставшие рабочие и крестьяне, не более, чем миф. Судьба монархии была решена в узком элитарном кругу политиков и военных»¹¹. В.Н. Дорохов, анализируя исторические взгляды П.Н. Миллюкова, выявил его идеи о взаимодействии «экономических, политических, социальных, интеллектуальных, культурных, психологических факторов», обусловивших вторую русскую революцию: самобытный анархизм масс, «удерживавшихся режимом насилия в состоянии пассивного подчинения», снижение «влияния падающего класса, осужденного на гибель и цепляющегося за самодержавие», «теоретический максимализм революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта», «сепаратистские настроения вождей национальных меньшинств»¹².

Участники международного круглого стола «Народ и Власть в российской Смуте» (2009 г.), сошлись во мнении о «необходимости осмысления и понимания российских кризисов», продуцирующих революции. По мнению А.И. Колганова, к революции ведет «разрыв между массами и властью, которая не решает проблем, затрагивающих насущные интересы большинства. И.В. Михайлов гибель романовской государственности объясняет политическими и социальными причинами: «закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппози-

⁹ Булдаков 1997.

¹⁰ Герасименко 1995. С. 10, 15.

¹¹ Гаман-Голутвина 1998.

¹² Дорохов 2005.

ций, обернувшимся революционным расколом общества». В.В. Шелохаев отметил, что русская смута 1917 г. высветила неспособность власти адекватно реагировать на вызовы времени. Исторический опыт показал, что власть, игнорирующая эти вызовы, провоцирует социальный взрыв. Общество, изолированное от власти, также являлось источником смуты». В массовом сознании Шелохаев выделил переплетение «сиюминутных интересов и абстрактных идеалов будущего, вековой ненависти к господам и пренебрежительное отношение к чужой собственности...». Кризис в 1917 г. он объясняет незавершенностью реформ. По мнению П.П. Марченя, Петербургская империя «не справилась с вызовами современности и не могла более быть движущей силой модернизации»¹³.

В.Э. Багдасарян предложил объяснительную модель общественных трансформаций в России эпохи Модерна – теорию «цивилизационного маятника». Согласно ей, под влиянием «иносистемных проникновений» «в самой цивилизации начинают сталкиваться парадигмы охранительства и изменчивости. Направленность развития цивилизации определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов»¹⁴. Причины кризисов на этапе незавершенной модернизации он видит в противостоянии сил, отстаивавших традиции и инновации.

В.А. Никонов представил существующие к историографии точки зрения на причины кризиса и крушения империи¹⁵. Г.Н. Кочешков выделил дискуссионные проблемы в историографии Февральской революции (причины, соотношение стихийности и сознательности, содержание и последствия) и дал оценку наиболее распространенных в историческом сообществе точек зрения на причины революции¹⁶. О.В. Розина, протестировав знания студентов-историков московского вуза, пришла к заключению, что школьной и вузовской программой в сознании учащихся сформировано представление об ответственности Николая II за положение дел в России начала XX в.¹⁷.

Как видно, широкая проблематика изучения февральского кризиса 1917 г., современные методологические подходы, детальный анализ политики правительства, его вариантов решения актуальных задач времени и взаимоотношений с парламентариями, осмысление законотворческой деятельности Думы, выявление представлений обывателей о власти, анализ их поведения, характеристика состояния российской экономики обусловили многоаспектный анализ причин революции. Многие исследователи оценивают события февраля 1917 г. как системный кри-

¹³ Народ и Власть в российской Смуте 2010.

¹⁴ Багдасарян 2008.

¹⁵ Никонов 2011.

¹⁶ Кочешков 2017. С. 78-84.

¹⁷ Розина 2018. С. 77-88.

зис, основной причиной которого стала незавершенность процесса модернизации страны. Историки используют тексты современников как значимый источник познания российской действительности. Однако представления лидеров Прогрессивного блока, участников политического противостояния в феврале 1917 г., об истоках этой революции изучены недостаточно, что определяет научную актуальность данной работы. Кроме того, важно выявить черты политической культуры лидеров Прогрессивного блока, представлявших собой сообщество, имевшее общие базовые цели деятельности.

Задача настоящего исследования – реконструкция и анализ суждений лидеров этого блока, о долговременных факторах революционного кризиса в феврале 1917 г. Лидеры Прогрессивного блока осмыслили причины революции в контексте идей о необходимости реформ, диалога власти с общественностью. Незавершенности реформ они связывали с недостаточным осознанием монархами важности адаптации в России инноваций в социальной и политико-правовой сфере.

Круг источников – тексты лидеров Прогрессивного блока, написанные в эмиграции: воспоминания и сочинения. Значимость этой группы источников объясняется, во-первых, аксиологическим подходом их авторов к анализу исторического процесса; во-вторых, их вовлеченностью в политическую борьбу в феврале 1917 г.; в-третьих, глубиной рефлексии о происходящих событиях. Лидеры Прогрессивного блока были высокообразованными людьми, имели опыт парламентской работы, размышляли о причинах революционного кризиса в России. Их анализ важен для выявления идейно-ценностной основы интерпретации ими борьбы за власть в то историческое время, самих истоков революции.

Наиболее информативными источниками по теме являются сочинения депутатов Государственной думы IV созыва: *В.А. Маклакова* (члена кадетской партии, участвовавшего в деятельности Прогрессивного блока), *П.Н. Миллюкова* (лидера кадетской партии, члена Прогрессивного блока и Временного комитета Государственной думы – ВКГД), *В.В. Шульгина* (лидера фракции националистов, входившего в Прогрессивный блок и ВКГД). Анализ их текстов позволяет выявить взаимодействие «общекультурных и групповых представлений о прошлом»¹⁸.

Февральский революционный кризис побудил либералов и умеренно-правых, имевших ранее существенные разногласия, выработать общую позицию. Шульгин, монархист, идентифицировавший себя как умеренно-правый¹⁹, отзывался о кадетях в революции 1917 г. как «*друзьях слева*». Страх перед революцией заставил либералов и умеренно-правых объединиться, писал он: «Встревоженные, взволнованные, как-

¹⁸ Репина 2016. С. 14.

¹⁹ «Я остался с правыми, хотя чувствовал себя умеренным». – Шульгин 1990. С. 70.

то душевно прижавшиеся друг к другу... Даже люди, много лет враждовавшие, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно... Это нечто – была улица... уличная толпа...»²⁰. Идейной основой соглашения либералов и умеренно-правых стало понимание необходимости укрепления государственности, повышения престижа России, организации снабжения армии, сотрудничества Думы с правительством, проведения реформ с целью не допустить революции. В текстах «прогрессистов» выделяются долговременные и краткосрочные обстоятельства, обусловившие крушение монархии.

В статье анализируются представления В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина о долговременных социально-политических процессах в России позднеимперского периода, имевших революционный потенциал. Эти политические деятели дали наиболее основательную интерпретацию противоречий конституционного развития России, ставших, по словам Маклакова, «горючим материалом» революции. Он писал о взаимосвязи исторических явлений: «Ничто в мире не пропадает бесследно»²¹, а истоки революции выводил из тенденций развития России в XIX – начале XX в.: «Позднейшие "роковые минуты" России уже подготовлялись тогда»²². «Люди с их культурой» и государственная власть «определяются прошлым, которое их воспитывает и образует»²³, поэтому надо искать причины в предшествующих явлениях и процессах, утверждал Маклаков. По его мнению, значимые события «...нужно оценивать в более широкой перспективе»²⁴. Милюков «корни» революции искал в «историческом прошлом»: «...физиономия русской революции определилась в значительной степени нашим прошлым»²⁵. Шульгин оценивал противостояние в Думе различных фракций и монархии с народным представительством как неразрешимый конфликт из-за непреклонности позиций его участников.

В.А. Маклаков и П.Н. Милюков считали, что главная цель политики власти – защита самодержавия – не соответствовала интересам российского общества начала XX в. Весь XIX и начало XX в., по мысли Маклакова, были борьбой двух направлений, «кристаллизация» которых шла все это время, – «старого» и «нового». «Русская старина воплощала внизу в фактическом "бесправии" крестьянского большинства населения, а наверху в "неограниченной" власти самодержца. В ней стали видеть исторические устои самобытной России»²⁶. По Маклакову,

²⁰ Там же. С. 441–442.

²¹ Маклаков 1954. С. 296.

²² Там же. С. 363.

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Там же. С. 377.

²⁵ Милюков 2001.

²⁶ Маклаков 1954. С. 295.

причиной конфликтного характера развития России в то время было бесправие масс и «надзаконная власть самодержца». Оба эти обстоятельства были наследием «старой» России. Маклаков ставил под сомнение необходимость сохранения этих «устоев» самобытности страны, полагая, что власть должна искать новые ориентиры развития, каковыми должны стать правовое государство и гражданское общество.

«Новая» Россия противопоставляла старине «порядок, основанный на ограждении прав человека, самоуправлении и верховенстве в государственной жизни закона, а не воли властителя», такие тенденции выделял Маклаков с эпохи Великих реформ. Этот вектор развития России, с его точки зрения, соответствовал интересам общества, личности. Государственная власть в эпоху Великих реформ вводила некоторые новшества, но не довела до конца политику преобразований. Крестьяне остались «низшим, неполноправным сословием. Было восстановлено самоуправление, но только по некоторым вопросам "местного интереса". Суд был провозглашен независимым служителем правды и милости, но только поскольку это не противоречило существованию тогдашнего строя». По Маклакову, инновации не вытеснили традиций, более того, в пореформенный период власть адаптировала нововведения к самодержавной политической системе; она не реформировала систему управления с целью закрепить преобразования и решить новые задачи цивилизационного развития – ввести правопорядок и свободы. Как видно, Маклаков видел Россию позднеимперского периода расколотой на бесправные низы и всевластные верхи. Этот раскол, по его мнению, имел революционный потенциал, так как социальные низы за века бесправия накопили злобу, способную выплеснуться в определенных обстоятельствах. Он акцентировал внимание не только на социальных причинах протестного поведения масс, но и на его эмоциональной окраске – негодовании. Он выявлял конфликтный характер исторического развития России в контексте своего взгляда на его желательное содержание: должны расширяться права человека и ограничиваться законами власть самодержца. С точки зрения Маклакова, власть в последние десятилетия XIX – первые годы XX в. неверно определила национальные задачи – защита самодержавия как главного устоя России, а надо было «защищать государство от революции» путем проведения реформ. Монархия начала уничтожать все то, что было несовместимо с самодержавием. Эту политику Маклаков назвал «злополучной»²⁷.

П.Н. Милюков прослеживал в истории России противостояние, сил, защищавших традиционную власть, старую социальную структуру, привилегии дворянства, и, с другой стороны, новых культурных слоев, ориентированных на европейские ценности и идеалы. В его представле-

²⁷ Там же. С. 295-297, 304.

нии, многовековой русский социально-политический опыт влиял больше на направление развития России в XIX – начале XX в., чем «новые культурные приобретения» – европейское идейное наследие. Метафорически он сравнил их с почвой и поверхностным слоем, который легко может быть уничтожен. Миллюков представил свое понимание процесса европеизации страны, характеризуя его как неорганичный, поскольку «гибкое» и «тонкое» восприятие интеллигенцией европейских инноваций не привело к формированию «устойчивого западного культурного типа», либеральные идеи не укоренились в общественном сознании, не хватило времени на адаптацию западных идеалов в России: восемь поколений не смогли их превратить в составляющую своей культуры. «Незаконченность» формирования новой культуры обусловила идеализацию социалистических моделей преобразования общества, приобрели популярность левые партии. Раскол общества на народ, «бытовая культура» которого воспроизводила опыт «бессознательной жизни», и интеллигенцию, являвшуюся носителем «новой культурной традиции», препятствовал выработке «серьезной государственной мысли». Оценивая русскую государственность XIX – начала XX в. как «слабую», Миллюков имел в виду ее упорство в отстаивании неограниченной власти самодержца, ставшее основной причиной революций в России. «*Инстинкт самосохранения старого режима и его защитников* – таков этот отрицательный фактор», противодействовавший «мирному разрешению конфликтов и внутренних противоречий»²⁸.

Давая схожие интерпретации главной цели самодержавия, Маклаков и Миллюков расходились в оценках отдельных его реформ. Маклаков отмечал повороты в правительственной политике: «Великие реформы», «конституцию» 1905 г., государственный переворот 3 июня 1907 г. По его мнению, с 1905 г. власть постепенно смирялась с конституционным вектором развития государственности, но препятствовала проведению новых политических реформ. Необходимость эволюционного хода исторического процесса Маклаков объяснял необходимостью для власти реагировать на недовольство населения. Он был убежден в том, что лучше заставлять власть меняться, чем «добиваться ее падения»²⁹. Главную силу власти Маклаков видел в привычке к ней населения, а у новой власти нет этого преимущества, от нее требуют большего, и возникнет новый конфликт. Если бы власть прислушивалась к мнению обывателей, защищая их от беззакония со стороны чиновников, ей бы удалось оторвать массы от революционеров и найти почву для примирения, считал Маклаков. Российская власть не смогла преодолеть такие свои чер-

²⁸ Миллюков 2001.

²⁹ Маклаков 1954. С. 298-299. «...разумнее прежнее власть реформировать, но сохранять, не увлекаясь мечтой начать всё строить на “расчищенном месте”».

ты, вызывавшие недовольство населения, как «произвол, презрение к законности и справедливости», определившие бесправие личности. «Недостаток доверия “учреждениям”»³⁰ ронял авторитет власти. По мнению Маклакова, отношение власти к человеку, основанное на подчинении, стало одной из причин революции 1917 г.

Милюков дал иную оценку политической реформы 1905 г., назвав Манифест 17 октября 1905 г., введение свобод, создание Государственной думы «мнимым конституционализмом», а «уступки» «неискренними»³¹. Власть самоизолировалась от общественности. После третьеиюньского переворота правительство не инициировало соглашения с думской оппозицией. По Милюкову, виновником свертывания конституционной альтернативы развития России была монархия.

Социальная опора монархии – бюрократия и дворянство – характеризовалась Маклаковым и Милюковым как защитница старины, традиций. По Маклакову, к революции вели «слепые поклонники самодержавия», которым «всякое покушение на "неограниченность" власти самодержца казалось... умалением идеи монархии», они не хотели сотрудничать с либералами, видели в каждом их шаге «начало конца»³². Формируя ближнее окружение, состав министров, Николай II совершал ошибки, опираясь на людей, ориентированных на «старину», а не на реформы: «Трагедия Николая II была всего более в том, что он сам отстранялся от людей, которые его могли бы и хотели спасти и следовал за теми, кто только под видом преданности и ему, и России, или вполне искренно веря в спасительность своих настояний, толкали его к катастрофе»³³. К главным «спасителям» монархии Маклаков относил Витте и Столыпина, но их сменили лица, неспособные провести нужные обществу реформы. Опора Николая на традиционалистов свидетельствовала о недооценке значимости реформаторского вектора в политике.

Милюков не простил Столыпину издание третьеиюньского избирательного закона, в результате кадеты потеряли возможность использовать Думу в целях введения парламентской монархии. В третьеиюньский период в верхах возобладало «желание императора Николая II сохранить самодержавие таким, каким оно было “встарь”», утверждал Милюков. Главное противостояние, обусловившее революцию в феврале 1917 г., по Милюкову, – конфликт между «старой государственностью» и «новой общественностью»³⁴. «Кое-как сколоченный государственный воз», так Милюков назвал союз бюрократии, «бестолково»

³⁰ Там же. С. 353-354.

³¹ С 1906 г. «курс политики поворачивался все более вправо. “Конституционализм” становился все более призрачным...». – Милюков 2001.

³² Маклаков 1954. С. 370-371.

³³ Там же. С. 373.

³⁴ Милюков 2001.

управлявшей Россией, с партиями, поддерживавшими государя. Чиновники и правые «окончательно изолировали власть от населения». Милоков оценивал монарха, бюрократию и правые партии как «искусственно организованное ничтожное меньшинство», упорство которого в защите традиций привело к катастрофе в годы Мировой войны.

Лидеры либералов понимали, что распад общества представляет угрозу мирной эволюции социально-политической системы. Маклаков выделял три противоборствующие силы, имевшие разные представления о векторах движения страны: государственную власть, либеральную общественность и левые партии. Милоков же писал о «разделении России на два лагеря: Россию официальную и всю остальную Россию». Он считал, что разные оппозиционные течения объединяло стремление ограничить самодержавие. Отношение либералов к левым партиям как союзникам, по мнению Маклакова, было ошибочным, поскольку радикалы были сторонниками революции, а либералы наивно недооценивали ее катастрофические последствия, надеясь их минимизировать. Милоков в эмиграции признал ошибку кадетов, считавших социалистов борцами с деспотизмом. Кадеты слишком поздно осознали опасность радикализма: «Мне казалось (в 1904 г.), что дальнейший ход политической борьбы должен привести к устранению целого ряда разногласий, называвшихся принципиальными, и установить возможность совместных действий обоих течений в борьбе с общим врагом, со старым режимом. Полтора десятка лет, прошедшие с тех пор, показали мне, что я оценивал возможность этого сближения слишком оптимистически. С тех пор сформировались действующие ныне политические партии, и вместо сотрудничества началась непримиримая взаимная борьба»³⁵.

Шульгин в развитии российского конституционализма в 1905–1916 гг. выявлял конфликты, обусловленные, с его точки зрения, расколом в политических кругах. По его мнению, он проявлялся в нежелании Николая II сотрудничать с Думой; в непризнании социалистами разных оттенков «ни самодержавия, ни конституции»; в «прямолинейности» защиты правыми самодержавного государства; в стремлении кадетов ввести «парламентаризм английского типа»³⁶. Шульгин отмечал, что кадеты были склонны к союзу с левыми, находились в «яростной оппозиции» к власти и правым, либералы видели главную опасность в самодержавии, а не в радикальном движении, а это противоречило реализации заявленных кадетами конституционных идей. Он считал, что раскол ставил под угрозу российскую государственность. Ее сохранить могла только сильная власть, укрепление которой произошло в годы премьерства Столыпина. Властный Столыпин, «всероссийский дикта-

³⁵ Там же.

³⁶ Шульгин 1990. С. 47, 48, 53.

тор», говорил и думал о России. В его программе Шульгин выделил актуальные для России задачи: «сдержать анархические начала, грозящие смыть все исторические устои государства», возвести новое здание, строительство которого диктовалось «назревшими нуждами», чтобы «стремительно» двигаться «вперед», обеспечить «толковое управление»³⁷. Для него было важно решать новые задачи в соответствии с интересами государства и общества. Отстаивая «с кафедры Государственной думы» программу Столыпина, Шульгин полагал, что ее воплощение в жизнь сможет обеспечить эволюционное развитие России: порядок, благосостояние людей³⁸. Он видел перспективы конституционного движения России, так как Николай II «признал правильной столыпинскую идею, что монарх и Государственная дума должны править Россией совместно»³⁹. Шульгин выделял такие противоречия конституционного развития России, как «неистовство неумеренных»; упорство кадетов в отстаивании идей парламентаризма, посягавших «на историческое достояние русских царей»; отсутствие конструктивного начала в идеях националистов; стремление правых защищать «устои» власти; верноподданные настойчиво «просили царя не уступать Государственной думе», они наносили удары монархии справа, восстав против Столыпина; большевики наносили удары монархии слева⁴⁰.

Как думские лидеры оценивали роль Николая II в развитии революционного кризиса? Они считали его слабым государем, не осознавшим, что надо опираться на министров-реформаторов, а не только на правых⁴¹. Маклаков назвал трагедией непонимание Николаем II значимости для России реформ и сотрудничества с либералами. Он считал, что Николай II развеял веру подданных в самодержавие⁴². В представлении Милюкова, Николай II подчинился «чужой воле», потерял «способность и желание прислушиваться к новым доводам»⁴³.

Либералы и умеренно-правые были уверены, что эволюционное развитие России без революционных потрясений было возможно только на основе реформ, выработанных правительством совместно с Думой, но «деловое сотрудничество» власти с либеральной общественностью в царствование Николая II не состоялось. Кадеты утверждали, что основную ответственность за отказ от сотрудничества несло правительство. Позиция власти – «сначала успокоение, а потом реформы» – оце-

³⁷ Там же. С. 59–61.

³⁸ Там же. С. 90.

³⁹ Там же. С. 97.

⁴⁰ Там же. С. 70, 97, 105.

⁴¹ «“правые” казались Государю не только опорой порядка, но и единственным защитником его собственной власти». – Маклаков 2006. С. 321.

⁴² Там же. С. 16.

⁴³ Милюков 1991. С. 67.

нивалась Маклаковым как «гибельная», поскольку отдаляла реформы. Однако, считал Маклаков, кадеты отчасти тоже виноваты в том, что не удалось убедить власть пойти на диалог с Думой. С его точки зрения, бюрократия после 17 октября 1905 г. приспособилась к новым правовым условиям деятельности: не будучи сторонниками конституционного строя, министры восприняли новые правила игры, определенные Основными законами от 23 апреля 1906 г.. Одной из причин отношения правительства к либералам как к «неблагонадежным» Маклаков считал радикализм их политических требований в 1906, 1915–17 гг. Он утверждал, что законы обязательны для всех – и для депутатов Думы, и для монарха, и его министров. Конфликт, спровоцированный кадетами Ответным адресом в 1906 г., Маклаков назвал «атакой на власть». В отличие от Милюкова, резко критиковавшего Основные законы 23 апреля 1906 г. за ограничение прав Думы, Маклаков находил достоинства этой «конституции»: монарх не мог нарушать законы, был обязан управлять империей на основе права, что, согласно Маклакову, превращало Россию в правовое государство, но кадеты этого не оценили, обратив внимание лишь на недостатки Основных законов. Дума рассматривала себя как законодательную власть, хотя таковой не была, писал Маклаков.

Вопрос средств борьбы оказался ключевым в российской истории первых десятилетий XX в.: «Опаснее было разномыслие в средствах... Освободительное движение оказалось слишком равнодушно к той грани, которая должна была бы отделять эволюцию государства от бедствий всякой революции»⁴⁴. Однако оппозиция была сконцентрирована на решении вопроса власти, а не средствах достижения цели. Ошибкой кадетов Маклаков считал и их нежелание самоограничиваться законами. Причину этой ошибки либеральной общественности Маклаков видел в отсутствии у нее опыта. Кадеты «жили старой психологией "войны с властью до полной победы", а не заключения с ней прочного мира»⁴⁵. Основной политической задачей России в начале XX в., по Маклакову, было введение правового порядка. Он считал, что кадетам нужно было использовать реальные возможности для проведения реформ, а не выдвигать политические и аграрные требования, на основе которых нельзя было найти согласие с монархом и его правительством. Позиция Маклакова: идеалы не всегда можно воплотить в реальности, нужно формулировать задачи, адекватные историческим обстоятельствам. Он называл кадетов свобододолюбивыми, бескорыстными, но неопытными интеллигентами-теоретиками, их убеждение, что революция – меньшее зло, чем самодержавие, было исторической ошибкой. Представление кадетов о том, что с революцией им будет легче справиться, чем с самодержави-

⁴⁴ Там же. С. 298.

⁴⁵ Там же. С. 344.

ем, привело к «исторической трагедии»⁴⁶. У кадетов были иллюзии по социальным и национальным вопросам, отмечал Маклаков⁴⁷. Причину слабости либералов он видел в отсутствии у них опыта государственной деятельности, беспомощности в практическом осуществлении своих отвлеченных теоретических идей.

Иначе оценивалась деятельность либералов в Думе Милюковым, убежденным в том, что народные представители, защищая интересы избирателей, могли выдвигать требования, не соответствовавшие российскому законодательству. И в годы своей политической деятельности в России, и в эмиграции Милюков был убежден, что либералы имели право настаивать на проведении более радикальной политической реформы, способной создать конституционное государство. Во время встречи с Витте в ноябре 1905 года Милюков заявил, что «уступки власти» «недостаточны и неполны», «никакое общественное сотрудничество с правительством невозможно до тех пор, пока власть не произнесет открыто слова “конституция”». Десятилетний период Думской монархии он характеризовал как «политическое лицемерие». Ответственность за конфликтный характер отношений Думы с правительством Милюков возлагал на «старые» силы. «Упорство» монархии в сохранении своих полномочий поддерживалось «первенствующим сословием», имевшим черты «старого “служилого” класса, «созданного властью для государственных нужд»⁴⁸. Милюкову не поднимал вопрос о приемлемости кадетской радикальной программы для монархии.

Нерешенность аграрного вопроса стала почвой для социальной революции, отмечал Маклаков. Переворот 3 июня 1907 г. и дальнейшая политика правительства в соединении с войной вели к катастрофе 1917 года⁴⁹. По мнению Маклакова, разногласия между разными социально-политическими силами могли быть разрешены правовыми методами, но власть, консерваторы, либералы и левые не смогли понять необходимость соглашения. Их противостояние привело к революции, в которой каждый стремился одержать победу над другими. Главной нерешенной задачей в России Маклаков считал низкую цивилизованность отношений власти к обществу, к личности. Время, предшествовавшее революции, он назвал «наивными годами»: и правые, и либералы недооценивали глубину катастрофических последствий революции, которую они могли предотвратить⁵⁰. Социально-политические проблемы в России Маклаков назвал «горючим материалом», но они могли быть решены, революционный «пожар» мог и не разгореться. «В феврале 1917 г. рево-

⁴⁶ Там же. С. 328.

⁴⁷ Маклаков 1936. С. 225-228.

⁴⁸ Милюков 2001.

⁴⁹ Маклаков 1954. С. 396-397.

⁵⁰ Там же. С. 371.

люции могло и не быть», думал Маклаков, так как в России постепенно устанавливался конституционный порядок, к которому привыкали правительство и либералы. «Оздоровление оборвала уже война»⁵¹.

Конфликтный характер взаимоотношений между разными политическими силами и непримиримость их позиций продуцировали революции в России, считали «прогрессисты».

Таким образом, в концепциях Маклакова, Милюкова и Шульгина есть идея вариативности эволюции России в позднейимперский период. «Прогрессисты» выделяли противоречия между самодержавной и конституционной тенденциями развития страны. С их точки зрения, ни одна из них не стала доминирующей, противоречия между ними вели к революции. Общим в их оценке долговременных обстоятельств, продуцировавших революцию, было признание раскола социума на традиционалистские силы и слои, ориентированные на преобразование России на основе идей о верховенстве закона и свободе личности; констатация упорства монархии в отстаивании всевластия, недостаточной обеспеченности защиты прав человека. «Прогрессисты» выделяли следующие долговременные факторы политического и социокультурного развития России, имевшие «горючий», революционный потенциал: незавершенность реформ; убежденность консерваторов, что власть самодержца не может быть ограничена законами, а либералы являются врагами монархии; не было обеспечено верховенство права; за годы существования Думской монархии не удалось наладить диалог правительства с парламентариями; радикализм ряда теоретических положений и требований кадетов, препятствовавший соглашению с монархией; максимализм левых сил в стране; власть расширяла гражданские права людей, но решила проблему злоупотреблений чиновников. Произвол бюрократии вызывал возмущение людей. Нерешенность проблемы «государственная власть – личность» создавала основу для критики правительства.

В анализе «прогрессистами» истоков Февральской революции прослеживаются идейно-ценностные составляющие. Либеральные «прогрессисты» характеризовали тенденции движения социума в контексте своих базовых идей о правовом государстве и гражданском обществе, а Шульгин – с позиции необходимости усиления власти для решения назревших задач развития общества. Общими были убеждения в необходимости эволюционного развития, укрепления государственности, реагирования на запросы общества путем развития конституционной политической системы, законодательства, проведения реформ.

Осмысление Маклаковым, Милюковым и Шульгиным истоков Февральской революции имело концептуальный характер: даны интерпретации целей, средств политики власти, ее реформ и контрреформ,

⁵¹ Там же. С. 377.

состава правительства, позиции общественности, альтернатив развития России в позднеимперский период, интересов и настроений народа.

Думские лидеры не считали Февральскую революцию неизбежной. В их понимании конституционная модель развития России могла приобрести устойчивый характер, если бы правительство проявило большую заинтересованность в сотрудничестве с народным представительством. Для «прогрессистов» не характерен фатализм. Они рассматривали исторический процесс как вариативный, незапрограммированный, многофакторный, определяли роль институтов и личности в истории, признавали влияние случайности на ход событий, применяли принципы детерминизма и историзма к анализу процессов, стремились избегать голословных оценок. Они выделяли верные шаги и ошибки власти, оценивали не благие намерения правительства, а его практику реформ. Но если Маклаков и Шульгин выделяли не только традиционные, но и инновационные процессы в конституционный период, то Милоков акцентировал внимание на консервации политической системы, незаинтересованности монархии в дальнейшем развитии парламентаризма.

Рефлексия «прогрессистов» интересна многофакторным подходом к анализу деятельности правящей элиты, идейно-аксиологической основы ее политики, сословной структуры общества, направлений движения России, традиционных и нововременных элементов в жизни и ментальности власти и общества. Такой подход позволил им выявить сложный характер влияния взаимоотношений разных социально-политических сил на исторический процесс и углубление его противоречий. Их оценка политического контекста зависела от степени соответствия деятельности старых и новых институтов власти задаче преобразований на основе идей законности, обеспечения прав граждан и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М.: Издательская группа «Юрист», 2005. 413 с.
- Багдасарян В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариативности общественного развития. М.: Научный эксперт, 2008. 72 с.
- Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. URL: http://you1917-91.narod.ru/buldakov_kr_smut.html.
- Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1907–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2016. 604 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. 416 с.
- Герасименко Г.А. Народ и власть (1917). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.
- Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. 224 с.
- Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милокова: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2005.
- Кочешков Г.Н. Некоторые дискуссионные вопросы Февральской революции // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2017. С. 78-84.
- Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX ве-

- ках. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 257–263.
- Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907–1912 гг.: дис. ... к. и.н. СПб., 2002. 216 с.
- Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж. Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1936. В 4 вып. 610 с.
- Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. <http://www.hrono.ru/libris/lib/maklak00.html>
- Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 335 с.
- Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
- Милоков П.Н. Война и вторая революция. Пять дней революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 3-29.
- Милоков П.Н. Историческая память. М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с.
- Народ и Власть в российской Смуте: прошлое и настоящее системных кризисов в России / В.П. Булдаков, П.А. Марченя, С.Ю. Разин // Вестник архивиста. 2010. 23 марта.
- Николаев А.Б. Государственная дума в дни Февральской революции: очерки истории. Язынь: Частный издатель П.А. Трибунский, 2002. 304 с.
- Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: АСТ, Астрель, 2011. 180 с.
- Поздняков К.В. Исторические и политические взгляды П.Н. Милокова (1876–1943): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1998.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. Вып. 54. 2016. С. 9-15.
- Розина О.В. Конец правления династии Романовых в фокусе мнений студентов-историков // Духовные основы славянского мира и революция 1917 г. в России. М.: Книжный мир, 2018. С. 77–88.
- Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
- Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 832 с.

REFERENCES

- Aronov D.V. Zakonotvorcheskaya deyatelnost' rossijskih liberalov v Gosudarstvennoj dume (1906–1917 gg.). М.: Izdatel'skaya gruppa «YUrist», 2005. 413 s.
- Bagdasaryan V.E. Rossijskij istoricheskij process v kontekste teorii variativnosti obshchestvennogo razvitiya. М.: Nauchnyj ehkspert, 2008. 72 s.
- Buldakov V.P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. М.: ROS-SPEHN, 1997. 376 s. URL: http://you1917-91.narod.ru/buldakov_kr_smut.html.
- Gajda F.A. Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1907 – 1917). М.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauki, 2016. 604 s.
- Gaman-Golutvina O. V. Politicheskie ehhlity Rossii. Vekhi istoricheskoy ehvolyucii. М.: INTELLEKT, 1998. 416 s.
- Gerasimenko G.A. Narod i vlast' (1917). М.: Voskresen'e, 1995. 288 s.
- Demin V.A. Gosudarstvennaya Duma Rossii (1906–1917): mekhanizm funkcionirovaniya. М.: ROSSPEHN, 1996. 224 s.
- Dorohov V.N. Istoricheskie vzglyady P.N. Milyukova: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. М., 2005.
- Kocheshkov G.N. Nekotorye diskussionnye voprosy Fevral'skoj revolyucii // Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovaniya: materialy konferencii «Chteniya Ushinskogo». YAroslav', 2017. S. 78-84.
- Kulikov S.V. IV Gosudarstvennaya дума i formirovanie vysshej ispolnitel'noj vlasti v gody Pervoj mirovoj vojny // Rossiya v XIX–XX vekah. Sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila SHolomovicha Ganelina / Pod red. A. A. Fursenko. SPb., 1998. S. 257–263.
- Ledneva I.V. Liberal'naya oppozitsiya v III Gosudarstvennoj dume 1907–1912. SPb., 2002. 216 s.
- Maklakov V.A. Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroj Rossii (vospominaniya sovremennika). Parizh. Izd. zhurn. Illyustrirovannaya Rossiya, 1936. V 4 vyp. 610 s.
- Maklakov V.A. Iz vospominanij. N.Y., 1954. http://www.hrono.ru/libris/lib_m/maklak00.html.
- Maklakov V.A. Vtoraya Gosudarstvennaya дума. Vospominaniya sovremennika. 20 fevralya – 2 iyunya 1907 g. М.: ЗАО Centrpoligraf, 2006. 335 s.

- Milyukov P.N. Istoriya vtoroj russkoj revolyucii. M., 2001. URL: https://royallib.com/read/milyukov_pavel/istoriya_vtoroy_russkoj_revolyutsii.html#20480.
- Milyukov P.N. Vojna i vtoraya revolyuciya. Pyat' dnei revolyucii (27 fevralya-3 marta) // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. S. 3-29.
- Milyukov P. N. Vospominaniya. M.: Sovremennik, 1990. T. 2. 446 s.
- Narod i Vlast' v rossijskoj Smute: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov v Rossii / V.P. Buldakov, P.A. Marchenya, S.YU. Razin // Vestnik arhivista. 2010. 23 marta.
- Nikolaev A.B. Gosudarstvennaya дума v dni Fevral'skoj revolyucii: ocherki istorii. Rya-zan': CHastnyj izdatel' P. A. Tribunskij, 2002. 304 s.
- Nikonov V.A. Krushenie Rossii. 1917. M.: ACT, Astrel', 2011. 180 s.
- Pozdnyakov K.V. Istoricheskie i politicheskie vzglyady P.N. Milyukova (1876 – 1943): avtoref. dis... kand. ist. nauk. Irkutsk, 1998.
- Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost': podhody i metody issledovaniya // Dialogue with time. Vyp. 54. 2016. P. 9-15.
- Rozina O.V. Konec pravleniya dinastii Romanovyh v fokuse mnenij studentov-istorikov // Duhovnye osnovy slavyanskogo mira i revolyuciya 1917 g. v Rossii. M.: Knizhnyj mir, 2018. S. 77–88.
- Smirnov A.F. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj Imperii 1906–1917 gg.: Istoriko-pravovoj ocherk. M.: Kniga i biznes, 1998. 624 s.
- SHul'gin V.V. Gody. Dni. 1920. M.: Novosti, 1990. 832 s.

Кочешков Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; kocheshg@mail.ru

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, доцент, кафедра Отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; els5656@yandex.ru

The views of the leaders of the Progressive Bloc

The article offers an analysis of the ideas of the liberal and moderate right-wing leaders of the Progressive Bloc in the Fourth State Duma for historical and cultural origins of the February Revolution of 1917, which have caused a crisis of Russian statehood. The diversity of historians' opinions of the causes of the revolutionary crisis of the time stipulates the continuation of the discussion on this topic. It is important to analyze the political culture of individuals who played a significant role in resolving the issue of power at the time, when they identified their political priorities and decision-making motivation. The ideas of the Progressists about long-term processes with a revolutionary potential were reconstructed: the incompleteness of reforms, the monarchy's orientation toward political traditions, the absence of a dialogue between the authorities and the liberals, the radicalism of the leftist forces in the country, the sociocultural split in society, the inability of the authorities to introduce the rule of law, and others. The ideological-value elements in an interpretation of the socio-political processes having led to the February revolution by liberals and moderate right-wing activists are shown: the rule of law, democracy, political freedoms and human rights, culture, powerful statehood, Russia. The value approach has determined the vision by the intellectual politicians of the national priorities of Russia's development - the interaction of the government with the public on the condition of individual rights protection.

Keywords: 1917 February revolution in Russia, Progressive bloc, State Duma of the Russian Empire, V.A. Maklakov, P.N. Milyukov, V.V. Shulgin

Gennadii Kocheshkov, Dr. Sc. (History), Professor, Chair of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University; kocheshg@mail.ru

Saraeva Elena Leonidovna, Dr. Sc. (History), Associate professor, Russian History Department, Yaroslavl State Pedagogical University; els5656@yandex.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Д. С. АРТАМОНОВ, С. В. ТИХОНОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЖЕНАУКА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ¹

Статья посвящена взаимодействию научного и лженаучного исторического знания в медиасфере. Методология исследования представлена совмещением языка истории идей и социального конструктивизма на основе терминологического аппарата теории коммуникации. Рассматривая историческое научное знание как элемент печатной медиасферы, авторы исследуют его особенности, приводящие к появлению знания лженаучного, а также устанавливают электронно-медийный характер манипулятивных приемов лженауки. Авторы приходят к выводу о том, что, хотя мифологизирующий потенциал лженауки очень высок, ее роль в формировании исторической памяти остается вторичной по отношению к науке – до тех пор, пока последняя в состоянии обеспечивать общество «надежным» прошлым благодаря качественным историческим исследованиям.

Ключевые слова: историческая наука, методология, историческая лженаука, медиасфера, исторические мифы, историческая память

Представления о прошлом – ключевой ресурс социального конструирования настоящего. Знания о былом многофункциональны: обеспечивая основания социальной коммуникации на всех ее уровнях, они формируют индивидуальную и коллективную идентичность, задают векторы интеграции и дезинтеграции, обеспечивают когнитивную платформу социальных оценок и решений. Система производства знаний о прошлом полисубъектна, тотальна по масштабу и предполагает значимость вклада каждого социального субъекта. История – всенародное достояние в полном смысле этого слова, востребованность исторических знаний универсальна: «какими-то знаниями о прошлом обладает практически каждый; без него человек полностью выключен из социальных и политических дискуссий, точно так же, как потерявший память утрачивает большинство возможностей нормального человеческого общения»². Исторические знания качественно разнородны в силу многообразия типов познания, их социальный потенциал неравноценен, а отношения между разными дискурсами не нейтральны. Производимое исторической наукой как социальным институтом специфическое научное историческое знание о прошлом, несмотря на все дискуссии о статусе

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

² Тош 2000. С. 11.

се гуманитарных наук, остается максимально близким к эталонам объективности и достоверности, а потому оно открыто для всех агентов исторической памяти. Надежное прошлое в долгосрочной социальной перспективе дает большие преимущества, чем прошлое приятное/удобное, чем и объясняется высокий уровень востребованности исторического знания «от науки», а также его способность «синхронизировать» многообразие социальных знаний о прошлом, и, если и не приводить его к полифонии, то, хотя бы, избегать явной какофонии.

Однако ненаучные представления об истории отнюдь не являются покорным ведомым для науки, нередко они открыто бунтуют против ее авторитета или используют его как трамплин. Расцвет неформальной истории, пришедшийся на миллениарный рубеж, совпал со сломом методологической парадигмы истории институциональной, и это совпадение не было случайным. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на феномене *исторической лженауки*, «интегрирующем» два мира – исторической науки и творческой памяти масс, и попытаемся охарактеризовать детерминанты ее популярности в современной медиасфере. Наш анализ потребует совмещения языка двух дисциплинарных областей – истории идей и социального конструктивизма, которые мы попытаемся реализовать с помощью терминологического аппарата теории коммуникации. Иначе говоря, мы рассмотрим блок определенных идей (обозначив их как *историческую лженауку*), учитывая, а) интеллектуальные процедуры их производства; б) институциональный статус их авторов; в) социокультурную специфику коммуникационного канала, используемого для их тиражирования; г) их роль в воспроизводстве социального целого.

История и медиасфера. К понятию *медиасфера* относят часть общественной системы, связанную с функционированием средств массовой коммуникации. Содержание термина еще не устоялось. В узком смысле к медиасфере относят всю совокупность традиционных СМИ, в широком – все современное коммуникационное пространство, построенное на интегрировании массовых медиа (печать, радио, телевидение) и Интернет-технологий. М.А. Буряк определяет медиасферу так: «это совокупность идей, тем, мнений и других нематериальных сущностей, представленная медиатекстами, обладающими следующими признаками: важность, значимость для разных групп аудиторий, сиюминутность, злободневность, открытость для многочисленных интерпретаций»³. Отметим, что медиатексты сложно рассматривать в отрыве от порождающих их каналов, которые, кстати, и задают их сущностные признаки.

Как правило, историческая наука противопоставляется медиасфере, настолько традиционно, что это противопоставление можно считать классической установкой методологов от истории. Наглядный пример

³ Буряк. 2014. С. 209.

такой методологической стратегии – предложенная И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым аналитическая схема, в которой выделены три источника знаний о прошлом: а) профессиональные источники; б) «медиа-источники»; в) «жизненный мир»⁴. Логика этого противопоставления восходит, во-первых, к оппозиции элитарного и массового, во-вторых, к автономному статусу науки и СМИ в институциональном подходе, описывающем каждый из этих феноменов как самостоятельный социальный институт и отдельный агент социализации. Жесткая демаркация науки и медиа, вполне методологически обоснованная там, где речь идет о различиях производимых ими типов знаний о прошлом, существенно затрудняет рассмотрение коммуникации между исторической наукой и медиатекстами. Затемняет она и то обстоятельство (весьма важное для нашего исследования), что наука с самых ранних этапов своего полноценного существования всегда была интегрирована в медиасферу, поскольку письменная апробация научных результатов всегда была и остается частью социальной системы массовой информации.

Узкая специализация научной периодики и монографической литературы воспринимается исследователями как коммуникативный барьер, изолирующий ее от массового читателя. Д.М. Володихин так описывает ситуацию: «Неспециалист равнодушен к научным трудам и обращается к ним весьма редко. Точнее сказать, в исключительных случаях. А когда наступает подобный “исключительный случай”, то интересующийся историческими знаниями человек со-стороны, сталкиваясь с профессионально сделанной монографией, мало понимает в ней, да еще и дает ей порою самое превратное толкование. По страницам популярных журналов и газет, а еще того больше по блогосфере кочуют фразы известных исследователей, вырванные из контекста, искаженные сокращениями, пересказанные до неузнаваемости...»⁵. Думается, это описание демонстрирует не изоляцию научного исторического знания от медиасферы, речь идет о его искажении, отнюдь не ограничивающем прямого влияния. Здесь открывается любопытная перспектива социологического исследования на тему «Какие работы массовый читатель считает профессиональными историческими текстами?». Но, пока оно не проведено, ограничимся предположением, что в массовом сознании существует канон читаемых «профессиональных исторических текстов», и этот канон, весьма вероятно, будет шокирующим для историков.

Коммуникационная связь исторической науки и медиaprостранства глубже, чем эманация научных текстов в общественное сознание и их дальнейшая вульгаризация. Развитие коммуникационных каналов меняет роль исторических источников. В чередe коммуникационных

⁴ Савельева, Полетаев. 2011. С. 7.

⁵ Володихин 2012. С. 346.

революций наблюдается закономерность: каждый следующий массовый канал, опирающийся на новую технологию объективации и передачи сообщения, распространяется быстрее и шире предыдущего, снижая асимметрию ролей коммуникатора и реципиента. Чем глубже проникновение канала в повседневность, тем больше исторической информации остается в его сообщениях. Приращение новейшей истории означает расширение массива и повышение плотности письменных следов прошлого. Коммуникационная версия технологического детерминизма открывает новый взгляд на методологические искания исторической науки в Новейшее время, позволяя интерпретировать их как реакцию на рост медийной информации, хранящей следы социальной жизни.

Отметим, что новые медиа⁶ имеют текстовую форму или сводимы к ней, а текст был и остается излюбленной формой источников для историков. Можно сказать, что герменевтические процедуры вдумчивого, «исторически чуткого» чтения (М. Аллан) составляют основу мастерства историка. Экспоненциальный рост материалов отражается на предмете исторического исследования и его источниковой базе и через предмет диктует свои требования к его методологии. Лингвистический, антропологический, мемориальный, интеллектуальный повороты исторической науки – не стихийные метания между модой и междисциплинарностью, а системная реакция исторической науки на коммуникационную эволюцию социума. Через ряд десятилетий источниками историков станет пользовательский контент современного Интернета, и продвижение общества в цифровую эпоху будет только усиливать эту тенденцию. Открытые цифровые архивы и прозрачность электронного государства придадут новое качество знанию о том «как это было». Интернет визуализирует историческое творчество масс (их вклад в историю и в науку о ней), подготавливая новый объект для историков будущего.

Вместе с тем, рост медиатекстов и включенности массовой аудитории в их производство неизбежно влечет за собой смещение функций профессиональных историков. С одной стороны, становится надежнее (стабильнее?) историческая память, устная история в формате видеоблогинга обретает осязаемость, стремление к «исторической самостоятельности» и «исторической причастности» перерастает из исторической реконструкции в фолк-хистори. «Историческое» раскрепощение молча-

⁶ Новые медиа – условный термин, которым мы предлагаем обозначать социальные сервисы на базе технологий web 2.0. Эти технологии ориентированы на создание контента не профессионалами, а самими пользователями, причем прирост контента равнозначен приросту пользователей – чем больше людей используют сеть, тем выше ее привлекательность. Социальные сервисы (социальные сети) оптимизировали пользовательское управление различными видами интернет-коммуникации, обеспечивая хранение и обмен данными разного формата, публичную активность, приватное и групповое общение, а также самопрезентацию индивидов в Интернет-пространстве.

ливых масс с короткой памятью не может быть нейтральным по отношению к исторической науке, оно предъявляет собственные запросы. Речь идет не о прямой конкуренции, а о выдвигании социально значимых тем, требующих внимания профессионалов. С другой стороны, эпоха быстрого чтения ставит под вопрос продуктивность медленного исторического чтения в сверхнасыщенной информационной среде.

В этих условиях связь исторической науки и лженауки невозможно установить изнутри первой. Необходим более широкий взгляд, и таким взглядом является уровень медиасферы.

История и лженаука. Центральное понятие нашего анализа – лженаука – уязвимо в методологическом отношении. Главная проблема заключается в том, что оно детерминировано выбором точки отсчета: только внутринаучное позиционирование субъекта анализа позволяет идентифицировать лженаучность тех или иных исторических воззрений. Для обывателя существует не лженаука, а наука, в которой одни ученые по тем или иным причинам (чаще всего к науке не имеющим отношения) критикуют и отрицают достижения других. Иначе говоря, диалог лженауки и общества последним весьма часто воспринимается как диалог с наукой. Беспомощность представителей научного сообщества в решении задачи дистанцирования от лжеученых определяется нерешенностью проблемы демаркации научного знания, спецификой научного этоса, неразвитостью PR-практик в научной жизни и, в случае истории, спецификой познаваемого объекта.

Проблема демаркации, трактуемая как определение универсального критерия научности, стала одной из важнейших проблем в философии науки XX в., но так и не получила удовлетворительного решения, несмотря на упорные усилия логических позитивистов, неопозитивистов, исторического направления в философии науки. В процессе ее разработки были установлены смена типов научной рациональности и парадигм, описаны выдвигание новых идей, гипотез, различия в системах идеалов и норм научности в естественнонаучных и гуманитарных областях, выявлены механизмы смены поколений в научном сообществе, а также его дифференциации по темам, подходам, школам. Тем не менее, для различения науки и ненауки приходится использовать комбинированные критерии, эффективно работающие в одних случаях и не дающие результата в других. Пока не сформирована система понятий, позволяющих дифференцировать и фиксировать маргинальную зону между наукой и ненаукой. Как показывает А.М. Конопкин, околonaучное знание описывается с помощью таких терминов, как псевдонаука, паранаука, лженаука, идеологизированная наука, патологическая (девиантная) наука, альтернативная (нетрадиционная) наука, квазинаука, антинаука, «грязная» наука (junkscience), аномальное знание, фальсифицированная наука, фолк-наука («народная наука»), репрессированная

наука, часто употребляемых в качестве синонимов⁷. В основу демаркации кладутся разнообразные критерии, от формальных до предметных (истинность, метод, институциональный статус автора концепции, этическая чистота, идеологизированность, ангажированность). В рамках данной статьи мы будем использовать для фиксации лженауки понятие, выдвинутое С.А. Лебедевым, в соответствии с которым лженаука – это «идеи и концепции, выступающие от имени науки, мимикрирующие под нее путем имитации некоторых ее внешних черт (дискурсивность, рациональность, апелляция к опыту, практике и социально-важным целям), однако не выдерживающие серьезной критики со стороны соответствующего профессионального научного сообщества на соответствие ее заявок общепринятым стандартом научности знания»⁸.

Этос науки – это система ценностей и норм, разделяемая представителями научного сообщества. Как показал Р. Мертон, нормы научного этоса одновременно техничны и моральны, формируясь на основе правил научного метода, они вбирают в себя моральную оценку и лежащую в ее основе ценность⁹, и формируются вокруг базовых императивов: универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма. Из первого императива следует внеличностный, объективный характер научного знания. Беспристрастный поиск объективной истины выносит за скобки личностные маркеры, заставляя ученого писать в безличном стиле и быть самокритичным, проверяя и перепроверяя свои результаты. Самопрезентация в науке всегда играет минимальное значение, поскольку решающая роль в вынесении решения о состоятельности идей и заслугах индивида принадлежит научному сообществу. Отдельный же ученый даже не сразу привыкает говорить от своего имени (вспомним весьма сильную отечественную традицию писать научные тексты безлично или пользоваться не менее расплывчатым «мы», присоединяющего к автору его учителей и авторитетов), но не от имени своих регалий; ориентируясь на результат, значение которого понятно специалистам, он пренебрегает формой изложения, используя привычный научно-академический стиль, обрекает себя на безразличие массовой аудитории. Скромный ученый со скучным малопонятным текстом не имеет преимуществ на ярмарке тщеславия медиасферы.

Разумеется, ситуацию можно исправить, обучая научных работников технике самопрезентаций. На Западе *Science communication* представляет собой самостоятельную дисциплину, призванную формировать у ученых прикладные знания о том, как строить диалог с обществом, как представлять себя и свои результаты коллегам и дилетантам. В России

⁷ Конопкин 2010. С. 10.

⁸ Лебедев 2004.

⁹ Merton 1973. P. 270.

научному сообществу только предстоит осознать важность этой дисциплины (первой ласточкой является магистерская программа по научной коммуникации Университета ИТМО). Повсеместно PR-практики в отечественных научных и образовательных учреждениях концентрируют усилия собственных пресс-служб вокруг имиджа вуза (института), не занимаясь продвижением научных исследований сотрудников¹⁰.

История как наука представляет собой удобный объект для лженаучных построений. Во-первых, сами ученые-историки признают принципиальную непознаваемость прошлого. Источники о прошедших событиях являются, в большинстве случаев, результатом субъективного восприятия действительности и такого же субъективного их отражения в документах. Интерпретация этих документов историками также субъективна, в силу чего реконструкция объективной исторической реальности становится невозможной. Методология истории, призывая историков преодолевать субъективизм, оставляет за ними право на авторскую точку зрения, чем активно пользуются представители лженауки.

Во-вторых, история, неспособная достичь объективного знания о прошлом, рассматривается как не наука, а род литературы. У литературного и исторического произведения есть много общего, кроме наличия авторского вымысла, они преследуют одинаковые цели, такие как стремление дать оценку прошедшим событиям, поведению героев, пробудить определенные чувства у читателя, воспитать в нем определенные черты, стать формой идентификации человека с группой, народом, страной и проч. Лжеисторические произведения преследуют ровно те же цели и подчас делают это очень искренне.

В-третьих, это наличие большого количества «белых» пятен в истории. В историческом прошлом нам известны не все события и их обстоятельства, так как это связано с состоянием исторических источников и их доступностью исследователям и широким массам. Пробелы исторического знания дают благодатную почву для появления различного рода фальсификаций.

В-четвертых, это закрытость сообщества ученых-историков. Научные труды пишутся для узкого круга специалистов, очень сложным для массового читателя языком. Кабинетный ученый-историк не имеет возможности донести свою точку зрения до массового читателя по причине недоступности ему медийных ресурсов и неумения соответ-

¹⁰ Обзор деятельности академических и университетских PR-структур, проведенный Агентством SPN Communications в рамках совместного с РВК проекта, показывает дефицит организационных PR-специалистов (0,4-2,6 PR-специалиста на 1000 работников научной/образовательной организации в России vs 4-7 – на Западе) и низкое качество осуществляемого ими PR-сопровождения. Историческая наука оказывается «молчаливым меньшинством», сдавая позиции креативной околонуке. См.: Исследование коммуникативных практик...

ствующим образом подать свой материал, чему виной во многом отсутствие навыков самопрезентации. В исторической лженауке таких проблем нет, как правило ее представители яркие личности, хорошо вписывающиеся в медийный контекст, а востребованность их сочинений в обществе открывает им доступ ко всем необходимым ресурсам, начиная от книгоиздания, заканчивая эфирами на телевидении.

Историческое знание сегодня представлено во многих формах: исторической беллетристики, альтернативной истории, криптоистории, фолк-истории и др., они присутствуют в медиа пространстве, массовом сознании и соперничают с исторической наукой в формировании представлений о прошлом. Различные познавательские практики, не претендующие на статус науки, имеют давнее происхождение и выполняют в обществе социокультурную роль, обеспечивая формирование исторической памяти, переводя научное знание на язык простого обывателя. Критика исторической лженауки вовсе не означает автоматической дискриминации ненаучных и промежуточных форм знания или нивелирования их социокультурной функции, также как признание историчности и многообразия форм исторического знания вовсе не предполагает релятивизма в смысле отказа от оценки этих форм и перехода к «методологическому анархизму»¹¹. Вполне возможно признавать и объяснять плюрализм исторического знания, не принимая тезисы о равной ценности его элементов и форм.

Историческая наука относится именно к научному знанию, обладая разработанной методологией исследований, имея развернутый и обоснованный инструментарий познания прошлого, структурированный научный аппарат и язык описания полученных результатов. Функции исторической науки вполне укладываются в структуру функций научного познания, вплоть до признания за ней возможности истинного описания действительности и наличия прогностической функции. К исторической лженауке соответственно относятся тексты, претендующие на научность, но таковыми не являющиеся, так как, соответственно, игнорируют методологию исторического исследования, научный аппарат и инструменты познания истории, такие как критика исторических источников, изучение историографии, текстологический анализ и др. и на этом основании отрицают установленные исторические факты.

К исторической лженауке можно с полным основанием отнести исторический ревизионизм (негационизм), представленный альтернативными историческими теориями, претендующими на истинность, которые пересматривают исторические концепции на основе отрицания фактов прошлого, их фальсификации либо произвольной интерпретации исторических источников.

¹¹ Вархотов 2017. С. 35.

Медиаспецифика исторической лженауки. В наше время накопилось достаточно много лженаучных теорий, которые были записаны в этот разряд благодаря усилиям научного сообщества историков¹². Сюда можно отнести «Новую хронологию» А.Т. Фоменко¹³, «Ледокол» В. Суворова¹⁴, псевдоисторические сочинения М. Аджи¹⁵, М. Кремо¹⁶, Э. Мулдашева¹⁷, А. Асова¹⁸, А. Бушкова¹⁹, А. А. Арутюнова²⁰ и др.

Критические исследования лженаучных построений позволяют выявить и описать их основные приемы, которые со всей очевидностью можно отнести к манипулятивным технологиям влияния на массовое сознание²¹. Лженаука действует в коммуникативном поле медиасферы, поэтому приемы, которые она использует, также с успехом применяются на телевидении, радио, в печатных СМИ, сети Интернет, книгоиздании. Самый распространенный из них – это манипуляция посредством актуализации ценностных представлений аудитории. Научное знание является одной из важнейших общественных ценностей; именно наука призвана дать человечеству ответы на все его вопросы. Простому обывателю отличие научного знания от ненаучного видится в языке, используемом наукой в описании действительности. Использование специальных слов и символов отличает науку от других форм знания. Лжеученые активно используют терминологию и внешний антураж научных исследований. Мимикрируя под науку, они вводят в заблуждение своих читателей. Другой распространенный прием – метод «забрасывания грязью», он заключается в негативно окрашенной фразеологии, направленной против официальной науки, которой навешивается ярлык лживой, скрывающей от широких слоев общества известную ей истину с определенными целями. Это один из самых грубых пропагандистских приемов, однако, тем не менее он широко используется лженаукой.

Лжеученые активно используют метод упрощения проблемы. Историческая наука призвана ответить на два важных вопроса, относящихся к изучению прошлого: как было? и почему так было? Ответить на оба

¹² Петров 2004. С. 36-59.

¹³ Голубцова, Кошеленко 1982; Голубцова, Смирин 1982, Голубцова, Завенягин 1983; Вассович 1984; Мифы новой хронологии...; История и антиистория...; Сборник Русского исторического общества...; Шмидт 2003. См. также материалы под рубрикой “Мифы “новой хронологии” академика А.Т. Фоменко” в журнале “Новая и новейшая история” (2000, № 3).

¹⁴ Городецкий 1995; Грызун 2004.

¹⁵ Никитин 2006.

¹⁶ Белоусов 2007.

¹⁷ Балашевич 2003; Образцов 2004; 2005.

¹⁸ Что думают учёные о «Велесовой книге»...

¹⁹ Елисеев 1998.

²⁰ Ваксберг 2003; Случ 2004; Соболев 2009; Штейн 2004.

²¹ Дзялошинский 2005. № 1. С. 29-55, № 2. С. 56-76.

эти вопроса чрезвычайно сложно, что и составляет основную работу историков. В лжеисторических сочинениях, действительность как правило предельно упрощается, и с этой исходной позиции им легче ответить, а читателю воспринять как было и почему так было? Само построение лжеисторических сочинений содержит в себе интригу, что тоже можно отнести к техникам манипуляции, однако, этим лжеистория и история, как и литература не сильно отличаются друг от друга. Погоня лжеученых за сенсациями и стремление раскрыть и раскрасить «белые пятна» истории является сугубо манипулятивным приемом. Следует отметить, что история как наука ставит перед собой такие же цели, однако, они не становятся главными и не определяют методологию исследования. Лжеученые часто используют трюизмы – общеизвестные истины, выдавая их за свои научные открытия. Этот прием можно часто видеть в исторических телефильмах или передачах, где ведущий или рассказчик обращается к старинным книгам или архивам, открывает широкой аудитории ранее неизвестные факты, а на самом деле говорит банальные вещи, давно известные специалистам. Метод использования авторитетов применяется как манипулятивный прием. Ссылки на историков, уже изучавших тему, являются необходимым элементом любого научного исследования и составляет историографию проблемы, в лже-науке, ссылки на авторитеты преследуют цель подтвердить их именем шаткие научные построения и недостоверные сведения. Лжеученые используют и такие манипулятивные методы как: применение псевдологических выводов; допущение возможности чего бы то ни было; утвердительные заявления; подбор аргументов, в том числе аргументированное опровержение; псевдо-объяснение; превентивные ответы (ответы на незадаанные вопросы, когда автор ставит вопрос и сам же на него отвечает); недосказанность, с намеками на какие-либо обстоятельства и др.

Лжеисторические концепции ориентированы на скандал²². Их авторы изначально в своих сочинениях закладывают сценарий скандала, который необратимо возникает при публикации. «Открытия» лжеисториков, становятся сенсациями, если есть общественный резонанс. В их сочинениях всегда два адресата: широкая аудитория и ученые, профессиональные историки, и если последними они будут не замечены и не раскритикованы, то трудно рассчитывать и на массового читателя. Массового читателя лжеисторики привлекают, делая объектом своих исследований и разоблачений ключевые события истории. Эти события сами по себе несут важный для общества информационный потенциал, формирующий его идентичность, поэтому «переосмысление» и «переоткрытие» с такими событиями происходит постоянно. Находясь в пространстве социальной памяти и являясь инструментом политического

²² Дмитриев, Сычев 2014.

манипулирования массами, они естественным образом мифологизируются, а миф становится самым удобным объектом «разоблачения».

История и миф. Мифологизация истории происходит на трех уровнях. Первый уровень – обыденное сознание, для которого восприятие действительности в форме мифов вполне естественно. Миф – это исторически первая форма мировоззрения, но она не замещена сегодня в полной мере религиозной или научной картиной мира, она продолжает сосуществовать рядом с ними, а чаще всего превалирует. Миф представляет собой упрощенную форму восприятия действительности в виде определенного нарративного текста, способного давать простые ответы на сложные вопросы. Образы исторического прошлого также упрощаются и низводятся до уровня мифов. Примером может служить легенда о призвании варягов, где сложный процесс создания древнерусского государства приобретает упрощенную форму: призвали Рюрика – он и заложил основу русского государства. Другой характерный пример – сложный и многообразный процесс преобразований эпохи Петра Великого, который в большинстве случаев сводится в исторической памяти современного россиянина к трем сюжетам в вариациях, персонифицированным в образе самого императора: Петр I «прорубил окно» в Европу, построил флот и обстригал бороды и полы кафтанов боярам. История становится мифом, чтобы быть понятной рядовому обывателю.

Представления о прошлом в обыденном сознании могут быть хронологически непоследовательными, события – смещены во времени, спутаны, герои и факты из разных эпох могут слиться в одно целое, но в то же время структура исторической памяти очень проста и в высшей степени оценочна. Причем оценки сводятся к простой дихотомии добро-зло, хороший-плохой, наши-чужие и т.д. Оценивая факты прошлого, человек рассматривает их в бинарной оппозиции, поэтому манипулирование историческими представлениями достигается путем простой смены оценок тех или иных событий и героев, оценочные характеристики меняются с отрицательных на положительные и наоборот.

Эффективность этого приема хорошо иллюстрирует история восприятия революционных событий и гражданской войны начала XX в. Если во времена социалистического строительства они воспринимались со знаком плюс, то после распада Советского Союза знак меняется на противоположный. В специальной исторической литературе, а главное – в СМИ происходит реабилитация белого движения, возвеличивание высокого офицерского подвига по защите страны от большевизма, очернение героев революции и описание преступлений «красных бандитов».

Большое распространение получают конспирологические теории, в которых происхождение революционных и в целом оппозиционных движений приписывается деятельности специальных служб и разведывательных подразделений иностранных государств. В «документаль-

ных» телевизионных фильмах и печатных СМИ можно найти массу примеров такого освещения событий. Данная трактовка событий нашла отражение в экспозициях интерактивной выставки «Романовы. Моя история»²³ и в лекциях семинара-совещания губернаторов, председателей законодательных собраний и мэров крупных городов, при участии президента РФ В.В. Путина и первых лиц государства (29-31 января 2015 г.)²⁴. Теория заговора, поддержанного иностранными государствами, является универсальным инструментом объяснения возникновения всех революционных и оппозиционных движений. Представление о чуждости обществу революционных идей и навязывание их извне эксплуатируется государственной властью достаточно давно (с начала XIX в.), и поэтому находит сочувственный отклик в массовом сознании.

Второй уровень мифологизации истории – это пространство медиасферы, включающей в себя не только СМИ, но и сферу искусства. Здесь история мифологизируется с вполне очевидной целью, чтобы быть понятной и интересной тому же рядовому обывателю, на которого искусство ориентировано, а СМИ прямо работает. Анализ современного состояния медиасферы позволяет определить основные актуальные исторические концепты и мифологемы массового сознания. Одним из них стал концепт: «Россия, которую мы потеряли»²⁵. В основе его представление о Российской империи до событий 1917 г. как о государстве, основанием которого является социальный консенсус, общественное благополучие и особый жизненный уклад. Разрушен этот идеальный мир был при помощи чуждых иностранных идей и их носителей — внутренних и внешних врагов. Тому идеальному миру соответствовали идеальные герои: дворяне, офицеры, государственные мужи, радеющие за Россию и защищающие ее от врагов. Это вписывается в концепцию реабилитации «белого движения» и ярче всего отразилось в коммеморации 100-летия Первой мировой войны в 2014 г. В СМИ этот период истории был представлен как незаслуженно «забытая война», где было место героическим подвигам, имевшим не меньшее значение, чем подвиги российского народа других войн.

Третий уровень мифологизации истории представлен самой исторической наукой. Историки не свободны от влияния мифов, определяющих общественное сознание, они имеют политические убеждения, им не всегда удается избегать заблуждений. Ошибки исторических исследований, допущенные непреднамеренно или с умыслом, могут стать

²³ Моя история. Романовы...

²⁴ Колесников 2015.

²⁵ Ярче всего этот концепт представлен в творчестве режиссера Никиты Михалкова (в фильмах «Сибирский цирюльник», «Статский советник», «Солнечный удар» и др.), а также в телевизионных документальных фильмах (например, «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе).

источником мифов. Поиск исторических мифов и их разоблачение происходит в научной среде постоянно, самые яркие открытия попадают в СМИ, литературу, искусство: они и наука создают мифы – они же призваны их разрушить. Все это будоражит общественное сознание, привлекает внимание к актуальным проблемам современности, объясняет сложные социально-политические процессы и оседает в исторической памяти. Для того, чтобы стать частью исторической памяти представление о прошлом должно быть достаточно упрощено и мифологизировано, сведено до простой идеологической конструкции. Представлению о прошлом совсем не обязательно быть развернутым и содержательным, чем оно будет проще, тем лучше оно будет усвоено.

Таким образом, историческая память становится идеальным инструментом политического и социального манипулирования, чем успешно пользуется историческая лженаука.

История и историческая память. В современном гуманитарном знании произошло разграничение объектов исследования Истории и исторической памяти. Исследование исторической памяти можно понимать как процесс изучения представлений о прошлом в индивидуальном и коллективном сознании. При изучении исторической памяти на первый план выходят проблемы репрезентации истории, субъективное восприятие исторических процессов и фактов, политологизация и коммерциализация истории. Историческая память представляет собой сложное явление, структурно распадающееся на индивидуальную историческую память и коллективную. Коллективная память рассматривается как внегенетическая культурная память какой-либо «мы-группы» (народа, нации, этноса, языковой или культурной общности), способствующая социальному объединению (М. Хальбвакс, Я. Ассман, Ю.М. Лотман). Индивидуальная историческая память основывается на личном опыте человека. Два вида памяти настолько взаимосвязаны, что это позволяет исследователям²⁶ делать выводы о существовании исторической памяти только как коллективной или социальной памяти, включающей индивидуальную память как обобщенный образ представлений, принимаемый и узнаваемый всеми членами общности. Между тем, следует говорить об эволюции исторической памяти от индивидуальной к коллективной. Переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному сопровождался потерей человеком родовых связей, а значит и родовой памяти, которая представляла собой начало исторической памяти в собственном смысле. История рода транслировалась через исполнение обрядов, ритуалов, следование традициям, семейные рассказы, фольклор, составляя личный интеллектуальный опыт человека, его историческую память и определяя его идентичность.

²⁶ Репина 2004. С. 42.

В современном мире человек лишен прямой преемственности исторической информации от предыдущих поколений, поэтому с целью обретения собственной идентичности он вынужден обращаться к коллективной памяти, представленной культурой. Сегодня наблюдается устойчивый интерес к генеалогическим изысканиям, семейной истории, микроистории, локальной истории. Все это представляется попытками восстановить индивидуальную «родовую» историческую память. Этот способ доступен в большинстве случаев тем, кто имеет специальное историческое образование и достаточно свободного времени. Более приемлемым, но тоже элитарным способом является участие в движении популяризации истории (клубах исторической реконструкции, самодеятельных творческих коллективах, сюда же можно отнести «возрождение казачества»). Источниками исторической памяти становятся школьное и вузовское образование, средства массовой информации, художественная литература, кинематограф, все возможные «места памяти»²⁷, причем в большей степени на формирование исторической памяти индивида влияют средства массовой информации и места памяти.

Зависимость истории от памяти – очевидный факт. Именно память и ее формы определяют возможности воссоздания прошлого, история оперирует информацией, которая содержится в памяти, но память, как и история, является продуктом воссоздания и, следовательно, реконструкцией прошлого. Память формируется в процессе воспоминаний, которые сами не являются живой реальностью, а представляют собой позднейшие мысленные конструкции, составляющие индивидуальную память человека. Этим объясняется феномен «ложных воспоминаний» (З. Фрейд), т.е. воспоминаний о фактах прошлого, которые хотя и никогда не существовали в действительности, воспринимаются человеком как реальность в силу его убежденности в этом. Причины возникновения «ложных воспоминаний» лежат в воображении и желании сознания забыть о том, что причиняет ему невыносимую боль. «Ложные воспоминания» замещают воспоминания о неприятных событиях биографии человека, но они также могут воссоздаваться в целях восполнения лакун памяти. То, что было прочно забыто, восстанавливается при помощи воображения и приобретает статус реального прошлого, но в сильно измененном виде, часто совершенно отличным от того, что было на самом деле, а может никогда и не происходило²⁸.

Прошлое воссоздается при помощи воспоминаний, воображения, стереотипов и составляет индивидуальную память человека. Воспоминания представляют собой личный или опосредованный опыт человека, воображение является творческим актом, а стереотипы берутся из кол-

²⁷ Нора 1999. С. 26.

²⁸ Хаттон 2003. С. 160-184.

лективной памяти. Коллективная память представляет собой обобщенный образ представлений отдельных личностей о прошлом, которая обогащает, формирует и задает «социальные рамки» (М. Хальбвакс) индивидуальной памяти. Индивидуальная память является источником формирования памяти коллективной, но одновременно наблюдается процесс взаимовлияния, коллективная память может восполнять недостаток представлений о прошлом в памяти отдельного человека.

Коллективная память включает в себя такие виды памяти как коммуникативная и культурная. Коммуникативная память охватывает представления, которые связаны с недавним прошлым, она обычно связана с одним-двумя поколениями и представляет собой те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Культурная память не представляет прошлое как объективную реальность, а трансформирует его в символические фигуры, тексты, образы, традиции, обряды, ритуалы, к которым прикрепляются представления о прошлом, являющиеся умозрительной конструкцией²⁹. Культурная память, таким образом, является источником стереотипов, влияющих на формирование памяти, а коммуникативная память предоставляет воспоминания для формирования коллективной памяти общества. Таким образом, коллективная память формируется по тем же принципам, что и индивидуальная, она создается из напряженного переплетения тех же самых элементов: воспоминания и стереотипов, но если в формировании памяти индивида особую роль играет воображение, то стоит предположить, что и для коллективной памяти оно будет иметь значение.

Элемент воображения привносят в структуру коллективной памяти носители культурной памяти человеческого общества. В разные эпохи и в разных культурах это были шаманы, жрецы, барды, учителя, писатели, ученые, они являются носителями знания, в том числе знания о прошлом, которое никогда не передавалось ими в неизменном виде. Всегда при передаче знания о прошлом, оно претерпевало изменения, обусловленные воображением человека, его передающего. Это касается не только устных текстов, но и письменных.

Если говорить об исторической памяти, то она необходимым образом менялась под воздействием воображения профессиональных историков. Для исторического знания достоверность очень важный фактор, так как оно претендует на воссоздание реального прошлого, но в то же время оно не может быть свободно от воображения историка, которое и создает в этом прошлом разночтения. Вместе с тем, именно труды историков создают каркас исторической памяти, их работы влияют на формирование представлений о прошлом писателей, художников, политиков, учителей, которые, в свою очередь, транслируют эти представления

²⁹ Ассман 2004. С. 52-55.

в общественное сознание в сильно измененном виде, привнося в них свой элемент воображения. Наличие элемента воображения в профессиональных исторических исследованиях делают их крайне уязвимыми со стороны критики лжеисториков и различного рода манипуляторов исторической памятью, чем они активно пользуются.

Таким образом, бытие исторической памяти зависит от активности как исторической науки, так и исторической лженауки.

Заключение

Если исходить из характерной для современного цифрового мира объективации исторической памяти в медиасфере, а также масштабов включенности населения планеты в эти процессы, роль исторической лженауки в воспроизводстве исторической памяти (что в соответствии с постулатами социального конструктивизма равнозначно воспроизводству социальной реальности) представляется если не триумфальной, то фундаментальной. Интеллектуальные процедуры ее производства чаще опираются на воображение, нежели на чистое познание; «творцы» тратят много усилий на собственную медийность, узнаваемость и известность; язык близок к масскульту, концептуальное содержание, в силу примитивности, пригодно для трансляции современными медиа.

Создаваемое исторической лженаукой знание – это знание, созданное для масс, на языке масс, представителями масс. Именно поэтому оно пригодно для управления массами и, по той же причине, столь востребовано. Однако эта мрачная картина построена на невольном сгущении красок, забвении того обстоятельства, что лженаука существует только потому, что есть наука: она глубоко вторична по отношению к науке и без нее существовать не может. Многообразие форм знания отнюдь не означает их когнитивной равноценности. За массой всегда скрываются люди, экзистенциальные ситуации которых не разрешимы манипулятивными технологиями. Мировоззренческие функции лженауки реализуются после того, как наука уже выполнила свою роль, создала исходную картину прошлого и систему его оценок. Более того, чаще всего они реализуются там, где наука не способна дать ответы вопрошающим умам. Значит ли это, что лженаучный карнавал в исторической медиасфере должен восприниматься историком как закономерное явление, не требующее никаких действий? Конечно, нет. Как мы помним, обществу жизненно необходимо надежное прошлое. До тех пор, пока мифологические игры лженауки его не подрывают, к ним стоит относиться как к издержкам массовой культуры. А чтобы выход лженауки за эти рамки не произошел, историки должны придерживаться строгой научной методологии исторического исследования, системы ценностей, определяющей этос науки и ее популяризацию. Иначе говоря, просто продолжать хорошо делать свое дело.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Балашевич Л.И. Трансгималайский сказочник с точки зрения ученого-офтальмолога // В защиту науки. 2008. № 3. С. 92-93.
- Белоусов Е.В. Так сколько же лет человечеству? Опыт расследования одного аномально-го археологического факта // Вестник РАН. 2007. № 1. С. 43-49.
- Буряк М.А. Медисфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 200-212.
- Ваксберг А.И. Из ада в рай и обратно. М.: ОЛИМП, 2003. 494 с.
- Вархотов Т.А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // Эпистемология и философия науки. 2017. т. 51. № 1. с. 33-38.
- Вассович А.Л. По поводу статьи М.М. Постникова и "культурно-исторических" публикаций его последователей // Вопросы истории, естествознания и техники. 1984. № 2. С. 114-125.
- Володихин Д.М. «Тяжелое дело – писать легко». Адресат высказываний современного российского историка // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 345-352.
- Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А. Еще раз о "новых методах" и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. 1983. № 12. С. 63-83.
- Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. История древнего мира и "новые методики" // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 70-82.
- Голубцова Е.С., Смирин В.М. О попытках применения "новых методов статистического анализа" к материалу древней истории. // Вестник древней истории. 1982. 1. С. 171-195.
- Городецкий Г. «Миф Ледокола»: Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995. 352 с.
- Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 608 с.
- Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 29-55, № 2. С. 56-76.
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.
- Елисеев Г. А. Историк России, которого не было // Русское Средневековье. 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 94–109.
- Исследование коммуникативных практик научно-образовательных организаций РФ (РБК; SPN Communications) // Официальный сайт Центра комплектования образовательных учреждений и библиотек. URL: <http://www.xn-80adicoibgipeei9b.xn-p1ai/news/759>
- История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 619 с.
- Колесников А. История – мать порядка. Как губернаторов учили Родину любить на спецсеминаре с участием президента // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2656517?isSearch>
- Конопкин А.М. Когнитивные и социальные предпосылки псевдонауки: Автореф. дисс... канд-та филос.н. Самара, 2010. 20 с.
- Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с. (Сер. «Gaudeamus»).
- Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 3-97.
- Мифы «новой хронологии»: Материалы конференции на историческом факультете МГУ (сер. "Антифоменко") / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Русская панорама, 2000. 298 с.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50.
- Образцов П.А. Азбука шамбалоидов. Мулдашев и все-все-все. М.: Яуза, 2005. 288 с.
- Образцов П.А. АнтиМулдашев. От кого произошёл уфимский офтальмолог? М.: Яуза; Эксмо, 2004. 256 с.
- Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36-59.
- Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33-45.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7-18.

- Сайт «Моя история. РОМАНОВЫ. Православная Русь». URL: <http://www.romanovi-expo.ru>
- Сборник Русского исторического общества, т. 3 (151): "Антифоменко" / под ред. И.А. Нас-тенко. М., 2000. 335 с.
- Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113-139.
- Соболев Г.Л. Тайный союзник: Русская революция и Германия 1914-1918. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. С. 46-50.
- Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
- Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2003. 328 с.
- Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб.: Наука, 2004. 108 с.
- Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки. Вып. 6 (124). М., 2003. С. 342-387.
- Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2004. 512 с.
- Merton R. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 p.

REFERENCES

- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Balashovich L.I. Transgimalajskij skazochnik s točki zreniya uchenogo-oftal'mologa // V za-shchitu nauki. 2008. № 3. S. 92-93.
- Belousov E.V. Tak skol'ko zhe let chelovechestvu? Opyt rassledovaniya odnogo anomal'nogo arheologicheskogo fakta // Vestnik RAN. 2007. № 1. S. 43-49.
- Buryak M.A. Medisfera: konceptualizaciya ponyatiya // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2014. Vyp. 2. S. 200-212.
- Vaksberg A.I. Iz ada v raj i obratno. M.: OLIMP, 2003. 494 s.
- Varhotov T.A. Protiv relyativizma: istoricheskaya epistemologiya v poiskah universalij // Epis-temologiya i filosofiya nauki. 2017.t. 51. № 1. s. 33-38.
- Vassovich A.L. Po povodu stat'i M.M. Postnikova i \"kul'turno-istoricheskikh\" publikacij ego nasledovatelej // Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki. 1984. № 2. S. 114-125.
- Volodihin D.M. «Tyazheloe delo – pisat' legko». Adresat vyskazyvanij sovremennogo ros-sijskogo istorika // Dialog so vremenem. 2012. № 38. S. 345-352.
- Golubcova E.S., Zavenyagin Yu.A. Eshche raz o \"novyh metodah\" i hronologii Drevnego mira // Voprosy istorii. 1983. № 12. S. 63-83.
- Golubcova E.S., Koshelenko G.A. Istoriya drevnego mira i \"novye metodiki\" // Voprosy isto-rii. 1982. № 8. S. 70-82.
- Golubcova E.S., Smirin V.M. O popytkah primeneniya \"novyh metodov statisticheskogo anali-za\" k materialu drevnej istorii // Vestnik drevnej istorii. 1982. 1. S. 171-195.
- Gorodeckij G. «Mif Ledokola»: Nakanune vojny. M.: Progress-Akademiya, 1995. 352 s.
- Gryzun V. Kak Viktor Suvorov sochinyal istoriyu. M.: OLMA-PRESS, 2004. 608 s.
- Dzhaloshinskij I.M. Manipulyativnye tekhnologii v mass-media // Vestnik Moskovskogo uni-versiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2005. № 1. S. 29-55, № 2. S. 56-76.
- Dmitriev A.V., Sychev A.A. Skandal: sociofilosofskie ocherki. M.: CSP i M, 2014. 323 s.
- Eliseev G. A. Istoriik Rossii, kotorogo ne bylo // Russkoe Srednevekov'e. 1998. Vyp. 2. M., 1999. S. 94–109.
- Issledovanie kommunikativnyh praktik nauchno-obrazovatel'nyh organizacij RF (RVK; SPN Communications) // Oficial'nyj sajt Centra komplektovaniya obrazovatel'nyh uchrezhdenij i bibliotek. URL: <http://www.xn-80adicoibgipeej9b.xn-p1ai/news/759>
- Istoriya i antiistoriya: kritika \"novoj hronologii\" akademika A.T. Fomenko. M.: «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 2001. 619 s.
- Kolesnikov A. Istoriya – mat' poryadka. Kak gubernatorov uchili Rodinu lyubit' na specse-minare s uchastiem prezidenta // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2656517?isSearch=Konopkin>
- Konopkin A.M. Kognitivnye i social'nye predposylki psevdonauki: Avtoref. diss... kand-ta filos.n. Samara, 2010. 20 s.
- Lebedev S.A. Filosofiya nauki: Slovar' osnovnyh terminov. M.: Akademicheskij Proekt, 2004. 320 s. (Ser. «Gaudeamus»).
- Mify «novoj hronologii» akademika A.T. Fomenko // Novaya i novejšhaya istoriya. 2000. № 3. S. 3-97.

- Mify «novoj hronologii»: Materialy konferencii na istoricheskom fakul'tete MGU (ser. \("Anti-fomenko") / otv. red. V.L. Yanin. M.: Russkaya panorama, 2000. 298 s.
- Nora P. Problematika mest pamyati // Franciya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyumezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. C. 17-50.
- Obrazcov P.A. Azbuka shambaloidov. Muldashev i vse-vse-ve. M.: Yauza, 2005. 288 s.
- Obrazcov P.A. AntiMuldashev. Ot kogo proizoshyol ufimskij oftal'molog? M.: Yauza; Eksmo, 2004. 256 s.
- Petrov A.E. Perevernutaya istoriya. Lzhenachnye modeli proshlogo // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 3. S. 36-59.
- Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 5. S. 33-45.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social'naya organizaciya znaniy o proshlom: analiticheskaya skhema // Dialog so vremenem. 2011. № 35. S. 7-18.
- Sajt «Moya istoriya. ROMANOVY. Pravoslav'naya Rus'». URL: <http://www.romanovi-expo.ru>
- Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva, t. 3 (151): \("Antifomenko") / pod red. I.A. Nas-tenko. M., 2000. 335 s.
- Sluch S.Z. Rech' Stalina, kotoroj ne bylo // Otechestvennaya istoriya. 2004. № 1. S. 113-139.
- Sobolev G.L. Tajnyj soyuznik: Russkaya revolyuciya i Germaniya 1914-1918. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2009. S. 46-50.
- Tosh D. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M.: Ves' Mir, 2000 296 s.
- Hatton P.H. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Izd-vo Vladimir Dal', 2003. 328 s.
- Chto dumayut uchyonye o «Velesovoj knige». SPb.: Nauka, 2004. 108 s.
- Shmidt S.O. «Fenomen Fomenko» v kontekste izucheniya sovremennogo obshchestvennogo istoricheskogo soznaniya // Istoricheskie zapiski. Vyp. 6 (124). M., 2003. S. 342-387.
- Shtejn M.G. Ul'yanovy i Leniny. Semejnye tajny. SPb.: OLMA Media Grupp, 2004. 512 s.
- Merton R. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 r.

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Historical pseudo-science as a phenomenon of media-sphere

The article deals with the interaction between scientific and pseudo-scientific historical knowledge in media sphere. Research methodology is based on the combination of the language of the history of ideas and that of social constructivism, together with the terminology of communication theory. The authors interpret the historical and scientific knowledge as an element of the printed media sphere, explore its features, leading to the appearance of pseudo-scientific knowledge and determine electronic nature of the pseudo-science media manipulative techniques. The authors discuss the impact of science and pseudo-science to historical memory. As a result, they come to the conclusion that a powerful mythologizers potential of the pseudoscience does not mean the primacy of its role in shaping of the historical memory. In this process the pseudoscience is secondary to the science, while science efficiently conducts research and produces reliable past for society.

Keywords: history, methodology, historical pseudo-science, mass media, historical myths, historical memory

Denis Artamonov, candidate of history, associate professor, Chair of Social Communication, Saratov State University, artamonovds@mail.ru

Sophia Tikhonova, doctor of philosophy, professor, Chair of Social Communication, Saratov State University, segedasv@yandex.ru

А. Н. НЕХАМКИН, В. А. НЕХАМКИН

КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО В ОБЫДЕННОМ ПОЗНАНИИ: УРОКИ ДЛЯ УЧЕНОГО

В статье рассматриваются особенности контрфактического моделирования прошлого применительно к обыденному познанию. Выявляются идеи, лежащие в основе выдвигания альтернативных исторических гипотез и создания описаний потенциального прошлого. Намечаются перспективы совершенствования данной методологии.

Ключевые слова: *контрфактическое историческое моделирование, обыденное познание, сценарии несостоявшейся истории, проверка сценария*

Прошлое часто интерпретируется с позиции интересов настоящего, что истинно даже для научного историописания, которое вынуждено отвечать на требования государства в ходе подготовки учебников, а порой подвергается прямой цензуре (ее природа прекрасно показана в романе Оруэлла «1984»). Ученые-историки, будучи одновременно представителями конкретного социума, способны порой отойти от принципа объективности (представления о прошлом, как оно «было на самом деле») в отношении событий новейшей истории и внести в их описание собственную оценку, суждение, позицию. На уровне обыденного познания (понимания) прошлого без субъективности вообще нельзя обойтись.

Возьмем недавний пример. Не отрицаемый историками факт наличия отношений между наследником русского престола (будущим императором Николаем II) и М. Кшесинской в 1890–1894 гг., будучи художественным образом интерпретированным в кинофильме А.Е. Учителя «Матильда», вызвал шквал «негодования» части российской общественности, отдельных депутатов ГД РФ, требовавших запрета проката картины. Ее планируемый выход привел к практическим деструктивным действиям (поджогу нескольких кинотеатров в разных городах). Поразительна связь прошлого с настоящим: после крушения монархии и смерти Николая II прошло 100 лет, но ситуация до сих пор будоражит умы. Более того, протоирей отец Всеволод (Чаплин) заявил: «Проклятие Божие да падет на всех, кто снял и продвинул кощунственный фильм! ...Проклятие Божие да падет... *на наш народ* (курсив авт.), который это кощунство не остановил и допустил...»¹. Оказывается, за интерпретацию прошлого, которая кому-то не нравится, можно «проклясть» не только создателей «кощунственного фильма», но и... весь народ! Какой урок может дать подобная дискуссия? Как показывает «казус «Матиль-

¹ Чаплин на видео проклял россиян за «Матильду» // www.https://big-rostov.ru/est-mnenie-2/chaplin-na-video-proklyal-rossiyan-za-matildu/

ды», при восприятии событий прошлого в обыденном сознании уровень субъективности существенно повышен. Между тем в профессиональной среде существует контрфактическое моделирование прошлого: ученые пытаются ответить на вопрос: «что было бы, если?» в отношении отдельных исторических личностей и событий, хотя мысленный эксперимент может стать неудачным.

Некоторые специалисты создают фантастические описания. Так, П. Цурас начал с гипотезы: что, если бы силы НАТО в 1989 г. начали бомбардировать неожиданно перешедшие в наступление из ГДР части Советской Армии контейнерами со спиртным? Созданный на этой основе «научно-фантастический сценарий» (ибо составлен профессиональным американским военным и технически мог быть реализован на практике) завершается выводом: «Советские дивизии первого эшелона, застряли намертво. Точнее, ...напились вусмерть»².

Как реагировать на подобные «версии»? Можно снисходительно, критикуя ошибки. Можно – в духе «Казуса Матильды», по принципу «полезнее всего – запретить». Как кажется сторонникам последней точки зрения, особенно «надежно» оградить от «потенциального прошлого», надо российскую молодежь. Например, О.А. Дмитриев утверждает: «альтернативная история» *неприемлема как средство углубленного изучения истории, ...вредна для формирования исторического сознания молодежи* (выделено авт.), ибо изучающий не всегда отличает вымысел от свершившихся фактов»³. Специфическая «расплата» за стремление отдельных ученых «спрятать голову» в «чистую науку» и не откликаться на альтернативные сюжеты относительно прошлого пришла быстро. Позиция О.А. Дмитриева взята из его статьи, опубликованной в сборнике «Битва за Ленинград. Проблемы современных исследований» (2007). Уже 7 лет спустя многие из «огражденных» подобным образом от альтернативной истории молодых людей проголосовали в опросе телеканала «Дождь» 27 января 2014 г. за сдачу Ленинграда вермахту в 1941 г. по «гуманитарным соображениям». Капитуляцию города поддержали 53% участников такого постфактического исторического «референдума»⁴. Запрет изучения альтернатив прошлого (как одна из причин) привел на уровне массового сознания молодежи к локальному успеху его наиболее радикальной антипатриотической интерпретации. Пример показывает: с позиции науки анализ потенциальных вариантов минувшего необходим.

Речь в статье пойдет о контрфактическом моделировании (КФМ) прошлого не в научном познании, а в обыденном. Последнее проявляется в разных формах: мифов, опоре на повседневный опыт, личную жиз-

² Пламя «холодной войны»... С. 425; 429.

³ Битва за Ленинград... С. 7.

⁴ Нехамкин 2017. С. 250.

ненную практику, здравый смысл (народную мудрость), средства искусства. Запретить любителям, политическим деятелям, публицистам самостоятельно заниматься КФМ и обнародовать результаты своих «опытов» не получится. Однако следует учесть, что в результате подобной деятельности возникают своеобразные «продукты». Д.Э. Харитонович привел интересный пример такого «народного творчества». В середине 1990-х гг. преподавательница Основ безопасности жизнедеятельности, т.е. дисциплины, формально далекой от истории задала школьникам сочинение на тему: «Что было бы сейчас с Россией, если бы в XX в. не было двух мировых войн?». Ученики, экстраполировавшие сохранение в стране монархии, предложили разнообразные варианты: от создания двадцатиметрового памятника императору Александру II скульптором З. Церетели до прихода к власти императора Петра IV, портрет которого работы художника А. Шилова украшает Третьяковскую галерею. Министр финансов А. Чубайс выдает дочь за вождя племени хуту из Германского Конго в обмен на концессии по добыче каких-то полезных ископаемых. Эту новость в газете «Московский царедворец» сообщает ее корреспондент А. Хинштейн. Такая «альтернативная история» получилась в рамках подросткового народного творчества! Д.Э. Харитонович сделал из изложенного грустный вывод: «Стыдно молчать и давать высказываться риторам, как говаривал Аристотель»⁵.

Сходный процесс вовлечения обычных людей в сферу альтернативной истории идет и на Западе. В октябре 2015 г. журнал «The New York Magazine» провел опрос на тему: «Если вы смогли бы вернуться в прошлое и убить Гитлера, когда он был еще ребенком, вы бы это сделали?» В нем участвовали и «взрослые» респонденты. Результат: «за» – 42 %, 30% – против, 28% не смогли определиться⁶. Здесь просматривается элемент западного массового сознания, где для человека, воспитанного в культуре фильмов Голливуда, убийство конкретного тирана, диктатора само по себе способно сменить вектор исторической динамики.

Приведенные примеры свидетельствуют: массовое сознание испытывает интерес к контрфактическому моделированию прошлого. Сторонники классической исторической науки могут сколько угодно призывать «оградить» простых людей и молодежь от вопросов на тему «что было бы, если?», но это практически бесполезно. Второе: ученым нельзя ограничиваться только сетованиями на сложившуюся ситуацию как неприемлемую. Им следует понять: почему (исходя из каких идей и мыслительных процедур) на уровне обыденного познания люди рассуждают на тему «что было бы, если?» именно подобным образом? Такова главная цель настоящей работы.

⁵ Одиссей... 2000. С. 50.

⁶ А вы убили бы Гитлера ребенка, попав в прошлое?//<https://hodor.lol/post/45963/>

Отношение к КФМ научного сообщества

На Западе контрфактическое моделирование прошлого – достаточно распространенный прием его познания. В СССР официальная наука относилась к нему «подозрительно», ибо такой подход мог привести к отрицанию фаталистичности восприятия минувшего, когда вся предшествующая история России «готовила Октябрь»⁷, приход к власти партии большевиков в 1917 г. Историки и философы часто прибегали к тезису «в истории нет сослагательного наклонения» (особенно после пространственных рассуждений на тему «что было бы, если?»). Вместе с тем появлялись работы, где предлагались сценарии потенциального прошлого⁸.

В ходе перестройки и после распада СССР поток литературы по данной тематике, как научной, так и художественной, существенно вырос. В русле этой тенденции в журнале «Вопросы философии» в 1990 г. появилась работа Г.С. Померанца «История в сослагательном наклонении»⁹, в 1995 г. в журнале «Родина» (№ 5) была опубликована статья С.В. Кудряшова и Д.И. Олейникова с интригующим названием «Окупированная Москва», где ученые рассматривали ранее запретную тему последствий поражения СССР осенью 1941 г. Продолжалась также теоретическая разработка тематики КФМ в трудах И.В. Бестужева-Лады, С.А. Модестова, А.П. Назаретяна, С.А. Экштута и др. Результаты эмпирических и методологических поисков 1990-х гг. подвела прошедшая в ИВИ РАН дискуссия «История в сослагательном наклонении?» (1999)¹⁰.

Итог длительного рассмотрения указанных вопросов в пределах науки (начатых как минимум Титом Ливием, а порой и более ранними мыслителями вплоть до Аристотеля, Лукиана из Самосаты и др.) – становление нескольких парадигм: «ретропрогностической», «возможность – действительность»; «бифуркационной»¹¹.

Сущность КФМ как научного подхода

С точки зрения авторов, научно обоснованное КФМ включает ряд этапов: 1) выдвижение определенных гипотез на тему «что было бы, если?» (с их четкой формулировкой); 2) создание сценария (описания потенциального прошлого); 3) его проверка средствами науки¹². Каждая из стадий предполагает специфическую методологию. Только проведенные системно и последовательно они дают ответ относительно достоверности вывода о степени истинности гипотезы, сделанного на

⁷ Покровский 1932. С. 263.

⁸ В частности, в книге Н.Я. Эйдельмана «Апостол Сергей» (об одном из лидеров декабристов С.И. Муравьева-Апостоле) находилась глава «Фантастический 1826-й» о последствиях успеха восстания Южного общества для судьбы России.

⁹ Померанец 1990.

¹⁰ Одиссей 2000. С. 5-85.

¹¹ Нехамкин 2006.

¹² Нехамкин 2010.

основе альтернативного сценария. Не исключая иных взглядов на суть и задачи КФМ, авторы будут исходить из данной позиции как базовой и соотносить (сравнивать) с ней попытки КФМ, идущие вне науки.

*Источники раскрытия альтернатив прошлого
в обыденном познании*

Рассуждения на тему «что было бы если?» за пределами науки протекают в следующих формах. Во-первых, антологии (индивидуальные и коллективные книги, где описывается ряд альтернативных вариантов прошлого, относящихся к одной / нескольким эпохам или странам)¹³. Здесь альтернативные сценарии публикуют не только писатели, журналисты, публицисты, но и некоторые ученые. Во-вторых, художественные произведения (романы, повести, рассказы). На их основе создаются кинофильмы («Убить дрозда», «Мы из будущего», «Гуман», «Фатерланд» и др.), влияющие на общественное сознание. В-третьих, программы, высказывания политических деятелей (партий), чиновников, где описание потенциального прошлого служит аргументом в пользу своей позиции. В-четвертых, мемуарная литература (бывших политиков, военных, деятелей искусства и культуры), где очерчиваются последствия реализации конкретных альтернатив. В-пятых, работы публицистов, применяющих отдельные научные методы, но не связанных в целом научной методологией¹⁴. На практике данные источники пересекаются. В работе рассмотрены рассуждения на тему «что было бы, если?» (гипотезы и сценарии) писателей, политиков, публицистов.

Вопрос о причинах использования КФМ за пределами науки сложен. Во-первых, это способ ухода от реальности, мысленного погружения в более «лучший» мир, его конструирования. Во-вторых, рассуждения на тему «что было бы, если?» – средство обоснования определенной позиции по отношению к прошлому, концепции его восприятия в целом и/или отдельного периода. В-третьих, способ аргументации в дискуссиях, в т.ч. и политического характера. В-четвертых, средство преобразования настоящего путем предложения некоей альтернативы текущему («отрицательному») положению дел. Отметим, что на практике в обыденном сознании указанные мотивы тесно переплетаются, зависят от уровня интеллекта, профессионального и иного опыта «разработчика».

*Методика раскрытия содержания альтернатив прошлого
в обыденном познании*

Научное и обыденное познание имеют сходную цель в отношении альтернатив прошлого – выдвинуть соответствующую гипотезу на тему «если бы» и раскрыть ее содержание в виде сценария. В этом пункте задачи научного и ненаучного КФМ сходятся. Они делают, по точному

¹³ Норт 2002; Пламя «холодной войны»...

¹⁴ Nekhamkin 2017.

замечанию С.А. Экштута, попытку «представить, как развивались бы исторические события, если бы побежденная в действительности альтернатива, одержав воображаемую победу, получила бы возможность реализоваться»¹⁵. Различия же между учеными, моделирующими персональные судьбы, исторические события, и «непрофессионалами» (публицистами, политиками, журналистами и т.д.) начинаются потом, на уровне используемой методологии и полученных результатов исследования, степени их достоверности.

Способы выдвижения гипотез на уровне обыденного и научного КФМ сходятся. В обоих случаях главными объектами становятся исторические личности и события. Они задают уровни исследования: персоналистский и событийный. Укажем существующие на каждом из них приемы выдвижения контрфактических гипотез¹⁶.

Персоналистский: 1) продление бытия реально существовавшей личности в прежнем социальном качестве (Александр Македонский не умирает в 33 года, а остается правителем и дальше – А. Тойнби); 2) удаление (физическое) реально существовавшей исторической личности (И.В. Сталин умирает не в 1953, а в 1933 г.¹⁷); 3) пространственно-временное перемещение личности (Наполеону удается побег из ссылки на острове св. Елены в Африку); 4) приписывание существовавшей личности каких-либо иных, ирреальных (по отношению к совершенным на практике) действий (Гитлер принимает решение провести операцию «Морской лев» именно в 1940 г. вместо ее переноса на более поздний срок – работа К. Макси «Вторжение, которого не было»).

Событийный: 1) продление существования события во времени (рабство США отменяют не в 1863, а в 1890 г.); 2) удаление события (поход армии Наполеона на Россию в 1812 г. не состоялся); 3) изменение составляющих событие элементов (субсобытий) – войска Груши успевают присоединиться к основным силам французов в битве при Ватерлоо (1815); 4) изменение итога реального события (морскую битву при острове Саламин 480 г. до н.э. выиграли персы, а не эллины, как в реальной истории); 5) перенос реализации события во времени (нападение Германии на СССР осуществлено в 1942, а не в 1941 г.); 6) введение в исторический процесс нового события (сохранившая в действительности нейтралитет Турция в 1942 г. присоединяется к странам Оси в ходе Второй Мировой войны).

Какие из приемов выдвижения гипотез наиболее популярны на обыденном уровне КФМ? Прежде всего, это приписывание существовавшей личности каких-либо ирреальных действий. У любого человека

¹⁵ Экштут 2000. С. 79.

¹⁶ Нехамкин 2010. С. 110-126.

¹⁷ Померанц 1990. С. 59.

не раз возникало желание: поставить себя мысленно на место какого-либо известного персонажа. Так, «став» Наполеоном в день битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 г., можно принять за него «иное» решение, способное изменить прошлое в данном пункте. Ибо действия, приведшие императора к поражению, известны благодаря апостериорному знанию.

Удобство подобной методики состоит в том, что ее можно применить и к личной судьбе. А вот если бы я 20 лет назад вместо вуза Х поступил в Z? Был бы вместо нынешнего инженера врачом или летчиком? Если бы выбрал в спутники/спутницы жизни иного (иную) мужчину/женщину? Это – реальные примеры КФМ на уровне обыденного сознания. Ведь, как справедливо отмечал писатель Д.А. Гранин, «у каждого человека есть несколько несбывшихся биографий, набор случайно несостоявшихся судеб»¹⁸. Каждую из них можно (и нужно) изучать.

Далее по распространенности идет прием пространственно-временного перемещения. Как правило, здесь работают с реальными персонажами, изменяя место действия. Так, можно допустить, что Наполеон, находясь в ссылке на острове св. Елены (1815 –1821), сбежал еще раз, но уже в Африку, где основал новую империю (роман М.К. Первухина «Вторая жизнь Наполеона»). С реальностью такая гипотеза согласуется: ибо покинул Наполеон место предшествующей ссылки на Эльбе в марте 1815 г. и за две недели вновь обрел престол Франции.

На событийном уровне наиболее распространены следующие приемы: изменение итога реального события, удаление события.

Сложнее дело обстоит с методологией исследования. Ученые постоянно ищут правила моделирования исторических альтернатив. Даже Тит Ливий создавал сценарий потенциального столкновения воинов Александра Македонского и Древнего Рима, опираясь на ряд параметров: сравнение таланта полководцев, численность войск, организацию армий, их готовность к затяжным конфликтам¹⁹. В XIX–XX вв. универсальные способы формирования сценариев предлагали: К. Клаузевиц²⁰, С. Хук²¹, Д. Мило²², И.В. Бестужев-Лада²³.

Интересную попытку разработать методику рассуждения на тему «если бы» для обыденного сознания предпринял отечественный писатель В.П. Некрасов в повести «Саперлипопет, или если бы да кабы, да во рту росли грибы». Он работал преимущественно на персоналистском уровне, начав с собственной биографии. Его семья уехала в 1915 г. из Парижа в Киев. Писатель озадачен мыслью: что было бы со мной, ес-

¹⁸ Гранин 1973. С. 84.

¹⁹ Тит Ливий 2002. С. 517-521.

²⁰ Клаузевиц 1997. С. 155-157.

²¹ Хук 1994. С. 214-215.

²² Мило 1994. С. 197.

²³ Бестужев-Лада 1997. С. 122.

ли...? Он предлагает гипотезу: «А действительно, не вывези меня родители из Парижа в пятнадцатом году? Кем бы был? В кого бы вырос?»²⁴. Отсюда вытекает вторая стадия анализа – контрфактический сценарий лично-персонального уровня. Такое описание персонального потенциального прошлого важно для дальнейшего становления личности писателя, подведения итогов предшествующего творчества.

Подобную методику писатель переносит на персоналии исторические. Он предлагает рассмотреть гипотезы из серии: если бы насморк «не замучил Наполеона в день Бородина...», а К.Ш. Штауфенберг поставил 20 июля 1944 г. «...портфель с бомбой сантиметров на десять ближе к Гитлеру... Выстрели удачнее (в Ленина в августе 1918 г. – прим. авт.) ... Фанни Каплан»²⁵. Как видим, писатель интуитивно применяет отдельные приемы выдвижения альтернативных гипотез: приписывание Наполеону каких-либо ирреальных (более успешных) действий, «досрочное» удаление личностей Гитлера и Ленина с исторической арены. Этого методологического «багажа», по мнению Некрасова, достаточно, чтобы дать описание (сценарий) последующих альтернатив, вытекающий из имеющегося уровня знаний, пристрастий, оценок.

За пределами науки реконструкция исторических альтернатив оказывается неполной. Писатели, публицисты либо выдвигают какую-либо гипотезу и сразу из нее спешат сделать вывод, либо создают сценарий (описание), базирующийся на их оптимистическом взгляде на вещи, никак не проверяя изложенные здесь утверждения. Конечно, с литературной, эстетической, даже познавательной позиций такие далекие от науки описания потенциального прошлого полезны. Во-первых, изложенные в романах, повестях альтернативы прошлого рисуют перед читателем привлекательные «миры». Во-вторых, заставляют его самого рассуждать на тему «если бы» по отношению к прошлому, делают мышление значительного числа людей менее фаталистичным, более креативным. В-третьих, привлекают внимание к изучению истории. В-четвертых, заставляют разрабатывать сюжеты, к которым мало обращаются ученые (например, последствиям успеха крестьянского восстания Емельяна Пугачева 1773–1775 гг., описанным в романе М.К. Первухина «Пугачев-победитель»). В-пятых, «заряжают» читателя оптимизмом. Ибо при рассмотрении альтернатив минувшего, как правило, герою удается «преобразование» прошлого. Ведь какой смысл писателю разрабатывать сценарий, где все кончится «плохо», а Наполеон не сможет, например, создать империи в Африке после побега с острова св. Елены?

Отсюда мы выдвигаем гипотезу: при осуществлении КФМ за пределами науки обосновываемая авторами идея подчас оказывается более

²⁴ Некрасов 1991. С. 267.

²⁵ Некрасов 1991. С. 265.

важной, чем средства проверки степени ее достоверности. Это ведет к ошибкам, знание которых может оказаться полезным и для ученых при разработке их методологии. Мысленно изменяя свершившееся прошлое, можно найти ценную информацию, неиспользованные и полезные варианты поведения. Новизна нашего подхода – в стремлении показать: научное и обыденное познание, идущие разными путями, не только антиподы, но и дополняющие друг друга стороны.

Специфика контрфактических исторических сценариев на уровне обыденного познания

Сценарии – наиболее популярный элемент, привлекающий внимание к альтернативам прошлого широкой общественности. Поэтому мы рассмотрим два ранее популярных описания содержания альтернатив минувшего. Одно создал литератор, другое – будущий премьер-министр Великобритании. Однако ошибки у них (с точки зрения научного КФМ) оказались близкими. Кроме того, интересен исторический контекст, породивший данные сценарии, лежащие в их основе идеи.

Начнем анализ с вышедшего в 1836 г. романа Л.Н. Жиффруа-Шато «Наполеон и завоевание мира, 1812–1823: история всемирной монархии», где «создан фантастический мир, наступивший после поражения русских в 1812 году»²⁶. Эта работа характерна не только красочностью описания потенциального прошлого (сценарием). Она заинтересовала и ученых. Д. Норт предлагает именно с этой книги начинать «отсчет» существования альтернативной истории, что неверно, ибо развернутый контрфактический сценарий дан еще Титом Ливием.

Почему Жиффруа-Шато взялся за такой альтернативный сюжет? Во-первых, он глубоко почитал императора Франции. Во-вторых, после окончательного поражения Наполеона в 1815 г., на престоле закрепилась династия Бурбонов (Людовик XVIII). Интеллектуальный уровень ее представителей, их непонимание произошедших в ходе Французской революции перемен привели к низложению в ходе Июльского восстания 1830 г. режима преемника Людовика Карла X. Однако и Бурбоны, и их «сменщики» в лице Орлеанской династии (король Луи-Филипп I) не шли ни в какое сравнение с Наполеоном. Значительная часть французов, помнивших о былом величии, ждала в 1820-е гг. и позже возвращения императора. Конечно, смерть Наполеона в ссылке (1821) не давала этим планам осуществиться в реальности. Но в 1830–40-х гг. во французском обществе был «спрос» на правителя, подобного Наполеону I. Не случайно под действием подобных настроений к власти придет и в 1852 г. станет императором его племянник Наполеон III.

В такой ситуации оставался вопрос: в чем Наполеон ошибся? Поскольку закат карьеры императора начался с русского похода, Жифф-

²⁶ Норт 2002. С. 10.

руа-Шато решает изменить его ход. В его сценарии Наполеон принимает противоположное реализованному на практике решение: взяв в сентябре 1812 г. Москву, французская армия не остается в ней, а начинает наступление на столицу – С.-Петербург. На пути французы сталкиваются с русско-шведско-английской армией (ибо на помощь русским приходят шведы и экспедиционный корпус англичан). Они вступают с Наполеоном в «генеральное сражение» 8 октября 1812 г. под Новгородом. Французская армия его выигрывает. Через неделю Наполеон уже вступает в Санкт-Петербург и диктует Александру I условия мира.

С позиции методологии КФМ, на которую мы ориентируемся, сценарий Жиффруа-Шато содержит ряд существенных изъянов. Откуда на театре боевых действий появляются англичане? Как быстро сюда прибыли бы их сухопутные силы (занятые борьбой с французами в Испании)? Что стало бы с тылами (коммуникациями) армии Наполеона в случае броска на С.-Петербург? Чем питались бы лошади его кавалерии? Как бы французы (без мощного флота) штурмовали С.-Петербург? Привело ли бы взятие столицы России к концу войны? Все эти «проверочные» вопросы для своего сценария Жиффруа-Шато просто не ставит, что делает его реализацию маловероятной. В ходе «Петербургского похода» Наполеон рисковал потерять «Великую армию» гораздо раньше конца 1812 г. Однако красочность описания потенциального прошлого, выявление его новых причинно-следственных связей привлекли к роману немало читателей, способствовали усилению культа Наполеона во Франции, что вскоре привело на трон его племянника.

Конечно, Л.Н. Жиффруа-Шато не знал технологии принятия решений на государственном уровне, не руководил крупными воинскими контингентами. Возможно, писателю не хватало практического опыта и потому его сценарий остался оторванным от реальности?

В 1931 г. в США вышла антология «Если бы, или Переписанная история»²⁷. В ней принял участие У. Черчилль, политик с колоссальным административным, дипломатическим, военным опытом – в годы I Мировой войны первый лорд Адмиралтейства, будущий премьер-министр страны в ходе II Мировой войны. Он взялся рассматривать последствия успеха армии командующего войсками Конфедеративных Штатов Америки (КША) в битве при Геттисберге (1863) Р. Ли вместо последовавшего в реальности поражения КША в апреле 1865 г. Казалось, контрфактический сценарий У. Черчилля мог получиться почти безупречным с позиции науки и практики. Но этого не случилось. Опять-таки «виноватой» оказалась идея, которую Черчилль пытался доказать: он полагал, что в случае объединения «англоязычных» стран, Великобритании и США, они смогли бы уберечь Европу от войн начала XX в.

²⁷ If or History Rewritten 1931.

Суть сценария. Поражение северян при Геттисберге ведет к завершению гражданской войны «вничью». Причина такова: «когда одержана крупная победа, ... все звенья в цепи ее последствий гремят с неукротимой силой» – Северные штаты, «уставшие» от длительного конфликта, заключают перемирие. На месте США образуются два государства: «новые» США (в лице северных штатов) и КША. Такому развитию событий способствует и неожиданный «ход» со стороны Ли: после победы он **отменяет** рабство. Раз борьба «Севера» шла против рабовладельцев-южан, то препятствий к миру более нет. Опасаясь вероломства «соседа», КША заключают союз с Великобританией (она становится «гарантом» их независимости). В результате в начале XX в. появляются «Воссоединенные штаты» – союз англоязычных наций, где объединяются три указанных государства (США, КША, Великобритания), ставшие за сорок лет (1865–1905 гг.) «частями единого организма и наследниками общего достояния». (Отметим: интеграция происходит благодаря языковому сходству народов). В июле 1914 года «Воссоединенные штаты» делают (после инцидента в Сараево) заявление о готовности объявить войну всякому государству, чьи армии вторгнутся на территорию иной страны. Германская империя и союзная ей Австро-Венгерская «отступают», Мировая война не начинается.

Проверка этого контрфактического сценария показывает его нежизнеспособность. «Северяне» ранее в Гражданской войне проиграли немало сражений, но все равно не шли на компромисс, имея более значительный промышленный потенциал, чем противник. Почему бы еще одно поражение с «неукротимой силой» привело их к миру с врагом? Далее: Черчилль должен был понимать, что командующий армией Ли не имел права принять **политического** решения об отмене рабства (оно находилось в компетенции правительства КША, ее президента Д. Дэвиса). Если бы Р. Ли позволил себе что-то подобное, то немедленно лишился бы должности. (Думаем, сам Черчилль на месте Дэвиса поступил бы с Ли аналогично). Наконец, не ясно: почему США, КША, Великобритания объединились бы в союз в начале XX в.? Какие их (кроме языка) связывали общие интересы? Столь же сомнительно, что ультиматум «Воссоединенных штатов» остановил бы войну в Европе. Черчилль не говорит о наличии у «Воссоединенных штатов» армии, ее силе, боевом опыте, скорости переброски войск в Европу и т.д. По нашему мнению, абсурдно без оценки военного потенциала «Воссоединенных штатов» моделировать последствия их «ультиматума» в Европе 1914 г.

На первый взгляд кажется, что перед нами фантастический «проект» отставного политика, обосновываемый с помощью КФМ. Но он имел важные практические последствия. Во-первых, У. Черчилль, едва став премьер-министром, предложил в июне 1940 г. уже почти разгромленной вермахтом Франции (как средство предотвращения капитуля-

ции) государственное объединение с Великобританией. В итоге получил отказ и такую оценку де Голля (ее можно частично отнести и к «Воссоединенным штатам»): «невозможно ...объединить в одно целое, пусть даже в принципе, обе эти страны с их *интересами* (курсив авт.), учреждениями и владениями (колониальными – прим. авт.)»²⁸. Во-вторых, на основе полученного (в т.ч. через КФМ) опыта Черчилль в 1940–1941 гг. решил пойти на союз с США, благодаря которому англичане оказались в роли победителей во II Мировой войне. Показательно, что о такой перспективе британский политик прозорливо задумывался еще в 1931 г.

В сценариях Л.Н. Жиффруа-Шато и У. Черчилля отсутствуют механизмы проверки описанного потенциального прошлого. От ошибок Черчилля не «спас» даже личный и профессиональный опыт. Вместе с тем подобные сценарии играли важную роль, ибо демонстрировали потребность в сильном правителе, подобном Наполеону I во Франции в 1840-е гг. (для чего Жиффруа-Шато и раскрывал позитивные последствия его победы). Наконец, У. Черчилль через КФМ прорабатывал еще до начала Второй Мировой войны контуры будущего союза Великобритании и США, реализованного на практике в 1940–1945 гг. Так что излагаемые в контрфактических сценариях идеи не пропали даром.

*«Жили бы, как в Европе»: схема «гипотеза – вывод»
в КФМ на уровне обыденного сознания*

Поскольку на уровне обыденного сознания КФМ прошлого и осуществляющие его люди не ограничены никакими запретами и имеют цель доказать правоту выдвигаемой идеи любыми средствами, постольку они часто просто отказываются от сценария. Рассуждают по схеме: контрфактическая гипотеза – вывод из нее. Отсюда возрастает роль «неограниченной» аналогии в подобных умозаключениях, а также риск их противоречий исторической реальности. Чаще других от сценария при проведении мысленного эксперимента на тему «что было бы, если?» отказываются политики. Здесь нет ничего удивительного. Как отмечает Л.П. Репина, «исторические аргументы всегда активно использовались в политической практике, общественных дискуссиях и в социальных программах»²⁹. Их распространенная цель (даже на уровне традиционной истории) – не поиск истины, а доказательство исключительной «правоты» собственной позиции, чтобы она была наиболее наглядным образом продемонстрирована народу страны и на международной арене. Отсюда в таком «упрощенном» виде порой используется политиками и КФМ.

Рассмотрим современный пример. В 1990-х гг. в отношениях стран Балтии с РФ «постоянно высказывалось утверждение: если бы в 1940 г. эти республики не стали советскими, то они развивались бы совсем по-

²⁸ Вторая мировая война в воспоминаниях ... 1990. С. 225.

²⁹ Репина 2011. С. 15.

другому, достигнув высот Швеции или Исландии. А поскольку они сейчас находятся в несколько ином положении, то Россия, как правопреемник СССР, должна компенсировать разницу, установив историческую справедливость»³⁰. За прошедшие два десятилетия к списку «образцов», который страны Балтии могли бы достигнуть без «советской оккупации» прибавилась Финляндия. (Эта аналогия исторически более корректна, чем «шведско-исландская», ибо СССР так и не включил Финляндию в свой состав, несмотря на попытки в 1939–1940, 1944 гг.). Здесь альтернативные суждения о прошлом – не плод мышления публицистов-националистов, а часть государственной политики. Министр юстиции Латвии 5 ноября 2015 г. заявил: «Если бы оккупации Балтийских стран не было, то наш уровень жизни был бы как минимум на одном уровне с Финляндией. Но мы видим, что у нас одни убытки (курсив авторов). В то же время мы убеждены, что Россия должна признать оккупацию, а также понимать, что Латвии нанесен огромный ущерб»³¹.

Авторов в сложившейся ситуации интересует не политический, а чисто гносеологический момент: отсутствует описание того, как развивались бы события в Латвии, Литве, Эстонии 1940 г. и в последующее время без вмешательства СССР. «Методология» рассуждений политиков строится по следующей схеме: сначала используется прием «мысленное удаление события», выдвигается гипотеза: «если бы оккупации со стороны СССР не было», затем проводится поиск высокоразвитого государства-образца, достигшего нынешних «высот» без реализации такого события. Подобные процедуры приводят к однозначному выводу: «жили бы сейчас на ее (европейской страны-образца) уровне». Сценарий при таком подходе «закономерно» выпадает. Его отсутствие дает возможность заниматься безальтернативной «пропагандой» своей ретроальтернативной точки зрения. При этом не надо отвечать на «неудобные» проверочные вопросы: были бы в 1940 г. Литва, Латвия, Эстония оккупированы нацистской Германией, если бы их «силой» не присоединили к СССР? Откуда бы прибалтийские государства при самостоятельном развитии в 1950-е гг. взяли средства на модернизацию своей промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства (в реальности вложенные туда СССР³²)? Имел ли бы место без советской «оккупации» рост экономики в каждой из этих стран? Развивались бы и какими темпами их традиционные отрасли хозяйства (например, рыболовство)? Короче говоря, какого-либо конкретного и подробного описа-

³⁰ Одиссей 2000. С. 5.

³¹ «Латвия обвинила СССР в недостаточно хорошем уровне жизни» (<http://www.news.rambler.ru/politics/31844035>)

³² По официальной версии статистических органов СССР, объем промышленного производства Латвии в 1950 г. в три раза превысил соответствующий показатель 1940 г., а к 1975 г. – в 37 раз (БСЭ 1977. С. 531, 533).

ния пусть даже «райской» жизни Литвы, Латвии, Эстонии без «советской оккупации» не приводится. В итоге отсутствия сценария рассуждение по схеме «гипотеза – вывод» становится явно надуманным в качестве аргумента в межгосударственных отношениях.

Заключение

Урок 1. *О роли аналогии при контрфактическом моделировании прошлого.* Из существующих на уровне обыденного и научного познания методов чаще всего «подводит» аналогия: потенциальное прошлое реконструируется через перенос известного настоящего на прошлое с минимальным учетом качественного фактора. Иногда аналогия возникает по принципу от противного («было так, стало бы иначе»), что сопровождается отказом от сценария. По мнению авторов, аналогия при КФМ прошлого нужна и в науке, и за ее пределами. Возникающие при использовании данного приема опасности нейтрализуются двумя путями: качественным анализом объекта, созданием сценария его развития.

Урок 2. *О необходимости «долгосрочного» ретроальтернативного прогнозирования.* Часто ошибаются при занятиях КФМ и когда пытаются выявить причинно-следственные связи, идущие от «измененного» фрагмента минувшего на значительную временную перспективу. Мы видим, как «запутывается» в них Черчилль, реконструируя альтернативный ход событий с 1863 до 1914 г. При отсутствии соответствующей проверки сценария ему не помог и личный опыт политика. У некоторых ученых складывается даже комплекс «страха» выйти за пределы науки, осуществляя подобное долгосрочное ретропрогнозирование.

Авторы настоящей работы осуществили моделирование тенденций, которые могли быть порождены последствиями победы восстания декабристов в России 1825 г., до начала XX в.³³ В ответ прозвучало следующее замечание А.В. Корневского: «можно, не покидая научной почвы, обсуждать степень вероятности успеха восстания декабристов на Сенатской площади, но, когда гипотетические последствия победы декабристов пролонгируются до Крымской, Русско-японской и даже Первой Мировой войны, это уже больше походит на “фэнтези”»³⁴.

Что возразить? Во-первых, есть закономерность: «не делаешь ты, делают другие». Не стоит тогда «обижаться» ученому, что занимаются долгосрочным КФМ прошлого не профессионалы, а «риторы». Во-вторых, прогнозирование будущего, тоже осуществляемое в форме моделей, включает и такие его виды, как долгосрочное (до 50 лет) и сверхдолгосрочное (до 100 лет). Ученые прекрасно понимают, что прогноз на «...столетие не может быть полным и безоговорочно верным»³⁵. Здесь

³³ Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. 2006. С. 805-812.

³⁴ Корневский 2017. С. 23.

³⁵ Фридман 2010. С. 328.

неизбежно случаются ошибки. Но такая ситуация – не повод отказаться от такого вида предвидения полностью. При обращении же к минувшему субъекты находятся в несколько лучшем положении: уровень их знания прошлого существенно выше, чем будущего. Поэтому прогнозирование потенциального прошлого, его вариантов на длительную перспективу – абсолютно нормальный прием. *В то же время методологию подобного анализа следует постоянно совершенствовать.*

Урок 3. *Без описания потенциального прошлого (сценария) КФМ становится бездоказательным, а потому – бессмысленным.* Если ограничиваться, как делают нынешние политики (и не только они), рассуждениями на тему «что было бы, если?» по схеме «гипотеза – вывод», то прока от такого занятия будет сравнительно мало. Они, как знал еще в XIX в. И.Е. Забелин, легко оправдывают народную «лень», покорность объективным обстоятельствам³⁶. Новые стороны прошлого при КФМ раскроются, по нашему мнению, только, если гипотезу будет сопровождать сценарий, описывающий конкретные формы ее проявления. Это положение верно для обыденного и научного познания.

Урок 4. *Необходима проверка контрфактических исторических сценариев.* Однако ее способы не носят универсального характера. Кроме того, они не адаптированы для использования на уровне ненаучного познания, что часто порождает фантастическое восприятие альтернатив прошлого. Указанные проблемы тоже придется решать ученым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
- Большая советская энциклопедия. Т. 24. Кн. 2. М., 1977.
- Битва за Ленинград. Проблемы современных исследований. Сб. статей. СПб., 2007.
- Боллингброк Г.С. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
- Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990.
- Гранин Д.А. До поезда оставалось три часа. Л., 1973
- Забелин И.Е. Современные взгляды и направления в русской истории // История и историки. М., 1995. С. 411–442
- Клаузевиц К. О войне. М., 1997.
- Корневский А.В. «Оскомина иллюзий» или «власть несбывшегося»? // Новое прошлое. The New Past. 2017. № 1. С. 10–28
- Мило Д. За экспериментальную, или веселую историю // THESIS. 1994. № 5. С. 185–205.
- Некрасов В.П. В самых адских котлах побывал... Сборник повестей и рассказов, воспоминаний и писем. М., 1991.
- Нехамкин В.А. Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник Российской академии наук. 2006. № 2. Т. 76. С. 135–138.
- Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Если бы победили декабристы... // Вестник Российской академии наук. 2006. № 9. Т. 76. С. 805–812.
- Нехамкин В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. М., 2010.

³⁶ Забелин 1995. С. 425–426.

Нехамкин В.А. Контрфактический вызов прошлого: пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 3. С. 248–256.
Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если?... М., СПб., 2002.
Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
Пламя «холодной войны». Операции, которых не было. М., 2004.
Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
Померанц Г.С. История в сослагательном наклонении // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 55-66.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3 т. Т. 1. М., 2002.

Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010.

Хук С. «Если бы» в истории // THESIS. 1994. № 5. С. 206–215.

Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–92.

If or History Rewritten. N. Y., 1931.

Nekhamkin V.A. Sources of alternate history and its methodological significance // Istorija-elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal. 2017. V. 8. N 2. DOI 10.18254/S0001696-4-1.

REFERENCES

Bestuzhev-Lada I.V. Retroalternativistika v filosofii istorii // Voprosy filosofii. 1997. № 8. S. 112-122

Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. T. 24. Kn. 2. M., 1977.

Bitva za Leningrad. Problemy sovremennyh issledovanij. Sbornik statej. SPb., 2007.

Bolingbrok G.S. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M., 1978.

Vtoraja mirovaja vojna v vospominanijah U. Cherrhillja, Sh. de Gollja, K. Hjella, U. Legi, D. Jejzenhaujera. M., 1990.

Granin D.A. Do poezda ostavalos' tri chasa. L., 1973.

Zabelin I.E. Sovremennye vzglyady i napravlenija v russkoj istorii // Istorija i istoriki. M., 1995. S. 411-442.

Klauzevic K. O vojne. M., 1997.

Korenevskij A.V. «Oskomina illuzij» ili «vlast' nesbyvshegosja»? // Novoe proshloe. The New Past. 2017. № 1. S.10–28.

Milo D. Za jeksperimental'nuju, ili veseluju istoriju // THESIS. 1994. № 5. S. 185-205.

Nekrasov V.P. V samyh adskih kotlah pobывal... Sbornik povestej i rasskazov, vospominanij i pisem. M., 1991.

Nekhamkin V.A. Soslagatel'noe naklonenie v istoricheskom poznanii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2006. № 2. T. 76. S. 135–138.

Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. Esli bi pobedili dekabristy... // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2006. № 9. T. 76. S. 805-812.

Nekhamkin V.A. Stanovlenie kontrfakticheskoj istorii: filosofsko-metodologičeskij aspekt. M., 2010.

Nekhamkin V.A. Kontrfaktičeskij vyzov proshlogo: puti preodolenija // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2017. T. 87. № 3. S. 248-256.

Nort D. Napoleonovskie vojny. Chto, esli?... M., SPb., 2002.

Odissej. Chelovek v istorii. 2000. M., 2000.

Plamja «xolodnoj vojny». Operacii, kotoryh ne bylo. M., 2004.

Pokrovskij M.N. Russkaja istorija v samom szhatom očerke. M., 1932.

Pomeranc G.S. Istorija v soslagatel'nom naklonenii // Voprosy filosofii. 1990. № 11. S. 55-66.

Repina L.P. Istoričeskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriografičeskaja praktika. M., 2011.

Tit Livij. Istorija Rima ot osnovaniya Goroda. V 3 t. T. 1. M., 2002.

Fridman D. Sledujushhie 100 let: prognoz sobytij XXI veka. M., 2010.

Huk S. «Esli by» v istorii // THESIS. 1994. № 5. S. 206-215.

Jekstut S.A. Soslagatel'noe naklonenie v istorii: voploshhenie nesbyvshegosja. Opyt istori-sofskogo osmyslenija // Voprosy filosofii. 2000. № 8. S. 79-92.

If or History Rewritten. N. Y., 1931.

Nekhamkin V.A. Sources of alternate history and its methodological significance // Istoriya-electronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal. 2017. V. 8. N 2. DOI 10.18254/S0001696-4-1.

Нехамкин Аркадий Наумович, доктор экономических наук, профессор, nehamkin.nauka@yandex.ru

Нехамкин Валерий Аркадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана: nechamkin@rambler.ru

Counter-factual modeling of the past in everyday cognition

This article discusses the features of counterfactual modeling of the past in relation to everyday knowledge. The ideas underlying the nomination of alternative historical hypotheses and the creation of descriptions of the potential past are revealed.

Keywords: counter-factual historical modeling, ordinary cognition, frustrated scripts of the history, the test of the frustrated scripts of the history

Arkady Nekhamkin, Doctor of Economic Science, professor; nehamkin.nauka@yandex.ru

Valeriy Nekhamkin, Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor at the Bauman Moscow State Technical University; nechamkin@rambler.ru

К ПАМЯТНЫМ СОБЫТИЯМ И ДАТАМ

О. С. ПОРШНЕВА

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ размышления российских и зарубежных историков¹

Статья посвящена анализу проблематики докладов, представленных на международном научном семинаре, рассмотрению ключевых аспектов размышлений участников дискуссии. В центре внимания – оценки и выводы ведущих специалистов, характеризующие механизмы формирования исторической политики и исторической памяти о наполеоновских войнах и Первой мировой войне.

Ключевые слова: *Наполеоновские войны, Первая мировая война, политика памяти, историческая память*

17 октября 2018 г. в Уральском федеральном университете прошел международный научный семинар «Юбилеи наполеоновских войн и Первой мировой войны: политика памяти и историческая память». Семинар проводился по тематике проекта «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях», поддержанного грантом РФФИ. В мероприятии приняли участие Лорина Репина, член-корреспондент РАН, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ; Александр Чудинов, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн»; Доминик Ливен, профессор Тринити-Колледжа (Кембридж), член Британской Академии; Алан Форрест, профессор Йоркского университета (Великобритания), Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе, профессор университета Брок (Сент-Катаринс, Канада). Доклады представили также члены коллектива проекта профессора О.С. Поршнева, В.Н. Земцов, Н.Н. Баранов, доцент А.А. Постникова, ассистент Ю.М. Галкина, магистрант А.А. Голотина, другие известные специалисты и молодые исследователи. В выступлениях и дискуссиях обсуждались теоретические и конкретно-исторические аспекты формирования и эволюции образов войн; варианты и способы реформирования памяти о войне; механизмы конструирования исторических мифов о войнах; специфика взаимодействия/конфликтов власти и общества, в т.ч. профессиональных историков, в период юбилеев войн.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Анализ механизма трансформации исторического факта в символ и образ, определяющий структуру национально-государственного нарратива, использования образов и символов в политике памяти был представлен в докладе Л.П. Репиной «От факта к символу: историческое событие в макроструктуре национально-государственного нарратива». Докладчик обосновала тезис о том, что конструирование символов происходит на основе «центральных» исторических событий, значимых для самоопределения сообществ, обрастающих целым комплексом рассказов, легенд, мифов. Были также определены закономерности использования образов исторических событий в политике памяти, практике юбилейных коммемораций, выявлены их характерные черты: тесная связь с политическим процессом, резкий всплеск активности в обращении к образам прошлого, их сознательный выбор, повышение их влияния на историческое сознание общества. Политическое манипулирование исторической памятью в ходе юбилеев, отметила докладчик, зачастую выражается в злоупотреблении символами и ресурсами символической памяти в интересах элит или политических групп. В докладе и выступлении в дискуссии Л.П. Репиной были обоснованы возможности и пределы влияния профессионального знания на массовое историческое сознание, а также подчеркнуто, что ограничения воздействия профессионалов не в последнюю очередь определяются социальными функциями современного исторического мифа².

Феномены юбилейных коммемораций 2014 и 2017 гг., их значения для изучения историками опыта войны стали предметом размышлений О.С. Поршневой, представившей доклад «Роль 100-летних Юбилеев Первой мировой войны и Революции 1917 г. в историческом осмыслении континуума кризиса 1914–1922 гг.». Ею был обоснован тезис о том, что определяющим трендом мировой историографии, который проявился в ходе проведения юбилеев, стала историческая компаративистика, «вписывание» российского опыта эпохи Великой войны и Революции в более широкий общеевропейский и мировой контекст. Юбилейные мероприятия, проекты, публикации выявили приоритетный интерес к изучению культуры и символического пространства военно-революционной эпохи, социальных практик военного времени, проблем исторической памяти. Два юбилея продемонстрировали выраженную тематическую преемственность, оказали стимулирующее действие на развитие историографии, став, в то же время, площадками трансляции конкурирующих интерпретаций войны и Революции.

Предметом анализа Доминика Ливена в докладе «Russia against Napoleon and Wilhelm II. Challenges, Responses and Memories Compared» («Россия против Наполеона и Вильгельма II. Сравнивая вызовы, ответы

² См. также: Репина 2011. С. 445–446.

и память») стала роль национальных мифов и послевоенного урегулирования в структуре предпосылок и итогов двух военных конфликтов. Он отметил, что основные понятия европейского национализма стали следствием эпохи наполеоновских войн, сформировались накануне складывания европейского городского общества с массовым образованием, вовлечением населения в политику и распространением средств массовой информации. При этом именно мифы о прошлом, о наполеоновских войнах, формировали эти сообщества. Д. Ливен провел сравнение памяти русского общества о войне 1812, 1813–1814 гг. и Первой мировой войне, вскрыл причины забвения в русской национальной памяти, в отличие от 1812 г., кампаний 1813–14 гг. и Первой мировой войны. Сравнительный анализ ситуации после наполеоновских войн и после мировой войны дал основание Д. Ливену высветить ущербность Версальского мира, на основе которого было невозможно выстроить устойчивую систему международных отношений. Для русского народа, подчеркнул докладчик, было трагедией, что Версальский мир не учитывал его интересов. Трагические последствия для всего мира имело и то, что эта система не брала в расчет и интересы Германии, что сделало неизбежной новую, еще более масштабную, войну.

Использование памяти о сражении при Ватерлоо для конструирования национальных традиций в странах, участвовавших в битве, стало предметом анализа в докладе Алана Форреста «*Conflicting Memories: Waterloo in the Consciousness of the Combatant Nations*» («Конфликтующие воспоминания: Ватерлоо в сознании сражавшихся наций»). Показано, что наполеоновские войны были использованы как цемент для сплочения наций, даже если речь шла о поражении. Выработывалась не только культура победоносной памяти, памяти-триумфа, но и культура скорби и воспоминаний о «героическом поражении» – даже разгром использовал в политике памяти как момент славы. В таком аспекте, подчеркнул докладчик, Ватерлоо стало частью образа Наполеона.

Влияние образов сражений наполеоновской эпохи и Первой мировой войны на формирование базового мифа о происхождении нации было охарактеризовано в докладе Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе «*Commemorating Canada's Wars, 1812 and 1914-18*» («Вспоминая войны Канады, 1812 и 1914-18 гг.»). Докладчик обосновал вывод о том, что война 1812 г., в результате которой была отражена попытка Североамериканских штатов завоевать территорию Канады, лежит в основе фундаментальной мифологии и идентичности современных канадцев. Другое важнейшее событие, которое способствовало конструированию национальной идентичности, патриотической традиции, стало «местом памяти», символом воинской доблести канадцев и шагом на пути к изменению статуса доминиона – это сражение при Вими Ридж в годы Первой мировой войны (апрель 1917 г.) Память о нем в современной

Канаде, несмотря на диссонирующие голоса, является частью национальной самосознания канадцев, мифа о происхождении нации.

В докладе А.В. Чудинова «Интервенты или носители цивилизации: 200-летие Египетского похода Наполеона Бонапарта» были проанализированы истоки, проявления и долговременные последствия конфликта интерпретаций в восприятии египетского похода двумя народами. Докладчик показал, что 200-летний юбилей события со всей остротой выявил различия как в национальной памяти, так и в политике памяти двух народов. Если французы сфокусировали юбилейные мероприятия на идее своей «цивилизаторской» миссии, а египетский поход позиционировался как явление эпохи Просвещения, то египтяне сохранили память о французах как захватчиках, проявлявших жестокость и непонимание древней, чуждой им культуры. Конкурирующие интерпретации не позволили выстроить приемлемые для обеих сторон концепцию и сценарий общих торжеств и коммемораций. Совместные мероприятия (выставки, кинофестивали и др.) приобрели в результате «нейтральные» формы, отражающие неконфликтные аспекты взаимодействия двух народов, обходящие болезненные для обоих обществ сюжеты памяти.

Выступление В.Н. Земцова было посвящено участию французской стороны в торжествах, связанных со 100-летием Отечественной войны 1812 г. На основе французских архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, выявлены действия правительств и общественных структур Франции и России с целью использования празднования юбилея войны для укрепления союзнических отношений, посредством «переформатирования памяти». Для русских события 1812 г. вписывались в концепт «памяти-победы», тогда как для французов это была «память-травма»; Франция была республикой, Россия – полуабсолютистской наследственной монархией. Поэтому стороны проявили разную степень готовности к «мемориальному переформатированию». Однако на рубеже XIX–XX вв. Францию уже в большей степени волновала значительно более свежая национальная травма франко-прусской войны. Это способствовало тому, что к поражению Великой армии в России французы стали относиться как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл.

А.А. Постникова на основе документов Национального архива Великобритании проанализировала роль англичан в русской кампании 1812 г. и истоки формирования их памяти об этой войне. Она попыталась найти ответы на вопросы, как формировались представления британцев о Русской кампании 1812 г. и какую роль в этом сыграла политика британских правящих кругов. Представления Лондона о Русской кампании 1812 г. трансформировались под влиянием результатов военных действий, но значительная часть парламентариев сохраняла скептицизм по отношению к России и объясняла победу русских результа-

том проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Такого рода представления и дали основу формирования «британского» образа русской кампании: Главными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик».

В докладе Н.Н. Баранова «НЕюбилейные годы. Практики коммеморации Первой мировой войны в Веймарской республике» в компаративном ключе была рассмотрена проблема ретроспективной легитимации войны и специфики национальной культуры воспоминаний. Автор объяснил феномен рождения новых форм мемориальной культуры тем, что Первая мировая война, как война индустриальной эпохи, была отмечена миллионами анонимных жертв. В лагере победителей на национально-государственном уровне складывается культ Неизвестного солдата. Веймарская Германия после поражения в войне, падения монархии и распада империи являлась расколотым обществом, поэтому память о войне, ее героях и жертвах была предметом и инструментом ожесточенной борьбы разных социально-политических течений и групп. В результате общенациональный памятник – Танненбергский мемориал – появился сравнительно поздно и прежде всего служил местом мобилизации националистических и реваншистских сил. Превращение исторического здания берлинской Новой вахты в мемориал жертвам войны по инициативе социал-демократов вызвало отторжение со стороны правых и к тому же сопровождалось воспроизводством старой прусской традиции ежегодных военных парадов. В результате «Новая вахта» так и не стала общенациональным символом и местом памяти.

В докладе Е.В. Волкова «Вспоминая «Великую войну»: два взгляда российских эмигрантов из Калифорнии» были рассмотрены воспоминания двух русских генералов, участников Первой мировой войны и Гражданской войны в России. Докладчик отметил, что Будберг, будучи генералом, нес службу в штабах, командовал дивизиями, затем корпусом, поэтому его воспоминания – это взгляд «сверху», с дидактическими наставлениями. Молчанов вступил в войну в чине капитана, занимал должности на уровне среднего командного состава, прошел боевой путь, дослужившись к концу военной кампании до подполковника. Его взгляд на войну – вид с передовой, из окопа, с описанием повседневных армейских будней. Е.В. Волков пришел к выводу, что воспоминания представляют собой дискурсы о событиях Первой мировой войны, конструирующие идентичность авторов, воспроизводящие определенные знания и утверждающие их взгляды на события войны.

Ю.М. Галкина в своем выступлении «Деятельность французских спецслужб в России в годы Первой мировой войны и Революции 1917 г. как проблема исторической памяти» затронула тему 100-летнего юбилея советских органов государственной безопасности и его влияния на переосмысление ряда аспектов историографической традиции, в рамках

которой сформировались тенденциозные образы бывших союзников и их действий в 1918 г. Как пример было представлено т.н. «дело Локкарта», которое в настоящее время подвергается переосмыслению ввиду отсутствия межсоюзнического заговора как такового. Автор обратилась к материалам Исторической службы Министерства Обороны Франции и Дипломатического архива МИД Франции, реконструируя деятельность ряда французских разведчиков и «агентов влияния», вычеркнутых из исторической памяти российского народа еще в раннесоветское время.

С.И. Быкова в докладе «Почитание погибших и/или чествование героев: интерпретация исторических уроков Первой мировой войны современными студентами» представила анализ мини-исследований студентов, проведенных накануне 100-летия окончания военного конфликта 1914–1918 гг. Перед студентами ставилась задача описать и оценить значение различных форм коммемораций Первой мировой войны в европейских странах. В центре внимания оказались мемориалы, памятники, музеи, ритуалы, отражающие скорбь и память о погибших. Появление героического дискурса в работах студентов о российском участии в войне отразило влияние современной российской политики памяти, глорификации войн в публичной сфере. Автор подчеркнула, что в творческих работах этого года, в отличие от прошлых, представлены знаки памяти о судьбе маргинальных групп – беженцев, военнопленных, дезертиров, что продемонстрировало связь памяти с актуальными общественными вызовами и процессами, а также «демократизацию» образа войны в сознании современного российского/уральского студенчества.

В дискуссии обсуждались вопросы о роли семейных традиций и коммуникативной памяти в формировании индивидуальной и социальной памяти о войне; о механизмах воздействия образов и символов коллективной памяти на общественное и индивидуальное сознание; влиянии политики памяти на коллективную память и переформатирование образов военных конфликтов; о роли профессионального исторического сообщества при проведении юбилеев, его способности влиять на массовое историческое сознание. Сделан вывод об актуализации национально-государственных нарративов в период подготовки юбилеев. Образы победоносных войн/героического поражения до сих пор, несмотря на гетерогенность памяти современных сообществ, остаются основой конструирования исторических мифов и национальной идентичности народов, проявляя свою устойчивость и мобилизующую силу в ситуации обострения отношений между странами и сопутствующих им войн памяти. В чем причины устойчивости этих образов? Какими средствами можно формировать общее пространство памяти народов, участвовавших в военных конфликтах, и какова роль юбилеев в этом процессе? Эти и другие вопросы стали предметом размышлений. Требуется дальнейшего осмысления феномен памяти о войнах двух эпох, рассматрива-

емый в историческом контексте в современных исследованиях³, обсуждавшийся на международном семинаре. Сделано заключение о целесообразности разделения вопросов о роли юбилеев в развитии профессиональной историографии и об их воздействии на массовое историческое сознание, требующих разных исследовательских оптик. В выступлениях участников семинара констатирована необходимость дальнейшего изучения феномена Юбилеев, их целей, функций, влияния на социумы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: «Каменный пояс», 2004. 544 с. [Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii. (The age of memory, the memory of the century: The experience of dealing with the past in the twentieth century). Chelyabinsk: "Kamenniy poyas", 2004. 544 p.]
- Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 431 с. [Liven D. Navstrechu ogniu. Imperiia, voina i konets tsarskoi Rossii. (Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia) / per. s angl. P.S. Bavina. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017. 431 p.]
- Постникова А.А. Великая армия Наполеона на Березине: событие-память. М.: Гуманитарная академия, 2014. 240 с. [Postnikova A.A. Velikaia armia Napoleona na Berezine: sobytie-pamiat'. (The Great Army of Napoleon on the Berezina: an Event as Memory). M.: Gumanitarnaia akademiia, 2014. 240 p.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaiia nauka na rubezhe XX–XXI vv. Sotsial'nye teorii i istoriograficheskaiia praktika (History at the Border of the XX–XXI cc. Social Theories and Historiographical Practices). M.: Krug, 2011. 560 p.]
- Земцов В.Н. Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М., РОССПЭН, 2018. 431 с. [Zemtsov V.N. Napoleon v Rossii: sotsiokul'turnaia istoriia voiny i okkupatsii. (Napoleon in Russia: a sociocultural history of war and occupation). M.: ROSSPEN, 2018. 431 p.]
- Petrone, Karen. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 387 p.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и социальных технологий департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; o.s.porshneva@urfu.ru

Napoleonic wars and World War I in memory politics and peoples' historical memory

The article is devoted to the analysis of the problems presented at the international seminar, to the consideration of key aspects of the reflections of the participants in the discussion. The focus is on the assessments and conclusions of leading experts, characterizing the mechanisms of formation of historical politics and historical memory of the Napoleonic wars and the First World War.

Keywords: Napoleonic Wars, World War I, politics of memory, historical memory

Olga Porshneva, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Chair of History and Social Technologies, Department of History, Ural Institute for Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; o.s.porshneva@urfu.ru

³ Век памяти...; Petrone 2011; Постникова 2014; Ливен 2017; Земцов 2018; и др.

А. Д. МОИСЕЕВ, А. С. ШУРУПОВА, О. С. ШУРУПОВА

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена образу событий 1917 г. в историко-культурной памяти современной молодежи. Для исследования особенностей отношения к Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. проведено анкетирование студентов липецких вузов.

Ключевые слова: историко-культурная память, Февральская революция, Октябрьская социалистическая революция, 1917 год, восприятие революции

В 2017 г. исполнилось сто лет революционным событиям 1917 г., коренным образом изменившим жизнь в России и разделившим людей на тех, кто восторженно принимал свершившееся и кто оплакивал навсегда ушедшее. Отношение к тому или иному событию с течением времени меняется. Если заглянуть в Большую Советскую Энциклопедию 1971 г., можно убедиться, насколько принятая тогда трактовка событий 1917 г. умаляла роль Февральской революции, в ходе которой было свергнуто самодержавие: «Февральская революция не решила коренных вопросов жизни народа: прекращения империалистической войны и заключения мира, рабочего вопроса, уничтожения национального гнета... Только социалистическая революция могла решить назревшие вопросы социального прогресса»¹. Зато Октябрьская революция рассматривалась как событие мирового значения: она «ускорила ход исторических событий в мире, ...раскрыла всемирно-историческую роль рабочего класса как знаменосца и главного борца за социализм... Человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов»².

В 1987 г., когда отмечалось 70-летие Октябрьской революции, как тогда были уверены многие, «самого выдающегося события XX века, открывшего новую эру в жизни человечества»³, со страниц газет и журналов звучало: совсем немного осталось до полного торжества революционных идей, ибо «наши дела – естественное продолжение события всемирного значения». Но уже через несколько лет, когда Советский Союз прекратил свое существование, повсюду зазвучали слова о гибельности Октябрьской революции для России. Появились работы, которые доказывали необходимость считать эти события не революцией, а переворотом и обосновывали значение Февральской революции.

¹ БСЭ. 1971. Т. 4. С. 376.

² Там же. С. 386.

³ Куприн 1987. С. 2.

В данной статье мы не оцениваем события 1917 г., делаем попытку понять, каково нынешнее их восприятие рядовым носителем русской культуры, обратившись к результатам опроса студентов первого и второго курсов липецких вузов. Культурная память народа далеко не всегда сохраняет события минувшего такими, какими они предстают в научных работах, посвященных их тщательному, всестороннему анализу, однако без исследования особенностей отношения нынешнего человека к 1917 г. невозможно оценить его значение в русской истории. Интересно также сопоставить особенности восприятия революционных событий теми, кто жил в ту эпоху, и нашими молодыми современниками, имеющими возможность оценить события, произошедшие после 1917 г.

Если обратиться к данным Русского ассоциативного словаря, призванного продемонстрировать, «как мыслят русские в современной России»⁴, можно убедиться, что для современного молодого человека Октябрьская революция представляется гораздо более значимой, чем Февральская. Слово «февраль» отсутствует в списке слов-стимулов, которые авторы словаря предлагали вниманию испытуемых (11000 студентов), тогда как единица «октябрь» была включена в него и вызвала следующие ассоциации: «революция» (9), «1917 г.» (2), «великий» (1), «Ленин и Крупская» (1), «переворот» (1)⁵. Хотя наблюдалось большое число других ассоциаций, октябрь по-прежнему связывается в сознании русского человека с 1917 г., с революцией и / или переворотом. Слово «революция» тоже было предложено испытуемым, и в числе ассоциаций можно обнаружить следующие: «свершилась» (8), «продолжается» (6), «Октябрьская» (5), «переворот» (5), «социалистическая» (5), «красный» (3), «Ленин» (3), «1917 год» (3), «буржуазная» (2), «17 года» (2), «великая» (2), а также единичные ассоциации: «бунт, буря, в быту, власти, в Ленинграде. В России, гибель, глупость, голодовка, гражданская, давно, козлы, конституция, красное знамя, кровь, мировая, незрелая, о которой говорили большевики, победила, провал, провалилась, пролетарская, разбой, страх, ты научила нас, удар, ужас, ура, февральская»⁶. Таким образом, хотя некоторые испытуемые вспоминали о Февральской или буржуазной, как ее называли в Советском Союзе, революции, большинство опрошенных молодых людей связали революцию прежде всего с октябрём 1917 г., социализмом, Лениным и т.д.

Мы провели анкетирование с целью выяснить, считают ли современные молодые люди 18-20 лет события октября 1917 г. революцией или переворотом, насколько значимыми представляются им Февральская и Октябрьская революции, насколько глубоки их знания об этих

⁴ Русский ассоциативный словарь. 2002. Т. 1. С. 3.

⁵ Русский ассоциативный словарь. 2002. Т. 1. С. 404-405.

⁶ Там же. С. 551.

событиях. В ходе анкетирования восьмидесяти испытуемым (студентам второго и третьего курсов направлений подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Русский язык», «Русский язык и английский язык») предлагались следующие вопросы:

- 1) Назовите причины революции 1917 г. (мы намеренно не уточняли, о Февральской или Октябрьской революции идет речь).
- 2) Что, по Вашему мнению, явилось главным итогом революции 1917 г.?
 - а) падение самодержавия в России;
 - б) повышение народного благосостояния;
 - в) секуляризация церковных земель;
 - г) эмиграция населения России;
 - д) уменьшение социального напряжения;
 - е) другое.
- 3) Выберите фамилии, имеющие отношение к Февральской революции: *Ульянов, Сталин, Витте, Керенский, Лазимир, Чхеидзе, Родзянко*.
- 4) Выберите фамилии, имеющие отношение к Октябрьской революции: *Каменев, Зиновьев, Троцкий, Антонов-Овсеенко, Ленин, Сталин, Плеханов*.
- 5) Считаете ли Вы события октября 1917 г. революцией или переворотом? Почему?
- 6) Почему Великую Октябрьскую социалистическую революцию отмечают 7 ноября?
- 7) Каким(и) мероприятием(ями), на Ваш взгляд, следовало бы отметить столетие событий 1917 года?

Уже ответы на первый вопрос демонстрируют, что для большинства респондентов по-настоящему значимыми являются события февраля – марта 1917 г., поскольку 45% респондентов среди причин революции назвали: состояние Российской Империи в годы Первой мировой войны, нарастающее недовольство на фронте и в тылу, политические и экономические трудности, в т.ч. финансовый кризис, неспособность Николая II взять страну под контроль, его консервативную политику, поражение на фронтах, положение рабочих и крестьян. 20% респондентов, наряду с этими причинами, называли двоевластие, «противоречия большевиков и меньшевиков», «давление правящей партии». Следовательно, они пытались изложить причины октябрьских событий. В некоторых анкетах (4%) среди причин революции были названы проигрыш в Русско-японской войне и желание ограничить власть монарха путем создания Государственной Думы. 16% респондентов считают причинами революции 1917 г. ее следствия: смену власти, приход к власти большевиков и т.д., т.е. не могут объяснить, почему произошли события 1917 г. 15% респондентов вообще не смогли дать ответа на этот вопрос.

Главный вывод, который можно сделать, анализируя ответы респондентов, заключается в том, что в сознании современного молодого человека нередко спутаны события февраля и октября 1917 года. Характерно, что ни один из опрошенных не попытался уточнить, о какой именно революции идет речь. Возможно, в культурной памяти большей части молодых людей существует некая единая революция, вклю-

чающая в себя все происходившее на протяжении всего 1917 года и, более того, некоторые события 1905 года. Главным итогом этой революции 90% опрошенных сочли падение самодержавия в России. 4% респондентов, настроенных весьма благоприятно, сочли итогом революции повышение народного благосостояния, еще 4% – уменьшение социального напряжения. 2% респондентов на вопрос не ответили. Некоторые из опрошенных выбрали несколько ответов: значимым итогом революции, наряду с падением самодержавия, они сочли секуляризацию церковных земель (6%) и эмиграцию населения (4%).

Ответы на вопросы, связанные с выбором исторических лиц, имевших отношение к Февральской и Октябрьской революциям, показали: для большинства студентов обе революции прежде всего олицетворяет Ленин (Ульянов). В 90% анкет его имя отмечено среди других, имеющих отношение к Октябрьской революции, что вполне оправдано, однако 63% респондентов связывают его имя и с Февральской революцией, несмотря на то, что Ленин, когда она произошла, находился за пределами России и о ней узнал из газет. Более того, он не верил в возможность революции в 1917 г.: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»⁷. Таким образом, современная молодежь часто смешивает две революции, произошедшие в 1917 г.

Думается, преувеличение роли Ленина объясняется тем трепетным отношением к его имени, которого на протяжении долгих лет буквально требовали от каждого жителя Советского Союза. Современные студенты, не всегда способные связно рассказать о жизни этого человека и назвать его основные работы, тем не менее, уверены, что он принимал участие в событиях февраля 1917 г. Несколько меньше людей – 54% опрошенных – выделили фамилию «Керенский». Александр Федорович Керенский действительно являлся активным участником февральских событий: именно он призвал членов Государственной Думы, работа которой была прервана Николаем II, не подчиняться воле императора, встречался с митингующими рабочими, занял место министра юстиции во Временном правительстве. Однако далеко не все современные молодые люди помнят о его значительной роли в событиях того времени.

Наряду с фамилиями Ульянова и Керенского, довольно «популярной» оказалась фамилия Витте, знаменитого государственного деятеля начала XX в., который, однако, не имеет к Февральской революции никакого отношения, поскольку скончался в 1915 г. Сергей Юльевич Вит-

⁷ Ленин Т. 30. С. 328.

те, впрочем, руководил подавлением первой русской революции 1905 г. – возможно, именно этим объясняется то, что в сознании 31% респондентов имя Витте оказалось связано с революционными событиями.

27% респондентов, наряду с другими, выделили Чхеидзе. Николай Семенович Чхеидзе, конечно, имел отношение к Февральской революции как глава меньшевистской фракции Государственной Думы, а впоследствии член Петроградского совета рабочих депутатов. Фамилию Михаила Владимировича Родзянко, председателя Государственной Думы, в феврале 1917 г. выступавшего за сохранение монархии, отметили только 4% опрошенных. Столько же людей подчеркнули фамилию «Сталин», хотя в феврале он находился в ссылке. Очевидно, что те, кто, размышляя о Февральской революции, вспоминают имена Ленина и Сталина, объединяют ее события с октябрьскими. «Бескровная революция», которой так гордились современники, оказалась вытеснена в сознании последующих поколений событиями октября 1917 года.

Говоря об Октябрьской революции, респонденты обнаружили более широкие познания. 90% опрошенных связывают ее с именем Ленина. 70% выделили Троцкого, 27 – Зиновьева, 13 – Каменева, 6 – Сталина. Как мы можем убедиться, больше людей называли Каменева и Зиновьева, хотя те и выступали против ленинской резолюции о вооруженном восстании, в отличие от Сталина, набравшего значительно меньше «голосов». Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, принимавший активное участие в событиях октября 1917 г., в частности в подготовке штурма Зимнего дворца, не был упомянут ни разу. Таким образом, Октябрьскую революцию олицетворяют в сознании большинства студентов, Ленин и Троцкий, тогда как роль Сталина и Антонова-Овсеенко преуменьшена. То, что так случилось с Антоновым-Овсеенко, неудивительно: он был репрессирован и расстрелян в 1930-х гг., и, конечно, память о нем не старались сохранить. Однако то, что роль Сталина в событиях Октября оказалось почти столь же основательно забыта, как и роль осужденного им человека, достаточно интересно.

Преуменьшена и роль Октябрьской революции, о которой много говорили и писали на протяжении долгих лет. События октября 1917 г. многие из опрошенных (22%) сочли переворотом, хотя больше (27%) называет их революцией. Остальные 57% опрошенных либо не стали отвечать на данный вопрос анкеты, по-видимому, из-за неуверенности в свои познаниях, либо дали ответы, из которых нельзя сделать однозначного вывода об их взглядах на статус октябрьских событий:

«Считаю, произошло свержение царской власти»;

«Произошло свержение существовавшего режима правления»;

«Состоялось полное свержение монархии»;

«Победа большевиков, образование Советского государства» и т.д.

Довольно большое число респондентов путают события февраля и октября, считая, что свержение монархии произошло в октябре 1917 г. Это доказывает, что в историко-культурной памяти народа февраль и октябрь настолько тесно сплетены, что многие молодые люди искренне считают: монархия была упразднена именно в октябре, причем Ленин сыграл в этом значительную роль.

Лишь 60% опрошенных смогли объяснить, что день Великой Октябрьской социалистической революции отмечают 7 ноября из-за введения правительством Советской России григорианского календаря. Удивительно, что не все смогли ответить на этот вопрос. Более того, можно отметить немногочисленные ответы, подобные заявлению одной из опрошенных студенток: «Если честно, даже не знала, что ее отмечают 7 ноября». По-видимому, немногие молодые люди в сегодняшней России считают 7 ноября праздничным днем или каким-то образом выделяют его из числа прочих осенних дней.

В связи с этим интерес представляют ответы на последний вопрос анкеты о мероприятиях, которыми следовало бы отметить столетие событий 1917 г. 52% респондентов сочли ненужным отмечать эту дату. Как пояснил один из них, «отмечать многочисленное кровопролитие, разворовывание..., варварство не стоит. Можно лишь сделать минуту молчания... и просить прощения». Мнения другой половины респондентов разделились: одни считают необходимым провести в честь революции парад (4%), митинг на площади (4%) или масштабное гуляние на площади (8%), другие (32%) – отметить столетие революции проведением конференций, на которых можно обсудить связанные с этим событием проблемы. Ответ одной из девушек, пожалуй, наиболее точно и кратко выразил мнение многих респондентов: «На мой взгляд, можно провести мероприятие, на котором расскажут о революции 1917 года и о мнениях о ней. Но я не стала бы проводить концерт, так как мы уже не воспринимаем этот день как праздник». Многие молодые люди признают недостаточность своих знаний и хотели бы услышать больше, разобраться в хитросплетениях революции. Однако для большинства из них 7 ноября не является праздничным днем. Наверное, подобное отношение молодежи к революции весьма удивило бы тех, кто когда-то говорил о ней как о начале новой эры.

Время неумолимо идет вперед, и события 1917 г. все дальше отодвигаются в прошлое. Однако современные люди, ради счастья которых, как гласили бесчисленные лозунги, и были совершены Февральская, а затем Октябрьская революции, не слишком ими интересуются. В историко-культурной памяти современной молодежи события февраля 1917 г. оказались вытеснены событиями октября, а из имен революционеров, сыгравших первостепенную роль в изменении существовавшего государственного строя, сохранились немногие. Тем не менее,

хотя обе революции 1917 г. явно утратили в сознании современного человека романтический ореол, можно говорить о желании молодежи знать больше о том, что произошло сто лет назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Большая Советская энциклопедия. (В 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: «Советская Энциклопедия», 1971. Т. 4. 600 с.
 Куприн О. Живая революция / О. Куприн. // Работница. 1987. №11. С. 2-6.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 30. Июль 1916 – февраль 1917. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 561 с.
 Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов. Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: «Астрель»; «АСТ», 2002 784 с.

REFERENCES

- Bol'shaya Sovetskaya enciklopediya. (V 30 tomah) / Gl. red. A.M. Prohorov. 3-e izd. M.: «Sovetskaya Enciklopediya», 1971. T. 4. 600 s.
 Kuprin O. Zhivaya revolyuciya / O. Kuprin. // Rabotnica. 1987. №11. S. 2-6.
 Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-oe. T. 30. Iyul' 1916 – fevral' 1917. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1973. 561 s.
 Russkiy associativnyj slovar'. V 2-h t. T. 1. Ot stimula k reakcii: Ok. 7000 stimu-lov / Yu.N. Karaulov. G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva i dr. M.: «Astrel'»; «AST», 2002 784 s.

Моисеев Александр Дмитриевич, кандидат юридических наук, директор Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», член Российского Общества интеллектуальной истории; confup@inbox.ru

Шурупова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры ГМСиМ Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», член Российского Общества интеллектуальной истории; shurupova2011@mail.ru

Шурупова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры ГМСиМ Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», член Российского Общества интеллектуальной истории; shurupova2011@mail.ru

The Image of the Revolution of 1917 in historical and cultural memory of contemporary youth

The article is devoted to the pattern of the events of 1917 in the historical and cultural memory of the young people. In the article the features of the attitude of a modern young person to the February and October revolutions of 1917 are investigated on the basis of a survey of students of Lipetsk universities.

Keywords: historical and cultural memory, the February revolution, the October Socialist Revolution, 1917, the perception of the revolution

Alexander Moiseev, PhD (Law) Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch), the Head; confup@inbox.ru

Anna Shurupova, PhD (Econ.), Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch); shurupova2011@mail.ru

Olga Shurupova, PhD (Philology), researcher, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch); shurupova2011@mail.ru

С. А. ЭКШТУТ

«МЮНХЕН – 38. НА ПОРОГЕ КАТАСТРОФЫ»

В статье рассказывается об историко-документальной выставке, которая открылась в Выставочном зале федеральных государственных архивов. Предыстория заключения Мюнхенского соглашения 1938 года предстает под необычным ракурсом – как противостояние разведок СССР, Германии и Польши.

Ключевые слова: история дипломатии, история спецслужб, Мюнхенское соглашение 1938 года, технология «цветных революций», П.С. Рыбалко. В.Н. Каушба

«Управляемый хаос», «операция по принуждению к миру». В наши дни эти знаковые понятия известны любому образованному человеку и воспринимаются им исключительно как неотъемлемая принадлежность современного мира. Кажется, в XX в. не было, да и не могло быть ничего подобного. Однако факты опровергают расхожее мнение: 80 лет тому назад все эти феномены были зафиксированы и описаны в недавно рассекреченных донесениях разведчиков.

«История – это политика, опрокинутая в прошлое». Еще в марте 1928 г. академик М.Н. Покровский произнес эту фразу, вокруг которой было сломано столько копий. Историк-марксист оказался пророческим.

С 19 сентября по 14 октября 2018 г. в Выставочном зале федеральных государственных архивов экспонировалась историко-документальная выставка «Мюнхен-38. На пороге катастрофы», посвященная 80-летию соглашения, которое в 1 час ночи 30 сентября 1938 г. было подписано лидерами Германии, Великобритании, Франции и Италии и предусматривало передачу Судетской области Чехословакии в состав Третьего рейха. Мюнхенский сговор (под этим названием договор вошел в историю дипломатии) имел катастрофические последствия не только для Чехословацкой Республики (ЧСР), но и для всей Европы и стал одной из причин развязывания Второй мировой войны.

Кладезь секретов

Организаторы – Федеральное архивное агентство (Росархив), Российский государственный военный архив, Государственный архив РФ – талантливо реализовали выставочный проект, и зритель получил возможность переместиться в давно прошедшее время, отстоящее от нас на три поколения, наглядно представить и ощутить былое в его незавершенности и трагической неизбежности. Зрелищность проекта исключительно высока. Эффект присутствия несомненен. Мы видим былое глазами политических лидеров, дипломатов и разведчиков, причем количество рассекреченной и представленной агентурной информации поражает самое смелое воображение. Настоящая сенсация выставки – доне-

сения советских разведчиков, направленные в Центр из Праги, Варшавы, Парижа, Рима. Они соседствуют с информацией немецких и польских спецслужб – в итоге зритель перемещается за кулисы исторического события, ощущает себя участником дуэли разведок, у него возникает выразительный и полифонический образ прошлого – поворотного момента не только европейской, но и мировой истории XX века.

На оси времени 1938 год. Приближается двадцатая годовщина со дня окончания Первой мировой войны. Система международных отношений, сформированная Версальским мирным договором 1919 г., официально поставившим точку в войне, переживает жесточайший кризис. Статья 231 («War Guilt Clause») договора возложила всю ответственность за войну на Германию, которые должны были нести всю полноту ответственности за весь нанесённый ущерб гражданскому населению союзников. Германия протестует и жаждет реванша.

До и после аншлюса

25 февраля 1938-го Центральный отдел III 1 Главного управления СД (службы безопасности) НСДАП при обзоре военных наступательных и оборонительных мероприятий Чехословакии без обиняков формулирует мысль о пересмотре границ:

«К востоку от немецкой границы после мировой войны бывшие государства были поделены на крайне малые образования. Основанием для этого послужили не “принцип национальностей” или “право народов на самоопределение”, а в первую очередь стремление сдерживать Германию посредством несамостоятельных, уступчивых сателлитов французской политики изолирования на Востоке. Одним из самых своеобразных государств этого типа является образование “Чехословакия”. В политическом, да и в военном отношении Франция стояла у колыбели ЧСР. Естественным последствием является то, что чехи пытались укрепить положение своего государства путем теснейшего политического и военного сближения с Францией и ее союзниками»¹.

12-13 марта 1938 г. Австрия была включена в состав Третьего рейха, после чего Германия начала давно задуманную многоходовую, но предельно сжатую по времени комбинацию по ликвидации ЧСР – первым шагом должно было стать отторжение Судетской области, где компактно проживали этнические немцы.

Не ранее 26 марта 1938 г. помощник советского военного атташе в Праге майор Владимир Нестерович Кашуба диппочтой отправил в Отдел внешних сношений Наркомата обороны (НКО) СССР информационное письмо о произволе Судето-немецкой партии, во главе которой стоял лидер местных немцев Конрад Генлейн, сразу же после аншлюса Австрии прибывший в Берлин за инструкциями. Фактически советский военный разведчик описал явление, в наши дни названное технологией «цветных революций»:

¹ РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 909. Л. 7.

«СНП занимается неограниченной национальной агитацией. Она делает всё, что хочет. Почти всюду принято употреблять гитлеровское приветствие. На собрании членов СНП в Карлсбаде (ныне – Карловы Вары) собрание было открыто с приветствием “Хайл Хитлер” (так в тексте – С.Э.). Посредством громкоговорителей речи, поизносившиеся на собрании, были переданы на площади, где их слушали тысячи людей. ...Переход госчиновников и широких народных масс в СНП происходит посредством явного террора. ...Члены СНП ходят из дома в дом и предлагают всем гражданам подписывать карточки о вступлении в СНП, при отказе угрожают повешением, поджогом домов и лишением работы. На заводах мастера и служащие обходят рабочих и призывают к вступлению в суде-то-немецкую партию, причем открыто грозят репрессиями и лишением работы в случае отказа рабочего вступить в СНП. ...Возникают возмущение и разложение в госаппарате. Жандармские коменданты дезориентированы о том, что происходит в республике, и бегают за информацией к частным лицам»².

Польский гамбит

11 апреля 1938-го военный атташе в Варшаве полковник Павел Семенович Рыбалко информировал наркома обороны СССР маршала К.Е. Ворошилова о польско-литовском пограничном конфликте и подготовке Польши к военной агрессии против Чехословакии³.

17 июля 1938 г. польский разведчик направил агентурное донесение во II отдел Главного штаба Войска Польского (она же «Двуйка», занималась разведкой и контрразведкой) о планах Германии, где описал явление, в наши дни названное «управляемым хаосом»:

«...Компетентные немецкие круги примерно в середине августа должны начать оч[ень] активную деятельность на судетской территории. В этот отрезок времени должно вспыхнуть восстание [...] генлейновцев против чешских властей. Немцы рассчитывают на то, что, создав хаос, в результате восстания они вызовут, с одной стороны, быструю и жесткую реакцию чешских властей, а с другой, показав методы подавления восстания, подготовят общественное мнение в Англии к тому, чтобы, если понадобится, принять идею немедленной аннексии как единственного средства, которое поможет избежать кровопролития»⁴.

Разведчик как в воду глядел, предвидя Мюнхенский сговор. Помешать реализации этих планов мог Советский Союз – основанием для «операции по принуждению к миру» могли стать подписанные в мае 1935 г. трехсторонние соглашения между Москвой, Прагой и Парижем. Но для вмешательства СССР строго необходимо было согласие Франции, премьер которой Э. Даладье вершил судьбы мира в Мюнхене...

Но в Варшаве внимательно отслеживали возможность вмешательства Красной Армии и очень ее пугались. 1 августа 1938 г. начальник II отдела Главного штаба Войска Польского Т. Пелчиньский доложил начальнику Главного штаба Войска Польского В. Стахевичу о дисло-

² РГВА. Ф. 37967. Оп. 8. Д. 1351. Л. 147, 146.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1147. Л. 32–37.

⁴ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 437. Л. 115.

кации советской авиации на территории Чехословакии с указанием количества техники и личного состава (к докладу была приложена карта):

«Докладываю пану генералу, что по нашим оценкам за достоверные сведения можно считать информацию (полученную из разных источников), касающуюся присутствия советской авиации в следующих местностях: в Праге, в Брно, в Простееве (Моравия), в Братиславе и Ужгороде, причем общая численность советских самолетов в этих местностях составляет около 43. Информация о 120 советских самолетах в Праге до настоящего момента подтверждена не была. Общая численность советского персонала составляет около 120 чел. (эти сведения можно считать достоверными)»⁵.

«Достоверность» имеющихся у «Двуйки» сведений вызывает серьёзные опасения. Никаких частей РККА на территории Чехословакии не было, а отмеченные поляками самолеты – это закупленные в СССР советские бомбардировщики СБ. В ЧСР они именовались SB.71.

Настроены драться?

Попытка Германии отторгнуть Судетскую область, опираясь на сепаратистское движение судетских немцев, провалилась дважды – в мае и в сентябре 1938-го. Правительство Чехословакии действовало решительно и при помощи полиции и войск моторизованной дивизии подавило путч. Конрад Генлейн бежал в Германию. Майор Кашуба, не всегда соблюдая правила согласования слов в предложении, оперативно доложил подробности:

«Раскрыты склады с оружием, привезенным из Германии для генлейновцев. Оружие – винтовки, карабины, пистолеты, пулеметы, патроны немецкого образца... В Марквартице – было тайное собрание 50-ти человек генлейновцев. Руководитель вооружен и в форме. При появлении полиции все разбежались... В Опавице – полиция задержала авто и произвела обыск, при обыске найдена радиостанция – передатчик германской конструкции. Шофер и пассажир арестованы. Обстановка остается напряженной. ...По плану предусматривалось захват почты, телеграфа, жел-дор. станций, полицейские участки, финансовые учреждения и т.д. Внутренним бунтом подготавливался повод к вступлению германских войск в Судетско-немецкую область. ...В Схонбахе – повстанцы, которые бежали 14.9. в Германию, [к 8-ми часам 18.9.] возвратились обратно. Говорят, что в Германии очень плохо. ...В Жел. Руда – повстанцы, бежавшие в Германию, Гитлером мобилизованы для оборонительных работ. Нетрудоспособные интернированы»⁶.

Фюрер готовился к войне и кормить бездельников-фольксдойче, не способных принести пользу Третьему рейху, не собирался.

Казалось, Чехословакия сумеет отстоять свою территориальную целостность. В эти тревожные сентябрьские дни авторитет СССР поднялся на небывалую высоту, о чем майор Кашуба незамедлительно проинформировал Наркомат обороны. «СССР есть символ спасения Чехословакии и в эту силу верят наиболее последовательные демократиче-

⁵ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 437. Л. 25об–27.

⁶ РГВА. Ф. 37967. Оп. 6. Д. 129. Л. 303, 301, 299, 310.

ские круги близких правительству, а также коалиционная партия Клерикалов. Уверенность в помощи СССР в рядах чехословацкой армии большая. Армия настроена драться до последнего человека. Прошу учесть очень важный сдвиг в настроениях широких кругов военных. А именно:

– Генерал Файфер⁷ 12.9. был у тов. Александровского⁸ и говорил, что желательно прислать в Прагу будущего командующего советскими войсками в Чехословакии с его штабом.

...В Генштабе меня засыпали вопросами – “Как Вы нам поможете?” Говорят, что одна надежда на Вас, на Ваш Великий народ и на Вашу Красную Армию⁹.

Однако Польша отказалась пропустить войска Красной армии через свою территорию и, угрожая войной, заявила: советские самолеты, если они появятся над Польшей по пути в Чехословакию, будут атакованы польской авиацией. СССР это не испугало. Военная техника заблаговременно стала поставляться в Чехословакию через Румынию, и эта информация польской разведки частично, но достоверна.

22 сентября 1938 г. писатель М.М. Пришвин, до этого месяц просидевший в лесу без газет, чутко уловил поразившую его новую примету столичной жизни:

«В Москве за всем почти километровые очереди: обыватель лезет, давит друг друга в борьбе за право жизни. Кто-то глянул и покачал головой, а из очереди ему кто-то ответил: “Чего качаешь головой, видно, нужды нет, а пришла бы нужда, стал бы с нами, как миленький”. И это правда, пока сыт и устроен, все такое кажется ужасом, а когда придет нужда, будешь стоять безропотно и, достигая куски хлеба или метр ситца, будешь радоваться и такому как счастью. И все это мы испытали, все знаем»¹⁰.

23 сентября 1938-го нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов дал в НКВД СССР шифротелеграмму о необходимости объявления в СССР частичной мобилизации и проведении кампании в прессе с целью заставить руководителей Германии и Польши поверить в возможность большой войны с участием Советского Союза¹¹.

25 сентября 1938-го советник МИД Польши П. Курницкий¹² составил служебную записку о поездке в Ужгород и предложил исполь-

⁷ Правильно Файфер Ярослав (1883–1974) – дивизионный генерал чехословацкой армии, с 1927 г. в командовании ВВС ЧСР, в конце мая 1935 г. был с визитом СССР.

⁸ Александровский Сергей Сергеевич (1889–1945) – Полномочный представитель СССР в Чехословакии, затем адвокат в Москве. В ВОВ воевал в народном ополчении. Попал в плен, бежал, воевал в партизанах. Осенью 1943 г. специальным самолетом доставлен в Москву и арестован. Расстрелян в 1945 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 6. Д. 129. Л. 298, 297.

¹⁰ Пришвин 2010. С. 171.

¹¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 187. Л. 88.

¹² Курницкий Пётр (1899–1975) – довольно заметная фигура в предвоенной дипломатии и разведке. Родился в Антонове на Киевщине. В Гражданскую войну – член

зывать ОУН для диверсионной работы на территории Чехословакии. «Это была бы двойная выгода, поскольку мы могли бы избавиться от этого элемента, и одновременно создать хаос на территории ЧСР»¹³.

27 сентября 1938 г. польский консул в Кишиневе А. Понсе-де-Сандон направил в посольство Республики Польша в Бухаресте (Румыния) донесение о транспортировке советских военных грузов для Чехословакии через территорию Румынии.

«Транспорты с военными материалами из Сов[етской] России продолжают идти как через Каинары-Бессарабку, так и через Кишинев. До сих пор эти транспорты состояли в ч[астности] из: танков, пулеметов, противогазов и закрытых товарных вагонов с неизвестным грузом (с надписями «explosif» – таким образом, скор[ей всего], с боеприпасами). От хорошо информированного источника (железнодорожники) у меня есть сведения о том, что до 25 сентября через Кишинев прошло около 600 вагонов с сов[етскими] военными матер[иалами] для Чехословакии»¹⁴.

Консул ошибся: танков СССР в ЧСР никогда не экспортировал.

И все-таки сговор

29 сентября 1938-го Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав маршала Ворошилова, приняло решение о дополнительном призыве из запаса приписного состава, призыве на сборы командно-начальствующего состава РККА запаса, выделении лошадей и грузовиков на нужды армии и командировании слушателей военных академий в штабы военных округов¹⁵. На юго-западной и западной границе были приведены в боевую готовность стрелковые и кавалерийские дивизии, авиация, танковые бригады и войска противовоздушной обороны.

Дальнейшее хорошо известно. В тот же день в Мюнхене произошла встреча Гитлера с главами правительств Великобритании, Франции и Италии – Чемберленом Даладье и Муссолини. Чехословацкие представители не были допущены к обсуждению соглашения. СССР, а также германским союзникам по борьбе с ЧСР Польше и Венгрии было отказано в участии во встрече. В 1 час ночи 30 сентября 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение. Чемберлен сдержал слово, данное Гитлеру: Третий рейх получил Судетскую «без войны и без промедления»¹⁶. Польша, обидевшись на Гитлера, приняла участие в разделе Чехословакии без согласования с ним и ввела свои войска в Тешинскую область после ультиматума, предъявленного уже в конце дня 30 сентяб-

Польской военной организации на Украине. В 1932–1936 гг. – вице-консул в Киеве, управлял местной резидентурой польской разведки, с 1936 по 1939 г. служил в политическом отделе МИД, занимался СССР и в этом качестве координировал работу со 2-м отделом Генштаба. В 1949 г. переехал в Канаду, преподавал историю русской революции в Центре славянских исследований Монреальского университета.

¹³ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 442. Л. 202.

¹⁴ РГВА. Ф. 308к. Оп. 12. Д. 278. Л. 60–61.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 285. Л. 61–62.

¹⁶ Черчилль 1991 // https://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=146962

ря. Венгрия с помощью арбитража в Вене через некоторое время оккупировала южные (равнинные) районы Словакии и Подкарпатской Руси (совр. Закарпатской области Украины).

Если рассматривать изменения политической карты Европы в «большом историческом времени», можно разглядеть «их единственное историческое содержание» – иррациональный страх горделивого Запада перед «русским медведем» и заносчивое нежелание признать Советский Союз законным правопреемником государства Российского, которому, впрочем, и в XIX веке надменно отказывалось в «патенте на благородство», и в этом качестве предоставить СССР право голоса при коллективном рассмотрении всех европейских проблем. Вот почему выставка «Мюнхен-38» исключительно актуальна и чрезвычайно современна.

Сосредоточенные для помощи Чехословакии войска Красной армии, готовые провести «операцию по принуждению к миру», оставались на границе до 25 октября 1938 года, после чего вернулись в районы постоянной дислокации. Принудить агрессора к миру не удалось. Однако и политика умиротворения агрессора, проводимая Чемберленом и Даладье, которых по возвращении домой встречали ликующие толпы (войны-то с Гитлером теперь не будет!) очень скоро доказала свою несостоятельность. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Лишь после ее окончания за СССР был официально признан статус великой державы, о котором в Париже, Лондоне, Берлине и Риме вполне могли бы вспомнить и в сентябре 1938 года.

Неужели прав был великий философ Гегель, и опыт Истории ничему не научил народы и правительства?!

Конрад Генлейн стал рейхскомиссаром Судетской области и обергруппенфюрером СС. В мае 1945-го попал в плен к американцам и 10 мая покончил собой, разбив очки и перерезав стёклами вены.

Кадровый сотрудник Разведывательного управления Павел Рыбалко прославился в годы Великой Отечественной войны: стал дважды Героем Советского Союза и кавалером пяти полководческих орденов. 1 июня 1945 г. ему было присвоено звание маршала бронетанковых войск.

Владимир Кашуба во время войны с Финляндией командовал 35-й танковой бригадой, был тяжело ранен, но поле боя не покинул и продолжал руководить соединением до выполнения боевой задачи. Лишь в конце дня попал в госпиталь, где ему ампутировали правую ногу. Его подвиг стал известен всей стране. Герой Советского Союза Кашуба остался служить в Красной армии. В годы войны стал генерал-лейтенантом танковых войск и достойно руководил Ульяновским танковым училищем, которому (первому и всего-навсего одному из двух военно-учебных заведений СССР) было присвоено звание гвардейского.

Только факты. Представлено 236 исторических источников: подлинные архивные документы, редкие фотографии, кинохроника, музейные предметы (пехотная каска Вермахта, немецкая винтовка, унтер-офицерская фуражка, шинель и сапоги лейтенанта Вермахта, немецкая медаль «В память 1 октября 1938 года»; модель советского истребителя И-16, личные вещи Сталина – лупа, портфель, авторучка с золотым пером в футляре, курительная трубка). Экспозиция выставки подготовлена при участии Российского государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности России, Музея Победы и Центрального музея Вооруженных Сил РФ.

Автор сердечно благодарит Юрия Аркадьевича Борисенка и Андрея Анатольевича Смирнова за товарищеское участие и помощь в работе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пришвин М.М. Дневники. 1938-1939 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой; Статья, коммент. Я.З. Гришиной. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010.
Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I. М.: Воениздат, 1991.

REFERENCES

Prishvin M.M. Dnevnik. 1938-1939 / Podgot. teksta YA.Z. Grishinoj, A.V. Kisele-voj; Stat'ya, komment. YA.Z. Grishinoj. SPb.: ООО «Izd-vo “Rostok”», 2010.
CHerchill' U. Vtoraya mirovaya vojna. T. I. M.: Voenizdat, 1991.

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; semenekshut54@gmail.com

Munich - 38. On the threshold of a catastrophe

The article evaluates a historical documentary exhibition, which opened in the Exhibition Hall of the Federal State Archives. The preparation for the Munich Agreement of 1938 is shown under an unusual angle: as the opposition of the intelligence services of the USSR, Germany and Poland.

Keywords: Keywords: history of diplomacy, history of special services, Munich Agreement of 1938, technology of “color revolutions”, P.S. Fishing V.N. Kashuba

Semen Ekshtut, Dr. Sc. (Philosophy), leading researcher, Institute of World History; semenekshut54@gmail.com

Ю. В. ИВАНОВА

КРАСНОРЕЧИЕ МАКРОКОСМА И ГРАММАТИКА ВЕНЕРЫ¹

Рец. на кн.: Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Изд. подг. О.С. Воскобойников, пер. и комм.: О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов, Отв. ред. М.Ю. Реутин. М.: Наука, 2018.

Ключевые слова: Шартрская школа, христианская натурфилософия, платонизм, Шестоднев, библейская экзегеза

Антология текстов Шартрской школы, плод многолетних трудов нескольких переводчиков, вводит отечественного читателя в весьма экзотическую область средневековой культуры. Читатель, даже самый взыскательный, не будет разочарован: преисполненные учености шартрские прозиметры, способные отпугнуть и бывалого латиниста, теперь доступны ему в прекрасных поэтических переводах Р.Л. Шмаракова и О.С. Воскобойникова, а сокрытая в этих текстах бездна схоластической премудрости представлена упорядоченной и благоустроенной в солидных комментариях. Явление целой плеяды блистательных поэтов и интеллектуалов, группировавшихся вокруг Шартрской соборной школы, принадлежит к числу наиболее примечательных эпизодов т.н. «Возрождения XII века». Слава Шартрской школы среди западных медиевистов начала складываться еще в XIX в., и вскоре триада ее канцлеров, прославленная еще Иоанном Солсберийским²: Бернард Шартрский, Гильберт Порретанский, Теодорих Шартрский – усилиями Бартелеми Орео³ вошла в пантеон средневековых вольнодумцев на равных правах с незадолго до того переоткрытыми Э. Ренаном «латинскими аверроистами». Как и в случае с «аверроизмом», увлечение Шартром родилось на перекресте двух антагонистических импульсов в интеллектуальной истории Европы второй половины XIX в.: интереса к Средним векам со стороны секулярных романтиков, таких как Ренан, и католических интеллектуалов, таких как А. Клерваль, первооткрыватель «Школы». Неудивитель-

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов РФ "5-100".

² Giraud, Mews 2014. P. 39.

³ Hauréau 1872. P. 390-478.

но поэтому, что наследники упомянутых течений в XX в., неомист Этьен Жильсон и «критический интеллеktуал» Жак Ле Гофф, будут в равной мере проявлять интерес к исследованию «шартрского духа»⁴. Впрочем, в самом скором времени имена шартрских магистров можно будет встретить и в совсем неожиданных контекстах: к примеру, на Алана Лилльского и Бернарда Сильвестра ссылается как на своих предшественников, великих посвященных из числа средневековых мыслителей наряду с Иоахимом Флорским, Рудольф Штайнер⁵.

В рецензируемой книге полемически заострено уже само ее заглавие: наряду с «Ренессансом XII века» «Шартрская школа» принадлежит к числу явлений, которые еще с 1970-х немало скептически настроенных медиевистов склонны были считать «романтическими недоразумениями» – историографическими химерами, возникшими вследствие гипостазирования исследователями собственных метафор. Некоторые из них полусерьезно задавались даже вопросом, не был ли миф о Шартрской школе своего рода «побочным продуктом» мировой известности Шартрского собора, воплощением знаменитого тезиса Э. Панофского о родстве схоластики и готики⁶. Неслучайно ведь канцлерство Теодориха Шартрского совпало с возведением знаменитого «королевского портала» (*portail royal*) собора. Поиски исторического воплощения Шартрской школы порой приводили к парадоксам. Так, если даже последователи великого скептика Р. Сазерна соглашались считать единственным настоящим представителем Шартрской школы Бернарда Сильвестра, то в наше время М. Каунце стал говорить об особой «Турской школе», к которой Бернарда «на самом деле» следовало бы отнести: не зря ведь поэт Матвей Вандомский назвал его «славой и украшением» именно Тура, а не Шартра⁷. Существует немало препятствий тому, чтобы говорить применительно к Шартру XII в. об особой «школе». Как отмечал тот же Саузерн, для интеллектуалов XI – начала XII в. была больше характерна самоидентификация с авторитетным магистром (разнообразные *Albericani, Meludinenses, Montani, Porretani, Heliste, Parvipontani*⁸) или направлением (номиналисты), а не с географически определенной школой, например, Парижем или Шартром. Если какие-то города и становились известны в качестве центров притяжения взыскующих знания студентов и даже обретали соответствующую специализацию (Лан – как центр библейской экзегезы, Париж – логики и теологии, Орлеан – классических штудий, Шартр – натурфилософии), то этот процесс был свя-

⁴ Жильсон 2010. С. 196–210; Ле Гофф 2003. С. 44 – 47.

⁵ Steiner. 2001. P. 9.

⁶ См, например, характерное заглавие недавней книги: Ball 2009.

⁷ Kauntze 2014. P. 15–16.

⁸ Southern 1991. P. 114.

зан с присутствием в них авторитетных учителей (Ансельма – в Лане, Гильома из Сен-Шампо и потом Абельяра – в Париже и т.д.). О «школьном», дидактическом аспекте истории Шартра мы знаем немного: сохранилось лишь любопытное послание Фульберта Шартрского Хильдегару, его представителю в Пуатье и эконому церкви св. Илария, в котором епископ предостерегает коллегу от попыток развлекать аудиторию при помощи шуток (но при этом просит как следует позаботиться о бытовых условиях жизни школяров)⁹. Принимая во внимание все эти обстоятельства, уже в аннотации к книге авторы, избегая анахронизма, очень удачно вслед за Б. Стоком именуют Шартрскую школу «textual community»: термин, который можно примерно перевести как «сообщество, объединенное общим кругом текстов и способом их чтения».

В отечественном контексте Шартрская школа оказалась в «серой зоне» между вершинными событиями и фигурами интеллектуальной истории Европы Средних веков. В самом деле: шартрцы не были в достаточной мере радикальны, чтобы им достались лавры «средневековых вольнодумцев» (в отличие от их современника Петра Абельяра). Они не были в достаточной мере философски оригинальны, чтобы создать нечто подобное «единственному аргументу» Ансельма и так обрести права гражданства в истории философии. Хотя дух синтеза им вовсе не был чужд, никто из них не мог бы возвести свой «христианский платонизм» в ранг *philosophia perennis*, как это случилось впоследствии с «христианским аристотелизмом» св. Фомы. Не слишком интересны они и с точки зрения «истории влияний»: как отмечал С.С. Аверинцев в одной из своих лекций, «шартрская школа не имела конфликтов и не имела наследников»¹⁰. Для историков литературы «сатуры» шартрцев хотя и заняты, но вторичны. Скупого внимания «школа» удостоивается обычно лишь в связи с дебатами вокруг пресловутого «Возрождения XII века» и нередко, подобно флорентийской «Платоновской академии», обнаруживает тенденцию к анахронистической «институционализации» (в этом повинно, конечно, несколько двусмысленное слово «школа»).

Задача отбора наиболее репрезентативных для «Шартрской школы» памятников представляется весьма непростой. Выбор текстов для перевода, как признает составитель книги, может показаться несколько прихотливым, но в нем прослеживается достаточно четкая логика: были отобраны тексты, располагающиеся в промежуточной зоне между философией, экзегезой и изящной литературой. Такая подборка позволяет читателю насладиться всеми изысками шартрского «плетения словес»: пространный экфрасис из поэмы Алана, в мельчайших деталях пред-

⁹ Jauneau 2009.

¹⁰ Аверинцев 1987. Относительно конфликтов Аверинцев, впрочем, был неправ, как показывает перевод письма Гильома из Сен-Тьерри к Бернарду Клервосскому.

ставляющий читательскому взору ризы Природы, будто бы воплощает в слове бестиарии готических соборов, а Алан с риторическим кокетством сравнивает место нетопыря («птицы-гермафродита») в музыкальной гармонии голосов птиц, запечатленных на одеянии девы-Природы, со ставшим известным как раз через посредство шартрцев математическим нулем¹¹. Это как раз та область, в которой вклад Шартрской школы не только в историю литературы, но и в историю философии может претендовать на оригинальность: так, весьма убедительно ряд исследователей находят в аллегорезе Алана Лилльского влияние стоической логики и теории языка¹². В этой связи характерно, к примеру, отсутствие среди переведенных авторов Гильберта Порретанского, автора известных комментариев к Бозцию Кларембальда Аррасского или Иоанна Солсберийского (он некоторое время занимал позицию Шартрского канцлера). Исключены оказались, таким образом, «чисто» философские и популярно-богословские труды шартрцев, такие, например, как «Об искусстве проповеди» или «Summa Quot modis» Алана Лилльского.

Еще в середине XX в. Э. Жильсон свел мировоззрение шартрцев к нескольким характерным чертам («Шартрский комплекс»): сильное влияние Бозция, опора на «натурфилософский» платонизм Халкидия, реалистическая позиция в споре об универсалиях и хорошее знакомство с классической культурой¹³. Ле Гофф (он специально Шартрской школой не занимался, но искусством емких и запоминающихся определений владел в совершенстве) в свойственной ему плакатной манере представил «шартрский дух» как сопряжение «натурализма» и «гуманизма»: первый стал одним из важнейших шагов на пути к необходимой для грядущей научной картины мира «десакрализации природы», второй – краеугольным камнем предвосхищающего Ренессанс антропоцентризма. В целом нехарактерная для аристотелецентричного зрелого и позднего Средневековья приверженность Платону – пусть и в очень усеченном виде – позволяет вписать шартрских магистров в «большой нарратив» платонической традиции¹⁴, но самой любопытной чертой «школы», роднящей ее скорее с каролингскими интеллектуалами, чем с философскими трудами зрелого Средневековья, представляется нам синтез натурфилософии, богословия, грамматики и куртуазной поэзии, достигающий апогея в монументальном «Плаче Природы» Алана Лилльского. Шартрские тексты сами подобны персонажам Алана – неукротимой пероматерии Сильве, которую обращает к порядку, принося в нее

¹¹ «Там нетопырь, птица-гермафродит, среди малых птиц занимала место нуля. Эти животные, хотя существовали там как бы аллегорически, казались, однако, существующими буквально» (Шартрская школа 2018. С. 237).

¹² Bardzell 2009.

¹³ Жильсон 2010. С. 198.

¹⁴ См. книгу с характерным заглавием: From Athens to Chartres 1992.

свои пропорции, Эндилихия: повествование о движении планет и климатических поясах Земли чередуется в сочинениях шартрцев с рассказом о снотворных действиях ромашки и гастрономических достоинствах хариуса, а категории Аристотеля используются для изготовления лекарственных снадобий; технические понятия астрономии обретают плоть и кровь, а сексуальные перверсии описываются в терминах, уподобляющих их нарушениям норм грамматики.

Можно встретить в этих текстах и утверждения, граничащие с геродоксией: так, мы узнаем, что Космос стяжал бытие от Бога и первопричины – «одинаково вечных». Идея «вечности мира», обретшая скандальную известность в связи с «аверроистским кризисом» 1270-х гг., в текстах шартрцев «проскальзывает» неоднократно, хотя нигде не обсуждается *in extenso*. «Там, где времена кончаются, они вновь обретают рождение», – в этих словах Алана мы легко узнаем «учение о великом годе», век спустя осужденное Этьеном Тампье в его «Силлабусе»¹⁵. Можно обнаружить в них и элементы «мениппеи»: например, в порицаниях, с которыми обрушивается на Разум Природа. Крохи греческой учености, извлекаемые из грамматик Присциана, соседствуют с заимствованиями из новомодных арабских авторов, таких как Али ибн аль-Аббас аль-Маджуси (через посредство *Liber pantegni* Константина Африканского) или Абу-Машар. Если участники кружка интеллектуалов при дворе Карла Великого, его придворной «академии», жили еще исключительно остатками античной культуры, то шартрцы были одними из первых «импортеров» арабской премудрости на латинском Западе. Приметы знакомства с ней видны в шартрских текстах: например, Бернард Сильвестр ссылается на новые, арабские, названия созвездий.

Очень удачным представляется решение поместить в книге исполненный гнева и презрения памфлет Гильома из Сен-Тьерри, направленный против и в самом деле не слишком удачного эскиза тринитарной теологии Гильома Коншского. Этот текст словно бы нарушает идиллию «Шартрского Возрождения», позволяя взглянуть на «шестующие легкой стопой» сочинения шартрцев глазами профессионального цистерцианского теолога, превзошедшего в своей критике «горе-философов», *philosophantes*, самого Бернарда Клервосского. Несмотря на частые апелляции к превосходящей разумение «великой тайне» и знаменитую цитату из бл. Августина, повелевающего верить и запрещающего рассуждать, Гильом из Сен-Тьерри выступает против автора «Философии» во всеоружии вполне рациональных аргументов; он видит в своем «вольнодумном» тезке другого Абеяра – это, несомненно, понравилось

¹⁵ Речь идет о 219 философских и богословских тезисах, осужденных епископом Парижским Этьеном (Стефаном) Тампье 7 марта 1277 г. Учение о «великом годе» можно найти среди первых положений «Силлабуса» (*La condamnation parisienne*. P. 80).

бы любителям шартрцев из числа «критических интеллектуалов», но в случае полемики двух Гильомов речь идет не о конфликте мировоззрений, а о новой итерации восходящего к святоотеческой эпохе спора о различении в Боге ипостасных и субстанциальных свойств. Злоупотребляя одной из популярных антропоморфных метафор, служивших для иллюстрации различия Лиц Троицы – Отец как сила, Сын как Премудрость, и Дух Святой как воля, – один из патриархов Шартрской школы оказался на грани ереси модализма, смешав между собой свойства божественной сущности и те, которые в позднейшей истории латинского богословия станут называть *ноциональными*. Более того: Гильом пытается представить наименования Лиц Троицы как метафорические термины, указывающие на более глубокие отношения: Отец есть указание на силу, «поскольку она все творит и с отцовской любовью утверждает», Премудрость обозначена именем Сына, ибо «как сын во времени исходит от отца, так и премудрость совечно и единосушно от силы»¹⁶.

В экзегетической части желчной эпистолы Гильома, завершающейся прямым призывом отлучить оппонента от Святых Таин, мы видим характерную коллизию герменевтических принципов: августиново типологическое истолкование истории сотворения Адама и Евы противопоставляется принципу «согласно физике и буквально», который мы находим у магистра из Конша и в «Шестодневе» Теодориха Шартрского (как, впрочем, и у Абеляра в его «Толковании на Шестоднев»). В этом эпизоде мы видим новое издание векового спора о буквальном смысле библейского текста – категории, активный интерес к которой и служит симптомом революционных сдвигов в искусстве толкования, от Мартина Лютера до герменевтической концепции В. Дильтея. Экзегетический «буквализм» шартрцев, предпочтение ими *ratio litteralis* в противовес *ratio mystica* позволяет увидеть в их комментариях важную веху того процесса, который Берил Смолли обозначила как «упадок духовного толкования»¹⁷. Изучение шартрской экзегезы обогащает наше понимание предыстории этого процесса, инициатором которого Смолли считала св. Фому, видя в нем «своего рода Мельхиседека в области богословия»¹⁸, подготовившего путь для таких апологетов *sensus literalis*, как Николай Лирский или Уильям Ноттингемский. В этом отношении особенно интересно понимание шартрцами буквального смысла как именно смысла *физического*¹⁹, ведь классики истории латинской экзегезы обыкновенно связывали «поворот к буквальному смыслу» с рецепцией Мои-

¹⁶ Шартрская школа 2018. С. 298.

¹⁷ Smalley 1983. P. 281–355.

¹⁸ Dubois 1988. P. 42–43.

¹⁹ О проблематичности этого понятия у Теодориха, связи его с механическими искусствами и Иоанном Скотом Эриугеной и различии между *secundum physicam* и *secundum rationem physicorum* см.: Lejbowicz 1999. P. 39–82.

сея Маймонида у таких авторов, как Гильом Овернский или тот же Фома Аквинский, и переосмыслением категории «*hebraica veritas*»²⁰. Под этой последней категорией средневековые комментаторы разумели толкование Священного Писания посредством анализа еврейского текста и консультаций у ученых евреев-носителей устной традиции. Таким образом, мы можем проследить путь от физического *ratio literalis* Шартра к «священной физике», *physica sacra* ренессансных и барочных экзегетов – идея о том, что буквальный смысл первых глав Книги Бытия можно открыть, прочитав «Шестоднев» на фоне платоновского «Тимея», будет в XVII в. столь же популярна, как и в веке XII²¹.

История Шартрской школы начинается с протеста против школьного педантизма – Фульберт Шартрский высмеивает усердных читателей Цицерона и Аристотеля, а неприязнь к демонстрации собственной эрудиции побуждает его опускать ссылки даже на те тексты, которые он почти наверняка читал (Марциана Капеллу, Макробия, Боэция). В этой интеллектуальной свободе, нашедшей отражение в знаменитом шартрском *mot* о восковом носе авторитета, их заметное отличие от позднейшей схоластики. Теодорих Шартрский в своем «Седмикнижии» (*Septateuchon*) интерпретировал брак Филологии и Меркурия из Марциана Капеллы как союз *разума* (*intellectus*) и *толкования* (*interpretatio*)²². Мы не погрешим против истины, если скажем, что плоды этого союза – эlegantность слога, основательность доводов и мастерство композиции – благодарный читатель рецензируемой книги в изобилии сможет пожать.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Лекция «Средневековье» (16.04.1987) [Averincev S.S. Lekcija «Srednevekovje» (16.04.1987)]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/A/averincev-sergej-sergeevich/lekcija-srednevekovje-16-aprelya-1987/2>
- Жильсон Э. Философия в Средние века: От истоков патристики до конца XIV века. М.: Культурная революция, 2010 [Gilson E. *Filosofija v Srednie veka: Ot istokov patristiki do konca XIV veka*. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2010].
- Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2003 [Le Goff J. *Intellektualy v Srednie veka*. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2003].
- Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Изд. подг. О.С. Воскобойников, пер. и комм.: О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмарakov, П.В. Соколов, Отв. ред. М.Ю. Реутин. М.: Наука, 2018 [Shartorskaja shkola. Gil'om Konshskij. *Filosofija. Teodorih Shartorskij. Traktat o shesti dnjah tvoreniya. Bernard Sil'vestr. Kosmografija. Astrolog. Kommentarij na pervye shest' knig «Jeneidy»*. Alan Lill'skij. *Plach Prirody* / Izd. podg. O.S. Voskobojnikov, per. i komm.: O.S. Voskobojnikov, R.L. Shmarakov, P.V. Sokolov, Otv. red. M.Ju. Reutin. M.: Nauka, 2018]

²⁰ Smalley 1974. P. 11–72.

²¹ См. недавнюю книгу о «натуралистических» толкованиях Книги Бытия в Средние века и раннее Новое время: Roling 2013.

²² Dronke 1988. P. 360.

- Ball Ph. *Universe of Stone: Chartres Cathedral and the Triumph of the Medieval Mind*. L.: Vintage, 2009.
- Dronke P. *Thierry of Chartres // A History of Twelfth-Century Western Philosophy* / P. Dronke (ed.). Cambridge: Cambridge UP, 1988. P. 358–385.
- Dubois M. *Mystical and Realistic Elements in the Exegesis and Hermeneutics of Thomas Aquinas // Creative Biblical Exegesis. Christian and Jewish Hermeneutics through the Centuries* / B. Uffenheimer and H.G. Reventlow (eds.). Sheffield: Sheffield Acad. Press, 1988. P. 39–54.
- From Athens to Chartres: Neoplatonism and Medieval Thought. *Studies in Honour of Edouard Jauneau* / H.J. Westra (ed.). Leiden: Brill, 1992.
- Giraud C., Mews C. *John of Salisbury and the Schools of the 12th Century // A Companion to John of Salisbury* / Ch. Crellard, F. Lachaud. Leiden: Brill, 2014. P. 31–62.
- Jauneau E. *Rethinking the School of Chartres*. N.Y.: Toronto UP, 2009.
- Hauréau B. *Histoire de la philosophie scolastique*. P.: Durand et Pedone-Lauriel, 1872.
- Kauntze M. *Authority and Imitation. A Study of the Cosmographia of Bernard Silvestris*. Leiden; Boston: Brill, 2014.
- La condamnation parisienne de 1277 / Texte latin, traduction, introduction et commentaire par D. Piché. P.: Vrin, 1999.
- Lejbowicz M. *Cosmogenèse, traditions culturelles et innovation (sur les sections 18-21 du Tractatus de sex dierum operibus de Thierry de Chartres) // Language, sciences, philosophie* / J. Biard (éd.). P.: Vrin, 1999. P. 39–82.
- Roling B. *Physica sacra. Wunder, Naturwissenschaft und historischer Schriftsinn zwischen Mittelalter und Früher Neuzeit*. Leiden: Brill, 2013.
- Smalley B. *William of Auvergne, John of La Rochelle and St. Thomas Aquinas on the Old Law // St. Thomas Aquinas, 1274-1974: Commemorative Studies. Vol. II* / ed. A.A. Maurer et al. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1974. P. 11–72.
- Smalley B. *The Study of the Bible in the Middle Ages*. Oxford: Basil Blackwell, 1983.
- Southern R.W. *The School of Paris and the School of Chartres // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century* / R.L. Benson and G. Constable with C.D. Lanham. Toronto: Toronto UP, 1991. P. 113–137.
- Steiner R. *The Goddess: From Natura to the Divine Sophia*. Rudolf Steiner Press, 2001.

Иванова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Школа филологии Факультета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник ИГИИ им. А.В. Поletaева НИУ ВШЭ; jivanova@hse.ru

Eloquence of the Macrocosm and Venus's Grammar

This article deals with the first Russian translation of major prosimetric opera and prosaic exegetical texts originated from the so-called “school of Chartres”. A special attention is paid to the place of this edition in Russian and Western historiography of the 12th century philosophy and Medieval Latin exegesis. It has been shown that the way of selecting the texts for the translation and the method of commenting them carried out by the editors of the anthology make it possible to withdraw the Chartres school from the “no man’s land” between the history of ideas and traditional history of philosophy, restoring its appropriate status in the history of the European intellectual culture – at the intersection of theology, Platonic natural philosophy and poetry.

Keywords: School of Chartres, Christian natural philosophy, Platonism, Hexaameron, Biblical exegesis

Julia V. Ivanova, PhD (Philology), associated professor at the School of Philology Faculty of Humanities and leading research fellow at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities of NSU HSE; jivanova@hse.ru

А. Ф. ЯКОВЛЕВА

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «СОЦИАЛЬНОГО ПОВОРОТА» В ФИЛОСОФИИ НАУКИ АКТУАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ*

Сегодня философы и ученые ставят вопрос о том, есть ли пределы обусловленности социальностью всего получаемого и анализируемого человеком знания, и предлагают различные стратегии работы с реальностью. Цель таких исследований – решение вопроса о том, как сохранить знание о себе и о мире среди множества социально сконструированных псевдореальностей. Автор анализирует феномен «социального поворота» в философии науки и вопрос о том, является ли современная наука полностью социальным продуктом, учитывая, что социальные нормы в условиях высокой степени информатизации и коммуникации стали подвижными и довольно активно пересматриваются и трансформируются, а политические решения оказывают временами решающее влияние на развитие отдельных отраслей науки и, в конечном итоге, на науку как систему объективного знания.

Ключевые слова: *социальный поворот, эпистемология, научное знание, коммуникация, социальный конструкционизм, реализм, научные войны*

Что означает для науки, когда метод конструирует предмет? Что означает для социума, когда этот сконструированный предмет принимает на себя роль реального? Что означает для развития науки, когда ей отказывают в праве бескорыстного поиска и определенной бесполезности? Что делает человек, принимающий решения, которому интересен полезный научный результат, когда ему в руки попадает этот сконструированный предмет, принявший на себя роль реального? Он изобретает еще один новый метод использования этого предмета, который изначально сконструирован другим методом.

Не является новой мыслью о том, что сегодня очень сильно влияние социального контекста науки на научную деятельность и ее результаты. «Социальный поворот» в философии науки, т.е. распространение исследовательской позиции о том, что наука является одной из самых продуктивных форм осуществления замысла познания, есть социальный продукт, считается многими состоявшимся и не подлежащим критическому осмыслению. «Повороты» в философии были и остаются необходимым механизмом ее реакции на результаты собственной рефлексии, лозунги «назад» и «вперед» знаменуют важные вехи в ее развитии. В настоящее время фактически любое новое явление, отражающее изменения социокультурной реальности, становится объектом

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №16-03-00742-ОГН «Влияние изменений в социальной роли науки на нормы научной деятельности».

внимания философов, так как предполагает введение нового компонента в познание мира. Рефлексия по поводу таких изменений, предлагая новые стратегии работы с миром, может повлечь очередной такой «поворот», как это, например, получилось с *media* и *digital*.

Сегодня ставится вопрос: есть ли пределы предлагаемых стратегий работы с реальностью, заключающихся в признании обусловленности всего получаемого и анализируемого знания социальностью? Это является и предметом размышлений тех, кто занимается интеллектуальной историей, – ведь в центре таких исследований вопрос о том, как сохранить объективное знание о нашем прошлом и настоящем в условиях постоянного конструирования реальности и создания ложных конструкций. Бруно Латур в своем известном тексте «Когда вещи дают отпор» отмечал, «социальная интерпретация в конечном счете подразумевает способность *заместить* некоторый объект, относящийся к природе, *другим*, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью первого»¹. Вопросы культурной, социальной и исторической памяти, формирования целых направлений исторической политики различных государств в угоду целям завоевания власти и продвижения на мировой арене, как раз имеют подобное происхождение. Так, представители социального конструкционизма, одного из направлений, развивающегося на стыке философии, психологии, социологии, полагают, что любое научное знание является социально сконструированным, отражая в языке и концепциях представления современного общества и формируясь в определенной социокультурной среде.

В.А. Лекторский в недавнем выступлении отметил, что «в нашей философии наблюдается не просто рост специализации. Идёт, к сожалению, также и определённая её атомизация: многие философы плохо знают, что делается за пределами их интеллектуального мирка <...> создавать интегральные философские построения становится всё более трудным делом вследствие колоссального усложнения культуры и науки»². Эти две тенденции – конструирование предмета и атомизация исследований, на фоне внедрения новых технологий и появления новых наук, таких как нейрофилософия, когнитивные науки, создают новую ситуацию, в которой анализ некоторых идей в интеллектуальной истории получают дополнительную актуальность.

Эти вопросы являются предметом критического анализа в новой книге Е.О. Труфановой, известного специалиста в области теории познания, которая носит название «Субъект и познание в мире социальных конструкций»³. По словам автора, в центре данного исследования «про-

¹ Латур 2006. С. 344.

² Степин, Аршинов, Гусейнов, Лекторский, Пружинин, Федотова 2017. С. 6-7.

³ Труфанова 2018.

блема взаимодействия индивидуального субъекта (действующего и познающего) и социума» (с. 6) и критический анализ совокупности представлений о знании «как социально и исторически обусловленной интерпретации, порожденной лингвистически и конвенционально» (с. 33).

Автор книги выделяет несколько важных утверждений социального конструкционизма в его споре с реализмом: «1) объективное, неподвластное знание невозможно, любое знание зависит от социокультурного контекста, в котором оно возникает; 2) важнейшую роль в выражении этого социокультурного контекста играют язык и языковые практики; 3) особое внимание уделяется проблеме самосознания человека и вопросу о существовании индивидуального Я, реальное существование последнего подвергается сомнению; 4) любое знание представляется неразрывно связанным с социальным действием» (с. 274).

Именно система социальных коммуникаций, управляющая реальностью, интересует нас в данной работе. Как меняется наука в таком контексте рассмотрения? Интересно, что индивидуальные конструкты могут менять, и существенно, окружающий мир. Более того, это предоставляет политике возможность использовать науку в собственных целях. Что в данном случае имеется в виду, когда мы говорим о соотношении реальности и конструкции?

Наверное, одна из центральных проблем этой книги выражена во фразе: «Порой оказывается очень сложным провести грань между тем, что существует неизбежно, независимо от нас, и тем, что существует благодаря взаимодействиям между людьми внутри общества, – тем, что существует как социальная конструкция» (с. 11). Реальность и конструкция, здесь согласимся с Б. Латуром, по сути своей вопрос политический, так как от вариантов соединения зависит принятый определенной социокультурной группой дискурс, в рамках которого осуществляется процесс научного познания, – идеология. В данном случае мы говорим уже о практической стороне вопроса – о некотором редуцировании научного знания к утилитарной полезности. Здесь, как представляется, кроется политическое измерение социального поворота в науке, когда концепции начинают служить текущим политическим целям и, как замечает автор, в этом процессе важную роль играют демократические ценности и плюрализм. Под знаменем борьбы с тоталитарным дискурсом «призыв к равноправию точек зрения в науке, в том виде, в каком это предложили социальные конструкционисты, в конечном счете ведет к размыванию границ между наукой и не наукой, к возникновению множества «наук» вместо одной» (с. 175). Таким образом, социально-политические факторы начинают оказывать все более существенное влияние на процессы научного поиска и научного творчества, что ведет к утрате таких фундаментальных ценностей не только науки, но и общества в целом, как истина и объективность.

Самые же яркие и интересные, имеющие отношение к конструированию политической реальности, это языковые и исторические аспекты социального конструкционизма. Пожалуй, именно история стала той конструкцией, в которой наука в XX веке стала заложником социальности, а язык позволил эту конструкцию соорудить.

О принципиальной несводимости научного знания к решению утилитарных задач, основанной на акте конституирования объекта, представляющего собой предмет *бескорыстного* интереса исследователя, в недавней статье (одной из последних) писал Г.Н. Гутнер: «в идеале не должно быть никаких бескорыстных научных занятий, направленных на удовлетворение любознательности. Нужно учиться прогнозировать полезность и опасность и целенаправленно увеличивать первую и уменьшать вторую. Тогда науки не будет вовсе. Место творческого поиска и бескорыстной любознательности займет хладнокровное и расчетливое конструирование «под себя» своего окружающего мира. Нельзя сказать, что такая перспектива невозможна. Возразить тут нечего, кроме того, что это чревато чудовищным духовным оскудением. Так же точно невозможно возражать и против каннибализма, если выяснится, что он лучше пригоден для выживания и процветания человеческого рода»⁴. Если научное знание есть результат адаптации, то оно не может претендовать на истинность или даже правдоподобие, считает он.

Позиция, доведенная до крайности, утверждает и Е.О. Труфанова, состоит в том, что любое знание может рассматриваться только в ограниченном историческом и социокультурном контексте, за пределами которого оно существовать не может, и что «наука не сообщает о реальности ничего, и мы вообще не в состоянии говорить о какой-либо реальности за пределами социальных конструкций» (с. 35). Тем более что конструкции появляются и строятся в дискурсе, а говоря о нем, «всегда в уме держится “идеология”», «именно в дискурсе достигается связь языка с идеологией и политикой и принуждение к интерпретации смысла в определенном направлении»⁵, – приводит она слова А.П. Огурцова. Понимание дискурса как идеологии объясняет идею конструирования мира, о котором ведется речь. При этом в дискурсе всегда есть субъекты, этот дискурс осуществляющие, однако дискурс как идеология, подразумевающая социально и политически обусловленную интерпретацию, фактически игнорирует субъекта. Интересно, что «именно представление о «бессубъектных» дискурсах перенимается социальным конструкционизмом и доводится до крайности» (с. 97).

Этому способствует и отказ от понятия субъекта, который предлагают совершить социальные конструкционисты. Это вопрос не только

⁴ Гутнер 2017. С. 154.

⁵ Огурцов 2014. С. 30.

об отношении к науке и ее предназначению, но и об отношении к обществу и об отношении политики к науке. Крайняя позиция социальных конструкционистов, идеи которых критически разобраны в книге Е.О. Труфановой, наделяет общество функцией растворения индивидуального субъекта, игнорируя его автономию и то, что только индивиды являются создателями основ будущих общественных трансформаций: «в социальном конструкционизме главной “конструирующей” силой становится не индивид, не познающий субъект (что характерно для конструктивизма), а общество, точнее, система социальных коммуникаций, подчиняющая себе индивидуального субъекта и растворяющая его в себе» (с. 30). Е.О. Труфанова связывает такой отказ с очень важной утратой индивидуальной ответственности, что влечет за собой различные социальные и политические риски (с. 280), ведь «язык несет не только описательную функцию, но и побуждает к действию: связь дискурса и соответствующей ему социальной практики – одно из важнейших положений социального конструкционизма» (с. 108). Как пишет ведущий мировой специалист в области философии науки Эвандро Агацци, научная деятельность, «как и всякая человеческая деятельность, предполагает личные и коллективные мотивы; она служит определенным целям, так же, как и более или менее законным интересам; она зависит от разного рода обусловленностей, она подвержена нравственным и политическим соображениям... Однако если мы рассматриваем науку как систему объективного знания, мы должны признать, что она является и должна быть нейтральной по отношению ко всем этим элементам»⁶. Если в связи с этим рассмотреть концепцию этоса науки Роберта Мертона применительно к социально-политическому ее контексту, сделав акцент на способах утраты индивидуальной ответственности ученых, то мы поймем, что «институт науки интериоризирует нормы как раз в силу внутренней их необходимости, обязательности для осуществления главной функции науки, а именно добывания проверяемых, доказуемых, то есть “истинных” знаний»⁷. Об этом мы также подробно писали в недавней статье⁸.

Специфика выстраивания таких конструкций требует и от науки усиления характера ее интересубъективности – научные результаты должны быть максимально транспарентны, верифицируемы, а главное – доступны. Доступны для использования и критики. И справедливо, что «научное знание именно потому получает более высокий статус, что оно вырабатывается в результате жесткой конкуренции» (с. 277). Как верно показывает Агацци, наука уже «показала себя самым мощ-

⁶ Агацци 2017. С. 606.

⁷ Мотрошилова 2010. С. 61.

⁸ Яковлева 2017. С. 144–152.

ным межкультурным дискурсом, который может быть понят и проверен людьми, принадлежащими к культурам и обществам, максимально удаленным друг от друга. Это возможно потому, что фундаментальной характеристикой науки является интерсубъективность, существующая не только между отдельными учеными, но и между сверхиндивидуальными сущими, какими являются общества и культуры»⁹.

Итак, наука пытается не только познать мир, но и создавать под видом познания истины такие описания мира, которые служат обоснованием существующего социального и политического порядка. И поэтому вопрос, станет ли современная наука социальным продуктом, полностью обусловленным историческим контекстом и принятием в отношении нее политических решений независимо от объективных тенденций ее развития, зависит от того, будут ли сами ученые задумываться над онтологией собственной научной деятельности, и будет ли социум и политики стараться принимать решения исходя из специфики самой науки как системы объективного знания. Появление такой работы, как книга Е.О. Труфановой, демонстрирует, что российские ученые-эпистемологи работают в контексте общемировой философской повестки и занимаются не только чисто теоретическими вопросами, связанными с методами и подходами к поиску истины, но и считают немаловажным также анализ окружающей социальной реальности и предложение стратегий решения больших вопросов трансформации науки в аспекте значения этого для общества и действующих в нем субъектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. Пер. с англ. Д.Г. Лахути / Под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
- Гутнер Г.Б. Наука в контексте человеческих практик. Конструктивизм и эволюционная эпистемология о начале науки // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 147-157.
- Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. Сборник статей / Ред. В. Вахштайн. М.: Территория будущего, 2006. С. 342-362.
- Мотрошилова Н.В. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века // Социология науки и технологий. Спец. выпуск к 100-летию со дня рождения Роберта Мертона / Отв. ред. Н. Ащеулова. 2010. Т. 1. № 4. С. 43–81.
- Огурцов А.П. Дивергенция и конвергенция концепций философии – их эпистемологические основания (статья первая) // Методология науки и дискурс-анализ. М., 2014. С. 30.
- Степин В.С., Аршинов В.И., Гусейнов А.А., Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Федотова В.Г. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С. Стёпина // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 5-31.
- Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
- Яковлева А.Ф. Научная деятельность: проблемы трансформации (этические и социальные аспекты) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 144–152.

⁹ Агацци 2017. С. 597.

REFERENCES

- Agazzi E. (2017) Nauchnaya ob'ektivnost' i ee konteksty [Scientific Objectivity and its Context] Per. s angl. Lakhuti D.G. / Pod red. i s predisl. Lektorskogo V.A. M. 688 s.
- Gutner G.B. Nauka v kontekste chelovecheskih praktik. Konstruktivizm i ehvolyucionnaya ehpiistemologiya o nachale nauki // Voprosy filosofii. 2017. № 7. S.147-157.
- Latur B. Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad «issledovaniy nauki» v obshchestvennye nauki // Sociologiya veshchej. Sbornik statej / Red. V. Vahshtajn. M.: Territoriya budushchego, 2006. S. 342-362.
- Motroshilova N.V. Sozdanie R.Mertonom klassicheskikh paradigim sociologii nauki: vzglyad iz XXI veka // Sociologiya nauki i tekhnologii. Special'nyy vypusk k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Roberta Mertona / Otv. red. N. Ashcheulova. 2010. Tom 1. № 4. S. 43–81.
- Ogurcov A.P. Divergenciya i konvergenciya koncepcij diskursa – ih ehpiistemologicheskie osnovaniya (stat'ya pervaya) // Metodologiya nauki i diskurs-analiz. M., 2014. S. 30.
- Stepin V.S., Arshinov V.I., Gusejnov A.A., Lektorskij V.A., Pruzhinin B.I., Fedotova V.G. Analiz struktury i dinamiki nauki v sociokul'turnom kontekste. Materialy obsuzhdeniya izbrannykh trudov V.S. Styopina // Voprosy filosofii. 2017. № 12. S. 5-31.
- Trufanova E.O. Sub"ekt i poznanie v mire social'nykh konstrukcij. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2018. 320 s.
- Yakovleva A. F. Nauchnaya deyatelnost': problemy transformacii (ehticheskie i social'nye aspekty) // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2017. № 40. S. 144–152.

Яковлева Александра Федоровна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, факультет политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; afyakovleva@gmail.com

Historical and political significance of the "social turn" in the philosophy of science: topical discussions

Nowadays philosophers and scientists raise the question of whether there are limits to the sociality of all the knowledge received and analyzed by humans, and offer different strategies for contemplating reality. This is also a subject of reflection for those who are engaged in intellectual history, because the purpose of such research is to solve the question of how to preserve knowledge about yourself and about the world among the many socially constructed pseudo-realities. This article analyzes the phenomenon of "social turn" in the philosophy of science, in particular, the question of whether modern science is a completely social product, given that social norms in the conditions of the highest degree of informatization and communication have become mobile and actively reviewed and transformed, and political decisions have at times a decisive influence on the development of individual branches of science, and ultimately, on science as a system of objective knowledge.

Keywords: social turn in philosophy of science, epistemology, science, communication, social constructionism, realism

Alexandra Yakovleva, PhD in Political Science, Leading Research Fellow, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; afyakovleva@gmail.com

О. В. МЕТЕЛЬ

«СТРАННОЕ ОБАЯНИЕ ТРАГЕДИЙ»*

Размышления о книге В.В. Тихонова «Идеологические кампании “позднего сталинизма” и советская историческая наука»

Рецензия посвящена монографии В.В. Тихонова, в которой рассматривается влияние на историографию идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Рецензент делает замечания относительно структуры работы, принципов отбора и изложения материала, методологических принципов автора.

Ключевые слова: советская историография, сталинизм, идеологические кампании, “буржуазный объективизм”, “безродный космополитизм”

В 2016 г. В.В. Тихоновым (Институт российской истории РАН) была опубликована новая монография, ставшая результатом его многолетних изысканий в области истории советской исторической науки периода «позднего сталинизма»¹. Вопреки прозвучавшим во введении сомнениям автора относительно возможного «гнева и недоумения части читателей, которые будут задаваться резонным вопросом: «Зачем былое ворошить, кому так станет легче жить?!» (с. 8), книга получила теплый прием. Об этом красноречиво свидетельствует рецензия С.В. Кондратьева, оценивающего монографию как «значительный вклад в изучение советской исторической науки»². Учитывая относительную близость исследовательских интересов, мы не смогли оставить без внимания данную книгу, любезно подаренную нам самим историком. Результатом знакомства с ее текстом стала настоящая рецензия, содержащая отнюдь не бесспорные, но, как смеем надеяться, полезные и для самого автора, и для других коллег-историографов размышления о работе ученого.

Основная цель, которую ставил перед собой автор, заключалась в изучении влияния на научное сообщество историков идеологических процессов периода «позднего сталинизма» (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) (с. 30). Справедливо отмечая в современной отечественной историографии «отсутствие полноценного труда, более или менее полно описывающего идеологические кампании в исторической науке», В.В. Тихонов стремился «представить более или менее целостную картину» развертывания данных процессов, оставивших, как справедливо подметил ученый, глубокий след в биографиях «уходящего поколения класси-

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688. 2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

¹ Тихонов 2016. Все ссылки на книгу приводятся в тексте рецензии.

² Кондратьев 2017.

ков» (с. 7). Для решения этой задачи привлекается широкий круг источников: архивные документы, директивные статьи, монографические исследования, сборники статей и воспоминания участников событий. Непосредственное изложение хода идеологических кампаний предвзвешивает общий анализ советской историографии, прочитываемой как с точки зрения внутренних особенностей ее развития, так и сквозь призму влияний внешней среды (гл. 2–3). Наибольшее значение для Тихонова имеет оказываемое на науку воздействие со стороны властных структур, проявляющееся не только в традиционных методах контроля, но и через специфические формы личных отношений историков и партийных работников (феномен патронажа). Далее автор обращается к событиям на «идеологическом фронте» второй половины 1940-х гг., показывая воздействие на историографический процесс дела Н.Г. Ключевой – Г.И. Роскина (глава 4) и кампаний по борьбе с «буржуазным объективизмом» (гл. 5) и «безродным космополитизмом» (гл. 6). Идеологические дискуссии начала 1950-х гг. в их преломлении к «историческому фронту» анализируются в отдельной главе, повествующей о влиянии XIX съезда ВКП(б) и дискуссий в языкознании и политэкономии на поиски курско-орловского диалекта, освещение истории Крыма и даже кадровые перестановки в Институте истории АН СССР (гл. 8). Каждая глава разворачивает перед читателем широкую панораму обсуждений, прошедших в различных научных центрах Москвы и Ленинграда. Автор подробно излагает содержание партсобраний и тематических заседаний кафедр, секторов, ученых советов институтов, пытаясь представить их внутреннюю логику и механизмы воздействия на судьбы научных направлений, учреждений и специалистов (гл. 7, 9). Отдельная посвящена особенностям присуждения Сталинской премии, труды лауреатов которой являются, по мысли автора, прекрасным источником для анализа рецепции идеологии (гл. 11). Основной вывод, к которому приходит В.В. Тихонов, заключается в том, что идеологические кампании привели к дестабилизации и деформации научного сообщества (с. 376). Используемые властью для мобилизации антизападных настроений и учеными для реализации собственных карьерных амбиций, проработки, по словам автора, нанесли глубокую травму социальной памяти корпорации (см. раздел «Вместо послесловия») и привели к разрыву коммуникативных связей и усугублению (хотя нередко и разрешению) личностных конфликтов. Однако этим наследие позднего сталинизма в историографии не ограничивается. По словам Тихонова, именно в конце 1940 – начале 1950-х в историографии произошло «окончательное утверждение советской (во многом – сталинской) концепции мировой истории», а «многие теории, выработанные в условиях прямого влияния идеологических кампаний, прочно вошли, пусть и в видоизмененной форме, в официальный советский исторический нарратив» (с. 376).

Положительные качества рецензируемой работы очевидны. Она написана на богатом источниковом материале, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Автору удалось добиться живого и красочного изложения, заставляющего читателя с неподдельным интересом следить за перипетиями внутрикорпоративной борьбы. Наконец, в книге представлены действительно интересные выводы, позволяющие выйти на новый уровень осмысления феномена советской историографии. Для нас таковыми, в частности, стали размышления автора о феномене «патронажа партийных бонз над видными историками» (гл. 3, разд. 1) и влиянии «маленьких людей» на ход идеологических баталий (гл. 9). Если говорить о первом из названных сюжетов, то обращение к изучению патрон-клиентских отношений, довольно распространенных в советской науке, позволяет показать один из конкретных механизмов влияния власти на научные исследования. Поддерживая конкретных историков, партийная бюрократия получала не только эффективный инструмент контроля, поощряя наиболее «удобные» формы поведения исследователей, но и могла участвовать в «отборе» научных идей, соответствующих текущему моменту. Анализ влияния на ход дискуссий «маленьких людей» или, по определению, заимствованному автором у О.Л. Лейбовича, «граждан, которые, не занимая высоких постов, рискуют, но разоблачают больших начальников, совершивших крупные преступления» (с. 313), также открывает новые исследовательские перспективы. На примере фигур «члена Союза писателей, философа по образованию, историка по наклонностям, поэта-переводчика по специальности, армянина по национальности» Х.Г. Аджемьяна, доцента Ивановского педагогического института И.И. Мордвишина, научного сотрудника Института истории АН СССР П.Е. Осиповой и студента-заочника Московского педагогического института им. В.И. Ленина М.Н. Перегудова В.В. Тихонов показывает как иницилируемые и поддерживаемые властью, так и независимые варианты давления на отдельных ученых и научное сообщество в целом.

Однако редкая книга побуждает рецензента взяться за перо только лишь для того, чтобы указать на ее очевидные достоинства. Не стала исключением и работа В.В. Тихонова, отдельные положения которой представляются нам достаточно спорными и требующими некоторых комментариев и уточнений. И в первую очередь, мы хотели бы обратить внимание читателей на структуру монографии, отличающуюся, на наш взгляд, значительной степенью фрагментарности. Так, и по стилю, и по характеру представленного материала отдельные главы рецензируемого издания оказались похожи на самостоятельные очерки. На это указывают уже встречающиеся в работе текстуальные и смысловые повторы, кажущиеся довольно странными для целостного нарратива. Например, история с публикацией А.И. Яковлевым монографии «Хо-

лопство и холопы в Московском государстве XVI – XVII вв.» приводится в книге три раза, выступая примером то покровительства историкам со стороны партийных лидеров (с. 81), то борьбы за власть внутри самого научного сообщества (с. 89), то особенностей присуждения Сталинских премий (с. 352). Мы допускаем, что исследовательская ситуация, когда один и тот же пример последовательно «высвечивает» разные грани изучаемого явления – вполне нормальна и даже ординарна. Однако вызывает сомнение сама модель подачи материала, содержание повторяющегося на всех указанных ранее страницах, и если в рамках отдельных очерков она выглядит уместно и органично, то в монографии, претендующей на решение задачи по представлению более или менее целостной картины изучаемых событий, вызывает резонные вопросы, наводя на размышления о «механизмах сборки» текста³.

Впечатление фрагментарности нарратива создает и модель построения ключевых для раскрытия темы глав, повествующих о воздействии на историческую науку кампаний по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «безродным космополитизмом». Во Введении автор сразу предупреждает, что принял решение выстроить их в описательном ключе, так как «каждое собрание обладало собственной внутренней драматургией, захватывающей читающего стенограммы» (с. 7). В результате, историограф расположил в хронологическом порядке заседания ведущих исторических учреждений страны (секторы Института истории АН СССР и Ленинградского отделения Института истории АН СССР, факультеты и кафедры МГУ, ЛГУ, Историко-архивного института и т.д.), связанные с разгромом историков, заподозренных в «объективизме», «космополитизме» или иных отступлениях от ортодоксального советского марксизма, и предложил читателю «достаточно подробный, хронологически последовательный ход собраний» (с. 8). Кажущееся на первый взгляд вполне оправданным, подобное авторское решение, однако, имело серьезные последствия для усиления в рецензируемой монографии эффектов фрагментарности и повторяемости. Так, пойдя по пути регистрации позиций участников прений, В. В. Тихонов был вынужден то и дело возвращаться к отдельным сюжетам, многократно поднимаемым в рамках проводившихся заседаний, ведь объекты критики могли не меняться на протяжении нескольких проработок. Наиболее яркие примеры – обсуждение «Византийского временника» и сборника «Петр Великий». Кроме того, выбранная модель построения ключевых глав заставила ученого вынести в отдельные разделы многие важные темы, не укладывающиеся в повествовательную канву. Вероятно, именно этим объясняется решение рассмотреть «антропологические сюжеты» в двух самостоятельных главах, посвященных судьбам участников развернув-

³ Тихонов 2013 а; Тихонов 2015 а; Тихонов 2015 б.

шихся кампаний. И если в отношении «маленьких людей» подобное авторское решение выглядит более обоснованным, учитывая самостоятельность поднимаемых в ней проблем, то глава, повествующая о судьбах С.А. Фейгиной и Е.А. Луцкого, вызывает закономерные вопросы как в части критериев выбора анализируемых персонажей (надеемся, что это диктовалось не соображениями сугубо утилитарного толка – достаточной разработанностью сюжета автором⁴), так и относительно самой необходимости их изучения вне общего контекста проходивших кампаний. Тем более, что данные о биографиях других советских историков (А.Л. Сидорова, Б.Ф. Поршнева) в тексте «событийных» глав все же присутствуют, и не только в виде отсылок к известной справочной литературе (с. 84–86, 307–312). Наконец, избранный историком принцип изложения материала может создать у читателя впечатление произвольности представленной выборки. Следуя хронологии, В.В. Тихонов последовательно знакомит нас с различными вариантами ответа на «партийные призывы», характерные для различных столичных научных центров. В связи с этим и у читателя, и у рецензента может возникнуть логичный вопрос: насколько полна и репрезентативна представленная выборка? Автор показал *все* прошедшие в Москве и Ленинграде собрания или же остановился на наиболее *значимых* (и тогда нужно дополнительно пояснить критерий определения такой значимости)? И почему, к примеру, влияние идеологических кампаний на археологию (с. 254–256) потребовало отдельного изучения, тогда как применительно к этнографии это оказалось ненужным?

И последнее на чем мы хотели бы остановиться в связи с нашими размышлениями о структуре сочинения В.В. Тихонова. Знакомя читателей с базовыми выводами специалистов относительно эволюции советской историографии в 1920–1940-е гг., автор не приводит аналогичных экскурсов в отношении идеологических кампаний позднего сталинизма, т.е. того контекста, в котором развивались исторические исследования в избранный им временной период. Он лишь намечает общий фон борьбы с «буржуазным объективизмом» или «безродным космополитизмом», посвящая характеристике этих кампаний несколько страниц в начале своих «смысловых» глав (с. 131–133, 199–201). Является ли это решение бесспорным – вопрос открытый. На наш взгляд, это может привести к ошибкам в восприятии историографического материала, особенно для неподготовленного читателя, не получившего от автора исчерпывающих сведений и даже достаточных справочных указаний.

Мы не случайно так подробно остановились на критических замечаниях в адрес структуры рецензируемого издания. Дело в том, что они приводят нас к проблемам более серьезного характера, а именно осо-

⁴ Тихонов 2013 б; Тихонов 2014.

бенностям методологической базы труда В.В. Тихонова, отличающейся, на наш взгляд, значительным эклектизмом. Так, исследователь стремится *наметить* и *обозначить* интересные на его взгляд подходы к изучению историографического материала, в целом, однако, ориентируясь на позитивистскую традицию работы с источником. Это становится особенно заметным при чтении «смысловых» глав, посвященных воздействию на историческую науку идеологических кампаний периода «позднего сталинизма», когда В.В. Тихонов прибегает к методике «ножниц и клея», т.е., как мы говорили ранее, подробно излагает материал протоколов собраний. Подобное авторское решение, с одной стороны, позволяет историку максимально корректно передать «голоса прошлого» и избежать опасности включения богатого источникового материала в «прокрустово ложе» всегда значительно упрощенных объяснительных схем. Однако, одновременно, это приводит к тому, что выводы, наиболее интересные с точки зрения применения новых методологических подходов, лишь обозначаются автором, не получая достаточного раскрытия. Именно так, в частности, автор поступил с типологией вариантов поведения историков в период проработочных кампаний, которая была им намечена в виде краткой схемы (с. 266–268). Также остается только сожалеть, что историограф не стал более подробно реконструировать типовой сценарий прошедших заседаний, вновь ограничившись лишь некоторыми общими замечаниями, сделанными в заключительных главах книги (с. 264–265). И, наконец, итоговые выводы о влиянии идеологических кампаний на судьбы исторической науки, представленные в заключении, требуют дальнейшей конкретизации, которая, в свою очередь, невозможна без смены исследовательской модели, сохраняющей в основе своей позитивистское ядро.

Остальные замечания носят частный характер. В первую очередь, некоторые возражения вызывают вводные главы рецензируемой монографии, повествующие об общих тенденциях развития советской исторической науки в 1920–1940-е гг. Написанные «большими мазками», они неизбежно несут на себе печать схематизации и упрощения, предлагая читателю набор объяснительных моделей, требующих в современной историографической ситуации некоторого уточнения или даже пересмотра. Так, В.В. Тихонов соглашается с тезисом о том, в 1920-е гг. «пафос строительства нового общества и разрушения наследия предыдущего не способствовал обращению к истории» (с. 50). Смеем возразить автору. Мы полагаем, что подобное представление о «неисторичности» 1920-х гг. появилось после выхода в 1934 г. постановления о преподавании гражданской истории в школах страны и являлось отражением нового правительственного курса, тогда как при более детальном рассмотрении оказывается, что и на протяжении первого послереволюционного десятилетия к истории сохранялся пристальный, хотя и

специфический интерес. В отдельных случаях в целом верные и справедливые выводы В.В. Тихонова получают не вполне удачное стилистическое оформление, влияющее на их смысл. Приведем только один пример. Характеризуя институциональные изменения 1930-х гг., отмеченные бурным ростом учреждений исторического профиля, автор отмечает, что этот процесс спровоцировал кадровый голод и привел к заполнению вакансий старыми специалистами (с. 37). Формально В.В. Тихонов прав: институциональная перестройка середины 1930-х гг. действительно сопровождалась реабилитацией историков «старой школы». Однако этот процесс был вызван не простым количественным ростом новых центров. Реабилитации способствовали чистки первого поколения историков-марксистов, обвиненных в связях с правой или левой оппозицией и «протаскивании» в свои научные труды контрреволюционных идей. Наконец, в тексте монографии встречаются и некоторые неточности. К примеру, арест Н.М. Лукина датируется 1937-м годом (с. 37), тогда как В.А. Дунаевский убедительно показал, что директор Института истории АН СССР был репрессирован в августе 1938 года⁵.

Завершая рецензию, мы хотели бы подчеркнуть, что все высказанные замечания отнюдь не умаляют ценность труда В.В. Тихонова. Автор предпринял интересную попытку анализа основных направлений эволюции советской историографии периода «позднего сталинизма», поставив целый ряд серьезных и интересных задач, требующих дальнейшего обсуждения и разрешения. Надеемся, что благодаря рецензируемой монографии отечественные исследователи обратят внимание не только на «транзит от сталинской эпохи, который совершала советская историческая наука» в 1953–1956 гг. (с. 377), но и на другие «белые пятна» в истории недавнего прошлого нашей дисциплины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дунаевский В.А. «Дело» академика Николая Михайловича Лукина // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 186–191.
- Кондратьев С.В. Рец. на: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с // Вестник РФФИ. 2017. № 3. С. 185–88.
- Тихонов В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011–2012. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 108–124.
- Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 199–207.
- Тихонов В.В. Е.А. Луцкий в Институте истории АН СССР (1943–1950): штрихи к биографии // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 223–236.
- Тихонов В.В. Историческая наука 1920–1940-х гг. в контексте советской семисферы (опыт первичного анализа) // «Стены и мосты» – III: история возникновения и раз-

⁵ Дунаевский 1990. С. 186.

вития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. / под ред. Г.Г. Ершовой и др. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 190–200.

Тихонов В.В. В поисках курско-орловского диалекта древнерусской народности: дискуссия 1950 года по языкознанию и изучение древнерусской народности в советской исторической науке // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 58–62.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

REFERENCES

Dunaevskij V.A. «Delo» akademika Nikolaya Mihajlovicha Lukina // Novaya i novejšhaya istoriya. 1990. № 6. S. 186–191.

Kondrat'ev S.V. Rec. na: Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stali-nizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (sередina 1940-h – 1953.g.). М.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. 424 s // Vestnik RFFI. 2017. № 3. S. 185–88.

Tihonov V.V. Kak «malen'kie lyudi» tvorili bol'shuyu istoriyu: fenomen «malen'ko-go cheloveka» i ego rol' v poslevoennykh ideologicheskikh kampaniyah v sovetskoj istoricheskoy nauke // Istoriya i istoriki: istoriograficheskij vestnik. 2011–2012. М.: IRI RAN, 2013. S. 108–124.

Tihonov V.V. «Hudshij obrazchik prekloneniya pered inostranshchinoj»: ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sud'ba istorika S.A. Fejginov // No-vejšhaya istoriya Rossii. 2013. № 1. S. 199–207.

Tihonov V.V. E. A. Luckij v Institute istorii AN SSSR (1943–1950): shtrihi k biografii // Vestnik arhivista. 2014. № 2. S. 223–236.

Tihonov V.V. Istoricheskaya nauka 1920–1940-h gg. v kontekste sovetskoj semiosfery (opyt pervichnogo analiza) // «Steny i mosty» – III: istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdisciplinarnosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, RGGU, 25–26 aprelya 2014 g. / pod red. G.G. Ershovoj i dr. М.: Akademicheskij projekt; Gaudeamus, 2015. S. 190–200.

Tihonov V.V. V poiskah kursko-orlovskogo dialekta drevnerusskoj narodnosti: diskussiya 1950 goda po yazykoznaniju i izuchenie drevnerusskoj narodnosti v so-vetskoj istoricheskoy nauke // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Isto-riya i filologiya. 2015. Т. 25. Vyp. 4. S. 58–62.

Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (sередina 1940-h – 1953 g.). М. ; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. 424 с.

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; olgametel@yandex.ru

«The strange charm of the tragedy». Some reflections on V.V. Tikhonov's book «The ideological campaigns of «the late Stalinism» and the Soviet historical science (mid 1940s–1953)»

The review is devoted to a monograph by V.V. Tikhonov which considered the impact on historiography of the ideological campaigns of the second half of the 1940s – early 1950s. The reviewer comments on the structure of the work, the principles of selection and presentation of the material, the methodological principles of the author.

Keywords: Soviet historiography, the Stalinism, ideological campaigns, “bourgeois objectivity”, “rootless cosmopolitanism”

Olga Metel, PhD (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University; olgametel@yandex.ru

Т. К. ХОЛМАТОВ

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И ИДЕОЛОГИЯ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Рец. на кн.: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е гг.) (М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.); Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.) (М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.).

Ключевые слова: сталинизм, историческая наука, власть, идеология, советские историки, космополитизм, буржуазный объективизм

В современных исследованиях по истории науки в сталинскую эпоху привлекают внимание как комплексные исследования¹, так и специализированные, интерес к которым вызван стремлением выявить особенности развития отдельных областей научного знания. В этом русле не является исключением и историческая наука, которая в условиях тоталитарного режима находилась под влиянием марксистско-ленинской идеологии. Данное обстоятельство вносило существенные корректировки в деятельность научно-исторического сообщества. Рецензируемые две монографии тесно связаны с темой развития исторической науки в столь сложный период советской истории, однако каждая из них имеет свою специфику, заслуживающую отдельного внимания.

Автор первой из рецензируемых книг² – Александр Михайлович Дубровский, известный специалист по истории исторической науки. Обращение автора к теме взаимоотношения власти и исторической мысли в сталинскую эпоху связано с его более ранними изысканиями по проблемам советской историографии этого периода³. Рецензируемая монография (переработанное издание книги 2005 г.⁴) представляет собой одно из крупнейших исследований взаимодействия историков с партийной элитой страны в сталинскую эпоху, в котором автор детально реконструирует обстановку работы научно-исторической корпорации в 1930–1950-е гг. в условиях идейно-политического поворота.

Новый вариант книги стал меньше по объему, но это не нарушило его архитеконику. В первой главе показаны основные сдвиги в идео-

¹ Есаков, Левина 2005; Pollock 2006.

² Дубровский 2017.

³ В 1980 г. А.М. Дубровский успешно защитил кандидатскую диссертацию: «Проблемы социально-экономической истории России XVI–XVII вв. в трудах С.В. Бахрушина»; а в 2005 г. докторскую – «Формирование концепции истории феодальной России: историческая наука в контексте политики и идеологии (1930–1950 гг.)».

⁴ Дубровский 2005.

логии большевиков после 1917 г. и их влияние на историческую науку, её статус в сложившихся условиях. Изменение статуса ознаменовало формирование новой отечественной истории, творцами которой стали «люди власти» и «люди науки», именно о них речь идет во второй главе. Анализу воздействия истории, как инструмента для внедрения идеологии и новых ценностей, на массовое сознание посредством художественной литературы и школьного учебника в сталинскую эпоху посвящены две следующие главы. В пятой главе автор описывает формирование концепции отечественной истории в результате взаимодействия между историками и властью до начала Великой Отечественной войны. Изучению усилившегося идеологического наступления на историческую науку в военные и послевоенные годы посвящена шестая глава. В седьмой главе автор пишет о тенденциях в советской исторической науке в 1940–1950-е гг. Особую ценность представляет анализ вопроса о периодизации отечественной истории, разработка которого была одной из насущных проблем советской исторической науки в послевоенные годы, так как к середине 1940-х гг. в СССР существовала периодизация, трактовку которой «давала ещё дореволюционная наука, и это вызывало неудовлетворение власти»⁵. Заключительная глава акцентирует внимание читателя на представителях сообщества историков, или «людях науки». Проанализировав исследования советских историков 1940-х гг., автор прослеживает то, как историки шли на компромисс с властью и как развивали научно-историческое знание в сложившихся идеологических условиях.

Источниковая база исследования А.М. Дубровского включает историографические источники, источники личного происхождения (мемуары, дневники и переписку историков), делопроизводство (протоколы заседаний, постановления, стенографические отчеты), периодическую печать, художественную литературу по исторической тематике.

Изменению подверглось название монографии, которое в новом варианте лучше соответствует содержанию. Особое внимание следует обратить на замену словосочетания «историческая наука» на «историческая мысль». Как в первом, так и в новом издании имеются главы, посвященные изучению не только взаимоотношений власти и научно-исторической корпорации, но и усилиям высшего руководства страны внедрить в массовое сознание «новый облик отечественного прошлого»⁶, как показано автором на примере художественной литературы (исторические темы в произведениях А.Н. Толстого и Демьяна Бедного) и среднего образования (создание школьного учебника истории СССР в 1930-х гг.). Идеологическим кампаниям, с которыми столкнулась ис-

⁵ Дубровский 2017. С. 447.

⁶ Там же. С. 112.

торическая корпорация в эпоху «позднего сталинизма», уделено мало внимания, в новое издание не был включен параграф о жертвах кампаний⁷. Эта проблематика представлена в опубликованной в 2016 г. книге специалиста по истории советской исторической науки в сталинскую эпоху Виталия Витальевича Тихонова⁸.

Прежние изыскания В.В. Тихонова были связаны с изучением научных биографий признанных классиков русской и советской исторической науки: монографии «Историк “старой школы”: научная биография Б.И. Сыромятникова»; «Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина»; статьи «Ю.В. Готье как историк-архивист»; «Н.Л. Рубинштейн – преподаватель Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской»⁹ и т.д.). Постепенно от изучения «исторических личностей» исследователь перешел к теме, связывавшей многих советских историков в условиях сталинизма, – идеологическим кампаниям. Перед выходом в свет рецензируемой книги были опубликованы статьи «Борьба с “буржуазным объективизмом” в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга “Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси”»; «Как “маленькие люди” творили большую историю: феномен “маленького человека” и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке»; «Историки и советская власть в 1920-е-1940-е гг.: патроны и клиенты»¹⁰ и др. Таким образом, монография о влиянии идеологических кампаний на историческую науку в эпоху «позднего сталинизма» логично вписывается в научные интересы автора.

В исследование В.В. Тихонова вовлечены те же виды источников, что и в новое издание книги А.М. Дубровского. Но если последний отдает предпочтение историографическим источникам, то первый – делопроизводству (стенограммы, протоколы заседаний гуманитарных факультетов московских и ленинградских вузов, секторов и Ученого совета Института истории АН СССР). При этом многие источники, в т.ч. делопроизводственные, которые легли в основу двух монографий, впервые введены в научный оборот¹¹.

⁷ Это единственный параграф из 6-й главы издания 2005 года, который не вошел в новый вариант монографии – «Жертвы идеологической кампании: судьба Н.Л. Рубинштейна и С.Б. Веселовского».

⁸ Тихонов 2016.

⁹ Тихонов 2008; 2012; 2009; 2011.

¹⁰ Тихонов 2013 (а); 2013 (б); 2014.

¹¹ Фонды РГАСПИ, Архива РАН (в т.ч. отделение архива в Санкт-Петербурге), ГАРФ, НА ИРИ РАН, РГАЛИ, ЦГАИПД СПб – в исследовании А.М. Дубровского; фонды Архива РАН, НА ИРИ РАН, НИОР РГБ, РГАСПИ, РГАНИ и ЦГА Москвы – в исследовании В.В. Тихонова.

Территориальные рамки работы Тихонова включают лишь Москву и Ленинград, что автор объясняет «тем простым соображением, что именно здесь, где были сосредоточены ведущие научные силы Страны Советов, идеологические кампании прошли наиболее шумно»¹², он также считает, что изучать влияние идеологических кампаний на историческую науку в регионах и особенно союзных республиках следует в рамках специальных исследований.

Автор принципиально разграничивает и исследует по отдельности кампании по антикосмополитизму и кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом», исходя из их этнической направленности, поскольку первая имела антисемитский характер, а жертвами второй стали преимущественно русские историки. Кроме того, если ранее в историографии были известны истоки и общие причины проведения идеологических кампаний¹³, то с выходом в свет рецензируемой книги мы узнали о специфике осуществления этих процессов в научно-исторической корпорации. Автор показал, что ход, степень развития, вектор и содержание каждой идеологической кампании часто зависели от ситуации внутри научно-исторической корпорации, и это особенно ярко отражено в главах об антикосмополитизме и о борьбе с «буржуазным объективизмом».

Историографическая часть работы показывает высокую степень изученности темы, причем привлечены исследования не только о советской исторической науке в эпоху «позднего сталинизма», но и работы о советской науке в целом в 1930–1950-е гг., что позволило автору рассмотреть свой предмет в общем контексте истории советской науки. Обращение к более ранним этапам формирования советской научно-исторической корпорации дало возможность понять особенности идеологических кампаний в более поздний период. Автор последовательно описывает старт и развитие идеологических кампаний в крупнейших научно-образовательных центрах и институтах СССР (Институте истории АН СССР, Московском и Ленинградском университетах, Московском историко-архивном институте). В небольшой по объему главе показаны судьбы двух историков, ставших жертвами этих кампаний – С.А. Фейгиной и Е.А. Луцкого. В следующих главах речь идет об идеологических дискуссиях, о роли в послевоенных идеологических кампаниях «маленьких людей», идеи и деятельность которых осуждалась корпорацией, о роли и идеологических функциях историографических исследований в послевоенный период. Завершающая глава монографии посвящена значению Сталинской премии как надежной защиты для историков-лауреатов в период идеологических кампаний.

¹² Тихонов 2016. С. 7.

¹³ Костырченко 2010.

При всех достоинствах, нельзя не заметить преобладание описательности в отдельных главах: например, в десятой главе, которая сфокусирована на изучении общих тенденций в историографических исследованиях в результате влияния идеологических процессов в эпоху «позднего сталинизма», автор чаще описывает содержание управленческой и научной документаций (в частности, Комиссии по истории исторической науки), а не анализирует ее¹⁴. То же можно заметить и в некоторых параграфах пятой и шестой глав, посвященных кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» и космополитизмом¹⁵.

Таким образом, обе рецензируемые книги позволяют глубже понять не только процесс развития исторической науки и условия работы исторического сообщества в сталинский период, но также особенности советской власти через раскрытие ее взаимоотношений с исторической наукой. Основой этих взаимоотношений была идеология, которую власть стремилась внедрить посредством исторической науки. Однако в этих взаимоотношениях не все было так просто. В своем исследовании А.М. Дубровский показал, что марксистский метод, которому должны были следовать историки, имел положительный эффект в развитии исторической науки, но он не был универсален и не позволял решить частные проблемы отечественной истории. Как показал в своей монографии В.В. Тихонов, в эпоху «позднего сталинизма», когда историческая наука втянулась в «идеологическую горячку», властный надзор над научно-исторической корпорацией был строгим, но не всеобъемлющим, она имела определенную самостоятельность и развитие кампаний во многом зависело от ситуации внутри неё. Более того, отсутствие у власти всеобъемлющего контроля стало одной из главных причин кампаний. Власть рассматривала их в совокупности как форму контроля над историческим сообществом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
- Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.
- Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести». «Дело КР». М.: Наука, 2005. 440 с.
- Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Политическая энциклопедия, 2010. 415 с.
- Тихонов В.В. Борьба с «буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013 (а). № 2. С. 104-113.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

¹⁴ Тихонов 2016. С. 329-343.

¹⁵ Тихонов 2016. С. 131-270.

- Тихонов В.В. Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa: Plus-Pisa university press, 2008. 190 с.
- Тихонов В.В. Историки и советская власть в 1920-е-1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Серия «История России». 2014. № 19. С. 193-204.
- Тихонов В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки. 2011-2012. М., 2013 (6). С. 108-124.
- Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.: ИРИ РАН, 2012. 390 с.
- Тихонов В.В. Н.Л. Рубинштейн – преподаватель Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 3. С. 69-73.
- Тихонов В.В. Ю.В. Готье как историк-архивист // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 3-11.
- Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2006. 269 p.

REFERENCES

- Dubrovskij A.M. Vlast' i istoricheskaja mysl' v SSSR (1930-1950-e gg.). M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. 622 s.
- Dubrovskij A.M. Istorik i vlast'. Istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.). Brjansk: BGU 2005. 800 s.
- Esakov V.D., Levina E.S. Stalinские «sudy chesti». «Delo □KR». M.: Nauka, 2005. 440 s.
- Kostyrchenko G.V. Stalin protiv «kosmopolitov». Vlast' i evrejskaya intelligentsiya v SSSR. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2010. 415 s.
- Tikhonov V.V. Bor'ba s «burzhuznym objektivizmom» v sovetskoj istoricheskoy nauke: S. B. Veselovskij i ego kniga «Feodal'noe zemlevladienie v Severo-Vostochnoj Rusi» // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2013. № 2. S. 104-113.
- Tikhonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h – 1953 g.). M.; Spb.: Nestor-Istorija, 2016. 424 s.
- Tikhonov V.V. Istorik «staroj shkoly»: nauchnaja biografija B.I. Syromjatnikova. Pisa: Plus-Pisa university press, 2008. 190 s.
- Tikhonov V.V. Istoriki i sovetskaja vlast' v 1920-e-1940-e gg.: patrony i klienty // Vestnik RGGU. Serija «Istorija Rossii». 2014. № 19. S. 193-204.
- Tikhonov V.V. Как «malen'kie ljudi» tvorili bol'shuju istoriju: fenomen «malen'kogo cheloveka» i ego rol' v poslevoennyh ideologicheskikh kampanijah v sovetskoj istoricheskoy nauke // Istorija i istoriki: istoriograficheskij vestnik. 2011-2012. М., 2013. S. 108-124.
- Tikhonov V.V. Moskovskie istoriki pervoj poloviny XX veka: nauchnoe tvorchestvo Ju.V. Got'e, S.B. Veselovskogo, A.I. Jakovleva i S.V. Bakhrushina. M.: IRI RAN, 2012. 390 s.
- Tikhonov V.V. N.L. Rubinshtejn – prepodavatel' Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N.K. Krupskoj // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija «Istorija i politicheskie nauki». 2011. № 3. S. 69-73.
- Tikhonov V.V. Ju.V. Got'e kak istorik-arkhivist // Otechestvennyje arkhivy. 2009. № 5. S. 3-11.
- Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2006. 269 p.

Холматов Темурамлик Комилдžонович, магистрант, Школа исторических наук НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); timur.kholmatoff@yandex.ru

History, power and ideology in the Stalin era

Reviews: A.M. Dubrovskiy, Power and historical thought in USSR (1930s – 1950s) (Moscow, 2017. 622 p.) and V.V. Tikhonov, Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid 1940’s – 1953) (Moscow; Saint-Petersburg, 2016. 424 p.).

Keywords: Stalinism, historical science, power, ideology, historiography, cosmopolitanism, bourgeois objectivity

Temurmalik Kholmatov, MA student, School of History, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); timur.kholmatoff@yandex.ru

Л. Н. ЧЕРНОВА

ARS HISTORICA
СБОРНИК В ЧЕСТЬ ОЛЕГА ФЕДОРОВИЧА КУДРЯВЦЕВА

Рец. на книгу: ARS HISTORICA. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

Ключевые слова: история культуры, Ренессанс, Россия, Европа, диалог культур

Превосходно оформленная книга, изданная в честь профессора Олега Федоровича Кудрявцева, могла бы иметь своим эпиграфом слова и чувства, выраженные от лица коллег, друзей и учеников юбиляра В.Л. Мальковым в предисловии: «...интеллигентность, обаяние, открытость, эрудиция и безусловная порядочность...» (с. 7). Творческая и научная жизнь О.Ф. Кудрявцева органично коррелирует с этими словами и названием сборника – *ARS HISTORICA*.

Главное содержание жизни и творчества юбиляра принадлежит «давней и единственной научной любви» – истории Средневековья и Ренессанса. В силу этого сборник разделен на семь тематических разделов, которые отражают состояние современных изысканий в области истории ренессансной культуры и гуманистической мысли Италии и заальпийской Европы в эпоху высокого Средневековья, а также в сфере политических отношений и культурных связей России и Запада в XV–XIX вв. Авторы представили результаты своих недавних исследований в виде научных статей и публикаций источников. Здесь присутствуют разнообразие тематики, жанров, методов исследования в сочетании с глубоким источниковедческим анализом. Не возлагая на себя непосильную задачу тщательного рецензирования всех 29-ти публикаций, позволю себе подробнее остановиться на некоторых разделах сборника.

Раздел «Россия и мир в исторической ретроспективе: образы, представления, стереотипы», в котором представлены семь статей, открывает исследование А.А. Горского «Империя франков и становление русской государственности (к постановке проблемы)». Как всякое компаративное исследование, оно интересно уже самой постановкой вопроса. Основываясь на «Повести временных лет» и византийских источниках, автор прослеживает «франкский след» в формировании древнерусского государства и приходит к выводу о том, что оба главных этнических компонента, участвовавших в складывании государства Руси, – восточные славяне и норманны, – скорее всего, получили импульсы политического развития от франков, экспансия которых оказала воздействие на возникновение государств значительной части Европы IX–X вв.

В.А. Антонов в статье «Киев как *metropolis civitas* Русской земли» констатирует наличие научной проблемы перевода выражения *metropolis civitas* в сочинении «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского и видит её решение в выяснении того смысла, который вкладывал в эти слова сам средневековый автор. Дополнительно привлекает обширные документальные свидетельства, автор убеждает читателей в том, что Адам Бременский употреблял *metropolis* и *metropolis civitas* как обычные церковные термины его духовно-исторической эпохи. Следовательно, характеризуя Киев как *metropolis civitas Ruzziae*, он имел в виду то, что этот город являлся церковно-административным средоточием Русской земли. В свою очередь, А.В. Назаренко в статье «Регенсбургские *Ruzarii* в XII–XIII вв.» на основе скрупулезного изучения ряда источников о русской торговле Регенсбурга домонгольского времени показывает, что речь в них идет не о Руси в этническом смысле, а о регенсбургских купцах, по торговым делам, ездившим на Русь. В XII–XIII вв. именно они скрываются за термином *Ruzarii*. В статье И.В. Дубровского речь идет о документах, связанных с отменой посольства в Московию папского нунция в Польше Винченцо даль Портико в 1571 г., обнаруженных автором в Туринском государственном архиве. В качестве приложения к статье помещены два письма кардинала Рустикуччи об отмене подготовки посольства, адресованные Портико.

Следующие три статьи раздела посвящены проблеме, которая приобрела большую актуальность в связи с расширяющимся процессом глобализации, – проблеме взаимовосприятия, взаимодействия культур при одновременном сохранении их идентичности.

В статье Б.Н. Флори «Освобожденные невольники в ином мире», написанной в русле востребованного сегодня подхода к выявлению образа «Другого», представлен интересный материал о русских людях – невольниках-гребцах на османских галерах, которые, освободившись из плена, оказывались в чужих странах, почерпнутый исследователем из документов 1620-х гг. На примерах конкретных судеб автор показывает, что освободившихся из османского плена русских в Италии ждал благоприятный прием, поскольку здесь их рассматривали как людей, принадлежавших к христианскому миру. Такая модель поведения была характерна даже для представителя польского короля. Автор подчеркивает, что это свидетельствует о сохранении определенного представления о единстве христианского мира в эпоху, когда конфессиональная нетерпимость достигла в Европе очень высокого накала. Со своей стороны, и освободившиеся невольники, стремившиеся как можно скорее вернуться на родину, все же проявляли желание познакомиться с жизнью того нового мира, куда их забросила судьба.

Очень содержательный материал, интересные рассуждения и выводы приводит Т.Л. Лабутина в статье «Англофильство и англомания в

России в XVI–XVIII вв.». Автор концентрирует внимание на следующей проблеме: каким образом российское общество относилось к привнесенным с Запада, в первую очередь из Англии, элементам европейской культуры, и действительно ли британское влияние было настолько сильным, что привело к появлению англomanии и англофильства. Характеризуя взаимоотношения России и Англии (шире – Британии) на разных исторических этапах, Т.Л. Лабутина показывает, что западное влияние в культурной жизни России стало очевидным уже в XVI в., и предпочтение со стороны царя и его ближайшего окружения отдавалось британцам. Поскольку Московское государство в то время находилось во враждебном окружении, Иван Грозный, а затем и Борис Годунов были признательны англичанам за «прорыв блокады». Вследствие этого зарождение англomanии и англофильства в годы правления этих царей было закономерным процессом. По мере укрепления позиций Русского государства на мировой арене и расширения контактов со странами Запада в XVII в. наблюдалось усиление влияния европейской, в т.ч. британской, культуры на политическую элиту России. В XVIII в. особенно подвержен западному влиянию оказался Петр I, его реформаторская деятельность во многом была инициирована британцами и имела в своей основе английскую модель. В правление Екатерины II в среде правящей элиты особо осязаемую роль играла французская культура. Ни преклонения перед всем английским, ни тем более перенесения элементов английского стиля жизни на русскую почву в это время не наблюдалось. Автор полагает, что знакомство российского общества с западной культурой в XVI–XVIII вв. имело противоречивые последствия. Россия обогатилась достижениями передовой науки, техники, познакомилась с прогрессивной общественно-политической мыслью. Но, с другой стороны, произошел раскол общества: западное, в том числе британское, влияние распространялось преимущественно на высшие слои общества, основная же часть его по вере, традициям, укладу жизни оставалась верна своим историческим корням, и в последующее время раскол еще более углубился, что послужило одной из причин событий 1917 г.

Завершает первый раздел сборника статья В.Л. Малькова «Ни мира, ни войны. Джордж Фрост Кеннан о России и русских без «дури» и предубеждений», посвященная анализу трансформации американской историографии холодной войны. Автор считает, что сегодня позволительно говорить о формировании новой истории холодной войны – пересмотре принципиальных суждений о мотивации главных субъектов мировой политики (Вашингтона и Москвы). В этой связи он отмечает факт необычайного роста популярности частных архивов государственных деятелей, политиков и дипломатов эпохи холодной войны. К их числу принадлежит и огромный архив Дж.Ф. Кеннана (1904–2005). Безусловный интерес и возможности для исследования представляет осу-

ществленная автором публикация отчета о дискуссии на тему «Советская внешняя политика», состоявшейся на заседании аналитической группы по советской внешней политике в Пратт Холле 7 января 1947 г., участником которой был Дж. Кеннан, представивший доклад «Советское мышление и его влияние на советскую внешнюю политику».

Раздел «Феномен Ренессанса в истории европейской культуры» представлен пятью статьями, раскрывающими различные аспекты Возрождения и его влияния на творчество видных представителей ренессансного общества и на историко-культурное сознание отдельных народов. Все эти публикации объединяет интерес к индивидуальному началу в ренессансной культуре и его проявлению в различных исторических обстоятельствах. Открывает раздел статья Н.В. Ревякиной о библиотеке флорентийского гуманиста, общественного и государственного деятеля, а также предпринимателя Джанноццо Манетти (1396–1459). Автор показывает неординарность Манетти, который не только был автором трактатов, диалогов, речей, биографий, но, изучив наряду с латынью древнегреческий и древнееврейский языки, активно занимался переводами. Основное содержание статьи связано с историей книжного собрания Манетти, которое можно считать рабочей библиотекой гуманиста. Она состояла из сочинений как античных (широко представлена древняя история, философия, поэзия), так и христианских авторов (кроме Библии в библиотеке были Отцы Церкви и другие раннехристианские авторы), а также сочинений средневековых авторов (Марцеллин, Ансельм Кентерберийский, Бозций, Эгидий, Петр Ломбардский и т.д.) и гуманистов (Бруни, Бьондо, Боккаччо, Данте, Петрарка, Верджерио, Пальмиери...). Это, несомненно, позволяет лучше понять творчество Манетти, который выстраивал собственный взгляд на разные проблемы с помощью античных идей, мирно соединенных им с христианскими, и показывает отношение гуманиста к культуре своей эпохи.

И.Н. Осинский обращается к примечательному эпизоду в истории ренессансного гуманизма Северной Европы накануне Реформации, каковым стала полемика между Эразмом Роттердамским и Мартином Дорпом. Необычность этого конфликта по поводу написанной в 1509 г. «Похвалы Глупости», согласно замечанию автора, состоит в том, что охранительная схоластическая позиция отстаивалась гуманистом, к тому же принадлежавшим к числу друзей и почитателей Эразма. Тщательно анализируя все аргументы и контраргументы, к которым прибегали оппоненты, исследователь приходит к важному заключению о том, что выступления Дорпа против Эразма положили начало острой полемике между гуманистами и охранительным направлением в католической церкви вокруг идеи церковного реформирования. Дорп сыграл роль своеобразного катализатора в процессе формирования и эволюции гуманистической доктрины ренессансного христианского гуманизма.

В статье Ю.П. Зарецкого «Героическое “Я” Бенвенуто Челлини» представлено «путешествие» автора и героя «Жизни» в истории европейской науки и культуры на протяжении более трех столетий: XVIII – первого десятилетия XXI вв. Это сложный путь от безудержного восторга через более сдержанное и даже критическое отношение к стремлению увидеть в Челлини человека, жившего на излете Возрождения и в силу этого испытывавшего глубокий внутренний кризис, и, наконец, к пониманию того, что нельзя отождествлять героя «Жизни» и её автора и реального человека по имени Бенвенуто Челлини. По убеждению автора, Челлини принадлежит один из самых ярких образцов нового, ренессансного, автобиографизма: в своей «Жизни» он создал эпопею героя, и сегодня поражающую читателя своим эгоцентризмом, без которого, без уверенности ренессансной личности в безграничных масштабах своего «Я», невозможно помыслить феномены «титанов Возрождения», современниками которых был Челлини.

И.Я. Эльфонд исследует мирозерцание позднего Возрождения на примере творчества великого поэта, историка и политического деятеля эпохи гражданских войн во Франции Теодора Агриппы д'Обинье (1553–1630). Воссоздавая портрет, удивительно причудливую и трагическую судьбу д'Обинье, автор проводит детальный анализ его первого сборника «Весна», «Трагических поэм» и «Всеобщей истории». И.Я. Эльфонд удаётся убедительно показать, что творчество д'Обинье отразило как кризис ренессансного идеала и трагическую ломку представлений о мире, так и новое восприятие и оценку природы. Он был убежден, что мир враждебен человеку, время дробит характеры людей и их цели. Но человек при этом сохраняет свое достоинство, волю к борьбе и торжество духа. Автор статьи полагает, что Агриппа д'Обинье оставался человеком Возрождения и сохранял верность идеалам Ренессанса.

Г.П. Мельников в статье «Италия в чешском историко-культурном сознании (Средневековье, Ренессанс, барокко)», отгалкиваясь от утверждения, что Италия присутствовала в историко-культурном сознании жителей Чешского королевства как одна из его важнейших внешних доминант начиная с раннего Средневековья вплоть до конца раннего Нового времени, показывает, что в разные периоды чешской истории Италия виделась то как источник новых идей и образов, то как враждебная сила, препятствующая утверждению чешской идентичности. В чешском восприятии Италии автор обоснованно различает Рим как центр папской власти и католической идеологии и Италию в целом как культурное пространство. Статья содержит характеристику основного содержания чешско-итальянских связей на протяжении X–XVII вв. и, что само по себе ценно, новейшую библиографическую информацию.

В разделе «Визуальный код в эпоху Возрождения: к уяснению историко-культурных смыслов» представлены три статьи, посвященные

иконографии рельефа «История Ноя» на Райских дверях Флорентийского баптистерия (И.Х. Черняк), образу городской архитектуры в сочинениях гуманистов Флоренции эпохи Возрождения (Л.М. Брагина), эволюции купольной базилики в культовой архитектуре второй половины XVI в. в контексте перехода от Возрождения к барокко (В.Д. Дажина). В каждой из них раскрывается конкретный сюжет из истории искусства эпохи Ренессанса, а в совокупности они дают интересное и убедительное представление о ряде характерных черт ренессансной культуры. Прежде всего, это потребность в «снятии барьеров» между разными сферами духовной жизни, порожденной успехами *studia humanitatis*; представление о зодчестве как высоком искусстве, отразившиеся не только в живописи и графике различных мастеров, но и в проектах идеального города (дань им отдал и великий Леонардо да Винчи, создав наиболее яркий его вариант); новое понимание архитектурной формы, наделенной мощным и направленным эмоциональным воздействием.

В разделе «Смена веков: новые культурные явления в Европе XVI–XVII вв.» собраны четыре статьи. В.В. Ивановым рассмотрен феномен псевдонимов гуманистов и реформаторов, связанный с мировоззренческой и корпоративной идентификацией, декларированием своей принадлежности к ренессансному интеллектуальному сообществу. В статье В.М. Володарского раскрыта специфика диалогов в публицистике ранней Реформации в Германии: внутри самого реформационного движения назрели предпосылки дальнейших расхождений, не сводимых исключительно к конфликту «католики – лютеране», и с этой усложняющейся, многогранной проблематикой придется иметь дело создателям комплекса диалогов этапа «радикальной» («народной») Реформации.

В объемной статье И.Е. Андропова поставлена интересная проблема, остававшаяся пока вне пределов внимания исследователей первой масштабной церковной истории – «Магдебургских Центурий». Проблема вынесена автором в название статьи «"Магдебургские Центурии" как идея и как книга» и проливает свет на формирование новых отношений между людьми раннего Нового времени на разных уровнях: внутри авторского коллектива, между авторами, спонсорами, читателями, союзниками и противниками в идеологической борьбе. Тщательно проанализировав титульный лист, оформление, предисловия, посвящения, выбор языка, предшествовавшую историко-церковную традицию и метод работы центуриаторов, цели, которые они перед собой ставили, финансовые отношения с издателем, автор статьи пришел к выводу, что «Центурии» составили новую ступень в процессе формирования истории как науки. Именно немецкие ученые выдвинули на первый план письменный документ как главный источник информации, попытались преодолеть всевозможные «предрассудки» в масштабе всемирной истории и разделить исторический процесс на бесчисленное множество составля-

ющих его фактов. Фактически, в статье предпринята интересная попытка уловить и показать момент, когда история начинает перерастать в науку, постепенно отходя от простой фиксации событий прошлого. В подобном же русле А.П. Черных рассматривает геральдику как отрасль эрудитского знания XVI в. в наследии испанского богослова, видного деятеля Контрреформации, историка и правоведа Антонио Агустина (1516–1587), «Диалоги» которого, по мнению автора, принадлежат Новому времени (по позиции Агустина, его подходу, принципам изложения материала) и представляют собой начало формирования того образа науки, который в полной мере раскрылся уже в XVII в.

В других разделах («Меняющаяся Европа: динамика внутреннего развития и культурного самосознания до начала Нового времени», «Высокая политика: локальные интересы, семейные стратегии, глобальные расстановки» и «“Вглядываясь в собственное отражение”: историографическая рефлексия между прошлым и настоящим» также представлены статьи, которые отличаются высоким профессиональным уровнем и мастерством авторов, привлекают внимание читателя прекрасной подачей материала тщательно проработанных источников и чрезвычайно интересными сюжетами, сквозь призму которых затронут комплекс тем, связанных с изучением важных исторических событий, человеческих судеб, профессиональных проблем, и каждая заслуживает специального подробного рассмотрения. Я постараюсь отметить лишь то, что, по тем или иным причинам, вызвало у меня наиболее глубокий отклик.

С.К. Цатурова обратилась к сложной теме любви в динамическом сочетании и конфликте с темой насилия/страха как форме осмысления и стратегии укрепления королевской власти во Франции в позднее Средневековье. Любовь и страх представляются автору двумя полюсами формирующейся во Франции монархической идеологии, которая основывалась, во-первых, на определяющей роли церкви в сфере политической теологии (идея известного равенства «сторон» – правителя и народа), во-вторых, с античным наследием, по-новому осмысленным при возникновении национальных монархий. Не вдаваясь в пересказ интересных рассуждений автора, обращу внимание на важную роль общества в характере и функционировании власти, и формы её «принятия» – любовь и страх – способны многое раскрыть в политической культуре и духовных ценностях конкретного исторического сообщества.

Статья М.В. Винокуровой связана с вопросом о свободном держании в Англии, наиболее распространенным видом которого еще со времен Книги Страшного суда являлся крестьянский фригольд. Автор провела кропотливую работу с описями поместья Рочдейл в графстве Ланкашир, что позволило ей сделать ряд важных наблюдений, объясняющих относительную стабильность данного региона. Оказывается, что в эпоху аграрной революции крестьянский фригольд в указанном регионе

не был затронут изменениями, происходившими с этим видом держания в других графствах Англии: здесь нет огораживаний и вступных фэйнов, не отмечается превращение фригольда в другие виды держания (копигольд, аренда). Если изменения и были, то они производились внутри благородного фригольда с целью максимально повысить степень материальной обеспеченности наиболее влиятельных его представителей, и не затрагивали крестьянское держание на общем праве, которое и служило основой и гарантом стабильности.

Подчеркну еще раз – все статьи сборника, посвященного юбилею Олега Федоровича Кудрявцева, несомненно, заслуживают более пристального внимания, чем то, что может вместить небольшая рецензия. В заключение остается только выразить признательность юбиляру, побудившему авторов собрать под обложкой сборника «ARS HISTORICA» интересный по методологическим подходам, сюжетам и подаче научный материал, и пожелать ему творческого долголетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

ARS HISTORICA. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 566 с.

REFERENCES

ARS HISTORICA. Sbornik v chest' Olega Fedorovicha Kudryavceva / Sost. i отв. red. A.K. Gladkov. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 566 s.

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, Саратовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского; larisachernova@mail.ru

ARS HISTORICA

Collection in honor of Oleg Fedorovich Kudryavtsev

Review: ARS HISTORICA. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

Keywords: history of culture, Renaissance, Russia, Europe, dialogue of cultures

Larissa Chernova, Dr. Sc., Head of the Department of World History, Saratov State National Research University by N.G. Chernyshevsky; larisachernova@mail.ru

К. В. ИГАЕВА

КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И АНТРОПОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

Статья представляет обзор «критических исследований терроризма» (CTS) – междисциплинарного направления, возникшего в 2000-е гг. на стыке философии, политологии, истории с целью проблематизировать природу терроризма и его эволюцию в новейшее время. Отталкиваясь от критической теории и постструктурализма М. Фуко, сторонники CTS анализируют механизмы конструирования границы между государственной политикой террора, колониальными восстаниями и широким спектром явлений «нового терроризма», экотерроризма, кибертерроризма, контртеррористическими и миротворческими операциями. Для понимания этого направления особенно репрезентативной представляется «Антология критических исследований терроризма» (2016). Ее анализ позволяет обозначить перспективы CTS, а также внутренние противоречия и теоретические разногласия их сторонников.

Ключевые слова: критические исследования терроризма, государственный терроризм, экотерроризм, гендерные исследования, антропология насилия

«Критические исследования терроризма» (CTS) – почти не знакомое российскому читателю направление исследований на стыке философии, политологии и истории. Оно сформировалось в 2006 г. вокруг одноименного журнала во главе с директором «Национального центра исследования мира и конфликтов» (Новая Зеландия) Р. Джексоном и лондонским профессором Д. Ганнингом. Основным объектом его критики стали сложившееся в западной историографии и социальных исследованиях противопоставление государственной политики безопасности и совершаемого частными субъектами терроризма, а главное – его дисциплинарное оформление как (псевдо)научной экспертизы, поставленной на службу существующему режиму знания–власти и неоконсервативному дискурсу безопасности. Отталкиваясь от критической теории и постструктурализма М. Фуко, сторонники CTS выступают за проблематизацию границы между государственной политикой контртерроризма, колониальными восстаниями и гетерогенной активностью радикальных групп в современном обществе.

За десять лет существования CTS спектр рассматриваемых его сторонниками тем и их общая библиография значительно выросли¹. Сориентироваться в этом достаточно широком поле позволяет вполне репрезентативная «Антология критических исследований терроризма» (2016),

¹ Critical Terrorism Studies 2009; Discourses and Practices of Terrorism 2010; Jackson, Jarvis, Gunning 2011; Research Methods in Critical Security Studies 2013; Stump, Dixit 2013.

изданная под редакцией Р. Джексона². Две первые ее части посвящены теоретическим проблемам (концептуальной критике дискурса безопасности, его нормативным установкам, гендерным аспектам исследований и т.д.), последующие три – более конкретным социально-культурным сюжетам. Пожалуй, наиболее интересной в историографическом плане представляется глава социолога Л. Стампницки из университета Шеффилда «Возникновение исследований терроризма как дисциплинарного поля», где последовательно доказывается (в основном на американском материале 1960-2000-х гг.), что изобретение и распространение понятия «терроризм» несет дисциплинарную функцию. Этот термин создает иллюзию экспертного знания, тогда как на самом деле на 80–84% о нем пишут случайные авторы, чаще всего рассчитывающие связать свою политическую или журналистскую карьеру с Государственным департаментом. Собственно научное, нейтральное понимание терроризма и его причин на основании исследования первоисточников, а не публицистических откликов в СМИ чаще всего остается за рамками такой поверхностной аналитики, которая выступает «анти-знанием»³. С этой точки зрения, критическая теория позволяет сделать видимой механизмы социального конструирования понятия «терроризм» через историзацию контекста его возникновения, а также деконструкцию либерального или (пост)колониального дискурса безопасности.

С другой стороны, в ряде случаев эта критика «ортодоксальных» исследований терроризма оказывается слишком наивной и неэффективной. Так, профессор Иллинойского университета в Чикаго Т. Шанахан в главе «Определение терроризма» подчеркивает аморфность и субъективность этого термина, не имеющего устойчивого значения. Критерием отнесения к «терроризму» нельзя считать использование насилия, как показывают, например, экотерроризм или кибертерроризм. Терроризм апеллирует скорее к чувствам отвращения, возмущения, стремлению к мести или получению удовлетворения. Поэтому Шанахан склонен ставить на первое место именно эмоциональные факторы: «“Терроризм” – это принципиально неизбирательный вред или угроза причинения вреда членам целевой группы с целью повлиять на их психологическое состояние теми способами, которые могут быть полезны преступникам для продвижения их целей»⁴. Однако такое определение слишком широко и потому вряд ли функционально. Кроме того, на размытость понятия (а соответственно и предмета исследования) указывают и сторонники «ортодоксального» изучения терроризма⁵.

² Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies 2016.

³ Stampnitzky 2014.

⁴ Shanahan 2016. P. 239.

⁵ Guelke 2006.

То же самое можно сказать о проблемах классификации, которые в статье «Старый и новый терроризм» рассматривает профессор Мюнхенского университета А. Спенсер. Сторонники использования данных терминов отмечают фундаментальное различие в мотивации участников террористических движений: «старые» террористические группы классифицируются как имеющие преимущественно светские мотивы и рациональные политические причины для насилия (например, «красные бригады» добивались политизации рабочего класса; «фронты национального освобождения» хотели независимости для своих этнических групп и т.д.). Именно поэтому они не хотят использовать чрезмерное и неизбирательное насилие, которое снижает легитимность их требований и отчуждает от них сторонников. Тогда как «новый» терроризм, якобы, мотивирован преимущественно религией и испытывает недостаток внятных политических лозунгов, а потому легко использует неизбирательное насилие. «Старый» терроризм построен как пирамида во главе с лидером, который централизованно принимает решения. «Новый» терроризм организован по сетевому принципу и не всегда обладает жесткой структурой. Однако справедливый критический пафос А. Спенсера в отношении условности и ограниченности такого бинарного противопоставления оказывается излишне очевидным и не предполагает альтернативной классификации.

В этом контексте уместно согласиться с одним из самых продуктивных авторов CTS, профессором университета Восточной Англии Л. Джарвисом, который в главе «Критические исследования терроризма после событий 9/11» отмечает несколько проблем развития данного направления, в том числе неадекватность тезиса о радикальном разрыве с «ортодоксальным» дискурсом безопасности. Их общими чертами оказываются презентизм, узость исторической ретроспективы, конструктивистский поход и нехватка эмпирического материала. В них отсутствуют голоса как (мнимых или реальных) террористов, так и рядовых борцов миротворческих сил. Без обращения к этим голосам не будут понятны механизмы работы пропаганды и практики ее интернализации⁶. Кроме того, Джарвис отмечает нехватку оригинальности, внутреннюю раздробленность, сомнительность ангажированности CTS и их общего взгляда на террор как преимущественно политическое явление.

С этой критикой можно во многом согласиться, прочитав эмпирическую часть исследований, собранных в антологии. Даже наиболее сильные ее главы представляются излишне пафосными в политическом плане, но не слишком оригинальными по содержанию. Так, например, «Пытаясь понять западный государственный терроризм» профессор политологии и международных отношений Университета Шеффилда

⁶ Подробнее об этом см.: Sluka 2008.

Р. Блэкли и С. Рафаэля из Вестминстерского университета рассматривает современную политику США на Ближнем Востоке как «государственный терроризм» (использующий произвольное задержание, похищение и пытки), лишь тактически и незначительно отличающийся от действий их противников-фундаменталистов. Спецификой ситуации здесь выступает лишь то, что такая (террористическая) внешняя политика легко сочетается с внутриполитической демократией и декларативным соблюдением прав человека. Л. Калхун поднимает еще одну проблему, относящуюся к «государственному терроризму», – полемику вокруг использования беспилотных летательных аппаратов, позволяющих убивать на огромных расстояниях в режиме «компьютерной игры», что не всегда ведет к точности действий, в ряде случаев вызывая массовое уничтожение мирного населения. Профессор антропологии университета Бригама Янга Дж. Соренсон в главе «Экотерроризм и экспансионистский контртерроризм» поднимает проблему конструирования рамок «Свой / Чужой», используемых государством и корпорациями для давления на общественное мнение: используя термин «экотерроризм», промышленники сравнивают защиту животных и окружающей среды с исламистским терроризмом, хотя между ними нет никаких связей.

Выводы такого рода оказываются легко прогнозируемыми. Поэтому они вряд ли способны изменить расстановку сил в академическом сообществе (не говоря об общественном мнении, на что CTS тоже косвенно претендуют). Отметим также внутреннюю противоречивость позиции их сторонников, одна часть которых выступает за деполитизацию дискурса безопасности, другая – за смену вектора этой политизации с неоконсервативного на леволиберальный. Ключевым, хотя и не называемым напрямую аргументом выступает при этом моральный фактор, апелляция к «общечеловеческим ценностям» без аналитики их исторической трансформации в эпоху модерна. Ряд важных вопросов оказывается полностью за рамками анализа CTS, – это развитие военной индустрии и технологий, рост частных военных компаний, проблемы военной антропологии и антропологии насилия в целом.

Последний ракурс представляется наиболее важным для понимания перспектив «критических исследований терроризма». Ключевым вопросом, который они затрагивают, является, на наш взгляд, изменение механизмов конструирования субъективности в современном обществе: рост мультикультурализма и безличности доступа к общественным благам одновременно провоцирует усиление неоконсервативной политики идентичности, в последнее время получающей государственную поддержку в самых разных странах. Именно в этой связи оказывается востребован тиражируемый образ террориста как религиозного фанатика – радикального Другого по отношению к господствующей (относительно) либеральной и светской самоидентификации. И дисциплиниру-

ющая экспертиза в рамках дискурса безопасности оказывается лишь легитимацией такого двустороннего конструирования ориентализма / оксидентализма, в основе которого лежит взаимное насилие и отказ от идеи универсальности в пользу частных (корпоративных) интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Critical Terrorism Studies A New Research Agenda / ed. R. Jackson, M.B. Smyth, J. Gunning. L., N.Y.: Routledge, 2009. 289 p.
- Discourses and Practices of Terrorism: Interrogating Terror / ed. B. Brecher, M. Devenney, A. Winter. L., N.Y.: Routledge, 2010. 208 p.
- Guelke A. Terrorism and Global Disorder. Political Violence in the Contemporary World. L., N.Y.: Tauris & Co Ltd., 2006. 297 p.
- Jackson R., Jarvis L., Gunning J. Terrorism: A Critical Introduction. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 304 p.
- Research Methods in Critical Security Studies / ed. M.B. Salter, C.E. Mutlu. L., N.Y.: Routledge, 2013. 257 p.
- Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies / ed. R. Jackson. N.Y.: Routledge, 2016. 660 p.
- Shanahan T. The Definition of Terrorism // Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies. N.Y.: Routledge, 2016. P. 223-246.
- Sluka J. Terrorism and Taboo: An Anthropological Perspective on Political Violence against Civilians // Critical Studies on Terrorism. 2008. Vol. 1. No. 2. P. 167–183.
- Stampnitzky L. Disciplining Terror: How Experts Invented 'Terrorism'. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 246 p.
- Stump J., Dixit P. Critical Terrorism Studies: An Introduction to Research Methods. N.Y.: Routledge, 2013. 208 p.

Ksenia Igaeva, postgraduate student, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; igaeva.ksenia@yandex.ru

Critical Terrorism Studies and Anthropology of Violence

The article provides an overview of the "critical terrorism studies" (CTS), an interdisciplinary field of research that was formed in the 2000s. at the intersection of philosophy, political science, and history. The goal of its followers is to problematize the nature of terrorism and its evolution in the XX c. Starting from the critical theory and poststructuralism of Michel Foucault, CTS analyze the mechanisms for constructing the border between the state policy of terror, colonial uprisings, as well as a wide range of "new terrorism" phenomena, ecoterrorism, cyberterrorism, counterterrorism and peacekeeping operations. Especially representative for understanding this new line of research is the "Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies" (ed. R. Jackson, 2016). Its analysis allows us to outline the prospects of CTS, as well as the internal contradictions and theoretical differences of its supporters.

Keywords: critical terrorism studies, state terrorism, ecoterrorism, gender studies, "old" and "new" terrorism, anthropology of violence

Ksenia Igaeva, postgraduate student, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; igaeva.ksenia@yandex.ru

М. С. ПЕТРОВА

БИОЭТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВА КРУГЛЫЙ СТОЛ*

В статье анализируются доклады, прочитанные и обсужденные на Круглом столе по проблемам биоэтики 2 октября 2018 г., на кафедре философии и истории медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет).

Ключевые слова: биоэтика, этика, ценности, человек, врач, традиции, биоэтическое знание, гуманитарное знание

2 октября 2018 г. на кафедре философии и истории медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова прошел круглый стол¹ ученых из академических институтов (ИВИ РАН, ИРИ РАН) и университетов Москвы (Первый МГМУ им. И.М. Сеченова) и Нижнего Новгорода (ПИМУ) в рамках работы над проектом «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества»². Это событие вызвало чрезвычайный интерес у научной общественности, поскольку его участники предприняли попытку выработать и обсудить концепцию биоэтики (как культурного комплекса), имеющую свои основания в истории и культуре³ и свои особенности развития, определяемые культурно-историческими событиями.

* Статья написана при поддержке РФФ (Проект № 18–78–10018). На иллюстрации – фрагмент плакатной графики на тему «Жить по-новому. Китайская медицина». – <http://subbotkina.ru/wp-content/uploads/2012/09/1327652866/inyan.jpg> (октябрь, 2018).

¹ Круглый стол «Биоэтическое знание и проблемы биоэтики в контексте социокультурной динамики общества» прошел в Москве, в зале заседаний ректората Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (организаторы – кафедра социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород) и кафедра философии и истории медицины Сеченовского университета). Программа выложена на сайтах Сеченовского университета и ПИМУ.

² Проект направлен на изучение актуальных проблем биоэтики в их исторической перспективе, ранее выпадавших из поля зрения исследователей.

³ Эта междисциплинарная область научного знания направлена на систематическое исследование нравственных параметров достижений биологических и медицинских

Следует отметить, что участники мероприятия учитывали тот факт, что появление биоэтики и ее стремительное развитие в XX–XXI веке было обусловлено теми глобальными процессами, которые происходят во всех областях человеческой жизни. Соответственно, на современном этапе взаимодействия человека и общества биоэтику важно позиционировать не только как науку, концентрирующую свое внимание на медицине и биологии, с учетом ее философской и социальной составляющих⁴, но и как самостоятельную *отрасль знания*, которая взаимодействует с дисциплинами исторического профиля и включает в себя направления, связанные с непосредственным изучением истории медицины, биологии, этики, философии и социологии, истории науки, психологии, антропологии, гендерной истории в их социальном, культурологическом и религиоведческом аспектах. Ниже приводятся выдержки из докладов⁵ и обсуждений.

В докладе Н.П. Шок обсуждались основные изменения в системе непрерывного медицинского и фармацевтического образования, проявившиеся: а) в объединении групп специальностей и разработке новых направлений («Фундаментальная медицина», «Клиническая медицина», «Науки о здоровье и профилактическая медицина», «Фармацевтика» и др.); б) в обновлении организационной модели медицинского образования (среднее профессиональное образование; высшее образование – бакалавриат, магистратура, специалитет; аспирантура; дополнительное профессиональное образование и специализация – ординатура); в) в из-

наук, включая моральную оценку принятых решений и их возможных последствий. Причем не только общетеоретических, деонтологических, институциональных (которые ориентированы на выявление общечеловеческих ценностей и организацию систем здравоохранения), но и т.н. «открытых» (эвтаназия, все виды трансплантации, прерывание беременности, клонирование, суррогатное материнство, евгеника и т.п.), требующих разработки понятийного аппарата и выбора методов их решения.

⁴ В ракурсе своей социальной и философской направленности биоэтика связана с исследованием экологических, медицинских, социальных и правовых проблем, непосредственно касающихся человека, с целью оценки результатов развития новых технологий и идей в медицине и биологии.

⁵ Доклады (по алфавиту): Балалыкин Д.А. (д.м.н., д.и.н., проф., гл.н.с. НИИ Общественного здоровья РАН), «Традиционная биоэтика: представления прошлого и настоящего»; Ведешкин М.А. (к.и.н., н.с. ИВИ РАН), «Социально-правовой статус врача в Поздней Римской империи»; Нагорных О.С. (к.и.н., доц. ПИМУ), «Медицина и биоэтика в современном Китае: новая политика правительства и ее перспективы»; Пивоваров Н.Ю. (к.и.н., доц., Первый МГМУ им. И.М. Сеченова), «Развитие отечественного здравоохранения в ракурсе биоэтики»; Петрова М.С. (д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН), «Деонтология в историческом контексте: отношение к телу и останкам в раннем Средневековье»; Соложенкин Б.С. (к.ф.н., асс., Первый МГМУ им. И.М. Сеченова), «Интерсубъективность разума как ключ к пониманию задач биоэтики»; Тихонов В.В. (к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН), «К истории становления Российского комитета по биоэтике: политические и социокультурные контексты эпохи перестройки»; Шок Н.П. (д.и.н., проф., ПИМУ; зав. каф. философии и истории медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова), «Биоэтика и медицинское образование в России».

менении условия допуска к профессиональной деятельности посредством прохождения специалиста через индивидуальный пятилетний цикл повышения квалификации, ориентированный на накопление знания и получение профессионального опыта. Было выявлено место биоэтики в учебном плане (в т.ч. его вариативной части) младших курсов всех перечисленных направлений; отмечено присутствие обязательного биоэтического компонента в программе аспирантуры; объяснена необходимость экспертизы темы научно-исследовательской работы и ее утверждения в локальном этическом комитете организации. Н.П. Шок выявила отличия практики преподавания биоэтики в России и в США: а) в **несогласованности** между 1) теоретическим осмыслением биоэтики, 2) уровнем развития медицинского права и гуманитарного знания, 3) подходом к медицинскому образованию, 4) практикой биомедицинских исследований, 5) прохождением клинической практикой врача и **политикой в области здравоохранения в целом**; б) в развитии биоэтики как дисциплины, продолжающей традицию этической рефлексии ученых (философов, социологов, врачей, включая советских деонтологов), и новой этической модели взаимодействия «врач – пациент», основанной на потребности современной медицинской практики; в) в отсутствии системы подготовки специалистов в области биоэтики и гуманитарных дисциплин в интересах медицинской науки; г) в недостатке научной и учебной литературы по проблемам биоэтики, учитывающей и немаловажный национальный компонент.

Н.Ю. Пивоваров охарактеризовал этапы развития биоэтики в советский период, уделив особое внимание государственной политике в области ювенальной биоэтики, трансплантологии, медицинской этики, показал, как развивались биоэтические представления в 1920–1940-е и какую трансформацию они претерпели в 1950–1980-е гг. Отдельно докладчик осветил, какие этические компоненты советские руководители использовали при решении социально-значимых задач в здравоохранении. В заключение автором была обозначена проблема необходимости поиска ответа на вопрос о том, почему в Советском Союзе биоэтика не сформировалась в самостоятельную научную дисциплину.

Проблема интерсубъективности разума как ключа к пониманию задач биоэтики была затронута в сообщении Б.С. Соложенкина, сделавшего акцент на том, что биоэтика представляет собой как дискурс, так и совокупность разнородных практик. Он также отметил, что в настоящее время существует потребность в осмыслении ее растущей практической значимости. Появление новых технологий, в т.ч. в медицине, не всегда идет в ногу с развитием этических норм. Проведение экспериментов, внедрение новых лекарств и практик, непосредственно затрагивающих жизнь людей, по мнению докладчика, зачастую опережает этическую рефлексию, возникающую только впоследствии и в связи с серьезными

общественными и политическими дебатами. В биоэтике распространена следующая ситуация: мы встречаемся с «фактами» раньше, чем они приобретают свое значение в рамках некоего смыслового соглашения между людьми относительно связи «фактов» с этическими нормами. Соответственно, такое соглашение никоим образом не предпослано, – и в реальной практике биоэтического регулирования мы встречаемся с тем, что каждая ситуация неоднозначна – и имеет несколько возможных трактовок. Причины отсутствия однозначности заключаются в следующем. Во-первых, есть общечеловеческая потребность найти решение, приемлемое не только с позиции достижения цели, но и в соответствии с моральными или этическими нормами, в рамках которых мыслится такая практика. Во-вторых, существует разнообразие этических норм и положений даже в рамках одной культуры и традиции, которые в каждом конкретном случае вступают в противоречие относительно необходимости принимать то или иное решение, поэтому следует стремиться найти приемлемый подход к организации взаимодействия представителей различных этических традиций. В-третьих, расширяется само знание о биоэтике, что требует пересмотра имеющихся норм и задает новые стандарты биоэтического мышления⁶. По мнению Б.С. Соложенкина, важным отправным пунктом для разработки понимания «новой» биоэтики, отвечающей изложенным выше положениям, является концепция коммуникативного разума (или интерсубъективности), предложенная и обсуждаемая Ю. Хабермасом и К.-О. Апелем. Анализ такой концепции позволит понять, насколько предложенная модель сможет стать основой теоретического понимания того, чем должны быть различные практики, объединяемые сегодня под эгидой биоэтики.

Доклад В.В. Тихонова был посвящен рассмотрению истории возникновения Российского национального комитета по биоэтике (РНКБ) (1992) в политическом и социокультурном контексте. Обратив особое внимание на дискуссии, имевшие место вокруг организации РНКБ, автор особо отметил многофакторность процесса его появления, в котором

⁶ Так, прежняя модель, предложенная учеными института по этике при Джорджтаунском университете и ориентированная на решение проблем, возникающих между врачом и пациентом, требует изменений, так как на здоровье человека влияют и многие другие факторы, например, социальные, экономические. В связи с этим на первый план выступает проблема глобализации биоэтики (о ней рассуждает директор отдела ЮНЕСКО по этике науки и технологий Сектора общественных и гуманитарных наук Хенк Тен Хаве), возникающая в связи с переменной взгляда на природу проблем современного общества. Согласно гипотезе о глобализации биоэтики требуется выработка новых форм соглашения между индивидами, сообществами и социальными институтами относительно смыслового оформления точки зрения, которая ставила бы понимание «общего дела», «общего наследия» и коллективного блага выше индивидуального (не теряя при этом очевидных преимуществ, достигнутых на пути «прививания» и «вращения» индивидуалистической биоэтики).

отразились не только общие тенденции развития науки и техники, с учетом культурной составляющей последних лет существования СССР, но и личная инициатива его основателя Б.Г. Юдина. В.В. Тихонов показал, каким образом и почему в создании РНКБ в СССР (а затем Российской Федерации) существенную роль сыграли общественно-политические и личностные факторы, способствовавшие утверждению в общественном пространстве того времени понимания важности биоэтики как особого направления исследований и практики.

В сообщении О.С. Нагорных, о медицине и биоэтике в современном Китае, была рассмотрена новая политика китайского правительства и ее перспективы в этой области. Автор показала необходимость привлечь внимание к состоянию здравоохранения в КНР, как с точки зрения его развития и перспектив, так и с точки зрения особо проблемных и дискуссионных сфер. Были обсуждены актуальные проблемы системы национального здравоохранения КНР; проанализированы приоритетные направления ее реформирования в контексте становления биоэтической проблематики; отмечено, что при фактическом отсутствии биоэтики как науки предпринимаемые правительством шаги все очевиднее демонстрируют необходимость обсуждения биоэтических вопросов в рамках отдельной, специализированной области знания. Автор предприняла анализ последних действий правительства в области медицины и биоэтики, соотносящихся с социально значимыми проектами, затрагивающими этические нормы. В их числе: а) одно из важнейших направлений политики правительства КНР в области медицины (31 августа 2018 г.), ориентированное на решение вопроса о предотвращении споров между медицинским персоналом и пациентом и их урегулирование; б) принципы взаимобмена медицинскими технологиями между КНР и другими странами (что, в частности, имело место между Китаем и СССР в середине 1950–1960-х гг.). При этом О.С. Нагорных отметила, что китайская клиника, сосредоточившись на заимствовании медицинских технологий, практически обошла деонтологические вопросы, а также и многие другие этические принципы. О.С. Нагорных также были выявлены специфические особенности китайской системы здравоохранения, которые выразились в отсутствии в современном Китае а) биоэтики как самостоятельной научной дисциплины; б) сдерживающих законодательных и правовых факторов в возможности проведения (с 2015 г.) широко-масштабных экспериментов по генетической модификации человека (что сделало Китай мировым лидером в этой области). В заключение О.С. Нагорных отметила перспективность подобной политики, с точки зрения правительства КНР, выявив степень ее востребованности китайским обществом в настоящее время, а также обозначила государствен-

ный интерес КНР относительно повышения своего международного статуса.

Тематика двух последних сообщений была связана с проблемой формирования в социумах ранних эпох отношения к врачам и их статусу; болезням, смерти человека и его телу после кончины. В частности, доклад М.А. Ведешкина был посвящен анализу социального и юридического статуса врача в Римской империи (I в. до н.э. – V в. н.э.). На примере текстов правового и законодательного характера, памятников эпиграфики, нарративных и эпистолярных свидетельств был рассмотрен процесс эволюции социального положения врачей, выявлены причины трансформации общественного мнения о них. Особое внимание докладчик уделил положению императорских врачей-архиатриев, их обязанностям, а также придворной, общественной и дипломатической деятельности. Докладчик также выявил социальные и экономические механизмы, способствовавшие укреплению положения врачей в римском обществе, повышению их социального статуса и уровня жизни (среди которых налоговая политика и государственная поддержка династий врачей).

М.С. Петрова проанализировала применимый к биоэтике западноевропейский опыт формирования моральных норм и поведенческих критериев средневекового человека по отношению к врачу, к заболевшему человеку, его физиологии⁷, смерти, телу человека после смерти, а также манипуляциям с его останками. С точки зрения этических представлений (а также истории медицины в целом) рассматривались и обсуждались симптомы отдельных заболеваний, способы излечения от них, возможность получения врачебной помощи; анализировалось поведение людей, нуждающихся в лечении и облегчении страданий от физических и психических недугов.

Итак, было показано, как биоэтика утверждается в образовательном процессе современной России (Н.П. Шок); как в этой области учитывается имеющийся опыт отечественного здравоохранения XX в. (Н.Ю. Пивоваров); как, на примере Китая (страны отвергающей биоэтику и ее установки) и США (лидера биоэтики) может быть проанализирован опыт других стран (О.С. Нагорных, Н.П. Шок); как можно найти ответ на вопрос о поиске согласия и примирения двух разных моделей биоэтики – индивидуалистической и глобалистической (Б.С. Соложенкин); насколько важен и необходим анализ применимого к биоэтике европейского опыта становления моральных норм и поведенческих критериев людей предшествующих эпох (М.С. Петрова, М.А. Ведешкин).

⁷ Эти проблемы уже затрагивались ранее отечественными исследователями в курсе истории медицины. См., напр., Афонасин 2018. Т. 12.1. С. 182-206; 2018. Т. 12.2. С. 697-704; Пролыгина 2016. 3. С. 102-153; 2014. 2. С. 95-129.

Как представляется, полученные результаты позволят усовершенствовать имеющееся знание в области биоэтики, стимулируя ее рассмотрение в исторической перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин 2018. Т. 12.1. – Афонасин Е.В. Трактат «О пневме» Аристотелевского корпуса // Schole. 2018. Т. 12.1. С. 182-206.
- Афонасин 2018. Т. 12.2. – Афонасин Е.В. Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства («О болезнях, или Бездыханная», фр. 82-95) // Schole. 2018. Т. 12.2. С. 697-704.
- Прольгина 2014. – Прольгина И.В. Медицинское искусство Галена Пергамского как универсальный учебник по античной патологии // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2014. 2. С. 87-94.
- Прольгина 2016. – Прольгина И.В. Гален о признаках и причинах болезни и здоровья (Предисловие к переводу) // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2016. 3. С. 102-107.
- Прольгина 2014 (Пер.) – Гален. Медицинское искусство (I – XVIII), пер. с древнегреч., примеч. И.В. Прольгиной // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2014. 2. С. 95-129.
- Прольгина 2016 (Пер.) – Гален. Медицинское искусство (XIX – XXXVII), пер. с древнегреч., примеч. И.В. Прольгиной // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2016. 3. С. 108-153.

REFERENCES

- Afonasin 12.2 (2018) – Afonasin E.V. *Heraclides of Pontus. Fragments and Testimonia (On diseases, or the one without breath (Apnous), fr. 82–95 Schütrumpf)*, ΣΧΟΛΗ (Schole) 12.2 (2018), 697-704 (in Russian).
- Afonasin 12.1 (2018) – Afonasin E.V. “*Corpus Aristotelicum. De spiritu: an introduction, a translation from the Greek into Russian and notes*”, ΣΧΟΛΗ (Schole) 12.1 (2018) 180-206 (Rus.).
- Prolygina 2014.– Prolygina, Irina. “Galen’s *Ars medica* as a Textbook on Ancient Pathology”, *Intellectual Traditions in Past and Present 2* (2014). P. 87-94 (in Russian).
- Prolygina 2016. – Prolygina, Irina. “Galen on the Symptoms and Causes of Illness and Health (Introduction to the Translation)”, *Intellectual Traditions in Past and Present 3* (2016). P. 102-107 (in Russian).
- Prolygina 2014 (Tr.) – Galen. *The Art of Medicine (I – XVIII)*, trans. and notes by Irina Prolygina, *Intellectual Traditions in Past and Present 2* (2014). P. 95-129 (in Russian).
- Prolygina 2016 (Tr.) – Galen. *The Art of Medicine (XIX – XXXVII)*, trans. and notes by Irina Prolygina, *Intellectual Traditions in Past and Present 3* (2016). P. 108-153 (in Russian).

Петрова Майя Станиславовна, д.и.н., главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва; Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России, Нижний Новгород; beionyt@mail.ru

Bioethical knowledge and the problems of bioethics in the context of socio-cultural dynamics (workshop)

The author analyses papers presented and discussed at the Problems of Bioethics Workshop, which took place on 2 October 2018, at the department of philosophy and history of medicine of the First State Medical University (the Sechenov University).

Keywords: bioethics, ethics, values, man, doctor, traditions, bioethical knowledge, humanities

Maya Petrova, Dr.Sc. (in History), Chief Research Fellow, Institute of World History (RAS, Moscow), beionyt@mail.ru

А. Ю. СЕРЕГИНА

Круглый стол: ИДЕЯ ИСТОРИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XVI–XVIII вв.

Обзор круглого стола «Идея истории в европейской интеллектуальной культуре XVI–XVIII вв. Памяти Констанс Блэквелл» (28 ноября 2018 года), организованного Центром интеллектуальной истории и Отделом историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН.

Ключевые слова: историописание, раннее Новое время, ренессансная историография, рецепция античного наследия, польза истории идентичность, памфлет

28 ноября 2018 г. в Институте всеобщей истории РАН прошел круглый стол «Идея истории в европейской интеллектуальной культуре XVI–XVIII вв.», посвященный памяти Констанс Блэквелл (15.12.1934–29.03.2018)¹, основателя и первого президента Международного общества интеллектуальной истории (ISIH). Констанс была большим другом Российского общества интеллектуальной истории с момента его основания, не раз участвовала в его конференциях и в семинарах Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН.

Свою исследовательскую деятельность Констанс Блэквелл начала с изучения истории историописания и истории философии эпохи Ренессанса, позднее же сфера ее научных интересов охватывала европейскую интеллектуальную культуру раннего Нового времени², чем и был обусловлен выбор темы для обсуждения на круглом столе, организованном в ее память. О личных качествах Констанс Блэквелл, о ее научном вкладе в разработку проблем интеллектуальной истории раннего Нового времени и неустанной деятельности в качестве первого президента и первого редактора периодического издания ISIH³ было сказано президентом Российского общества интеллектуальной истории Л.П. Репиной в ее вступительном слове.

В докладах, прочитанных на круглом столе, рассматривались несколько больших тем, тесно связанных с развитием интеллектуальной культуры и историописания. Одна из них относится к истории исторической дисциплины: т.н. микроисториографические исследования того или иного сюжета или персоналии в раннее Новое время и в последу-

¹ См.: Констанс Блэквелл // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. P. 5-6.

² См., напр.: Блэквелл, Констанс. От «недоумения» Аристотеля к декартовскому «сомнению» // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. P. 19-37.

³ См. в Inaugural Issue: Blackwell C. Editor's Letter // Intellectual News. Newsletter of the International Society for Intellectual History. No. 1: Autumn 1996. P. 5-7.

ющие столетия, позволяют проанализировать развитие исторической культуры, подходов к истории. Другими важными темами стали также рецепция античной традиции в текстах раннего Нового времени, эволюция историописания, меняющиеся представления о целях, методах и жанрах исторических сочинений. Обсуждались также роль исторических сочинений в формировании идентичностей разного уровня: национальных и конфессиональных, семейных и социальных, а также и жанр памфлета раннего Нового времени, с его смешением политического и исторических сюжетов, его роль и виды бытования в политической и исторической культуре Европы XVI–XVIII столетий.

Ключевым аспектам истории исторического знания в режиме Большого времени был посвящен доклад Л.П. Репиной «Идея истории и идея о пользе истории между Лукианом и Болингброком», представивший ее новый научно-исследовательский проект.

Дюла Свак (Будапештский университет им. Лоранда Этвёша) обосновал, опираясь на собственные работы об Иване Пересветове, Иване IV и Петре I, правомерность применения метода микроистории к анализу историографии. Его микроисториографическое исследование представляет собой попытку реконструировать и сопоставить друг с другом различные концепции, проанализировать изменения в российской и советской исторической науке,

Выступление М.М. Горелова (ИВИ РАН) было посвящено «Хроникам Р. Холиншеда. По мнению докладчика, это сочинение следует рассматривать в контексте интеллектуального движения антиквариев, охватившего страны Европы в XVI в. Являясь с одной стороны памятником ещё средневековой по своей методологии хронистики, а с другой – впитывая в себя ренессансные начала, труды антиквариев послужили переходным звеном к осмыслению истории в эпоху Просвещения.

В докладе Н.А. Селунской (ИВИ РАН) затрагивались темы ренессансной биографии, рецепции античности и конструирования ренессансных исторических представлений, а также феномен ранних итальянских академий. Ее исследование посвящено гуманисту Помпонию Лэту, особенным чертам интеллектуала той эпохи.

М.С. Петрова (ИВИ РАН) представила вниманию коллег свой анализ текста, известного под именем Дмитрия Герасимова (ок. 1465 – п. 1535/6) и вошедшего в российскую историографию под титулом «Донат» (V в.). Ею проведен сравнительный анализ соответствующих фрагментов из «Установлений грамматики» (“*Institutiones grammaticae*”) Присциана (V–VI вв.). Показаны содержательные (и текстуальные) сходства между текстами Присциана и Дмитрия (и/или его последователей и переписчиков); сделан вывод об опосредованном знании присциановых «Установлений» в русской учености XVI–XVII вв.

М.А. Ведешкин (ИВИ РАН) анализировал трансформацию представлений о Юлиане Отступнике в европейской мысли раннего Нового времени. Показано, что если в Средние века последний язычник на троне Римской империи воспринимался исключительно как кровавый тиран и гонитель веры, то под влиянием идей гуманистов XV–XVII в. этот образ начинает меняться: отмечались исключительные моральные и политические дарования императора, веротерпимый характер его религиозной политики. Философы и историки эпохи Просвещения предприняли попытку представить Юлиана в роли своего единомышленника, образцового просвещенного монарха, который разделял их представления о свободе совести, и боролся с и клерикализмом.

В фокусе доклада Д.Ю. Степанова (МГУ) – представления о прошлом восточнославянских обществ как о едином народе, имеющем общее происхождение, легендарных предков и ряд событий, демонстрирующих легендарное и героическое прошлое. Этноисторическая концепция является одной из базовых составляющих этнического самосознания, что связывает предмет доклада с проблемой формирования этнических и протонациональных взглядов обществ Речи Посполитой и России в конце XVII – начале XVIII в. В докладе подчеркнуто, что, во-первых, источником именно этнических представлений о прошлом во многом выступили польские и западноевропейские сочинения; во-вторых, процесс этнизации был связан с рядом важных политических событий: Освободительной войной 1648–1654 гг., присоединением к Русскому государству и борьбой против османской экспансии в 70-е годы XVII в. Под влиянием этих двух факторов в 1674 г. в Киеве был издан печатный "Синописис Киевопечерский", который лег в основу этноисторической концепции более поздней русской историографии.

Доклад А.Ю. Серегинной (ИВИ РАН) был сфокусирован на проблеме конструирования идентичностей различного уровня: национальной, конфессиональной и семейной – у представителей английского католического сообщества. В докладе было показано, как исторические сведения о крещении англосаксов, заимствованные из полемических и исторических сочинений католических памфлетистов, преломлялись в сочинениях провинциального историка-любителя, католика Уильяма Бланделла (1560–1638) – одного из первых нумизматов Англии, первого исследователя англосаксонских монет.

М.С. Неклюдова (РАНХиГС / МВШСЭН) в своем выступлении обратилась к группе французских памфлетов 1651–1652 года, типологически причисляемых к «мазаринадам». Как было показано, эти тексты обладают формальными признаками политического памфлета (по объему, названиям, «политической» тематике), но по своей сути являются рекламными проспектами предприимчивого парижского адвоката Алексиса, который во время Фронды пытался убедить состоятель-

ных соотечественников в пользу изучения «политики», что помогает подданным примириться с правительственными эдиктами и ордонами, и понять, зачем они нужны.

Доклад А.В. Стоговой (ИВИ РАН) посвящен бытованию исторических сочинений во французской придворной культуре второй половины XVII столетия, и критике такого положения в рассуждениях об остроумии Франсуа де Кальера. Кальер связывает интерес к историческим сочинениям с моделями поведения придворных, нацеленных на то, чтобы произвести эффект, поражать своими знаниями множества фактов или сенсационных, тайных подробностей. В докладе прослежено, каким образом автор выстраивал свою критику и при помощи каких аргументов обосновывал собственную позицию в отношении историописания. Эта позиция, которую А.В. Стогова характеризует как рационалистическую, классицистическую и просветительскую, основана на интерпретации исторического сочинения как частного высказывания, опирающегося на идеал «человека достойного» и на связанную с ним идею политики.

Дискуссии по докладам были очень оживленными, способствовали активному обмену мнениями и выявлению особенностей развития историописания и исторической культуры раннего Нового времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Констанс Блэквелл // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. P. 5-6.
 Блэквелл, Констанс. От «недоумения» Аристотеля к декартовскому «сомнению» // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. P. 19-37.
 Blackwell C. Editor's Letter // Intellectual News. Newsletter of the International Society for Intellectual History. No. 1: Autumn 1996. P. 5-7.

REFERENCES

- Blackwell C. Editor's Letter // Intellectual News. Newsletter of the International Society for Intellectual History. No. 1: Autumn 1996. P. 5-7.
 Blekvell, Konstans. Ot «nedoumeniya» Aristotelya k dekartovskomu «sommeniyu» // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 35. P. 19-37.
 Konstans Blekvell // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 63. P. 5-6.

Anna Seregina, Dr Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru

Round Table

“Idea of History in European Intellectual Culture or the 16th-18th cc.”

Overview of the round table “The idea of history in European intellectual culture of the XVI–XVIII cc. In memory of Constance Blackwell” (November 28, 2018), organized by the Center for Intellectual History and the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of General History (Russian Academy of Sciences).

Keywords: historiography, early modern times, renaissance historiography, reception of ancient heritage, historical identity, pamphlet

Anna Seregina, Dr Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru

CONTENTS

Round table “Science and Historicity”

<i>Zinaida Chekantseva</i> Historicity and history in the intellectual culture of the 21 st century.....	5
<i>Igor Ionov</i> Historicity and universal evolutionism.....	21
<i>Lyudmila A. Mikeshina</i> The Thought Experiment, Its Role in Historical Studies.....	35
<i>Lorina Repina J.II. Penuua</i> Effects of “incomprehensible acceleration”, or Phenomenon of presentism in the history of historical consciousness	48
<i>Susanna Tsaturova</i> On the benefits of presentism, or How to study the origins of Modern national State in expectation of his disappearance.....	59

Intellectual History Today

<i>Natalya Bikeyeva</i> Medieval Lives of saints: between history and hagiography.....	73
<i>Irina Krasnova, Elena Telmenko</i> Levels of perception of antiquity by Florence citizens (according to family books, diaries, correspondence).....	83
<i>Marina Mitaleva</i> Leonardo da Vinci and Galen’s treatise «On the usefulness of the parts of the body».....	99
<i>Feliks Levin</i> Geoffrey Keating and the perceptions about the history of the ‘state’ – traditional forms and new contexts.....	107
<i>Irina Rudkovskaya</i> Microstructure of the «History of the Decline and Fall of the Roman Empire» by E. Gibbon: development of the British historiographical canon of the late Enlightenment.....	126
<i>Andrey Sychev</i> M. Bakhtin’s Theory of Provocation: from Self-disclosure to Dialogue.....	136

History – Memory – Identity

<i>Evgeniy Rostovtsev, Dmitry Sosnitsky</i> Vladimir the Great as a national hero: creating an image.....	150
<i>Timur Alov, Yulia Bunkova, Osman Zhansitov</i> Spreading unconsciousness or reflections about “places of oblivion”.....	165
<i>Boris Kolesnikov</i> M.R. Stefanik in Russian historiography and historical memory.....	176

History of the Soviet and Post-Soviet Historiography

<i>Ivan Ladynin</i> The Notion of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Research A Regular Stage or an Idiographic Contingency?.....	185
<i>Yervand Margaryan</i> On the history of hellenistic studies in the Soviet Armenia.....	207
<i>Oleg Aurov</i> The Russian Translation of the Fuero of León in the Context of Medieval Studies in the USSR of the 1980s (To the millennium of the Fuero of León).....	229
<i>Ludmila Khut</i> Leonid Mikhailovich Batkin (1932–2016) Reflections on the universality through the prism of the individuality.....	242

World of Sociocultural History

<i>Tatiana Petrukhina</i> The 12 th -century Journeys to the Apostolic Court and back in the context of papal justice.	255
<i>Evgeniya Shelina</i> Certain Ways to Construct the “Hierarchies among the Equals” during the Second Middle Ages.....	271
<i>Aleksei Davidenko</i> The concept of gentleman as a focus of attention of the British in the 19 th century.....	287
<i>Gennadii Kocheshkov, Elena Saraeva</i> Historical and Cultural Sources of the Revolutionary Crisis in February of 1917. The views of the leaders of the Progressive Bloc.....	300

Invitation to Discussion

<i>Denis Artamonov, Sophia Tikhonova</i> Historical pseudo-science as a phenomenon of media-sphere.....	317
<i>Arkady Nekhamkin, Valeriy Nekhamkin</i> Counter-factual modeling of the past in everyday cognition: lessons for a scholar.....	336

Memorable Events and Dates

<i>Olga Porshneva</i> Napoleonic wars and World War I in memory politics and peoples’ historical memory.....	353
<i>Alexander Moiseev, Anna Shurupova, Olga Shurupova</i> The Image of the Revolution of 1917 in historical and cultural memory of contemporary youth.....	360
<i>Semen Ekshtut</i> Munich - 38. On the threshold of a catastrophe.....	367

Reading books

<i>Julia V. Ivanova</i> Eloquence of the Macrocosm and Venus’s Grammar.....	375
<i>Alexandra Yakovleva</i> Historical and political significance of the “social turn” in the philosophy of science: topical discussions.....	383
<i>Olga Metel</i> “The strange charm of the tragedy”. Some reflections on V.V. Tikhonov’s book «The ideological campaigns of “the late Stalinism” and the Soviet historical science (mid 1940s – 1953)».....	390
<i>Temurmalik Kholmatov</i> History, power and ideology in the Stalin era.....	398
<i>Larissa Chernova</i> Ars historica. Collection in honor of Oleg Fedorovich Kudryavtsev.....	404
<i>Ksenia Igaeva</i> Critical Terrorism Studies and Anthropology of Violence.....	412

Event Chronicle

<i>Maya Petrova</i> Bioethical knowledge and the problems of bioethics in the context of socio-cultural dynamics (workshop).....	417
<i>Anna Seregina</i> Round table in memory of Constance Blackwell “Idea of History in intellectual culture of the XVI–XVIII cc.”.....	424
CONTENTS.....	428

СОДЕРЖАНИЕ

Круглый стол «Наука и историчность»

<i>З.А. Чеканцева</i> Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века.....	5
<i>И.Н. Ионов</i> Историчность и универсальный эволюционизм.....	21
<i>Л.А. Микешина</i> Мысленный эксперимент, его роль в исторической науке.....	35
<i>Л.П. Ретина</i> Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания.....	48
<i>С.К. Цатурова</i> О пользе презентизма, или Как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания...	59

Интеллектуальная история сегодня

<i>Н.Ю. Бикеева</i> Средневековые жития святых между историей и историографией.....	73
<i>И.А. Краснова, Е.П. Тельменко</i> Уровни восприятия античности флорентийскими горожанами (по семейным книгам, дневникам, переписке).....	83
<i>М.В. Миталева</i> Леонардо да Винчи и трактат Галена «О назначении частей человеческого тела»....	99
<i>Ф.Е. Левин</i> Джоффри Китинг и представления об истории “государства” – традиционные формы и новые контексты.....	107
<i>И.Е. Рудковская</i> Микроструктура «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона: развитие британского историографического канона Позднего Просвещения.....	126
<i>А.А. Сычев</i> Теория провоцирования М.М. Бахтина: от самораскрытия к диалогу.....	136

История – Память – Идентичность

<i>Е.А. Ростовцев, Д.А. Сосницкий</i> Князь Владимир Великий как национальный герой: создание образа.....	150
<i>Т.Х. Алоев, Ю.В. Бунькова, О.А. Жанситов</i> Растекающееся беспамятство, или размышления о «местах забвения» в Кабарде....	165
<i>Б.В. Колесников</i> М.Р. Штефаник в российской историографии и исторической памяти.....	176

Из истории советской и постсоветской историографии

<i>И.А. Ладынин</i> Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность?...	185
<i>Е.Г. Маргарян</i> Из истории эллинистических исследований в советской Армении.....	207
<i>О.В. Ауров</i> 13 Русский перевод фуэро Леона в контексте истории советской медиевистики 1980-х годов.....	229
<i>Л.Р. Хут</i> Леонид Михайлович Баткин: размышления о всемирности в интерьере индивидуности.....	242

В мире социокультурной истории*Т.Ю. Петрухина*

Путешествия к апостольской курии и обратно в XII в.
в контексте папского правосудия..... 255

Е.А. Шелина

О некоторых способах построения “иерархий равных”
в период “Второго Средневековья”..... 271

А.А. Давиденко

Понятие “джентльмен” в фокусе внимания британцев XIX века..... 287

Г.Н. Кочешков, Е.Л. Сараева

Историко-культурные истоки
февральского революционного кризиса 1917 г.: идеи лидеров Прогрессивного блока... 300

Приглашение к дискуссии*Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова*

Историческая лженаука как феномен современной медиасферы..... 317

А.Н. Нехамкин, В.А. Нехамкин

Контрфактическое моделирование прошлого
в обыденном познании: уроки для ученого..... 336

К памятным событиям и датам*О.С. Поршнева*

Наполеоновские войны и Первая мировая война в политике памяти и
исторической памяти народов: размышления российских и зарубежных историков.. 353

А.Д. Моисеев, А.С. Шурупова, О.С. Шурупова

Образ революции 1917 года в историко-культурной памяти современной молодежи. 360

С.А. Экиштут

«Мюнхен–38. На пороге катастрофы»..... 367

Читая книги*Ю.В. Иванова*

Красноречие Макрокосма и грамматика Венеры..... 375

А.Ф. Яковлева

Историко-политическое значение «социального поворота»
в философии науки: актуальные дискуссии..... 383

О.В. Метель

«Странное обаяние трагедии». Размышления о книге В.В. Тихонова
«Идеологические кампании “позднего сталинизма” и советская историческая наука»..... 390

Т.К. Холматов

История, власть и идеология в сталинскую эпоху..... 398

Л.Н. Чернова

Ars historica. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева..... 404

К.В. Игаева

Критические исследования терроризма и антропология насилия..... 412

Научная жизнь*М.С. Петрова*

Биоэтическое знание и проблемы биоэтики
в контексте социокультурной динамики общества (круглый стол)..... 417

Круглый стол памяти Констанс Блэквелл

«Идея истории в интеллектуальной культуре XVI – XVIII вв.»..... 424

CONTENTS..... 428